

ДЕСЯТЫЕ
КРУШАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

К СТОЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА А.И. КРУШАНОВА

Академик АН СССР
Андрей Иванович Крушанов
(1921—1991)

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии
и этнографии народов Даль-
него Востока Дальневосточ-
ного отделения РАН

Institute of History, Archaeology
and Ethnology of the Peoples
of the Far East, the Far Eastern
Branch of Russian Academy
of Sciences

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Десятые Крушановские чтения, 2021 г.

RESULTS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL SCIENCE IN THE RUSSIAN FAR EAST

the Tenth Krushanov's readings, 2021

Владивосток
Дальнаука
2021

Vladivostok
Dalnauka
2021

УДК: 947(571,6+5)

Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, 2021 г.). — Владивосток: Дальнаука, 2021. — 516 с.
ISBN 978-5-8044-1706-3

Настоящая книга включает труды участников Международной научной конференции (X Крушановские чтения), состоявшейся во Владивостоке в июне 2021 г. Проблематика конференции включала ряд широких тематических направлений: история Дальнего Востока России до 1922 г., история Дальнего Востока СССР, история Дальнего Востока России на рубеже XX—XXI вв., археология, этнология и исследования культуры, востоковедение и международные отношения. Наряду с актуализацией новых проблем и спорных вопросов авторские работы вводят в научный оборот обширный фактический материал по истории Дальневосточного региона и соседних азиатских стран, что позволяет многим специалистам найти для себя интересную и нужную информацию.

Ключевые слова: Дальневосточный регион, Дальний Восток, страны Восточной Азии, история, политика, экономика, культура, международные отношения, археология и этническая история.

Results and Prospects for the Development of Historical Science in the Russian Far East (the Tenth Krushanov's readings 2021). — Vladivostok: Dalnauka, 2021. — 516 p.
ISBN 978-5-8044-1706-3

This book contains the research works by scholars who took part in the International Scientific Conference (the 10th Krushanov's readings) that was held in Vladivostok in June 2021. The wide range of studies that were being represented in the conference was divided into a number of main topics and included: history of the Russian Far East before year 1922, history of the Far East of the USSR, history of the Russian Far East at the turn of the 20th and 21st centuries, archaeology, ethnology and cultural studies, oriental studies and international relations. Along with the introduction of new problems and reconceptualization of disputable issues the works of the scholars involve extensive field work facts and evidence of the history of Far Eastern Russia and neighboring Asian countries providing many experts with interesting and relevant information.

Keywords: Far Eastern Russia, the Far East, East Asian countries, history, politics, economics, culture, international relations, archaeology and ethnic history.

Редакционная коллегия:

А.С. Вашук, Г.Г. Ермак, Н.А. Ключев, Н.Н. Крадин (отв. ред.), Т.В. Краюшкина,
А.И. Лабюк, В.Л. Ларин, А.В. Маклюков, С.К. Песцов, А.Е. Савченко.

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Д.В. Лихарев,
д-р ист. наук, доцент О.П. Федирко.

Утверждено к печати учёным советом Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ISBN 978-5-8044-1706-3

© ИИАЭ ДВО РАН, 2021
© Дальнаука, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Галлямова Л.И. Академик А.И. Крушанов и его роль в организации гуманитарных исследований на Дальнем Востоке	11
Сергеев О.И. Вопросы истории казачества в трудах А.И. Крушанова	18

І. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ДО 1922 г.

Бабкин В.А. Предпосылки и последствия принятия Указа Правительствующему Сенату от 4 сентября 1821 г.	26
Белоглазова С.Б. Русская православная церковь в контексте реформы начальной школы 1864 г.: региональный аспект	31
Савченко С.Н., Сиваков Т.В. Атаманские навики Уссурийского казачьего войска	37
Крадин Н.Н. Новые сведения о биографии И.П. Надарова	45
Авилов Р.С. Воспоминания военного инженера Петра Павловича Унтербергера: опыт анализа и подготовки к публикации	54
Заколотная А.С. Присяжный поверенный Николай Васильевич Константинов	61
Гридяева М.В. Народные дома на Сахалине	68
Устюгова О.А. Снабжение Дальнего Востока России солью в годы Первой мировой войны	76
Тощенко В.А. Деятельность Приморского общества сельского хозяйства в годы Первой мировой и Гражданской войн	82
Гергилева А.И. Сделка ради дороги домой: чехословацкий корпус и проблемы возвращения на родину	89
Белгородская Л.В., Воног Е.А. Визуализация событий Гражданской войны на Дальнем Востоке американцами: источниковедческий анализ кинохроники 1918—1920 гг.	98
Дударь Л.А. Государственное регулирование дальневосточной торговли в 1920-е гг.	106
Землянский В.Л. Дискуссии относительно участия в выборах в Приамурское Народное собрание в Приморье летом 1921 г.	113
Позняк Т.З. Реалии Дальневосточной республики в отчётах органов областных управлений и Госполитохраны	119
Рынков В.М. Источники доходов региональной власти Приморья в феврале 1920—октябре 1922 г.: опыт реконструкции	130
Врадий С.Ю. Каменная стела бухты Тавайза	136

II. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР

Власов С.А. Государственная жилищная политика на советском Дальнем Востоке (1920—1930-е гг.)	143
Гудков И.А. Развитие инфраструктуры Владивостокского морского торгового порта в годы Великой Отечественной войны	150
Кондратенко Б.Б. Вооружённые столкновения на дальневосточной границе СССР в 1941—1945 гг.	156
Маклюков А.В. Профессор В.П. Вологдин и его проекты по электрификации Владивостока	161
Павленко О.К. Стахановское движение на предприятиях угольной промышленности Приморья	167
Тужилин С.В. Угрозы государственной безопасности на Дальнем Востоке СССР к началу Второй мировой войны	173
Ткачёва Г.А. Историко-идеологический концепт в коммуникативном пространстве Дальнего Востока СССР 1941—1945 гг.	182

III. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

Ващук А.С. Российская земельно-аграрная реформа в 1990-е гг. и её начальный этап реализации на Дальнем Востоке	191
Донсков К.С. Информационное освещение нарушения границ России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в американской военной прессе	200
Дударёнок С.М. «Новое» в жизни и деятельности религиозных организаций в коронавирусную эпоху	209
Чернолуцкая Е.Н. Особая экономическая зона «Курилы»: замыслы и решения (1990-е гг.)	218

IV. АРХЕОЛОГИЯ

Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Археология микроостатков: проблемы и перспективы (на примере исследования керамики ранних земледельцев из поселения Клерк-5)	226
Буралев И.Ю. Комплекс мероприятий по сохранению железных археологических предметов, найденных на территории российского Приморья	235
Слободин С.Б. Микропластинчатый комплекс стоянки Уи и проблема перехода к неолиту на Колыме	242
Зеленская А.Ю., Слободин С.Б. Новые данные по археологии верхней Колымы	249
Соколовский В.А., Табарев А.В. Эпоха Дзёмон (Японский архипелаг) и дискуссия о ранненеолитических цивилизациях	258
Белова И.В., Клюев Н.А. Керамический комплекс позднего неолита поселения Водопадное-7 в Приморье	266
Дьякова О.В., Саяпина И.В., Сидоренко Е.В., Шавкунов В.Э. Укреплённое поселение янковской культуры Молёное-1	274

Ивлиев А.Л. Монеты империи Цзинь (1115—1234 гг.) по материалам археологических памятников юга Дальнего Востока России	280
Кушнарев Н.Е. Хронология и экологические аспекты развития гончарства покровской культуры	288
Боруруева А.А. Орнамент керамики николаевской (смольнинской) культуры	294
Артёмкин Р.А. Роль рыболовства в эволюции человека	301

V. ЭТНОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Андриец Г.А. Влияние китайских, японских и корейских переселенцев на повседневную культуру Владивостока (конец XIX — начало XX в.)	308
Аргудяева Ю.В. Миграция, эмиграция и реэмиграция русских старообрядцев в Приморье	317
Гарин А.А. Коренные народы Океании в работах российских и европейских художников XVIII—XIX вв.	326
Дроботушенко Е.В. «Вестник Национального комитета русского эмигрантского объединения в Шанхае» как источник по истории российской эмиграции в Китае в середине четвёртого десятилетия XX в.	334
Землянская К.А. Традиционная жизнь коренных народов Дальнего Востока в 1930-е гг. в художественной этнографии В. Марта и П.Н. Васильева	341
Краюшкина Т.В. Земля в русских народных песнях периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока: традиционные представления и новые ценности	350
Подмаскин В.В. Региональные модели природопользования коренных народов Сахалина: экологическая и этнокультурная специфика	359
Поповкин В.А., Буланенко М.Е. О перспективах исследования поведенческих стратегий городского населения Приморского края в аспекте их влияния на уровень социального благополучия в регионе	363
Рудникова Е.В. Визит русской путешественницы А.А. Корсини в Новую Зеландию (1907)	370
Самар А.П. Деревообрабатывающие инструменты уйльта Сахалина для изготовления долблённых лодок	377
Сенюткина О.Н., Христофоров В.С. Документы ГПУ-ОГПУ о внешнем воздействии иностранных государств на внутренние дела Дальневосточного региона в 1920-е гг.	382
Старцев А.Ф. Экология и охотопромысловая деятельность народов Приамурья и Приморья	389
Стрельцова И.В. Региональные и локальные особенности традиционного костюма белорусов в Приморье	398
Фадеева Е.В. Статус женщины в семье и обществе коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: традиции и современность	405
Фетисова Л.Е. История российского Дальнего Востока как объект фольклорного освещения (народная несказочная проза)	414

VI. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ларин В.Л. Тихоокеанская политика России: между двумя кризисами	422
Прокочук Д.Д. Протестные движения в мире в последнем десятилетии XXI в.	432
Горячева Е.А. Прежние и новые угрозы национальной безопасности Японии в начале XXI в.	438
Ларина Л.Л. Японские сюжеты в социологических исследованиях Института истории последних лет	448
Андреев С.Д. Концепция «Смотреть на Восток» и её эволюция как инструмент интеграции Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе	454
Фёдоров Н.В. Расширение индийско-вьетнамского взаимодействия и интересы России во Вьетнаме	459
Корнеев К.А. Перспективы атомной энергетики в регионе Восточной Азии: политико-экономическое измерение	464
Горячев Н.Н. Маоизм в Латинской Америке: от коммуны до войны	472
Кулепанов Р.В. Модернизация вооружённых сил СССР и Японии в 1920—1930-х гг.	479
Романова Г.Н. Реформа внешней торговли Китая (80-е гг. — начало XXI в.)	486
Ставров И.В. Позиция КПК по национальному вопросу (1920-е — 1940-е гг.)	494
Гайкин В.А. Корейские националисты в Маньчжурии (20-е гг. XX в.)	499
Шарганов С.В. Определение и типологизация моногородов в историографии КНР	506

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 июня 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося историка и организатора науки академика АН СССР Андрея Ивановича Крушанова и ровно через месяц — полвека созданному им Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Оба эти события сыграли огромную роль в развитии исторической науки на Дальнем Востоке. Во многом благодаря кипучей энергии А.И. Крушанова институт стал крупным центром гуманитарной науки в регионе. Если на момент создания в нём работали только один доктор и он же член-корреспондент АН СССР (А.И. Крушанов) и чуть более 20 кандидатов наук, то в настоящее время в институте трудятся 20 докторов (из них один академик и один член-корреспондент РАН) и более 50 кандидатов наук.

Институт является крупнейшим академическим подразделением в области гуманитарных наук в Дальневосточном федеральном округе, в нём проводятся научные исследования по широкому спектру направлений — от археологии и антропологии до изучения соседних стран и международных отношений. Ввиду своего географического положения он выполняет важную роль в научной дипломатии и внешней политике, способствуя развитию научных, культурных и гуманитарных связей в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В числе важнейших результатов полувековой деятельности института — 7-томная фундаментальная «История Дальнего Востока», многотомная серия трудов «История и культура коренных народов Дальнего Востока», 5-томная «История Северо-Восточного Китая», другие коллективные и индивидуальные монографии. Многие из этих и других книг переведены в соседних странах — Китае, Южной Корее, Японии. В фондах Музея археологии и этнографии института хранятся уникальные коллекции, которые выставлялись в крупнейших музеях Восточной Азии (Япония, Южная Корея).

В разные годы в институте работали такие крупные учёные, как Ж.В. Андреева, А.Р. Артемьев, Е.В. Верисоцкая, Е.А. Гаер, А.П. Деревянко, Н.В. Кочешков, В.Д. Ленъков, А.Т. Мандрик, Б.И. Мухачёв, Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Ф.В. Соловьёв, И.Г. Стрюченко, В.А. Тураев, Э.В. Шавкунов, В.Г. Щебенков и др.

В институте чтут имя А.И. Крушанова. В честь него учреждена премия Дальневосточного отделения РАН в области гуманитарных наук. На фасаде здания института расположена памятная доска; имеется мемориальный кабинет А.И. Крушанова. В память о нём с 1998 г.

проводятся Крушановские чтения, в которых принимают участие историки со всего Дальнего Востока, а также коллеги из других регионов, занимающиеся дальневосточной проблематикой. Нынешние чтения юбилейные, проводятся в десятый раз. В оргкомитет поступило более 90 заявок от учёных из разных уголков страны, от Архангельска до Южно-Сахалинска. Тематика представленных докладов включает самый широкий круг вопросов — от археологии и дореволюционной истории Дальнего Востока, а также Гражданской войны (тема, непосредственно связанная с исследовательской деятельностью А.И. Крушанова), до современной истории региона, истории соседних стран, международных отношений, археологии, этнологии, истории культуры. Надеемся, что данная конференция будет способствовать активизации совместных исследований учёных Дальнего Востока и других регионов, откроет новые горизонты в изучении актуальных вопросов гуманитарных наук.

Н.Н. Крадин,
член-корреспондент РАН,
директор ИИАЭ ДВО РАН

Л.И. ГАЛЛЯМОВА*

**АКАДЕМИК А.И. КРУШАНОВ И ЕГО РОЛЬ
В ОРГАНИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Андрею Ивановичу Крушанову, выдающемуся учёному-историку, академику, создателю Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР/ДВО РАН и первому его директору, 1 июня 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения. На протяжении свыше 20 лет он целенаправленно занимался организацией гуманитарных исследований на Дальнем Востоке России. Под руководством А.И. Крушанова коллектив института начал широкомасштабное комплексное изучение истории российского Дальнего Востока и происходивших в регионе этнографических, социокультурных и политических процессов, а также международных отношений, исторического прошлого зарубежных государств АТР и их взаимоотношений с Россией. В статье рассматриваются основные направления научно-организационной, исследовательской и педагогической деятельности академика, оценивается значение его вклада в развитие гуманитарных исследований на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, академик А.И. Крушанов, наука, образование, гуманитарная сфера, организация исследований, научная деятельность, подготовка кадров.

L.I. GALLYAMOVA

**ACADEMICIAN A.I. KRUSHANOV AND HIS ROLE
IN THE ORGANIZATION OF HUMANITARIAN RESEARCH
IN THE FAR EAST**

June 1, 2021 will mark the 100th anniversary of birth of Andrei Ivanovich Krushanov, an outstanding scientist-historian, academician, founder of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the FESC of the USSR/FEB RAS and the its first Director. For more than twenty years, he has been purposefully engaged in the organization of humanitarian research

---

* ГАЛЛЯМОВА Людмила Ивановна — д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ludagal@mail.ru.

in the Russian Far East. Under his leadership, the Institute's staff began a large-scale comprehensive study of the history of the Russian Far East and the ethnographic, socio-cultural and political processes that took place in the region, international relations, the historical past of foreign states of the Asia-Pacific region and their relations with Russia. The article examines the main directions of the academician's organizational, research and pedagogical activities, and assesses the significance of his contribution to the development of humanitarian research in the Far East.

Keywords: Russia, Far East, academician A.I. Krushanov, science, education, humanitarian sphere, organization of research, scientific activity, personnel training.

Биография А.И. Крушанова, особенно начальные её 20—30 лет, содержит много типичных для советской эпохи черт. Он родился в крестьянской семье в с. Четь Мариинского уезда Томской губернии (ныне Красноярский край, недалеко от г. Боготола). В 1932 г. 11-летний Андрей вместе со своей семьёй переехал в Приморье, в с. Валентин Лазовского района. Стал учиться в местной школе, летом подрабатывал помощником моториста на небольшом рыбацком судне. Он быстро проявил себя как один из лучших учеников. Директор школы А.Е. Смирнов, преподававший историю, пробудил у него большой интерес к своему предмету, а учитель Н.Г. Маркелов привил любовь к математике, спорту и музыке. В 1939 г. А.И. Крушанов сдал экзамены сразу за 7-й и 8-й классы и получил два свидетельства об окончании школы. Учителей не хватало, поэтому районный отдел народного образования назначил его учителем младших классов в Валентиновскую сельскую школу. Преподавать пришлось не только в младших, но и в 5—7-х классах, где он вёл уроки алгебры и геометрии. Тогда же юноша поступил на 1-й курс заочного отделения Владивостокского педагогического училища, но уже через год экстерном сдал все экзамены за полный курс обучения.

В октябре 1940 г. А.И. Крушанов ушёл добровольцем в Красную армию. Он получил направление в радиотехническую часть и за короткий срок стал первоклассным радистом, был поставлен заведовать батальонной, а позднее — корпусной радиостанцией. Все военные годы Андрей Иванович прослужил в войсках связи на Дальнем Востоке, участвовал в разгроме Квантунской армии в Маньчжурии, а по окончании войны был награждён медалью «За победу над Японией» (1945 г.) [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Д. 635 (Личное дело А.И. Крушанова). Л. 4 об.].

После демобилизации в 1945 г. А.И. Крушанов был направлен работать в Михайловскую среднюю школу (под Уссурийском) учителем

истории. Тяга к знаниям оставалась ведущей чертой его характера и после увольнения из армии. Трудясь учителем, а затем — заведующим учебной частью и далее — директором этой школы, он заочно с отличием окончил исторический факультет Владивостокского государственного учительского института. 13 апреля 1953 г. Андрея Ивановича назначили заместителем директора по заочному обучению Уссурийского учительского института (преобразованного вскоре в педагогический). Его нагрузки возрастают, но, решив стать профессиональным историком, А.И. Крушанов поступает в заочную аспирантуру при Иркутском государственном университете. Там в 1954 г. после успешной защиты диссертации по теме «Партизанское движение в Южном Приморье (март 1918 — март 1920)» ему была присуждена учёная степень кандидата исторических наук. В следующем году Андрея Ивановича назначили заведующим Приморским крайоно, где он проработал три года [1, с. 3—4; 2, с. 5—6].

В конце 1950-х гг. начался качественно новый период в жизни и деятельности А.И. Крушанова как учёного и организатора гуманитарных исследований на Дальнем Востоке. К этому времени под влиянием таких событий, как празднование 50-летия Первой русской революции и XX съезд КПСС, разоблачивший культ Сталина, был дан мощный импульс развитию общественных наук в стране. На Дальнем Востоке в 1954 г. в составе Дальневосточного филиала СО АН СССР создан небольшой Отдел истории, археологии и этнографии, а в 1956 г. во Владивостоке впервые состоялась выездная сессия Отделения истории АН СССР, открывшая серию всесоюзных и дальневосточных научных конференций. На сессии академик М.Н. Тихомиров обратил внимание на необходимость глубокого научного исследования Дальнего Востока СССР в историческом, археологическом, этнографическом, востоковедческом планах [1, с. 4].

Эти события во многом повлияли на судьбу Андрея Ивановича: в 1958 г. он был избран на должность заведующего Отделом истории, археологии и этнографии, в состав которого входило всего 15 сотрудников [1, с. 4]. Перед ним как руководителем стояли очень сложные задачи: расширить деятельность отдела, организовать подбор и подготовку научных кадров, определить главные направления исследований и т.д. Под его руководством к 1965 г. отдел вырос как количественно, так и в научном плане: была завершена разработка целого ряда тем, и на этой основе защитили свои кандидатские диссертации Ю.А. Сем, Э.В. Шавкунов, Ж.В. Андреева, В.Г. Щебеньков, Л.И. Сем и др. Одновременно А.И. Крушанов, которого в 1961 г. избрали на должность заместителя председателя Президиума Дальневосточного

филиала (ДВФ) СО АН СССР по науке, должен был вести большую научно-организационную работу по координации деятельности академических учреждений и историко-филологических факультетов, кафедр истории КПСС и истории СССР вузов Дальнего Востока. Андрей Иванович устанавливает тесные связи с вузами, архивами, музеями, курирует и их научную работу.

Более того, в эти годы и сам А.И. Крушанов вёл интенсивные исследования по теме докторской диссертации, которую блестяще защитил в 1964 г. в Ленинградском государственном университете; в 1966 г. ему присвоено учёное звание профессора, а в 1970 г. он избран членом-корреспондентом АН СССР. А.И. Крушанов, опубликовавший десятки научных статей и ряд монографий, не прекращал и педагогическую деятельность, подготовив к защите целый ряд кандидатов наук, а также читая лекции в Дальневосточном государственном университете.

С конца 1960-х гг. Андрей Иванович целиком посвящает себя развёртыванию масштабных гуманитарных исследований на Дальнем Востоке, что требовало колоссальных усилий и энергии. Как первый заместитель председателя Президиума ДВФ СО АН СССР по науке, А.И. Крушанов стремился мыслить стратегически при оценке перспектив дальнейшего развития руководимого им отдела, он пришёл к идее создания комплексного института общественных наук в составе ДВФ, которую стал упорно и настойчиво воплощать в жизнь. Когда в июне 1967 г. во Владивостоке состоялась выездная сессия Отделения истории АН СССР, участвовавшие в ней известные учёные Е.М. Жуков, И.И. Минц, Ю.А. Поляков, А.П. Окладников, М.П. Ким, В.А. Аврорин и др. поддержали предложение А.И. Крушанова. В результате на сессии была принята специальная резолюция о необходимости создания института истории, археологии и этнографии во Владивостоке.

Процесс воплощения в жизнь этого проекта занял не один год. Наконец, 1 июля 1971 г. он стал реальностью: во Владивостоке открылся Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Закономерно, что первым его директором стал академик Андрей Иванович Крушанов — талантливый исследователь и организатор, собравший и сплотивший перспективный научный коллектив. Именно усилиями своего первого директора институт достаточно быстро становится авторитетным, признанным во всей стране и особенно на Дальнем Востоке центром общественных наук. Как учёный А.И. Крушанов отличался широким творческим диапазоном, что нашло своё проявление и в его организаторской деятельности. Под руководством Андрея Ивановича коллектив института развернул масштабную, многоплановую работу по комплексному изучению истории российского

Дальнего Востока от древнейшего прошлого до современности, было начато всестороннее исследование происходивших в регионе этнографических, культурно-исторических и политических процессов, а также истории соседних государств Азиатско-Тихоокеанского региона и их взаимоотношений с Россией.

Создание Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в системе Академии наук СССР, рост кадрового потенциала профессиональных историков в вузах региона сделали возможной реализацию крупных проектов по написанию коллективных фундаментальных трудов монографического характера, важнейшими из которых являлись «История Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытнообщинных отношений до наших дней)», серия «Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.: историко-этнографические очерки», «История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв.». Они создавались под руководством А.И. Крушанова и, став на долгие годы главной задачей коллектива института, объединяли усилия историков региона и известных специалистов из Москвы и Ленинграда.

На плечи Андрея Ивановича легла огромная ответственность. Приходилось преодолевать недоверие и скептицизм руководящих органов, помогать молодым и малоопытным исследователям, способствовать выявлению новых материалов в десятках местных и центральных архивов и, преодолевая партийную и государственную цензуру, использовать не известные до того факты и документы при написании научных трудов, организовывать рецензирование и публикацию рукописей. Сложности научной деятельности усугублялись политической ситуацией, не допускавшей инакомыслия, слабостью материального обеспечения науки, отсутствием издательской базы в ДВНЦ. И только целеустремлённость, настойчивость и сильный характер А.И. Крушанова позволяли сохранять творческий настрой коллектива, продвигать вперёд научное изучение гуманитарного пространства Дальнего Востока и смежных территорий, способствовали выходу в свет новых работ по региональной истории, этнографии, археологии, экономике, филологии и т.д.

Исключительно важная организаторская и руководящая роль Андрея Ивановича обуславливалась и тем, что, являясь в течение трёх десятилетий первым заместителем председателя Президиума ДВНЦ СССР/ДВО РАН, он курировал развитие гуманитарных исследований во всём Дальневосточном регионе, был специалистом международного уровня, авторитетным учёным, основателем целого ряда направлений дальневосточной историографии. Его отличали весьма разнообразные исследовательские интересы. Лично и в соавторстве с коллегами им опубликовано более 20 монографий и свыше 300 других научных работ

[подобнее см.: 3, с. 14—22; 4, с. 4—8; 5, с. 7—10; 6, с. 163—165]. Как крупнейший специалист в области отечественной истории в 1987 г. А.И. Крушанов был избран в действительные члены Академии наук СССР.

Разносторонность научных интересов позволяла академику великолепно ориентироваться в самых разнообразных проблемах истории — как отечественной, так и всемирной. Активная и плодотворная работа исследователя была тесно связана с подготовкой кадров высокой квалификации. В течение 15 лет А.И. Крушанов являлся председателем специализированного совета по историческим наукам при Президиуме ДВО АН СССР. Непосредственно под его руководством подготовлено и защищено 18 докторских и около 100 кандидатских диссертаций [1, с. 7]. Нельзя не отметить и огромную редакторскую работу Андрея Ивановича, под его редакцией вышли в свет десятки монографий, коллективных трудов, научных сборников и научно-популярных изданий. Он принимал активное участие в создании многотомной «Истории рабочего класса СССР», являлся членом редколлегий всесоюзных журналов «Проблемы Дальнего Востока», «Вопросы истории», был первым редактором научного журнала «Вестник ДВО РАН» [1, с. 8].

Жизненный и творческий опыт Андрея Ивановича позволял ему сочетать научную, педагогическую и научно-организационную работу, уделяя особое внимание координации научных исследований по общественным наукам. А.И. Крушанов придавал особенное значение проведению конференций, предоставлявших учёным возможность для обмена мнениями, открытиями, свежей информацией, позволявших обсудить актуальные проблемы, дискуссионные вопросы и теоретические концепции. Он был организатором всесоюзных научных конференций на Дальнем Востоке, региональных симпозиумов, сессий исторических чтений по проблемам истории, археологии, этнографии, международных отношений, отечественной и зарубежной историографии. Такие форумы проходили во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Южно-Сахалинске, Магадане, Петропавловске-Камчатском, Анадыре, Комсомольске-на-Амуре. С 1955 по 1990 г. на Дальнем Востоке было проведено 18 всесоюзных научных конференций историков, археологов, этнографов, филологов, востоковедов, 8 сессий Дальневосточных исторических чтений, 3 сессии востоковедов и международников, 19 научных конференций по итогам научной деятельности в институте [1, с. 9].

Много раз Андрею Ивановичу приходилось участвовать в крупных международных мероприятиях: VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Японии, XIII Тихоокеанском конгрессе в Австралии, XIII Международном историческом

конгрессе в Москве. Он выезжал в научные командировки в Японию, Болгарию, Вьетнам, Сингапур, КНДР, МНР, Китай, Индонезию, читал лекции в Токийском императорском и Осацком национальном университетах, был советником от Академии наук СССР в экспедиции Чехословацкой академии наук, которая проводила свою работу в Приморье (экспедицию возглавляли всемирно известные тогда путешественники Ганзелка и Зикмунд).

Как крупный специалист в области исторических наук, А.И. Крушанов являлся членом ряда научных советов Академии наук СССР, бюро Национального комитета историков СССР. Был активным пропагандистом, прекрасным оратором, много выступал с лекциями перед населением, тесно сотрудничал с всесоюзным обществом «Знание», долгое время являлся заместителем председателя его правления в Приморье. За эту деятельность Андрей Иванович удостоен высшей награды общества «Знание» — медали им. акад. С.И. Вавилова, его имя занесено в Книгу почёта общества; ЦК ВЛКСМ наградил учёного почётной грамотой за воспитательную работу среди молодёжи [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Д. 635 (Личное дело А.И. Крушанова). Л. 46—47].

Многогранная научная и общественная деятельность академика А.И. Крушанова получила высокую оценку. Он награждён орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденами «Знак Почёта», Дружбы народов, Отечественной войны II степени, 13 медалями, в том числе медалью «50 лет МНР». Сведения об учёном внесены в целый ряд исторических энциклопедий и справочников; в 1993 г. на здании Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН установлена мемориальная доска в его честь, институт регулярно проводит посвящённые академику научные конференции — «Крушановские чтения», — способствуя сохранению светлой и благодарной памяти о яркой, талантливой, многогранной личности учёного и патриота.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Балицкий В.Г., Деревянко А.П., Ермакова Э.В., Мандрик А.Т., Патрушева М.А. Академик Андрей Иванович Крушанов // Андрей Иванович Крушанов. Библиографический указатель трудов. Владивосток, 1991. С. 3—10.
2. Балицкий В.Г., Соловьёв В.Ф., Мандрик А.Т., Шавкунов Э.В. Учёный, исследователь политических и социально-экономических проблем истории Дальнего Востока // Андрей Иванович Крушанов. Библиографический указатель трудов (к 60-летию со дня рождения). Владивосток, 1981. С. 5—12.

3. Галлямова Л.И. Академик А.И. Крушанов и его вклад в исследование истории российского Дальнего Востока // Дальний Восток: наука, экономика, образование, культура в XXI веке. Опыт, прогноз: материалы III междунар. науч.-практ. конф. (IV Крушановские чтения, 2005 г.). Т. 1. Дальний Восток: наука, образование. XXI век. Комсомольск-на-Амуре: КНАГУ, 2005. С. 14—22.
4. Ермакова Э.В. Историографические аспекты в трудах А.И. Крушанова // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (I Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 4—8.
5. Мандрик А.Т. Академик Андрей Иванович Крушанов (к 80-летию со дня рождения) // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во второй половине XIX — начале XX века (II Крушановские чтения, 2001 г.). Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 7—10.
6. Мандрик А.Т., Галлямова Л.И. Роль академика Андрея Ивановича Крушанова в развитии исторических исследований на Дальнем Востоке России // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 162—165.
7. Арх. ИИАЭ ДВО РАН (Арх. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).

УДК 947.084.8(571.6)(09)

О.И. СЕРГЕЕВ*

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА В ТРУДАХ А.И. КРУШАНОВА

В статье рассматривается отражение истории казачества в работах академика А.И. Крушанова. Выделяется ряд хронологических периодов: первый — открытие и начало освоения дальневосточных земель русскими людьми, включая казаков; второй — место казачества в дореволюционной социально-экономической и политической ситуации в регионе; третий — роль казачества в революциях и Гражданской войне на Дальнем Востоке. На первом этапе продолжалось движение русских людей на восток, обеспечившее включение в состав России новых территорий; на втором этапе продолжалось развитие казачьего сословия в регионе, поскольку требовалось значительно увеличивать численность казачьих подразделений и создавать новые. На третьем этапе в приоритете находились вопросы конкретного участия дальневосточных казаков

---

* СЕРГЕЕВ Олег Игорьевич — канд. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: history37@mail.ru.

в революционных событиях 1917 г., а также в Гражданской войне на востоке России. В целом А.И. Крушанов высоко оценивает роль казачества в исторических процессах региона, хотя неоднократно отмечает и негативные моменты деятельности этого сословия, особенно на последнем этапе — в ходе политических потрясений в обществе.

Ключевые слова: А.И. Крушанов, русский Дальний Восток, открытие, освоение, оборона, казачество.

O.I. SERGEEV

ISSUES IN THE HISTORY OF THE COSSACKS IN THE WORKS OF A.I. KRUSHANOV

The article reveals the reflection of the history of the Cossacks in the works of academician A.I. Krushanov. A number of chronological periods are distinguished: the first is the discovery and beginning of the development of the Far Eastern lands by Russian people, including the Cossacks; the second is the place of the Cossacks in the pre-revolutionary socio-economic and political situation in the region; the third is the role of the Cossacks in revolutions and the Civil War in the Far East. At the first stage, the movement of Russian people to the east continued, which ensured the inclusion of new territories in Russia; at the second stage, the development of the Cossack estate in the region continued, since it was necessary to significantly increase the number of Cossack units and create new ones. At the third stage, the priority is given to the specific participation of the Far Eastern Cossacks in the revolutionary events of 1917, as well as in the Civil War in the east of Russia. In general, A.I. Krushanov highly appreciates the role of the Cossacks in the historical processes in the region, although he repeatedly notes negative aspects in the activities of this class, especially at the last stage, the entrance of political upheavals in society.

Keywords: A.I. Krushanov, Russian Far East, discovery, development, defense, Cossacks.

Вопросы истории казачества специально не рассматривались А.И. Крушановым, но в его многочисленных трудах эта сословная группа населения России упоминается достаточно часто. В частности, это касается проблем открытия, хозяйственного освоения и обороны русскими людьми сибирских и дальневосточных земель в XVI — начале XX в. [3; 4; 5; 6; 7; 8; 11], где роли казачества уделено значительное внимание. История казачества раскрывается А.И. Крушановым

на фоне общих закономерностей и особенностей исторического развития Дальнего Востока России [2, с. 15; 13, с. 11].

Подчинение Западной Сибири Российскому государству было предрешено всем предшествующим развитием этой зоны Азии. Казачий отряд Ермака Тимофеева в октябре 1582 г. с боем захватил столицу Сибирского ханства — г. Кашлык. В декабре 1582 г. Ермак отправил в Москву казаков во главе с атаманом Иваном Кольцо, который через несколько месяцев доставил туда огромный ясак и получил царское благословение на продолжение военных и хозяйственных акций в Сибири. Были сформированы новые отряды для борьбы с кучумовскими войсками. Русские начали строить укрепленные города на основных речных путях. Так, в 1587 г. в 30—40 км ниже столицы Кучума был заложен русский г. Тобольск. Он являлся главным административным центром русского и местного населения Сибири в течение двух столетий. В 1594 г. был основан Сургут, в 1604 г. — Томск. Всё это обеспечило условия для глубокого и массового проникновения русских в Сибирь. В 1618 г. томские, верхотурские и тюменские казаки по приказу царя Михаила Романова основали Кузнецкий острог [1, с. 363—365].

До появления в Сибири русских крестьян и казаков ряд местных народов (татары, буряты, алтайцы и др.) использовал определённую технику земледелия, но в целом оно было примитивным, подсобным, мотыжным. Русские хлебопашцы привезли туда земледельческие орудия (сохи, бороны), ввели трёхпольную систему земледелия, стали выращивать новые виды злаков и овощей. Таким образом, в XVI—XVII вв. русские крестьяне, казаки и посадские люди освоили новые районы Сибири для земледелия, проложили неведомые ранее речные и сухопутные пути из европейской части страны на Урал и в Сибирь, создали города, военные остроги, деревни. Появилась возможность дальнейшего движения к Великому океану [1, с. 367].

В 1632 г. был заложен Ленский (Якутский) острог, ставший отправной точкой для освоения Северо-Восточной Азии. В 1648 г. русские землепроходцы основали Нижнеудинский острог, войдя на территорию Забайкалья. А в 1661 г. енисейский воевода Яков Похабов основал Иркутский острог, который впоследствии стал главным административным центром всей Восточной Сибири. До 30-х гг. XVII в. русские фактически ничего не знали о народах Приамурья и Приморья. Полученные сообщения о великой р. Шилькар (Амуре) требовали проверки походами. Освоение землепроходцами восточных земель в XVII в. явилось важнейшим международным фактором, который в конце концов привёл к формированию государственных границ России и соседних

государств Дальнего Востока — Цинской империи, Корейского королевства, Японской феодальной империи [1, с. 367—368; 2, с. 16].

Русские открыли побережье Северного Ледовитого океана, Чукотку и Камчатку, Курильские острова и Сахалин, вышли к Охотскому побережью и Амуру. За короткое время в 50-е гг. XIX в. в бассейнах Амура, Зеи, Буреи, Уссури были построены русские казачьи станицы, крестьянские деревни, возводились новые города. Базой для колонизации Приамурья и Приморья явилась Забайкальская область, в которой насчитывалось значительное население — около 350 тыс. чел. (из них — до 23 тыс. казаков). Население этой области было смешанным по национальному составу. Забайкальские казаки составляли самую раннюю и устойчивую группу жителей [12, с. 8].

Совершенствовалось административное устройство региона. В частности, Приморская область включала 5 уездов и на правах автономной военно-административной единицы — Уссурийское казачье войско. Амурская область, кроме одного уезда и четырёх горных округов, включала территорию Амурского казачьего войска. Забайкальское казачье войско располагалось на территории Забайкальской области, которая включала 8 уездов [9, с. 24—25].

Анализируя особенности аграрного строя в восточных губерниях Российской империи, вопросы истории крестьянства и казачества, А.И. Крушанов подчёркивал, что в сельском хозяйстве русского Дальнего Востока успешно развивался капитализм, при этом в дальневосточной деревне существовали пережитки феодально-крепостнических отношений [12, с. 32]. Влияние государства на аграрные отношения на Дальнем Востоке проявлялось в разнообразных формах, например, в стремлении правительства сохранить рабочую силу в помещичьих хозяйствах губерний выхода переселенцев; в различных по величине крестьянских наделов; в сохранении казачества как привилегированного сословия и обеспечения его крупными земельными и лесными угодьями; в соединении военной и гражданской власти; в осуществлении военно-полицейского и казачьего сословного управления в областях и казачьих округах Дальнего Востока и Забайкалья [12, с. 33].

А.И. Крушанов анализирует состояние землевладения и землепользования в регионе. Основными видами земельных наделов являлись государственные, кабинетские, церковно-монастырские, общинные крестьянские, казачьи и частные [12, с. 34]. Особые льготы царское правительство предоставило амурским и уссурийским казакам, получившим по 30 дес. земли на душу и по 10 дес. в запасной фонд. С 1894 г. в безвозмездное распоряжение войсковых казачьих правлений АКВ и УКВ был передан так называемый «отвод Духовского» (14,8 млн дес.).

Уссурийские, амурские и забайкальские казаки широко пользовались своими правами, чтобы затем сдавать свои земельные участки в аренду.

Накануне Первой мировой войны в Сибири и на Дальнем Востоке появились крупные промышленные, транспортные и торговые монополии. По данным военного губернатора, в 1907 г. на территории Приморья, Приамурья, Сахалина и Камчатки находилось более 7,8 тыс. дворян, 8,3 тыс. потомственных и личных граждан, более 2,4 тыс. купцов и 760 духовных лиц. К этому привилегированному населению А.И. Крушанов считает необходимым добавить амурскую, уссурийскую и забайкальскую казачью верхушку — атаманов и офицеров, генералитет армии и флота, а также царских чиновников [12, с. 44—45]. Противостояли эксплуататорским классам промышленный пролетариат, беднейшее крестьянство и казаки-бедняки.

В 1910 г. в России началось оживление революционной борьбы после поражения буржуазно-демократической революции 1905—1907 г. и мрачных лет политической реакции, идейного разброда, появления различных проповедников классового мира. В январе — феврале и в июне 1912 г. происходили стачки рабочих в Благовещенске, а затем и во Владивостоке и Хабаровске. Против них власти применили испытанный метод — репрессии. Недовольство условиями военной службы охватывало некоторые крепостные части Владивостока и подразделения Сибирской военной флотилии. Накануне мировой войны росло брожение среди рабочих горнорудных и угольных предприятий [12, с. 74].

В 1915—1916 гг. наблюдалось антивоенное движение среди дальневосточного крестьянства. Кроме выдвижения антивоенных лозунгов, крестьянская беднота требовала передела кулацких, церковно-монастырских, казённых и казачьих земель. На Дальнем Востоке и в Забайкалье вызревали две социальные войны в деревне: особенно серьёзными являлись противоречия между крестьянством и государством из-за созданного царизмом порядка землевладения и землепользования; острые разногласия возникали также между сельской беднотой и зажиточными слоями крестьянской деревни. Подобные противоречия стали проявляться и в казачьих станицах.

Февральская буржуазно-демократическая революция на русском Дальнем Востоке и в Забайкалье победила ввиду отсутствия активного сопротивления царской администрации. Нигде в крае в 1917 г. вооружённых столкновений не произошло. В то же время революционное творчество масс с каждым днём становилось всё более энергичным. 11—13 марта 1917 г. сход Уссурийского казачьего войска отстранил атамана В.А. Толмачёва и избрал исполнительный комитет войска. Лик-

видация царских органов местной власти происходила как в Приморье, так и в других областях Приамурского края. Одновременно А.И. Крушанов подчёркивает, что процесс классового расслоения в среде амурского, забайкальского и уссурийского казачества происходил весьма медленно. Это объяснялось тем, что казачьи войска охраняли дальневосточные рубежи империи и находились в постоянной боевой готовности. Они владели самыми крупными земельными наделами — «отводом Духовского», что давало возможность войсковым правлениям принимать решения по распределению земель и их использованию. Однако рядовые казаки имели меньшие земельные наделы, чем офицеры, что вызывало социальные противоречия в войсках.

А.И. Крушанов также отмечает, что в отличие от промышленных губерний европейской части России, где сложившиеся большевистские организации взяли курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, на Дальнем Востоке и в Забайкалье большевики вели борьбу не только с целью завоевания народных масс, но и за разрыв с меньшевиками внутри социал-демократических организаций.

Усиление влияния революционеров на рабочих и солдат, их активная работа в Советах, отстранение генерала Д.Л. Хорвата от власти, повышение авторитета СНК РСФСР на Дальнем Востоке — всё это основательно встревожило консульский корпус и руководителей буржуазных организаций. В Харбине иностранные консулы открыто заявили, что их правительство не признает СНК РСФСР, поэтому власть Советов не будет допущена в зоне КВЖД. Маньчжурия стала основной базой белогвардейских отрядов Г.М. Семёнова, Д.Л. Хорвата и других контрреволюционеров.

В Забайкалье возникший коалиционный «Народный Совет» не желал привлекать рабочих, солдат и казаков к созданию Советов, так как он представлял интересы буржуазных слоёв населения и фактически способствовал формированию белогвардейских сил атамана Г.М. Семёнова. В противовес «Народному Совету» на станции Чита 1 укреплялся Совет рабочих депутатов, им создавались боевые дружины. На обстановку в Забайкалье серьёзное влияние оказало прибытие фронтовых казачьих полков. Все политические силы Забайкалья стремились добиться использования прибывающих частей для упрочения своего положения. Одновременно Совет рабочих депутатов станции Чита 1 был разогнан казачьими подразделениями. Своеобразным ответом на эти действия явилась резолюция казаков 3-го Верхнеудинского полка: они обещали вести борьбу с бандами семёновцев и подчёркивали, что трудовому казачеству Забайкалья «с Семёновым не по пути». Настроение

казаков постепенно менялось в пользу Советской власти. 15 февраля 1918 г. прибывшие с фронтов Первой мировой войны казачьи полки заявили: «Мы будем в Чите до тех пор, пока не установим здесь советскую власть и не уничтожим отряд Семёнова» [12, с. 148—152].

Свои результаты давала и разъяснительная работа среди крестьян и казаков Приморья. На казачьих и крестьянских съездах, собраниях и сельских сходах принимались резолюции о переходе власти к Советам, о необходимости совместных действий городского пролетариата, крестьянства и казачества. Аналогичный процесс политической консолидации крестьянства и казачества происходил и в Амурской области. 2 марта 1918 г. на 4-м съезде крестьянских делегатов Амурской области была принята резолюция «О земле», отражающая настроения широких слоёв крестьянского и казачьего населения. Укрепление Советов крестьянских и казачьих депутатов в Забайкалье произошло в апреле 1918 г., когда состоялся 3-й областной съезд сельских депутатов [10, с. 87—88].

Установление Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке было встречено яростным сопротивлением свергнутых классов и их партий — кадетов, правых эсеров, буржуазных националистов, анархистов. В Сибирь и на Дальний Восток бежало большое количество контрреволюционных элементов из Европейской России, которые включались в активную борьбу против Советской власти. В регионе, как и в целом в России, развернулась гражданская война, которая здесь была обострена вмешательством иностранных государств, их военной интервенцией [4, с. 17; 10, с. 109].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. История Дальнего Востока с древнейших времён до XVII века. М.: Наука, 1989. 375 с.
2. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1990. 471 с.
3. Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (апрель 1918 — март 1920 г.). Владивосток: Приморское кн. изд-во во, 1961. 356 с.
4. Крушанов А.И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (Очерки по истории партийного и государственного строительства. Март 1917 — март 1918 г.). Владивосток: Приморское кн. изд-во во, 1962. 356 с.
5. Крушанов А.И. К вопросу об установлении Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье // Сообщения ДВФ АН СССР. Владивосток: Изд-во СО АН СССР, 1963. Вып. 17. С. 107—112.

6. Крушанов А.И. Народное образование и культура Приморья в конце XIX — в начале XX столетия // *Материалы по истории Владивостока (1917—1960)*. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1960. Кн. 1. С. 159—168.
7. Крушанов А.И. О работе Владивостокской подпольной организации РКП(б) во второй половине 1918 — весной 1919 г. // *Материалы по истории Владивостока (1917—1960)*. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1960. Кн. 2. С. 31—40.
8. Крушанов А.И. О состоянии народного просвещения в Приамурском крае накануне Великой Октябрьской социалистической революции // *Сообщения ДВФ АН СССР*. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1963. Вып. 17. С. 95—98.
9. Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Русский Дальний Восток в период империализма (1908 — март 1917 г.). Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1969. Ч. I. 136 с.
10. Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Победа Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 — апрель 1918 г.). Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1968. Ч. II. 182 с.
11. Крушанов А.И. Первый ревком Чукотки // *Сообщения ДВФ АН СССР*. Владивосток: Приморское кн. изд-во, 1963. Вып. 18. С. 139—143.
12. Крушанов А.И. Победа советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 — апрель 1918 г.). Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1983. 232 с.
13. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М.: Наука, 1983. 128 с.

I. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ДО 1922 г.

УДК 94 (470)

В.А. БАБКИН*

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНЯТИЯ УКАЗА ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 1821 г.

В статье рассматриваются причины, по которым был принят Указ Правительствующему сенату от 4 сентября 1821 г., даётся анализ указа в его взаимосвязи с историческими процессами, влияние на внешнюю политику Российской империи, а также уделяется внимание последствиям его принятия. Настоящий указ упоминается многими авторами, но, как правило, в контексте освоения Русской Америки, а фундаментальных исследований, посвящённых ему, практически не имеется. Между тем указ во многом предопределил принятие в последующем международных договоров между Россией, Великобританией и Соединёнными Штатами, установивших порядок взаимодействия указанных государств в Тихоокеанском регионе. Кроме того, данный документ оказал влияние на Российско-Американскую компанию, с одной стороны, предоставив ей огромные полномочия, а с другой стороны, ограничив возможности снабжения населения продуктами и товарами.

Ключевые слова: Русская Аляска, побережье Арктики, Российско-Американская компания, Дальний Восток, указ, геополитика.

V.A. BABKIN

PRECONDITIONS AND CONSEQUENCES OF THE ADOPTION OF THE DECREE TO THE RULING SENATE OF SEPTEMBER 4, 1821

The article examines the reasons why the Decree to the Governing Senate was adopted on September 4, 1821, provides an analysis of the Decree in its relationship

---

* БАБКИН Виталий Александрович — аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: babkin.a.vitaly@gmail.com.

with historical processes, the impact on the foreign policy of the Russian Empire, and also indicates the consequences that were caused by the adoption of the Decree. This Decree is mentioned by many authors, although there is practically no fundamental research of it, and in those studies in which it is mentioned, it is usually touched upon only in the context of the development of Russian America. Meanwhile, the Decree largely predetermined the subsequent adoption of international treaties between Russia, Great Britain and the United States, which established the procedure for interaction of these states in the Pacific region. In addition, this Decree had an impact on the Russian-American Company itself, granting it enormous powers on the one hand, and on the other hand limiting the possibilities of supplying the population with food and goods.

Keywords: Russian Alaska, Russian-American Company, Far East, Decree, geopolitics.

Сегодня, как и 200 лет назад, проблема освоения и транспортной обеспеченности Дальнего Востока является одной из ключевых задач государства, решение которой необходимо для социально-экономического развития региона и укрепления государства.

Несмотря на произошедшие за 200 лет технические и экономические изменения и значимость для страны Дальнего Востока, он до сих пор считается «дальним регионом», посещение которого представляется затратным по времени и средствам мероприятием. Исторически продвижение на восток затруднялось огромными расстояниями между поселениями и низкой транспортной доступностью, выразившейся в отсутствии качественных путей сообщения, а в некоторых случаях и в полном их отсутствии. Протяжённость грунтовых дорог разного назначения в Приморье в 60-х гг. XIX в. составляла 290 км, тракт от Хабаровска до Николаевска пролегал по льду Амура, лишь изредка проходя вне реки, постоянные дороги (тележные тракты) были накатаны от Благовещенска примерно на 70 км вверх по Амуру и на 200 км вниз по его течению [5, с. 22].

В связи с этим представляется актуальным изучение шагов государства, предпринятых в различные исторические периоды и направленных на решение транспортных проблем, а также на поддержание процесса освоения Дальнего Востока. Одним из шагов, направленных на укрепление Российского государства в Тихоокеанском регионе, развитие территорий и укрепление транспортной обеспеченности стало принятие Указа Правительствующему сенату от 4 (16) сентября «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских

сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» [7, с. 823].

Существуют различные оценки этого нормативного документа, в частности у зарубежных историков, например, по словам А.Г. Мазура, М.Е. Уилер, указ 1821 г. нёс исключительно случайный характер [3, с. 162], однако, по мнению многих отечественных историков и автора, это предположение не имеет чётких доказательств, и его можно исключить из контекста исследования.

Кроме того, следует отметить, что в фундаментальных исследованиях, посвящённых этому периоду, в большей степени анализируется деятельность Российско-Американской компании, а указ в существующих научных работах упоминается как факт, без оценки степени его влияния на исторические процессы. В этой связи можно упомянуть, что наибольшее цитирование встречается в трудах, затрагивающих арктическую тематику.

4 (16) сентября 1821 г. император Александр I подписал Именной указ Правительствующему сенату «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» [7, с. 823], установивший порядок плавания иностранных судов вдоль берегов Восточной Сибири (Дальний Восток) и Русской Америки и порядок взаимоотношений судов с местным населением и российскими подданными.

Этим указом устанавливалась морская граница в 100 итальянских миль, в пределах которой запрещалось любому иностранному судну приставать к Восточному берегу Сибири, Северо-Западному берегу Америки, островам Алеутским, островам Курильским и прочим.

Помимо этого, иностранным купеческим судам была запрещена торговля на территории владений Российской державы и воспрещалось принимать к себе на службу местных жителей Восточной Сибири (Дальнего Востока) и Русской Америки (§ 12, 13).

Указ 1821 г. также наделял полномочиями суда Российского императорского флота или суда, принадлежащие Российско-Американской компании, производить конфискацию груза иностранного купеческого корабля в случае обнаружения его в пределах обозначенных границ владений Российской империи (§ 25—63).

За нарушение требований указа 1821 г. предусматривались значительные штрафные санкции, которые взимались в испанских пиастрах. Суммы штрафов колебались в диапазоне от 50 до 1000 пиастров в зависимости от вида нарушения (§ 6, 8, 9, 13, 16—19, 22, 23). В иных случаях нарушение наказывалось конфискацией груза и судна (§ 13, 15, 21, 25, 26).

В качестве наиболее вероятной предпосылки принятия указа 1821 г. следует отметить в первую очередь необходимость защиты интересов Российско-Американской компании и интересов государства на побережье Тихоокеанского региона.

Как отмечает С.Б. Окунь, Российско-Американской компании в монополию передавались все промыслы и ископаемые, которые имелись «на Северо-Восточном берегу Америки от 55° до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих» (§ 1) [6, с. 44].

Помимо этого, Российско-Американской компании также предоставлялось и право производить «новые открытия и не токмо выше 55° северной широты, но и за оный далее к югу и занимать открываемые ею земли в российское владение на прежде предписанных правилах» (§ 2), а сама компания при этом получала возможность вести торговлю со всеми соседними государствами (§ 5), рубить казённые леса (§ 7), получать из казны порох и свинец (§ 8) и прочие льготы [6, с. 44].

Отдельный особый параграф предоставлял Российско-Американской компании исключительное право на все промыслы, торговлю, мореходство в этом районе с запретом остальным промышленникам заниматься тем же самым в сфере исключительной компетенции компании (§ 10) [6, с. 44].

Вместе с тем существенной проблемой деятельности компании было её снабжение, поскольку оно осуществлялось по длинному сухопутному пути через Сибирь и Якутск по Охотскому, Удскому и Аянскому трактам, в результате чего продовольствие поступало на Камчатку и Аляску в испорченном состоянии, а количество промышленных товаров не удовлетворяло имеющихся потребностей, в том числе и в целях торгова с местным населением [4, с. 11].

При этом добыча пушнины приносила огромные прибыли. Как указывает Л.И. Галлямова, только за период с 1745 по 1798 г. общая стоимость добытой на тихоокеанских островах пушнины составила 9 млн руб., что было огромной суммой в то время, поскольку за 1 рубль в Охотске можно было приобрести 10 кирпичей, а за весь период деятельности Российско-Американской компании только на Командорских островах было добыто пушнины на 20 млн руб. [4; 1, с. 38].

В этих условиях становилось жизненно важным ограничить доступ иностранных судов и торговцев на российскую территорию, на которой велась деятельность Российско-Американской компании.

По мнению автора, именно деятельность Российско-Американской компании и необходимость защиты её интересов, несмотря на все допущенные компанией злоупотребления, послужили причинами,

обусловившими принятие Указа 1821 г. «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих», ввиду того, что «торговля наших подданных на островах Алеутских и по берегам Северо-Западной Америки, России подвластным, подвергается разным стеснениям и неудобствам от постоянного и подложного торга... признали мы нужным определить сие сношения особым постановлением...».

Однако вследствие активизации колониальных притязаний Соединённых Штатов на Тихоокеанском побережье, усилившихся после войны 1812—1814 гг. с Англией, и соперничества со стороны самой Англии эти меры были уже запоздалыми [6, с. 71].

Указ 1821 г. стал первым законодательным актом, которым нормативно был урегулирован вопрос о территориальных водах не только Русской Аляски, но и всей прибрежной зоны Северного Ледовитого океана (Сибирского моря) в пределах секторального владения государства, а также разграничена акватория Курильских островов между Россией и Японией.

Вслед за этими событиями были подписаны две конвенции — между Российской империей и США, а также с Англией. 5 (17) апреля 1824 г. в Санкт-Петербурге была подписана Русско-американская конвенция о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле [3, с. 15], а 16 (28) февраля 1825 г. также в Санкт-Петербурге — Русско-английская конвенция «О взаимовыгодных выгодах, относящихся до торговли, мореплавания и рыбных промыслов на Тихом океане и до границ обоюдных владений их на Северо-Западном берегу Америки» [2, с. 73].

Несмотря на всю значимость указа 1821 г., установившего порядок взаимоотношений государства и Российско-Американской компании с иностранными державами и их судами в российских пределах, сам он не оказал значительного влияния на дальнейшую российскую политику в Тихоокеанском регионе, а все значимые моменты были в дальнейшем нивелированы заключёнными впоследствии международными договорами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
2. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 т. Т. 3 / [под общ. ред. И.С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2013. 663 с.

3. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. М.: Наука, 1975. 613 с.
4. Галлямова Л.И. Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности развития региона // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 9—17.
5. Илларионов А.А. О роли транспортной системы в развитии российского Дальнего Востока в дооктябрьский период // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2006. № 1. С. 16—32.
6. Окунь С.Б. Российско-американская компания: [исторический очерк]; под ред. и с предисл. Б.Д. Грекова; Ленингр. гос. ун-т, ист. фак. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. 258 с.
7. Указ «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и прочих» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание (1649—1825). Т. 37 (1820—1821). Закон № 28.747. С. 823. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.01.2021).
8. Устинова О.Ю. Российско-американская компания // Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/rossiisko_amierikanskaia_kompaniia_rak (дата обращения: 01.01.2021).

УДК 281.93 + 37:259(798)

С.Б. БЕЛОГЛАЗОВА*

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ 1864 г.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена мало исследованному кругу проблем, связанных с зарождением и развитием общеобразовательной начальной школы на северо-востоке Тихоокеанской России в период реформы образования в 1860-е гг. Затронута проблема противоречий внутри структур власти по вопросу о месте РПЦ в реформе образования. Показана специфика осуществления реформы в регионе. Дана оценка роли местного духовенства в становлении системы начальных учебных заведений в северо-восточных округах. Акцентировано внимание на влиянии Положения 1864 г. на формирование здесь модели начальной школы. Автор делает вывод о лидирующей позиции РПЦ в реализации школьной реформы

---

* БЕЛОГЛАЗОВА Светлана Борисовна — к. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: beloglazov1@yandex.ru.

в регионе и отмечает, что в ходе неё не удалось решить таких жизненно важных для функционирования системы образования проблем, как создание стабильной материальной базы учебных заведений и обеспечение их кадрами профессиональных педагогов.

Ключевые слова: реформа, образование, начальная школа, Русская православная церковь, Камчатская епархия.

S. B. BELOGLAZOVA

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF THE PRIMARY SCHOOL REFORM OF 1864: A REGIONAL ASPECT

The article is devoted to a little-studied range of problems related to the origin and development of general primary schools in the north-east of Pacific Russia during the education reform in the 1860s. The problem of contradictions within government structures on the question of the place of the ROC in the education reform is touched upon. The specifics of the implementation of the reform in the region are shown. The role of the local clergy in the formation of the system of primary educational institutions in the north-eastern districts is assessed. The influence of the 1864 Regulations on the formation of the primary school model here is emphasized. The author draws a conclusion about the leading position of the Russian Orthodox Church in the implementation of school reform in the region and notes that the reform failed to solve such vital problems for the functioning of the education system as the creation of a stable material base of educational institutions and providing them with professional teachers.

Keywords: reform, education, primary school, Russian Orthodox Church, Kamchatka Diocese.

После отмены крепостного права в Российской империи и с начала Великих реформ, нацеленных на модернизацию уклада жизни российского общества, включая и систему образования, прошло 160 лет. Модернизация в постсоветской России не исключает обращения к изучению прошлого опыта, так как проблема взаимодействия государства, общества и образования остаётся актуальной и в наши дни. В региональной историографии история образования в 1860-е гг. поднята в трудах по истории ведомственных школ (горных, казачьих, духовных) [1; 3; 4; 14], а также истории формирования территориального образовательного комплекса, преимущественно на юге Тихоокеанской России [2; 13]. История образования на северо-востоке региона

в период Великих реформ исследована фрагментарно [13, с. 145—148]. Статья подготовлена с целью заполнения информационной лакуны в региональной историографии. Территориальные рамки охватывают северо-восток Камчатской епархии*. Задачи исследования сосредоточены на выявлении основных аспектов и специфики проведения школьной реформы, введении в научный оборот новых данных.

Накануне реформы система образования в России включала учебные заведения разных ведомств, большая часть которых находилась в руках министерства народного просвещения (МНП) и Русской православной церкви (РПЦ). В 1856 г. министр просвещения А.С. Норов выдвинул идею создания единой образовательной сети путём передачи МНП всех школ других ведомств, включая Духовное [12, с. 353—354]. Подготовленный под влиянием прогрессистов «Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» (1860) сводил полномочия РПЦ в образовании к минимуму и вызвал сопротивление Святейшего Синода [11, с. 90, 101; 12, с. 371]; его позицию поддержала часть региональных лидеров, в т.ч. и генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 148. К. 1740. Л. 8 об.]. В 1860 г. от казны на цели реформы в регион поступило всего 4000 руб., предназначавшихся для начальных школ в городах [ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 126. К. 1739. Л. 33 об.]. Церковь же могла взять на себя бремя открытия сельских народных школ. В январе 1862 г. вышел указ императора, по которому МНП не должно претендовать на сеть школ РПЦ, а РПЦ «присутствует» в школах МНП [12, с. 445]. Таким образом, акция Синода и регионов купировала инициативу прогрессистов, и церковь подключили к реформе образования.

С 1840 г. Камчатскую епархию возглавлял соратник Н.Н. Муравьёва, просветитель народов на восточной окраине империи и в Русской Америке архиепископ Иннокентий (Вениаминов). Владыка состоял в личной переписке с обер-прокурором Синода А.П. Толстым и пользовался его поддержкой для продвижения своих инициатив. С его подачи Синод одобрил перевод на якутский язык «Краткой Священной истории» для детей издания 1803 г. в качестве учебного пособия для якутских начальных школ и вменил «в обязанность причтам церквей, находящихся между жилищами якутов, обучать детей их грамоте и Закону Божьему» [6, с. 6]. В 1860 г. член Якутского цензурного комитета по переводу книг на якутский язык П.К. Попов завершил перевод учебника, изданного в Якутске на русском и якутском языках. Комплект дополняли «Указание пути в царство небесное», составленное

* Камчатская епархия включала Русскую Америку, охотско-камчатские округа, Якутию, Приамурье и Приморье.

Иннокентием, и «Букварь», присланный из Синода [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 1, 78]. Сохранились данные об учебниках в миссионерских школах Русской Америки, работавших во всех отделах Российско-Американской компании (РАК), кроме Ситхинского*: на о-вах Кадьяк, Атха, Уналашка и Прибылова, в Кенайской, Нушегакской и Квихпакской миссиях [7, с. 69]. В 1862 г. атхинский священник Л. Саломатин подготовил «Сокращённый Катехизис для обучения алеутского юношества», а уроженец Русской Америки миссионер Я. Нецветов будучи на Юконе перевёл на язык эскимосов «Краткую Священную историю (от сотворения мира до входа в землю обетованную)». В школах на Атхе и Уналашке пользовались учебником И. Вениаминова и Я. Нецветова издания 1840 г. «Начатки христианского учения или краткая Священная история и краткий христианский Катехизис» для алеутов; в школе на Кадьяке — «Алеутско-Кадьякским Букварём» И. Тыжнова издания 1847 г. Правление компании отправляло литературу в Ново-Архангельск в 1860, 1862 и 1865 гг., но учебники предназначались для Духовного правления и 4-х компанийских школ на Ситхе. Дефицит учебников вынуждал переписывать старые книги.

В начале 1860-х гг. в сельских приходах Якутии священники открыли при вверенных им церквях 8 начальных школ близ Якутска, Олёкминска и Вилуйска. Школы для «природных якутов» располагались в Намском, Сунтарском, Ытыккельском и Баягантайском улусах, на о-ве Кыллах учили русских и тунгусских мальчиков, дети русских крестьян учились в школах смешанного типа (для мальчиков и девочек) в Усть-Майской, Амгинской и Синской слободах [5, с. 245]. Наличие якутской письменности позволяло вести обучение на русском и якутском языках.

Эвакуация во время Крымской войны всех учебных заведений из Петропавловска на Амур привела к исчезновению школ в охотско-камчатских округах. В 1861—1862 гг. священники открыли школы в Охотске и Гижиге для детей казаков, в 1863 г. — в с. Дранкинское для «камчадалских мальчиков» и в с. Удском [РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 81. Л. 8 об., 9, 33; Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 24, 56, 78].

Детей учили писать, читать по Часослову, азам христианского вероучения [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 37 об., 44, 78]. Занятия вели приходские священники или младшие члены причтов, а также грамотные селяне или улусные писари [5, с. 245]. Обучение было произвольным, т.к. учащие не имели педагогической подготовки, работали без учёта учебных программ МНП и в свободное от основных занятий время, но методика билингвизма делала процесс обучения довольно продуктивным.

* Данный отдел находился на о-ве Ситха (ныне Баранова), на котором располагалась столица Русской Америки г. Ново-Архангельск.

В отчётных ведомостях знания и поведение оценивались маркерами «хорошо», «порядочно», «не худо» [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 69 об.].

14 июля 1864 г. император утвердил законодательную основу реформы начального образования — «Положение о начальных народных училищах», введившего унифицированный тип массовой школы с единой программой обучения. Учебные курсы в школах Камчатской епархии были приведены в соответствие с перечнем дисциплин, установленным ст. 3 Положения* [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 69 об.]. Согласно этому документу открыли новые приходские училища: в 1865 г. смешанного типа в Петропавловске и Охотске, в с. Инском — частную школу на дому у местного священника для крестьянских девочек, которых учила его 14-летняя дочь, а в 1867 г. — класс для мальчиков [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 26—27, 30—31, 48]. В 1865—1866 гг. в Петропавловском округе появились первые воскресные школы: в г. Петропавловске и с. Мильково. Занятия вели приходские священники в выходные дни после вечерней службы. Число учеников зависело от сезонной загруженности их хозяйственными работами. Согласно записям в школьных журналах, занятия в Петропавловской школе в среднем посещали 23 чел., в Мильковской — 19 [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 53 об. — 61 об.]. Таким образом, в период подготовки и проведения реформы в Камчатской епархии открыли 15 новых начальных школ. В 1866 г. (с учётом 6 миссионерских школ в Русской Америке) здесь работала 21 школа Духовного ведомства, что в совокупности превосходило число школ МНП** в 7 раз. Но в 1867 г. после продажи Русской Америки сеть школ РПЦ сократилось, а число учащихся почти сравнялась с числом учеников в школах МНП. В 1867 г. в них учились 219 чел., в церковных — 231 (114 в Якутии и 117 в охотско-камчатской округе) [8, с. 179; РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 27, 31, 33, 44, 57—61 об., 69 об.].

Бюджет школ на материке формировался из средств местных обществ, частных пожертвований и казённого пособия в 300 руб. от министерства госимущества на выплаты церковным причтам за обучение детей камчадалов, поступавшее в фонд главы епархии [10, с. 39; ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 213. К. 1665. ОЦ. 820. Л. 6—7]. В Русской Америке содержание школ и учителей оплачивало правление РАК [7, с. 69—70]. В школе Петропавловска учителю платили зарплату причетника,

* По Положению 1864 г. курс учебных дисциплин включал Закон Божий (краткий катехизис и Священную историю), чтение по книгам Гражданской и церковной печати, письмо, арифметику (первые 4 действия) и церковное пение (там, где его преподавание было возможным) [10, с. 40].

** На северо-востоке Камчатской епархии было 3 школы МНП: уездное училище в Якутске и 2 приходских училища в Якутске и Олёкминске.

но в сельских школах округов духовенство работало на безвозмездной основе [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 33, 78]. В Якутии учителя получали по 1,5 руб. в месяц за каждого ученика [5, с. 246]. При средних показателях (15 учеников на школу и 6-ти учебных месяцах) их зарплата составляла 22,5 руб. в месяц [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 65 об.]. Большая часть школ не имела своих помещений, располагаясь в жилых домах и служебных помещениях РАК, мало приспособленных для занятий [РГИА ДВ. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 3. Л. 30—31]. Собственные помещения имели школы в Квихпахской миссии и в с. Никольском на о-ве Беринга.

В феврале 1868 г. преосвященный Иннокентий оставил пост главы епархии в связи с избранием его митрополитом Московским и Коломенским, регион потерял авторитетного лидера, проводившего на территории епархии единую образовательную политику. Между тем МНП стало наращивать своё присутствие в регионе. В 1868 г. была введена должность главного инспектора училищ Восточной Сибири; в 1869 г. вышел указ императора об образовании Якутской епархии, что привело к сокращению учащихся к 1870 г. более чем на треть [9, II, табл. XV].

В период школьной реформы Русская Православная Церковь заняла лидирующие позиции на северо-востоке Тихоокеанской России. Духовенство стояло у истоков общего образования для коренных народов региона и апробировало отработанную в Русской Америке методику билингвизма в учебном процессе. Полученные конкретные количественные показатели (создание на «голом месте» школьной сети, рост числа учащихся), сопоставимые с учебными заведениями МНП, также были значительными. Старый концепт, сложившийся ещё в эпоху Петра I, согласно которому образование — дело исключительно государства, в 1860-е гг. отошёл на второй план. Важную роль в этих процессах сыграл глава епархии преосвященный Иннокентий, инициировавший здесь школьную реформу. Несомненно, что нормы Положения 1864 г. оказали влияние на формирование модели начальной школы в северо-восточных округах региона. Вместе с тем, реформа не решила таких жизненно важных для функционирования системы образования проблем как обеспечение кадрами учителей, учебниками, финансирование и строительство школьных помещений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белоглазова С.Б. Казачьи школы Тихоокеанской России в контексте реформ XIX века // Ойкумена. 2015. № 2 (33). С. 42—51.
2. Белоглазова С.Б. Начальный этап истории образования на юге Дальнего Востока // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 42—53.

3. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX вв.). Благовещенск, 2008. 208 с.
4. Константинова Т.А. История горнозаводского образования в Забайкалье. 1723—1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2007. 216 с.
5. Краткая историческая записка о церковно-приходских школах за истекшее двадцатипятилетие с 1870—1895 год // Якутские епархиальные ведомости. 1895. № 16. С. 243—251.
6. О переводе краткой священной истории на якутский язык, изданной в Якутске в 1867 г. // Якутские епархиальные ведомости. 1904. № 1. С. 6—8.
7. Обзор русских колоний в Северной Америке капитан-лейтенанта Головина. СПб: Тип. Морского министерства, 1862. 194 с.
8. Памятная книжка Якутской области за 1867 год / изд. Якут. обл. стат. комитета. СПб: Тип. В. Безобразова и К°, 1869. 247 с.
9. Памятная книжка Якутской области за 1871 год / изд. Якут. обл. стат. комитета. СПб: Тип. В. Безобразова и К°, 1877. 243 с.
10. Положение о начальных народных училищах // Журнал министерства народного просвещения. 1864. Ч. СХХIII. Отд. I. С. 39—47.
11. Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Отд. I. Ч. CV. С. 83—163.
12. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб.: Изд-во Мин-ва Нар. Просвещения, 1902. 787 с.
13. Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России XVIII—30-е годы XX в. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2001. 516 с.
14. Федирко О.П. Очерки истории православного образования в дореволюционном Приамурье (1862—1918). Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2003. 143 с.
15. ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.).
16. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 398.22 (571)

С.Н. САВЧЕНКО, Т.В. СИВАКОВ*

АТАМАНСКИЕ НАСЕКИ УССУРИЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Статья посвящена атаманским насекам, которые в казачьих войсках Российской империи служили символами атаманской власти, приведены их описания. «Положением об общественном управлении в казачьих

---

* САВЧЕНКО Сергей Николаевич — канд. ист. наук, Управление национальной политики Главного управления внутренней политики Правительства Хабаровского края, г. Хабаровск. E-mail: swcos@mail.ru.

СИВАКОВ Тимофей Валентинович — краевед, Хабаровский краевой институт развития образования, г. Хабаровск. E-mail: tim-sivok@mail.ru.

войсках», принятым в 1870 г., были введены должности станичного и поселкового атаманов, являвшихся представителями местной правительственной власти. Насеки были присвоены им в 1885 г. как знаки отличия. Согласно утверждённому в 1891 г. «Положению об общественном управлении станиц казачьих войск» станичные и хуторские атаманы могли быть представлены к именным насекам. Уссурийское казачье войско, созданное в 1889 г., было подчинено наказному атаману. В 1904 г. насеки были пожалованы всем наказным атаманам казачьих войск их не имевшим. В 1907 г. насека была вручена наказному атаману Уссурийского казачьего войска. Во время Гражданской войны с части насеков станичных и поселковых атаманов Уссурийского казачьего войска были сняты наверхия и спрятаны, часть насеков была утрачена, в том числе насека наказного атамана.

Ключевые слова: Уссурийское казачье войско, общественное самоуправление, атаман, насека.

S. N. SAVCHENKO, T. V. SIVAKOV

ATAMAN'S MACES OF THE USSURI COSSACK ARMY

The article is devoted to the ataman maces, which in the Cossack troops of the Russian Empire served as symbols of the ataman power, their descriptions are given. The regulations on public administration in the Cossack troops, adopted in 1870, introduced the posts of stanitsa and village atamans, who were representatives of local government authorities. The maces were assigned to them in 1885 as insignia. According to the Regulations on the public administration of the stanitsa of the Cossack troops, approved in 1891, the stanitsa and village atamans could be nominated for nominal maces. The Ussuri Cossack army, created in 1889, was subordinated to the order ataman. In 1904, the maces were granted to all the order atamans of the Cossack troops who did not have them. In 1907, the mace was given to the order ataman of the Ussuri Cossack army. During the Civil War, pommels were removed from some of the maces of the stanitsa and village atamans of the Ussuri Cossack army, and some of the maces were lost, including the mace of the order ataman.

Keywords: Ussuri Cossack army, public self-government, ataman, mace.

Преобразования в системе управления казачьих войск России во второй половине XIX в. проходили в рамках военной реформы военного министра России Д.А. Милютин 1860—1870-х гг.

13 мая 1870 г. императором Александром II было утверждено «Положение об общественном управлении в казачьих войсках», которое

учитывало традиции казачества в данной области. Согласно положению станичное управление осуществляли станичный сход, станичный атаман со станичным правлением и станичный суд. Поселковое общественное управление состояло из поселкового схода и поселкового атамана. Станичные и поселковые атаманы являлись представителями местной правительственной власти. В ведении станичного атамана находились административные, полицейские, по делам общественным, по отбыванию военной службы, хозяйственные функции в пределах станичного округа. Поселковый атаман подчинялся станичному атаману, и в его ведении находились аналогичные последнему обязанности только в пределах посёлка [3, № 48354].

В Амурском казачьем войске (далее — АКВ), в составе которого до учреждения Уссурийского казачьего войска (далее — УКВ) в 1889 г. состояли казаки, проживавшие на берегах р. Усури, общественное самоуправление было введено в 1871 г.

Для поднятия авторитета и престижа станичных и поселковых атаманов казачьих войск России было решено разработать и вручить им знаки атаманской власти. С этой целью 4 апреля 1885 г. военный министр П.С. Ванновский подал в Комитет министров записку № 439 (по главному управлению казачьих войск) о присвоении особых знаков станичным и поселковым атаманам. Комитет министров одобрил предложение военного министра и высказался о пользе установления особых знаков для всех станичных и поселковых атаманов казачьих войск. Вследствие этого Комитет принял решение испросить соизволение императора на присвоение атаманам насеков согласно представленным военным министром проектам описаний и рисунков. 10 мая 1885 г. император Александр III утвердил положение Комитета министров о присвоении станичным и поселковым атаманам насеков, а также проекты их описания и рисунков [7, № 2931].

Согласно положению станичным и поселковым атаманам в качестве знака отличия их звания присваивалась насека, с которой они были обязаны являться на станичные сборы, а также в официальных и торжественных случаях.

Насека для станичного атамана представляла собой трость под красное дерево, покрытую лаком, с серебряным навершием, увенчанным шаром, длиной $5\frac{1}{2}$ вершков (1 вершок — 4,445 см), в диаметре под шейкой шара 1 вершок. На шаре диаметром $1\frac{1}{2}$ вершка, было изображено три двуглавых коронных орла. Сверху на шаре размещён другой шар меньшего диаметра, описание которого в законе не приведено, но изображение имеется на рисунке. Нижний серебряный наконечник длиной до $2\frac{1}{2}$ вершков, диаметр которого в нижней части $\frac{7}{8}$ вершка.

Вся насека с серебряными «обделками» имела длину 2 аршина (1 аршин — 71,12 см). На насеке кругом гравировалась надпись: «Войска станицы станичный атаман».

Насека для поселкового атамана представляла собой трость под красное дерево, покрытую лаком, с серебряным навершием, увенчанным шаром, длиной $5\frac{1}{2}$ вершков, в диаметре под шейкой шара 1 вершок. На шаре диаметром $1\frac{1}{2}$ вершка было изображено три двуглавых коронных орла. Нижний серебряный наконечник длиной до $2\frac{1}{2}$ вершков, диаметр которого в нижней части $\frac{7}{8}$ вершка. Вся насека с серебряными «обделками» имела длину 2 аршина. На насеке кругом гравировалась надпись: «Войска станицы поселковый атаман» [7, штаты и табели к № 2931, чертежи и рисунки к № 2931].

В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, в его состав вошли Забайкальская, Амурская, Приморская области и о. Сахалин. С 1887 г. главное управление казачьими войсками*, т.е. военное, хозяйственное, полицейское и судебное, в границах указанной территориальной единицы принадлежало командующему войсками Приамурского военного округа, которому были присвоены права войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск.

26 июня 1889 г. из состава АКВ было выделено самостоятельное Уссурийское казачье войско. В военно-административном и хозяйственном отношении оно подчинялось военному губернатору Приморской области, который стал наказным атаманом УКВ [8, № 6139, № 6200].

3 июня 1891 г. император Александр III утвердил «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Военному совету предоставлялось право применять положение к казачьим войскам Уральскому, Забайкальскому, Амурскому и Уссурийскому с изменениями, отвечающими местным условиям [9, № 7782].

18 ноября 1899 г. Военный совет постановил применить положение к Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам с соответствующими изменениями [12, с. 373—374]. В УКВ положение было введено с 1 января 1901 г. Согласно данному документу за отличное исполнение своих обязанностей станичные и хуторские атаманы могли быть представлены к именованным насекам [9, № 7782].

9 декабря 1903 г. император Николай II утвердил положение Комитета министров об установлении формы именных насеков, жалуемых в награду станичным и хуторским атаманам, и рисунки этих насеков [10, № 23667].

---

* Забайкальским — до 1906 г. (т.е. до выхода Забайкальской области из состава Приамурского генерал-губернаторства), Амурским — с 1887 г., Уссурийским — с 1889 г. (т.е. с момента образования войска).

Именная насека для станичного атамана представляла собой трость под красное дерево, покрытую лаком, с серебряным навершием, увенчанным шаром, длиной $5\frac{1}{2}$ вершков, в диаметре под шейкой шара 1 вершок. Шар, на котором было изображено три двуглавых коронных орла, в диаметре $1\frac{1}{2}$ вершка, вызолочен, равно как и орлы. Сверху на шаре размещён другой шар меньшего диаметра, описание которого в законе не приведено, но изображение имеется на рисунке. Нижний серебряный наконечник длиной до $2\frac{1}{2}$ вершков, диаметр которого в нижней части $\frac{7}{8}$ вершка. Вся насека с серебряными «обделками» имела длину 2 аршина. На насеке кругом гравировалась надпись: «Войска станицы станичному атаману (имя и фамилия)».

Именная насека для поселкового атамана представляла собой трость под красное дерево, покрытую лаком, с серебряным навершием, увенчанным шаром, длиной $5\frac{1}{2}$ вершков, в диаметре под шейкой шара 1 вершок. Шар, на котором было изображено три двуглавых коронных орла, в диаметре $1\frac{1}{2}$ вершка, вызолочен, равно как и орлы. Нижний серебряный наконечник длиной до $2\frac{1}{2}$ вершков, диаметр которого в нижней части $\frac{7}{8}$ вершка. Вся насека с серебряными «обделками» имела длину 2 аршина. На насеке кругом гравировалась надпись: «Войска станицы поселковому атаману (имя и фамилия)» [10, чертежи и рисунки к № 23667].

В УКВ насеки были вручены всем станичным и поселковым атаманам. Насколько известно авторам, в УКВ именных насеков для станичных и поселковых атаманов не вручалось.

28 мая 1904 г. император Николай II повелел присвоить насеки всем наказным атаманам казачьих войск, а также тем из войсковых наказных атаманов, которые одновременно выполняли обязанности и наказных атаманов. Остальным войсковым наказным атаманам предоставлялось право пользоваться насекой только во время пребывания их в пределах вверенных им казачьих войск в установленных на этот предмет случаях. Новые насеки повелевалось изготовить по образцу пожалованной в 1776 г. войсковому наказному атаману войска Донского Алексею Иловайскому, ставшей образцом для возобновления в 1882 г. насеки Уральского казачьего войска. На каждой насеке должно было быть: вензелевое изображение имени императора, «1904» — год пожалования насеки — и надпись, обозначающая, чья насека, например: «Насека Кубанского казачьего войска». Войсковым наказным и наказным атаманам предоставлялось право использовать насеку в тех же случаях, как и в Донском войске, а именно: при встрече императора и наследника престола, а также в дни празднования войсковых кругов.

Изготовленные насеки повелевалось направить в войска при высочайших грамотах тем же порядком, как препровождались пожалованные знамёна [11, № 24641].

Указ императора Николая II от 28 мая 1904 г. был объявлен 2 июня 1904 г. в приказе по военному ведомству № 296 [13, с. 27—28]. Таким образом, УКВ даровалась атаманская насека.

В 1907 г. насека УКВ была изготовлена и направлена в войско при высочайшей грамоте, подписанной 26 июля 1907 г., в которой говорилось: «В Монаршей заботливости Нашей о поддержании старинных традиций доблестных казачьих войск и в ознаменование особенно-го Монаршего благоволения Нашего, за самоотверженную, неутомимую и верную службу Нам и Отечеству Уссурийского казачьего войска присвоили Мы Наказному его Атаману насеку, как знак управления войском; повелеваем насеку сию употреблять в установленных на этот предмет случаях» [14, с. 376].

23 сентября 1907 г. в приказе по АКВ и УКВ № 17 войсковой наказной атаман инженер-генерал П.Ф. Унтербергер объявил, что насеки АКВ и УКВ и высочайшие грамоты, при которых они пожалованы, получены в Хабаровске и отправлены наказным атаманам данных войск в Благовещенск и Владивосток.

Войсковой наказной атаман предписал наказным атаманам АКВ и УКВ передать насеки вверенным им войскам в торжественной обстановке, по древнему казачьему обычаю, в кругу войсковых представителей, в день тезоименитства (дня рождения) его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича, августейшего атамана всех казачьих войск. Церемониал передачи насеки предоставлялось установить самим наказным атаманам, в соответствии с «Правилами для парадов и церемоний», высочайше утверждёнными 22 июня 1902 г. [6].

5 октября 1907 г. во Владивостоке после торжественного молебна в соборе по случаю тезоименитства наследника цесаревича и освящения насеки комендант крепости генерал-майор В.А. Ирман (Ирманов) в присутствии представителей всех сословий и званий УКВ, станичных и поселковых атаманов и старейших уссурийских казаков передал войску высочайше пожалованную наказному атаману насеку. Прочтение грамоты императора Николая II было встречено единодушным «Ура!» [РГИА ДВ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 22. Л. 171—172; 4].

В приказе по УКВ от 6 ноября 1907 г. № 134 наказной атаман генерал-майор В.Е. Флуг объявил ведомость составным принадлежностям насеки, а также предписал насеку внести в опись войсковых

регалий и хранить совместно с высочайшей грамотой в Атаманском доме* [РГИА ДВ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 22. Л. 190 об. — 191].

Согласно ведомости составными принадлежностями насеки наказного атамана являлись: насека чёрного дерева, в серебряной, в верхней части вызолоченной оправе; государственный герб, венчающий насеку, разделённый крыльями орла крестообразно, верхняя коронка над гербом, четыре коронки, венчающие головы орлов и державы, украшены 280 розами; шар, имеющий приплюснутую форму, украшенный по бокам витыми бороздками; подток (шайка) с витыми бороздками; скоба с вензелем императора Николая II и надписью «1904 — Насека Уссурийского казачьего войска»; кольцо на скобе; шнур и кисти; черенок трости; наконечник серебряный; ящик ясеневое дерева с дощечкой, с загравированной надписью, замком и ключом [РГИА ДВ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 22. Л. 205].

Революции 1917 г. и начавшаяся Гражданская война внесли радикальные изменения в жизни России, а вместе с ней и УКВ. После Февральской революции 1917 г. в УКВ была упразднена должность наказного атамана, назначавшегося императором, и введена выборная должность войскового атамана, избиравшегося войсковым кругом.

В результате событий зимы — весны 1918 г. войсковой атаман и войсковое правительство УКВ оказались смещены со своих постов, в войске избран временный Совет УКВ, главной задачей которого стала подготовка к 5-му ликвидационному войсковому кругу. Противостояние в УКВ завершилось победой сторонников советской власти.

В мае 1918 г. 5-й (ликвидационный) войсковой круг УКВ (проходил в г. Иман, ныне — г. Дальнереченск) принял решение признать советскую власть, войско упразднить, все войсковые регалии передать или в музей, или в церковь [1]. В исполнение этого решения войскового круга, 31 мая 1918 г. знамя с древком 1907 г. и насека 1904 г. УКВ были доставлены из г. Имана в г. Хабаровск и приняты Гродековским музеем Приамурского отдела Русского географического общества как пожертвование от войскового совета УКВ [2].

19 июня 1918 г. в г. Хабаровске на заседании Совета Приамурского отдела Русского географического общества член Совета В.К. Арсеньев доложил о предоставлении войсковым кругом УКВ Гродековскому музею насеки войскового атамана и знамени УКВ, после чего было принято решение благодарить войсковой круг [ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 об. — 6].

После свержения советской власти на Дальнем Востоке и вступления 5 сентября 1918 г. Особого казачьего отряда во главе с атаманом

---

* Дом военного губернатора Приморской области.

УКВ И.П. Калмыковым в г. Хабаровск, встал вопрос о возвращении войску его регалий. Насека и знамя УКВ 10 сентября 1918 г. были выданы из Гродековского музея Приамурского отдела Русского географического общества атаману Калмыкову под расписку [2].

В начале 1920 г. власть белогвардейцев в Приморье и Приамурье пала.

При отступлении Особого Уссурийского казачьего отряда в середине февраля 1920 г. из Хабаровска и прохождении по посёлкам вдоль р. Уссури по приказанию атамана Калмыкова насеки поселковых атаманов отбирались и снимались с древков как «вещи ценные серебряные» и в пос. Ново-Троицком были переданы на хранение матери подполковника А.С. Пискунова. Насека войскового атамана была вручена хорунжему С. Светлову (убит впоследствии красными в пос. Барановском Гродековского станичного округа УКВ), а последним — Плотникову (убит в драке на Шитоухэцзы) которым потеряна в Китае между городами Фуджином и Сансином в протоке р. Сунгари [ГАХК. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 6. Л. 2].

Во время Гражданской войны с части насеков станичных и поселковых атаманов УКВ были сняты наверхия и спрятаны, часть насеков была утрачена.

После Гражданской войны уссурийские казаки, эмигрировавшие в Китай, образовали в г. Харбине Уссурийскую казачью станицу. В 1935—1936 гг. атаманом станицы был есаул А.П. Эпов, который по информации, предоставленной С.Е. Эповым, имел именную насеку. На сохранившемся наверхии в средней части выгравирована надпись: «ЕСАУЛУ ЭПОВУ 19 V/II 36 г.», в нижней части — кругом надпись «У.К.В. АТАМАН УССУРИЙСКОЙ СТАНИЦЫ».

В настоящее время в коллекции Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова хранятся насека «Платоно-Александровская станица Амурского казачьего войска. Поселковый атаман», а также наверхия насеки «Атаман посёлка Покровского Бикинского станичного округа Уссурийского казачьего войска» [5, с. 60—61].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дальневосточные известия. Хабаровск, 1918. 21 мая.
2. Книга квитанций № 1 по приёму пожертвований музею Приамурского Императорского Географического общества. Квитанции за 1914—1926 гг. ХКМ ВХ 490 № 146 // Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XLV. 1870. СПб., 1874.

4. Приамурские ведомости. Хабаровск, 1907. 9 октября.
5. Приамурское казачество. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2015. 164 с.
6. Приказы по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам за 1907 г.
7. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. V. 1885. СПб., 1887.
8. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. IX. 1889. СПб., 1891.
9. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XI. 1891. СПб., 1894.
10. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIII. 1903. СПб., 1905.
11. ПСЗРИ. Собр. 3. Т. XXIV. 1904. СПб., 1907.
12. Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XXXV. За 1899 год. СПб.: Издание Главного управления казачьих войск, 1900. 515 с.
13. Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XL. За 1904 год. СПб.: Издание Главного управления казачьих войск, 1905. 828 с.
14. Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. XLIII. За 1907 г. СПб.: Издание Главного управления казачьих войск, 1908. 513 с.
15. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
16. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 398.22 (571)

Н.Н. КРАДИН*

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О БИОГРАФИИ И.П. НАДАРОВА

В статье приводятся новые данные о биографии генерала Ивана Павловича Надарова (1851—1922) — военного деятеля и исследователя российского Дальнего Востока. На основании выявленного в Государственном архиве Читинского области (в настоящее время — Государственный архив Забайкальского края) послужного списка генерала И.П. Надарова подробно исследуется его служба на разных должностях в Сибири и на российском Дальнем Востоке. На материалах истории Забайкальского краеведческого музея раскрывается неудачный характер его деятельности в Забайкальской области. Описывается его конфликт с директором и организатором этого музея, выдающимся краеведом А.К. Кузнецовым, в результате которого значительная часть коллекций музея была утрачена. Тщательно исследуется шаги И.П. Надарова, направленные на реализацию поземельной и административно-судебной реформы у кочевых

---

* КРАДИН Николай Николаевич — д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: kradin@mail.ru.

бурят Забайкалья в 1903—1904 гг. и борьбу с сопротивлением бурят проведению этой реформы. Отмечено участие генерала в Китайском походе 1900—1901 гг. и Русско-японской войне 1904—1905 гг.

Ключевые слова: Дальний Восток, географические открытия, И.П. Надаров, Забайкалье, кочевые буряты.

N.N. KRADIN

NEW INFORMATION ABOUT BIOGRAPHY OF I.P. NADAROV

The article provides new data on the biography of General Ivan Pavlovich Nadarov (1851—1922), a military leader and researcher of the Russian Far East. Using the statement of history of General Ivan P. Nadarov, which was been found in State Archive of Chita region (nowadays State Archive of Transbaikal region), we investigate his service career in different posts in Siberia and Russian Far East. The material of Transbaikal regional museum presented the unsuccessful results of his activity in Transbaikal region. It has described his conflict with a museum's director A.K. Kuznetsow, who was not only an outstanding local expert, but also a revolutionary. As a result of the conflict was a loss of the main part of museum collections. The measures of realization ground and executive-administrant reforms of nomadic Buryat of Transbaikal region describes in details, and also their contrariety to the reform providing. It's noted how Ivan P. Nadarov participated in China expedition of Russian forces in 1900—1901 and Russo-Japanese War of 1904—1905.

Keywords: Russian Far East, geographical discoveries, Ivan P. Nadarov, Transbaikal region, nomadic Buryats.

Мой интерес к личности Ивана Павловича Надарова обусловлен тем, что во второй половине 1990-х гг. Северное Приморье было избрано мной в качестве ареала будущих полевых исследований. Данный выбор predetermined тем, что, во-первых, в археологическом отношении этот район края являлся слабо изученным. Во-вторых, он представлял огромный научный интерес как контактная зона средневековых цивилизаций, расположенных в Центральном и Южном Приморье (Бохай, чжурчжэни) и народами северной периферии (амурские мохэ, покровская культура).

И.П. Надаров совершил несколько экспедиций по Приморью и написал ряд важных для исследователей работ [8; 9]. Из них стоит выделить фактически монографию «Северо-Уссурийский край», в которой

приводятся данные по численности аборигенного населения, информация об их занятиях и культуре, а также важные сведения о ряде археологических памятников в бассейне р. Иман (Большая Уссурка), в частности 1-м и 2-м Новопокровском городищах. Поскольку первый из памятников находится в черте одноимённого населённого пункта и по большей части разрушен, сведения И.П. Надарова имеют непреходящую ценность. Мы всегда обращались к ним в процессе проведения археологических и этноархеологических исследований в Северном Приморье, а также при подготовке публикаций по результатам выполненных работ [1; 4; 5; 6; 7].

Один из авторитетных краеведов Красноармейского района, в прошлом археолог, ставший крупным бизнесменом, А.В. Мерзляков предложил мне переиздать книгу И.П. Надарова «Северо-Уссурийский край». Однако труд следовало бы снабдить серьёзным академическим предисловием. Поскольку в то время я параллельно активно собирал архивные материалы к своей до сих пор ещё не опубликованной книге о скотоводстве агинских бурят, мне довелось работать в Государственном архиве Забайкальского края (тогда он назывался Государственный архив Читинской области). Так как жизненный путь И.П. Надарова был связан в том числе и с Забайкальем, где он служил военным губернатором одноимённой области, в архиве сохранился его послужной список [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 35—47а]. Благодаря любезной подсказке к. и. н. Т.А. Константиновой данный документ оказался в моих руках для тщательного изучения. Через некоторое время очерк в основном был готов, но я не смог найти ответ на два важных вопроса: о судьбе генерала после революции и месте и дате его смерти. Последние данные о Надарове, которые мне удалось получить, относились к 1914 г. — времени, когда он вышел в отставку и уехал на свою родину. Это приостановило выпуск книги. А затем и моя научная судьба резко изменилась: в 2001 г. мне посчастливилось начать полевые исследования в Монголии. Это было мечтой моей молодости.

Постепенно изучение Северного Приморья отошло на задний план. С течением времени отпал и вопрос о публикации книги. Мы отсканировали работу И.П. Надарова, и её электронная версия в pdf-формате гуляет теперь по интернету. Переиздание работы теперь не представляет ценности для специалистов, для них важнее обращение к первоисточникам. Так, постепенно данная тематика ушла из моего поля зрения.

Однако мой интерес к персоне И.П. Надарова вернулся в 2015 г., когда, взяв в руки свежий номер журнала «Россия и АТР», я обнаружил коллективную работу уважаемых мной коллег о генерале — как раз с недостающими данными его биографии [10, с. 94—126]. Статья сопровождалась

большим числом фотографий и новыми для меня сведениями о судьбе Надарова, в том числе о месте и времени его кончины. В то же самое время в статье приведена далеко не вся информация о его жизнедеятельности, поэтому имеет смысл дополнить исследование ранее частично неизвестной информацией из «Послужного списка» И.П. Надарова.

Как известно, Иван Павлович Надаров родился 3 января 1851 г. в г. Константинограде Полтавской губернии. Он был родом из потомственных дворян Полтавской губернии. За ним числилось наследства 87 десятин 1500 кв. саженей земли при хуторе Песчаном Берестовской волости 1 стана Константиновского уезда Полтавской губернии [ГАЧО. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 44]. Он учился в Петровской Полтавской военной гимназии, 2-м военном Константиновском училище, Николаевской академии Генерального Штаба, которую окончил по 1 разряду.

Согласно «Послужному списку», окончив гимназию в августе 1867 г. И.П. Надаров поступил юнкером во 2-е Константиновское военное училище. После его окончания приказом от 12 июля 1869 г. произведён в подпоручики и зачислен в Лейб-гвардию Гатчинского полка. Однако с 8 декабря уволен от службы. Авторы вышеупомянутой публикации о биографии Надарова предположили, что увольнение могло быть связано с его вступлением в брак. Согласно семейному преданию, разрешения на брак он не получал, влюблённые обвенчались тайно [10, с. 105].

Он женился на дочери Надворного советника Вержбиловича — Анне Валериановне. В браке родилось пятеро детей: Виктор — 13.10.1873, Ольга — 28.05.1876, Борис — 31.08.1878, Глеб — 02.04.1880 и Павел — 19.10.1884. Поскольку глава семьи должен был содержать семью, И.П. Надаров был зачислен 29 апреля 1870 г. кандидатом на полицейскую должность. С 16 мая утверждён помощником полицейского пристава 2-го участка, однако уже в июне уволился по собственному прошению и в марте 1871 г. вновь поступил на службу в прежнем звании в 136-й пехотный Таганрогский полк в должности делопроизводителя полкового суда. Затем с августа занимал должность полкового казначея. 2 января 1873 г. он произведён в поручики. В апреле 1873 г. назначен заведывать сапёрной командой.

В ноябре 1873 г. И.П. Надаров сдал должность полкового казначея, так как был назначен состоять во 2-й бригаде 134-й отдельной дивизии для исполнения обязанностей бригадного адъютанта. В июне 1875 г. он отправился в штаб войск Одесского военного округа для экзаменов в Николаевскую академию Генерального Штаба и, успешно сдав их, зачислился в неё с сентября. Через два года — 26 апреля 1877 г. — И.П. Надарову присвоили чин штабс-капитана, а с 6 января 1878 г. за отличные успехи в науках он стал капитаном. Приказом от 9 января

того же года по Генеральному Штабу он назначен на службу в Штаб Гренадерского корпуса в должности исполняющего обязанности обер-офицера для особых поручений, а с 25 апреля там же стал старшим адъютантом с переводом в Генеральный Штаб штабс-капитаном.

И.П. Надаров участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в походах за Дунай, кампании на территории Румынии и на Балканах в январе — начале сентября 1878 г. В боевых действиях не выступал, ранен не был. За усердную службу и особые труды при переходе через Балканы 6 октября 1879 г. награждён орденом Святого Станислава 3 ст. с мечами и бантом. 20 апреля 1880 г. произведён в капитаны.

С этого времени начинается дальневосточный этап жизнедеятельности И.П. Надарова. Приказом от 2 июля 1880 г. он назначен правителем канцелярии при военном губернаторе г. Владивостока и 19 октября 1880 г. прибыл к месту службы. В декабре награждён за отличную и усердную службу орденом Св. Анны 3 ст.

В октябре 1881 г. И.П. Надаров снова причислен к военному ведомству и назначен штаб-офицером при командующем войсками Приморской области. Согласно отзыву Начальника Штаба Восточного Сибирского военного округа генерал-майора Петрова от 22 февраля 1882 г., оставлен в Петербурге на время своего отпуска для сбора материалов по военно-статистическому описанию Южно-Уссурийского края. Вернулся на Дальний Восток только в конце июня 1882 г.

В период 5 августа — 24 декабря 1882 г. он был «командирован для исследования Северо-Уссурийского края в экономическом и военно-статистическом отношениях и выбора направления внутреннего военного пути от Графской или Буссе на Уссури к п. Раздольному или с. Никольскому». Затем с 12 апреля — 23 сентября 1883 г. «предписанием Командующего войсками Приморской области от 12 апреля 1883 г. за № 3441 командирован для выбора направлений почтового пути по Восточному берегу озера Ханка и для исследования северной половины Северо-Уссурийского края в экономическом и военно-статистическом отношении» [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 44 об.]. По возвращению И.П. Надаров снова был направлен для исследования местности для прокладки телеграфной просеки между станцией Графской и телеграфной станцией Лазаревой.

17 апреля 1883 г. И.П. Надарову был присвоен чин подполковника. В 1885 г. он получил орден Св. Станислава 2 ст. В 1885 г. принимал участие в Первом съезде губернаторов и сведущих людей в Хабаровске по обсуждению разных вопросов, связанных с Приамурским краем. В том же году командирован «для произведения разведок и съёмки

местности в Восточно Хайканском районе [явно описка — Ханкайском. — *Н.К.*] с целью определения в этом районе мест, удобных для поселения переселенцев» [ГАЧО. Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 45].

В апреле 1885 г. в период ухудшения отношений с Англией и Францией И.П. Надаров командирован в Никольск, где исполнял обязанности Начальника Штаба отряда до начала октября. После расформирования отряда занимался тактикой с офицерами 1-й и 2-й Восточно-Сибирских стрелковых бригад и 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона, а также участвовал в строительстве воинских казарм в Раздольном и Барабаше.

В январе 1886 г. Надаров снова отправился в Хабаровск, где принял участие во 2-м Хабаровском съезде губернаторов и сведущих людей. Возвращаясь в Южно-Уссурийский край для продолжения руководства строительством казарм, он получил новое указание: расследовать вопросы о проживании китайцев в Приморье по фальшивым паспортам. Он также несколько раз брал на себя функции следователя по различным злоупотреблениям офицеров, выезжал в Хунчунь для расследования дела о купцах, выполнял ряд других обязанностей, в том числе участвовал в работе экспедиции по подготовке к строительству Южно-Уссурийской железной дороги.

5 апреля 1887 г. И.П. Надаров стал полковником. В конце года его вызвали в Петербург для объяснений Главному Штабу по вопросу обороны крепости Владивосток и строительству железной дороги. 21 декабря 1887 г. его назначили начальником штаба Владивостокской крепости, однако уже 16 мая 1889 г. перевели на западные рубежи империи — в Прибалтику. Там Надаров сначала исполнял должность начальника Штаба 29-й пехотной дивизии, затем служил на разных должностях от командира батальона до командира полка (115-й пехотный Вяземский полк, 122-й пехотный Тамбовский полк) и командира 1-й бригады 31-й пехотной дивизии. В этот период он получил ордена Святой Анны 2 ст. (1891 г.) и Святого Владимира 4 ст. (1895 г.), медаль в память об императоре Александре III (1896 г.).

В июле 1897 г. И.П. Надаров назначен помощником начальника штаба Приамурского военного округа с переводом в Генеральный Штаб. К месту службы он прибыл 20 сентября 1897 г. 6 декабря 1897 г. был произведён в генерал-майоры. 1 января 1898 г. избран и утверждён председателем Хабаровского церковно-приходского попечительства, а 8 мая 1898 г. — председателем Приамурского отдела ИРГО. В том же году его наградили медалью в честь коронации Николая II, а также медалью за участие в переписи населения.

31 июля 1898 г. И.П. Надарова назначили окружным интендантом Приамурского военного округа с оставлением по Генеральному Штабу. С 1 июля до сентября 1900 г. во время осложнений отношений с Китаем он получил права начальника отдела управления отдельного корпуса, затем стал корпусным интендантом Отдельного корпуса и с 7 сентября 1900 г. по 9 марта 1901 г. в его составе участвовал в походе в Китай для подавления так называемого боксёрского восстания. 1 января 1901 г. И.П. Надаров награждён орденом Св. Владимира 3 ст., а «за отличие в делах против китайцев» 31 января 1901 г. произведён в генерал-лейтенанты и позднее награждён памятной серебряной медалью.

После завершения кампании в связи с расформированием Отдельного корпуса с марта 1901 г. стал исполнять обязанности окружного интенданта Приамурского военного округа. Но уже высочайшим указом от 9 мая 1901 г. был назначен военным губернатором Забайкальской области, «командующим в оной войсками и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска» [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 1]. 13 июля 1901 г. генерал приехал в Читу. По прибытии поезда в Войсковой часовне был отслужен молебен. После этого вновь назначенный губернатор нанёс визит Владыке, а по возвращению принял начальников отдельных частей в Атамановском доме [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 13].

В Забайкалье И.П. Надаров оставил плохую память. Он был инициатором отстранения от должности директора музея выдающегося краеведа и организатора сибирских музеев А.К. Кузнецова и выдавливания его из состава местного отделения ИРГО. В результате гибели в сарае $\frac{2}{3}$ коллекций музея, были закрыты книжный склад и коллекция сельскохозяйственных машин [2, с. 5—26; 3, с. 58—61]. Приказом от 28 января 1902 г. Надаров был назначен председателем Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 48—51]. Однако, судя по всему, делами общества он не занимался по причине большой занятости, вследствие чего деятельность ИРГО в Чите пришла в запустение.

Возможно, причиной подобного отношения к А.К. Кузнецову было революционное прошлое последнего, а в это время сын И.П. Надарова Борис попал под влияние революционных агитаторов и оказался в Петропавловской крепости [10, с. 111—114]. Нужно сказать, что, несмотря на свой почтенный возраст, А.К. Кузнецов принял участие в Первой русской революции, был приговорён к расстрелу, который заменили новой каторгой. В 1913 г. он смог снова вернуться в Читу и занялся восстановлением краеведческого музея, проведением археологических, ботанических и др. исследований. В настоящее время музей носит его имя.

Другой резкий шаг И.П. Надарова был связан с сопротивлением бурят введению у них поземельной и административно-судебной реформы. Они обратились с ходатайством к императору Николаю II, и реформу временно приостановили. Однако после Особого совещания под председательством министра внутренних дел, состоявшегося 20 июня 1903 г., было решено продолжать реформирование административного устройства инородцев, доработав поземельные преобразования в тех случаях, когда «особенности быта» последних не соответствовали земледельческому образу жизни. При этом именовать волости кочевых народов стали «инородческими», а общества — «булучными». На основании данных нормативных актов Надаров издал приказ за № 84 от 11 ноября 1903 г., в котором утвердил, что «никакие просьбы инородцев об отсрочке в реформе приниматься не будут и с 1 января 1904 г. реформа будет введена безусловно» [ГАЧО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 38. Л. 134]. Он твёрдо заявил, что с 31 декабря Степные Думы и родовые управления будут закрыты (см.: Приказ № 101 за подписью Надарова от 23.12.1903 г. [ГАЧО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 38. Л. 147]).

Военный губернатор области дал бурятам срок до 10 декабря для определения своих должностных лиц и судей, предупредив: если по каким-либо причинам выборы не состоятся, Надаров сам проведёт назначение. Поскольку буряты Агинской, Бодонгутской и Цугольской волостей, а также Улдургинского булучного общества проигнорировали выборы, 16 декабря И.П. Надаровым были назначены кандидаты на соответствующие должности [ГАЧО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 38. Л. 146].

На основании поступивших донесений о сопротивлении ряда влиятельных родоначальников из числа бурят, которые в том числе «склоняли бурят и сами хлопотали выкочевать из России куда-то в местность, осмотренную будто бы ими ещё в 1902 г. под видом путешествия с религиозными целями» [ГАЧО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 49. Л. 1об.], И.П. Надаров распорядился арестовать подстрекателей и выслать в разные места подальше от их местожительства [ГАЧО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 49. Л. 6—7, 12].

Надаров оставался военным губернатором Забайкальской области до 5 июля 1904 г.

С 27 августа 1903 г. в связи со сложной внешнеполитической ситуацией он находился в Порт-Артуре, откуда вернулся только 9 ноября [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 76—77].

После начала Русско-японской войны 1904—1905 гг. он был назначен начальником военно-окружных управлений Приамурского военного округа и начальником обороны Приморской области, а позднее главным начальником тыла Маньчжурской армии с расположением

в Харбине [ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178. Л. 85, 97]. За годы войны он получил ордена Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 1 ст. и Св. Владимира 2 ст.

После окончания войны И.П. Надаров переведён в Западную Сибирь. С 1906 по 1908 г. был Степным генерал-губернатором, Командующим войсками Омского военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска. В июне он ушёл в отставку с присвоением чина генерала от инфантерии, с сохранением мундира и пенсии [10, с. 116—117]. Последующий период своей жизни, вплоть до горнила революционных событий и Гражданской войны, Иван Павлович Надаров прожил в родном Константинограде, где скончался в 1922 г. Точная дата его смерти так и не известна [10, с. 117—122].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Галицкий В.Д., Калашников С.В., Ключев Н.А., Крадин Н.Н., Лынша В.А., Новоградский И.В., Никитин Ю.Г., Тарасенко В.Н. Предварительные результаты археологического обследования бассейна реки Бикин // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 1998. С. 3—11.
2. Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. С. 5—26.
3. Константинова Т.А. Губернаторы Забайкалья 1851—1917. Чита: Тип. ЧП Г.Г. Богданова, 2001. 91 с.
4. Крадин Н.Н., Ключев Н.А., Никитин Ю.Г., Слепцов И.Ю., Тарасенко В.Н. Ранние комплексы городища Новопокровское-2 // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 89—93.
5. Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г. Некоторые результаты исследований городища Новопокровское-2 // Традиционная культура Востока Азии. Вып. 2. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. С. 82—90.
6. Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г. Средневековые городища Северного Приморья // Традиционная культура востока Азии. Сб. статей. Вып. 6. Благовещенск: Амурский гос. университет, 2010. С. 164—180.
7. Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г. Ёнхэчжу букбу чжи ён-ый чхеунт сесидэ кокохак юджокдыль = Средневековые памятники Северного Приморья // Когурё пальхэ ёнгу. Вып. 61. Июль 2018. С. 159—187.
8. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. Владивосток: Типография штаба портов Восточного океана, 1886. 48 с.
9. Надаров И.П. Северо-Уссурийский край // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXVII. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1887. С. 1—169.
10. Турмов Г.П., Калинин В.И., Аюшин Н.Б., Авилов Р.С. По следам старой фотографии: семья Надаровых // Россия и АТР. 2015. № 1. С. 94—126.

УДК 94(571.64)

Р.С. АВИЛОВ*

**ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО ИНЖЕНЕРА
ПЕТРА ПАВЛОВИЧА УНТЕРБЕРГЕРА:
ОПЫТ АНАЛИЗА И ПОДГОТОВКИ К ПУБЛИКАЦИИ**

В докладе рассматривается история анализа, перевода и подготовки к публикации на русском языке воспоминаний военного инженера полковника Петра Павловича (Питера Фридриха) Унтербергера. Сохранившаяся в собрании его внучки, Эрики Георгиевны Унтербергер (г. Гмунден, Австрия), рукопись под названием «„Zwischen zwei Stülen“ Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger» («„Между двух стульев“». Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера») имеет огромную историческую ценность. В первой части мемуаров автор подробно описывает свой жизненный путь. 1890—1895 гг. он провёл во Владивостоке, в 1895—1897 гг. учился в Дерпте и Царском Селе, затем — в Нижнем Новгороде, в 1899—1902 гг. — в Инженерном училище в Петербурге, затем три года служил в Лейб-гвардии Сапёрном батальоне, после чего окончил Николаевскую инженерную академию и отправился на службу во Владивосток, где в 1909—1914 гг. стоил Форт № 2 главной линии сухопутной обороны крепости. Воспоминания являются самым подробным источником по организации образовательного процесса в Николаевском инженерном училище и Николаевской инженерной академии. При подготовке рукописи к публикации наибольшие сложности возникли с переводом специализированной терминологии и идентификацией большого количества упомянутых в воспоминаниях лиц.

Ключевые слова: Пётр Павлович Унтербергер, Дальний Восток России, Владивостокская крепость, Приамурский военный округ, военное строительство, русская эмиграция.

R.S. AVILOV

**THE MEMOIRS OF MILITARY ENGINEER
PETER PAVLOVITCH UNTERBERGER: THE EXPERIENCE
OF ANALYSES AND PUBLISHING EDITION**

The report concerns the history of analyze, translation and publishing edition for publication in Russian language the memoirs of military engineer Colonel

---

* АВИЛОВ Роман Сергеевич — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: avilov-1987@mail.ru.

Peter Pavlovitch (Peter Fridrich) Unterberger. Saved in family archive of his granddaughter Erika Unterberger, living now in Gmunden, Austria the manuscript had a great historical value. It was named названием «„Zwischen zwei Stülen” Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger». In the first part of memoirs the author described in details his life in 1889—1909. In 1890—1895 he lived in Vladivostok, in 1895—1897 educated in Dorpat and Tsarskoye Selo, then in Nigniy Novgorod. In 1899—1902 he was a Junker of Nicholas Engineer School, then served 3 years in Guard Sapper Battalion, graduated Nicholas Engineer Academy and went to Vladivostok, where he had built the Fort No 2 of the main ground defense line of Vladivostok Fortress. The memoirs contained the most detailed description of the educational process in Nicholas Engineer School and Nicholas Engineer Academy. Having prepared the manuscript it was been found as difficulties the translation of especial terminology and identification of many peoples, named in the memoirs.

Keywords: Peter Unterberger, Russian Far East, Vladivostok Fortress, Priamurskiy Military District, military building, Russian emigration.

Хорошо написанные живые воспоминания человека о его времени, семье, работе, службе и окружавшей его действительности способны дать ценнейший материал для воссоздания картины прошлого. Материал, который никогда не найдёт отражение в официальных документах, составляющих подавляющее большинство из сохранившегося массива архивных источников. Особую ценность воспоминания приобретают, когда мемуарист или его близкие родственники оказали существенное влияние на историю какого-либо отдельного региона или страны, или если его жизнь пришлось на переломную эпоху в истории страны или мира. Воспоминания военного инженера полковника П.П. Унтербергера — инженера, спроектировавшего и построившего самый сильный во Владивостокской крепости Форт № 2, и родного сына Приамурского генерал-губернатора и Командующего войсками Приамурского военного округа, сенатора инженер-генерала П.Ф. Унтербергера — удовлетворяют обеим указанным категориям. Он родился 19 марта 1881 г. в г. Иркутске, где тогда служил его отец. Детство в 1890—1895 гг. провёл во Владивостоке, в 1895—1897 гг. учился в Дерпте и Царском Селе, затем — в Нижнем Новгороде, в 1899—1902 гг. — в Инженерном училище в Петербурге, затем три года служил в Лейб-гвардии Сапёрном батальоне, после чего окончил Николаевскую инженерную академию и отправился на службу во Владивосток, где в 1909—1914 гг. принял участие в строительстве новой главной линии сухопутной обороны крепости.

Был свидетелем трёх русских революций, участником Первой мировой и Гражданской войн, представителем восточной ветви русской эмиграции, жившим в Шанхае [8, с. 134—165].

Впервые о существовании рукописи, озаглавленной «“Между двух стульев...” Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера» [13], стало известно в 2010 г., во время визита во Владивосток правнучки генерала и, соответственно, внучки Петра Павловича, Эрики Георгиевны Унтербергер. Как оказалось, написанные в эмиграции воспоминания сохранились в семейном архиве, охватывали колоссальный период российской — и не только — истории начиная с 80-х гг. XIX в. и заканчивая 30-ми гг. XX в. Сначала исследователям был предоставлен в оцифрованном виде большой фотоархив семьи Унтербергеров, использованный впоследствии при публикации нескольких монографий [6, 7, 12], а затем — постепенная оцифровка самих воспоминаний, насчитывающих 1475 страниц машинописного текста.

Первой и ключевой проблемой, с которой пришлось столкнуться, стал язык воспоминаний. Поскольку, вынужденный эмигрировать из России после Гражданской войны 1918—1922 гг., П.П. Унтербергер не видел в обозримом будущем никаких перспектив возвращения на Родину ни для себя, ни для своих потомков, воспоминания были написаны на немецком языке. Причём последний был не совсем обычным. Дело в том, что первым родным языком Петра Павловича был русский, языком его матери, которым он владел как родным, был достаточно архаичный язык балтийских немцев, часть своей жизни он провёл на службе во французской армии и французский знал в совершенстве, а в бытность гражданским инженером в Шанхае его рабочим языком был английский. Всё это нашло своё отражение в языке мемуаров, поскольку, когда Петру Павловичу не хватало немецких слов, он благополучно использовал английские или французские, периодически достаточно оригинально инкорпорируя их целиком или частями (в основном заимствуя корни слов) в ткань немецкого языка и создавая недостающую лексику вроде прилагательного *spiddiger* (шустрый), а иногда и грамматику. Когда же ему нужно было привести уж совсем специфическую русскую терминологию, он просто прибегал к транслиту [13].

Поскольку в 2010 г. шла работа над публикацией четырёхтомной истории Владивостокской крепости, Эрика Георгиевна по просьбе авторов этого издания сначала перепечатала на компьютере жизненно необходимый для данного исследования фрагмент мемуаров, касающийся строительства Владивостокской крепости в 1910—1914 гг. Поскольку в исследовательской группе, занимающейся Владивостокской крепостью, немецким языком, и то на начальном уровне, владел

тогда только один человек, для ускорения процесса перевода этот текст был отправлен проживающей в г. Бухаресте (Румыния) Т.И. Шошиной — внучке Строителя Владивостокской крепости военного инженера генерал-майора А.П. Шошина. Татьяна Ивановна, мобилизовав двух других членов семьи — мужа А. Брейнера и сына И.А. Брейнера, — довольно быстро перевела этот текст. Помощь И.А. Брейнера, профессионального инженера, оказалась особенно ценной, так как значительная часть 18-й и 19-й глав была посвящена различным вопросам организации строительных работ и изобиловала достаточно специфической инженерно-технической терминологией, к тому же в значительной степени вышедшей из употребления. Бесценными оказались и знания самой Т.И. Шошиной, для которой, хотя и в меньшей степени, чем для автора воспоминаний, но всё-таки немецкий язык тоже был семейным. Сложности возникли со специфической фортификационной терминологией. Так, например, оказалось, что слова *стройка*, *строительная площадка* и *строительный участок* П.П. Унтербергер записывал по-немецки одним словом *Baustelle*, в то время как на русский язык их следовало переводить по-разному, в зависимости от контекста. Таких мест оказалось достаточно много, что высветило ещё одну проблему, с которой предстояло столкнуться при подготовке к публикации основного массива воспоминаний, — несовпадение в русском и использованном П.П. Унтербергером немецком языке различной специализированной терминологии: строительной, фортификационной, военной и т.д.

Анализ перевода показал, что в тексте имеются многочисленные пропуски и сокращения, касающиеся описания людей и событий. Когда был запрошен полный текст, Эрика Георгиевна немедленно прислала отсканированную копию, и работа продолжилась. Поскольку Татьяна Ивановна из-за проблем со зрением с трудом разбирала отсканированный текст, перевод пропусков, которые составили до трети первоначального объёма текста, пришлось выполнить Р.С. Авилову. В результате две главы мемуаров были опубликованы в четвёртом томе истории Владивостокской крепости [8, с. 166—244].

Поскольку было очевидно, что без помощи профессионального специалиста в области немецкого языка при дальнейшей подготовке русскоязычного издания воспоминаний не обойтись, к делу подключилась канд. филол. наук Л.Е. Корнилова. Именно она взяла на себя колоссальную работу по переводу всего доступного текста мемуаров на русский язык, которая продолжается и в настоящее время.

Одновременно велось исследование мемуаров как ценнейшего источника по самым разным сторонам отечественной и зарубежной истории, от проектирования и строительства Владивостокской крепости

до истории Гражданской войны в России и дальневосточной ветви русской эмиграции [1, с. 22—23; 2, с. 96—109; 3, с. 55—56; 4, с. 11—18; 5, с. 131—144; 10, с. 115—123; 11, с. 105—111].

Вскоре стало понятно, что объём воспоминаний настолько велик, что вместить их в одну книгу не получится. Поэтому было решено разбить издание на две книги, доведя повествование в первой из них до начала службы Петра Павловича во Владивостоке в качестве военного инженера, т.е. до уже опубликованной части мемуаров. На этом и были сосредоточены основные усилия как переводчика, так и редакторов.

Практически параллельно Р.С. Авиловым и В.И. Калининым велась работа над первой в России публикацией «Сибирских воспоминаний» генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга [9]. Во время неё удалось отработать значительную часть методики анализа и подготовки публикации текстов воспоминаний офицеров-дальневосточников, что впоследствии существенно ускорило работу над воспоминаниями П.П. Унтербергера. Уже тогда стало ясно, что серьёзные трудности возникают с идентификацией упомянутых в тексте воспоминаний офицеров и других лиц, проверкой достоверности описываемых событий по архивным документам и розыском в архивах упомянутых в тексте документов и материалов. Однако воспоминания А.П. Будберга были написаны на русском языке, что практически не создавало языковых сложностей.

Совершенно иная ситуация была с мемуарами П.П. Унтербергера, где на первое место вышел вопрос точности перевода терминологии, особенно с учётом специфики языка и темы повествования. Ни один современный словарь не содержит переводов названий всех государственных учреждений Российской империи, чинов, должностей, названий воинских частей и соединений. Поэтому определить, что П.П. Унтербергер имел в виду — например, должность Генерал-инспектора по инженерной части или Главное инженерное управление Военного министерства, — можно только по контексту, точно зная, о чём конкретно идёт речь. Более того, для обозначения чинов русской армии П.П. Унтербергер использовал систему чинов, принятую в немецкой армии, что сделало простой перевод названий чинов на русский язык невозможным, тем более что мемуарист ещё и сам постоянно путал, например, унтер-офицера и портупей-юнкера [13]. В каждом отдельном случае после языкового перевода приходилось ещё и переводить немецкую систему чинов в русскую. Эта колоссальная по объёму и сложности работа была выполнена В.И. Калининым, параллельно подготовившим примерно половину научного комментария.

Имели место в работе и чисто языковые сложности. Даже высококлассный переводчик с немецкого языка, каким, без сомнения, явля-

ется Л.Е. Корнилова, испытывает серьёзные трудности, когда мемуарист записывает термин *офицер-дневальный* как *Wachoffizier du jour*, т.е. первое слово в названии должности пишет по-немецки, а последние два — по-французски. Причём человеку, не владеющему французским языком, достаточно легко принять *ду жур* за сокращённое русское *де-журный* записанное транслитом, хотя это не так. Не меньше сложностей возникало и с переводом названий воинских частей и соединений. Так, мемуарист использовал слово *finnisch* одновременно для перевода прилагательных *финский* и *финляндский*, совершенно не употребляя *finnländisch*, что выдаёт в нём человека русской культуры. При этом в тексте упомянуты и Лейб-гвардии Финляндский полк, и Лейб-гвардии Финский батальон [13].

При такой ситуации оказалось, что для итоговой обработки перевода необходим специалист, хорошо знающий реалии Российской империи, Дальнего Востока и Владивостокской крепости описанного периода. Специалист, владеющий иностранными языками настолько, чтобы иметь возможность буквально по словам сверить выполненный перевод с оригинальным немецким текстом, исправить, где необходимо, терминологию, выявить и правильно перевести все франко- и англоязычные изыски мемуариста, уточнить нюансы перевода специализированной терминологии и подправить стилистику под реалии XIX — начала XX в. таким образом, чтобы при этом не пострадало качество перевода. Эта работа была возложена на Р.С. Авилова. Им же была выполнена значительная часть работы по идентификации упомянутых в тексте генералов, штаб- и обер-офицеров, войсковых частей и соединений, а также около половины научного комментария. При этом выяснилось, что, описывая парады в Петербурге, мемуарист перепутал составы всех без исключения Гвардейских дивизий и даже Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Таким образом, для публикации воспоминаний был подготовлен серьёзный научный комментарий, в котором даны пояснения многих деталей описываемых П.П. Унтербергером военных реалий, различных исторических событий, особенностей организации образования в Российской империи и т.д. и т.п. Также были идентифицированы подавляющее большинство упомянутых в тексте личностей, как военных, так и гражданских; приведены краткие биографические справки. На основе новых данных из семейных архивов подготовлена вступительная статья, а также колоссальный иллюстративный материал. Основная работа по подготовке к печати первой части воспоминаний П.П. Унтербергера была завершена к началу декабря 2020 г. Остаётся лишь надеяться, что эта публикация в обозримом будущем увидит свет.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авилов Р.С. Воспоминания Петра Павловича Унтербергера как источник по истории Дальневосточного «Исхода» // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: междунар. науч. конф., Владивосток, 6—8 октября 2014 г.: программа и тезисы. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2014. С. 22—23.
2. Авилов Р.С. Инженеры Владивостокской крепости в годы Гражданской войны: стратегии выживания (на примере семей Унтербергеров, Ионовых и Яковлевых) // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники: Международная научная конференция: сборник материалов. Владивосток, 2018. С. 96—109.
3. Авилов Р.С. Работа с семейным архивом военного инженера-эмигранта П.Ф. Унтербергера при исследовании Владивостокской крепости // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Вторая Международная научная конференция, Владивосток, 12—14 октября 2016 г.: программа и тезисы. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 55—56.
4. Авилов Р.С. Работа с семейным архивом военного инженера-эмигранта П.П. Унтербергера при исследовании Владивостокской крепости // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй междунар. науч. конф. (Владивосток, 12—14 октября 2016 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 11—18.
5. Авилов Р.С. Унтербергеры, Ионовы и Яковлевы: стратегии выживания военных инженеров Владивостокской крепости и их семей в годы Гражданской войны в России // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 19. С. 131—144.
6. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. «Назло надменному соседу». 1860—1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 383 с.
7. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906—1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.
8. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток: Дальнаука, 2015. 378 с.
9. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток: ОИАК-ПКО РГО, 2017. 434 с.
10. Корнилова Л.Е. Пребывание Престолонаследника Цесаревича Николая Александровича во Владивостоке (из воспоминаний Петра Унтербергера, перевод с немецкого языка) // Известия восточного института. 2016. № 1. С. 115—123.
11. Корнилова Л.Е. Реликвия семьи Унтербергер (из воспоминаний Петра Унтербергера, перевод с немецкого языка) // Известия Восточного института. 2019. № 2. С. 105—111.
12. Турмов Г.П., Калинин В.И., Аюшин Н.Б. По следам старых фотографий. Владивосток: Дальневосточный университет, 2011. 192 с.
13. «Zwischen zwei Stülen». Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Между двух стульев»). Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера // Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich).

УДК 347.965(09)(571.6)

*А.С. ЗАКОЛОДНАЯ****ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОНСТАНТИНОВ**

В статье предпринята попытка воссоздать особенности работы присяжного поверенного Николая Васильевича Константинова. Исследование проведено на основе анализа документов из 8 дел небольшого фонда Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, названного по имени присяжного поверенного Николая Васильевича Константинова. Изучение данных материалов позволило нам приблизительно узнать, как на Дальнем Востоке строилась работа присяжного поверенного. Удалось установить отдельные вехи профессионального пути Н.В. Константинова, рассмотреть особенности оплаты труда адвоката, отметить его активную позицию в отстаивании своих финансовых интересов, проанализировать личные предложения по решению данного вопроса. На основании отдельных сохранившихся документов изучены судебные дела, в которых он принимал участие. Выявлено, что значительная часть судебных процессов заканчивалась его победой, в результате чего сделано предположение об успешности его профессиональной деятельности.

Ключевые слова: адвокатура, присяжный поверенный, судебная реформа 1864 г., история Дальнего Востока России, конец XIX — начало XX в.

*A.S. ZAKOLODNAIA***PRISYAZHNYI POVERENNYI
NIKOLAI VASILIEVICH KONSTANTINOV**

The article attempts to recreate the features of the work of attorney at law Nikolai Vasilyevich Konstantinov. The study was carried out on the basis of an analysis of documents from 8 files of a small fund of the Russian State Historical Archive of the Far East, named after attorney Nikolai Vasilyevich Konstantinov. The study of these materials allowed us to find out approximately how the work of a sworn attorney was organized in the Far East. It was possible to establish separate milestones in the professional path of N.V. Konstantinov, to consider the features of a lawyer's remuneration, to note his active position in defending his financial interests, to analyze personal proposals for solving this issue.

---

* ЗАКОЛОДНАЯ Анна Сергеевна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: zakolodnay@mail.ru.

On the basis of individual surviving documents, the court cases in which he took part were studied. It was revealed that a significant part of the trials ended in his victory, as a result of which an assumption was made about the success of his professional activity.

Keywords: advocacy, prisyazhnyy poverenny, judicial reform of 1864, history of Russian Far East, late XIX — early XXth century.

Процесс формирования адвокатуры в Российской империи был достаточно сложным. Проведение судебной реформы 1864 г. шло поэтапно, поэтому институт адвокатуры появился на Дальнем Востоке значительно позже, чем в центральной части страны. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока есть небольшой фонд, состоящий всего из 8 дел, названный по имени присяжного поверенного Николая Васильевича Константинова. Несмотря на малый объём коллекции, её изучение позволяет нам хотя бы приблизительно узнать, как здесь строилась работа присяжного поверенного.

К сожалению, в делах фонда отсутствуют сведения о личных данных, поэтому нам не известно, был ли Н.В. Константинов уроженцем Владивостока или приехал сюда из другого города, где он получил образование, как складывалась его карьера и др. Информация о нём впервые появляется в памятной книжке Приморской области в 1901 г., где он указан как частный поверенный. С 1901 по 1908 г. его имя то появлялось, то исчезало из списков частных поверенных, возможно, из-за отсутствия у составителей точных данных. Вероятно, что с 1908 г. Н.В. Константинов становится присяжным поверенным и остаётся им до 1913 г. Во всяком случае, в направленных ему документах, датированных 1908 г., в качестве получателя везде указывается «присяжный поверенный Н.В. Константинов» [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 1. Л. 2, 6, 9]. Дальнейшая его судьба не известна.

Стоит отметить, что различия между присяжным и частным поверенным значительны. Последние должны были получить специальное свидетельство в Мировых съездах, Окружных судах или Мировых палатах, предоставлявшее право выступать только в судах, выдавших им такое разрешение, и только по гражданским делам. Чтобы стать присяжным поверенным, необходимо было соответствовать ряду критериев, указанных в Судебных уставах 20 ноября 1864 г., главными из которых было наличие высшего юридического образования и пятилетнего опыта работы в судебном ведомстве. Желая стать адвокатом подавал прошение с указанием своего места жительства в Совет присяжных

поверенных. В случае положительного решения Совета кандидат приводился к присяге. Присяжный поверенный имел право на «хождение по делам во всех судебных местах округа Судебной Палаты», к которой он был приписан. Таким образом, права и возможности присяжных поверенных были гораздо шире, чем у частных поверенных.

Сохранившиеся архивные дела относятся к тому периоду, когда Н.В. Константинов уже стал присяжным поверенным. В это же время он представлял интересы Владивостокской портовой конторы, хотя точная дата начала совместной работы не известна. Однако можно предположить, что сотрудничество началось не позже апреля 1907 г. Такой вывод можно сделать на основании изучения составленной от руки ведомости находящихся в производстве судебных дел, самое раннее из которых относится к этому периоду [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 1. Л. 32]. Известно также, что он проживал по адресу улица Пекинская, дом № 35, где принимал клиентов с 9 до 10 часов утра и с 17 до 19 часов вечера [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 1. Л. 34].

Сохранившаяся в архиве переписка проливает свет и на вопросы оплаты труда адвоката. Следует отметить, что в 1868 г. Министерством юстиции была разработана специальная такса, с помощью которой можно было рассчитать вознаграждение поверенного. Его размер зависел от цены иска [1, с. 36—37]. Кроме того, присяжный поверенный и его клиент имели право договориться о размере будущего гонорара, зафиксировав это в письменном соглашении. Именно последний вариант для Н.В. Константинова был наиболее предпочтительным, что видно из сохранившейся переписки между ним и Владивостокской портовой конторой. Например, в начале декабря 1908 г. присяжный поверенный выдвинул следующие условия ведения дела с Товариществом пароходных предприятий: «три процента от суммы иска с выдачею при заключении условия одной тысячи рублей в счёт гонорара и под отчёт на расходы триста рублей», которые впоследствии были приняты начальником управления Порта [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 1. Л. 7, 10]. Дошедшие до нас документы свидетельствуют о том, что Николай Васильевич активно отстаивал свои интересы в решении финансовых вопросов, связанных с оплатой его труда. Так, в 1910 г. он направил письмо, в котором сообщал, что на основании соглашения, заключённого между ним и Портовой конторой и утверждённого Морским министерством, он получал вознаграждение согласно вышеупомянутой таксе по «увечным делам», а также за ведение других дел при выигрыше — 10% от исковой суммы и половину суммы присуждённых казне издержек. Исключением стало лишь дело Товарищества пароходных предприятий по причине «значительности суммы

иска», вознаграждение за которое было определено в размере 3% от суммы иска. За ведение всех дел Н.В. Константинов получал третью часть от положенной ему суммы вперёд. В 1909 г. его заработок составил 4700 руб. 61 коп., при этом оплата за каждое дело варьировалась от 73 руб. 33 коп. до 700 руб. Николай Васильевич предполагал, что в 1910 г. эта сумма увеличится до 6091 руб. 67 коп., при этом оплата за каждое дело составит от 16 руб. 80 коп. до 3785 руб. 40 коп. Таким образом, сотрудничество с Портовой конторой ежегодно приносило адвокату более 4500 руб. [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 1. Л. 34—34 об.]. Однако при этом он считал, что особенности совместной работы вынуждают обратить внимание Портовой конторы на необходимость пересмотра условий вознаграждения его труда, особенно учитывая такие факты, как отсутствие оплаты за даваемые им различного рода юридические советы и заключения, а также рост числа дел с крайне низким размером иска, требующих значительных временных затрат. На основании этого он предлагал три варианта: первый — предоставить ежегодное жалование в размере 5000 руб. (данная сумма взята им на основании размера вознаграждения главного юриста Китайско-Восточной железной дороги, получавшего 6000 руб., «при готовой квартире с отоплением и освещением и кроме того серьёзное вознаграждение за выигранные дела»); второй — предоставить жалование в размере 3000 руб., сохранив прежние условия оплаты для дел, сумма исков которых превышает 500 руб.; третий — сохранить действовавшие условия по ведению дел суммою от 500 руб., с исков менее 500 руб. выплачивать 20% от размера иска, установить стоимость заключения в размере 100 руб., за присутствие на судебном заседании — 25 руб. [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 1. Л. 35—35 об.]. Необходимо отметить, что в настоящий момент установить, какой из вариантов был принят (либо то, что все они были отвергнуты), не удалось.

В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока сохранилось несколько дел, в которых Н.В. Константинов представлял интересы Владивостокской портовой конторы. Так, 20 мая 1909 г. она обратилась к нему с просьбой «принять на себя ведение дела» мастерового б. Улисс Ануфриева. Сущность дела заключалась в следующем: 22 марта 1908 г. во Владивостокский морской госпиталь поступил мастеровой Ануфриев с серьёзной травмой глаза, которая в будущем могла привести к потере зрения. В мае того же года Ануфриев обратился в Портовую контору с просьбой назначить ему пожизненную пенсию в связи с утратой трудоспособности. Особое присутствие при Владивостокском порте просьбу не удовлетворило, поэтому Ануфриев подал возражение на это постановление, дополнительно

приложив заключение врача Окса, подтверждавшее потерю им трудоспособности на 33%, но и оно было отклонено. Это заставило мастерового обратиться в суд с требованием о назначении ему пожизненной ежемесячной пенсии в размере 30 руб. [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 2. Л. 1, 5, 41—41 об., 43—43 об.]. 25 февраля 1910 г. состоялось заседание Владивостокского окружного суда, которое встало на сторону Портовой конторы и отказало Ануфриеву в иске, а также возложило на него уплату судебных издержек. Однако адвокат последнего, помощник присяжного поверенного Д.С. Тихановский, подал в Иркутскую судебную палату апелляционную жалобу. Присяжным поверенным Н.В. Константиновым было подготовлено на неё специальное объяснение, в котором он доказывал правильность принятого Владивостокским окружным судом решения, опровергал доводы Д. Тихановского и просил «апелляционную жалобу Ануфриева оставить без последствия и присудить с него в пользу моего доверителя судебные и за ведения дела издержки в двух инстанциях» [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 2. Л. 68—69]. К сожалению, не сохранилось окончательного решения, но можно предположить, что Н.В. Константинову удалось окончательно выиграть дело, так как в конце октября 1910 г. Портовая контора обратилась к нему с просьбой принять меры по взысканию с Ануфриева судебных издержек [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 2. Л. 73].

Годом ранее похожий по содержанию иск был подан И.М. Титкиным, который полностью потерял в результате полученной им серьёзной травмы трудоспособность и требовал взыскать с Порты 5798 руб. [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 3. Л. 1, 2]. В деле сохранились лишь предварительные документы, собранные присяжным поверенным: копии искового требования, документы о назначении пенсии, протокол дознания, справки и свидетельства медицинского освидетельствования, но отсутствует итоговое решение суда. По этой причине не представляется возможным сказать, было ли выиграно это дело.

Стоит отметить, что присяжному поверенному ещё не раз придётся защищать интересы Владивостокской портовой конторы по делам подобного рода. В 1911 г. бывшим мастеровым Василием Патрикеевым был подан иск о взыскании с Владивостокского порта 3922 руб. 50 коп. в связи с травмой глаза, в результате которой он лишился возможности работать по специальности, а также потерял «при этом 33,5% и общей трудоспособности» [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 4. Л. 3, 4, 5—5 об.]. В суде, как и в предыдущем деле, интересы истца представлял помощник присяжного поверенного — Д.С. Тихановский. Дело рассматривалось в двух инстанциях, так как им была подана апелляционная жалоба на решение Владивостокского окружного суда.

Однако Н.В. Константинову удалось выиграть и это дело. Его позиция была основана на следующих фактах: при устройстве на работу Патрикеев заключил контракт, один из пунктов которого звучал следующим образом: «В случае если я получу во время работы ушибы или раны и сделаюсь неспособным к работе мне назначается пенсия согласно ст. ст. 122—142 Кн. V. Св. Мор. Пост. Изд. 1901 года» [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 4. Л. 7 об.]. Согласно ст. 126 указанного документа, в случае увечья рабочий мог рассчитывать на получение ежегодной пенсии в 60 руб. [2, с. 55]. Именно такая пенсия и была ему назначена командиром Владивостокского порта [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 4. Л. 14]. Суд встал на сторону ответчика, отказал мастеровому в удовлетворении иска и взыскал с него в пользу командира Владивостокского порта 235 руб. 32 к. [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 4. Л. 27].

Тем не менее не всегда Н.В. Константинову удавалось полностью выигрывать судебные дела данного типа. В августе 1911 г. во Владивостокский суд с исковым прошением обратился бывший рабочий порта А.М. Кабанов. В нём он требовал взыскать с ответчика 3900 руб. в связи с 25% утраты трудоспособности. 15 марта 1912 г. Владивостокский окружной суд иск А.М. Кабанова удовлетворил частично, постановив: 1) назначить истцу пожизненную пенсию в размере 76 руб. 10 коп., взыскать с Владивостокского военного порта в пользу крестьянина Андриана Маковича Кабанова 761 руб. (общая сумма пенсионных выплат со дня предъявления иска), в остальной части иска отказать; 2) судебные издержки разделить между сторонами следующим образом: взыскать с Кабанова в пользу Владивостокского военного порта 141 руб.; 3) вычесть из присуждённой истцу суммы 31 руб. 39 коп. судебной пошлины; 4) взыскать с Владивостокского военного порта 31 руб. издержек производства [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 62—62 об.]. Присяжным поверенным Н.В. Константиновым была подана в Иркутскую судебную палату апелляционная жалоба, в которой он просил решение Владивостокского окружного суда отменить, а на заявителя возложить оплату судебных издержек, так как ему было отказано в большей части иска. Суд второй инстанции согласился с последним доводом Присяжного поверенного и постановил взыскать с истца в пользу ответчика 194 руб. 8 коп. вознаграждения за ведение дела, но ранее принятое решение в основной его части оставил без изменений [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1. Д. 8. Л. 71—71 об., 72 об.].

Часть дел удавалось решить в ходе досудебных разбирательств. Так, в декабре 1910 г. Н.В. Константинов от лица Владивостокской портовой конторы подал иск о взыскании с Товарищества Артемьев и Сташкевич 2028 руб. 60 коп. [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 5. Л. 1, 16, 20]. Причиной

обращения в суд стало нарушение вышеназванным товариществом условий заключённого договора, согласно которому они должны были заплатить Порту 10 тыс. руб. за металлический лом с затонувшего крейсера «Изумруд» к 1 сентября 1909 г. К декабрю 1910 г. Порт получил только 7971 руб. 41 коп. В конце декабря 1910 г. присяжный поверенный Н.В. Константинов сообщил во Владивостокскую портовую контору, что «иск к Сташкевичу и Артемьеву в 2028 р. 60 к предъявлен мною 22 декабря и 23 числа наложен арест на предметы, снятые с крейсера «Изумруд» и хранящиеся в Русско-Китайском Банке» [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 5. Л. 7, 12 об., 17]. Видимо, это заставило Товарищество выполнить взятые на себя обязательства, и командир порта издал приказ об отзыве поданного иска, так как «контрагентом Порта Механиком Сташкевичем доставлено с погибшего крейсера «Изумруд» и сдано в порт согласно контракта, судового имущества всего на сумму 9992 руб. 40 коп., так что нехватящие до 10.000 руб. 7 руб. 60 коп. будут удержаны из залога Сташкевича» [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 5. Л. 31].

В 1912 г. Н.В. Константинов сумел успешно завершить ещё одно дело. В суд с исковым прошением в марте 1911 г. обратился А.М. Тимошенко: он требовал взыскать с Порта 1083 руб. 21 коп. за произведённые его артелью работы. На состоявшемся в феврале 1912 г. заседании суда присяжному поверенному удалось выиграть процесс. Он доказал, что истец на самом деле являлся не артельным старостой, а старшим среди рабочих, поэтому при оплате их труда использовались нормативные акты о «задельной работе», в связи с чем расчёт с ним и остальными мастеровыми был произведён верно. Суд, как уже было отмечено выше, встал на сторону ответчика [РГИА ДВ. Ф. 999. Оп. 1 Д. 7. Л. 15, 19—19 об.].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в своей профессиональной деятельности присяжный поверенный Н.В. Константинов был достаточно успешен. Насколько мы можем судить по сохранившимся делам, значительная часть их часть была им выиграна.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Адрес-календарь и спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю. 1912 г. Иркутск: Паровая типо-лит. П. Макушина и В. Посохина, 1912. Вып. VIII. 1210 с.
2. Свод морских постановлений. Книга пятая. Технические заведения морского ведомства. Издание 1901 года. СПб.: Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе, 1902. 71 с.
3. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 94(571.64) «19»:394

*М. В. ГРИДЯЕВА****НАРОДНЫЕ ДОМА НА САХАЛИНЕ**

Статья посвящена истории создания и деятельности на Сахалине народных домов. Рассматриваются исторические предпосылки появления, основные направления и результаты их работы, а также местные особенности. Автором использованы неопубликованные и опубликованные источники. Отмечено, что ещё до появления народных домов на Сахалине проводились народные чтения, которые имели не только просветительное, но также воспитательное и развивающее значение. Первый народный дом был открыт в 1907 г. в с. Рыковском, в 1913 г. — в посту Александровском. Эти общедоступные культурно-просветительские учреждения объединяли все формы образовательной и досуговой деятельности: вечернее образование для взрослых и внешкольное для детей, систематическая лекционная работа, организация хоровых коллективов и т.д. В народных домах также имелись бесплатные библиотеки, в п. Александровском — музей и театральный кружок. Строились и финансировались они как государством, так и частными лицами, помощь казны была хотя и не постоянной, но ощутимой. Вмешательство местной власти в их деятельность было всепроникающим. На проведение чтений, лекций, спектаклей и других зрелищных мероприятий требовалось разрешение губернатора. Основные проблемы коренились в слабой материальной базе и нехватке подготовленных специалистов. Просветительская деятельность осуществлялась благодаря подвижничеству отдельных людей — учителей, врачей, чиновников, политических ссыльных. Сделан вывод, что народные дома являлись одной из важнейших организационных форм культурно-просветительного движения начала XX в. на Сахалине, решали значимые для островного социума проблемы.

Ключевые слова: Сахалин, народные чтения, народные дома, интеллигенция, просветительное движение.

*M. V. GRIDYAEVA***COMMUNITIES HOUSES ON THE SAKHALIN**

The article is devoted to the history of the creation and activity of communities houses on the Sakhalin. The historical background of the creation, the main

---

* ГРИДЯЕВА Марина Владимировна — канд. ист. наук, Государственный исторический архив Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск. E-mail: grimar123@yandex.ru.

directions of activity and the most important results and local features are considered. The author uses both unpublished and published sources. It is noted that even before the appearance of communities houses on Sakhalin, folk readings were held, which had not only educational, but also educational and developmental significance. The first communities houses was opened in 1907 in the village of Rykovskoe, in 1913 — in the post of Alexandrovski. These public cultural and educational institutions combined all forms of educational and leisure activities: evening education for adults and extracurricular education for children, systematic lecture work, organization of choral collectives. They had free libraries, a museum and a theater circle at the post Alexandrovski. They were built and financed by both the state and private individuals, the state's assistance was not constant, but tangible. The interference of the local authorities in their activities was pervasive. The governor's permission was required to conduct readings, lectures, performance and others entertainment events. The main problems consisted in weak material base and the shortage of the trained specialists. Educational activities were carried out by the asceticism of individual people-teachers, doctors, officials, political exiles. It is concluded that the communities houses were one of the most important organizational forms of the cultural and educational movement of the beginning of the 20th century on Sakhalin, they solved significant problems for the island society.

Keywords: Sakhalin, popular readings, communities houses, intelligentsia, educational movement.

Богатая литература о Сахалине создала достойный памятник сахалинской каторге, навсегда запечатлев в истории «проклятый остров», место «отчаяния и ужаса» [11, с. 7], «ссылки отверженных обществом уголовных преступников», мрачный тюремный каземат, где «никаких просветительных учреждений для жителей не было» [18, с. 36—37] и «каторга и при бенгальском освещении остаётся каторгой» [17, с. 63]. Духовная жизнь сахалинского общества, «разумные развлечения» и другие формы досуга, как справедливо отметила исследователь М.И. Ищенко, «не становились предметом внимания», а «тема отдыха никак не укладывалась в несколько надуманную, излишне-мрачную картину жизни островитян в период каторги» [8, с. 193]. Одним из первых рассмотрел в своих работах «зачатки культурной жизни» на острове И.А. Сенченко, вместив в данное понятие также организацию научных экспедиций, развитие медицинского обслуживания и открытие метеостанций [14, с. 42—50]. Многие аспекты духовной жизни на Сахалине затрагивалась в ряде современных исследований,

посвящённых проблемам становления книжной [15; 16] и театральной культуры [9], а также досуга сельского населения [7, с. 3—11; 8, с. 192—201]. Однако по-прежнему не получила должного освещения такая значимая форма отечественного культурно-просветительного движения начала XX в., как народные дома. В данной статье мы попытались восполнить этот пробел.

Сахалинское общество на рубеже веков было весьма неоднородно и условно делилось на две касты: подневольное (неполноправное) население (ссыльнокаторжные, ссыльнопоселенцы и крестьяне из ссыльных) и «свободные жители» (гражданские и военные чины с семьями, духовенство, свободные поселенцы, крестьяне из детей ссыльных, члены семей, добровольно последовавшие за осуждёнными). К началу XX в. здесь проживало немногим более 38 тыс. чел. (без учёта коренных народностей), свыше 60% — из категории неполноправных [РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2241. Л. 2, 202, 355]. Эта локальная особенность оказала значительное влияние на духовную и культурную жизнь местного общества.

Для населения Сахалина конца XIX — начала XX в., находившегося в изоляции от общественной жизни страны и оторванного от культурных центров России, внешкольные формы просвещения (музеи, народные дома, библиотеки и т.д.) имели большое значение, способствуя преобразованию социальных отношений, открывая новые пути для духовно-нравственного развития. Современники справедливо полагали, что просветительная деятельность здесь «необходимее, чем где бы то ни было» [12, с. 87].

Появлению народных домов на Сахалине предшествовала организация народных чтений, которые с середины 1890-х гг. устраивали по воскресным и праздничным дням в окружных центрах. «Факт... в высшей степени отрадней для нашего острова...», — так оценивали эти мероприятия современники [5]. Нравоучительные рассказы, назидательные рассуждения, познавательные исторические экскурсии решали двуединую задачу — развлекая, исправлять нравы и повышать культурный уровень населения. «Приятно читать на фонарных столбах города „каторжных“ (пост Александровский. — *М.Г.*) объявления о народных чтениях с туманными картинками, пением, музыкой. За это спасибо инициаторам и участникам» [5].

Чтецами выступали военные, чиновники, врачи, недостатка в них не было. В отличие от Сибири, где политическим ссыльным проведение народных чтений воспрещалось, на Сахалине на этот запрет закрывали глаза. В числе организаторов и участников встреч был Б.О. Пилсудский. Лекторы тщательно готовились к выступлению,

старались «подготавливать тексты из книжек и учебников, чтобы не слишком затягивать и сделать понятным» [13, с. 141].

Местом проведения служила огромная приёмная зала в здании канцелярии военного губернатора. Народные чтения стали самым массовым зрелищем в культурной жизни острова, собирая одновременно свыше 100 человек [13, с. 137]. Несомненно, большую роль в этом сыграло отсутствие широкого выбора развлечений.

Успех воскресных вечеров побудил местную интеллигенцию поднять вопрос об открытии в посту Александровском народного дома — универсального досугового центра, рассчитанного на самые широкие слои населения. Сбор средств на строительство был начат в феврале 1902 г. во время чествования русских писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского [6]. Позже речь одного из лекторов, акцизного чиновника А.А. Панова, даже опубликовали в местной типографии [10]. Однако идее суждено было воплотиться в жизнь лишь спустя годы. А.А. Панов, описывая сложившуюся ситуацию, отмечал: «к сожалению, на Сахалине слишком много лиц, готовых тормозить всякое начинание в этом направлении...» [12, с. 87].

Первый народный дом на острове был открыт в 1907 г. «Рыковским обществом устройства развлечений и распространения полезных знаний в народе» в административном центре Тымовского округа «на скромные благотворительные средства» и носил имена Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 47. Л. 36]. Его членами стали чиновники, учителя и крестьяне. В п. Александровском строительство народного дома было завершено лишь в 1912 г. [РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 47. Л. 56].

Народные дома на Сахалине строились и финансировались как государством, так и частными лицами. Средств, получаемых от членских и добровольных взносов, продажи билетов на спектакли, едва хватало на хозяйственные расходы по содержанию зданий и мелкий ремонт [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1762. Л. 32 об.]. Поддержка «от казны» была sporadическая, но весомая. Денежные вливания с разрешения приамурского генерал-губернатора шли через государственное торговое учреждение — Сахалинский экономический фонд. Так, новое здание народного дома в с. Рыковском было построено и оборудовано на 4 тыс. руб., выделенные фондом. 28 декабря 1914 г. состоялось его освящение [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1762. Л. 32—32 об., 36, 41].

По размаху своей деятельности народные дома во многом превзошли робкие усилия народных чтений 1890-х гг. и практически сразу стали своеобразными культурно-просветительными центрами. Устроенные

по типу клубов, они объединяли все формы образовательной и досуговой работы, людей разных возрастов и имущественного положения. В народном доме в с. Рыковском имелась приличная библиотека, насчитывавшая до 1000 наименований книг для всех возрастов, «читальня» и вечерние курсы для взрослых [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 161. Л. 39]. При народном доме в п. Александровском, помимо библиотеки и вечерних курсов, работали музей и «театральный отдел».

Главной целью этих «очагов просвещения» являлась популяризация «разумных развлечений», искоренение невежества и противодействие бытовому пьянству, превращение литературы и искусства в значимую духовную потребность людей, лишённых доступа к высотам культуры. В стенах народных домов проходили любительские спектакли, чтения с «туманными картинками», вечеринки с танцами для молодёжи и игры для детей, выступали народный и церковный хоры. Как правило, основное место на каждом мероприятии отводилось лекциям, чтениям, спектаклям. Стихи и басни декламировали как взрослые, так и дети. Вторая часть программы, иногда проходившая в антракте, — выступление хора. Концерт был, с одной стороны, своеобразным «довеском», а с другой — «зрелищной приманкой». Народные дома старались оснащать как можно лучше. Так, в с. Рыковском имелся «хороший проекционный фонарь, 40 чтений с 308 картинками» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 161. Л. 39].

Новации были с успехом приняты основной массой населения. Общедоступные, простые и оживлённые вечера быстро завоевали симпатии публики и весьма охотно посещались. Только за 4 месяца 1907 г. в народном доме с. Рыковского прошло 23 чтения, охвативших около 4000 слушателей из близлежащих селений. Нехитрая программа, включавшая декламацию учениками стихотворений и басен в лицах, «хоровое выполнение школьниками великорусских и малороссийских песен», игры для детей и танцы для взрослых, привлекала зрителей [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 161. Л. 39—39 об.].

Местная интеллигенция активно включилась в просветительскую деятельность. В задачи народных домов входила не только организация развлекательных мероприятий, но и популяризация гигиенических и ветеринарных знаний, пропаганда здорового образа жизни. Здесь «сообщались народу разные полезные сведения», связанные с сельскохозяйственными работами. Так, 3 января 1913 г. в народном доме в п. Александровском был прочитан курс лекций: областным врачебным инспектором Ф.С. Стройновским — «О заразных болезнях» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 410. Л. 199—216], областным

ветеринарным врачом М.М. Лисицыным — «О скотоводстве и здоровье скота» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 410. Л. 174—198].

Народные дома сразу же оказались подконтрольными местной власти. «Заведывало делами» здесь чиновничество. Создавались специальные комитеты, в п. Александровском, например, его возглавлял губернатор [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 752. Л. 205; Д. 754. Л. 227]. Устраняясь, по возможности, от материальных затрат, администрация пристально наблюдала за всем происходящим, терпимо относилась к общественным инициативам, иногда поощряла их, но лишь до тех пор, пока деятельность организаторов не выходила за строго установленные рамки.

Вмешательство администрации в культурно-просветительное движение на Сахалине было всепроникающим. На проведение народных чтений, открытие бесплатных библиотек-читален, народных театров требовалось разрешение губернатора. Мероприятия проходили под наблюдением комитета. Репертуар вечеров, особенно праздничных, тщательно корректировался на специальных заседаниях. Цензурная работа была отлажена до мелочей и проводилась регулярно по отношению ко всем зрелищным мероприятиям, на которых обязательно присутствовал губернатор либо его доверенное лицо. Лекторами обычно выступали благонадёжные чиновники. Со сцен народных домов внушались «верноподданнические чувства». Начальник округа, например, сообщал населению «о Государственной Думе и её трудах» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 161. Л. 39].

Особенно тщательно, как и по всей стране, шла подготовка к празднованию в 1913 г. 300-летия правления династии Романовых в России, которое по местным масштабам носило огромный размах. К этому событию в том числе было приурочено торжественное открытие «Народного дома имени Царствующего Дома Романовых» в п. Александровском [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 754. Л. 227].

Воплощение в жизнь идей просветительства на Сахалине шло с большими трудностями, причины которых коренились в недостаточном финансировании, слабой материальной базе и отсутствии подготовленных специалистов. Так, народный дом в с. Рыковском долгое время располагался в старом здании бывшей окружной лечебницы [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 674. Л. 57—58]. Просветительская деятельность большей частью осуществлялась благодаря подвижничеству отдельных людей — учителей, врачей, чиновников, политических ссыльных. Она вливала струю свежего воздуха в душную атмосферу бывшей каторжной колонии.

В 1917 г. идея народных домов была перенята новой властью. Эти учреждения продолжали оставаться не только культурно-просветительными центрами, в их деятельности сосредоточилась и политическая жизнь острова. Так, в п. Александровском устраивались литературно-музыкальные вечера «с хоровым пением, струнным оркестром, соло и дуэтом на скрипках, декламацией, инсценировкой и другой эстетикой» [2, с. 1]. Свои спектакли представлял «Коллектив русских драматических артистов» [1, с. 1], в репертуаре которого особое место занимали произведения классики. Для привлечения публики по окончании спектакля проводили танцы. Здесь же устраивали общие сходы члены артели на паях [4, с. 1], совета старейшин Александровского общественного собрания [3, с. 1].

В 1920—1930-х гг. в стране большое распространение получили дома крестьянина, или сельские народные дома, которые должны были стать опорой политической, сельскохозяйственной и культурной работы на селе. Эти культурно-просветительные центры, как и дореволюционные народные дома, выполняли функции избы-читальни, выставки, театра и т.д. Идеи демократизации культуры, приобщения к её достижениям широкой народной массы через развитие сети таких учреждений оказались востребованы новой властью. Некоторые из народных домов использовались в данный период и в качестве гостиниц, поскольку для делегатов многочисленных совещаний и съездов из районов жилья в городе не хватало.

В 1925 г. в г. Александровске, в помещении бывшего народного дома, открыли рабочий клуб. Он был призван сыграть большую роль в «коммунистическом воспитании», в его задачи входило приближение трудящихся Сахалина к государственной, партийной и профсоюзной жизни страны, от которой те были «насильственно оторваны в течение долгих лет». Открылась центральная библиотека с детским отделением и передвижным фондом, был восстановлен краеведческий музей. Начался новый этап «культурного строительства» на острове.

И сегодня некоторые культурно-просветительные учреждения в России фактически являются народными домами, что говорит о преемственности исторического опыта работы подобных структур. Конечно, задачи современных народных домов трансформированы: нет необходимости создания публичных бесплатных библиотек или обучения грамоте всех желающих. Однако основную задачу народного дома — объединение населения вокруг культурно-просветительского центра — нельзя не признать чрезвычайно насущной и в наши дни. Сегодня в домах культуры функционируют группы творческого развития

детей, хоры, ансамбли. Дома детского творчества, воскресные центры при храмах, дома культуры в основе своей деятельности имеют исторические формы, способствующие консолидации общества на здоровых, традиционных началах, объединяющие людей разных социальных, половозрастных групп, связанных общими интересами и делами.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Вестник острова Сахалина, издающийся при самоуправлениях. Пост Александровский. 1918. 1 нояб.
2. Вестник острова Сахалина, издающийся при самоуправлениях. Пост Александровский. 1918. 9 дек.
3. Вестник острова Сахалина, издающийся при самоуправлениях. Пост Александровский. 1919. 22 янв.
4. Вестник острова Сахалина, издающийся при самоуправлениях. Пост Александровский. 1919. 17 фев.
5. Владивосток. 1896. 14 янв.
6. Владивосток. 1902. 31 март.
7. Ищенко М.И. Досуг русского сельского населения Сахалина // Краеведческий бюллетень. 1992. № 2. С. 3—11.
8. Ищенко М.И. Русские старожилы Сахалина. Вторая половина XIX — начало XX вв. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2007. 348 с.
9. Краев А.И., Цупенкова И.А. Долгая дорога к большой сцене. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2004. 218 с.
10. Н.В. Гоголь. Речь А.А. Панова, читанная в день чествования памяти Гоголя и Жуковского 21 февраля 1902 года в Общественном собрании служащих на о-ве Сахалине. П. Александровский, 1902. 59 с.
11. Оларт Е. Проклятый остров. М., 1913. 127 с.
12. Панов А.А. Сахалин, как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. 234 с.
13. Пилсудский Б.О. «Дорогой Лев Яковлевич...» (Письма Л.Я. Штернбергу. 1893—1917 гг.). Южно-Сахалинск, 1996. 336 с.
14. Сенченко И.А. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX — начало XX в.). Южно-Сахалинск, 1957. 108 с.
15. Старейшая сахалинская библиотека / сост. Г.Н. Смекалов. Александровск-Сахалинский, 2006. 24 с.
16. Цебизова С.А. Библиотеки каторжного Сахалина. Очерк. Южно-Сахалинск, 2007. 17 с.
17. Чехов А.П. Остров Сахалин (Из путевых записок). Собр. соч. в 12 т. М., 1985. Т. II. 416 с.
18. Шин А.В. Некоторые вопросы из истории народного образования дореволюционного периода Сахалина // Преподавание педагогических дисциплин в высшей школе. М., 1973. С. 36—37.
19. РГИА (Рос. гос. ист. арх.).
20. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 94 (571.6)

О.А. УСТЮГОВА*

СНАБЖЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ СОЛЬЮ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности обеспечения Дальнего Востока солью в годы Первой мировой войны. В это время, как и до войны, регион зависел от ввоза иностранной соли, однако наблюдались трудности с поставками морским путём, вследствие чего возник дефицит товаров первой необходимости, приведший к росту цен на них. Введение органами городских самоуправлений фиксированных цен на соль (такс) оказалось неэффективным в борьбе с дороговизной. В условиях высокой потребности в поваренной соли как продукте первой необходимости и сырье для рыбопромышленности, зависимость от импорта соли беспокоила власти, поэтому определённое внимание они уделяли исследованию возможностей снабжения местного населения солью российского производства. Ввоз соли с Иркутского солеваренного завода был затруднён из-за значительной себестоимости его продукции и транспортных издержек. Была организована доставка партии соли с юга России по железной дороге, однако её цена также оказалась слишком высокой. Во время Первой мировой войны, как и в довоенное время, зависимость региона от ввоза иностранной соли сохранялась: если до войны основное количество необходимой населению и рыбопромышленности соли поступало из Германии, то после 1914 г. поставщиками стали Япония, Китай и Порт-Саид.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Первая мировая война, соль, снабжение, торговля.

O.A. USTYUGOVA

SALT SUPPLY OF THE RUSSIAN FAR EAST DURING THE FIRST WORLD WAR

The article deals with the supply of the Far East with salt during the First World War. At that time, as well as before the war, the region depended on imports of foreign salt. However, there were difficulties with the supply to the Russian

---

* УСТЮГОВА Ольга Александровна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: ustyugova75@mail.ru.

Far East with essential goods by sea, as a result, there was a shortage, which led to an increase in prices for them. The introduction of fixed salt prices by city governments in the fight against high prices proved ineffective. With a high demand for table salt as a product of prime necessity and raw material for the fishing industry, the dependence on imports of foreign salt worried the authorities, so they explored the possibility of supplying the local population with Russian salt. It was difficult to import salt from the Irkutsk salt plant because of the high cost of its products and transportation costs. The delivery of salt from the south of Russia by railroad was organized, but its price was also too high. During the First World War, as in the pre-war period, the region's dependence on the import of foreign salt remained. While in the pre-war period the main amount of salt needed by the population and the fishing industry came from Germany, after 1914 Japan, China, and Port Said became the suppliers.

Keywords: Russian Far East, World War I, salt, supply, trade.

Вдореволюционный период Дальний Восток снабжался солью, привозившейся из-за границы. До 1914 г. на местном рынке преобладала соль из Германии: ежегодно ввозилось до 1 млн пудов для амурской рыбопромышленности и 300 тыс. пудов для населения [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 461 об.] по цене от 35 до 60 коп. за пуд, в зависимости от её наличия в разгар рыболовного сезона [1, с. 38]. В «Торговых бюллетенях Владивостокской биржи» от 9 мая 1915 г. отмечалось: «Многие сотни тысяч рублей уплывали из нашего отечества, и кто поручится, что серебряные русские рубли в руках Круппа не превратились в знаменитые „чемоданы“, которыми упорный враг забрасывает наших же беззаветно многострадальных героев в их тесных окопах» [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 461 об.]. До войны сибирская соль на Дальний Восток не доставлялась: иркутская — по причине высокой себестоимости, павлодарская и пермская — из-за дорогостоящей транспортировки [2, с. 197].

После начала войны на рынки российского Дальнего Востока вместо германской стала поступать порт-саидская, китайская и японская соль. Нужды рыбопромышленности преимущественно обслуживались солью из Японии и Китая [1, с. 39], так как подвоз порт-саидской и американской соли стал затруднительным из-за перегрузки пароходов коммерческими и военными грузами [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 52. Л. 45]. Японцы сумели организовать поставку на российский рынок не только собственной, но также китайской и порт-саидской соли, часто по чрезвычайно высоким ценам, заработав на этом громадные капиталы [4, с. 186]. Цена на соль доходила до 2 руб. за пуд в Николаевске-на-Амуре; на хабаровской

пристани пуд японской соли оценивался в 2 руб. 70 коп.; китайская соль, содержащая до 10% примесей и посторонних солей, стоила во Владивостоке от 90 коп. до 1 руб. за пуд [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 52. Л. 45].

По данным проведённого в 1914—1915 гг. обследования крестьянских хозяйств Приморской губернии, годовое потребление соли на одну душу составляло 41,3 фунта. Общая потребность Дальнего Востока в данном продукте исчислялась в 2 737 500 пудов, в том числе для населения — 1 032 500 пудов, для рыбопромышленности — 1 705 000 пудов [1, с. 39—40]. Ввоз соли через Владивостокский порт с иностранных рынков в 1914 г. составил (по разным данным) 3550—3570 тыс. пудов, а в 1915 г. снизился до 1622—1623 тыс. пудов [6, с. 108; 3, с. 154].

Осенью 1914 г. Транссибирская магистраль из-за низкой пропускной способности не справлялась с возросшим объёмом военных перевозок, в результате чего доставка частных грузов задерживалась [5, с. 178]. В Восточной Сибири, в особенности на Амуре, ощущался небывалый «соляной голод», вызвавший повышение цены на соль на 100% [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 518 об.]. Владивосток как морской порт являлся получателем товаров, поступающих главным образом морем из Европы и Европейской России. За исключением незначительного количества грузов, следовавших непосредственно в Николаевск-на-Амуре, все товары, прибывавшие в область и частью в Маньчжурию, Забайкалье и Сибирь, поступали во Владивосток, откуда по железной дороге распределялись по пунктам назначения [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 69. Л. 3]. После объявления войны были приостановлены рейсы Добровольного флота из Одессы, вследствие чего была прервана более дешёвая, чем по железной дороге, доставка товаров. Рост цен на соль был вызван и повышением тарифов на морской фрахт, повлёкшим за собой увеличение расходов по доставке. В 1911—1913 гг. куль соли в 3 пуда стоил 1 руб. 20 коп., а в 1915 г. — 1 руб. 40 коп., что объяснялось удорожанием фрахта от Порт-Саида, откуда теперь вместо германской Владивосток получал соль [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 69. Л. 4, 8].

Для борьбы с дороговизной продуктов первой необходимости городскими думами устанавливались фиксированные цены (таксы), соответствовавшие тем, которые были в регионе до объявления мобилизации [5, с. 178]. По предписанию военного губернатора Приморской области от 1 марта 1916 г., во Владивостоке комиссия по фактической проверке запасов со 2 по 9 марта подсчитала резервы соли у торговцев: в 48 торговых фирмах было обнаружено 244 202 пуда. С учётом потребности камчатских рыбных промыслов, имевшегося количества было явно недостаточно [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 499. Л. 111]. Одной из причин нехватки соли стало установление городским самоуправлением

очень низкой, по мнению генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, таксы в размере 1½ коп. на фунт и 55 коп. на пуд. Зная, что соль привозить трудно и что при подорожавшем фрахте цена на неё должна немного подняться, местные торговцы прекратили её продажу и, пользуясь большим спросом на соль со стороны камчатских рыбопромышленников, стали продавать её тайком по 1 руб. за пуд, выставляя счета по цене таксы. Местная крупная китайская фирма «Сонхошин» намеревалась доставить соль из Порт-Саида, но, поскольку стоимость фрахта была почти равна местной цене на данный продукт по таксе, воздержалась выписывать товар до увеличения последней. Если бы город не устанавливал таксы на соль, то она была бы привезена из Японии и других мест, появилась бы конкуренция и цена не повысилась бы до таких размеров. Из этого можно заключить, что применяемый властями способ борьбы с дороговизной оказался неэффективным [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 499. Л. 111—111 об.].

В 1916 г. импорт соли возрос до 1850—2270 тыс. пудов [6, с. 108; 3, с. 154]. 7 апреля 1916 г. податной инспектор 1-го Владивостокского участка Министерства финансов сообщил, что на пароходах Добровольного флота из Японии привезено около 100 тыс. пудов формозской соли, ввиду чего в городе её достаточно для местного потребления, камчатские рыбопромышленники также успели запастись ей в нужном количестве [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 499. Л. 60—60 об.]. Во Владивостоке таксы на керосин, соль, уголь и дрова сохранялись до 15 июня 1916 г., а затем были отменены генерал-губернатором [5, с. 186].

В сложившихся во время Первой мировой войны обстоятельствах был вновь поднят вопрос о снабжении Дальнего Востока русской солью. Продукция отечественного производства практически не поступала в регион, не считая ввоза 30 тыс. пудов крымской соли по 1 руб. 50 коп. за пуд в Николаевский район специально для засолки икры [1, с. 38—39]. В этих условиях была организована доставка партии соли с юга России. В августе 1916 г. просьбы о выписке 19 вагонов соли поступили к Приамурскому генерал-губернатору от фирмы «Кунст и Альберс», благовещенского купца И.К. Брезгина, Никольск-Уссурийской городской управы. На текущий счёт уполномоченного по продовольственному делу ими было переведено 6650 руб., которыми была полностью оплачена соль, заказанная у Товарищества славянских солезаводчиков [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 511. Л. 12—13, 38].

2 августа 1916 г. торговый дом «Кунст и Альберс» внёс на текущий счёт в Хабаровском отделении Госбанка 2340 руб. за 7 вагонов соли двух сортов, согласно расценке Донецкого соляного комитета в Харькове: пять вагонов соли варёной отлежалой по 32 коп. за пуд и два вагона

варёной сушёной по 37 коп. за пуд для Владивостокского и Хабаровского отделений фирмы. 20 октября 1916 г. Хабаровское отделение торгового дома «Кунст и Альберс» сообщило уполномоченному председателю Особого совещания по продовольственному делу Н.Л. Гондатти о получении двух вагонов соли. Себестоимость 1 пуда столовой соли в мешках составила 1 руб. 63 коп., без мешков — 1 руб. 53 коп. Фирма просила генерал-губернатора дать разрешение наценить приблизительную торговую прибыль в размере 11% и продавать соль столовую в мешках по 1 руб. 80 коп. за пуд, без мешков — по 1 руб. 70 коп. за пуд, отмоченную в мешках — по 1 руб. 75 коп. за пуд, без мешков — по 1 руб. 65 коп. за пуд или по 5 коп. за фунт каждую. Н.Л. Гондатти отмечал, что для нужд края необходимо выписывать соль Иркутского солеваренного завода, поскольку южная обходится очень дорого. Однако в то время иркутская соль отпускалась только казённым учреждениям [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 511. Л. 38—38 об.].

Тем не менее попытки снабжения Дальнего Востока сибирской солью имели место. Так, в 1915 и 1916 гг. в Николаевск поступило около 100 тыс. пудов иркутской соли по цене 1 руб. 15 коп. за пуд с доставкой в Николаевск-на-Амуре, причём от Сретенска она переправлялась по Амуру [1, с. 39]. Главным препятствием для широкого доступа иркутской соли на Дальний Восток являлась дороговизна перевозки до Благовещенска и Николаевска-на-Амуре, высокие ставки железных дорог и дорогостоящий речной фрахт [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 462]. Средняя стоимость пуда заграничной соли, доставленной на пароходе в Николаевск-на-Амуре, составляла 33 коп., а с выгрузкой на склады поднималась до 40 коп. [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 190 об.]. Цена на соль Иркутского завода на месте производства составляла 40 коп. за пуд [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 462].

В связи с прекращением поставок в Сибирь германской соли и обострением положения со снабжением солью Дальнего Востока во время Первой мировой войны был поднят вопрос о расширении производства Иркутского солеваренного завода, в частности, потребовалось до 2 млн пудов соли на нужды амурских рыбных промыслов. В мае 1915 г. Усольский солеваренный завод получил от Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти запрос, может ли тот выдать требуемое количество соли [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 518 об.]. К 1916 г. производительность Иркутского солеваренного завода достигла 1 млн пудов, а цена на его продукцию упала ниже 40 коп. [2, с. 190]. Необходимость дальнейшего снижения себестоимости была вызвана предъявленными к заводу во время войны требованиями увеличения производительности до 2,5 млн пудов. С этой целью в 1916—1918 гг. на Варничном острове

в районе расположения завода были заложены три буровые скважины, пройденные на глубину 645, 479 и 420 м, однако ни одна из них не была закончена [2, с. 190].

Основными причинами проволочек в ходе закупок продовольствия в Сибири были опасения, что оно пойдёт не по назначению (например, в Маньчжурию); запреты на приобретение тех или иных товаров в Сибири также периодически вводились из-за необходимости снабжать войска на фронте [5, с. 193]. Иркутская соль была запрещена к вывозу [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 519]. Как отмечалось в «Торговых бюллетенях Владивостокской биржи» от 30 мая 1915 г.: «Казалось бы, при таких условиях казна должна приложить все усилия к тому, чтобы расширить добычу соли и облегчить доставку её на рынки сбыта. Но получилось нечто иное. Запасы соли быстро приходят к концу. Почва для спекуляций оказывается прекрасная. В Петровском заводе соль поднялась в цене до 1 руб. за пуд, в Чите — до 1 руб. 20 коп. (обычная цена 55—60 коп.). Усольский завод получил требования на десятки вагонов. Соль добыта, хранить её негде, железная дорога даёт вагоны — нагружай, хоть сейчас! Но всё разбивается о запрещение вывоза» [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 61. Л. 518 об.]. 22 февраля 1917 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти выписал с Иркутского солеваренного завода 5 тыс. пудов соли и просил председателя Порайонного комитета в Томске предоставить наряд на её внеочередную перевозку до Хабаровска, где наличные запасы соли приходили к концу и необходимо было срочно их пополнить [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 511. Л. 67].

В период революционных преобразований происходило постепенное снижение импорта соли: через Владивостокский порт с иностранных рынков в 1917 г. было доставлено 1043 тыс. пудов [3, с. 154], а в 1918 г. — всего 521 тыс. пудов [1, с. 40]. Это объясняется, с одной стороны, некоторым снижением объёмов производства рыбной промышленности, а с другой — тем обстоятельством, что бесконтрольная деятельность японских рыбопромышленников в русских водах в условиях Гражданской войны и интервенции позволяла ввозимой из Японии соли ускользать от всякого таможенного учёта [6, с. 109].

Итак, во время Первой мировой войны возникли проблемы с товароснабжением российского Дальнего Востока морским путём. Доставка в регион товаров первой необходимости, в том числе соли, была осложнена. Ввоз соли с Иркутского солеваренного завода был затруднён из-за высокой себестоимости его продукции и значительных транспортных издержек. Была организована доставка партии соли с юга России по железной дороге, однако её цена также оказалась слишком высокой. Таким образом, во время Первой мировой войны, как

и в довоенное время, зависимость региона от ввоза иностранной соли сохранялась. Если до войны основное количество необходимой населению и рыбопромышленности соли поступало из Германии, то с её началом главными поставщиками стали Япония, Китай и Порт-Саид.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Борисов Т.М. Соляной вопрос в дальневосточной рыбопромышленности // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток: Изд-во Владивостокского отделения госкниги, 1923. С. 38—41.
2. Горавский А.И. К вопросу развития Иркутского соляного промысла // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 6. Промышленность. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 189—202.
3. Куртеев К.К. Экономическая роль Владивостока. Ч. I. Владивосток как торговый порт. Владивосток: Тип. тов. изд. «Свободная Россия», 1921. 76 с.
4. Пентегов Б.П., Плаксин И.Н. Поваренная соль из морской воды в условиях Приморья // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 6. Промышленность. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 179—188.
5. Позняк Т.З. Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток: Рея, 2016. С. 177—194.
6. Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток: Книжное дело, 1925. 132 с.
7. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 94 (571.6)

В.А. ТОЩЕНКОВА*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИМОРСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Статья посвящена деятельности самого крупного сельскохозяйственного общества Приморской области — Приморского общества сельского хозяйства в 1914—1922 гг. Показаны направления деятельности общества

---

* ТОЩЕНКОВА Виктория Андреевна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ekimova_va@dvvf.ru.

в указанный период времени: заготовка мяса, семенного материала для нужд населения; устройство выставок, курсов; помощь определённым категориям населения и прочее. Раскрыты трудности, с которыми столкнулась общественная организация.

Показано, что в целом Приморское общество сельского хозяйства в 1914—1922 гг. не склонилось пассивно под тяжестью обстановки, оно приложило все усилия и средства к тому, чтобы придать своей деятельности более широкий характер. С этой целью общество с 1915 г. устраивало съезды сельских хозяев, с 1916 г. издавало единственный в области специальный сельскохозяйственный журнал «Приморский хозяин». Изыскивая средства к существованию после прекращения выдачи пособия от казны в 1917 г., общество стало развивать свой небольшой торговый отдел, который с 1920 г. был реорганизован в особое кооперативное объединение, действующее на основании особого устава и значительную часть своей прибыли выделяющее обществу на его культурно-просветительную деятельность.

Ключевые слова: общество сельского хозяйства, общественная организация, Приморское общество сельского хозяйства, Дальний Восток, аграрная история.

V.A. TOSHCHENKOVA

ACTIVITIES OF THE PRIMORSKY AGRICULTURAL SOCIETY IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR AND CIVIL WARS

The article is devoted to the activities of the largest agricultural society of the Primorsky region — the Primorsky Society of Agriculture in 1914—1922. The article shows the vectors of the society's activity in the specified period of time: procurement of meat, seed material for the needs of the population; arrangement of exhibitions, courses; assistance to certain categories of the population, etc. The difficulties faced by the public organization are revealed. It is shown that, in general, the Primorsky Society of Agriculture in 1914—1922 passively did not bow under the weight of the situation; it made every effort and means to give its activity a broader character. For this purpose, since 1915, the society has organized congresses of farmers, since 1916 it has published the only special agricultural magazine in the region, "Primorsky Owner". Seeking livelihood after the termination of the granting of benefits from the treasury in 1917, the society began to develop its small early trading department, which since 1920 was reorganized into a special cooperative association, acting on the basis of a special charter and giving a significant part of its profits to society for its cultural and educational activities.

Keywords: society of agriculture, public organization, Primorsky Society of Agriculture, Far East, agrarian history.

История деятельности Приморского общества сельского хозяйства (далее — ПОСХ) нашла своё отражение в ряде работ учёных. О.Б. Лынша [4] в монографии, посвящённой истории образования в Никольске-Уссурийском, упоминала факт создания Южно-уссурийского общества любителей садоводства и огородничества, возникшего в с. Никольском в 1896 г., а также косвенно затронула историю журнала «Приморский хозяин» (с 1916 г. — принадлежал ПОСХ). В статье, посвящённой аграрному просвещению населения дореволюционного Дальнего Востока, Е.Г. Клычева [1] рассмотрела в общих чертах просветительскую работу Приморского общества сельского хозяйства, анализируя некоторые номера «Приморского хозяина». Отдельные направления деятельности общества нашли отражение в общих исследованиях по истории общественных организаций Дальнего Востока [2; 3]. Таким образом, можно заключить, что история деятельности ПОСХ в указанный период времени в целом мало изучена.

Цель данной статьи — раскрыть работу самого крупного общества сельского хозяйства Приморской области в условиях Первой мировой и Гражданской войн.

В 1914—1917 гг. основными направлениями деятельности ПОСХ можно назвать сбор и доставку семян местностям России, пострадавшим от войны; учреждение земледельческих приютов для детей увечных и павших воинов; организацию продовольственного дела и сети зернохранилищ; благотворительную работу; дальнейшую деятельность по развитию сельского хозяйства области.

Председатель общества А.В. Суханов на заседании в октябре 1915 г. отмечал, что тяжёлое положение населения в период военных действий налагает на общество обязанность подумать о мерах к облегчению положения сельских хозяев. Поэтому в годы Первой мировой войны ПОСХ всецело старалось идти к этой цели. Начиная с осени 1915 г. общество взяло на себя миссию по заготовке мороженого мяса для нужд армии через кооперативные организации Приморской области, через другие сельскохозяйственные общества, отдельных хозяев и собственных агентов. Цена мяса объявлялась для количества менее 8 пудов — 5.50 руб. за пуд, свыше 8 пудов — 6 руб. [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 54. Л. 36].

В этот же период времени ПОСХ взяло на себя посредничество по заготовке семян и продовольственного хлеба для пострадавшего от недородов населения. Общество обязывалось вести сношения со всеми местами и учреждениями, через которые можно организовать закупку семян и продовольственного хлеба, и от себя договаривалось с ними об условиях заготовки и поставки. Конечно, были оговорены специальные

условия для покупки — заказ полными вагонами (1000 пудов). В конце 1917 г. и в начале 1918 г. ПОСХ по поручению приморского областного комиссара заготовляло овёс для надобности почтовой гоньбы и отправляло его начальнику Приамурского почтово-телеграфного округа — для распределения между содержателями гоньбы тракта Хабаровск — Николаевск [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 105. Л. 19].

ПОСХ старалось помочь также железнодорожникам, считая, что это одна из незащищённых категорий населения. Обществом был разработан проект, подразумевавший использование помещений школьных земельных участков по линии Уссурийской железной дороги для практических работ и демонстраций «в целях снабжения железнодорожных служащих по линии доброкачественными огородными семенами» [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 5]. Управление железной дороги снабдило агрономов и по совместительству членов ПОСХ С.И. Мацкевича и В.А. Шпаковского билетами для проезда по линии дороги. С 1921 г. упомянутые агенты ПОСХ совершили несколько поездок для бесед с железнодорожными рабочими, а также для снабжения их семенами.

Ещё одним вопросом, которым занималось общество, была проблема найма рабочей силы в сфере земледелия. Ввиду военного времени сельскохозяйственных рабочих не хватало, поэтому общество активно ходатайствовало о привлечении «жёлтого труда». В 1916 г. в ходе совещания у военного губернатора области было принято решение о необходимости удовлетворить нужды земледельцев в рабочих и разрешить иметь необходимое количество «жёлтых рабочих»; упразднить все ограничения в пользовании трудом русских подданных — корейцев; для пограничных жителей Кореи и Маньчжурии срок легитимационных билетов удлинить с 5-дневного до конца сельскохозяйственных работ (до января); уменьшить вдвое паспортный сбор с иностранных рабочих; от иностранцев-корейцев не требовать отдельных паспортов для членов семьи — женщин и детей [5, с. 75—76]. Поднимался этот вопрос и в 1917 г. Приморским обществом сельского хозяйства, которое ходатайствовало о привлечении в край большего числа сельскохозяйственных рабочих-корейцев, об отмене паспортного сбора для корейцев и отмене для них визы при въезде [6, с. 89].

В 1917 г. ПОСХ перестало получать пособия от государства. Но к 1 января 1918 г. капитал общества был равен 21 711 руб. 80 коп., к 1 января 1919 г. — 134 881 руб. 25 коп. Таким образом, с 1918 г. капитал общества увеличился в 5 раз. Как отмечали члены совета общества, причиной такого накопления капитала служила общая разруха. Крупные хозяйства не имели возможности приобретать непосредственно в Маньчжурии необходимые для питания молочного скота продукты,

местный рынок также не мог удовлетворять весь спрос на них. Поэтому владельцы крупных хозяйств, будучи членами общества, прибегали к его помощи. Благодаря его посредничеству они получили необходимые продукты, при этом значительно умножив торговые операции общества. Кроме того, через общество уездные продовольственные комитеты приобретали как продукты питания скота, так и пшеницу (последней было приобретено 44 290 пудов). В июле 1918 г. обществу было поручено снабжение Владивостока и его окрестностей мукой и концентрированными кормами. Таким образом, деятельность общества в годы войны способствовала снабжению населения и вместе с тем пополнению собственного капитала.

Невозможность получения пособий от казны повлияла на то, что общество усилило свою торговую деятельность, поскольку эта деятельность являлась практически единственным источником средств, необходимых для его существования. Увеличение торговых операций привело к образованию в обществе специального торгового комитета, что не могло не пойти на пользу его деятельности [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 20]. Благодаря торговому комитету в 1919 г. ассортимент товаров ПОСХ значительно расширился. Впервые ПОСХ начало вести закупку и продажу сельскохозяйственных орудий и машин, предметов производства молочного хозяйства, строительных материалов и пчеловодных принадлежностей, т.е. таких товаров, которые непосредственно относились к сфере деятельности общества. Всего этих товаров за 1919 г. было куплено на 197 тыс., продано на 189 тыс. [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 36].

В 1916—1917 гг. общество не могло в полной мере расходовать свой капитал на культурно-просветительные цели, ради которых оно и создавалось. Была предпринята попытка устроить курсы животноводства при Никольск-Уссурийской сельскохозяйственной школе, на что заведующему школой был выдан обществом аванс на сумму 3 тыс. руб., но позднее он был возвращён ввиду непопулярности курсов [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 19].

Начиная с 1918 г. общество вновь усилило свою культурно-просветительную деятельность. В 1919 г. общество открыло свой отдел в Никольске-Уссурийском и выдало ему пособие — 13 тыс. руб. на организационные нужды и 5 тыс. руб. на капитал отдела. В этот же период совместно с казачьим войском и Приморским сельскохозяйственным кооперативом были организованы курсы по молочному хозяйству при Никольск-Уссурийской сельскохозяйственной школе, на которые из средств общества было израсходовано 5 тыс. руб. Окончили курсы 18 слушателей [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 98. Л. 37].

Приморское общество сельского хозяйства активно стремилось к распространению образования среди населения, поскольку задачей общества являлось «укрепление культурно-экономического благосостояния на Дальнем Востоке» [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 107. Л. 327]. С 1919 г. общество активно поддерживало Политехнический институт, который являлся частным и функционировал в какой-то степени за счёт благотворительных организаций. Члены ПОСХ отмечали, что «существовать только на неустойчивые по существу общественные средства Институт не может» [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 107. Л. 327], и ходатайствовали перед чиновниками о скорейшем узаконении Владивостокского политехнического института как государственного высшего учебного заведения и содержания его на средства государства.

Устраивало общество специальные мероприятия для развития сельского хозяйства: съезд сельских хозяев в 1915 г., краткосрочные курсы по пчеловодству в апреле 1920 г., мае 1920 г.; выставку для огородников, семеноводов и садоводов осенью 1920 г. В декабре 1920 г. были намечены вольные беседы по пчеловодству, птицеводству, в ходе которых было принято решение о создании комитета пчеловодства при ПОСХ — он должен был способствовать распространению рациональных методов ведения пчеловодного хозяйства применительно к местным условиям.

Осенью 1921 г. была проведена сельскохозяйственная выставка, в которой приняли участие 70 экспонентов, выставив 633 экспоната [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 119. Л. 136]. На выставке были представлены следующие отделы: садоводство и огородничество, птицеводство и мелкое животноводство, коневодство, крупный рогатый скот, сельскохозяйственные машины и орудия, общий отдел. За восемь дней работы выставки было зарегистрировано 4716 посетителей [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1 Д. 119. Л. 138].

Кроме того, ПОСХ поставило одной из своих задач сближение с другими общественными организациями и создание специального клуба «с целью сближения между членами и совместного обмена мнениями по вопросам, касающимся задач тех обществ, которые входят в состав клуба, и дать разумные развлечения членам обществ и их семьям устройством чтений, лекций, курсов и вечеров и проч.» [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 103. Л. 1]. ПОСХ планировало привлечь в состав клуба ряд организаций и разработало проект устава, в котором прописывались цель, задачи, методы будущего клуба.

В целях просвещения с 1916 г. Приморское общество сельского хозяйства издавало журнал «Приморский хозяин». Если в 1912 г. «Приморский хозяин» стоил 1 руб. в год и 10 коп. за отдельный номер, то в 1917 г. цена поднялась до 1 р. 50 коп. в год и 30 коп. за номер. Ввиду

повышения цен на бумагу, а также непростой деятельности по выпуску журнала в условиях Гражданской войны, в 1920 г. было принято решение об увеличении стоимости за отдельный номер до 25 руб., за два номера — до 30 руб. [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 54]. Но вследствие отсутствия средств издание журнала прекратилось.

Трудности у ПОСХ были не только с выпуском журнала. У общества было единственное помещение для канцелярии и не было помещения для практикуемых им курсов, вольных бесед, выставок, собраний; необходима была также отдельная читальня, поскольку посетители вынуждены были читать книги и журналы «в самом помещении канцелярии общества, где не имеется отдельных столов, и зачастую даже стоя» [РГИА ДВ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 118. Л. 4]; отсутствовало помещение для музея. В тяжёлых условиях общество не получало финансовой поддержки, считалось, что оно «должно изыскать само средства для своего существования, не возлагая расчётов его на государство» [РГИА ДВ. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 183. Л. 12], а квартира ему может быть предоставлена только на условиях аренды.

Таким образом, необходимо отметить, что в целом общество в 1914—1922 гг. не склонилось пассивно под тяжестью обстановки. Более того, оно приложило все усилия и средства к тому, чтобы придать своей деятельности более широкий характер: устраивало съезды сельских хозяев, издавало единственный в области специальный сельскохозяйственный журнал. В 1917 г. общество стало развивать свой небольшой торговый отдел, который с 1920 г. был реорганизован в особое кооперативное объединение, действующее на основании особого устава и значительную часть своей прибыли уделяющее обществу. Общество стремилось к просвещению населения, предоставляя агрономические консультации и организовывало просветительскую работу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Клычева Е.Г. К вопросу организации просветительской деятельности землепользователей Дальнего Востока. Исторический аспект // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. № 39. С. 24—28.
2. Котляр Н.В. Общественные силы для развития региона // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 107—114.
3. Котляр Н.В. Самодержавие и общественные организации на Дальнем Востоке России: история борьбы и сотрудничества // Русские первопроходцы

- на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Т. 5. Ч. 2. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 333—344.
4. Лынша О.Б. История образования в Никольске-Уссурийском. 1882—1922 гг. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. 289 с.
  5. Приморский хозяин. 1916. № 3—4.
  6. Приморский хозяин. 1917. № 3—4.
  7. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 398.22(571)

А. И. ГЕРГИЛЕВА*

СДЕЛКА РАДИ ДОРОГИ ДОМОЙ: ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

Статья посвящена вопросам возвращения чехословацкого корпуса на родину после Первой мировой войны, принятию неоднозначных решений командным составом чеховойск, лавированию между интересами союзников, выполнению договорённостей и взятых на себя обязательств политическими альянсами, участием корпуса в Гражданской войне в России, движению по Транссибирской магистрали эшелонов с чешскими legionерами во Владивосток для отправки на родину. Отмечается, что союзные державы и обычные рядовые солдаты, подчинявшиеся приказам своих командиров, имели разные цели в событиях, главными участниками, которых они стали. Основная масса legionеров спешила домой, поэтому они ввязывались в авантюры и пробовали возможные варианты политических союзов. Дойти до Тихого океана чехи смогли только заключив союз с русскими военными организациями, разными политическими партиями и группами. Чехи заявили себя типичными иностранцами, и их политические представители вели сношения с правительством международными «нотами», поэтому, покидая страну, они сочли нужным как бы оправдаться перед русским общественным мнением, опубликовав своё «обращение к Сибири».

Ключевые слова: Гражданская война, чехословацкий корпус, Транссибирская магистраль.

---

* ГЕРГИЛЕВА Алла Ивановна — канд. ист. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск. E-mail: gerg-all@mail.ru.

A.I. GERGILEVA

**A DEAL FOR THE ROAD HOME: THE CZECHOSLOVAK CORPS
AND THE PROBLEMS OF RETURNING TO THE HOMELAND**

The article is devoted to the return of the Czechoslovak corps home after the First world war, on the adoption of controversial decisions commanders chehovoy, maneuvering between the interests of allies, the implementation of the agreements and obligations of political alliances, the engagement of the corps in the civil war in Russia, the traffic on the Trans-Siberian railway trains with Czech Legionnaires Vladivostok to send home. It is been noted that the high policy of the Allied Powers and the ordinary soldiers had a different aims in the events, they had participated as a main participants. The majority of legionnaires hurry up home, and that was a reason why they participated in the adventures and tried a different combination of political allies. They were able to come to the Pacific Ocean just having concluded an alliance with Russian military organizations, different political parties and groups. Czech presented oneself as typical foreigners, and their politics maintained diplomatic relations with the different governments by the notes. That is why, leaving the country they felt compel to give a fair hearing before Russian public opinion. So they had published the “Manifest to Siberia”.

Keywords: Civil War, Czechoslovak corps, Trans-Siberian Railway.

Всякая война, а особенно тотальных размеров, обнажает все противоречия и «язвы» общества, соединяет и переплетает патриотические чувства и социальные катаклизмы. Современная отечественная историография связывает действия чехословацких легионеров на территории России в 1918—1920-х гг. с геополитической ситуацией в Европе и мире в целом [5; 6; 7; 11].

Чехи, как и многие другие народы, в условиях войны оказавшиеся на чужой территории и воевавшие не за свои национальные интересы, стремились выжить и вернуться на родину. Поэтому уже в августе 1914 г., в начале Первой мировой войны, славянам предоставлялась возможность освободиться из плена путём вступления в формировавшиеся особые национальные подразделения русской армии. Так была сформирована чешская дружина, которая впоследствии была переформирована в чехословацкий стрелковый полк, а позже — в чехословацкую стрелковую бригаду. Следует признать, что по сравнению с теми возможностями, которые существовали в России, мероприятия русских властей по формированию чехословацких воинских частей были чрезвычайно ограниченными и осторожными.

Бригада была развёрнута в дивизию, а осенью 1917 г. был создан 1-й чехословацкий корпус (две дивизии) в составе 39 тыс. солдат и офицеров. Следует помнить, что Т.Г. Масарик, председатель Чехословацкого национального совета, в процессе формирования чехословацкого корпуса, выдвигал условие «поставить в известность соответствующие военные власти, что чехословацкие войска могут быть употребляемы лишь против внешних врагов России, а именно Австро-Венгрии и Германии».

События, произошедшие в России в октябре 1917 г., изменили не только государственное устройство страны. Выход России из мировой войны после подписания Брестского мира стал катализирующим фактором наступления Гражданской войны в стране. После заключения Брестского мира, выполняя обязательства перед Германией, советское правительство согласилось пропустить эшелоны чехословацкого корпуса, которые являлись союзными войсками держав Согласия, через свою территорию до Владивостока. Статус корпуса определялся следующим образом: «...чехословаки продвигаются не как боевые единицы, а как группа свободных граждан, берущих с собой известное количество оружия для своей самозащиты от покушений со стороны контрреволюционеров... Совет народных комиссаров готов оказать им всякое содействие на территории России при условии их честной и искренней лояльности...» [РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 156]. 27 марта 1918 г. в приказе по корпусу (№ 35) определялся порядок использования этого «известного количества оружия»: «В каждом эшелоне оставить для собственной охраны вооружённую роту численностью в 168 человек, включая унтер-офицеров, и один пулемёт, на каждую винтовку 3000, на пулемёт 1200 зарядов. Все остальные винтовки и пулемёты, все орудия, должны быть сданы русскому правительству...» [РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 156]. Условия подписанного договора были практически полностью выполнены. Корпус сдал оружие, за исключением арьергардных 1-го имени Яна Гуса, 4-го и 1-го запасного полков.

Оставляя чехословакам оружие, советское правительство не имело информации о процессах, происходивших вдали от Центра.

Первые отдельные эшелоны проехали по Сибирской железнодорожной магистрали в начале апреля 1918 г. Ситуация была двойственной. Местные исполнительные комитеты не были посвящены в «большую» политику центральной власти. Красногвардейцы, сражавшиеся против банд атамана Семёнова, получили телеграмму о том, что «идут чехословаки, которые стоят на стороне Советской власти, они идут воевать против атамана Семёнова, их нужно встретить как своих братьев» [ГАКК. Ф. П 64. Оп. 5. Д. 411. Л. 4].

Чешские подразделения рассматривались ЦИК Сибири как сторонники контрреволюционного движения против советской власти. В то же время представители стран Антанты считали чехов авангардом союзнической интервенции. К тому же под явным давлением со стороны посла Германии в России графа Мирбаха нарком иностранных дел Г.В. Чичерин отправил 21 апреля 1918 г. срочную телеграмму в адрес Красноярского совета (№ 1084): «Опасаясь японского наступления в Сибири, Германия требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие отряды не должны продвигаться на восток» [ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 839. Л. 5]. С этого момента темп продвижения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедлился, эшелоны по нескольку суток простаивали почти на каждой станции. Не видя выхода из этого положения и считаясь с исполнением своих принципов, чехословаки, согласно вынесенному на съезде собрания их командного состава постановлению, решили двигаться вперёд к намеченной цели.

Для наблюдения за продвижением чехословацких эшелонов по Сибирской магистрали Чешским национальным советом были назначены свои комиссары в Челябинске, Омске, Ново-Николаевске, Красноярске, Иркутске и Чите.

Когда Чешский национальный совет проезжал через Красноярск, на вокзале его встречал представитель Красноярского губисполкома Г. Вейнбаум. «В беседе с членами Национального совета т. Вейнбаум предупредил их о том, что с продвижением чехословацких эшелонов могут быть затруднения в виду слабой провозоспособности Сибирской магистрали и загруженностью её продовольственными грузами» [ГАКК. Ф. П 64. Оп. 5. Д. 379. Л. 4]. Особые затруднения, по словам уполномоченного народным комиссаром по иностранным делам в Сибири Г. Вейнбаума, могли возникнуть по Амурской железной дороге, где происходили военные действия между Красной гвардией и бандами есаула Семёнова.

25 апреля 1918 г. на вокзал Владивостока прибыл первый эшелон 5-го полка 2-й дивизии чехословацкого корпуса. «С первым проследовавшим эшелоном проехал во Владивосток Чешский национальный совет в составе: Гаусаки, Гурбаль, Дохсер и командующий чешским корпусом генерал Дитерихс» [ГАКК. Ф. П 64. Оп. 5. Д. 379. Л. 3] и прикомандированный к ним большевистский комиссар Лукьянов, который был посредником между чешским командованием, железнодорожниками и местными властями.

В эти дни во Владивосток прибыли только шесть поездов, а потом прибытие их замедлилось и вовсе прекратилось.

В течение апреля — начала мая 1918 г. взаимоотношения между советской властью и чехословаками быстро ухудшались. Чехословацкий корпус оказался заложником «большой политики», международных альянсов России, Франции и Германии [2, с. 327, 357—358, 384—387].

Владивостокская группа войск находилась в совершенно ином положении, чем остальные группы, задержанные Советами в Поволжье, на Урале и в Сибири и втянутые в военные действия.

Они образовали Коллегию отделения ОЧСНР во Владивостоке («Одбочку»), а старшим воинским начальником был генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. На рейде стояли военные корабли союзников, в городе были их военные представители и японские войска. Большевицкий совет здесь был, но функционировал тихо, с оглядкой на союзников. У него было всего 1200 красноармейцев.

11 мая В. Гирса, доверенный Т.Г. Масарика на Дальнем Востоке, из Владивостока сообщает членам «Одбочки» и профессору П. Максе, что со стороны атамана Г.М. Семёнова нет угрозы, так как у него мало сил. На протяжении мая и начала июня прибыли ещё эшелоны с ротами 7-го Татранского, 8-го Силезского полков и несколько отдельных батальонов и рот. Количество чехословацких воинов в городе достигло 13 400 человек. Только пятая часть из них имела винтовки. В. Гирса, члены коллегии и командование размещали их в разных частях города и в казармах на островах. Была организована «дипломатическая группа доктора В. Гирсы» для внешних контактов.

14 мая на вокзале Челябинска железным слитком, брошенным из проезжавшего мимо поезда с австрийскими военнопленными (интернационалистами РККА), был тяжело ранен чешский легионер.

Большевицкая следственная комиссия, не вдаваясь в подробности инцидента, арестовала чехословацких солдат и потребовала полного разоружения находившихся в городе эшелонов.

Общую координацию действий чехословацкого корпуса с 23 мая принял на себя Временный исполнительный комитет чехословацкого войска. Этот чрезвычайный орган немедленно разослал всем поездам и частям корпуса приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться, продвижение на восток продолжать собственным порядком» [11, с. 59]. Вот это движение, в связи с попытками советской власти помешать ему, и явилось тем роковым для большевиков моментом, который решил их судьбу.

Телеграммой № 377 от 25 мая 1918 г. за подписью Л. Троцкого предписывалось «...всем совдепам по линии от Пензы до Омска <...> под

страхом тяжкой ответственности разоружать чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооружённым на железнодорожных линиях, должен быть выброшен из вагона и заключён в лагерь военнопленных. Одновременно посылаю в тыл чехословацким эшелонам надёжные силы, которым поручено проучить мятежников. С честными чехословаками, которые отдадут оружие и подчинятся советской власти, будет поступлено как с братьями. Им будет оказана всяческая поддержка. Всем железнодорожникам сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен продвигаться на восток...» [12, с. 213]. Уверенность Троцкого в лёгкости разоружения непокорных чехов оказалась ложной.

Открытие военных действий против большевиков началось почти одновременно в Новониколаевске, Мариинске и Нижнеудинске. В Новониколаевске руководство восстанием взял на себя капитан Гайда, полковник и командир отряда действующего восточнее Омска, в Мариинске — капитан Кадлец. Получив известия о выступлении чехословаков в Мариинске и Канске, Красноярский губисполком на закрытом заседании 29 мая 1918 г. принял решение направить туда около 200 бойцов-интернационалистов [4, с. 83—86]. Вообще в 1918 г. в рядах РККА и белых армий сражались 300 тыс. интернационалистов (среди них следует отметить, например, И. Броз Тито, И. Надя, Б. Куна) и 127 тыс. легионеров из числа бывших военнопленных [8, с. 630].

Из рассказов чехословацких добровольцев, опубликованных в «Свободной Сибири» за 13 июля (30 июня) 1918 г., явствует, что 27 мая два чехословацких эшелона «при помощи кучки храбрых русских патриотов... после получасового боя заняли г. Нижнеудинск» [10, 13 июля (30 июня) 1918]. Сводка Штаба чехословацкого корпуса, действующего на Восточном фронте, за 22 июня гласит: «27 мая занят Нижнеудинск, Новониколаевск, Мариинск. 31 мая — Канск. 10 июня — Омск. 20 июня наши войска прошли через Красноярск. Железнодорожная линия от Самары на Волге до Нижнеудинска в наших руках. Так же и железнодородная линия — Новониколаевск — Барнаул, Омск — Тюмень» [10, 28 июля (15 июля) 1918, № 87 (249)]. Очевидно, что вся Транссибирская магистраль оказалась в руках чехов.

Под прикрытием чешских штыков на всём востоке России стали формироваться антибольшевистские правительства, организовались белые армии — Народная армия Комитета членов Учредительного собрания в Поволжье и Сибирская армия Временного Сибирского правительства.

Совет министров Временного Сибирского правительства 30 июля 1918 г. выдал чехословацким эшелонам грамоту, согласно которой Сибирское правительство почитало «долгом чести открыто и с благодарностью

признать, что в общем ходе действий чехословацкие войска играют огромную роль, как в ускорении момента повсеместного признания его власти, так и в неизменной успешности военных действий» [3].

14 ноября его предупреждали, что если Директория (Временное Всероссийское правительство) будет свергнута, то чехословацкие части покинут фронт.

18 ноября 1918 г. в Омске произошёл переворот, в результате которого во главе белого движения на востоке России встал адмирал А.В. Колчак. Чехи весьма сдержанно отнеслись к подобному акту смены власти: «...несмотря на переворот... войска будут сражаться против большевиков» [1].

ЧСНР выразила протест, и 21 ноября было опубликовано открытое письмо А.В. Колчаку с требованием восстановления Директории (Временного Всероссийского правительства), так как чехи борются за идеалы свободы и демократии, тогда как переворот направлен против таковых. В период вынужденного союза с А.В. Колчаком, сопровождавшегося частыми конфликтами, стали очевидными противоречия между В. Гирсой и уполномоченным чехословацким правительством в Сибири Б. Павлу. Последний становился сторонником сотрудничества с А.В. Колчаком, а В. Гирса противодействовал этому и требовал соблюдения нейтралитета в отношениях с русскими в соответствии с установкой Т.Г. Масарика.

Во время этих событий пришло известие о провозглашении Чехословацкой Республики, а 16 ноября 1918 г. во Владивосток приехали руководитель французской военной миссии в Сибири генерал М. Жанен и военный министр молодого чехословацкого правительства генерал М.Р. Штефаник.

Министр М.Р. Штефаник провозгласил, что чехословацкое войско в России теперь является составной частью армии Чехословацкой Республики, что армия стала регулярной, уже не добровольческой. Он распустил революционные комитеты и полковые представительства, запретил проведение второго съезда делегатов войск, 14 декабря 1918 г. упразднил Филиал («Одбочку») ЧСНР. Вместо неё он учредил Отделение Военного министерства ЧСР в России под руководством подполковника Р. Медека, отозвал войска с боевых операций и перевёл их на охрану железнодорожных магистралей. Это нашло большое одобрение в полках.

К декабрю 1919 г. разброд в чехословацком корпусе достиг апогея. Став практически неконтролируемым, корпус поддерживал связь с эсерами, устроившими восстания в различных городах Сибири и Дальнего Востока.

Ярким примером стал подготовленный эсерами мятеж против колчаковской власти во Владивостоке. 7 ноября 1919 г. Р. Гайда появился в генеральской шинели без погон, призывая всех к оружию под лозунгом: «Довольно гражданской войны. Хотим мира!». Мятеж, однако, не был поддержан жителями Владивостока. На третий день бунт был усмирён учебной инструкторской ротой, прибывшей с Русского острова. Р. Гайда и некоторые его помощники были арестованы. По требованию союзных миссий Р. Гайда был освобождён и покинул Россию.

Оказавшись втянутым в Гражданскую войну, находясь далеко от своей родины, командование чехословацкого корпуса шло на любые компромиссы, для того чтобы вернуться домой. Когда командующему чехословаками генералу Сыровому, задержавшему на ст. Красноярск поезд верховного правителя А.В. Колчака, пришло письмо от партизан Черемхова, в котором содержалась угроза взорвать железнодорожные мосты «на реках Сибирской Оке, Унге, Сибирской Белой» и остаться без угля для продолжения следования к «берегам Великого океана», ему ничего не оставалось делать, как выдать адмирала.

Белые обвиняли чехов в предательстве, советская историография считала их контрреволюционерами, причины же участия чехословаков в российских делах выразил будущий президент Чехии, а также участник восстания Э. Бенеш: «...наша армия в России для союзников являлась лишь одной из шахматных фигурок, (они) очень материалистически, просто даже безжалостно реалистически считали, что там-то столько-то людей, которыми можно пожертвовать в нужный момент...» [11, с. 61].

16 января 1920 г. чехи сдают А.В. Колчака, утверждая, что действуют по указанию М. Жанена. На все протесты М. Жанен отвечает, что не располагает средствами к воздействию на чехов. В начале февраля он официально заявляет, что «Колчак не может рассчитывать на какое-либо содействие от чехов, против которых он совершил столько преступлений» [9]. Когда весть о том, что произошло в Иркутске, достигла Парижа, французское правительство отстранило М. Жанена от командования и приказало вернуться во Францию.

Война против большевиков — следует это помнить — не стала для чехов войной против русских. Для легионеров были понятны и оправданны военные действия против «интернациональных бригад», состоявших из враждовавших с чехами венгров, австрийцев и немцев и сформированных из бывших военнопленных австро-венгерской и германской армий. Против них сражались с большим ожесточением, пленных с обеих сторон не брали. В то же время русские,

красноармейцы, сдававшиеся в плен, как правило, направлялись на пополнение частей Народной армии Комуча.

Таким образом, союзные державы и обычные рядовые солдаты, подчинявшиеся приказам своих командиров, имели разные цели в событиях, главными участниками, которых они стали. Основная масса легионеров спешила домой, поэтому они ввязывались в авантюры и пробовали возможные варианты политических союзов. Дойти до Тихого океана чехи смогли только заключив союз с русскими военными организациями, разными политическими партиями и группами. Чехи заявили себя типичными иностранцами, и их политические представители вели сношения с правительством международными «нотами», поэтому, покидая страну, они сочли нужным как бы оправдаться перед русским общественным мнением, опубликовав своё «обращение к Сибири». «Мы поддерживали демократию и помогали бороться с реакцией» — вот основной мотив чешского обращения [12, с. 713].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Воля Сибири. 1918. 26 ноября.
2. Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1957. 772 с.
3. Известия отряда чехо-словацких войск. 1918. 14 июня.
4. Интернационалисты. М.: Наука, 1971. 286 с.
5. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг. М.: Наука, 1965. 393 с.
6. Копылов Н.А. Выступление Чехословацкого корпуса в 1918 г.: современный взгляд на проблему // Россия и современный мир. М.: ИНИОН РАН Институт экономики РАН, 2019. С. 6—22.
7. Лапандин В.А. Восстание чехословацкого корпуса: к проблеме оценки причин и характера // Вестник Самарской экономической академии. 2001. № 1. С. 140—145.
8. Мировые войны в XX веке. Первая мировая война. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк. М.: Наука, 2002. 686 с.
9. Народная Сибирь. 1919.
10. Свободная Сибирь. 1918.
11. Цветков В. Мятёж: Чехословацкий корпус на полях гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55—61.
12. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914—1920: Документы и материалы в 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918—1920 гг. / отв. сост. А.Р. Ефименко. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
13. ГАКК (Гос. арх. Красноярского края).
14. РГВА (Рос. гос. военный арх.).

УДК 94(47)+908:77+930.2

Л.В. БЕЛГОРОДСКАЯ, Е.А. ВОНОГ*

**ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ
АМЕРИКАНЦАМИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КИНОХРОНИКИ 1918—1920 гг.**

Статья посвящена визуализации событий Гражданской войны на Дальнем Востоке России, отражённых в американской кинохронике «Allied Expeditionary Forces in Siberia», идентификации мест проведения съёмок, выявлению особенностей быта и поведения жителей Дальнего Востока в местах боевых действий и на контролируемых белыми территориях. После вводной части, представляющей краткий обзор научных публикаций и источников по теме исследования, авторы определяют хронологические и территориальные рамки «немой» чёрно-белой кинохроники, представляют визуализацию природно-географической составляющей образа дальневосточного региона, определяют визуальные образы императивов поведения жителей Дальнего Востока и их психоэмоциональные реакции на события Гражданской войны на востоке России.

Ключевые слова: фильм «Allied Expeditionary Forces in Siberia», визуальная история, военно-историческая антропология, Гражданская война на Дальнем Востоке России, американские экспедиционные силы, корпус связи армии США.

L.V. BELGORODSKAYA, E.A. VONOG

**VISUALIZATION OF THE CIVIL WAR EVENTS IN THE FAR EAST
BY AMERICANS: A SOURCE ANALYSIS OF THE NEWSREEL
IN TERMS OF THE PERIOD 1918—1920**

The article is devoted to the visualization of the events of the Civil War in the Russian Far East, reflected in the American newsreel «Allied Expeditionary Forces in Siberia», identifying filming locations, determining the peculiarities of life and behavior of the inhabitants of the Far East in the places of hostilities and in the territories controlled by «Whites». Following the introduction, which presents a brief

---

* БЕЛГОРОДСКАЯ Людмила Вениаминовна — д-р ист. наук, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: blv.kr@yandex.ru.

ВОНОГ Евгений Анатольевич — Сибирский федеральный университет (г. Красноярск). E-mail: vonog.ea@gmail.com.

overview of scientific publications and sources on the research topic, the authors define the chronological and territorial framework of silent black-and-white newsreel. The authors visualize the natural-geographical component of the Far Eastern region image, as well as define visual images of behavior imperatives behavior typical for Far East inhabitants and draw conclusions concerning their psycho-emotional reactions to the events of the Civil War in the East of Russia.

Keywords: film «Allied Expeditionary Forces in Siberia», visual history, military anthropology, Civil War in the Russian Far East, American Expeditionary Forces, US Army Signal Corps.

Гражданская война в восточных регионах России оставила после себя богатое документальное наследие в архивах, музеях и частных коллекциях как нашей страны, так и за рубежом. Среди визуальных исторических источников огромный интерес представляют кинохроники стратегически важного Восточного фронта, где объективами киноаппаратов были запечатлены крупные города Дальнего Востока, Сибири и Урала периода 1917—1922 гг. Следует отметить, что авторство многих кинохроник принадлежит представителям войск иностранных держав, поддерживавших в составе международной интервенции правительство адмирала А. В. Колчака.

ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ И ИСТОЧНИКОВ

В последние годы по теме кинематографического документирования событий Гражданской войны в России был издан ряд научных статей, где внимание исследователей было сосредоточено и на зарубежных видеоисточниках. Крупнейший специалист по исследованию фоно- и кинофото документов (КФД), историк В. М. Магидов, справедливо отметил, что «всесторонний и полный анализ КФД по истории Гражданской войны возможен только в случае привлечения всех без исключения документов по данной тематике» [4, с. 170].

Одним из таких зарубежных видеоисточников является уникальная чёрно-белая кинохроника «Allied Expeditionary Forces in Siberia» («Союзные экспедиционные силы в Сибири»), смонтированная американцами из нескольких киноплёнок. Лежащие в основе фильма материалы были отсняты американскими кинооператорами из специального подразделения — корпуса связи (US Army Signal Corps), действовавшего на востоке России в составе американских экспедиционных сил.

Национальный архив США произвёл оцифровку указанной «немой» кинохроники и в 2014 г. разместил в свободном доступе в сети Интернет двухчасовое видео с одноимённым названием [8].

Трёхминутный фрагмент данного фильма, посвящённый сибирскому городу Омску, стал предметом анализа историков Стельмака М.М. и Петина Д.И., активно работающих над темой «Омск — столица Колчака». В статье Стельмака М.М. и Петина Д.И. «Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника» [6] осуществлён источниковедческий анализ указанной американской кинохроники, рассмотрены вопросы о местах киносъёмок «Белой столицы», времени визуализированных в хронике событий. Ранее Л.В. Белгородской, Н.И. Дроздовым, Е.А. Воног была опубликована статья «Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» (1918—1920 гг.)» [1]. Однако стоит отметить, что анализируемый источник ещё не стал объектом такого направления исследования, которое бы позволило произвести реконструкцию жизни дальневосточных городов России в годы Гражданской войны.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ, МЕТОДОЛОГИЯ (МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ)

Задача авторов состоит в выявлении обстоятельств создания американской кинохроники; идентификации мест проведения съёмок; выявлении особенностей быта и поведения жителей Дальнего Востока в местах боевых действий и районах тыла.

Исследование выполнено в рамках междисциплинарного направления, получившего название «военно-историческая антропология», с использованием исследовательских методов визуальной антропологии. В традициях лингвистического поворота осуществлены текстуарные, нарративные и синтаксические процедуры при анализе привлечённых вербальных источников. По мнению историка Е.С. Сенявской, применяемый военно-исторической антропологией комплексный подход «позволяет выйти на новый уровень знаний о человеке в единстве его разнообразных проявлений, биопсихосоциальных параметров, областей и форм деятельности в экстремальных военных ситуациях, а также в условиях подготовки к ним и преодоления их последствий» [5, с. 17].

В рамках указанной проблематики интерес для исследователей представляет «вхождение» в войну гражданских и призванных в армию

лиц, а также визуальные образы, в которых проявляются императивы поведения, определяемые ситуацией. Объектом исследования авторов стало изучение «человеческого опыта» Гражданской войны, вторжение которой в обыденную жизнь людей вызвало у последних глубинные потрясения.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ ФИЛЬМА

Американцы начали прибывать во Владивосток во второй половине августа 1918 г. Эпизоды американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» охватывают период с осени 1918 по весну 1920 гг. На киноленте, занимающей несколько катушек, последовательно отражены события, происходившие:

- 1) в ряде мест (Владивосток, Спасск-Приморский, Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Харбин, станция Угольная Уссурийской железной дороги, станции Пограничная, Цицикар, Бухэду КВДЖ, а также другие города Урала и Сибири) с 6 ноября 1918 г. по 20 января 1919 г.;
- 2) во Владивостоке с 13 по 25 мая 1919 г., с 3 июня по 18 июля 1919 г., с 23 по 29 сентября 1919 г., без точной хронологии 1919 г., с 23 марта по 1 апреля 1920 г.

В фильме главное внимание уделено действиям американских сил на востоке России. Кроме американцев, союзные силы представлены британцами, итальянцами, канадцами, французами, японцами, китайцами, а также поляками и чехословаками. Сюжеты о совместных действиях союзников достаточно полно и разнообразно отражены в исследуемых видеоматериалах. В кинохронике есть сцена представления, в ходе которой по несколько представителей от каждой из стран-участниц интервенции в Россию спускаются по лестнице с национальными флагами и долго неподвижно позируют перед камерой.

На основе изученных письменных и визуальных источников установлено, что съёмки велись во Владивостоке, на станции Угольная Уссурийской железной дороги, в Хабаровске, в Спасске-Приморском (ныне Спасск-Дальний), на станциях Пограничная, Цицикар, Бухэду КВДЖ, в Никольск-Уссурийском (ныне Уссурийск), в Харбине, на Кругобайкальской железной дороге, в Иркутске, Красноярске, Омске, Екатеринбурге, Уфе.

Название хроники содержит указание на то, что события происходят в Сибири. В американском научно-популярном и даже научном

нарративе XX в. (отчасти эта тенденция действует и в начале XXI в.) к Сибири относят всю Северную Азию, включая Урал, Сибирь, Дальний Восток, районы северо-восточного Казахстана. Зритель видит на кадрах номинально «сибирской» хроники фактически три географические зоны России: Дальний Восток, Сибирь и Урал.

Создатели фильма о военных действиях объединённых сил международной интервенции на Востоке России много внимания уделили визуализации природно-географической составляющей образа региона. Художественно совершенны съёмки кинооператорами видов рек Усури и Амура. Последняя охарактеризована в монтажных листах как одна из трёх великих рек Сибири и России, а мост через Амур, который состоял из двадцати пяти пролётов, командующий американским экспедиционным корпусом генерал У. Грейвс назвал «одним из самых красивых» и «третьим по длине в мире» [2, с. 70]. Прекрасны кадры «золотой пряжки Транссиба» — Кругобайкальской железной дороги — и видов, открывавшихся из окна вагона на Байкал. Панорамные съёмки Владивостока сделаны вполне профессионально и художественно, они дают представление о повседневной жизни горожан и об архитектурном образе города. На американских кинооператоров большое впечатление произвёл железнодорожный вокзал во Владивостоке (рис. 1). В ряде сцен отражены внешний образ здания и состояние интерьеров. Воссозданный на основе визуального источника исторический облик здания позволяет оценить масштабы реконструкции сооружения в 1910—1912 гг., в связи со строительством Ярославского вокзала в Москве. Вокзал во Владивостоке расширили и надстроили, создав на обоих концах транссибирской железнодорожной магистрали архитектурно совершенные станции с элементами псевдорусского стиля и модерна.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ИМПЕРАТИВОВ ПОВЕДЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Глобальная цель американского документального проекта изначально была сформулирована в следующих словах: «Какой была восточная Россия во время операции союзных экспедиционных сил?». Поэтому для авторов предметом исследования стали и модели поведения, и стратегии выживания городских и деревенских обывателей Дальнего Востока, беженцев из Центральной России.

В целом зафиксированная на плёнке реакция людей на события Гражданской войны и лишения сдержанная, эмоции выражаются

Рис. 1. Владивосток, железнодорожный вокзал, 1918 г. Кадр из американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia». Права: Национальное управление архивов и документации США (NARA)

очень скупо. На кадрах практически нет улыбающихся лиц россиян. Однако люди экстремальные условия жизни воспринимают спокойно, достойно и даже как данность.

При просмотре кинохроники у зрителя возникает понимание того, что и в тылу Восточного фронта гибель людей в результате ранений и инфекционных заболеваний являлась в те годы массовым и заурядным явлением. В том числе к такому заключению приводят сюжеты с переполненными госпиталями и запечатлённым на железной дороге специальным составом, постоянно привозившим больных во Владивосток, вагоны которого маркированы русскими словами «Союзная противотифозная экспедиция Американского Красного Креста». Эпидемии в России приобрели катастрофические масштабы именно в годы Гражданской войны, а брюшной и сыпной тиф имели характер настоящей пандемии. В те годы в России только от тифа умерло более 700 тыс. чел. [3]. Также серьёзной задачей для всех воюющих сторон являлось купирование такого массового заболевания, как педикулёз. В американской киноленте масштаб данной проблемы отражает эпизод, снятый в зале ожидания железнодорожного вокзала Владивостока, где девушка в ожидании поезда вычёсывает вшей из волос. В находящемся в антисанитарном состоянии зале пассажиры одновременно

с удовольствием наблюдают за игрой матери с малышом. Эта сцена представляется одушевлённой и материализованной репликой картины художника-передвижника Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь» (1888 г.). Описывая общие санитарные условия на востоке России, американский генерал У. Грейвс в своих воспоминаниях привёл следующее высказывание главного хирурга американских экспедиционных сил: «Общую ситуацию с сангиеной в Сибири лучше всего описывает абсолютно справедливое замечание, что она практически не существует» [2, с. 110].

Интересны образы гражданского населения России периода Гражданской войны, которые попали в кадр американского кинооператора во Владивостоке, во время съёмок большой очереди желающих приобрести алкоголь. Дело в том, что правительство Колчака распорядилось продавать спиртные напитки только в ресторанах и кафе, а магазины, не имевшие лицензий, стали быстро избавляться от запасов горячительных напитков. Известно, что повышенный спрос на алкоголь возникает именно в период экономической нестабильности. Это происходит не только в связи с увеличением его потребления, но и из-за подмены функций денег, когда алкоголь становится средством платежа.

Также на изученных кадрах кинохроники, посвящённых городскому населению, было отмечено множество детских фигур. Часть из них, снятых на улицах Владивостока, одета в гимназическую форму, другие же — в непритязательные скромные наряды от зимних до межсезонных. Гимназическая свобода выражена в фуражках, лихо сдвинутых набок или на затылок, в отсутствии шинелей и ранцев. Раньше же, во времена Российской империи, малейшее нарушение формы на улице или в гимназии (расстёгнутый воротник, плохо пришитые, а тем более нечищенные пуговицы, пыльные ботинки и мятые брюки, наброшенная небрежно на плечи шинель) строго наказывалось наложением дисциплинарного взыскания. Подростки позируют кинооператорам, внимательно разглядывают солдат, забираются на заборы, с интересом следят с возвышенностей за происходящим.

Не остались без внимания американских кинохроникёров и эффектные женские образы. В сцене спортивных соревнований во Владивостоке среди зрителей много женщин, стильно одетых, ведущих себя раскованно и непринуждённо. Это могли быть как американки, приехавшие к мужьям, так и зажиточные беженцы из Центральной России — будущий «цвет» русской эмиграции первой волны.

Кроме гражданских лиц, особый интерес представляют визуальные образы военнослужащих и их императивы поведения. На кадрах хроники офицерский и рядовой состав военных миссий, представители

российских «белых» воинских формирований часто демонстративно курят даже в больничных палатах: в их руках — трубки, примитивные самокрутки, качественные сигары.

Достаточно продолжительное время съёмок на на Дальнем Востоке России американские кинооператоры уделили такой этно-социальной общности, как казачество. В кинохронике Уссурийское казачье войско атамана Калмыкова уверенным видом и слаженными действиями демонстрирует свою особенность и привилегированное положение на дальневосточной земле. Кадры кинохроники с исправными казаками изобилуют примерами мастерства их верховой езды и владения оружием — шашками и пиками. Командир передового британского батальона на востоке России, полковник Д. Уорд в своих воспоминаниях отмечал: «Тем, кто воспринимает казаков как некую разновидность плохо обученной нерегулярной кавалерии, лучше сразу пересмотреть своё мнение во избежание возможных просчётов в будущем. К тому умению, с каким казаки управляют своими лошадьми и по отдельности, и сообща, не может приблизиться ни одна армия в мире» [7, с. 218].

Эти и другие документальные кадры американской кинохроники позволили оценить внешние проявления чувств людей в эпоху потрясений, идентифицировать видимые формы человеческих эмоций. Предполагаемые острые выражения страха, паники, радости, духовного подъёма, надежды, азарта на лицах участников событий зритель не видит. Вероятно, это проявление природной эмоциональной сдержанности, в целом генетически свойственной россиянам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Видеоматериалы американского фильма «Allied Expeditionary Forces in Siberia» дают представление об особенностях визуальных образов россиян — жителей восточной части России, в том числе Дальнего Востока, а также беженцев из Центральной России, вовлечённых всех вместе в гражданское противостояние.

Кадры хроники визуализируют повседневные практики поведения участников конфликта и мирных жителей в прифронтовой полосе и на контролируемых «белыми» территориях. Кинохроника позволяет оценить эмоциональный мир участников событий: от яркого и эмоционально окрашенного у интервентов до сурового, сдержанного и равнодушного у местных жителей. Видеоматериалы дают ценный материал для изучения психоэмоциональных реакций современников на события Гражданской войны на востоке России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белгородская Л.В., Дроздов Н.И., Воног Е.А. Повседневность гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» (1918—1920 гг.) // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. Вып. 3 (25). С. 9—26.
2. Грейвс У. Американская интервенция в Сибири. 1918—1920. Воспоминания командующего экспедиционным корпусом / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2018. 287 с.
3. Инфекционная катастрофа в России в 1918—1921 годы // «Дилетант». URL: <https://diletant.media/articles/45281614/> (дата обращения: 27.01.2021).
4. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2005. 394 с.
5. Сенявская Е.С. История войн России XX века в человеческом измерении: проблемы военно-исторической антропологии и психологии: курс лекций для студ. и магистр., обуч. по напр. «История». М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2012. 331 с.
6. Стельмак М.М., Петин Д.И. Повседневность белогвардейского Омска в объективе американской кинокамеры 1919 г.: к вопросу атрибуции малоизвестного источника // Вестник архивиста. 2019. № 2. С. 357—374.
7. Уорд Д. Британская военная экспедиция в Сибирь. Воспоминания командира батальона «Несгибаемых», отправленного в поддержку Колчака. 1918—1919 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. 255 с.
8. Allied Expeditionary Forces in Siberia, 1918—1919 // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jGFxulouS_I (дата обращения: 27.01.2021).

УДК 947.084.6

Л.А. ДУДАРЬ*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В 1920-е гг.**

В статье исследуются инструменты государственного регулирования дальневосточной торговли в условиях многоукладной экономики периода нэпа. Рассматривается создание в регионе структур, выполнявших функции управления и регулирования торговой отрасли. Обозначена проблема воздействия социально-экономических и политических

---

* ДУДАРЬ Лариса Александровна — канд. ист. наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: dudar.la@dvfu.ru.

факторов на принимавшиеся управленческие решения при формировании системы распределения в 1920-е гг. Показано, что государство использовало как административные, так и рыночные механизмы регулирования экономики. В течение рассматриваемого периода складывались представления советского руководства о том, какой должна быть система социалистического распределения, какова роль государства в ней, насколько должен распространяться государственный контроль торговли в условиях многоукладной экономики. Сделан вывод, что к концу этого периода политические и идеологические установки возобладали над тенденциями регулирования товарооборота с помощью рыночных механизмов.

Ключевые слова: государственное регулирование, внутренняя торговля, новая экономическая политика, торговля различных форм собственности.

L.A. DUDAR'

STATE REGULATION OF FAR EASTERN TRADE IN THE 1920s

The article examines the instruments of state regulation of the Far Eastern trade in the conditions of the multi-layered economy of the NEP period. The article considers the creation of structures in the region that perform the functions of management and regulation of the trade industry. The problem of the impact of socio-economic and political factors on the management decisions made during the formation of the distribution system in the 1920s is outlined. It is shown that the state used both administrative and market mechanisms for regulating the economy. During the period under review, ideas of the Soviet leadership took shape about what the system of socialist distribution should be, what the role of the state in it should be, and how far the state regulation of trade should be extended in a multi-structured economy. It is concluded that by the end of this period, political and ideological attitudes prevailed over the tendencies to regulate trade with the help of market mechanisms.

Keywords: state regulation, domestic trade, new economic policy, trade of various forms of ownership.

Экономика Дальнего Востока после его вхождения в конце 1922 г. в состав РСФСР развивалась в условиях новой экономической политики, предполагавшей обязательное государственное регулирование всех сфер экономической жизни, в том числе и торговли. Представления о характере и оптимальном сочетании различных методов этого

регулирования складывались непосредственно в процессе осуществления нэпа, а их практическое применение сопровождалось многими трудностями.

Органом, регулирующим торговлю на общесоюзном уровне, с 1922 г. была Комиссия по внутренней торговле. Аналогичные комиссии создавались во всех губернских городах. В мае 1924 г., например, была организована Приморская губернская комиссия по внутренней торговле [1, с. 1]. По мере усиления планово-регулирующих начал в развитии внутренней торговли, а также для обеспечения последовательного укрепления социалистического сектора в торговле в мае 1924 г. вместо Комиссии по внутренней торговле был создан Народный комиссариат внутренней торговли СССР (Нарковнуторг). Соответственно, в дальневосточных губерниях в сентябре 1924 г. были организованы губвнуторги, подчинённые Дальвнуторгу, который в 1925 г. возглавлял С.М. Измайлов [4, с. 73]. В компетенцию губвнуторгов входило проведение внутренней торговой политики на основе действовавшего в стране законодательства, содействие развитию и организации внутреннего рынка, определение и регулирование в установленном порядке цен на товары местной государственной промышленности и торговли, организация торговых инспекций, учёт торговых оборотов, торгового капитала и торгового аппарата [ГАПК. Ф. Р-1167. Оп. 1. Д. 42. Л. 1].

Регулирующее влияние на внутренний рынок с конца 1921 г. оказывали товарные биржи, через которые проходили все значительные торговые сделки. С 1 сентября 1922 г. была введена обязательная регистрация и внебиржевых сделок. На Дальнем Востоке товарные биржи начали свою работу во второй половине 1923 г. в Чите, Владивостоке, Благовещенске. В 1923/24 хозяйственном году биржами было охвачено более 50% оптового оборота ДВО, а в 1924/25 г. — 67% [11, с. 64—65]. В 1925/26 г. оборот всех бирж ДВК увеличился на 17% по сравнению с предыдущим годом. Ведущая роль в товарообороте края принадлежала Владивостокской товарной бирже, оборот которой в 1925/26 г. составил 41,3% к общему биржевому обороту ДВК [7, с. 321]. Биржи стали необходимым дополнением к учреждениям, которые ведали торговлей, помогая им в изучении и регулировании рынка.

Ещё одним инструментом по восстановлению хозяйственных связей в стране при одновременном государственном регулировании рынка явились ярмарки. Осенью 1922 г. была открыта Нижегородская ярмарка, оборот которой составил 31,4 млн руб. [10, с. 186]. Немаловажное значение имели местные ярмарки, способствовавшие вовлечению в товарооборот местных промышленных предприятий, торгующих организаций и крестьян. В Приморской губернии, например, в 1925 г. действовали

116 ярмарок и 7 базаров в 72 населённых пунктах. Продолжительность их была от 1 до 3 дней, периодичность — от 1 до 8 раз в год [Подсчитано на основе источника: 3, с. 52—54]. Территориальное расположение этих ярмарок отвечало экономическим условиям уездов: их было больше там, где было меньше торговых заведений. Средний оборот приморских ярмарок составлял около 10—12 тыс. руб. [Подсчитано на основе источника: 12, с. 66]. Ярмарки в 1920-е гг. сыграли свою роль в регулировании внутреннего рынка, оживили товарооборот. Активное участие в межобластных и общесоюзных ярмарках государственных и кооперативных торгующих организаций со второй половины 1920-х гг. соответствовало интересам развития дальневосточного рынка.

Торговая деятельность, независимо от формы собственности предприятия, могла осуществляться лишь при условии получения промыслового свидетельства и уплаты государственного промыслового налога. Промысловые свидетельства делились на пять разрядов [5, с. 139]. Постановлением Дальревкома от 4 сентября 1923 г. на территории Дальнего Востока были введены в действие общесоюзные законодательные акты о патентном сборе и о государственном промысловом налоге [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 112. Л. 2]. Было выделено 4 пояса, для каждого из которых устанавливались ставки промыслового налога. Например, во Владивостоке в 1923/24 хозяйственном году для самой распространённой категории участников внутреннего рынка — предприятий III разряда, ведущих розничную торговлю, — патентный сбор был на 33% выше, чем в Хабаровске, поскольку эти города относились к разным поясам [Подсчитано на основе источника: РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 112. Л. 4].

Сильные позиции частного сектора в торговле — это одна из особенностей региона в рассматриваемый период, с чем не могло не считаться государство, выстраивая свою экономическую политику. Частник занимал в дальневосточной торговле ведущее место в течение всего периода 1920-х гг. Значительна была доля иностранного торгового капитала, который имел наибольший удельный вес в частном торговом секторе Приморья — 65% [6, с. 5].

Политика государства в отношении иностранной и вообще всей частной торговли мало чем отличалась. Главные усилия были направлены на то, чтобы, с одной стороны, обеспечить выполнение партийных директив по расширению своего влияния на «весь процесс рыночного товарооборота, снабжения и распределения» [9, с. 418] путём вытеснения частника из оптовой и оптово-розничной торговли государственным капиталом и расширения охвата розничного рынка кооперацией. В этой связи проводился целый ряд мероприятий экономического

и административного порядка: дифференциация отпускных цен на товары с целью предоставления льгот кооперации, сужение кредитов частной торговле и расширение кредитования торговле государственной и кооперативной.

Но, с другой стороны, на Дальнем Востоке в отношении частника не применялись жёсткие административные меры. Своеобразные условия недавно советизированной окраины, превалирование частного торгова, относительная слабость государственной и кооперативной торговли — всё это побуждало власть воздержаться от особо активных мер, грозивших тем, что брешь в товарообороте после «выпадения» из него частника, будет болезненна для потребителя. Среди мероприятий административного порядка можно назвать лишь меры фискального характера, которые в отношении предпринимателей были более суровыми, чем в отношении других участников рынка. Но они не были препятствием для почти равномерного расширения оборотов дальневосточной торговли всех форм собственности [8, с. 78].

Среди других способов организующего воздействия на частный торговый аппарат со стороны государства следует отметить поощрение создания различных общественных объединений коммерсантов, значительно облегчавших контроль над их деятельностью. Некоторые организации появлялись по инициативе государства. Например, комитеты рыночных торговцев во всех населённых пунктах Дальнего Востока, где имелись рынки, создавались Дальпромбюро [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 240. Л. 2—4]. Возникали организации частников и по их собственной инициативе. Так, в январе 1925 г. во Владивостоке было создано Приморское Акционерное общество розничных торговцев, которое чаще именовалось «Приморский розничник». Его задачей было «дать здоровое направление торговой политике частника в условиях советской экономики» [2, с. 2]. С помощью подобных организаций государство пыталось использовать частный капитал и его торговый аппарат для проведения в жизнь своей политики снижения цен на промтовары и одновременного увеличения товарооборота.

Поскольку основной целью в 1920-е гг. было укрепление социалистического уклада в экономике, именно обобществлённый сектор торговли стал главным объектом государственного регулирования. Госторговлей и потребкооперацией централизованно осуществлялись заготовки важнейших сельскохозяйственных товаров: хлеба, технического сырья и продуктов животноводства — и снабжение ими важнейших потребительских районов; составлялись планы сбыта отдельных промтоваров; планировался завоз промтоваров для личного потребления в отдельные республики, края и области страны. Регулировались

размеры и очерёдность железнодорожных и водных перевозок, уровень налогообложения частных, государственных и кооперативных торговых предприятий, размеры и условия кредитования товарооборота [10, с. 210—211]. Особое внимание государство уделяло непосредственному регулированию уровня и соотношения цен и накидок на некоторые товары массового потребления и прямому установлению заготовительных и сбытовых цен государственных и кооперативных организаций.

Главной целью этого было повышение конкурентоспособности советских товаров на внутреннем рынке и усиление позиций государственной и кооперативной торговли в экономической борьбе с частником. На Дальнем Востоке политика снижения отпускных и розничных цен приобрела ещё и характер экономической формы борьбы с контрабандой. Весной 1924 г. Дальплан предложил, чтобы государственная торговля и потребительская кооперация ДВО пошли на снижение цен на товары до крайних пределов, «вплоть до бесприбыльной торговли таковыми, учитывая в будущем, что в общей экономике края вытеснение контрабанды заграничных товаров и предполагаемые от этого убытки госторговли и кооперации будут с избытком возмещены увеличившимся рынком русских товаров» [РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 151. Л. 105].

Дальневосточное руководство держало ценовой вопрос под контролем и во второй половине 1920-х гг. При Дальторге и внуторгах на местах были созданы специальные комиссии по снижению розничных цен. Началось сокращение административно-хозяйственных расходов государственных и кооперативных розничных и оптовых организаций [ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 40. Л. 226—227]. Меры были весьма актуальны. К весне 1927 г. бюджетный набор рабочего подорожал за год на 8%, а в государственной и кооперативной торговле региона цены ещё не были доведены до намеченного минимума [ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 10]. Директиву СТО о 10-процентном снижении цен на промтовары в госторговле и кооперации удалось выполнить на Дальнем Востоке только к 1 июля 1927 г. и почти исключительно за счёт административного воздействия регулирующих торговлю органов. Лишь в незначительной степени на это повлияла рационализация товаропроводящей цепи [ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 44. Л. 119].

Цены являлись показателем достаточности тех или иных товаров на рынке, поэтому наряду с усилиями по их снижению руководство ДВК пыталось добиться увеличения их завоза в край. В условиях его удалённости случаев направления по указанию свыше предназначенных ему товаров в другие регионы, транспортных проблем, финансовой слабости краевых торгующих организаций снижение цен был

затруднено [ГАХК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 46. Л. 115]. Насколько можно судить по информации из источников, сбалансировать спрос и предложение с помощью ценовой политики в 1920-е гг. региональным властям так и не удалось.

В целом в 1920-е гг. использовались различные рычаги государственного регулирования сферы торговли на Дальнем Востоке. Одни из них были специфическими для региона, другие ничем не отличались от торговой политики, проводимой в масштабах всей страны. Государство использовало как административные, так и рыночные механизмы регулирования экономики. В течение рассматриваемого периода складывались представления руководства о том, какой должна быть система социалистического распределения, какова роль государства в ней, насколько должно распространяться государственное регулирование торговли в условиях многоукладной экономики. К концу 1920-х гг. политические и идеологические установки возобладали над тенденциями регулирования товарооборота с помощью рыночных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бюллетень ВТБ. 1924. 31 мая.
2. Бюллетень ВТБ. 1925. 29 янв.
3. Бюллетень Приморского статистического бюро. Владивосток: Б.и., 1925. 99 с.
4. Весь Дальний Восток. Справочник на 1925 год. Хабаровск: Далькта, 1926. 197 с.
5. Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу (1921—1924 гг.). М.: Наука, 1971. 272 с.
6. Доссер З. Приморская губерния как возможный рынок для советской промышленности // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1923. № 2. С. 1—17.
7. Отчёт Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925/26 г. Хабаровск: Б.и., 1927. 480 с.
8. Перельман Б. Частная торговля на Дальнем Востоке и практика её регулирования // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 3—4. С. 77—86.
9. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. 1917—1967 гг. Сборник документов за 50 лет. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 1917—1928. 783 с.
10. Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. 395 с.
11. Статистический ежегодник 1923—1925 гг. Хабаровск: Б.и., 1926. Ч. 1. 175 с.
12. Ярмарки и базары Приморской губернии. (По данным Владивостокской товарной биржи) // Советское Приморье. 1925. № 7. С. 64—69.
13. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
14. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
15. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 94(571.6)

В.Л. ЗЕМЛЯНСКИЙ*

**ДИСКУССИИ ОТНОСИТЕЛЬНО УЧАСТИЯ
В ВЫБОРАХ В ПРИАМУРСКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ
В ПРИМОРЬЕ ЛЕТОМ 1921 ГОДА**

В статье изучается процесс рассмотрения политическими силами Приморья вопроса об участии в выборах в представительный орган власти Приамурского государственного образования. Основное внимание уделено обсуждению оппозицией приемлемости выставления кандидатских списков и легитимности проведения голосования.

Ключевые слова: Приамурское Народное собрание, Временное Приамурское правительство, Приамурское государственное образование, Приморская область, Гражданская война на Дальнем Востоке России.

V.L. ZEMLYANSKIY

**DISCUSSIONS REGARDING PARTICIPATION
IN THE ELECTIONS TO THE PRIAMURSKY NATIONAL ASSEMBLY
IN PRIMORYE IN SUMMER 1921**

The article examines the process of consideration by the political forces of Primorye of the issue of participation in the representative body of the Priamursky state formation. The main attention is paid to the discussion by the opposition of the acceptability of nominating candidate lists and the legitimacy of the voting.

Keywords: Priamursky National assembly, Provisional Priamursky government, Priamursky state formation, Primorye region, the civil war in the Far East of Russia.

Статистика проведения выборов в региональные представительные органы власти показывает, что жители России менее активны при голосовании за кандидатов в местные парламенты, чем на выборах в Государственную думу или президента Российской Федерации. Дальневосточные регионы также показывают слабую явку при проведении голосования в региональные парламенты. При этом Дальний

---

* ЗЕМЛЯНСКИЙ Вадим Леонидович — Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, г. Санкт-Петербург. E-mail: groningen1991@gmail.com.

Восток имеет исторический опыт активного участия населения в избирательных кампаниях в первой четверти XX в., в том числе во время Гражданской войны в России.

Жители Приморья в годы Гражданской войны несколько раз имели возможность принять участие в прямых выборах своих представителей в региональные парламенты. В 1921—1922 гг. во Владивостоке заседало Приамурское Народное собрание, представлявшее интересы населения Приморья, Камчатки и полосы отчуждения КВЖД. Местный парламент играл важную роль в политической жизни Приамурского государственного образования, будучи высшим законодательным органом власти. Депутаты рассматривали проект бюджета, торговые договоры с иностранными государствами, пользовались правом внесения запросов о наиболее важных событиях в крае (аресты рабочих, задержки заработной платы, нападение хунхузов) и пр. В июне 1922 г., в период противостояния Временного Приамурского правительства и Народного собрания, представительный орган власти олицетворял парламентский путь развития одного из последних небольшевистских государственных образований на территории России. Таким образом, Приамурское Народное собрание в целом сыграло позитивную роль в истории Дальнего Востока начала 1920-х гг., показав пример развития местного парламентаризма.

Начало научного исследования Приамурского Народного собрания связано с именем известного владивостокского историка В.В. Сонины, выпустившего в 1974 г. первую монографию о приморском парламенте. В дальнейшем, до 1990-х гг., эта тема не становилась предметом серьёзных исследований. После распада Советского Союза произошёл всплеск интереса к ранее малоизученным вопросам антибольшевистского движения во время Гражданской войны в России, вышли в свет работы В.Ю. Куцего, Ю.Н. Ципкина. В настоящее время изучением приморского парламентаризма 1921—1922 гг. занимаются хабаровский историк Д.А. Ляхов и московские исследователи В.Ж. Цветков и Ф.А. Попов.

Новизна настоящей работы состоит в изучении на основе источников, впервые вводимых в научный оборот, дискуссии в политических группах Приморья (в основном в стане левых партий) относительно участия в выборах в Приамурское Народное собрание.

Цель статьи — исследование обсуждения представителями разных политических течений (левых групп, центристов и провластных сил) вопроса о выставлении кандидатских списков на выборы парламента Приморья и влияния этих дискуссий на итоги голосования.

Одной из первых проблем Временного Приамурского правительства, провозгласившего себя верховной властью после победы несоциа-

листического переворота в мае 1921 г., стало наличие неподконтрольного высшего регионального органа власти — Приморского областного Народного собрания. Большинство парламентариев входило в состав крестьянской и социалистических фракций, оппозиционно настроенных к новой власти. Правительство в первые дни переворота окончательно не решило судьбу Народного собрания, но сразу же объявило о запрете участия коммунистов в его работе.

Переворот произошёл за несколько дней до открытия третьей сессии Народного собрания. Находившиеся во Владивостоке депутаты собрались для обсуждения создавшегося положения. В это время, исключая ушедших в подполье приморских большевиков, легально действовали все политические группы, в том числе эсеры, левые эсеры и меньшевики. И если правые приветствовали переворот, а центристы отнеслись к нему крайне сдержанно, то левые группы не скрывали своего отрицательного отношения как к произошедшим событиям, так и лично к участникам переворота и членам правительства. 30 мая 1921 г. Временное Приамурское правительство издало указ о роспуске Народного собрания [4, с. 82]. Правые и демократическая фракции заявили о подчинении этому указу и перестали принимать участие в частных совещаниях депутатов. Позже правительство заявило о намерении созвать новый представительный орган власти.

Центром обсуждения дальнейших действий парламентариев стали частные заседания членов Народного собрания. Крестьянская фракция провела три заседания, в первых двух приняли участие представители других политических групп, в том числе и Демократического союза. Одни из его лидеров — генерал В.Г. Болдырев и А.П. Кругликов — убеждали крестьян в необходимости создания коалиционного правительства из всех сил, исключая партию большевиков. В социалистических фракциях эсеры предложили передать власть земской управе, а меньшевики и левые эсеры отказались от проведения переговоров с меркуловским правительством [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 5—6].

7 июня 1921 г. на заседании социалистического блока председатель распущенного Народного собрания К.М. Прокофьев предложил депутатам сделать заявление о непризнании правительства и констатировать факт существования Народного собрания. Депутаты единогласно приняли это предложение [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 6]. В этом заседании также приняла участие рабочая группа из 7 человек, избранная областным исполнительным бюро Совета профессиональных союзов взамен находившихся под запретом депутатов большевистской фракции.

В середине июня совещание членов Народного собрания обсудило вопрос об участии левых сил в выборах в новый парламент.

Представитель эсеров Ф.С. Мансветов высказал мнение о необходимости выставления списков социалистических партий. Кроме эсеров за участие в выборах высказались меньшевики и народные социалисты. При этом левый эсер И.П. Макаров заявил: «Как русский человек и старожил, высказываюсь за участие в выборах» [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 6—7]. Один из лидеров крестьянской фракции В.П. Абоимов сообщил совещанию, что, скорее всего, крестьянству также придётся выставить кандидатский список. Наиболее радикальное предложение поступило от сибирских эсеров. Они вынесли на рассмотрение вопрос о создании комитета членов Народного собрания с функциями «революционного органа власти» [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 7]. Естественно, что создание такого комитета означало бы объявление вошедших в него партий вне закона по причине посягательства на верховную власть. Поэтому к подобному предложению остальные партии отнеслись крайне настороженно.

Партия социалистов-революционеров взамен создания комитета высказалась за создание исполнительного бюро, призванного стать руководящим органом левых сил на выборах в Приамурское Народное собрание. Большевики поддержали идею эсеров с исполнительным бюро. Больше Народное собрание на совещания не собиралось [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 7].

14 июня 1921 г. правительство приняло положение о выборах в Приамурское Народное собрание. Права участия в них лишались коммунисты, анархисты, социал-революционеры-интернационалисты и максималисты [6, с. 78; 5, с. 188—190]. В положении чётко указывалось, что только «противогосударственные партии» не имели право выставлять свои списки, для всех остальных не существовало политических преград.

Взамен совещаний членов Народного собрания не смирившиеся с роспуском парламента депутаты образовали Междупартийное социалистическое совещание. В нём не могли состоять организации, одновременно входившие в Демократический союз. Поэтому в совещание не вошли народные социалисты. Оно установило норму — по два представителя от каждой социалистической партии (коммунистов, меньшевиков, эсеров, левых эсеров, сибирских эсеров, максималистов), от Крестьянского трудового союза и от областного бюро Совета профессиональных союзов [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 7—8]. Впрочем, представители Крестьянского трудового союза не посетили ни одного заседания, а некоторые из них состояли в Демократическом союзе и выступали за участие в выборах в Приамурское Народное собрание.

На первом заседании Междупартийного социалистического совещания 18 июня 1921 г. его члены высказались (при воздержавшихся

максималистах) за сохранение и продолжение работы Приморского областного Народного собрания. Заседание избрало Бюро Междупартийного социалистического совещания. В него вошли по одному представителю от коммунистов, эсеров, меньшевиков, сибирских эсеров и левых эсеров. По вопросу об участии в выборах в Приамурское Народное собрание эсеры и меньшевики выступили за участие. За бойкот выборов проголосовали большевики, сибирские эсеры, левые эсеры и исполнительное бюро профсоюзов [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 8].

Во время второго заседания совещания 21 июня 1921 г. меньшевики, пересмотрев своё мнение, выступили за бойкот. На третьем заседании 22 июня 1921 г. эсеры сообщили, что вопрос о выборах окончательно ими не решён. Позже Ф.С. Мансветов заявил, что эсеры решили выставить свой кандидатский список, после чего Бюро Междупартийного социалистического совещания подготовило воззвание о бойкоте, которое подписали коммунисты, левые эсеры, сибирские эсеры, исполнительное бюро профсоюзов и меньшевики. Подпись последних осталась под воззванием, но позже партия отказалась от участия в выборах с довольно размытой формулировкой «принципиально за участие, по практическим же соображениям против» [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 8]. Таким образом, из всех левых партий за участие в выборах высказались социалисты-революционеры (правые эсеры) и народные социалисты, последние — в рамках участия в списке Демократического союза.

Дальневосточный Демократический союз был по сути политическим блоком, в который вошли представители и сторонники центристских партий и групп. В принятой 4 мая 1921 г. учредительным собранием союза платформе в числе прочих объявленных задач числилось «создание контроля общественного мнения и требования настойчивого парламентского контроля над властью во всех областях государственного управления и хозяйства; защита государственных интересов при отдаче концессий, борьба с казнокрадством и взяточничеством» [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 167. Л. 2]. 22 июня 1921 г. общее собрание Демократического союза рассмотрело вопрос об участии в выборах в Приамурское Народное собрание. Участники совещания единогласно приняли резолюцию о выдвижении списка Демократического союза и выразили пожелание о создании объединённого списка союза и родственных ему демократических организаций [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 167. Л. 16—17]. При этом лидеры Демсоюза не строили иллюзий относительно легитимности выборов. Как отмечал В.Г. Болдырев, отсутствие в избирательном списке большевиков (и, следовательно,

отказ от участия в голосовании многих рабочих) «умалило значение представительного органа и делало его одноким орудием правительства» [2, с. 430].

Несоциалисты намеревались принять активное участие в выборах и завоевать большинство мест. На проводившемся в это время Втором несоциалистическом съезде его участники возложили на Совет съезда составление кандидатского списка [1, с. 1]. Как отмечал один из лидеров несоциалистов Н.А. Андрушкевич в заметке «Выборы в Народное собрание» в проправительственной газете «Слово», «членами Народного собрания должны быть проведены общественные деятели, способные не только к здоровой творческой работе, но и умеющие разбираться в политических условиях и способные противостоять тем искушённым в политике, для которых политика — профессия и которые несомненно пройдут в Собрание от левых группировок» [1, с. 1].

Окончательно крайне левые партии определились с вопросом об участии в выборах 26 июня 1921 г. на рабочей конференции во Владивостоке, где 225 голосами (против — 7, воздержавшихся — 4) приняли резолюцию о бойкоте. Левые эсеры предложили исключить эсеров из Бюро Междупартийного социалистического совещания за активное участие в выборах, но этот вопрос к 1 июля 1921 г. так и не был решён [ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 161. Л. 8]. Крестьянская фракция Приморского областного Народного собрания, несмотря на отказ от признания Временного Приамурского правительства, вынесла резолюцию принять активное участие в выборах в Приамурское Народное собрание, призвав голосовать за кандидатов, признающих программу Союза трудового крестьянства. Резюмируя сложившуюся ситуацию для левых партий, эсеровская газета «Воля» в статье «Идти ли на выборы» указывала следующее: «...С болью констатируя это, что неорганизованный и пассивный бойкот выборов равносителен самоубийству, призывать к которому со стороны руководящих органов было бы преступлением» [3, с. 1].

Таким образом, центристы (Дальневосточный демократический союз) и провластные группировки практически сразу поддержали правительство в проведении выборов в Приамурское Народное собрание и выставили свои кандидатские списки. Наиболее ожесточённые споры происходили у представителей левых партий.

Несмотря на запрет участия в выборах большевистской партии, у коммунистов оставалась возможность выступить в составе «социалистического блока» или же создать собственный список, исключив из названия упоминание о партийной принадлежности. Другие социалистические партии (меньшевики, сибирские эсеры) первоначально рассматривали вариант участия в выборах, но позиция большевиков

и возможные санкции правительства Дальневосточной республики (у партий были фракции в парламенте ДВР) в конечном счёте привели к их отказу от выставления кандидатских списков и ограниченному представительству левых партий в Народном собрании.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Андрушкевич Н.А. Выборы в Народное собрание // Слово. 1921. 23 июня.
2. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Новониколаевск, 1925. 562 с.
3. Идти ли на выборы // Воля. 1921. 24 июня.
4. Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье. 1920—1922 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. 201 с.
5. Сонин В.В. Дальневосточная конституционная модель (1920—1922) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны: Материалы к 1-й книге 3-го тома «Истории Дальнего Востока России»: сборник научных статей. Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 178—195.
6. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 1996. 82 с.
7. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

УДК 947.084.3(571.6)

Т.З. ПОЗНЯК*

РЕАЛИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТЧЁТАХ ОРГАНОВ ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЙ И ГОСПОЛИТОХРАНЫ

Сосредоточенность большей части существующих научных работ по истории Дальневосточной республики (ДВР) на деятельности её центральных органов и их нормотворчестве значительно сужает поле восприятия и наши оценки ситуации в молодом государстве. Исследовать экономическое и политическое положение разных областей и реализацию политики центра на практике позволяют отчёты с мест. Содержащаяся в них информация сильно изменяет наше видение экономического и социально-политического положения ДВР. Согласно отчётам областных

---

* ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: tzpoznyak@mail.ru.

властей, эмиссаров и ревизоров МВД республики, строительство буферного государства осложняли дефицит финансов и кадров, бесконечные реформы, отсутствие своевременной информации о распоряжениях правительства, «сепаратизм» министерств и их отделов, «революционная вольница» в работе низовых административных органов. Главными проблемами, с которыми столкнулись в своей работе областные власти, были «переобременённость населения подводной повинностью», сопротивление крестьян продразвёрстке и сбору налогов, провал посевных кампаний, невозможность обеспечить армию и население городов продовольствием и фуражом, дезертирство, рост преступности и др. Сводки органов Государственной политической охраны свидетельствуют о волне бандитизма, контрреволюционной агитации и заговоров, забастовок, а также об антиправительственных настроениях, охвативших все области ДВР.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, Гражданская война, областные управления, Госполитохрана, кадры, финансы, реформы, продовольственный кризис, контрреволюция, забастовки.

T.Z. POZNYAK

**REALITIES OF THE FAR EASTERN REPUBLIC
IN REPORTS OF REGIONAL ADMINISTRATIONS
AND STATE POLITICAL PROTECTION**

The concentration of most of the research on the history of the Far Eastern Republic on the activities of the central authorities and their rule-making significantly narrows the field of perception and our assessments of the situation in the republic. Local reports allow us to study the situation in the region and the implementation of the center's policy in practice. Information from the reports is changing our vision of the economic and socio-political situation of the Far East Republic. According to the reports of the regional administrations, emissaries, state political security bodies, this process was complicated by a shortage of finances and personnel, endless reforms, lack of information about government orders, "separatism" of ministries and their departments, "revolutionary freedom" of lower administrative bodies. Regional authorities were forced to solve such problems as overburdening the population with taxes and duties, resistance of peasants to surplus appropriation and tax, failure of sowing campaigns, the inability to provide the army and population of cities with food and fodder, desertion, banditry, etc. Reports from the State Political security bodies show a wave of banditry, counter-revolutionary agitation and conspiracies, strikes, anti-government and anti-communist sentiments that swept all regions of the republic.

Keywords: Far Eastern Republic, Russian Civil War, regional administrations, personnel, finance, reforms, food crisis, counter-revolution, strikes.

Наиболее изученными аспектами истории Дальневосточной республики (ДВР) являются идейное и политическое противостояние в ходе создания буферного государства, организация Народно-революционной армии ДВР и борьба с интервенцией и белогвардейцами. Авторы большинства работ в советское и постсоветское время основное внимание уделяли таким проблемам, как процесс организации органов управления в центре, структура и деятельность центральных органов управления, отдельных министерств и ведомств, законодательство республики, и не затрагивали проблем областей, входивших в состав ДВР, реализацию на местах принимаемых в центре решений. В результате ситуация в буферном государстве в большинстве исследований рисуется в позитивном ключе: центр принимал законы и положения, определявшие работу органов власти, вводил налоги, назначал выборы, регулировал денежное обращение и проч. [1; 5; 6; 7; 11]. Едва ли не единственной работой, где анализируются недостатки экономической политики и трудности её реализации, является монография Л.Н. Долгова и параграф, написанный им для 3-го тома «Истории Дальнего Востока России» [4, с. 75—105; 6, с. 450—462]. Современные исследования, содержащие новые взгляды и оценки сущности и характера ДВР, по-прежнему сосредоточены на политических аспектах истории республики и действиях представителей её центра [2; 3; 10].

В результате работа областных управлений по выполнению задач строительства нового государства, политическая и экономическая ситуация на местах, повседневная жизнь населения остаются неизученными. Только в последнее время эти проблемы получили некоторое освещение [8; 9]. Исследователи истории ДВР мало обращались к таким источникам, как отчёты органов местной власти.

Цель статьи — рассмотреть реалии экономической и социально-политической ситуации в областях республики, трудности становления местных органов управления и реализации ими решений правительства ДВР. Источниками исследования послужили отчёты областных народно-революционных комитетов (нарревкомов) и управлений, эмиссаров, представителей МВД республики о результатах ревизионных и инструкторских поездок, информационные сводки Главного управления Государственной политической охраны (Госполитохраны) ДВР и проч.

С конца 1920 г. центр начинает посылать в области запросы о предоставлении месячных отчётов, в середине 1921 г. сверху спускается примерный план их составления. Отчёты должны были содержать сведения о создании и работе органов управления, об экономическом и политическом положении области, настроении населения,

результатах всех проводимых кампаний — налоговой, посевной, выборной, продразвёрстки, подводной повинности, помощи голодающим России и проч. Центр рассматривал отчёты как неотъемлемый механизм управления и как способ контроля исполнения постановлений правительства областными органами управления и получения информации о ситуации на местах. Однако отчёты поступали нерегулярно и с большим опозданием, основными причинами являлись дефицит кадров, невероятная загруженность работников на местах, отсутствие связи и финансов (почта работала с перебоями, средств на оплату крестьянам почтовых перевозок у центра не было). Областные органы управления часто не давали в отчётах важнейшей информации, и центр узнавал о ней из телеграмм Дальневосточного телеграфного агентства (Дальта). Отчёты не только в 1920 и 1921 гг., но и в 1922 г. часто отправляли с нарочными или с оказией. Места держали связь с центром преимущественно телеграммами или с помощью переговоров по «прямым проводам» [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 1—1 об., 9—13; Д. 161. Л. 16, 33—40, 89—101].

Посылка ответственных партийных работников в области ДВР осуществлялась либо из-за необходимости провести ревизию органов власти на местах, включая Госполитохрану и милицию, вследствие недочётов в их работе и возникших конфликтов, либо для решения определённой задачи (помощь в проведении выборной, налоговой, посевной и прочих кампаний).

Отчёты Главного управления Госполитохраны составлялись по отчётам её областных органов, а также секретных агентов в разных учреждениях. Характер собираемой информации был обусловлен основными функциями Госполитохраны — борьба со шпионажем, контрреволюцией и раскрытие преступлений по должности. Органам и агентам организации на местах предписывалось собирать сведения о политическом положении, настроениях населения, назревавших и начавшихся забастовках, деятельности политических партий и групп, духовенства, контрреволюционной агитации и деятельности, заговорах и восстаниях, бандитизме, распространении провокационных слухов, саботаже и преступлениях по должности [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. 81 л.].

Все эти отчёты — важнейшие источники, позволяющие представить экономическую и социально-политическую ситуацию на местах, охарактеризовать ход реализации принимаемых в центре решений и их результаты. Большинство данных документов содержит довольно нелицеприятную для власти информацию, их авторы наряду с достижениями строительства нового государства фиксировали трудности и недостатки. Невозможно судить достоверно, насколько отчёты

соответствовали действительности, не стремились ли авторы изобразить ситуацию более драматичной, чем она была, чтобы получить из центра дополнительные средства и кадры, либо концентрацию на недостатках вызывала установка центра, как например, в случае с органами Госполитохраны, специально нацеленными на сбор определённой информации. Однако надо констатировать, что экономическая и социально-политическая ситуация по отчётам с мест представляется далеко не столь позитивной, как она выглядит, если рассматривать историю ДВР через призму нормативных источников и деятельности центральных органов власти.

Создание республики было провозглашено 6 апреля 1920 г. на съезде трудящихся Прибайкалья в г. Верхнеудинске (ныне г. Улан-Уде) [6, с. 375—376, 450]. На практике процесс образования нового государства растянулся во времени: даже после вхождения всех областей в состав ДВР речь шла скорее о символическом обладании, чем о реальном управлении территорией [9, с. 65—72]. Одним из свидетельств самостоятельности глубинки и плохой связи с центром было поступление областных отчётов: в 1920 г. они не отправлялись вовсе, первые начали поступать в МВД ДВР с января 1921 г. Во второй половине 1921 г. и в 1922 г. отчёты составлялись по предписанным формам, но не всегда это делалось своевременно и регулярно. Приморское областное управление не предоставило правительству ни одного отчёта о работе. Встраивание низовых — уездных, волостных, сельских — органов управления в «вертикаль власти» ДВР происходило медленно и с большим трудом. Уездные отчёты в области стали поступать только летом 1922 г.

Первоначально представительными органами власти на местах — от области до волости — являлись собрания уполномоченных, а исполнительными — нарревкомы, последние были «сконструированы наспех», «в момент всеобщей разрухи при переходе власти в руки правительства ДВР», одновременно шло формирование министерств и соответствующих отделов областных нарревкомов. Ввиду невозможности провести выборы, в уездах и волостях ревкомы часто назначались [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 6—6 об.; Д. 114. Л. 1]. После принятия 27 апреля 1921 г. Конституции началась административная реформа: организация и проведение выборов в собрания уполномоченных и преобразование нарревкомов в управления. Основой её стало утверждённое правительством 29 ноября 1920 г. Временное положение о местных органах народной власти Дальневосточной республики. Процесс замены ревкомов управлениями в областях и уездах сильно затянулся [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 4—4 об.; Д. 114. Л. 20]. Параллельно шло формирование штатов министерств уже «центрального

правительства» в Чите, а на местах — соответствующих отделов в составе областных управлений. Выборы в областные собрания прошли летом-осенью 1921 г., на них были избраны областные управления. Выборы уездных, городских и волостных собраний уполномоченных и органов исполнительной власти начались осенью 1921 г., а закончились только летом 1922 г. [9, с. 63—79].

Даже в начале 1922 г. власть ДВР, судя по докладу Товарища министра внутренних дел М.Д. Иванова и сотрудника особых поручений И.С. Тяжёлова о поездке в Прибайкальскую область 10 января — 10 апреля 1922 г., простиралась не дальше областных и уездных городов. В уездах и волостях не изжили революционной вольницы: «Население привыкло не уважать власть, точнее не чувствовать её, и 1921 год, год строительства в центре, когда власти было не до мест, также не оказал в этом отношении влияния на Прибайкалье. Население жаждет порядка, жаждет власти, оно устало от безвластия, но по своей косности не может само начать строительство снизу и, хотя иногда и пытается, но в своих начинаниях доходит до административных анекдотов и абсурдов» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 43—44]. По их словам, высшей властью являлись «не областное и уездное управления, а районные съезды, собираемые или по инициативе одной волости, или членов Нарсоба фракции меньшинства, а за последнее время Облуправлением и Унарревкомами» [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 50—51]. Сходная ситуация наблюдалась в приисковых районах: прииски управлялись «трудовыми артелями», которые требовали от правительства продовольствие и товары, при этом не только не сдавали добытое золото, но и не платили налогов, арендной платы, не признавали власти государства и профсоюза горняков [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 96 об., 104 об. — 105].

Самым болезненным вопросом в ДВР была нехватка финансов. Плохое материальное положение рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий («постоянная и систематическая недодача пропайка», выплата половины жалованья) мешало их нормальной работе [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 25—32; РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 106. Л. 3—4 об., 7, 11—11 об., 28—30; Д. 114. Л. 1—5, 11—12, 20—21; Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 17. Л. 7]. Областные власти непрерывно бомбардировали центр требованиями выслать денег, однако последний не мог удовлетворить их просьбы и часто отмалчивался. Многомесячные задержки заработной платы приводили к росту социальной напряжённости, забастовочным настроениям [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 186, 188, 195, 197; Д. 131. Л. 127; Д. 176. Л. 270—270 об., 303—304; РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 145; Д. 162. Л. 47].

Особенно острая финансовая и продовольственная ситуация сложилась в декабре 1921 — феврале 1922 г. после начала военных действий на Восточном фронте [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 33—48; Д. 131. Л. 93]. В первой половине 1922 г. денежные вливания из Советской России или просьбы о них стали постоянными, и даже неполные данные о них говорят о сильной финансовой зависимости ДВР от РСФСР. В январе 1922 г. 1,5 млн руб. на нужды армии привёз из Москвы М.И. Губельман; 5 февраля Дальбюро ЦК РКП(б) послало телеграмму в ЦК РКП(б), где описало катастрофическое экономическое положение ДВР и просило срочной финансовой помощи; 12 февраля Дальбюро, заслушав доклад П.М. Никифорова о содержании Народно-революционной армии, констатировало невозможность содержать её за счёт ДВР и просило ЦК РКП(б) переложить эту обязанность на РСФСР; в начале июля 1,5 млн руб. на нужды военного ведомства привёз из Москвы К.А. Авксентьевский*, назначенный Главкомом и Военминком вместо уезжавшего в Москву В.К. Блюхера и проч. [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 20, 32, 33, 40—42, 151, 193]. Ввиду разрозненности и неполноты сведений точной картины финансовых поступлений из РСФСР в 1920—1922 гг. представить невозможно. По данным Н.П. Егунова, долг ДВР перед РСФСР к ноябрю 1922 г. составил 100 млн руб. золотом [5, с. 85].

Областные власти — партийные и государственные — в свою очередь непрестанно требовали у правительства ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б) денег и кадровых пополнений, однако получали их редко, с большим запозданием и в недостаточном объёме [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 52, 100; Д. 21. Л. 33, 37, 78—129; Д. 88. Л. 8, 13, 22; Д. 91. Л. 24, 68, 91—98; Д. 139. Л. 68—71]. На состоянии областных бюджетов негативным образом сказывались несколько обстоятельств: во-первых, плохая собираемость продрозвёрстки и налогов, во-вторых, перераспределение в пользу центра большей части доходных статей, в-третьих, отсутствие законов, определявших финансовые права местных органов управления и др. [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 44]. Главной же проблемой была неспособность центра за счёт деградировавшей за годы Гражданской войны экономики Дальнего Востока содержать огромную армию и осуществлять военные перевозки; в этой ситуации на гражданские нужды денег у центра не оставалось.

Другой острой проблемой являлся дефицит кадров в государственных и партийных органах всех уровней. Большинство волостных и сельских нарревкомов возглавляли неграмотные или малограмотные

---

* Впрочем, быстро проштрафившийся и заменённый И.П. Уборевичем.

крестьяне, обычной практикой стало исполнение обязанностей по очереди, отделы образованы не были, канцелярской работы не велось, отчёты не составлялись и в вышестоящие инстанции не отсылались, постановления и распоряжения центра либо отсутствовали, либо оставались непочитанными по причине неграмотности служащих [РГИА ДВ. Ф. Р-4699. Оп. 1. Д. 4. Л. 49—52, 66; 9, с. 72].

Кроме дефицита финансов и кадров, судя по областным отчётам, становлению органов власти на местах мешали бесконечные реформы, отсутствие разработанной стратегии государственного строительства и внутренней политики, долгая разработка и неоднократное изменение нормативных документов, нехватка информации о политике и распоряжениях правительства, несогласованность действий органов власти, «сепаратизм» министерств и др. [9, с. 68—76]. Положение на местах обостряла также борьба за власть, часто выливавшаяся во взаимные обвинения в коррупции, злоупотреблении служебным положением, контрреволюционных заговорах, партизанщине, сепаратизме и прочих грехах. Центр был вынужден периодически отправлять для разбирательств ревизоров, отстранять от должностей местных ответственных работников и искать им замену в условиях катастрофической нехватки кадров [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 100; Д. 21. Л. 17, 119; Д. 23. Л. 40; Д. 24. Л. 64; Д. 26. Л. 85—86 об., 109—115; Д. 88. Л. 4—4 об., 18, 33; Д. 91. Л. 7—8, 26—28, 78—82; Д. 139. Л. 1—4 об., 17—27; Д. 140. Л. 6—13].

Отчёты областных властей, кроме описания организационных трудностей, отражают результаты их деятельности по решению задач, поставленных перед ними центральной властью, и, главное, проблемы, с которыми им пришлось столкнуться. Областные власти жаловались на «переобременённость населения подводной повинностью», сопротивление крестьян продразвёрстке и сбору прогрессивно-подходящего поимущественного налога, нехватку семян для посевных кампаний, острый недостаток продовольствия, товаров первой необходимости, топлива, безработицу, тяжёлое материальное положение государственных служащих и рабочих, незаконные реквизиции военными фуража и продовольствия у населения, дезертирство, бандитизм, рост преступности и проч. Установление государственной власти над территорией и населением, обложение последнего налогами и повинностями сталкивались с традиционными крестьянскими моделями поведения, усугублёнными длительным периодом «революционной вольницы». Крестьяне словно проверяли власть на прочность и способность к принуждению. «Больные вопросы», стоявшие перед местными органами управления, и практики сопротивления населения давлению государства исследованы автором ранее [8, с. 58—62].

Ещё более безрадостную картину ситуации в областях республики рисуют ежемесячные и трёхдневные информационные сводки органов Госполитохраны ДВР, составляемые по отчётам агентов на местах. Она получается, вероятно, несколько гипертрофированной и искажённой в силу задач, стоявших перед этими службами, которые занимались вскрытием и анализом антиправительственной, контрреволюционной и преступной деятельности «врагов» республики, «тёмных сил».

Согласно сводкам Госполитохраны, забастовки на почве задержек жалованья, подогреваемые оппозиционными партиями, контрреволюционные заговоры в городах, деятельность банд, снабжаемых и поддерживаемых кулачеством, случаи злоупотребления служебным положением и расхищение государственного имущества, антиправительственные и антикоммунистические настроения были частыми и повсеместными явлениями в 1920—1922 гг.

В октябре 1920 г. забастовками угрожали рабочие и служащие государственных предприятий и кооперативных организаций Прибайкалья. В 1921 г., в феврале, бастовали рабочие нескольких заводов в Петрозаводском районе Прибайкальской области; в апреле — служащие и рабочие Амурского водного транспорта; в мае забастовки назревали в Управлении Амурской железной дороги, среди «служащих Нарсвязи» и учителей Верхнеудинска; с 4 мая в Благовещенске начали бастовать «грузчики, мельничные рабочие и ломовые извозчики»; в августе — сентябре в Хабаровске — «служащие Рупвода» и тамошние [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 166, 171—171 об.; Д. 33. Л. 33; Д. 114. Л. 1 об., 25, 30]. В июле 1922 г. из-за трёхмесячной невыплаты жалованья «назревала стачка» служащих Благовещенского городского управления, 2 августа начали забастовку медработники Троицкосавского уезда Прибайкальской области, 20 сентября — служащие Баргузинского уездного управления [РГИА ДВ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 161. Л. 145, 159—159 об.; Д. 162. Л. 47, 85—86 об.].

В плане демонстрации растущего недовольства всех слоёв населения показательна сводка Главного управления Госполитохраны за конец февраля 1921 г.: «Рабочие недовольны властью, дающей им полугодный паёк и совершенно не снабжающей их мануфактурой, требуя в то же время их усиленной работы. Их надежды на улучшение своего положения в связи с объединением края и приходом своей власти не оправдались. Их экономическое положение значительно ухудшилось, даже в сравнении с недавним прошлым. Крестьянство, ожидавшее в результате мирной обстановки возвращения своих сыновей и братьев, свободы от постоя и гоньбы, связанных с расквартированием правительственных войск и „визитами“ разных уцелевших отрядов

и шаек — не получило ни того, ни другого, ни третьего. В некоторых областях проводится фактическая продовольственная развёрстка, не компенсируемая выдачей соответствующих товаров (Прибайкалье и Амурская область). Развал промышленности и торговли лишает средств к существованию широкие слои городского населения. Отношение этих слоёв к власти определяется уже одним этим фактором, к которому присоединяются ещё и другие. Население склонно отождествлять коммунистическую партию с существующей властью, но необходимо отметить, что коммунистическая партия пользуется ещё меньшими симпатиями населения, чем правительство — враждебное отношение к ней составляет явление повсеместное и встречающееся среди всех групп населения» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 1].

Красной нитью через все отчёты Госполитохраны проходят сообщения о контрреволюционной агитации оппозиционных партий, духовенства и кулачества, о «засилии семёно-каппелевских элементов» среди служащих государственных учреждений и бывшего офицерства — среди командиров НРА, а также их контрреволюционности и недоверии к ним рабочих и бойцов соответственно [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 6—7 об., 10—11 об., 12—14, 71—73, 78—80; Д. 114. Л. 18—19, 27, 35—37, 120]. Важную роль в разжигании антиправительственных настроений населения ДВР, по данным Госполитохраны, играли слухи о скором падении власти коммунистов в республике, наступлении японцев и белых со стороны Монголии и Маньчжурии, подготовке восстаний и контрреволюционных заговоров [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 7 об. — 9 об., 72—73]. Расхищение государственного имущества и злоупотребление служебным положением приобрели характер стихийного бедствия, а милиция была не способна справиться с преступностью в силу некомпетентности, пьянства и взяточничества. Все эти беды в значительной степени, по мнению составителей сводок, происходили по причине тяжёлого экономического положения населения республики и в первую очередь хронических задержек и половинной выплаты жалованья рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 10, 12, 75, 77; Д. 114. Л. 32, 88, 132, 157].

Информационные сводки Госполитохраны и отчёты областных органов управления о ситуации на местах рисуют безотрадную, хотя, возможно, и несколько искажённую картину. Они свидетельствуют, что становление буферного государства шло с большим трудом, власть центра над регионами часто была лишь номинальной. Строительству и укреплению молодого государства мешали катастрофическое состояние экономики, необходимость ведения войны и содержания армии, острый дефицит финансов и кадров, отсутствие продуманной внутренней

политики и перманентные административные реформы. Перед областными властями стояли задачи, которые в условиях дефицита кадров и финансов, общей экономической разрухи они решить не могли: обеспечить «изъятие» продовольствия и фуража у деревни, исполнение крестьянами подводной повинности, проведение мобилизации; победить преступность и бандитизм; снабдить население и армию продовольствием и товарами первой необходимости; выплатить жалованье или выдать паёк рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, семьям народоармейцев и проч. Экономическая и политическая ситуация в областях оставалась тяжёлой на протяжении всего периода существования ДВР. Давление повинностей и налогов на крестьянское население вызывало сопротивления и грозило расширением социальной базы оппозиции; задержки заработной платы рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, трудности обеспечения продовольствием городов приводили к появлению забастовочных, антиправительственных и антикоммунистических настроений. Такая картина ситуации в ДВР отличается от существующей в исторической литературе, где основное внимание авторов было сосредоточено на процессе образования республики, деятельности центральных органов власти и борьбе за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920—1922 гг.). Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1957. 64 с.
2. Азаренков А.А. «Демократический компромисс». Идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил — участников Гражданской войны в России (январь 1920 — январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре: КПКУ, 2001. 152 с.
3. Азаренков А.А. Политическая модель Дальневосточной республики: механизм функционирования институтов власти «буферного» государства, 1920—1922 гг. Комсомольск-на-Амуре: КПКУ, 2001. 94 с.
4. Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре: КПКУ, 1996. 150 с.
5. Егунов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. 116 с.
6. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
7. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М.: МГУ, 1957. 222 с.

8. Позняк Т.З. «Больные вопросы» и внутривластное положение Дальневосточной республики в 1920—1922 годах // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 51—62.
9. Позняк Т.З. Создание местных органов власти в Дальневосточной республике: декларации и реальность // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 63—79.
10. Саблин И.В. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 260 с.
11. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922). Владивосток: ДВГУ, 1990. 352 с.
12. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
13. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 94(571.63)

В.М. РЫНКОВ*

ИСТОЧНИКИ ДОХОДОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПРИМОРЬЯ В ФЕВРАЛЕ 1920 — ОКТЯБРЕ 1922 г.: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье анализируются основные источники доходов региональных правительств Приморья в период с февраля 1920 по октябрь 1922 г.: эмиссия, налоги, таможенные сборы, доходы от аренды рыболовных и земельных и лесных участков, от распродажи грузов.

Ключевые слова: региональные правительства, эмиссия, налоги, Владивостокский порт.

V.M. RYNKOV

THE SOURCE OF PRIMORYE REGIONAL GOVERNMENTS' INCOME IN FEBRUARY 1920 — OCTOBER 1922: THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

The article analyzes the main sources of income of the regional governments of Primorye in the period from February 1920 to October 1922: emissions, taxes, customs duties and income leasing from fishing, land and forest plots, and from the sale of cargo.

Keywords: regional governments, emission, taxes, Vladivostok port.

---

* РЫНКОВ Вадим Маркович — канд. ист. наук, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: vadsvet@list.ru.

До революции Приморье не имело собственных источников доходов, достаточных для поддержания нормальной жизнедеятельности. Бюджет региона на 80—85% состоял из дотаций. Со второй половины 1917 г. регион всё больше впадал в автаркию вследствие распада хозяйственных связей и разрушения политической коммуникации. В июне — сентябре 1918 г. Приморье временно оказалось под управлением областной земской управы, фактически самостоятельно распоряжавшейся на территории области, с сентября признало власть Временного Сибирского правительства, затем — Временного Всероссийского и Российского правительств. Но решением многих административных и хозяйственных вопросов занимался совет особоуполномоченного Дальнего Востока, фактически ставший макрорегиональным правительственным органом. Следовательно, к началу 1920 г. на далёкой окраине России имелся уже значительный опыт автономного или полуавтономного существования.

Длительный период полной политической самостоятельности региона начался с 29 января 1920 г., когда в Приморье свергли власть особоуполномоченного генерал-лейтенанта С.Н. Розанова. Приморская областная земская управа объявила себя Временным правительством области, а в апреле — всего Дальнего Востока. 12 декабря 1920 г. ему на смену пришло Приморское областное управление ДВР, юридически являвшееся региональным органом Дальневосточной республики, а фактически — самостоятельным правительством, ставившим своей целью воссоединение с остальным Дальним Востоком. 25 мая 1921 г. в результате очередного государственного переворота было сформировано антибольшевистское Временное Приамурское правительство. 8 августа 1922 г. по решению Приамурского земского собора власть была передана Верховному правителю Приамурской земской рати.

Политическая история Приморья на заключительном этапе Гражданской войны в последние годы активно и в целом успешно изучается. Гораздо в меньшей степени известно, на какие средства существовали региональные режимы в Приморье. Самым информативным изданием является книга А.И. Погребецкого [5]. В ней описана эмиссионная политика региональных правительств, представлены сведения о доходах за отдельные периоды. Из советских историков на данную проблему обратил внимание Ю.В. Куцый [3; 4]. В его интерпретации, основной способ извлечения доходов региональными правительствами заключался в невыплате заработной платы собственным служащим, другой — в распродаже товаров Владивостокского порта.

Если попытаться точнее сформулировать эту идею, то несвоевременная или частичная выплата заработной платы должна свидетельствовать

об отсутствии средств или остром бюджетном дефиците. Однако данная практика не создаёт доходов. Сложность заключается в отсутствии источников, которые бы позволили получить целостные представления о бюджете региональных правительств Приморья в 1920 — октябре 1922 г. Можно только говорить об основных его составляющих и их значении.

Главный доход власти имел эмиссионную природу. Его размеры можно определить, так как эмиссия известна. С конца 1919 до июня 1920 г. Владивостокское отделение Государственного банка выпустило 5 млрд 437 млн руб. сибирских краткосрочных обязательств и казначейских знаков [5, с. 42]. Налоговые сборы за первую половину 1920 г. трудно подсчитать, тем более вычислить их реальное стоимостное выражение. Российская валюта стремительно обесценивалась, в результате поступавшие в казну доходы сокращались.

Уже летом 1920 г. при подготовке денежной реформы Финансово-экономический совет обозначил главным источником реальных доходов продажу грузов Владивостокского порта. К этому подстёгивала элементарная арифметика. В Приморье в это время в обороте было около 7 млрд обесценившихся сибирских денег, которые при пересчёте на золотой рубль составляли не более 6—7 млн руб.

Необходимо учитывать, что во Владивостоке к тому времени имелся запас золота в 2,2 тыс. пудов, золотая монета, платина и 16 млн серебряных рублей, эквивалентных 70 млн золотых рублей*. Перед властью открывалось два пути: извлекать доходы путём продажи небольших партий золота или использовать его как стабилизационный фонд для обеспечения новой валюты.

Первоначально пошли по второму пути, проведя девальвацию (денежную реформу) 5 июня 1920 г. По расчётам правительства, укрепление валюты должно было принести около 7—8 млн золотых рублей эмиссионного дохода. Но провал реформы и быстрое падение денежных знаков нового выпуска опрокинуло эти радужные надежды. Из выпущенных 150 млн руб. на выкуп сибирских знаков правительство затратило 30 млн, но оставшиеся деньги быстро обесценивались. Региональной власти пришлось прибегнуть к новой эмиссии в 500 млн сибирских рублей, что принесло примерно 25 млн золотых рублей по существовавшему курсу. С 5 июня по 19 октября 1920 г. Временное правительство Дальнего Востока выпустило бумажных денег, эквивалентных по курсу золотом 7,5 млн руб. [5, с. 51, 89, 98, 108].

---

* В марте и апреле золото было вывезено в Благовещенск.

Таким образом, с помощью эмиссии, по существу являющейся эрзац-налогом на держателей денег, правительство изъяло у населения в свою пользу около 40 млн золотых рублей. Несмотря на стремительное падение курса бумажных рублей, сначала сибирских, а затем и приморских, курс по отношению к золотому рублю позволил переисчислить реальную стоимость эмиссии. Однако, сдерживая выпуск денег, насколько это было возможно, приморское государственное образование к октябрю 1920 г. задолжало своим служащим и контрагентам за полученные от них в долг товары и услуги 38 млн руб. золотом. Чтобы несколько разрядить ситуацию, правительство 13 октября 1920 г. выпустило в обращение 5 млн серебряных рублей, 17 ноября и 14 декабря — ещё по 5 млн руб., а с 14 ноября все расчёты, взимание налогов и доходов в пользу казны стали производиться золотом или серебром [5, с. 103—106]*.

Наступление 1921 г. Владивостокское правительство встретило с сильно поредевшими золотовалютными запасами. Осталось только 2 млн 517 тыс. золотых рублей и разменное серебро, эквивалентное 1 млн руб. золотом, которые были выпущены в обращение двумя партиями, согласно решениям правительства от 8 января и 5 марта 1921 г. [5, с. 116—119].

Кроме эмиссии, доходную часть бюджета обеспечивали сбор налогов и распродажа грузов. Важным каналом реальных поступлений в региональный бюджет стали налоги с предпринимательской деятельности. Если до конца 1920 г. они обеспечили незначительную долю правительственных доходов, то с окончательным переходом на взимание золотом — в первом квартале 1921 г. — составили от 10 до 30% всех поступлений. Из других источников дохода можно отметить сдачу в аренду рыболовных участков и леса в 1920 и 1921 гг. Они достались преимущественно японцам [1, с. 334—342], эксплуатировавшим богатства края за бесценок ввиду неспособности властей наладить фискальный аппарат и взимать налоги с предметов промысла вместо арендных плат. Дефицит финансов заставлял изобретать всё новые источники обложения. Таковыми стали легализация опиумных посевов в Приморье, обложенных особым налогом, и целый ряд чрезвычайных налогов на предпринимательскую деятельность, собираемость которых оставалась невысокой. Торгово-промышленники жаловались на невозможность из-за высокого налогового пресса вести рентабельную предпринимательскую деятельность и требовали «налоговых каникул».

---

* Золотой рубль приравнивался приблизительно к трём серебряным с небольшими колебаниями курса обмена.

Портовые грузы потенциально являлись самым главным источником доходов всех сменявших друг друга режимов. Их успешная продажа ежемесячно могла давать любому из приморских правительств сумму, примерно равную всему денежному обороту. Проблема разгрузки Владивостокского порта возникла ещё в годы Первой мировой войны. Поступления грузов в порт возросли, а низкая пропускная способность железной дороги не позволяла их своевременно вывозить. К осени 1917 г. объём скопившихся товаров составил 50 млн пудов. Возникла сложная логистическая задача — отделить казённые грузы от частных, остродефицитные от не востребуемых, скоропортящиеся от остальных. 23 марта 1918 г. Высший совет народного хозяйства образовал чрезвычайную комиссию по разгрузке Владивостокского порта. Комиссия работала с апреля по июнь 1918 г. и в том числе активно занималась распределением квот на вывоз товаров за рубеж в обмен на валюту. Она прекратила работу с падением советской власти во Владивостоке. 29 августа 1919 г. Российское правительство учредило комиссию по описи товаров, предметов и материалов, находящихся на складах Владивостока, которые принадлежали казне, общественным и частным организациям. Комиссия имела право производить реквизицию грузов для передачи казённым ведомствам или реализации с оплатой владельцам компенсации и перечислением казне остальной выручки [2].

В начале 1920 г. во Владивосток прибыл эвакуированный из Омска Комитет по внешней торговле, выдававший разрешение на вывоз товаров за границу. 27 февраля его преобразовали в Комитет по ввозу и вывозу. Он выдавал разрешения на экспортно-импортные операции, взимал валютные отчисления с торговцев. Комитет стремился также обусловить вывоз экспортных грузов из Приморья обязательством ввезти обратно контрвалютные товары на сумму от 75 до 100% выручки. С 1 июня 1920 г. им были введены более гибкие пошлины на вывоз товаров (от 5 до 20%). Общий объём платежей в пользу казны оказался завышен, и поступления валютной выручки сократились, тогда как контрабанда возросла. Впрочем, периодически комитет выставлял товары фирм из центральной России со складов на продажу для внутреннего рынка или обратного вывоза за рубеж, и таким образом обеспечивал небольшие поступления твёрдой валюты [РГИА ДВ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 45. Л. 174]. Частные компании скупали товары напрямую у комиссии или с аукциона, ведомства же просто оформляли запрос и получали всё необходимое из складских запасов путём реквизиции. Многократные попытки навести порядок и ввести планомерность распродажи грузов оставались безрезультатными.

Когда золотовалютные запасы подошли к концу, для региональной власти (тогда это было Временное Приамурское правительство) стала актуальной задача получения реальных, пусть и небольших, доходов. Промышленные предприятия не давали поступлений в казну. Производство сильно сократилось (заготовка леса, например, в 6 раз по сравнению с 1919 г.), предприятия работали с убытком. Железные дороги получали от перевозки грузов около 200 тыс. золотых рублей (как правило, в разменном серебре), но требовали примерно втрое больше средств и страдали от неуплаты со стороны клиентов, прежде всего — казённых предприятий и учреждений [5, с. 107].

1 августа 1921 г. правительство приняло решение упразднить Комитет по ввозу и вывозу, а остатки валютной выручки и право на взимание 10% пошлины с вывозимых за границу товаров передать Управлению финансово-экономической частью Временного Приамурского правительства [РГИА ДВ. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 109. Л. 4]. Многие товары, лежавшие годами на складах порта и таможни, начали портиться от времени и неудовлетворительных условий хранения и терять свою ликвидность. Тем не менее выручка от продажи товаров и взимание таможенных сборов составляли весомую часть доходов региональной казны. При этом распродажа грузов приносила небольшой непосредственный доход, но позволяла рассчитаться товарами с кредиторами казны. Подобный бартер заставлял распродавать товары с убытком в 30—70% от себестоимости [5, с. 123].

Такова в самых общих чертах структура доходов региональных правительств Приморья в период с февраля 1920 по октябрь 1922 г. Изначально главенствующую роль занимал эмиссионный доход. Если в первой половине 1920 г. это была эмиссия бумажных денег, то во второй половине и в начале 1921 г. — преимущественно эмиссии золота и серебра. Но и этих средств власти не хватало, и она жила в «долг» у населения, задерживая выплаты зарплат и оплату контрактов. В 1921—1922 гг. эмиссионные возможности оказались исчерпаны. Это привело к резкому сокращению самих доходов, источником которых были налоги на предпринимательскую деятельность, а также распродажа грузов со складов таможни и порта.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. Владивосток, 1922. 459 с.

2. Крушанов А.И., Мухачёв Б.И. Мероприятия партийных и советских органов Сибири и Дальнего Востока по выполнению ленинской директивы по разгрузке Владивостокского порта в 1918 году // Ленин и борьба за установление советской власти на Дальнем Востоке. (1917—1922 гг.): сб. науч. тр. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 29—37.
3. Куцкий В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920—1922 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. 201 с.
4. Куцкий В.Ю. Финансовая политика Временного Приамурского правительства и Верховного правителя земского Приамурского края // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 1996. С. 101—107.
5. Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока в период войны и революции. Харбин: Изд-е Общества изучения Маньчжурского края и Дальневосточно-Сибирского Общества «Книжное дело», 1924. 419 с.
6. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 947.084.8(571.63)

С.Ю. ВРАДИЙ*

КАМЕННАЯ СТЕЛА БУХТЫ ТАВАЙЗА

Статья посвящена описанию обнаруженного недавно в б. Муравьиная (стар. Тавайза) на берегу Уссурийского залива эпитафического памятника конца XIX в. На прямоугольной каменной плите размером 1,6×0,6 м присутствует текст на китайском языке, который повествует о строительстве храма в бухте Тавайза, что расположена «в 100 с лишним *ли* на восток от *Хайшэньвая* (Владивосток)... где собралось бесчисленное множество китайцев». Строительство культового сооружения было задумано с целью отблагодарить божественные силы за постоянный рост богатств населения и мирную жизнь «китайцев и варваров». В статье предлагается выборочный перевод текста стелы на русский язык и комментарии к этому уникальному эпитафическому памятнику, содержащему сведения о жизни китайской общины на юге Дальнего Востока России в конце XIX в.

Ключевые слова: XIX век, Дальний Восток России, бухта Муравьиная (Тавайза), стела, богиня Мацзу.

---

* ВРАДИЙ Сергей Юрьевич — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vradis@yandex.ru.

S. Yu. VRADIY

STONE STELE AT TAVAYZA BAY

The two-side stele inscribed with a 廟誌 *miao zhi*, temple gazetteer, written in over 450 traditional Chinese characters and dated to 1894 was found in recent years at Tavayza (Тавайза, aka. 大崴子 *Dawaizi*); it's a bay about 60 km away from Vladivostok. This stone receives no attention from researchers; the temple itself has unfortunately gone. The author had the luck to read the stele and found it dedicated to a 天后廟 *Tianhou Miao*, Temple of "Empress of Heaven", an official title conferred to Mazu 媽祖 in 1737. Mazu is of the most well-known Chinese goddess that has the greatest population of believers mostly among Sinosphere and overseas Chinese. Her worship spread throughout China's coastal regions and overseas Chinese communities throughout Southeast Asia, but one may not expect to see Mazu temple in a north land as remote as Vladivostok, Russia. This article will introduce the background of stele discovery, and transcribe the gazetteer with translation into Russian. From messages revealed in the context and clues of the remains, the author will examine possible connection of this unique case to historical facts happened in the time around the temple's establishment. By bringing up preliminary exploration, this article intends to put forward more academic discourses, recovering a forgotten page of Mazu belief circulation around the world and the 19th century Chinese community in the Russia Far East.

Keywords: XIX Century, Russia Far East, Chinese community, Mazu temple, stele.

— Стало быть, обломки на холме — от этого сооружения? — перебил я его.

— Да, таинственные вихри, бросавшие полчища народов Азии на другие страны, смели это сооружение, но... снести стены ещё не значит уничтожить храм! И, мне кажется, что он, хотя и в других формах, будет существовать, пока существует человеческое страдание...

Хейдок А.П. Звёзды Маньчжурии [5, с. 126].

Между мысом Вилкова и мысом Муравьиный на живописном берегу Уссурийского залива и примыкающем к нему горном склоне, поросшем хвойными деревьями, расположился детский оздоровительный лагерь «Юность». Когда-то в этих местах добывали уголь,

обжигали известь, а сегодня здесь отдыхают дети работников предприятий ОАО «Приморскуголь». Корпуса лагеря в летнее время обжигают мальчишки и девчонки, приезжающие сюда отдыхать по настоянию родителей.

Возле одного из строений лагеря лежит с незапамятных времён каменная плита с высеченными на её поверхности иероглифами. Местные жители, а может, летние обитатели оздоровительного лагеря, по-видимому, пытались разводить на ней краску, масляные потёки которой по сей день несмываемыми пятнами покрывают древний камень.

Долгое время плита являлась неотъемлемой частью местного ландшафта (рис. 1), прежде чем любознательные краеведы не осознали её значимость и не обратились в 2006 г. за экспертным мнением к сотрудникам Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) ДВО РАН. Поздней осенью того же года специалисты института вместе с журналистами газеты «Владивосток», а также буддийским ламой отправились на берег б. Муравьиная.

Вскоре после посещения газета «Владивосток» опубликовала заметку под броским названием «Дом для Будды: на Тавайзе найдены

Рис. 1. Стела в бухте Муравьиная. Фото автора

следы древнего храма», в которой были приведены результаты визита и кратко описана «сенсационная находка» [2, с. 1, 7]. Посетителей, по сообщению автора заметки, встретил местный сторож. Он поделился воспоминаниями о том, что ему когда-то рассказывал отец, выросший в этих краях. По его словам, здесь на склоне горы когда-то был храм с красными колоннами и черепичной крышей. Приглашённый лама нараспев прочитал над камнем отрывок из буддийской молитвы. Учёные отметили, что на территории Приморья к настоящему времени уже обнаружено семь буддийских храмов, построенных в VII—X вв. Правда, подобной каменной стелы, испещрённой иероглифами, по словам исследователей, археологи ещё не встречали в Приморье. Учёные произвели необходимые замеры артефакта, отметив его уникальность.

О культовых сооружениях в Приморье, по свидетельству дальневосточных археологов, известно немного. Когда-то различные по своим размерам, преимущественно небольшие молельные домики-кумирни устраивались местными жителями в лесу, у приметной скалы, на вершине перевалов, где китайцы и малые народы молились богам, задабривали духов, совершали обряды. В непосредственной близости обычно струился водный источник — небольшой чистый родничок, речка. В больших селениях сообща возводились общественные кумирни. Со временем и под воздействием человеческого фактора кумирни разрушились. Однако их описание и месторасположение ещё можно найти в трудах первопроходцев и краеведов.

Как известно, история кумирни, храма, исповедовавшегося в них культа, история общины, сформированной прихожанами окрестных деревень, создаётся на основании письменных свидетельств. Храмовые стелы — важнейший источник сведений об истории самого культового сооружения и его общины.

Уточним этимологию названия бухты, где была обнаружена стела. В переводе с китайского языка *Давайцзы* 大崴子 означает «излучина реки, расселина в горе». Местные жители при произношении географического названия и его написании традиционно именуют это место «Тавайза» [4, с. 104].

Бухта Тавайза издавна славилась обилием известкового камня по её берегам [3, с. 403]. Из местных жителей формировались артели работников со своими подрядчиками, которые вели заготовку извести, осуществляя на месте обжиг и гашение, а затем поставляли её на строительные рынки Владивостока и других городов Приморья [1, с. 12].

Проживавшие в Приморье, в том числе и на Тавайзе, китайцы подражались на рубку леса, заготовку и вывоз бревён и пиломатериалов. Да и в каботажных перевозках, грузовой транспортировке бревён, прочих

грузов, прибрежных пассажирских перевозках в Южно-Уссурийском крае также зачастую преобладали китайцы и корейцы, владельцы грузовых парусно-гребных шаланд и сампанов.

В результате обследования стелы, произведённого в 2006 г., учёные ИИАЭ предположили, что на этом месте когда-то был возведён конфуцианский храм, в котором помещалось изображение матери государя, «царствовавшей тогда... императрицы Цыси^{*}».

К настоящему времени какой-либо информации о существовании храма в б. Тавайза не обнаружено. Стела поможет нам немного восстановить его историю.

Текст стелы повествует о том, как жители окружавших Тавайзу селений решили совместными усилиями на собранные средства построить общественную кумирню-храм. Строительство, по свидетельству памятника, было задумано с целью отблагодарить божественные силы, «которые всеблагой милостью *дэ* покровительствуют всему сущему» под небесами.

В результате инициативной деятельности выборных лиц (в тексте упоминаются имена самых щедрых жертвователей, а также принявших активное участие в строительстве, всего около 15 фамилий) и было возведено культовое сооружение.

О каком божете идёт речь в тексте стелы? Скорее всего, на Тавайзе был сооружён не буддийский и не конфуцианский храм, поскольку в тексте упоминается имя «богини-спасительницы» 天后聖母. Так в Китае принято величать богиню Мацзу 媽祖, главную покровительницу мореплавателей, путешественников и торговых людей. Её «славят [правители]^{**}, награждая пышными именами, в каждом морском порту... строят храмы и совершают в её честь жертвоприношения».

Культе богини Мацзу, относящейся к даосскому пантеону, зародился в пров. Фуцзянь, откуда широко распространился среди жителей приморских провинций материкового Китая (Шаньдун, Ляонин, Чжэцзян, Гуанчжоу, Цзянсу, Аньхой и проч.). Вместе с мореплавателями, торговцами людьми, путешественниками Мацзу пересекла моря и океаны, обосновавшись в Корее, Японии, странах Южных морей, на Тайване.

Предания связывают Мацзу с именем реальной девушки, жившей в VIII в. (по некоторым источникам в X в.) на о. Мэйчжоу 湄州島

---

* Вдовствующая императрица Цыси 慈禧太后 (1835—1908) доминировала на заключительном этапе правления династии Цин 清 (1644—1912), с 1861 по 1908 г. Цыси сосредоточила в своих руках всю полноту верховной власти в Китае.

** Здесь и далее в квадратных скобках приводятся пояснения к переводу автора статьи.

в пров. Фуцзянь. Её удивительная способность помогать терпящим бедствие в море была замечена ещё при жизни, но в большей степени проявилась после смерти. Поначалу ей поклонялись простые жители, возводя в её честь небольшие кумирни. Постепенно слава о ней распространилась в Поднебесной. В 1278 г. правитель династии Юань 元朝 (1271—1368) Хубилай удостоил её почётным титулом *Тянь-фэй* 天妃 (Небесная принцесса). Император Цяньлун 乾隆 в 1737 г. возвеличил её звание до *Тяньхоу* 天后 (Небесная царица) [6, p. 145—147].

Божественная Мацзу обычно изображается сидящей на облаке, идущей по волнам либо восседающей на троне. Несмотря на почётные именованья Небесной принцессой (наложницей) или царицей, ни официальная религия, ни народные верования не ассоциируют её с супругой Небесного правителя. Она равнозначна императору в своём величии. Ей подчинены и прислуживают два демоноподобных чудовища, изображения и статуи которых присутствуют в храмах Мацзу, — красноликий гигант 順風耳 («держашший ухо по ветру») с рогами на голове и рукой, приложенной к уху (слышит на тысячу ли), и синеликий, смотрящий из-под ладони вдаль монстр 千里眼 («видящий на тысячу ли»).

Помимо небесных богов, покровительствующих мирным жителям, в тексте стелы благодарность выражена и земным божествам, правителям династии, которые «уже более двухсот лет наследуют один другому, слава [об их совершенном правлении] распространена повсеместно: на небесах и на земле».

С инициативой по сбору средств на строительство культового сооружения в Тайвайзе выступили «главные распорядители» Чжан Фэнлин и Чжоу Синхэ. В тексте упоминаются собранные «государственные деньги», медные монеты казённого образца с квадратным отверстием, в русском языке ранее называвшиеся «чохами».

Конец XIX — начало XX вв. были отмечены количественным ростом жителей и экономическим процветанием Владивостока, названного в тексте стелы китайским именем Хайшэньвай 海參崴. Бывший ещё недавно «захолустным местом», где отсутствовали признаки цивилизации, город постепенно превратился в культурный и экономический центр Дальнего Востока, боевой форпост России. Что немаловажно, и это отмечено в тексте стелы, местные жители, как китайцы, так и «варвары», живут здесь в мире и согласии. За постоянный рост «имущества и богатств», а также мирную жизнь поселян следует благодарить, по мнению строителей храма, богиню Мацзу.

Строительные работы по возведению культового сооружения обычно длились годами в зависимости от поступления средств от частных лиц и от администрации. Как свидетельствует надпись на стеле,

строительство было завершено «в месяц *цзясю* 甲戌 года *цзя-у* 甲午 [правления императора] Гуансюя 光緒». По солнечному календарю этот промежуток может быть соотнесён с временным отрезком начинающая с 8—9 октября по 8—9 ноября 1894 г.

Можно высказать предположение, что утрачен храм был в 1920—1930-е гг. с началом ужесточения советской антирелигиозной политики, направленной на ликвидацию культовых организаций, и депортацией китайцев из Приморья. По свидетельству старожилов, одно время, до выселения в 1937 г. в Казахстан, здесь проживали и корейцы, которые также могли посещать культовое сооружение.

Отметим, что столь важный эпиграфический памятник конца XIX в., который содержит уникальные сведения о жизни китайской общины на юге Дальнего Востока России, требует бережного к нему отношения. Для сохранения стелы следует переместить её в более благоприятные условия, к примеру, отдать на постоянное хранение в музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева для проведения дальнейших исследований памятника и возможности осмотра стелы посетителями.

Уникальная находка неподалёку от портового Владивостока свидетельствует о том, что богиня даосского пантеона Мацзу обрела своих поклонников, выходцев из Китая, которые в далёкой северной России возвели культовое сооружение в её честь. К настоящему времени это, пожалуй, единственное свидетельство о существовании в пределах России храма богини-покровительницы мореплавателей Мацзу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

7. Анча Д.А., Мизь Н.Г. Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. Изд. 2-е, доп. Владивосток: Дальнаука, 2015. 310 с.
8. Калиберова Т. Дом для Будды: на Тавайзе найдены следы древнего храма // Владивосток. 2006. № 159 (3745). 25 октября. С. 1, 7.
9. Кириллов А.В. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / Сост. преп. Благовещ. муж. гимназии Александр Кириллов. Благовещенск: Тип. товарищества Д.О. Мокин и К°, 1894. 543 с.
10. Соловьёв Ф.В. Словарь китайских топонимов на территории Советского Дальнего Востока. Владивосток: [б. и.], 1975. 222 с.
11. Хейдок А.П. Звёзды Маньчжурии: Рассказы / состав. А. Колесов; примеч. Н. Белоглазовой; состав. и вступит. ст. А. Лобычева. Владивосток: Рубеж, 2011. 336 с.
12. Maspero H. Taoism and Chinese Religion / Translated by Kierman Frank A. Jr. Amherst: University of Massachusetts Press, 1981. 578 p.

II. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР

УДК 947.088 (571.6)

С.А. ВЛАСОВ*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1920—1930-е гг.)

В статье на основе архивных документов, полученных из фондов государственных архивов Приморского и Хабаровского краёв, представлен анализ реализации государственной жилищной политики на Дальнем Востоке с момента окончания Гражданской войны и до конца 1930-х гг. Установлено, что сохраняющаяся в регионе жилищная проблема стала решаться с началом индустриализации, исходя из главной цели — обеспечения жильём работников существующих и вновь строящихся промышленных предприятий. При этом негласно проводилась дифференциация в распределении жилья: подавляющая часть населения обеспечивалась простейшим жильём — комнатой в бараке или коммунальной квартире (часто без удобства), а партийно-хозяйственная номенклатура, отдельные представители технической интеллигенции, выдающиеся стахановцы получали на семью отдельную благоустроенную квартиру. Делается вывод, что жилищная политика была инструментом для решения властью политико-экономических задач и не ставила цель улучшить жилищные условия рядовых граждан.

Ключевые слова: жилищная политика, жилищная проблема, бараки, строительство жилья, индивидуальное домостроение, благоустроенное жильё.

S.A. VLASOV

PUBLIC HOUSING POLICY IN THE SOVIET FAR EAST (THE 1920s — 1930s)

The article analyzes the implementation of the state housing policy in the Far East after the end of the Civil War to the end of the 1930s on basis of archival documents

---

* ВЛАСОВ Сергей Александрович — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vlasov54@bk.ru.

obtained from the funds of the state archives of the Primorsky and Khabarovsk Territories. It is established that existing housing problem in the region began to be solved with the beginning of industrialization, based on the main goal — to provide housing for existing and newly build industrial enterprises. In this behind the scenes carried out the differentiation in the distribution of housing: the majority of the population were provided with simple housing — a room in the barracks or communal apartment (often without facilities), and the party-economic nomenclature, individual members of the technical intelligentsia, outstanding Stakhanovites were obtained on seven separate comfortable flat. The state housing policy was a tool for the authorities to solve political and economic problems and did not to improve the housing conditions of ordinary citizens.

Keywords: housing policy, housing problem, barracks, housing construction, individual housing construction, comfortable housing.

Осенью 1922 г. на Дальнем Востоке закончилась Гражданская война, Дальневосточная республика была упразднена, включена в состав Советской России — в регионе начали действовать советские законы, в том числе и в жилищной сфере, тем самым стала проводиться жилищная политика, которая к этому времени уже несколько лет осуществлялась по всей стране.

Суть советской жилищной политики в основном сводилась к изъятию жилья у собственников (домовладельцев), зажиточных граждан и перераспределению его в пользу трудящегося населения. Официально была установлена минимальная санитарная норма в 8,25 кв. м жилой площади, необходимая одному человеку для нормальной жизнедеятельности. Со временем она незначительно увеличилась: в июне 1923 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР её повысили до 9,1 кв. м. Эта цифра и стала ориентиром в дальнейших расчётах и решениях по перераспределению жилья, проводимому местной властью на Дальнем Востоке. Все, у кого жилая площадь превышала установленные нормы, обязаны были потесниться и сдать излишек для заселения нуждающихся.

Экспроприация частного жилья не дала дополнительной свободной жилой площади (поскольку вся она уже была заселена), а лишь позволила увеличить муниципальный жилой фонд и распределять его между рабочими и служащими по мере освобождения «лишних» квадратных метров. Так, во Владивостоке в результате изъятия частновладельческих строений в 1923—1925 гг. муниципальный жилой фонд возрос и составил 191 тыс. кв. м — 32% всего городского жилого фонда [ГАПК. Ф. 85. Оп. 1. Д. 31. Л. 60].

Однако решить жилищный вопрос только за счёт перераспределения даже по минимальным установленным нормам не удалось. Жилищное строительство не велось, существующий жилой фонд не увеличивался, а с каждым годом постепенно сокращался, так как капитальный и текущий ремонт не проводился, жильё ветшало, приходило в негодность. Население росло, что сказывалось на жилищной обеспеченности. В 1926 г. в городах Дальнего Востока на одного жителя приходилось менее половины жилищной нормы: во Владивостоке — 4,48 кв. м, в Хабаровске — 4,1 кв. м [3, с. 32].

Тем не менее местные власти не считали жилищную проблему крайне острой, требующей немедленного решения. Так, на VII Дальневосточной краевой партийной конференции (ноябрь 1925 г.) о нехватке жилищ не было сказано ни в докладе секретаря Дальневосточного крайкома ВКП(б) Н.А. Кубяка, ни в прениях по докладу. Лишь в резолюции конференции было упомянуто одним предложением, что вопросы жилищного строительства являются частью общеэкономических задач Дальневосточного края [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 105]. Подобное невнимание объяснялось тем, что в условиях НЭПа, когда государство сосредоточило в своих руках основные отрасли экономики, решение некоторых социальных вопросов (обеспечение продовольственными и промышленными товарами, отдельными видами услуг) было отдано на откуп частнику, нэпману. Населению была предоставлена возможность решать жилищную проблему, не столько рассчитывая на государство в лице местных гор- и райсоветов, сколько за счёт собственной инициативы, имеющихся финансовых средств. Существующее законодательство позволяло гражданам арендовать жильё, покупать его, вести жилищное строительство.

В 1920-е гг. разрешалась деятельность жилищных кооперативов. 19 августа 1924 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной кооперации», законодательно оформившее два вида кооперативных товариществ: жилищно-арендные (ЖАКТ) и жилищно-строительные (ЖСКТ). ЖАКТ занимались содержанием и обслуживанием жилых домов, арендованных у местных Советов или изъятых у бывших домовладельцев. Они предоставляли жилую площадь в этих домах своим пайщикам, собирали квартирную плату, решали вопросы по обеспечению жильцов коммунальными услугами (вода, электричество, топливо), были обязаны проводить текущий и капитальный ремонт [6]. ЖСКТ вели жилищное строительство, под которое получали земельные участки, осуществляли сбор средств среди пайщиков, решали вопросы по получению долгосрочных государственных кредитов, выискивали стройматериалы, нанимали рабочих и т.д.

На Дальнем Востоке деятельность ЖСКТ не была активной. С 1924 по 1927 г. кооперативами было построено всего 51 жилое здание [2, с. 59]. О развитии кооперативного строительства можно судить по тому, как оно финансировалось. В 1928—1929 гг. из всего объёма средств, расходуемых на строительство жилья, на долю кооперации приходилось только 4%, что составляло 6 млн руб., тогда как промышленные предприятия потратили на эти цели 44 млн руб., население из собственных средств — 17 млн руб. [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 119. Л. 102].

Развитию кооперации препятствовала прежде всего нехватка средств у желающих вступить в кооператив, поскольку материальное положение подавляющего большинства граждан было крайне низким. Кроме того, у кооперативов возникали проблемы с приобретением стройматериалов, их не хватало, поскольку все они в основном шли на промышленно-транспортное строительство.

Так как жилищное строительство практически не велось, более того, часть жилья из-за отсутствия ремонта разрушалась, приходила в негодность, жилищная проблема с каждым годом всё сильнее обострялась. В марте 1927 г. на VIII Дальневосточной краевой партконференции партийное руководство было вынуждено признать, что в регионе наблюдается жилищный кризис, бытовые условия проживания отвратительные, жилые помещения находятся в полуразрушенном состоянии [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 36. Л. 20, 28, 36, 64]. Негативная оценка ситуации с жильём прозвучала и на IX Дальневосточной краевой партконференции (март 1929 г.) [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 119. Л. 28].

Озабоченность местного партийного руководства сложившейся ситуацией была вызвана необходимостью обеспечить промышленное развитие региона дополнительной рабочей силой, для размещения которой необходимы были жилые помещения.

С началом индустриализации жилья стали строить больше, крупные предприятия осуществляли так называемое ведомственное строительство, которое в общем объёме существенно превосходило муниципальное. Однако рост городского населения опережал прирост жилищного фонда, что обостряло указанную проблему. Так, в Хабаровске численность горожан росла намного быстрее, чем темпы жилищного строительства, вследствие чего устойчивой стала тенденция по сокращению жилой площади, приходящейся в среднем на одного жителя города. В 1933 г. на одного человека приходилось 3,2 кв. м, в 1935 г. — 2,8 кв. м, в 1937 г. — 2,6 кв. м. Качество жилья было крайне низким. Весь жилой фонд города составлял примерно 425—430 тыс. кв. м, при этом каменных зданий имелось лишь 2,9%, остальные были деревянными и смешанными, 75,5% жилфонда находилось в неудовлетворительном

и ветхом состоянии. Из 5,5 тыс. жилых зданий центральное отопление имели только 1,0% домов, канализацию — 2,3%, водопровод — 3,8% [ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 48. Л. 51—52].

Не менее остро жилищная проблема стояла в другом крупном дальневосточном городе — Владивостоке. Здесь так же, как и в Хабаровске, рост населения и низкие темпы жилищного строительства вели к снижению обеспеченности жильём горожан. В 1931 г. на одного человека приходилось 3,8 кв. м, в 1934 г. — 3,2 кв. м, в 1936 г. — 2,1 кв. м [ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 105. Л. 217—218]. На крупнейшем предприятии города — заводе им. Ворошилова (Дальзаводе) — рабочие и их семьи размещались в бараках, ютились во временных пристройках и даже частично в палатках [ГАПК. Ф. 85. Оп. 1. Д. 90-В. Л. 1]. Жилищный фонд завода на 1 ноября 1937 г. состоял из 86 собственных домов (36 165 кв. м) и 7 арендованных домовладений (6260 кв. м). Практически весь этот жилой фонд, за исключением двух домов, представлял из себя постройки без канализации и водопровода, из всех коммунальных удобств в наличии была только электроэнергия [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1317. Л. 162—163].

Ещё хуже ситуация была в местах нового промышленного строительства — Комсомольске-на-Амуре, Сучане и других районах, где в рамках форсированной индустриализации расширялись, строились и открывались новые предприятия. В Комсомольске-на-Амуре для рабочих не создавалось никаких условий. Чтобы обеспечить всем нормальное размещение, требовалось 118 тыс. кв. м жилплощади, а имелось всего 42,2 тыс. кв. м (данные на середину 1930-х гг.). Основным жилищем были бараки, где в первую очередь селили семейных, причём в одной комнате нередко проживало по две-три семьи. Часть первостроителей обитала в так называемом копай-городе, где местами размещения служили землянки и наспех сколоченные из подручных стройматериалов временки [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 45].

На шахты Сучана в середине 1930-х гг. приезжали новые рабочие, но даже простейших построек для их расселения не было, поэтому обустроивались они в палатках, а некоторые семьи с малолетними детьми временно размещали в производственных помещениях [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 978. Л. 61].

В других районах Дальнего Востока, где индустриализация не проводилась, жилищное строительство практически не велось. В Николаевске-на-Амуре за 1933—1936 гг. был построен всего один 4-квартирный дом, поэтому не удивительно, что на одного горожанина в среднем приходилось 2,5 кв. м жилплощади (данные на май 1937 г.) [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 978. Л. 150].

Стремясь как-то улучшить жилищную ситуацию, власти решают, что помимо государственного (ведомственного и муниципально-го) строительства нужно проводить и индивидуальное, хотя фактически последнее являлось разновидностью ведомственного, поскольку его могли вести работники крупных промышленных предприятий, входивших в структуру союзных наркоматов. Согласно правилам кредитования индивидуального жилищного строительства, списки застройщиков, по которым выдавались ссуды, а также размеры этих ссуд утверждались директорами предприятий. Сама выдача кредитов производилась банком через предприятие, где трудились рабочие и служащие, желающие вести индивидуальное строительство [7, с. 705—706]. Предприятия, на которых работали индивидуалы-застройщики, помогали им в получении стройматериалов и их доставке. Земельные участки под строительство предоставлялись не отдельным лицам, а производственным коллективам, которые распределяли их исходя из того, как трудился рабочий или служащий, желающий построить себе домик. Так, во Владивостоке для работников Дальзавода был выделен район, расположенный в восточной части города, где в 1937 г. было построено 74 индивидуальных дома [1, с. 136].

Партийно-хозяйственная номенклатура была обеспечена жильём намного лучше, для её представителей в крупных городах СССР строили дома с благоустроенными квартирами — это стало частью жилищной политики после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постройке домов для специалистов» [5]. Так, в Хабаровске, который до осени 1938 г. был административным центром Дальневосточного края, для местного чиновничества, высокопоставленных военнослужащих, работников силовых структур в середине 1930-х гг. возводилось сразу несколько многоэтажных, многоквартирных домов со всеми коммунальными удобствами [ГАХК. Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 48. Л. 51—52].

Во Владивостоке во второй половине 1930-х гг. были построены два многоэтажных (7 и 8 этажей) жилых дома, получивших у горожан неофициальное название «Серая лошадь». Каждой семье выделялась отдельная благоустроенная квартира с водопроводом, паровым отоплением, горячим водоснабжением, канализацией, в доме имелся мусоропровод [1, с. 136].

Фактически с середины 1930-х гг. в стране негласно стала проводиться дифференцированная жилищная политика, согласно которой 75% населения (семейные) обеспечивались простым жильём в виде комнаты в коммунальной квартире (общая кухня и санузел) или бараке (без коммунальных услуг); 20% (одинокое и холостые) заселялись

в упрощённое жильё — общежития, казармы, бараки; 5% — партийно-административная и инженерно-техническая номенклатура — получали на семью отдельную благоустроенную квартиру [4, с. 99].

Таким образом, на примере Дальнего Востока можно убедиться, что к концу 1930-х гг. в нашей стране сложилась государственная жилищная политика, суть которой заключалась в следующем: существующий и вновь создаваемый жилищные фонды использовались не для повышения благосостояния населения, а для решения насущных политико-экономических задач — укрепления тоталитарного государства, проведения индустриализации. Для жилищной политики был характерен прагматизм, проявлявшийся в удешевлении жилищного строительства для трудящихся, дифференции в распределении жилья в соответствии с государственными интересами. С началом индустриализации власти в лице наркоматов (ведомств) были вынуждены заняться жилищным строительством для обеспечения трудящихся на промышленных предприятиях. Рабочим и служащим приходилось размещаться в бараках, землянках, примитивных постройках. Для партийно-хозяйственной номенклатуры возводилось благоустроенное жильё с полным набором коммунальных услуг.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Власов С.А. Очерки истории Владивостока. Владивосток: Дальнаука, 2010. 252 с.
2. Контрольные цифры народного хозяйства Дальневосточного края на 1927—1928 гг. Хабаровск: Дальневосточная краевая плановая комиссия, 1927. 104 с.
3. Кулинич Н.Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920—1930-е годы. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2010. 375 с.
4. Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР как средство социального управления (1917—1941 гг.) // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 95—101.
5. О постройке домов для специалистов. Постановление СНК СССР (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 23.03.1932 г.). URL: <http://istmat.info/node/54792> (дата обращения: 02.07.2020).
6. Положение «О жилищной кооперации», принятое 19 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР // СПС «КонсультантПлюс».
7. Правила кредитования индивидуального жилищного строительства рабочих и служащих предприятий, утверждённые постановлением Экономсовета при СНК СССР 26 апреля 1939 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929—1940 гг. М., 1967. С. 705—706.
8. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
9. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

УДК 94(470+571)«1941/1945»

И.А. ГУДКОВ*

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВЛАДИВОСТОКСКОГО МОРСКОГО ТОРГОВОГО ПОРТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных документов рассматривается комплекс мероприятий по развитию производственной инфраструктуры Владивостокского морского торгового порта и совершенствованию его материально-технической базы. Проанализированы попытки преодоления трудностей, возникавших в ходе проведения работ по модернизации портового хозяйства, представлены количественные показатели результатов портового строительства в период 1941—1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ленд-лиз, Владивосток, портовое хозяйство, Владивостокский морской порт.

I.A. GUDKOV

DEVELOPMENT OF THE INFRASTRUCTURE OF THE VLADIVOSTOK SEA TRADE PORT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is based on archival documents and examines a set of measures to develop the infrastructure of the Vladivostok Sea Trade Port and improve its material and technical base. It analyzes the main difficulties that arose during the modernization of the port facilities and presents quantitative indicators of the results of port construction in the period 1941—1945.

Keywords: The Great Patriotic War, lend-lease, Vladivostok, port facilities, Vladivostok seaport.

Внастоящее время предметом исследований историков всё чаще становится проблема транспортного обеспечения ленд-лиза: специфика транспортно-логистических мероприятий; механизмы работы отдельных узлов в обеспечении взаимодействия различных видов транспорта [1; 2; 3; 5]. При этом многие аспекты функционирования

---

* ГУДКОВ Илья Артурович — Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: gudkov.ia96@gmail.com.

транспортной системы в период Великой Отечественной войны по-прежнему остаются малоизученными. Стоит отметить, что в отечественной историографии до сих пор не сложилось общего представления об основных сферах функционирования крупных портов, обеспечивавших внутренние перевозки и поставки грузов по ленд-лизу, — Мурманского, Архангельского и Владивостокского. Слабо изучен сам механизм работы морских портов в условиях продолжавшейся в течение четырёх лет войны. В данной статье автором предпринята попытка рассмотреть основные пути развития инфраструктуры Владивостокского морского торгового порта и совершенствовании его материально-технической базы в годы Великой Отечественной войны.

С началом войны порты западной части СССР оказались в непосредственной близости от фронтов или на оккупированных противником территориях. В связи с этим основная тяжесть грузоперевозок по ленд-лизу возлагалась на порты и железные дороги Дальнего Востока, где ключевая роль принадлежала Владивостокскому морскому торговому порту, через который прошло более 47% всех иностранных поставок [3, с. 107—127]. Его максимальную загрузку наиболее рациональной с логистической точки зрения делали следующие факторы: географическое расположение (большая часть портов советского Дальнего Востока замерзали уже в первых месяцах зимы); относительная развитость портовой инфраструктуры, по сравнению с другими портами и портопунктами (возможность принять и обработать большое количество судов одновременно); непосредственная связь с Транссибирской магистралью — главной транспортной артерией всего Дальневосточного региона, соединяющей его с остальной страной.

По характеру своей производственной деятельности Владивостокский порт ориентировался преимущественно на малокаботажные перевозки*. При этом значительная часть портовых механизмов была приспособлена к переработке лишь мелкого ящичного и мешкового груза, а из имеющихся 42 механических перегружателей для переработки крупного тоннажа предназначалось не более половины [ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 20. Л. 2]. Однако до того, как грузы хлынули бы во Владивосток, у порта оставалось время на подготовку необходимой инфраструктуры, поскольку осенью — зимой 1941 г. поставки ещё не достигали колоссальных объёмов и не были систематическими.

В целях улучшения материальной базы портового хозяйства Владивостока и подготовки его к запланированному на 1942 г. резкому

---

* Малый каботаж — сообщение между портами одного моря; в Тихоокеанском бассейне как одно рассматриваются Японское, Охотское и Берингово моря.

увеличению импортных поставок по программе ленд-лиза был значительно расширен годовой план нового капитального строительства в порту. В его окончательном варианте была утверждена сумма 7,1 млн руб. Квартальные и годовые планы постоянно подвергались корректировке ввиду разных осложнявших их выполнение обстоятельств. Итоговое же финансирование по объектам строительства за 1942 г. составило всего 5,3 млн руб. [ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 7. Д. 101. Л. 3].

Все возрастающая нагрузка на порт, перекачивание ресурсов с востока страны на запад, а также возникающие в ходе строительства проблемы и недочёты негативно сказывались на результатах модернизации портового хозяйства в первые годы войны. Тенденцией стало невыполнение подрядными организациями обязательств по поставкам строительных материалов и, как следствие, их дефицит, что неизбежно приводило к срыву сроков и результатов портового строительства. Так, сооружение металлических понтонов, крайне необходимых для разгрузки судов с двух бортов, к концу 1941 г. завершено не было, а недостаток цемента, железа, стали, электрооборудования, судостроительного леса и других важных материалов препятствовал расширению крупных причалов и складских помещений, вследствие чего происходили задержки в обработке прибывающих судов и затоваривание причалов. Не хватало также транспортных средств и топлива, что вело к перебоям как в строительных, так и в погрузочно-разгрузочных работах.

Принимая во внимание все тяготы условий военного времени, а также недочёты в организации строительных работ, стоит отметить, что портовое хозяйство Владивостока не было парализовано и функционировало исправно, а значительная часть запланированных работ была своевременно завершена: произведено строительство новых 17-го и 13-го причалов и реконструкция старых, 14-го и 18-го; построена новая угольная база на мысе Чуркин; запущены в эксплуатацию два 3-тонных порталных крана и один 25-тонный железнодорожный, поступившие в качестве союзнической помощи. Общее выполнение плана строительно-монтажных работ по Владивостокскому порту в 1942 г. обошлось в 3 млн 754 тыс. руб., что составило 70,8% от запланированных средств; в эксплуатацию было введено 24 объекта [ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 7. Д. 101. Л. 5].

Несмотря на видимые успехи, достигнутые в первые годы войны, транспортную систему Дальнего Востока, и в частности Владивостокский торговый порт, ожидали новые испытания. С 1943 г. поставки по ленд-лизу стали более отлаженными и организованными. Всё больше судов с постоянно растущим тоннажем прибывали в гавань Владивостока, ежемесячно увеличивая показатели грузопереработки, создавая

ситуацию, когда портовое строительство и механизация попросту не поспевали вслед за нарастающими объёмами импорта.

В условиях возрастающей нагрузки на Владивостокский морской порт в апреле 1943 г. был принят новый годовой план капитального строительства на сумму 12,4 млн руб., из которых 2,8 млн отводилось на приобретение оборудования через Наркомат внешней торговли. В результате работ по модернизации порта в 1943 г. был осуществлён капитальный ремонт большинства производственных и складских помещений, построены железнодорожные пути под порталными кранами на 9-м, 15-м, 30-м и 48-м причалах; смонтирован новый углеперегрузатель на мысе Клет; отремонтированы 7 причалов, что позволило обрабатывать в порту одновременно 16 судов (вместо 12 в 1939 г.); смонтированы и введены в эксплуатацию 10 порталных кранов, а также на 75% завершены работы по монтажу ещё четырёх. Так, к ноябрю 1943 г. в порту имелось уже 70 механических перегружателей разных типов. Пополнение их шло в основном за счёт ленд-лиза: автокраны «Лорейн» (3 шт.), «Интернационал» (1 шт.); гусеничные краны «Марион» (2 шт.), «Осгуд» (5 шт.), «Харнишфегер» (3 шт.); порталные краны «Вашингтон», «Клайд», «Даррик», «Леррик» (по 3 шт.); ж/д краны «Браунхайст» и «Браунинг» (по 4 шт.). Техническая оснащённость порта существенно возросла, что позволило увеличить его пропускную способность в течение 1943 г. в полтора раза — с 4,5 тыс. т в сутки в 1-м квартале до 7 тыс. т в 4-м. Однако даже этого было мало для полного обеспечения переработки поступающих грузов [ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 7. Д. 1026. Л. 1; Оп. 9. Д. 44. Л. 59].

Несмотря на увеличение технической оснащённости, сохранялись частые простои в обработке судов механизированным способом. В 1944 г., при росте грузоподъёмности механизмов на 73% и их количества на 38% (по сравнению с 1943 г.), время использования техники по-прежнему оставалось крайне незначительным — всего 28,3%, что объяснялось особенностью поступающих грузов. Дело в том, что в указанный период в порту имелось большое количество береговых механизмов средней грузоподъёмности (от 15 до 43 т), но ощущалась нехватка кранов, приспособленных к обработке тяжеловесных грузов, процент которых в общем грузопотоке неуклонно возрастал. Так, если в 1942 г. тяжёлые машины и оборудование занимали 16,4% от импортного грузопотока, то уже в 1944 г. этот показатель возрос до 27,7% (при росте тоннажа на 806,7%). Соответственно, пока вся нагрузка падала на немногочисленные плавучие и железнодорожные краны, большая часть лёгких механизмов простаивала. Кроме того, некоторые краны не могли

использоваться для загрузки вагонов вследствие затоваренности причалов [ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44. Л. 2—4, 87; Д. 38. Л. 2—3; Д. 61. Л. 117].

Нехватка импортного оборудования вынуждала искать пути решения проблемы грузоподъёмности механизмов, опираясь на внутренние ресурсы. В порту велась непрерывная работа по увеличению производительной мощности имеющихся технических средств. Так, из-за отсутствия достаточного количества механических перегружателей в 1944 г. значительные усилия были направлены на переоборудование и приспособление простаивающих механизмов к новым условиям работы, а также на улучшение оснащения районных механических мастерских станочным оборудованием и проведение масштабной переподготовки механизаторов.

Портовые инженеры и механизаторы пытались определить рациональный технологический режим и резервную мощность подъёмно-транспортного оборудования. Так, находясь в командировке во Владивостоке, заместитель Народного комиссара морского флота А.А. Афанасьев, оценив ситуацию с механизацией Владивостокского порта, предложил переоборудовать мостовой углеперегрузатель под выгрузку тяжеловесных грузов. В кратчайшие сроки отдел механизации Владивостокского порта разработал проектную документацию, организовал ряд экспертных комиссий и провёл все необходимые работы, в результате чего мостовой углеперегрузатель стал использоваться по двойному назначению: с оборудованным грейферным захватом (разновидность грузозахвата для сыпучих грузов) он применялся для бункеровки, а с крюковым — для выгрузки локомотивов [ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 62а. Л. 1].

Подводя итог исследованию организации работы Владивостокского морского торгового порта в годы Великой Отечественной войны, стоит отметить, что за 1941—1945 гг. на капитальное строительство там было израсходовано приблизительно 35,4 млн руб., на капитально-восстановительный ремонт — 7,3 млн руб. К началу 1945 г. порт имел 24 хорошо оснащённых причала, из них 3 были оборудованы пирсами для бункеровки (погрузки угля). Причальный фронт позволял одновременно поставить под грузовые операции 21 судно: 15 крупных судов с импортным оборудованием, 2 — под грузовые операции малого каботажа, 2 — под частичную разгрузку тяжеловесов и 2 — под бункеровку. Торговый порт имел собственный и арендованный служебно-вспомогательный флот в составе 39 единиц (1 ледокол, 9 буксиров, 5 моторных катеров, 19 грузовых и 2 водяные баржи, 3 шаланды); маломощный и сильно изношенный, он осуществлял швартовые работы, буксировку плавучих кранов, барж и явно не мог справиться с возросшей нагрузкой.

Владивостокский порт стал оснащаться новейшими средствами механизации погрузо-разгрузочных работ всевозможных систем и различной грузоподъёмности, в том числе и импортными. Было смонтировано около 2 км пластинчатых и ленточных транспортёров, мостовой углеперегрузатель, 3 плавучих и 20 порталных кранов грузоподъёмностью от 32 до 120 т, более 30 железнодорожных кранов с мощностью 45 т, а также большое число гусеничных и автомобильных кранов. Если в 1941 г. порт располагал только 2 небольшими порталными и 2 плавучими кранами, то в начале 1945 г. там имелось 84 крана различных марок общей грузоподъёмностью 1380,5 т, 40 штабелеукладчиков, 30 мото- и электрокаров грузоподъёмностью от 1,3 до 4,5 т [4, с. 215—217; ГАПК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 17. Л. 7—21; Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75. Л. 59—88].

Осознавая важность Владивостока в транспортном отношении, руководство СССР уделяло серьёзное внимание совершенствованию материально-технической базы порта. Были выделены значительные средства на формирование во Владивостоке мощного транспортного узла, способного перерабатывать любые виды грузов в больших объёмах; администрация и работники Владивостокского морского торгового порта направили много сил на рационализацию и совершенствование погрузочно-разгрузочных работ, что позволило ему стать надёжной основой Тихоокеанского транспортного коридора ленд-лиза и с отличием выполнить поставленные перед ним стратегические задачи снабжения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Красавцев Л.Б. Проблемы разгрузки судов с грузами военной помощи в Архангельском морском торговом порту в 1941—1945 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 5—17.
2. Медведева Л.М. Транспорт Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 152 с.
3. Паперно А.Х. Ленд-лиз. Тихий океан. М.: Терра — Книжный клуб, 1998. 367 с.
4. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941—1945 гг. Владивосток: ТОВМИ, 2005. 331 с.
5. Ткачева Г.А. Транспорт Дальнего Востока СССР в обеспечении экономического сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны (1941—1945) // Военно-техническое сотрудничество России: история и современность: материалы работы науч. конф., 25 октября 2012 г. СПб, 2013. С. 184—194.
6. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).

УДК 947.355.02 (571.6)

Б. Б. КОНДРАТЕНКО*

ВООРУЖЁННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ СССР В 1941—1945 гг.

В статье на основе источников, впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются провокационные действия Квантунской группировки войск на Дальневосточной границе СССР в период действия советско-японского договора о нейтралитете. Выявлено, что военные столкновения в 1939—1945 гг. классифицируются как организованные нападения с участием вооружённых сил. По сути они являлись пограничными конфликтами и, следовательно, поводом для расторжения договора о нейтралитете СССР с Японией, но, чтобы его сохранить, им статус конфликтов не присваивался.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Дальний Восток СССР, советско-японские отношения, пограничные конфликты.

B. B. KONDRATENKO

ARMED VIOLATIONS OF SOVIET-JAPANESE NEUTRALITY IN 1941—1945

The article examines the provocative actions of the Kwantung group of troops on the Far Eastern border of the USSR during the period of the Soviet-Japanese treaty of neutrality, based on the sources first introduced into scientific circulation. It is revealed that the military clashes in 1939—1945 are classified as organized attacks with the participation of the armed forces, were in fact border conflicts and a reason for breaking the treaty of neutrality of the USSR with Japan, but in order to preserve it, they were not assigned the status of a conflict.

Keywords: World War II, the Far East of the USSR, Soviet-Japanese relations, border conflicts.

В апреле 1941 г. СССР и Япония заключили договор о нейтралитете, который позволил сохранить хрупкий мир на дальневосточных рубежах. Стороны обязывались поддерживать мирные отношения и уважать территориальную целостность и неприкосновенность границ

---

* КОНДРАТЕНКО Борис Борисович — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: kpe.kob@mail.ru.

и «...в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта». К документу прилагалась секретная декларация, где СССР признавал территориальную целостность и неприкосновенность Манчжоу-го, а Япония — Монгольской Народной Республики и соглашалась ликвидировать концессии на Северном Сахалине [5, с. 565—566].

В отечественной историографии данные события рассматривались в рамках дипломатической истории [2, с. 146]. Исследователи А.А. Кошкин и В.П. Зимонин акцентировали внимание на геополитических аспектах заключения и расторжения пакта с точки зрения оценочных суждений фальсификации истории [1; 3; 4], однако военные столкновения на дальневосточных границах в 1941—1945 гг. практически не освещались.

После захвата территории Маньчжурии в соответствии с геополитической обстановкой Япония разрабатывала военно-стратегические планы тактических ударов по Советскому Союзу, создавала напряжённую ситуацию на Дальнем Востоке СССР. За 1941 г. было зафиксировано 765 случаев нарушения границы, 19 случаев обстрела советской территории и мирного населения, проживающего в непосредственной близости к государственной границе, 15 случаев обстрела пограничных нарядов, 3 случая захвата и удержания территории с применением вооружённых диверсионно-разведывательных групп, 8 случаев обстрела пограничных катеров и нарушения правил плавания, 16 случаев авиаобстрела территории. Выявлено 246 разведчиков, пересёкших границу СССР. Все эти действия предпринимались для того, чтобы проверить, насколько хорошо охраняются дальневосточные рубежи [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 671. Л. 154, 156, 200; Д. 176. Л. 67; Д. 177. Л. 13].

В 1942 г. на участке границы Хабаровского округа было выявлено 95 лиц, перешедших границу. Они подключались к пограничным линиям связи, собирали оперативно-стратегическую информацию, отслеживали дислокацию пограничных нарядов, производили топографическую съёмку местности и составляли план-схемы расположения транспортных коммуникаций [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 8].

Кроме того, в 1942 г. было зафиксировано 39 случаев авиационных налётов с целью проведения разведывательных мероприятий (самолёты удалялись до 60 км вглубь советской территории и производили фотосъёмку), 5 случаев обстрела территории, 1 случай захвата в плен мирного населения, 2 случая нарушения границы военными служащими сопредельной стороны. Всего задержали 573 нарушителя государственной границы, из них 128 переходили границу в составе

организованных вооружённых диверсионно-разведывательных группировок [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 22, 86, 87, 89].

В Приморском округе наибольшая активность наблюдалась на участках 58-го Гродековского пограничного отряда, где находился контрольно-пропускной пункт, и 69-го Ханкайского погранотряда. На участке ответственности 57-го Иманского отряда (он охватывал пограничную р. Уссури и острова, являвшиеся объектом провокационных действий воинских формирований сопредельной стороны) фиксировались случаи переброски контрреволюционной литературы.

Наибольшее количество провокаций проводилось на участке Посьетского погранотряда, где были выявлены лица, сотрудничавшие с иностранной разведкой. Здесь осуществлялись перенос и повреждение пограничных знаков, заход военных кораблей в акваторию советских территориальных вод. Указанная территория находилась на противоположном берегу Амурского залива, участок границы проходил по холмистой местности, что позволяло производить наблюдение за стратегическими объектами расположенными на территории г. Владивостока и акватории базы Тихоокеанского флота. Идеологическая обработка местного населения в условиях военного времени дестабилизировала обстановку в приграничье.

За 1942 г. в зоне ответственности пограничников Приморского округа было зафиксировано 7 обстрелов советской территории и 4 — пограничных нарядов, 6 повреждений пограничных знаков, 39 нарушений советской границы военными и 4 — рыболовецкими судами, предотвращены диверсии на транспорте [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 130].

В 1943 г. на сухопутном участке границы Приморья произошло 3 боевых столкновения. Так, 26 июня 1943 г. пограничным нарядом на участке заставы Грушевая 69-го Ханкайского пограничного отряда была обнаружена диверсионная группа, занявшая советскую территорию, в тот же день на участке заставы Полковница 58-го погранотряда произошло боевое столкновение. 6 июля 1943 г. на участке заставы Хунчун 59-го Хасанского отряда пограничный наряд нарвался на вооружённую группу военнослужащих сопредельной стороны. Для их ликвидации были задействованы силы войскового прикрытия Красной армии, и противника выдворили за пределы СССР [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 242].

На водном участке границы также имели место регулярные нарушения с вооружённым сопротивлением и захватом отдельных островов. Так, в 1939 г. на о. Кутузова (р. Амур) произошло боестолкновение с вооружённой группой катеров сопредельной стороны, осуществлявшей оперативное наблюдение за советскими пограничными подраз-

делениями и стремившейся захватить остров и установить контроль над акваторией реки. Боевой расчёт оказывал сопротивление советским пограничным нарядам в течение 5 часов [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 165. Л. 129].

В 1943 г. в акватории Японского моря было зафиксировано 5 случаев торпедирования, 4 случая захвата и конвоирования советских судов в порты, подконтрольные Японии, 4 судна были необоснованно задержаны и досмотрены. Всего было зафиксировано 42 эпизода нарушения морской границы с применением оружия, из них военными судами — 4, рыболовными — 28. Подобные действия были направлены на срыв поставок стратегических грузов в СССР [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 170].

В 1944 г. на территории Хабаровского округа военнослужащие с сопредельной стороны предприняли попытку захватить один из островов на р. Усури. Зафиксировано 4 случая обстрела пограничных катеров и 64 случая захода японских боевых кораблей в советские территориальные воды. В первой половине 1945 г. фиксировались обстрелы наряда на участке 78-го погранотряда заставы Бурей [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 128. Л. 10, 12; Д. 178. Л. 78].

На каждое вооружённое нарушение составлялся рапорт, который подавался в Главное управление пограничных войск и в Народный комиссариат иностранных дел. В документе отражалась обстановка на границе, фиксировались решения, принятые начальствующим составом округа, отряда, заставы — в зависимости от масштаба агрессивных действий. Составлялся план-схема участка границы, где произошло боевое столкновение, указывался порядок привлечения пограничных войск или группы войскового прикрытия границы Красной армии к отражению агрессивных действий [ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 673. Л. 11].

Подробные отчёты позволяли, с одной стороны, выявить основные направления концентрации военной силы противника и прогнозировать развитие обстановки на границе, с другой — отработать систему взаимодействия между подразделениями Красной армии, Тихоокеанского флота и пограничных войск. Эта система была применена при подготовке к наступательным действиям в 1945 г. Порядок обмена информацией и система сигнальной связи позволили провести крупномасштабные войсковые операции, соблюдая режим секретности.

Количество провокаций на дальневосточном пограничье варьировалось исходя из изменения геополитической обстановки на Тихоокеанском театре военных действий. Нарушения носили систематический характер и имели целью выявить расположение и численность частей Красной армии, проверить обороноспособность

дальневосточных рубежей. Принятые советской стороной ответные меры повлияли на военно-стратегические планы Японии.

Военные столкновения 1939—1945 гг., классифицируемые как организованные нападения с участием вооружённых сил, являлись по сути пограничными конфликтами и, следовательно, поводом для разрыва договора о нейтралитете СССР с Японией, но, чтобы его сохранить, этим инцидентам статус конфликтов не присваивался. Следует подчеркнуть, что в период действия пакта о нейтралитете Япония оказывала военную и политическую помощь Германии. Более того — соглашение от 18 января 1942 г. между Германией, Италией, Японией разграничивало сферы влияния: Стране восходящего солнца отводилась территория Сибири и Дальнего Востока СССР. Более того — Япония по секретному экономическому соглашению поставляла союзникам стратегическое сырьё, а в сентябре 1943 г. подписала протокол о действии условий тройственного пакта, что также означало агрессивную настроенность против СССР [2, с. 397—399].

В годы Второй мировой войны Япония, как союзник Германии, воевавшей против СССР, оказывала ей экономическую и военно-политическую помощь, осуществляла провокации на границе, производила разведку местности и обменивалась с ней информацией. Кроме того, милитаристская Япония вела военные действия на Тихом океане против США и Великобритании — союзников СССР по антигитлеровской коалиции. Это срывало поставки грузов по ленд-лизу, столь необходимые Советскому Союзу. Все эти действия позволяли советскому правительству рассматривать Японию как враждебное государство, и 13 апреля 1945 г. пакт о нейтралитете 1941 г. был официально денонсирован.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Зимонин В.П. Пакт о нейтралитете с Японией. Дипломатическая история // Военно-академический журнал. 2014. № 1. С. 144—145.
2. История дипломатии. Т. 4. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1975. 752 с.
3. Кошкин А.А. «Кантокуоэн» — Барбаросса по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече. 2011. 384 с.
4. Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М.: Вече, 2012. 480 с.
5. Пакт о нейтралитете между Советским Союзом Советских Социалистических Республик и Японией // Документы внешней политики. М.: 1998. Т. XXIII. Ч. 2. 839 с.
6. ЦПА ФСБ РФ (Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации) (ЦПА ФСБ РФ).

УДК 94:621.311.1(571.6)

*А.В. МАКЛЮКОВ****ПРОФЕССОР В.П. ВОЛОГДИН И ЕГО ПРОЕКТЫ
ПО ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ ВЛАДИВОСТОКА**

В данном исследовании акцент сделан на освещении деятельности профессора В.П. Вологодина как члена комиссии по электрификации Приморской губернии. Показано, что Вологдин стал первым крупным специалистом по вопросам электрификации Дальнего Востока, в 1925 г. разработал проект Южно-Приморской ГРЭС, получивший высокую оценку среди специалистов и руководителей дальневосточных партийно-хозяйственных органов. В 1927 г. представил проект электрификации железной дороги Владивосток — Океанская. Однако проекты В.П. Вологодина оказались не востребованными в 1920-е гг. Правительство, реализуя план ГОЭЛРО, вкладывало ресурсы в энергетическое строительство в центральной части страны. Сделан вывод, что научно-практическая значимость результатов работы В.П. Вологодина как пионера по разработке плана электрификации Дальневосточной окраины заключалась не только в том, что его проекты позже были реализованными, но и в том, что в подготовленных им материалах правильно определены проблемы электрификации региона в будущем, актуальные и в настоящее время.

Ключевые слова: профессор В.П. Вологдин, планирование, электрификация, Владивосток, Дальний Восток.

*A.V. MAKLYUKOV***PROFESSOR V.P. VOLOGDIN AND HIS PROJECTS
FOR THE ELECTRIFICATION OF VLADIVOSTOK**

It is shown that he became the first major expert on the electrification of the Far East, in 1925 he developed a project for the Yuzhno-Primorskaya GRES, which was highly appreciated among specialists and leaders of the Far Eastern party and economic bodies. In 1927 he presented a project for the electrification of the Vladivostok-Okeanskaya railroad. However, V.P. Vologdin was not in demand in the 1920s, the government, implementing the GOELRO plan, invested resources in energy construction in the central part of the country. It is concluded that

---

* МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru.

the scientific and practical significance of the results of the work of V.P. Vologdin as a pioneer in developing a plan for the electrification of the Far Eastern outskirts was not only that his projects were later implemented, but also that the materials prepared by him correctly identified the problems of electrification of the region in the future, problems that are relevant today.

Keywords: Professor V.P. Vologdin, planning, electrification, Vladivostok, Russian Far East.

Революционные события 1917 г. и Гражданская война привели к миграции на Дальний Восток преподавателей и студентов центральных технических вузов России, высококвалифицированных специалистов. Среди прибывших во Владивосток из Петрограда инженеров и учёных самой яркой личностью стал Виктор Петрович Вологдин. Он работал во Владивостоке с 1919 по 1933 г. В научной литературе профессор В.П. Вологдин представлен прежде всего как основатель первой в стране научно-практической школы электрической сварки на Дальзаводе [7; 8; 9]. Помимо этого он стал первым крупным специалистом по вопросам электрификации Дальнего Востока и г. Владивостока в частности: он комплексно взглянул на экономические проблемы развития региона с точки зрения задач его электрификации, разработал уникальные электротехнические проекты. Освещение этих ещё нераскрытых в литературе аспектов его деятельности определяет научную новизну данного исследования.

Известный советский учёный и инженер В.П. Вологдин родился 28 июля 1883 г. в посёлке Кувинского завода Пермской губернии. В 1894 г., как ученик реального училища, он посетил знаменитый Пермский пушечный завод, где по инициативе горного инженера Н.Г. Славянова открылась первая в России промышленная электростанция [7, с. 4; 6, с. 222]. Интерес к новому в стране электротехническому делу привёл Вологодина сначала в Морское инженерное училище императора Николая I, а затем — в Санкт-Петербургский политехнический институт. Получив в 1910 г. квалификацию инженера-электрика, он стал преподавателем столичного вуза. В период Гражданской войны в 1918—1919 гг. служил капитаном в армии А.В. Колчака. За борьбу с большевиками получил орден Св. Владимира 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени. В ноябре 1919 г. В.П. Вологдин прибыл во Владивосток в качестве нового директора правления Дальзавода [8, с. 48, 53; 7, с. 15].

В 1919 г. Дальзавод выделился из состава Владивостокского военного порта и стал самостоятельным предприятием. Завод получил

правительственное финансирование, что позволило обеспечить работу по ремонту судов Доброфлота и изготовлению запасных частей для железнодорожного транспорта. По степени технической оснащённости Дальзавод заметно выделялся среди других предприятий на востоке России. Это позволило В.П. Вологдину в начале 1920 г. сконструировать сварочный генератор и использовать его в работе. При заводе открылся первый в России электросварочный цех, оснащённый четырьмя генераторами общей мощностью 480 кВт [РГИАДВ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 11. Л. 93].

Опыт преподавания, приобретённый в Санкт-Петербурге, также пригодился В.П. Вологдину во Владивостоке. В 1919—1920 учебном году он вёл ряд дисциплин во Владивостокском морском училище, а 24 ноября 1920 г. совет Владивостокского политехнического института избирал его на должность профессора кафедры прикладной механики. В октябре 1925 г. Вологдин стал ректором Дальневосточного государственного университета и сыграл важную роль в развитии вуза. Университет превратился не только в центр высшего образования, но и в ведущее научное учреждение на Дальнем Востоке. Он оказывал ценную научно-техническую помощь в планировании развития народного хозяйства Дальневосточного края. Созданная В.П. Вологдиным кафедра тепловой механики проводила исследования на промышленных предприятиях, разрабатывала проекты их модернизации и т.д. [7, с. 15; 5, с. 75].

11 июля 1924 г. губернским и областным исполнительным комитетам Восточной Сибири и Дальнего Востока поступило письмо от председателя Президиума ВЦИК М.И. Калинина. В нём рекомендовалось начать разрабатывать планы развития электрификации данных территорий, так как Восточная Сибирь и Дальний Восток оказались за рамками государственной программы ГОЭЛРО. Приморское губернское экономическое совещание в постановлении от 19 декабря 1924 г. приняло решение сформировать специальную Комиссию по сбору материалов энергетических ресурсов Приморской губернии и начать работу

Рис. 1. Виктор Петрович Вологдин

по составлению плана её электрификации. В качестве ведущего специалиста и члена комиссии пригласили профессора ГДУ В.П. Вологодина. Из местного бюджета на работу комиссии выделили 3000 руб. [РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 75. Л. 2; Д. 639. Л. 16; ГАПК. Ф. Р-1371. Оп. 1. Д. 17-а. Л. 2].

Накопленный опыт эксплуатации Владивостокской городской электростанции (самой мощной тогда на востоке страны) и электрического трамвая (первого общественного электротранспорта в России за Уралом) привёл В.П. Вологодина к пониманию необходимости создания нового более мощного и надёжного источника электроснабжения города. В течение месяца он вместе со своим давним коллегой по Санкт-Петербургскому политехническому институту, а ныне — по кафедре тепловой механики ГДУ В.А. Кравцовым работал над сложным проектом Южно-Приморской ГРЭС. Её планировалось строить в 50 км от Владивостока, на артёмовских шахтах. Сама идея создания здесь первой на Дальнем Востоке мощной электростанции была не новой. Ещё в мае 1921 г. в городскую управу Владивостока обращались бывшие владельцы шахт Скидельские и за концессию предлагали построить электроцентраль для обеспечения города электроэнергией [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 990. Л. 151].

В.П. Вологдину и В.А. Кравцову предстояло сделать сложные технические расчёты, сопоставить данные и представить свои наработки на рассмотрение комиссии. Первые восемь её заседаний, с 20 января по 24 марта 1925 г., были посвящены исключительно обсуждению данного проекта. Самым дискуссионным оказался финансовый вопрос: стоимость реализации проекта оценивалось в 3,2 млн руб. Члены комиссии единогласно приняли решение, что Южно-Приморскую ГРЭС нужно строить при полной государственной поддержке. Комиссия рекомендовала дальневосточным плановым и хозяйственным органам ходатайствовать перед правительством о срочном выделении средств. Дальневосточное экономическое совещание на заседании 26 мая 1925 г. высоко оценило представленный проект и признало его важнейшим для Дальнего Востока. Совещание обратилось в Госплан СССР с просьбой включить проект в общегосударственный план ГОЭЛРО и выделить государственные субсидии [РГИА ДВ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 639. Л. 22—34; 5, с. 75].

По специальному заданию Приморского губернского исполнительного комитета профессор В.П. Вологдин в июне 1925 г. отправился на р. Суйфун (ныне Раздольная) для разработки проекта гидроэлектростанции — второго варианта электроснабжения Владивостока. Он детально изучили участок течения реки у ст. Барановский Уссурийской железной дороги, составил рабочий проект гидроэлектростанции, согласно которому её мощность определялась в 8000 кВт. Но этот проект в конечном

итоге не нашёл поддержки среди других специалистов и остался лишь в рабочих материалах комиссии [РГИА ДВ. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 1. Л. 2].

В начале 1926 г. Госплан СССР отклонил представленный дальневосточными властями проект Южно-Приморской ГРЭС, назвав его «академическим, а не практическим». Профессор В.П. Вологдин в мае того же года отправился в Москву. Он планировал 8 июня сделать личный доклад о необходимости строительства этой электростанции в комиссии по электрификации Главэнерго ВСНХ СССР. По прибытии в столицу он получил отказ и не смог выступить. В Главэнерго ему сказали, что «Южно-Приморская ГРЭС в ближайшее время не нужна» [РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 89. Л. 3—4].

Комиссия по электрификации Приморья к октябрю 1926 г. завершила свою работу. Итогом её деятельности стал подготовленный «План электрификации Владивостокского округа на 1927—1932 гг.», главным автором которого являлся В.П. Вологдин. В документе содержалась естественно-экономическая характеристика округа, давалось описание известных энергетических ресурсов его районов, приводился материал по перспективам развития энергетического хозяйства. Помимо вопросов текущего состояния экономики Дальневосточной области в проекте раскрывались и проблемы её будущего развития в связи с задачами электрификации. Отмечалось, что принципы плана ГОЭЛРО к дальневосточной огромной неосвоенной территории с низкой плотностью населения и слабой промышленностью применять нельзя даже в ближайшей перспективе. Эта проблема станет тормозом для развития региона [РГИА ДВ. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 50. Л. 42]. Другими словами, составители плана увидели проблемы формирования электроэнергетики Дальнего Востока, из-за которых отрасль весь советский и современный период была обречена на постоянное отставание. К аналогичным выводам пришли экономисты в 1950-е гг., более детально исследовав проблемы региональной электрификации.

В 1927 г. на базе своей кафедры в ГДУ профессор В.П. Вологдин подготовил «Проект электрификации района Владивостока с электрической железной дорогой Владивосток — Океанская», изданный в качестве отдельного труда [1, с. 67]. Тогда в Москве ещё только начиналось проектирование первых дорог с поездами на электрической тяге для обслуживания коротких пригородных дистанций до 18 км. Первую в СССР пригородную электричку запустили в 1929 г. на участке 17 км Москва — Мтыщи [2, с. 106]. В проекте Вологодина отмечалось, что Владивосток обладает рядом преимуществ в деле электрификации пригородного транспорта. Владивостокская электростанция 1912 г. постройки вырабатывала постоянный ток достаточного напряжения, чтобы

обеспечить не только работу городского трамвая, но железной дороги протяжённостью 20 км до ст. Океанская. В случае ввода в строй Южно-Приморской ГРЭС городскую электростанцию следовало перевести на обслуживание пригородного электротранспорта, что дало бы импульс для развития северо-западной части города и п-ова Муравьёва-Амурского. Но только спустя 34 года, в 1962 г., будет электрифицирован железнодорожный участок Владивосток — Надеждинская [3; 4, с. 106].

Однако в хозяйственной политике правительства по отношению к Дальнему Востоку окончательно возобладал ведомственный подход, что помешало реализации проектов В.П. Вологодина. С 1927 г. началось строительство электрической сети в обратном направлении от Владивостока, к шахтам Артёма, для удовлетворения потребностей в электроэнергии треста «Примуголь». Как ректор ГДУ Вологдин на страницах газеты «Красное Знамя» выступил с критикой такого решения и подхода, отмечая, что «удовлетворение текущих потребностей даёт краткосрочную перспективу, ставя под угрозу будущее электроснабжение Владивостока» [2].

Таким образом, разработанные проекты В.П. Вологодина в середине 1920-х гг. оказались невостребованными. Правительство в это время вкладывало огромные средства в энергетическое строительство в центральной части страны. К проектам вернулись уже в 1931—1932 гг. при разработке «Генерального плана электрификации Дальневосточного края». В марте 1934 г. ускоренными темпами развернулось строительство Артёмовской (Южно-Приморской) ГРЭС, в конце 1937 г. она начала работу [5, с. 106]. Сам В.П. Вологдин в 1933 г. вернулся в Ленинград и стал заведующим кафедрой сварки Ленинградского кораблестроительного института, где проработал до конца своей жизни [7, с. 30]. Научно-практическая значимость результатов работы В.П. Вологодина как пионера электрификации дальневосточной окраины заключалась не только в том, что его проекты в итоге оказались реализованными, но и в том, что в подготовленных им материалах правильно были определены проблемы электрификации региона в будущем, актуальные и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дальневосточный государственный университет. Отчёт за 1926—27 гг. Владивосток: б. и., 1928. 75 с.
2. Красное Знамя. 1927. 25 янв.
3. Красное Знамя. 1927. 27 янв.

4. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. М.: б. и., 1996. 223 с.
5. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX — середина XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. фед. ун-та, 2018. 280 с.
6. Соловьёва А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М.: Наука, 1990. 269 с.
7. Овчаров О.Д. Научно-практическая школа сварки В.П. Вологодина: дис. канд. тех. наук. Владивосток, 1999. 183 с.
8. Шевченко В.Г. Сварщик Виктор Вологдин. Памятники истории. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2004. 293 с.
9. Хисамутдинова Н.В. Становление высшего технического образования на Дальнем Востоке России (1918—1941): исторический опыт: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005. 40 с.
10. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
11. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 338.45:622.33(571.63) (09)

О.К. ПАВЛЕНКО*

СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПРИМОРЬЯ

В статье рассматриваются условия и особенности развития стахановского движения на приморских угледобывающих предприятиях. Развернувшееся в годы второго пятилетнего плана, на этапе своего возникновения движение новаторов оказало влияние на повышение производительности труда. Первые шаги к организационному оформлению движения в регионе сделаны в 1935 г.: проведены слёты стахановцев, приняты меры по материальному стимулированию, устроена пропагандистская кампания стахановских рекордов в краевой печати. Несмотря на указанные усилия, впоследствии роль движения в повышении производительности труда на шахтах снизилась. В исследовании отмечаются следующие факторы, тормозящие внедрение стахановских методов работы: низкая техническая грамотность рабочих; отсутствие должного внимания к проблемам движения со стороны руководства; повышенный травматизм. Автором сделан вывод, что стахановское движение в условиях незавершённости технической модернизации приморских шахт в целом

---

* ПАВЛЕНКО Олег Константинович — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: pav181096@mail.ru.

не оказало существенного влияния на повышение производительности труда, дополнительно высветив хронические проблемы угольной отрасли региона.

Ключевые слова: стахановское движение, стахановец, угольная промышленность, индустриализация, Приморье, Дальний Восток.

O.K. PAVLENKO

STAKHANOV MOVEMENT AT THE ENTERPRISES OF THE COAL INDUSTRY OF PRIMORYE

The article examines the conditions and features of the development of the Stakhanov movement at the coastal coal mining enterprises. Unfolding during the years of the second five-year plan, at the stage of its inception, the movement of innovators influenced the increase in labor productivity. The first steps towards the organizational formation of the movement in the region were made in 1935: rallies of the Stakhanovites were held, measures were taken to provide material incentives, and a propaganda campaign of Stakhanov records was organized in the regional press. Despite these efforts, the movement's role in increasing labor productivity in mines subsequently declined. The study notes the following factors that hinder the introduction of Stakhanov's methods of work: low technical literacy of workers; lack of due attention to the problems of the movement on the part of the leadership; increased injuries. The author concludes that the Stakhanov movement in the conditions of the incomplete technical modernization of the coastal mines as a whole did not have a significant impact on the increase in labor productivity, further highlighting the chronic problems of the coal industry in the region.

Keywords: Stakhanov movement, Stakhanovets, coal industry, industrialization, Primorye, Soviet Far East.

Угольная промышленность Приморья являлась основной топливно-энергетической базой Дальнего Востока в XX в. В 1930-е гг. в целях покрытия возросших потребностей в топливе на приморских шахтах развернулась ускоренная механизация и механизация производства, осуществлялась перестройка системы подготовки кадров, велась работа по привлечению трудовых ресурсов. В 1935 г. важной мерой, которая поощрялась центральным партийным руководством и была направлена на ускоренное увеличение объемов добычи угля, стала организация стахановского движения.

Вопросы истории развития движения новаторов на Дальнем Востоке получили значительное освещение в региональной историографии как в советский, так и в современный период [1; 2; 3; 4; 6; 9; 10]. Исследователи внесли значительный вклад в изучение этого явления: накоплен богатый фактологический материал, получены результаты его анализа. Тем не менее данная тема нуждается в пересмотре ряда концепций и подходов авторов, в уходе от односторонности в оценке итогов деятельности движения.

В настоящей работе ставятся следующие задачи: раскрыть условия и проблемы развёртывания стахановского движения в угольной промышленности Приморья; выявить его роль в форсировании темпов добычи угля во второй половине 1930-х гг. Источниковую основу исследования составляют неопубликованные региональные архивные документы, а также материалы периодической печати.

К середине 1930-х гг. на шахтах треста «Дальтрансуголь», объединявшего приморские угольные предприятия, сформировались объективные условия для внедрения новаторских методов работы: проведено масштабное техническое переоснащение, улучшена организация труда, повышена заработная плата.

Начало стахановскому движению — массовому явлению в СССР — было положено в конце 1935 г. Рекорд по добыче угля за смену донбасского шахтёра А.Г. Стаханова получил широкое освещение с помощью государственной пропаганды. Осенью 1935 г. стали появляться первые сведения об отдельных достижениях стахановцев на приморских шахтах: 22 сентября сучанский забойщик Е.Е. Коробейников за 6 часов смены вырубил 84,5 т. угля, перевыполнив норму на 685%. Впоследствии данный рекорд был неоднократно побит приморскими шахтёрами Степановым и Моисеенко [9, с. 21; 11, с. 64].

Меры по организации на дальневосточных предприятиях стахановского движения были закреплены постановлением Бюро Далькрайкома ВКП(б) от 16 октября 1935 г. Партийные организации обязывались внедрять стахановские методы работы во все отрасли народного хозяйства. Рекомендовалось проводить слёты и совещания новаторов с целью обобщения опыта и обсуждения дальнейшей работы [1, с. 28].

Первые слёты шахтёров-стахановцев Дальнего Востока прошли в октябре и ноябре 1935 г. на предприятиях Сучана и Артёма. Основной темой встреч стала проблема внедрения новаторских методов работы в приморские шахтёрские коллективы. Как показал опыт, стахановский подход к труду встретил недопонимание со стороны руководителей шахт и инженерно-технических работников, которые обвиняли стахановцев в фордизме. Противники движения указывали на то,

что приморские шахты обладают гораздо меньшим производственным потенциалом и уровнем технической оснащённости по сравнению с центральными угледобывающими предприятиями СССР. По мнению ряда специалистов, методы, которые давали эффект на Донбассе, были не приемлемы для приморских угледобывающих предприятий [2, с. 68].

Тем не менее в 1935 г. на шахтах Приморья началась широкая агитационная кампания по внедрению опыта стахановцев. Рабочие-рекордсмены выступали на собраниях предприятий, принимали участие в различных мероприятиях, часто давали интервью газетам, выступали по радио и т.д. Число новаторов на предприятиях треста «Дальтрансуголь» к декабрю 1935 г. достигло 639 чел. (9,1% от общего числа работников) и продолжало расти (см. табл. 1). Хотя движение и не стало массовым, в первые месяцы оно способствовало повышению производительности труда на 11% [ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 64. Л. 3, 33].

Таблица 1

**Количество стахановцев на предприятиях
угольной промышленности Приморья в 1935—1938 гг., чел.**

Период	Сучан	Артём	Трест «Дальтрансуголь»
Декабрь 1935 г.	367	167	639
Январь 1936 г.	441	261	942
Декабрь 1936 г.	310	500	1138
Январь 1937 г.	358	565	1197
Декабрь 1937 г.	442	546	1352
Январь 1938 г.	592	506	1098
Декабрь 1938 г.	572	1145	1717

Источник. ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 64. Л. 31 об., 32, 33; Д. 83. Л. 49; Д. 135. Л. 50 об.; Д. 170. Л. 34.

В 1936 г. дополнительный импульс стахановскому движению в Приморье дал переход от единичных рекордов к проведению стахановских суток, декад и т.п. На Тавричанском руднике в ночь с 7 на 8 января на новые методы работы были переведены все шахты, в итоге план был выполнен на 130%, а показатели отдельных забойщиков достигали 285% [7].

Одним из основных направлений деятельности новаторов стала борьба за повышение технической грамотности работников угольных предприятий. С 1936 г. началась перестройка системы учебной подготовки рабочих кадров шахт. 15 мая 1936 г. трест «Дальтрансуголь» создал штат инструкторов по внедрению стахановских методов работы. Также организовывались специальные курсы технического минимума, которые

только за 1936 г. прошло 4925 работника треста, из них 796 стахановцев. В числе трудностей, с которыми столкнулся трест в ходе повышения технической грамотности рабочих, стала острая нехватка учебных помещений и материалов для обучения. Кроме того, шахтёры часто не желали посещать эти курсы [ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 83. Л. 50 об., 112 об., 113].

В отчётах инструкторов отмечались и недостатки в организационной работе бригадиров и начальников шахт. Весьма распространённым явлением были случаи халатности и непонимания, каким образом должны протекать технологические процессы: рабочих перегоняли с места на место, не обеспечивали в должном размере необходимыми материалами, часы простоя могли доходить до 50% всего рабочего времени и т.д. [8].

Итак, к концу 1936 г. в стахановское движение предприятий треста «Дальтрансуголь» было вовлечено 1138 представителей 154 горных профессий. Наиболее массовым оно стало в Артёме. В рамках внедрения новых методов работы даже создавались специальные «стахановские шахты». Так, на шахте № 1 увеличили проектную мощность ствола и подъёма с 800 до 1500 т., улучшили пропускную способность уклона шахты № 3-с с 400 вагонеток до 1000 за смену [ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 83. Л. 48 об., 49].

Негативным следствием внедрения скоростных стахановских методов стал рост травматизма и несчастных случаев на дальневосточных шахтах, что привело к снижению числа стахановцев с 1937 г. Только за первое полугодие 1936 г. на Сучане произошло 6 смертельных случаев, работники получили 16 тяжёлых и 551 лёгкую травму. 27 июня 1937 г. на шахте № 20 произошёл взрыв метана, в результате чего было разрушено 200 м штрека и погибло 3 стахановца. После этого забойщики, проходчики и крепильщики категорически отказывались вести работы скоростными методами и без должного обеспечения. С июля по сентябрь 1937 г. число работников этой шахты, работающих по-стахановски и участвующих в социалистическом соревновании, сократилось с 20 до 10,8% [10, с. 114].

В 1937 г. в число новаторов для отражения в статистических отчётах записывали значительное число тех, кто не выполнял даже установленных норм. По сути, началось свёртывание стахановского движения, ускорившееся с началом кампании по поиску вредителей и саботажников на приморских шахтах. Поломки механизмов и прибывшей из центральных регионов техники, случавшиеся и раньше, теперь служили обычным поводом для обвинений в адрес шахтёров, инженерно-технических работников и руководства шахт.

С 1937 г. участники стахановского движения ставили лишь отдельные рекорды, оно уже слабо влияло на общую производительность труда. В 1938 г. из всего числа приморских стахановцев только пятеро

регулярно выполняли нормы на 150—200%, остальных же искусственно причисляли к ним для статистики и отражения в отчётах. При этом само руководство шахт не придавало значения правильной организации движения, стахановцы были предоставлены сами себе: так, например, в бригадах не был разделён труд, отсутствовали точные графики организации работы и т.д. [ГАПК. Ф. Р-498. Оп. 2. Д. 170. Л. 34 об., 52 об.].

Таким образом, стахановское движение, основанное на внедрении более эффективных методов работы и системы чёткой организации труда, усилиями партийно-хозяйственного руководства на первоначальном этапе действительно способствовало повышению производительности. Однако в целом его продуктивность на угольных предприятиях Приморья не оправдывала ожиданий дальневосточных и центральных органов власти. На шахты неоднократно направлялись различные комиссии для выяснения причин слабого использования техники и установления препятствий внедрению стахановских методов, срывов плановых заданий. С 1937 г. его положительный эффект значительно снизился, в связи с повышенным травматизмом и рядом произошедших несчастных случаев число новаторов резко упало. Отрицательно на развитии движения сказалось также игнорирование его проблем инженерно-техническими кадрами и руководством шахт.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Большух А.В. Коммунисты — инициаторы и организаторы движения новаторов в угольной промышленности Дальнего Востока (сентябрь — декабрь 1935 г.) // Учёные записки (серия историческая). 1967. Т. 9. С. 64—79.
2. Большух А.В. Развитие стахановского движения в промышленности Дальневосточного края в 1936—1937 гг. // Учёные записки (серия историческая). 1971. Т. 55. С. 65—71.
3. Большух А.В. Стахановское движение в промышленности Дальневосточного края (сентябрь — декабрь 1935 г.) // Учёные записки (серия историческая). 1968. Т. 13. С. 28—34.
4. Деревянко А.П. Соревнование в угольной промышленности Приморья и его роль в повышении производительности труда (30-е — середина 80-х годов) // Угольная промышленность Приморья (история, состояние и перспективы развития). Владивосток: б. и., 1994. С. 196—248.
5. Ермакова Э.В. Репрессии в угольной промышленности Приморья в 30-е годы // Материалы науч. практ. конф., посвящ. 125-летию промышленной разработки угля в Приморском крае (Владивосток, 27—28 августа 1993 г.). Владивосток: б. и., 1993. С. 80—90.
6. Коростелёв М.А. Социалистическое соревнование рабочих угольных, металлургических и горнорудных предприятий Дальнего Востока

- (1940—1945 гг.) // Материалы XIV науч. конф. ДВГУ (серия общественных наук). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1970. С. 85—89.
7. Красное Знамя. 1936. 10 янв.
  8. Красный Сучанец. 1936. 9 авг.
  9. Крушанов А.И. Начало стахановского движения в промышленности Дальнего Востока СССР (1935—1937 годы) // Социалистическое соревнование рабочего класса Дальнего Востока СССР (1935—1985 годы). К 50-летию стахановского движения. Владивосток: ДВНЦ, 1986. С. 18—35.
  10. Маклюков А.В., Павленко О.К. Техническое переоснащение предприятий угольной промышленности Приморья в годы индустриализации // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3. С. 106—118.
  11. Унпелев Г.А. Завершение социалистической реконструкции промышленности Дальнего Востока (1933—1937). О деятельности Коммунистической партии по социалистической индустриализации Дальневосточного края. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1975. 254 с.
  12. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).

УДК 947(571.6)

С.В. ТУЖИЛИН*

УГРОЗЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР К НАЧАЛУ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На основе опубликованных материалов и архивных документов анализируются основные угрозы безопасности СССР на Дальнем Востоке в 30-х гг. XX в. Выявлено, что создание военно-политической «оси» Берлин — Рим — Токио и укрепление военно-политического положения Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, инициирование вооружённых конфликтов у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, активизация разведывательно-подрывной деятельности японских спецслужб, а также наличие в регионе значительного числа иммигрантов составляли угрозу национальной безопасности на Дальнем Востоке СССР.

Ключевые слова: Япония, Маньчжурия, Квантунская группировка войск, Дальний Восток СССР, внешние и внутренние угрозы, советские органы госбезопасности.

---

* ТУЖИЛИН Святослав Вячеславович — канд. ист. наук, Московское отделение Российского военно-исторического общества, г. Москва. E-mail: svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru.

S.V. TUZHILIN

**THREATS OF STATE SECURITY IN THE FAR EAST USSR
BY THE BEGINNING OF WORLD WAR II**

On the basis of published materials and archival documents, the main threats to the security of the USSR in the Far East in the 30s are analyzed. It was revealed that the creation of the military-political “axis” Berlin-Rome-Tokyo and the strengthened military-political position of Japan in the Asia-Pacific region, the initiation of armed conflicts at the lake. Hasan and R. Khalkhin-Gol; intensification of intelligence and subversive activities of the Japanese special services; the presence in the region of a significant number of immigrants constituted a threat to national security in the Far East of the USSR.

Keywords: Japan, Manchuria, the Kwantung group of forces, the Far East of the USSR, external and internal threats, Soviet state security agencies.

Вторая мировая война началась в Европе с нападения 1 сентября 1939 г. гитлеровской Германии на Польшу. Однако задолго до этого первый шаг к достижению господства в Восточной Азии сделала Япония. 17 ноября 1905 г. японское правительство принудило корейские власти подписать договор об установлении протектората над Кореей, 22 августа 1910 г. корейский император отрёкся от престола, Корея была включена в состав Японской империи. В сентябре 1931 г. Япония захватила Северо-Восток Китая, создав 1 марта 1932 г. марионеточное государство Маньчжоу-го (с 1934 г. — Маньчжоу-ди-го). Силовым гарантом его существования являлась японская Квантунская группировка войск, дислоцированная в Маньчжурии. Её командующий одновременно являлся японским послом в Маньчжоу-го и имел право накладывать вето на решения императора. Захватив Северо-Восточный Китай, японская группировка войск подошла к советской границе и стала разворачивать подрывную работу [22, с. 160], тем самым готовя плацдарм для захвата богатейших ресурсов Дальнего Востока, Забайкалья, а также Монголии [15, с. 11—17].

Японскими спецслужбами проводились диверсионно-террористические акты на советской территории, в том числе при содействии белоэмигрантских организаций. По данным бывшего сотрудника Генерального консульства СССР в г. Харбине Г.Г. Пермякова, в июле 1935 г. в Маньчжурии проживало 74 тыс. чел. из числа белой эмиграции [11, с. 249]. К середине 1945 г. диаспора, по данным НКГБ СССР,

насчитывала 75 тыс. чел., в подавляющем большинстве состояла из русских, по разным причинам прибывших на чужбину после 1917—1922 гг. [А УФСБ ОО. Ф. 65. Д. 1709. Т. 1. Л. 1].

Вооружённые формирования из русских эмигрантов, подготовленные на средства японских спецслужб, предпринимали попытки проникнуть на территорию Советского Союза, участвовали в провокационных акциях, направленных на отторжение части советских островов в долинах р. Амур и Уссури [1, с. 78]. При этом надо отметить, что русские подразделения в полном составе в боевых действиях у оз. Хасан и р. Халхин-Гол не участвовали, но отдельные военнослужащие (радисты, переводчики, пропагандисты) направлялись на передовую. В период боёв японская военная разведка засылала в распоряжение Красной армии агентов и диверсантов, вербуя их из числа проживавших в Маньчжурии русских эмигрантов и военнопленных [10, с. 134—135].

Для противника представляли определённый интерес и различного рода перебежчики, «невозвращенцы», двойные агенты, дезертиры из Красной армии и пограничных войск. Так, начальник Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю комиссар ГБ 3 ранга Г.С. Люшков в ночь с 12 на 13 июня 1938 г. перешёл границу и сдался японским оккупационным властям Маньчжурии. Побег руководящего сотрудника госбезопасности, равно как и иных военнослужащих РККА, ТОФ и НКВД, безусловно, нанёс ущерб обороноспособности советского Дальнего Востока, пагубно отразился на престиже СССР. В отношении разведчиков и агентов советских спецслужб в документах японской разведки отмечалось: «...Если будет точно установлено, что данный агент подослан неприятельской контрразведкой, не следует изобличать его открыто... Необходимо приложить все усилия к его проверке для обратной дезинформации. Если это невозможно, то связь с таким агентом надо прекращать постепенно, не отталкивая его от себя...» [20, с. 158—159].

На обстановку в регионе оказывал влияние ряд факторов военно-политического и социально-экономического характера. Прежде всего, сказывались такие специфические черты: пограничное положение, отдалённость от промышленных и культурных центров СССР, слаборазвитая транспортная сеть, дефицит трудовых ресурсов и, как следствие, недостаточная хозяйственная освоенность территории. За 1937—1938 гг. на Дальний Восток не менее четырёх раз прибывали комиссии НКВД СССР для ликвидации всевозможных антисоветских «заговоров», «блоков» и «центров». При этом выявлялись «шпионы, диверсанты, вредители» не только в административно-хозяйственной верхушке региона, но и среди сотрудников местных спецслужб [21, с. 64, 68, 95]. В СССР

были проведены операции по «инонациональностям», в частности немецкая (приказ НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 г.), польская (приказ НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г.), корейская и японо-харбинская (приказ НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г.) [7, с. 6].

Масштаб и темп депортации предопределялись геополитическим положением советского Дальнего Востока и его ролью в защите интересов Советского Союза в Северо-Восточной Азии. Дальневосточный регион являлся одним из наиболее крупных зарубежных центров национально-освободительной борьбы корейского народа, организации вооружённого сопротивления. По мнению руководства СССР, наличие на Дальнем Востоке одного только «антияпонского освободительного движения корейского народа» могло послужить поводом для введения Японией войск на территорию нашей страны (с целью ликвидации такой потенциальной опасности [19, с. 57—58]. Советское правительство полагало, что часть корейского, китайского, немецкого, японского и прочего населения из числа иммигрантов и национальных (этнических) групп составляет потенциальный или уже существующий костяк «пятой колонны», осевшей в регионе и использовавшейся иностранными спецслужбами [2, с. 41, 45]. Органы НКВД установили, что основной базой японской военной разведки для работы на территории советского Дальнего Востока в первую очередь являлись обширные родственные и прочие связи эмигрантов. Кроме того, значительный резерв представляло китайское и корейское население [АМ УФСБ ХК. Д. 1286. Л. 51].

В 1945 г. бывший начальник Информационно-разведывательного управления (ИРУ) КГВ генерал-майор Ш. Акикуса свидетельствовал, что «...основной базой разведывательной работы против Советского Союза, проводившейся Харбинской ЯВМ, являлась русская эмиграция и, в частности, ненавидящие Советский Союз члены Российского фашистского Союза, Союза казаков на Дальнем Востоке. Эти организации постоянно поставляли Харбинской ЯВМ кадры агентуры...» [8, с. 49]. Показания японского военного разведчика подтверждаются исследованиями ряда дальневосточных историков [5, с. 43].

Японские спецслужбы проявляли повышенный интерес к организации охраны акватории советской границы. По сообщению начальника Управления Краснознамённых пограничных и внутренних войск НКВД по Дальневосточному округу комбрига Ф.Г. Соколова, 7 августа 1938 г. у восточного побережья Камчатки (район м. Инканюш) в 8 милях от берега впервые был зафиксирован «...случай непосредственной связи японского эсминца с подводной лодкой в этих широтах» [ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 551. Л. 248]. И без того частые, носившие

разведывательный и провокационный характер вторжения в советские воды японских военных кораблей, фактически покрывавших японских рыбаков-браконьеров, в дальнейшем приобрели более массовый характер. Так, в 1940 г. начальник Чукотского районного отделения НКВД младший лейтенант госбезопасности Д.Е. Колбин сообщал, что «...в течение 14, 15 и 16 августа японские корабли, шхуны курсируют у бухт Провидения, Чаплино, Лаврентия и Сердце-Камень...» [23].

Японская сторона систематически осуществляла незаконной вылов ценных пород рыбы и добычу морских биоресурсов в советских территориальных водах. В 1936 г. пограничниками было задержано 21 рыболовное судно и 152 чел. команды, в 1937 г. — 77 судно и 581 чел. За навигацию 1938 г. дальневосточные морские пограничные отряды произвели 17 задержаний нарушителей на море. Незаконный лов рыбы осуществлялся японскими и корейскими судами численностью до 1,5 тыс. и охранялся десятком разведывательно-дозорных шхун и двумя дивизионами эсминцев [12, с. 575, 692].

Военно-политическое руководство Японии действовало дерзко и провокационно: под прикрытием договоров об экономическом сотрудничестве производилась разведка морской и прибрежной территории Советского Союза. Наряду с прежними формами нарушений (браконьерство, провокации вооружённых столкновений между кораблями) применялись и новые — в частности демонстрация военной силы. Это проявилось, например, в следующих эпизодах. Во время хасанских событий 14 миноносцев, крейсер и 15 военных катеров находились в устье р. Тюмень-Ула. На скале Камень Опасности в проливе Лаперуза был выключен маяк, что обусловило гибель парохода «Сучан». Япония захватила советские суда «Кузнецкстрой», «Рефрижератор № 1», «Отважный», арестовала команды советских рыбаков [ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 480. Л. 117—137].

Японские рыболовецкие суда всё чаще выходили на промысел под защитой военных кораблей. Так, в 1939 г. только в водах Камчатки зафиксировано 402 случая незаконного промысла японскими рыбаками и 69 фактов захода военных кораблей и гражданских судов в советские территориальные воды. Берега полуострова патрулировали 2—3 крейсера, 6—7 эсминцев и несколько подводных лодок. Акватория Сахалина находилась под защитой 2—3 крейсеров и 4—5 эсминцев [9, с. 351]. Заместитель наркома внутренних дел по пограничным и внутренним войскам генерал-лейтенант И.И. Масленников сообщал, что «...с 8 августа 1940 г. в Северном Ледовитом океане, в районе мыса Сердце-Камень отмечается пребывание двух-трёх японских судов, 23 августа в этом же районе в 2—3 милях от берега обнаружена

японская китобойная матка [шхуна — прим. С.Т.] и три китобойца... При появлении советского самолёта Н-235 японские суда разошлись в разные стороны, и ушли вглубь моря» [13, с. 718].

Несмотря на то, что сил и средств у советских пограничных войск было недостаточно [4, с. 94], разграбление морских биоресурсов жёстко пресекалось. Так, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) от 2 августа 1938 г. было принято решение предать суду капитанов четырёх задержанных рыболовных шхун: «Кампина-Мару», «Томой-Мару», «Кисаки-Мару» и «Тайсей-Мару» за лов рыбы в территориальных водах СССР без разрешения [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 23. Л. 133; 18, с. 64—65].

В 1937—1940 гг. количество разведывательно-подрывных действий со стороны Японии увеличилось более чем в 8 раз по сравнению с предыдущими годами и составило 2420 эпизода [16, с. 24—25]. Экипажи иностранных, в особенности японских, воздушных судов вели фотосъёмку, выявляли позиции военных кораблей на подступах к морским базам. Морские суда под видом рыболовецких шхун подходили к советскому побережью, производили гидрологические исследования глубин территориальных вод СССР, определяя возможности действий японских военно-морских и военно-воздушных сил [2, с. 76].

С началом широкомасштабной японо-китайской войны, которую в Токио официально называли «китайским инцидентом», СССР оказывал военную и экономическую помощь президенту Китайской Республики Чан Кайши. 21 августа 1937 г. между Советским Союзом и Китаем в г. Нанкине был заключён договор о ненападении, имевший большое значение в борьбе китайского народа с захватчиками. В период 1937—1942 гг. СССР предоставил Китаю 1285 самолётов, а также специалистов для их обслуживания. Советские пилоты сбили 486 японских воздушных судов. В 1938—1939 гг. Москва предоставила Китаю кредиты на общую сумму в 250 млн долл. Этот договор был своеобразным ответом на отказ Японии заключить пакт о ненападении с СССР: предложения по этому поводу не единожды поступали с советской стороны в 20—30-е гг. XX в. [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 203. Л. 63; 3, с. 132—133].

С 1936 г. стала устанавливаться совместная деятельность спецслужб Японии и Германии. Тесное сотрудничество, выразившееся, в частности, в организации стабильного обмена разведывательной информацией об СССР, началось с осени 1940 г., т.е. с момента заключения Тройственного военно-экономического союза. В Маньчжурии сотрудничество было налажено через 2-й (разведывательный) отдел штаба КГВ и аппарат военного атташе германского посольства в Маньчжоу-ди-го. Примечательный факт: в 1943 г. за хорошо поставленную работу

по обмену шпионской информацией А. Гитлер наградил начальника ИРУ генерал-лейтенанта Г. Янагита орденом Германского орла со звездой 2-й степени [ЦА ФСБ России. Д. 20058. Т. 22. Л. 123—124].

Советские органы госбезопасности, располагая сведениями о разведывательной и иной подрывной деятельности Японии на Дальнем Востоке, провели ряд агентурно-следственных разработок под названиями «Автомобилисты», «Трактористы», «Канал», «Молодые», а также оперативных игр в рамках операций «Организаторы», «Маки-Мираж», «Провокаторы», которые позволили выявить и детализировать разведывательные устремления японских спецслужб, нейтрализовать их подрывную деятельность дезинформационными материалами. Параллельно структуры НКВД СССР осуществляли контрразведывательную защиту оборонных строек и вводимых в эксплуатацию на территории Дальневосточного региона значимых промышленных объектов.

Расширению сферы влияния Японии в Северо-Восточной Азии способствовало создание мощной материально-технической базы в Маньчжурии и Северной Корее. Советские органы госбезопасности отслеживали появление там новых военных сооружений, заводов, создание складов продовольствия, амуниции, боеприпасов, строительство стратегических железных и шоссейных дорог, новых аэродромов, промышленных и оборонных предприятий. К 1941 г. в Маньчжурии были построены железные дороги общей протяжённостью в 10 735 км и 18 тыс. км автомобильных дорог стратегического назначения. Если в 1931 г. в Маньчжурии насчитывалось 5 аэродромов, то к лету 1941 г. — 74, а общее количество всех аэродромных пунктов, включая и посадочные площадки, достигло 287. В Корее количество аэродромных пунктов за это же время было увеличено с 8 до 53 [17, с. 414; 24, с. 176].

Форсированное строительство японских укрепленных районов позволило к 1941 г. довести их численность на подступах к советской границе до 13 с общей протяжённостью в 700 км, не считая военных сооружений на северо-восточном побережье Кореи, расположение и характер которых показывал, что они построены с целью проведения наступательных операций [6, с. 9—11]. Документы, добытые разведывательным отделом Особой Краснознамённой Дальневосточной армии, свидетельствуют, что ускоренные темпы железнодорожного, аэродромного строительства коммуникаций и возведение укрепрайонов упрочили стратегические позиции Японии в Маньчжурии, создали плацдарм для вооружённого вторжения в СССР [ГАХК. Ф. 526. Оп. 1. Д. 299. Л. 36, 55—56, 93, 162, 191—192, 384, 387].

Решением Международного военного трибунала для Дальнего Востока в г. Токио (3 мая 1946 г. — 12 ноября 1948 г.) события у оз. Хасан

и р. Халхин-Гол были определены как «агрессивная война». В обвинительном акте трибунала однозначно заявлено, что именно японские военные развязали и вели у оз. Хасан и у р. Халхин-Гол «...агрессивную войну, войну, нарушающую международное право, договоры, соглашения и обязательства», в первом случае против СССР, а во втором — против МНР и её союзника — СССР [14, с. 95, 96, 157].

Таким образом, к началу Второй мировой войны на Дальнем Востоке СССР определились реальные угрозы национальной безопасности по основным сферам проявления: военная, экономическая, социальная. К таковым следует отнести: создание военно-политической «оси» Берлин — Рим — Токио и укрепление военно-политического положения Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, инициирование вооружённых конфликтов у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, активизация разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб, наличие в регионе значительного числа иммигрантов, рассматривавшихся как потенциальный катализатор агрессии Японии против советского Дальнего Востока, ослабление потенциала дальневосточных органов госбезопасности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Буюков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзынь, Харбин, Хунчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921—1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток: Русский остров, 2005. 216 с.
2. Буюков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922—1941 годах. М.: Кучково поле, 2013. 430 с.
3. Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. IV. (1935 — июнь 1941 г.). М.: Типография газеты «Правда», 1946. 647 с.
4. Галактионов Е.Н. Государственная политика по укреплению дальневосточной морской границы СССР в 30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2015. 198 с.
5. Егоров Н.А. Дальневосточные чекисты в борьбе с подрывной деятельностью белоэмиграции и иностранных спецслужб // Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах. Хабаровск: Частная коллекция, 2011. С. 24—45.
6. Зайцев Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932—1945 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 5—14.
7. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937—1938 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2004. 736 с.

8. На защите Отечества. Из истории Управления ФСБ РФ. Воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабаровского края в очерках, документах, рассказах и фотографиях. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 208 с.
9. Нэх В.Ф. Исторический опыт выработки и реализации пограничной политики Советского государства (1917—1941 гг.). М.: Книга и бизнес, 2009. 431 с.
10. Остряков С.З. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979. 320 с.
11. Пермяков Г. Отряд 731: Документальная повесть // Рубеж. 2004. № 5. С. 246—297.
12. Пограничные войска СССР. 1929—1938 гг.: Сб. док. и материалов / Сост. П.А. Иванчишин, А.И. Чугунов. М.: Наука, 1972. 775 с.
13. Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941 г.: Сб. док. и материалов / Сост. Е.В. Цыбульский, А.И. Чугунов, А.И. Юхт. М.: Наука, 1970. 811 с.
14. Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов / предисл. А.Н. Николаева. М.: Юридическая литература, 1985. 360 с.
15. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л.: АН СССР Ин-т права, 1950. 264 с.
16. Русский архив: Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. В 2 т. Т. 18 (7—1). М.: ТЕРРА, 1997. 432 с.
17. Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 592 с.
18. Тихонов Д.Н. Морские части пограничных войск НКВД СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 197 с.
19. Торопов А.А. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока по истории корейской диаспоры в России (вторая половина XIX в. — 1930-е гг.) // Отечественные архивы. 2016. № 3. С. 56—63.
20. Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / Сост. А.В. Полотов; под ред. Н.Н. Соцкова. Владивосток: Русский остров, 2002. 584 с.
21. Чумаков Н.С. «Маки-Мираж»: Триумф и трагедия Хабаровской разведки // Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах. Хабаровск: Частная коллекция, 2011. С. 55—101.
22. Чумаков Н.С. Цена истины. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 320 с.
23. Чусовской В. «Это наша с тобой биография...» // Пограничник Северо-Востока. 2009. 2 декабря. С. 6—7.
24. Ямпольский В.П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918—1945) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. В 4 т. Т. 2. М.: Кучково поле, 2006. С. 174—193.
25. А УФСБ ОО (Арх. Управления ФСБ России по Омской области).
26. АМ УФСБ ХК (Архивные материалы Управления ФСБ России по Хабаровскому краю).
27. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
28. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
29. ЦА ФСБ России (Центр. арх. ФСБ России).

УДК 947(571.6)

*Г.А. ТКАЧЁВА****ИСТОРИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР 1941—1945 гг.**

В статье с учётом новых документальных источников рассмотрен исторический концепт формирования идеологической составляющей советского общества с точки зрения влияния на массовое сознание дальневосточников. Выявлена реализация исторической составляющей на уровне межличностного (межгруппового) общения с учётом социально-демографического, образовательного, квалификационного уровня слушателей по месту жительства и трудовой деятельности. Институциональная система образования и массовой информации разъясняла освободительный, справедливый характер войны советского народа против фашистской Германии, необходимость сплочения народов СССР в условиях наивысшей опасности, используя исторические параллели исторических параллелей героической борьбы народов России против завоевателей, боевых и революционных традиций советского народа. В коммуникативном пространстве Дальневосточного региона мобилизационная система идейно-патриотического воспитания сформировала мировоззренческие установки, ценности и идеалы, опираясь на примеры экономической мощи СССР и сплочённости народов мира против фашистской агрессии, стойкости и героизма дальневосточников на фронте и в тылу. Идеино-исторический концепт защиты Отечества, свободы и независимости, чести и достоинства советского народа является ключевым фактором Победы в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Дальневосточный регион, коммуникативное пространство, пропаганда, историко-идеологический концепт.

*G.A. TKACHEVA***HISTORICAL AND IDEOLOGICAL CONCEPT
IN COMMUNICATION SPACE OF SOVIET FAR EAST 1941—1945**

In the article, taking into account new documentary sources, the historical concept of the formation of the ideological component of Soviet society is considered from

---

* ТКАЧЁВА Галина Анатольевна — д-р ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток. E-mail: tkacheva.ga@bk.ru.

the point of view of efficiency, influence on the mass consciousness of the Far East. Revealed the implementation of the historical component at the level of interpersonal (intergroup) communication, taking into account the socio-demographic, educational, qualification level of students at the place of residence and work. The institutional system of education and the mass media explained the liberating, just nature of the war of the Soviet people against Nazi Germany, the need to unite the peoples of the USSR in the face of impending danger using the historical parallels of the heroic struggle of the peoples of Russia against the invaders, and the military and revolutionary traditions of the Soviet people. In the communicative space of the Far Eastern region, the mobilization system of ideological and patriotic education, using examples of the economic power of the USSR and the cohesion of the peoples of the world against fascist aggression, the resilience and heroism of the Far Easterners at the front and in the rear, formed worldview attitudes, values and ideals. The ideological and historical concept of defending the Fatherland, freedom and independence, honor and dignity of the Soviet people is a key factor in the Victory in the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, the Far Eastern region, communicative space, propaganda, historical and ideological concept.

В годы Великой Отечественной войны социально-культурные процессы СССР определяла идеологическая составляющая. Военное время потребовало наполнения нравственно-патриотических ценностей как уже апробированными, так и вновь создаваемыми идеалами, и исторический концепт стал их основой. В соответствии с марксистско-ленинскими императивами институциональная система образования и массовой информации разъясняла освободительный, справедливый характер войны советского народа против фашистской Германии, необходимость сплочения народов СССР в условиях нависшей опасности, проводя исторические параллели героической борьбы народов России против завоевателей, боевых и революционных традиций советского народа.

Программные документы, выступления руководителей партии и правительства с использованием символов «Родина-мать», «Священная, всенародная, Отечественная освободительная война» отражали нравственные установки народной психологии. Обращения «...Родина оказалась в величайшей опасности...», «...В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови...», «Наше дело правое — Победа будет за нами!», адресованные всем, независимо от социально-этнической общности

и вероисповедания, формировали социальный дискурс сопричастности к происходящим событиям [1, с. 223; 3, с. 9, 17, 37, 40].

Реализация исторической составляющей осуществлялась на уровне межличностного (межгруппового) общения с учётом социально-демографического, образовательного, квалификационного уровня слушателей по месту жительства и трудовой деятельности. Сигнификация речи первого секретаря Приморского крайкома ВКП (б) Н.М. Пегова на митинге рабочих Дальзавода: «...Советский народ кровью добывал своё счастье и никому и никогда его не отдаст! ...Советский народ разгромит гнездо фашизма. Ибо поднявший меч на нашу страну от меча и погибнет!» — эмоциональный призыв к единению [2].

Средства массовой коммуникации, используя оперативные агитационные приёмы, распространяли в Дальневосточном регионе официальную позицию советско-партийных структур и ценностные ориентиры, увеличив количество политической информации. Так, за 1941 г. политическое радиовещание составило в Приморском крае 23,3% объёма местного вещания, причём только 35,3% времени заняли оригинальные агитационные и пропагандистские материалы, а остальное — обзор сообщений ТАСС и центральных газет; за 1944 г. в местном радиовещании программы политической направленности заняли 30,4% времени (из них подготовлены местными журналистами и внештатными корреспондентами 40,2%), а в первой половине 1945 г. ещё больше — 45,9% [ГАПК. Ф. 84. Оп. 1. Д. 6. Л. 10; Оп. 3. Д. 49. Л. 16; Д. 506. Л. 214 (подсчит. авт.)].

Радиостудии Дальнего Востока, начав с подготовки информационных бюллетеней, а затем радиогазет, практически определились с тематикой и жанрами своих программ, исходя из социально-политической роли радио как пропагандиста и агитатора, с одной стороны, и института просвещения — с другой. Основную часть программ радиостудий составляли передачи и циклы о стойкости и отваге, мужестве и героизме дальневосточников на фронте, трудовых свершениях в тылу, о строительстве социалистического общества на Дальнем Востоке СССР.

Так, с 22 июня по декабрь 1941 г. в радиоэфире Хабаровского края озвучили 153 произведения дальневосточников, включая 67 стихотворений, 9 очерков, 7 рассказов и 7 новелл, 26 песен героико-патриотического содержания. Прошли специальные передачи «Комсомольский билет», рассказывающие о мужестве комсомольцев. Большой интерес у слушателей, особенно у педагогов, вызвал очерк Анатолия Гая «Народная мудрость», материалы которого использовались для плакатов и иллюстраций к беседам [ГАХК.Ф. П-35. Оп. 3. Д. 163. Л. 117, 117 об., 120; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 129. Л. 208].

В политических программах Приморского края 1942 г. были представлены историческая информация о Парижской коммуне, событиях Отечественной войны 1812 г., знаменитых российских полководцах «Наши великие предки» и выдающихся личностях «Великая русская нация»; в 1944 г. проведён цикл передач, посвящённых освобождению Приморья от белогвардейцев и интервентов «Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни», а также «По историческим местам г. Владивостока» [ГАПК. Ф. 84. Оп. 2. Д. 63. Л. 38; Д. 140. Л. 38; Д. 141. Л. 92, 124; Д. 143. Л. 58].

В дальневосточных газетах публиковались письма — патриотическая переписка воинов и дальневосточников, психологически воздействовавшая на аудиторию, вызывая отклик. «...Я уверен, пока с нашей земли не будет изгнан последний немецкий солдат, ты не уйдёшь с поля боя. Нужно будет, призовёт страна, встану и я в ряды Красной Армии, плечо к плечу вместе с тобой ... будем бить гадов...», — писал брату Черников, рабочий одной из оборонных строек в регионе [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 995. Л. 8].

Визуальные исторические образы усиливали восприятие действительности, но на Дальнем Востоке их мобилизующие возможности из-за недостатка профессиональных художников широко не использовались. В конце декабря 1941 г. в регионе был объявлен конкурс на лучший плакат, отражающий борьбу советского народа с фашизмом по темам «Фашизм — злейший враг человечества», «Под знаменем Ленина-Сталина вперёд на разгром врага», «Да здравствует героическая Красная армия, наносящая сокрушительные удары германскому фашизму», «Наши силы неисчислимы, Победа будет за нами», «Всеобщее военное обучение — могучий резерв Красной армии», «Умножайте производственные Победы в тылу, помогайте Красной армии уничтожать захватчиков», «Стахановским трудом в сельском хозяйстве обеспечим Красную армию хлебом, мясом, овощами» [ГАХК. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 10. Л. 340, 339].

На конкурс 39 авторов представили ранее не опубликованные 54 плаката. Жюри Хабаровского союза советских художников (7 чел.) решением от 5 февраля 1942 г. присудили первую премию художнику И.А. Горбунову за плакат «Смерть немецким оккупантам!», вторую — краснофлотцу Г.С. Булгакову («Стахановским трудом в сельском хозяйстве обеспечим Красную армию хлебом, мясом, овощами!»), третью — художникам Н.И. Туркину («Дай лес фронту!»), Н.С. Тихонову и Д.С. Шофману («Ты сдал тёплую одежду Красной Армии?»); четыре плаката рекомендовали для массового распространения в печати [ГАХК. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 13. Л. 23, 24].

Плакаты создавали в Хабаровске художники Н.Н. Баскаков, В.Н. Горбунов, Л.И. Дешко, И.Д. Елкин, В.Е. Кайдалов, М.Г. Козелл, Д.Д. Нагишкин, В.В. Павчинский, В.В. Слепченко, Н.Н. Соколова, Н.И. Туркин, А.В. Шишкин, участвовали поэты П.С. Комаров, В.В. Колобов, Г.С. Феоктистов, С.М. Бытовой, А.А. Савицкий, М.З. Фишельсон; в Комсомольске-на-Амуре — художники В.М. Костин, Г.А. Цивилев, поэты В.Г. Зайцев, Н.К. Шалый. К 1943 г. было подготовлено 257 плакатов, которые выставлялись в Окнах сатиры «Удар по врагу» в Хабаровске регулярно, в Комсомольске-на-Амуре — к памятным дням и, судя по сохранившимся отчётным данным, чаще в начале войны [ГАХК. Оп. 1691. Оп. 1. Д. 11. Л. 9].

Дальневосточное книжное издательство в годы войны выпустило, по неполным сведениям, 71 плакат дальневосточных художников, размножая их фотопечатью и трафаретом, копированием «от руки» и выставляя общественных местах [ГАХК. Оп. 1691. Оп. 1. Д. 41. Л. 7—8]. В частности, только в г. Благовещенске к началу 1943 г. для этого имелось 77 витрин, из них 20 — уличных, 22 — на предприятиях и 35 — в учебных заведениях и учреждениях [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 3. Д. 177. Л. 182]. В населённых пунктах региона создавались уличные панно, в культурно-просветительных учреждениях — выставки, альбомы, повсеместно выпускались стенные газеты с использованием художественных приёмов социально-психологического восприятия защиты Отечества.

Лекционная пропаганда с массовым привлечением дальневосточников (в среднем на лекции присутствовало 61 чел., беседе — 13 и читке — 7 чел.) была действенным, хотя и без регулярной периодичности, политическим мероприятием. Тематически преобладали лекции о Великой Отечественной войне и международном положении, о текущих событиях, а историческая и историко-партийная тематика составляла не более 6%.

Патриотическое воспитание являлось краеугольным камнем всей унифицированной государственной образовательной системы, состоящей из одинаковых звеньев и действующей на основе единых правил. В конце 1930-х гг. Институт истории Академии наук, Государственный научно-исследовательский институт школ, педагогические институты РСФСР и некоторых союзных республик, кафедры МГУ, крупные учёные, авторитетные учителя-практики и методисты скорректировали учебные планы. Используя принцип системности, из программы общеобразовательной школы исключили темы второстепенного значения и излишнее повторение материала на разных ступенях обучения, согласовав объёмы изучения материала между предметами, в частности географией, историей, Конституцией СССР. В апреле-мае 1941 г.

учебные планы были одобрены Всесоюзной конференцией по педагогическим наукам, методическим советом и подготовлены к внедрению в образовательный процесс [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 2. Л. 148—150].

Война изменила образовательное пространство советской школы. Оно должно было наполниться базовыми национальными ценностями духовно-нравственного развития, воспитания и социализации личности. В открытом письме учителям Хабаровского края от 2 июля 1941 г. содержался призыв «...воспитать в подрастающем поколении чувство великого гнева и ненависти к врагам нашей Родины, нашего народа, к кровавым фашистам, угнетателям человечества, поработителям свободных народов... Воспитать детей достойными патриотами социалистической Родины, способных на подвиг во славу своего Отечества, чести и свободы» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 2. Д. 506. Л. 34].

Структурными составляющими патриотизма стали ценностный, поведенческий и когнитивный компоненты — знание истории Отечества и героического прошлого России. Между тем в преподавании истории СССР в общеобразовательных школах Наркомпроса имелось много недостатков, на которые обратил внимание первый секретарь Хабаровского крайкома партии Г.А. Борков в письме за № 1486/с от 18 июля 1944 г. на имя И.В. Сталина и Г.М. Маленкова. Проанализировав итоги письменных выпускных испытаний учащихся 7-го класса Хабаровского края в 1943/44 учебном году, преподаватели истории и русского языка обратили внимание, что 50% учеников плохо справились с заданием. Изложения на тему Куликовской битвы по двум отрывкам из хрестоматии «Родная литература» для 6-го класса не должны были вызвать особых затруднений, за исключением передачи смысловой нагрузки церковно-славянских выражений текста, однако содержали информацию, не соответствующую историческим фактам. Стало ясно: выпускники не знают истории своей Родины [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1685. Л. 13—15].

Формирование исторических знаний в общеобразовательных школах осуществлялось поэтапно. Курс истории СССР учащиеся проходили в начальной школе (в 3 кл. в объёме 48 ч. и 4 кл. — 81 ч.); в неполной средней школе изучали историю древнего мира (5 кл. — 66 ч.) и средних веков (6—7 кл. — 146 ч.). В средней школе вновь изучалась история СССР: в 8 кл. в объёме 130 ч., в 9 кл. — 130 ч. и 10 кл. — 130 ч. совместно с курсом новейшей истории [ГАРФ. Ф. 2660. Оп. 70. Д. 3006. Л. 16, 24].

В письме особо подчёркивалось, что такое распределение курса не позволяло сформировать представления об особенностях социально-политического развития России. Преподавание истории в начальных классах затруднено, в учебниках отсутствуют яркие образы,

и 10—12 летние дети не могут осмыслить исторические процессы. Изложение мифологии и философских идей древнего мира даже в упрощённом виде труднее осмыслить чем «...различные истории из Ветхого завета, которые изучались примерно в том же возрасте на уроках в старой школе». В учебнике по истории средних веков практически не упоминалось о роли Российского государства в мировом историческом процессе. Всего 10 строк уделено борьбе русского народа против татаро-монгольского ига, упомянута битва на Чудском озере с тевтонскими рыцарями 1242 г. и взятие русскими войсками Берлина в 1760 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 254. Л. 130].

Учебный план преподавания Конституции СССР в 7-м кл. предполагал использование материалов по событиям международного и внутреннего характера, однако в школах региона не имелось никакой систематизированной литературы. Преподаватели и учащиеся пользовались только текстом Конституции, материалами из книги И.В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», а также из журналов и брошюр по отдельным вопросам. Поэтому, как показала проверка, изучение Конституции превратилось в механическое заучивание отдельных статей [ГАХК. Ф. 704. Оп. 1. Д. 145. Л. 59].

Эффективность исторического образования определяется сочетанием различных факторов, ориентированных на определённую парадигму образования. Учителя-дальневосточники отмечали, что несовершенство учебных планов и пособий, преемственности в образовательном процессе и изложении материала в учебниках, низкая квалификация преподавателей — основная причина отсутствия прочных знаний о героическом прошлом страны. С учётом того, что многие после окончания неполной средней школы (7 классов) начинают трудовую деятельность, педагоги делали вывод, что «...незнание родной истории вряд ли может быть хорошей путёвкой в жизнь» [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1685. Л. 17—20].

Вопрос о состоянии исторического образования рассматривался на Всероссийском совещании по народному образованию в 1944 г., было принято решение о перестройке программ изучения истории в школах. По новому учебному плану преподавание истории СССР начиналось с четвёртого класса, а не с третьего, как было раньше, продолжалось в 5—7 кл., а Конституцию СССР должны были изучать в выпускном классе средней школы (10 кл.). В 1944/1945 учебном году преподаватели истории должны были повторить материал, изучавшийся в 5—9 кл., провести испытания, которые не проводились в течение ряда лет. Билеты составлялись по аналогии. Например, для 10 кл. значились три вопроса: «Борьба Руси с немецкими и шведскими захватчиками», «Первая

мировая война, ход войны на восточном/русском фронте», «Начало Второй мировой войны и политика мира СССР» [ГАРФ. Ф. 2660. Оп. 70. Д. 3143. Л. 36].

В годы Великой Отечественной войны мобилирующий фактор исторических знаний проявился со всей очевидностью в рамках противопоставления фашистской идеологии. На основании приказа НКВД от 25 февраля 1942 г. за № 057 (уточнения к нему за № 0154) ответственные работники всех учреждений и организаций страны, частей и соединений Красной армии были обязаны фиксировать факты разрушений, зверств, грабежей и насилия германских властей на оккупированных советских территориях. Учитывая большое научное и политическое значение тематики, при Академии наук СССР, Институте истории СССР и ведомственных отраслевых структурах создавались военно-исторические комиссии или сектора, а в Генеральном штабе, Главном политическом управлении, штабах всех видов вооружённых сил и родов войск — специальные органы по сбору и сохранению документальных свидетельств. В соответствии с положением о Государственном архивном фонде СССР, утверждённом СНК СССР 29 марта 1941 г. за № 723, законодательные и делопроизводственные, статистические и судебно-следственные материалы, дневники и письма, фото- и кинодокументы аккумулировались в общегосударственных и ведомственных архивах, музейных и частных коллекциях для последующего использования [ГАХК. Ф. 137. Оп. 8. Д. 34. Л. 87, 88, 89, 143].

В 1943 г. Всесоюзная конференция историков-архивистов СССР (практически это был первый Всесоюзный съезд архивных работников) приняла решение об издании документальных материалов, однако единых научных требований для такого рода публикаций не было выработано. На это обратил внимание Народный комиссар внутренних дел в докладной записке от 17 июля 1944 г., и в январе 1945 г. Главное архивное управление, Институт истории АН СССР утвердили основные правила публикации документов государственного архивного фонда. Для осуществления руководства, планирования и объединения всей работы по изданию документального материала Государственного архивного фонда СССР, Секретариат ЦК ВКП (б) создал государственную археографическую комиссию в составе председателя академик А.Я. Вышинского, директора Института истории Академии Наук СССР Б.Д. Грекова [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 254. Л. 73, 75].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в коммуникативном пространстве советского общества усилился историко-идеологический компонент пропагандистского дискурса, который варьировался в соответствии с территориально-пространственной

составляющей СССР. В коммуникативном пространстве Дальневосточного региона мобилизационная система идейно-патриотического воспитания, используя примеры экономической мощи СССР и сплочённости народов мира против фашистской агрессии, стойкости и героизма дальневосточников на фронте и в тылу, сформировала необходимые мировоззренческие установки, ценности и идеалы. Идейно-исторический концепт защиты Отечества, свободы и независимости, чести и достоинства советского народа является ключевым фактором Победы в Великой Отечественной войне.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК в 16 т. Изд. 9-е доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. 574 с.
2. Красное знамя. Владивосток. 1941. 26 июня.
3. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. литературы, 1947. 207 с.
4. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
5. ГАРФ (Гос. арх. РФ).
6. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
7. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).

III. ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

УДК 947.088:338.43.01(571.6) “199”

А.С. ВАЩУК*

РОССИЙСКАЯ ЗЕМЕЛЬНО-АГРАРНАЯ РЕФОРМА В 1990-е гг. И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Даётся авторская трактовка содержания земельно-аграрной реформы в России в 1990-е гг., анализируется ситуация её радикализации. Процесс реализации земельно-аграрной реформы в дальневосточном регионе был соответствующим ответом на политику Центра по ускорению темпов разрушения колхозно-совхозного сектора и введения частной собственности, проводимой российским руководством. Начальный этап реформы сопровождался трудностями становления первых фермерских хозяйств, о чём свидетельствует снижение их числа, а также острым кризисом сельского хозяйства в регионе.

Ключевые слова: Россия, земельно-аграрная реформа, 1990-е гг., Дальний Восток, фермеризация, частная собственность на землю.

A.S. VASHCHUK

RUSSIAN LAND AND AGRARIAN REFORM IN THE 1990s AND THE INITIAL STAGE OF ITS IMPLEMENTATION IN THE FAR EAST

The paper gives the author's interpretation of the content of the land and agrarian reform in Russia in the 1990s, analyzes the situation of its radicalization. The process of implementing the land and agrarian reform in the Far Eastern region was an appropriate response to the Center's policy of accelerating the pace of destruction of the collective and state farm sector and the introduction of private property,

---

* ВАЩУК Ангелина Сергеевна — д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: va_lina@mail.ru.

carried out by the Russian leadership. The initial stage of the reform was accompanied by difficulties in establishing the first farms, as evidenced by the decline in their number, as well as an acute crisis of agriculture in the region.

Keywords: Russia, land and agrarian reform, the 1990s, the Far East, farming, private land ownership

В начале XXI в. на повестку дня исторической науки выходит аграрная проблематика, связанная с реформой собственности, внедрением рыночных отношений в сельскохозяйственном секторе. Под аграрной реформой понимается обсуждение в обществе её цели, переустройство земельных отношений, а также изменения в реализации политического курса, направленного на преобразование форм собственности на землю и внедрение новых организационных форм сельскохозяйственного производства. В литературе употребляется термин «земельная реформа» и «аграрная реформа», но объёмы этих понятий не тождественны. Так, процесс раздела движимого имущества колхозов и совхозов на имущественные паи их работников является частью аграрной реформы, но к земельной реформе не относится. В то же время приватизация земли под промышленными предприятиями является частью земельной реформы, но к аграрной реформе отношения не имеет. Но в основном содержательный объём двух понятий совпадает. Если рассматривать реорганизацию колхозов совхозов на принципах паевого раздела их земель с учётом Земельного кодекса РСФСР [4], то термин «земельно-аграрная реформа» вполне корректен в исторической работе. Цель статьи — установить характер реформирования аграрно-земельных отношений в России и ход реформы в дальневосточном регионе в 1990—1994 гг.

Переустройство земельных отношений началось с обсуждения темы в научных кругах и среди политиков ещё во времена СССР. Легитимность обсуждению проблемы придавал мартовский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС [9]. В конце перестройки целью этих преобразований было объявлено повышение эффективности сельскохозяйственного производства. В условиях зарождавшегося противостояния между политическими группировками, их лидерами, дискуссия о развитии сельского хозяйства в России приобретала острый характер [8]. Выход на общественно-политическую арену реформаторов, а также рост авторитета публицистов и активистов, поддерживавших реформу, придавал дискуссии не только политический, но и общественный резонанс [14, с. 96—102]. Особенно широко о своих позициях заявляли

представители либеральных взглядов. Проводниками их идей в массовое сознание россиян стали журналисты, тиражировавшие такие постулаты, как «сельское хозяйство — чёрная дыра», «фермеры накормят страну» [1, с. 327]. Всё это приводило общество к расколу. Сегодня многие авторы цитируют «архитектора» перестройки А.Н. Яковлева, который использовал термин «колхозно-совхозный агроГУЛАГ» и говорил, что «деколлективизацию необходимо вести законно, но жёстко» [цит. по: 7]. В медийном пространстве позиция «консерваторов» была менее заметной. Они особо подчёркивали, что цель аграрной реформы — совершенствование колхозно-совхозного строя и постепенное развитие различных форм собственности*. О проблемах аграрной реформы спорили учёные, пришедшие в политику, например, В.Ф. Вершинин, канд. экон. наук, сопредседатель Крестьянской демократической партии России, и В.Ф. Башмачников, д-р экон. наук, президент Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР).

В то же время большое число экспертов, которые работали в аграрном секторе, в том числе сотрудники Министерства сельского хозяйства и продовольствия России, по вопросам реформирования занимали умеренную либеральную позицию. Если, по убеждению радикалов, рынок не терпит никакого вмешательства государства, то «умеренные» пытались противопоставить им тезис о государственном регулировании аграрного сектора. Последнее мнение поддерживали и многие специалисты в регионах. Так, постоянная комиссия Приморского краевого Совета народных депутатов по возрождению села и аграрным вопросам в 1990 г. направила предложения к проекту постановления Верховного Совета РСФСР «О переходе агропромышленного комплекса к рыночной экономике», предлагая ввести три основные формы собственности на землю: государственную, коллективную, индивидуальную бессрочного владения с правом передачи по наследству [ГАПК. Ф. Р-26. Оп. 37. Д. 1155. Л. 181—181, 193, 194—197].

В октябре 1990 г. Государственный комитет РСФСР по земельной реформе возглавил академик РАСХН В.Н. Хлыстун. Его нередко называют «отцом земельной реформы»**. В конце ноября 1990 г. ВС РСФСР принял законы «О земельной реформе» и «О крестьянском (фермерском)

* Например, дискуссия между В.Ф. Вершининым и С.М. Горбачёвым — см.: Стенограмма встречи М.С. Горбачёва с сельскими предпринимателями по вопросу дальнейшего развития аграрной реформы [РГАСПИ. Ф. 1027. Оп. 2. Д. 35. Л. 134—135].

** Виктор Николаевич Хлыстун, академик Россельхозакадемии, позднее стал генеральным директором Центра международных инвестиций в АПК.

хозяйстве» [6]. В них содержался принципиально новый момент — право частной собственности на землю. Эта норма полностью противоречила духу союзного законодательства. То есть российские депутаты не только радикализовали начатую союзным руководством земельную реформу, но и существенным образом изменили её содержание. А.Б. Чубайс, став председателем госкомитета РФ по управлению государственным имуществом, настаивал, чтобы сельское хозяйство было включено в общий план приватизации. Но против этого выступило Министерство сельского хозяйства, возглавляемое В.Н. Хлыстуном [16].

Официальный старт реформе был дан первого января 1991 г., когда вступили в силу Законы РСФСР. Вместе с принятым в том же году Земельным кодексом и Законом «О плате за землю» они составили правовую основу для организации различных форм собственности — государственной, муниципальной, частной*. Этот период продолжался около трёх лет — с конца 1990 до 1994 г., до формирования новых органов власти в России и её регионах.

Как показали события, Центр вообще не собирался учитывать специфику регионов, в том числе дальневосточного. На Дальнем Востоке преобладали совхозы. В структуре занятого населения доля колхозного крестьянства в 1989 г. составляла всего 0,7% (в среднем по РСФСР — 5,5%) [2]. В последнее тридцатилетие советской эпохи количество колхозников сократилось в регионе более чем в 6 раз и составило всего 26 тыс. чел., из них 20 тыс. проживало в Амурской области. В статистических данных за 1989 г. было зафиксировано только 92 крестьянские семьи в Приморском крае и 230 в Амурской области [3, с. 9]. На Дальнем Востоке возможности для быстрого формирования фермерства были небольшими. В 1990 г. в регионе продолжал функционировать 761 совхоз, 84 колхоза и 1289 хозяйств, принадлежавших несельскохозяйственным предприятиям. В совхозах производилось 89% всей товарной продукции, в колхозах — 9%. Личные хозяйства (числом 1300) производили 60% картофеля, более 32% овощей, 25% товарного мяса, 22% молока, 10% яиц [11, с. 785].

Механизмы реализации реформы создавались уже во время её проведения [ГАПК. Ф. Р-194 Оп. 13. Д. 363. Л. 32]. Власть пошла по пути

---

* Программа реформ предусматривала: проведение приватизации, в первую очередь, земли как основного средства производства; ликвидацию коллективных форм хозяйствования; отказ от централизованного планирования сельскохозяйственного производства; либерализацию цен, валютных курсов, торговли; демополизацию обслуживающих сельское хозяйство сфер — сбыта, переработки и снабжения; замену льготного кредитования политикой жёсткого бюджетного ограничения.

централизованного административного внедрения новых организационно-правовых статусов и форм хозяйств. Вызовом для многих сельчан оказалось Постановление Правительства РФ от 29 ноября 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», в котором речь шла об их роспуске и формировании предпринимательства на селе. Реформа на юге региона совпала с чрезвычайно неблагоприятными природными условиями 1990—1991 гг. Все коллективные хозяйства в Приморье оказались в сложной ситуации, и их руководители сначала надеялись на финансовую помощь государства [ГАПК. Ф. Р-26. Оп. 37. Д. 1129. Л. 5—12], но после Постановления от 29 ноября 1991 г. это становилось нереальным. Поэтому, даже если руководители и трудовые коллективы не принимали «шоковый» вариант реформы, многие из них вынужденно приступили к реорганизации своих хозяйств.

Российское руководство предписывало властным органам на местах и руководителям хозяйств провести реорганизацию совхозов и колхозов в крайне сжатые сроки — до 1 января 1993 г. Центр потребовал от местных властей немедленной приватизации земельных участков, т.е. создания коллективно-долевой или общей совместной собственности на землю. Сначала рекомендации носили диспозитивный характер* (если не считать ст. 7 Закона «О земельной реформе», которая противоречила ст. 1 того же Закона). Но ход аграрной реформы в регионах был резко изменён и по форме, и по темпам сразу после ликвидации СССР, в частности Указом Президента РФ от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», в котором п. 3 обязывал руководителей колхозов и совхозов провести реорганизацию уже в 1992 г. в соответствии с Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» и процедуру перерегистрации в соответствующих органах. Указом Президента местным органам исполнительной власти поручалось обеспечить контроль за реализацией права членов колхозов и работников государственных предприятий на беспрепятственный выход из них для создания крестьянских (фермерских) хозяйств [17]. При этом колхозы и совхозы ликвидировались без учёта мнения их работников. В течение одного месяца со дня поступления заявления о создании крестьянского (фермерского) хозяйства должны быть выделены земельные доли работника и членов его семьи в натуре, а также и имущественные паи. В сёлах наступило время социальной дестабилизации [3].

---

* Диспозитивность — юридическая категория, характеризующая возможность свободного распоряжения субъекта права его правами.

В спешном порядке создавались программы проведения земельной реформы. Так, Хабаровский краевой совет народных депутатов ещё 6 апреля 1991 г. принял решение «О Программе проведения земельной реформы на территории края» [13]. Для рассмотрения и подготовки предложений по размещению объектов и решений по земельным вопросам Президиуму краевого Совета народных депутатов поручалось утвердить постоянную земельную комиссию и положение о её полномочиях. Районные и городские Советы народных депутатов должны были в месячный срок разработать и утвердить программы по проведению земельной реформы.

Реформаторы, установив такие сжатые сроки, фактически повторяли опыт проведения коллективизации, только в обратном направлении, прикрываясь правовыми документами, в частности Постановлением Правительства РФ от 29 ноября 1991 г. «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» [12]. Политическая установка на формирование предпринимательства на селе совсем не учитывала сложившуюся ситуацию на юге региона. Преобладание здесь совхозной формы не могло в кратчайшие сроки подготовить условия для формирования предпримчивости у широкой массы сельчан. За нарушение порядка и сроков приватизации должностные лица должны были привлекаться к ответственности согласно Указу Президента РФ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» [17].

Реакции сельчан на реформу и практики её проведения на юге Дальнего Востока были противоречивыми, об этом хорошо написал Н. Георгиевский, основываясь на материалах Амурской области [5]. Особенно непонятной для многих была процедура перерегистрации колхозов и совхозов. Хотя, на первый взгляд, это была лишь бюрократическая мера, но она меняла форму собственности, организационно-правовой статус хозяйствующего субъекта, а вслед за этим изменялся и социальный статус сельского труженика, который становился либо собственником земли и других ресурсов, либо наёмным работником. Если процедура образования крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) и индивидуальных предпринимателей для жителей села была более ясной, то с перерегистрированными хозяйствами возникала непростая ситуация. По сути, директивный путь преобразований колхозов и совхозов в иные хозяйствующие субъекты охватил всю территорию региона. Например, совхоз «Дальнегорский» был преобразован в коллективное сельхозпредприятие «Рассвет». Приказом Союза агропромышленных формирований Приморского края от 26 апреля 1991 г. совхоз «Победа» был преобразован в коллективное предприятие

«Победа» [ГАПК. Ф. Р-194. Оп. 13. Д. 444. Л. 12, 15]. Девиз реформы «Дать предприятиям новую жизнь» приводил зачастую к противоположным результатам, так как финансовые обязательства предприятий АПК оставались прежними, а господдержка быстро сокращалась по рекомендации реформаторов.

Парадокс состоял в том, что некоторые колхозы по виду собственности стали относиться к частной, но по организационно-правовой форме — это были сельскохозяйственные кооперативы, например «Южный», им. Чапаева, «Казанский колхоз» в Амурской области [15]. А если развивалась частная собственность, то в таких хозяйствах возникла страта наёмных работников.

Государство не оставило сельским трудовым коллективам выбора. Интервью с экспертами позволяет сделать вывод, что и сама процедура перерегистрации хозяйств оказалась разновидностью «шоковой терапии» для сельчан. [АОСПИ. Интервью автора с В.Г. Усом, колхоз «Луч» Амурской области. 23.05.2014]. Но в целом руководство подавляющего числа колхозов и совхозов вынуждено прошло процедуру юридического оформления, и в массовом порядке на юге Дальнего Востока хозяйства изменяли правовой статус.

Новым социально-экономическим явлением для сельских жителей стало их участие в процедуре приватизации земельных участков. Она зачастую проходила в форме «шокового» знакомства со сложным порядком определения имущественных паёв не только в реорганизуемых колхозах и совхозах, но и в тех, которые на тот момент ещё не успели пройти формальную процедуру переоформления организационного статуса или члены коллектива которых решили отказаться от паёв, оставаясь традиционным колхозом, как в колхозе «Луч» Амурской области.

Земельные доли долго не могли соотнести с земельными участками: для этого не хватало нормативной базы и опыта. Кто-то держался за свои пай, а кто-то считал так: «Я даже не знаю, где мои гектары — в Ивановке или Крещеновке, в глаза их не видел и видеть не хочу, и зачем мне лишняя головная боль? На хлеб я эту землю не намажу. С колхозом привычней и надёжней» [5, с. 149—158]. Для сельчан сама процедура приватизации земельных участков заставляла их заниматься совсем не привычным делом [АОСПИ. Интервью автора с фермерами, с. Устиновка, Кавалеровский район Приморского края. 05.06.2013].

Таким образом, бюрократическим путём на Дальнем Востоке создавались новые хозяйственные общества и кооперативы. Однако реформа не смогла быстро изменить мировоззрение всех тружеников села,

заставить их отказаться от привычных производственных и организационных порядков за столь короткий срок. Об этом говорит и динамика организации фермерских крестьянских [5], и наличие старых организационных форм. Например, в 1993 г. в Хабаровском крае 23 совхоза были реорганизованы в другие формы хозяйствования и землепользования. На 1 января 1994 г. там оставалось 15 совхозов, 19 государственных сельхозпредприятий, 48 акционерных обществ и товариществ, 28 подсобных сельхозпредприятий, 1818 крестьянских фермерских хозяйств, при этом 68% сельхозпредприятий были частными [10, с. 80]. В собственность всех сельских товаропроизводителей было передано 50% всей площади сельскохозяйственных угодий. На акционерные общества и товарищества приходилось 59%, колхозы — 38%, ассоциации крестьянских фермерских хозяйств — всего 3%. Следовательно, меньше всего земли было передано в пользование крестьянским (фермерским) хозяйствам, хотя, по замыслу реформаторов, именно они должны были стать «локомотивом» АПК [10, с. 80]. К концу 1992 г. на Дальнем Востоке было около 8 тыс. фермерских хозяйств. В Амурской области их число сократилось с 3200 в 1994 г. до 2234 в 1995 г. [3, с. 15].

В 1992 г. в сельскохозяйственном производстве в регионе резко проявилась тенденция к снижению большинства показателей, а к середине 1990-х гг. отрасль оказалась в глубоком кризисе, что было напрямую связано с прекращением государственного финансирования, как того требовал реформаторский блок Правительства РФ.

Процесс реализации земельно-аграрной реформы в дальневосточном регионе был соответствующим ответом на политику Центра по ускорению темпов разрушения колхозно-совхозного сектора и введения частной собственности, проводимой руководством РСФСР. Первые фермеры оказались в трудном положении, потому что им были выделены доли, а не земли. Первый этап реформы закончился социальным шоком для села и острым кризисом сельского хозяйства в регионе. Этот процесс стал частью революционных преобразований после распада СССР и прихода реформаторов к власти в России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Адамович А. Мы — шестидесятники. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
2. Вашук А.С. Социальная динамика в дальневосточной деревне во второй половине XX в. // Российские регионы: исторический опыт аграрного развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск: ДальГАУ, 2010. С. 202—208.

3. Ващук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX — начало XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4. С. 7—19.
4. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. С. 811—859.
5. Георгиевский Н. Чистая линия. Документальная повесть. Изд. 2-е, перераб. и доп. Благовещенск: Зeya, 2013. 240 с.
6. Законодательство о крестьянско-фермерских хозяйствах. URL: <https://advokat-malov.ru/pravo-na-zemlyu/zakonodatelstvo-o-krestyansko-fermerskih-hozyajstvah.html> (дата обращения: 20.12.2020).
7. Кара-Мурза С. Интеллигенция на пепелище родной страны. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=107289&p=1> (дата обращения: 12.10.2020).
8. Кирчик О. Дискуссии по аграрному вопросу в постсоветской России // Отечественные записки. 2004. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2004/1/diskussii-po-agrarnomu-voprosu-v-postsovetskoj-rossii.html> (дата обращения: 12.12.2020).
9. КПСС. ЦК. Пленум (1989, март). Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15—16 марта 1989 г. М.: Политиздат, 1989. 176 с.
10. Кужина Н.В. Начало рыночных преобразований сферы сельскохозяйственного производства в Хабаровском и Приморском краях в первой половине 90-х гг. XX в. // Чтения памяти профессора Александра Александровича Сидоренко. Благовещенск: БГПУ, 2018. С. 74—91.
11. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Изд. 2-е, перераб. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 904 с.
12. Постановление Правительства РФ от 29.12.1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». URL: <https://base.garant.ru/10104699/> (дата обращения: 10.12.2020).
13. Решение Хабаровского краевого Совета народных депутатов Хабаровского края от 06.04.1991 г. № 1—4 «О программе проведения земельной реформы на территории края. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2381954> (дата обращения: 12.12.2020).
14. Серова Е.В. Российская аграрная реформа в общественном мнении // Мир России. 2000. № 3. С. 96—115.
15. Справочник сельхозпредприятий Дальневосточного федерального округа. URL: <http://agroinfo.com/hozyajstva/dfo/> (дата обращения: 30.08.2015).
16. Трушин А. Земля и доля. Как изменили российское сельское хозяйство реформы 90-х. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4574623> (дата обращения: 20.12.2020).
17. Указ Президента РФ от 27.12.1991 г. № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». URL: <http://zakonbase.ru/content/base/266> (дата обращения: 02.09.2015).
18. АОСПИ (Арх. отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН).
19. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
20. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).

УДК 32.019.51

*К.С. ДОНСКОВ****ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ НАРУШЕНИЯ
ГРАНИЦ РОССИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ
РЕГИОНЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ПРЕССЕ**

В целях изучения системы пропаганды Соединённых Штатов в данной статье анализируется, как американской общественности, в первую очередь военным, объясняются действия флота США. В частности — как в разных изданиях освещается эпизод нарушения границ России в АТР, какие акценты расставляются в конкретных статьях. Для исследования выбраны четыре источника, связанные с Министерством обороны Соединённых Штатов, и одно независимое. Опираясь на анализ источников, автор выделил несколько черт, характерных для работы американской системы военной пропаганды: дословное цитирование позиции официальных представителей флота, использование одних и тех же клише, отрицание точки зрения противника без разъяснений, отсутствие самостоятельной журналистской работы, смешение территориальных претензий разных стран АТР.

Ключевые слова: пропаганда, флот, военная печать, АТР.

*K.S. DONSKOV***NEWS COVERAGE OF RUSSIA'S BORDER VIOLATIONS
IN THE ASIA-PACIFIC REGION
IN THE AMERICAN MILITARY PRESS**

In order to study the propaganda system of the United States, this article analyzes how the actions of the United States fleet are explained to the American public, first of all, to the military, what features in the coverage of this event are observed in different publications aimed at military personnel, what accents are highlighted by different articles. For the analysis were selected 4 publications associated with the United States Department of Defense, and one independent. Using analysis of sources, we can trace the features of the work of the American military propaganda system. These include the literal citation of the position of the official representatives of the fleet, the use of the same clichés, the denial of the enemy's point of view without explanation, the lack of independent journalistic work, the confusion between different territorial claims of the APR countries.

Keywords: propaganda, navy, military press, APR.

---

* ДОНСКОВ Кирилл Сергеевич — Владивостокская международная школа, г. Владивосток. E-mail: steyr_14@mail.ru.

Как российские [2], так и американские эксперты и средства массовой информации [8] признают, что отношения между РФ и США в начале XXI в. переживают кризис. Период президентства Дональда Трампа ознаменовался обвинениями России со стороны американской общественности в кибератаках [17], во вмешательстве в американские выборы [16] и регулировании ситуации в Сирии [5]. В течение срока полномочий Трампа усилились санкций против Российской Федерации [11].

Отношения между РФ и США, несмотря на первоначальные оптимистичные прогнозы, продолжают ухудшаться [3]. Одной из точек пересечения их интересов является Азиатско-Тихоокеанский регион, в котором между двумя странами идёт соперничество за влияние.

В рамках данной статьи были выбраны пять изданий, ориентированные на американских военных, которые должны донести причины действий США в спорных водах АТР. Издания по охвату читательской аудитории и её специфике ориентируются на военнослужащих или гражданских лиц, на рядовой или офицерский состав, аналитиков, читателей, знакомых с тематикой российско-американских отношений, или на неподготовленного читателя.

В центре нашего внимания будет следующее событие: 24 ноября 2020 г. американский корабль «Джон МакКейн» (USS John S. McCain (DDG 56)), находившийся в заливе Петра Великого, был перехвачен российским большим противолодочным кораблём «Адмирал Виноградов» и после угрозы применения военной силы покинул территориальные воды Российской Федерации [1]. Данный инцидент типичен в череде морских столкновений двух держав [4]. В частности, в 1986 г. два американских корабля, оборудованных радиоэлектронными станциями, нарушили морскую границу СССР близ Крыма, а в 1988 г. корабли НАТО, несмотря на предупреждения советской стороны, продолжили следовать курсом вглубь акватории страны, и только активное противодействие советских кораблей вынудило американцев сменить курс [7].

Корабль «Джон МакКейн» имеет системы радиолокационного обнаружения, а именно: антенные решётки, гидроакустические средства, вертолёт, что позволяет предположить, что его нахождение в российских водах не было ошибкой навигации [10]. Раз за разом снабжённые радиолокационным оборудованием морские и воздушные суда США вторгаются на территорию Советского Союза/России и, избегая боя, отступают [21]. Министерство обороны РФ квалифицировало действия американского корабля как нарушение территориальных вод Российской Федерации. В ответ пресс-служба 7-го флота США заявила, что не признаёт эти воды российскими [25]. Спор по данному вопросу длится уже более 60 лет [6].

Соединённые Штаты обладают ресурсами для формирования мирового общественного мнения по спорным вопросам. Ни Россия, ни Китай, ни страны Европейского союза не располагают такими возможностями «связей с общественностью» (так американцы называют свою систему пропаганды) [18].

Служба оборонных средств массовой информации принадлежит Министерству обороны США, находится под руководством и контролем помощника министра обороны по связям с общественностью [9], иными словами, является прямым проводником американской военной пропаганды. Началом действия данной службы стал выпуск армейской газеты *Stars and Stripes*, которая с 2005 г. объединила разрозненные организации военных СМИ и Информационную службу вооружённых сил США *American Forces Information Service* [14]. Основной её задачей является информационное наполнение официального сайта Министерства обороны США, но, помимо этого, организация курирует другие военные медиа-ресурсы и является информационным гигантом американских военных СМИ.

Данная служба готовит персонал Министерства обороны для связей с общественностью, осуществляет передачу новостной и визуальной информации, развлекательных программ посредством радио, телевидения, интернета. Целевой аудиторией являются действующие военнослужащие, резервисты, их семьи, проживающие в Соединённых Штатах и за рубежом, гражданские лица. Таким образом, организация ориентируется на неограниченную аудиторию и использует все доступные каналы связи. Она передаёт информацию в 177 странах и на 279 кораблях флота США [9].

Освещением инцидента с эсминцем «Джон МакКейн» занимался сервис распространения оборонной информации, подчинённый *American Forces Information Service* и предоставляющий официальную позицию департамента по связям с общественностью 7-го флота. В разных публикациях, в зависимости от специфики аудитории, журналисты делали разные акценты, однако все они, в той или иной степени, ориентировались на официальные заявления.

В частности, в статье «Эсминец „МакКейн“ провёл операцию по свободе навигации» приводится объёмная историческая справка о характере территориального спора вокруг залива Петра Великого, где указывается, что «...проведённая Советским Союзом... линия (границы) несовместима с нормами международного права, отражёнными в Конвенции по морскому праву и ограничивающими воды залива». Отмечается, что «...Россия осуществляет мореплавание там, где международное право не позволяет, а проведённая „МакКейном“ операция

является частью рутинных патрулирований флота Соединённых Штатов и их союзников в регионе уже более ста лет, это законная демонстрация несогласия с „чрезмерными“ территориальными претензиями России». В статье обосновывается легитимность присутствия военного флота США в дальневосточном регионе: «...все наши операции проводятся в соответствии с международным правом и демонстрируют, что Соединённые Штаты будут летать, плавать и проводить операции, там, где оно позволяет» — и подчёркивается, что данные действия способствуют «безопасности и процветанию» в регионе [24].

Издание *Stars and stripes* — военная газета, выпускающаяся с начала Второй мировой войны с тиражом около 7 млн за 2019 г. Она ориентирована в первую очередь на военнослужащих и ветеранов, стремится доступным для массового читателя языком безапелляционно и безальтернативно трактовать события в нужном ключе [23]. Характерная черта американской военной агитации — упор на защиту неких «свобод». Так, статья «Корабль „Джон МакКейн“ бросает вызов российским претензиям на залив Петра Великого в Японском море» называет позицию России по морским границам именно «претензией» («...„МакКейн“ утвердил права и свободы в окрестностях залива...»), а не точкой зрения в спорном вопросе принадлежности морской территории. Мнение российской стороны по данному вопросу не приводится — лишь обозначено, что в 1984 г. Советский Союз объявил данную территорию своей. Инцидент с выдворением американского корабля из территориальных вод Российской Федерации трактуется с позиций американского флота так: эсминец не был изгнан с территории какого-либо государства, ибо «...Соединённые Штаты никогда не поддадутся принуждению к принятию незаконных морских претензий России», «...7-ой флот с 2017 г. стабильно количество операций по свободе навигации, которые обычно затрагивают китайские претензии в Южном и Восточно-Китайском морях» [23].

Таким образом, американские военные журналисты уравнивают позиции Китая и России в отношении морских границ, а нахождение военных кораблей США в спорных водах обозначают как борьбу за свободу навигации. «...Пока „некоторые страны“ будут продолжать использовать незаконные морские претензии, не соответствующие международному праву и имеющие целью незаконное ограничение прав и свобод, которыми пользуются все страны, Соединённые Штаты будут продолжать защищать права и свободы на море...» [23]. Издание не делает попытки самостоятельного анализа инцидента, а доводит до сведения читателя официальную позицию 7-го американского флота.

В статьях американской военной прессы подчёркивается важность защиты свободы, безопасности и процветания в регионе посредством данных акций, пока «некоторые страны» нарушают и подрывают эти ценности, прослеживается стремление объединить претензии разных стран на морские территории, не раскрывая, как именно заход военного корабля в спорные воды помогает разрешению конфликта. Также остаётся неясным, какую цель ставил корабль изначально: зайти в спорные воды и тут же выйти из них? Если да, то он её, безусловно, выполнил, и появление российского военного корабля тут ни при чём.

Издание *Navy Times* — часть *Sightline Media Group*, бывшего *Army Times Publishing*, существующего с 1940 г., — представляет отчёты по важным для военного сообщества вопросам. Это медиагруппа, освещающая, кроме военных новостей, целый спектр социальных проблем американского общества, универсальный источник информации, к которому американский солдат обращается в том числе и для решения повседневных проблем, например если нужно заполнить налоговую декларацию. Как и предыдущие два издания, данное характеризует себя как независимое, объективное. Однако статья «Эсминец „МакКейн“ провёл операцию по защите свободы навигации в Японском море» является компиляцией из цитат официальной версии 7-го флота и повторяет клише о защите свободы мореплавания на Тихом океане с акцентом на ложности российских заявлений.

Ещё один заметный «поставщик» военно-пропагандистской информации — это основанный в 1873 г. Американский морской институт (АМИ). Он является некоммерческой организацией, издаёт ежемесячный журнал *Proceedings* и ведёт свой информационно-аналитический портал. фокусируется не только на выпуске и толковании новостей, но и на аналитике, исходящей от экспертов по безопасности, что предполагает более высокий уровень публикуемых материалов. В материале «Эсминец „Джон МакКейн“ выполнил операцию по защите свободы навигации в Южно-Китайском море» инцидент в заливе Петра Великого рассматривается в контексте противостояния США и Китая, незаконных требований Тайваня и Вьетнама. О нелегитимности этих требований безапелляционно заявляется как о чём-то очевидном: «...незаконные и стремительные морские претензии в Южно-Китайском море представляют серьёзную угрозу свободе мореплавания... совершив мирный проход без предварительного уведомления или запроса разрешения у кого-либо... Соединённые Штаты оппорили незаконные ограничения», — констатирует автор статьи [13]. Акт агрессии преподносится как «защита свободы», а введение боевого корабля в спорные воды без предупреждения характеризуется как

«мирный проход», при этом приравниваются друг к другу различные по своей сути территориальные споры государств.

Следуя логике текста, можно заключить, что кратковременное пребывание американского корабля в спорных водах и его «добровольный» уход оттуда способствуют ликвидации серьёзной угрозы свободе на море, включая свободу навигации, торговли и экономических возможностей, для наций Юго-Восточной Азии. Таким образом, важно отметить, что позиция России в тексте аналитической статьи не приводится вообще, сам инцидент рассматривается лишь в контексте морского противостояния Соединённых штатов с другими государствами АТР, которым посвящена большая часть статьи о столкновении на российских границах.

В контексте разговора об американских военных СМИ нельзя обойти вниманием сайт Military.com. Его аудитория составляет 4 млн индивидуальных пользователей в месяц, среди которых основная часть, как и в случае с Navy Times, — военнослужащие, ветераны, их семьи.

Сайт охватывает спектр тем, интересующих эти социальные группы: военные новости, трудоустройство, досуг, образование. Авторы сайта утверждают: «...мы глубоко копаем [информацию] и знаем наш предмет, что даёт результаты в виде последних новостей и историй для военного и ветеранского сообщества». Однако публикации на этом ресурсе являются перепечаткой статей из других источников и не содержат ничего нового о событиях в Азиатско-Тихоокеанском регионе [24].

В качестве примера издания, не связанного с Министерством обороны (или, по крайней мере, не указывающего такой статус), стоит привести журнал Coffee or Die*, опубликовавший статью «После того как российский военный корабль угрожал протаранить „Джона МакКейна“, американский флот заявил, что никогда не склонится перед иностранными угрозами». Автор публикации брал интервью у представителя 7-го флота Реанна Моммсена (Cmdr. Reann Mommsen), позиция которого практически дословно совпадает с заявлением лейтенанта Джо Келли (Lt. Joe Keiley), опубликованном в официальных государственных изданиях. Далее следуют комментарии специалистов, где, в частности, акцентируется внимание на словах Стивена Бланка — старшего эксперта по России в Институте мира США («...Как это обычно бывает, русские лгут...»), «...Россия, вероятно, встаёт в позу, но явно обеспокоена») и Майкла Кофмана — директора Программы исследований России в США, научного сотрудника Института Кеннана

---

* Примечательно, что изданием владеет компания Black Rifle Coffee Company, основанная в 2014 г. ветераном военных действий.

Международного центра Вудро Вильсона («...Реакция российских военно-морских сил во вторник была „немного“ более агрессивной, чем в 2018 г., и, вероятно, была предназначена для пиара», «...Они позируют и должны это делать, учитывая, что заявляют права на эти воды») [20].

В целом эксперты отмечают, что современные столкновения уступают по накалу тем, что были во время холодной войны. Кроме того, Р. Моммсен высказывает сомнение в достижении Тихоокеанским флотом США целей в заливе Петра Великого: «...Участие в военной деятельности, которая помогает сблизить Россию и Китай в Тихоокеанском регионе, бесполезно. Стратегия — это выбор, и решения об операции по защите свободы навигации всегда следует взвешивать с учётом потенциальных неблагоприятных и непредвиденных последствий. В любом случае я скептически отношусь к возможности того, что Соединённые Штаты докажут свою правоту в этом случае» [20].

Обзор публикаций военной прессы был бы неполным без анализа официальной страницы 7-го флота США в социальной сети Facebook, ориентированной на широкие слои населения (к военнослужащим относится меньшинство её посетителей) [19]. В статье «24 ноября USS John S. McCain (DDG 56) утвердил навигационные права и свободы в окрестностях бухты Петра Великого в Японском море» [22] инциденту на странице флота уделяется всего три строчки. Аббревиатура FONOP — Freedom of Navigation Operation — даётся в заголовке целиком, к записи прикреплен ссылка на сайт флота, которая используется и в других публикациях. Она привлекла внимание русскоязычной аудитории соцсети: 884 пользователя одобрили данный материал. Кроме страницы 7-го флота инцидент упоминается ещё в двух официальных сообществах Facebook: в группе 15-ой эскадры эсминцев [12] и в группе объединённого командования регионом Марианские острова [15].

Таким образом, наибольшего внимания инцидент удостоился в частном издании. Возможно, это обусловлено изменением политического климата в Соединённых Штатах: информация о столкновении с Россией действует против повестки либеральных американских СМИ о пророссийской ориентации Д. Трампа. Точка зрения российской стороны приводится в четырёх из пяти публикаций — это базовое требование журналистики выполняет большинство изданий, хотя, скорее всего, лишь для того, чтобы получить возможность процитировать официальную позицию 7-го флота США.

Указание на политических партнёров Соединённых Штатов, заинтересованных в защите мореходства, содержится в двух статьях, сравнение российских и иностранных претензий на морские территории — в трёх. Данная тактика позволяет свести сложные территориальные

конфликты к простой схеме: «мы защищаем свободу навигации против несправедливых претензий». Для американских властей важно опровергнуть информацию о столкновении с российским кораблём. Ведь, если этого не сделать, получается, что американское судно изгнали из вод, которые Вашингтон считает общими, а это полностью разрушает объяснение его присутствия в них.

Итак, проанализировав материалы, можно отметить удивительное однообразие «объективной и независимой» американской военной журналистики при освещении событий, низкую степень беспристрастности данных изданий, оправдание военного вмешательства, однозначные оценки события. Американская военная пресса, используя одни и те же ключевые слова, не уточняет, что корабль флота США выполнял разведывательные задачи на территории вероятного противника, не объясняет читателю, почему судно покинуло воды, на которые у России есть «незаконные претензии», и как именно оно защитило свободу навигации в данном районе. Все тексты строятся по одному шаблону: «незаконные претензии России, защита свободы Соединённых Штатов» — и направлены на демонстрацию силы военно-морского флота США в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Адмирал Виноградов. URL: <https://flot.com/nowadays/strength/vinogradov.htm> (дата обращения: 07.01.2021).
2. В МИД пока не видят оснований для «выправления» отношений России и США. URL: <https://russian.rt.com/world/news/806198-ssha-rossiya-gyabkov> (дата обращения: 11.01.2021).
3. Выборы в США: Джо Байден победил — что дальше? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54843665> (дата обращения: 11.01.2021).
4. Громкие случаи нарушения морской и воздушной границы СССР и России. URL: <https://ria.ru/20181125/1533469907.html> (дата обращения: 07.01.2021).
5. Инициативы России и США по урегулированию сирийского конфликта. URL: <https://tass.ru/info/3675016> (дата обращения: 11.01.2021).
6. История спора вокруг залива Петра Великого. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4584798?from=doc_yrez (дата обращения: 07.01.2021).
7. Порвали крейсер. В каких случаях современные корабли идут на таран. URL: <https://ria.ru/20180719/1524845023.html> (дата обращения: 07.01.2021).
8. Российско-американские отношения в 2021: ожидания и опасения. URL: <https://www.golosameriki.com/a/us-russia-2021-experts-forecast/5721220.html> (дата обращения: 11.01.2021).
9. About DVIDS. URL: <https://www.dvidshub.net/about> (дата обращения: 11.01.2021).

10. Arleigh Burke-Class (Aegis) Destroyer. URL: <https://www.naval-technology.com/projects/burke/> (дата обращения: 07.01.2021).
11. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text> (дата обращения: 11.01.2021).
12. Destroyer Squadron Fifteen. URL: <https://m.facebook.com/DESRON15/posts/4193392307343891> (дата обращения: 11.01.2021).
13. Destroyer USS John S. McCain Performs South China Sea FONOP. URL: <https://news.usni.org/2020/12/22/destroyer-uss-john-s-mccain-performs-south-china-sea-fonop> (дата обращения: 07.01.2021).
14. Hiebert T.E. How is the Value of Real Estate Affected by the Department of Defense Base Realignment and Closure Process? PhD of Business Administration thesis. Charlotte, 2009. URL: http://libres.uncg.edu/ir/uncc/f/Hiebert_uncc_0694D_10049.pdf (дата обращения: 11.01.2021).
15. Joint Region Marianas. URL: <https://www.facebook.com/jrmguam/posts/3804066019604582> (дата обращения: 11.01.2021).
16. Russian Active Measures Campaigns and Interference in the 2016 U.S. Election. URL: https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/documents/report_volume5.pdf (дата обращения: 11.01.2021).
17. Russian Cyber Units. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11718> (дата обращения: 11.01.2021).
18. The Manipulation of the American Mind: Edward Bernays and the Birth of Public Relations. URL: <https://theconversation.com/the-manipulation-of-the-american-mind-edward-bernays-and-the-birth-of-public-relations-44393> (дата обращения: 07.01.2021).
19. U.S. 7th Fleet. URL: <https://www.facebook.com/7thfleet/posts/10158976388367402> (дата обращения: 11.01.2021).
20. US Navy Says It 'Will Never Bow' to Foreign Intimidation After Russian Warship Threatens To Ram USS John S. McCain. URL: <https://coffeordie.com/never-bow-freedom-of-navigation> (дата обращения: 11.01.2021).
21. USS John S. McCain (DDG 56). URL: <https://www.navysite.de/dd/ddg56.htm> (дата обращения: 07.01.2021).
22. USS John S. McCain (DDG 56) Asserted Navigational Rights. URL: <https://www.facebook.com/7thfleet/posts/10158905743077402> (дата обращения: 11.01.2021).
23. USS John S. McCain Challenges Russia's Claims to Peter the Great Bay in Sea of Japan. URL: <https://www.stripes.com/news/pacific/uss-john-s-mccain-challenges-russia-s-claims-to-peter-the-great-bay-in-sea-of-japan-1.653194> (дата обращения: 07.01.2021).
24. USS John S. McCain Challenges Russia's Claims to Peter the Great Bay in Sea of Japan. URL: <https://www.military.com/daily-news/2020/11/24/uss-john-s-mccain-challenges-russias-claims-peter-great-bay-sea-of-japan.html> (дата обращения: 11.01.2021).
25. USS John S. McCain Conducts Freedom of Navigation Operation. URL: <https://www.dvidshub.net/news/383632/uss-john-s-mccain-conducts-freedom-navigation-operation> (дата обращения: 11.01.2021).
26. USS John S. McCain Conducts Freedom of Navigation Operation. URL: <https://twitter.com/US7thFleet/status/1341254556093538304> (дата обращения: 11.01.2021).

УДК 23/29

С.М. ДУДАРЁНОК*

«НОВОЕ» В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОРОНАВИРУСНУЮ ЭПОХУ

Статья посвящена анализу «новых» тенденций в жизни религиозных организаций России и мира, отчётливо появившихся в период пандемии COVID-19, реакции религиозных конфессий на «вызовы» пандемии. И христиане (католики, православные и протестанты), и мусульмане, и иудеи, и буддисты и пр. приняли необходимые меры для профилактики распространения COVID-19, согласно рекомендациям национальных властей.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, религия, церковь, верующие, религиозные лидеры, глобализация, государственно-церковные отношения, профилактика.

S.M. DUDARENOK

«NEW» IN THE LIFE AND ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN CORONAVIRUS ERA

The article is devoted to the analysis of «new» trends in the life of religious organizations in Russia and the world, which clearly appeared during the COVID-19 pandemic, the reaction of religious denominations to the «challenges» of the pandemic. Both Christians (Catholics, Orthodox and Protestants), Muslims, Jews, Buddhists, etc. have taken the necessary measures to prevent the spread of COVID-19, as recommended by the national authorities.

Keywords: pandemic coronavirus, religion, church, believers, religious leaders, globalization, state-church relations, prevention.

Социальные изменения, вызванные пандемией коронавируса, обострили имеющиеся проблемы и ускорили те процессы, которые уже происходили во внутрицерковной жизни подавляющего числа конфессий, в деятельности религиозных организаций появились новые черты,

---

* ДУДАРЕНОК Светлана Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: dudarenoksv@gmail.com.

которые требуют научного анализа. Цель данной статьи — выявить основные аспекты взаимовлияния процесса глобализации и религиозных организаций, которые наиболее ярко проявились в период пандемии коронавируса.

Источниковая база исследования представлена в основном новостными ресурсами портала Интерфакс-религия, на котором находят отражения все значимые события религиозной жизни России и мира, а также документами и материалами официальных сайтов религиозных организаций и государственных органов. Они позволяют провести компаративный анализ реакции на пандемию различных религий в разных регионах мира, в том числе в России.

Проблемы влияния глобализации на развитие и современное состояние религий привлекали и привлекают внимание исследователей [5; 8; 9; 14; 26; 27]. Сегодня перед учёными возникла новая задача — изучить реакцию на пандемию коронавируса и деятельность религиозных организаций в борьбе с COVID-19 [См.: 12; 25]. Коронавирус заставляет пересматривать отношение к глобализации, как неизбежному процессу всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации, искать некие другие основы идентичности.

Нельзя не согласиться с утверждением Р.Н. Лункина, что в пандемию «национальные традиции, религия и культура (базовые составляющие идентичности) стали более значимы, поскольку обострилось восприятие национального самосознания. Обращение к родным, а не безликим общечеловеческим ценностям, к своей вере... помогает преодолевать трагедии обычных людей» [11]. Пандемия подтвердила, что сегодня даже в дни крупных религиозных праздников совсем необязательно находиться в храме или мечети, вполне достаточно принимать в них участие «онлайн» — посредством сети интернет или наблюдая по телевизору.

Переход на онлайн-формат в первую волну пандемии и ограничение офлайн церемоний осложнялся тем, что этот период был важным для представителей трёх конфессий — христиан, иудеев и мусульман. На апрель выпали православная и католическая Пасха, Пасах, начинался месяц Рамадан. Все эти праздники подразумевают соблюдение определённых условий для верующих, в частности, молитв в храмах и мечетях.

В разных регионах мира переход на онлайн-формат в первую волну пандемии проходил по-разному. Например, несмотря на режимы ЧП, в Армении и Грузии власти не смогли добиться полного закрытия церквей и преодолеть сопротивление этому процессу со стороны руководства Армянской апостольской церкви (ААЦ) и Грузинской православной церкви (ГПЦ). В то же время в США все церкви были успешно

закрыты ещё в конце марта, а религиозные лидеры в целом были солидарны с жёсткими мерами, считая их необходимыми. С пониманием к пандемии отнеслись и в Европе: главные храмы Ватикана были закрыты, как и церкви в ведущих европейских странах [22]. Изоляция всей Италии означала слушание мессы верующими из дома, в то время как папа Франциск давал своё благословение на пустынной площади Святого Петра.

Хотя храмы Русской православной церкви и не были полностью закрыты, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл во время проповеди в храме Христа Спасителя призвал верующих воздержаться от посещения храмов до его особого благословения в связи с распространением коронавируса и молиться дома [21]. По его словам, «число прихожан за воскресными и праздничными богослужениями снизилось на треть, а где-то и наполовину». Но более значимым вызовом для РПЦ, как выразил её предстоятель, стало «стремительное разобщение людей», снижение ценности человеческого общения, к чему приводят современные технологии, «когда эти формы коммуникации становятся преобладающими» [18]. Религиозные лидеры, отмечая положительные последствия развития современных форм коммуникации для религиозной жизни, обеспокоены возможностью «факультативности богослужений», недооценкой значимости личного присутствия для участия в таинствах Церкви. Применение дистанционных технологий как в религиозной жизни, так и в образовании, по их мнению, «сводит на нет воспитательную составляющую процесса» [18].

В Малайзии, Австралии и Японии места поклонения, храмы и мечети немедленно закрыли, чтобы предотвратить распространение вируса во время религиозных собраний. Саудовская Аравия закрыла свои границы для паломников, совершающих хадж и направляющихся на святую землю ислама. В Великобритании отменили все религиозные церемонии на неопределённый срок [23].

Пандемия показала, что с любым сакральным текстом или его разъяснениями и толкованиями можно ознакомиться во Всемирной сети. Там же можно узнать обо всех событиях в той или иной религиозной организации, не выходя из дома, пообщаться на форумах с единомышленниками или оппонентами. Таким образом, в период пандемии религиозные отношения во многом из социальных всё сильнее превращаются в виртуальные, усиливается тенденция к утрате религиозной общиной своей коммуникативной функции как ядра «первичной» приходской жизни. повысилась популярность религиозных сайтов. По оценкам компании «Qrator Labs», в последнюю неделю марта 2020 г. объём потребления трафика на религиозных сайтах вырос

на 30—500%. Эксперты объясняют повышенный интерес к религиозным интернет-ресурсам тем, что многие участвуют в церковных службах по видеосвязи, а также интересуются взглядами духовенства на происходящие события [7].

Вывод Qrator Labs подтверждают данные сервиса «Яндекс.Радар». Так, в марте 2020 г. у портала «Православие и мир» было 4,4 млн посетителей, что на 30% больше, чем в аналогичный период 2019 г., и на 23% — чем в феврале 2020 г. Число посетителей портала «Ислам сегодня» в марте 2020 г. «Яндекс.Радар» оценил в 1,67—2,74 млн чел. — на 50—66% больше, чем в марте 2019 г. и на 14—18% — чем в феврале 2020 г. Это рекордный показатель с августа 2018 г., когда началось измерение.росло количество посетителей и у портала об иудаизме «Имрей Ноам». В марте 2020 г. оно составило от 321 тыс. до 714 тыс. чел., что на 13—32% больше, чем в марте 2019 г., и примерно на 32% — чем в феврале 2020 г. [6].

В подавляющем большинстве религий до настоящего времени остаются весьма действенными нормы и ценности. Культуротранслирующая функция религии имеет, с одной стороны, охранительную составляющую, предполагающую сохранение в неизменном виде религиозных символов, ценностей, духовной практики при недопущении в эту сферу ничего нового или инородного; с другой — включает в себя инновационную составляющую, предполагающую учёт социально-культурных реалий на том или ином этапе развития, а также расширение пространственных рамок, что в целом соответствует глобализационному тренду. Первая составляющая в период пандемии привела к появлению в среде большинства религиозных конфессий ковиддиссидентов и коронаскептиков.

Ковиддиссиденты считают, что тема «коронавируса придумана специально для того, чтобы отдалить народ от Церкви», что «никакой эпидемии не существует», что это придумано для того, «чтобы ограничить посещение храмов». Их позиция вызывает резко негативное к ним отношение не только со стороны светских властей [24], но и со стороны руководителей религиозных организаций [17]. Коронаскептики, хотя и не настаивают на том, что пандемия придумана, чтобы отвлечь людей от религии, тем не менее считают, что верующего человека от болезни защитит Бог и нет никакой необходимости в ограничительных и профилактических мерах.

Свои взгляды на пандемию религиозные коронаскептики выражают по-разному. В Нигерии, например, молодой человек в интервью Норвежскому общественному вещанию (NRK) заявил, что убеждён, что Бог защитит его от вируса, поэтому ему не нужно, чтобы правительство говорило ему, что делать, а в Аргентине евангелическая церковь

вновь «открылась как бар, в знак протеста против правительственного запрета на богослужения», несмотря на постепенное послабление карантинных мер в стране. Точно так же в некоторых частях Соединённых Штатов пасторы продолжали организовывать богослужения, называя их «жизненно важными службами» [23].

В Русской православной церкви коронаскептики не представляют собой единую группу. Проигнорировали распоряжения властей и Московской патриархии по поводу ограничительных мер в первую волну пандемии в основном крупные известные монастыри: Троице-Сергиева Лавра, Почаевская и Святогорская Лавры на Украине, Дивеевский монастырь в России, Свято-Елисаветинский монастырь в Белоруссии и ряд других.

Последствия коронавируса и общественного резонанса, связанного с ним, Московская патриархия недооценила. Хотя многие священники и епископы оставили прихожан за пределами храмов, но сами продолжали служить, им это было не запрещено: они не учли, что вирус, проникший в их среду, может передаваться при церковных службах и связанных с этим практиках, от пения в хоре и лобзания архиерейской длани до совместного причащения священников [19].

В результате, по данным Синодального отдела РПЦ МП, более 4000 клириков и монашествующих РПЦ переболели короновирусной инфекцией. Кроме того, по информации на конец января 2021 г., в России зарегистрированы 144 смерти от последствий коронавируса среди клириков и монастырских насельников [16].

В Южной Корее вспышка короновирусной инфекции из-за коронаскептиков во многом носила «религиозный характер»: из 8200 случаев заболевания COVID-19, зарегистрированных в стране, более половины приходилось на последователей Церкви Иисуса — Синчонджи (дословно «Новое небо и новая земля»). Это специфическая религиозная организация, её основатель Ли Ман Хи считает себя новым мессией, лично общавшимся с Иисусом Христом. Последователями Синчонджи являются более 300 тыс. чел. Их многолюдные богослужения в южнокорейском городе Тэгу послужили источником распространения вируса. Ли Ман Хи позднее отменил совместные молитвы, назвав коронавирус «делом дьявола», мешающим распространению его учения в мире.

С большим трудом южнокорейским властям удалось убедить ещё одну религиозную общину, именующую себя Церковью Реки Божьей Милости, прекратить богослужения в своём храме в г. Сённам к югу от столицы страны г. Сеула (35% членов общины заболели ковидом) [1].

Похожая история произошла и в Малайзии. Там, по данным местных властей, не менее 77 из 238 подтверждённых случаев заражения

связаны с исламским религиозным фестивалем, проходившим в одной из мечетей на окраине столицы страны г. Куала-Лумпура с 27 февраля по 1 марта. В нём участвовали не менее 10 тыс. верующих, многие из них разъехались потом по разным провинциям Малайзии и за пределы страны. В Брунее 38 из 40 заразившихся коронавирусом участвовали в этом событии [1].

Несмотря на эпидемию коронавируса, православные Петербурга прикладывались к мощам Иоанна Крестителя, которые прибыли из Иерусалима и находились в Казанском соборе с 10 по 17 марта 2020 г. По наблюдениям издания «Фонтанка», волонтеры протирали стекло ковчега с мощами тряпочкой, но не успевали это делать после каждого приложившегося. Протоирей Казанского собора Александр Пашков заявил «Московскому комсомольцу», что прикладываться к иконам безопасно. По его словам, в храме инфекция распространяться не может, так как Бог всех исцеляет [2].

Пастор из США Т. Спелл, возглавляющий общину евангелистов Life Tabernacle Church, в своём коронаскепсисе пошёл дальше, когда решил проигнорировать запрет штата Луизианы на публичные собрания и продолжил проводить церковные службы. «Истинные христиане не против смерти», — заявил он в одном из интервью. Участие в богослужениях, по сообщению местной полиции, приняли сотни прихожан, которых к церкви привозили на автобусах со всего штата. Что же касается тех, кто умер, Т. Спелл уверен: зато они «умерли как свободные люди» [4].

Пандемия коронавируса привела к признанию за религиозными лидерами и конфессиональными общинами «особой» роли в решении проблем, стоящих перед всеми людьми, со стороны других структур гражданского общества. Так, 7 апреля 2020 г. Всемирная организация здравоохранения приняла документ, в котором рассматриваются возможности религиозных лидеров и конфессиональных общин в контексте преодоления COVID-19. В документе говорится, что религиозные лидеры, конфессиональные организации и общины «могут внести весомый вклад в спасение жизней и сокращение количества случаев заболевания COVID-19» [20].

Пандемия выявила ещё одну проблему — защита прав и свобод верующих. По мнению ряда экспертов, ограничения, введённые в связи с эпидемией коронавируса, в ряде стран используются для дискриминации «неудобных» религиозных организаций. Об этом в презентации доклада «Мониторинг религиозной свободы в современном мире» [3], представленном Международному информационному агентству «Россия сегодня» в октябре 2020 г., говорил генеральный секретарь

Российской ассоциации защиты религиозной свободы (РАРС) пастор О.Ю. Гончаров. «Пандемия может обострить правозащитную тему, её могут использовать в некоторых странах для выдавливания с религиозного пространства неугодных религиозных течений под предлогом борьбы с пандемией», — сказал О.Ю. Гончаров. Он также отметил, что в пандемию сложно выработать баланс между правом на свободу совести и требованиями безопасности [10].

Религиозные организации и конфессиональные общества в России с началом второй волны пандемии стремились следовать утверждённым Роспотребнадзором 8 мая 2020 г. методическим рекомендациям МР 3.1.0178-20 «Определение комплекса мероприятий, а также показателей, являющихся основанием для поэтапного снятия ограничительных мероприятий в условиях эпидемического распространения COVID-19» [14].

В развитие данных рекомендаций в целях недопущения нарушений прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания, на совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей утвердила Рекомендации «О мерах по недопущению распространения COVID-19 при совершении религиозных обрядов в ходе поэтапного снятия ограничительных мероприятий» [15], в которых перечислены все условия, которые должны соблюдаться на всех этапах развития эпидемиологической ситуации.

Рекомендации предписывают руководителям религиозных организаций «не допускать доступ посетителей в помещения религиозных организаций, в которых выявлены случаи заболевания новой коронавирусной инфекцией среди священнослужителей до завершения противоэпидемических мероприятий, включая проведение заключительной дезинфекции» [15]. Подавляющая часть религиозных организаций Российской Федерации во вторую волну пандемии (с сентября 2020 г. по н.в.) выполняет эти требования.

Интерфакс-религия постоянно сообщает о закрытии на профилактику тех или иных религиозных учреждений в связи с выявленными случаями заболеваний среди священников или прихожан; о призывах религиозных лидеров выполнять требования Роспотребнадзора (носить маски, соблюдать социальную дистанцию, мыть руки и по возможности не посещать храмы и молитвенные дома и пр.).

Подводя итог нашим рассуждениям можно сделать несколько выводов.

В период пандемии COVID-19 глобализационные процессы стали оцениваться национальными и религиозными лидерами иначе. Как для

руководителей государств, так и для руководителей религиозных организаций «общечеловеческие ценности» уступили место «своим» национальным ценностям и интересам: сохранение собственного населения, своей культуры и религии. Поэтому страны так легко пошли на закрытие границ и прекращение внутри- и межконфессионального общения.

Религиозные организации практически во всём мире в период пандемии для защиты прихожан от коронавируса оказались способны приостановить публичные богослужения, которые составляют основу жизни верующих в любых конфессиях и религиях. Сколько бы не критиковали тенденцию к виртуализации современных религий, но именно технологии, возникшие в глобальную эпоху, позволили и позволяют религиозным организациям даже в периоды жёсткого локдауна не прерывать религиозную жизнь и общение прихожан с религиозными лидерами и наоборот.

Пандемия «проверила на прочность» государственно-конфессиональные отношения. Религии и конфессии в подавляющем большинстве оказались законопослушными даже в ущерб собственным интересам. И христиане (католики, православные и протестанты), и мусульмане, и иудеи, и буддисты и пр. приняли необходимые меры для профилактики распространения COVID-19, согласно рекомендациям национальных властей. Религиозные лидеры солидаризируются с властями в борьбе с пандемией, обращаются к пастве и ко всем людям со словами поддержки и ободрения, доносят слово Божие до больных и умирающих, многие ценой собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бог и инфекция // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/30490963.html> (дата обращения: 27.01.2021).
2. Голубева А. Дезинфекция икон и закрытие святынь. Как религия реагирует на коронавирус. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51873460> (дата обращения: 27.01.2021).
3. Гончаров О.Ю. Мониторинг религиозной свободы в современном мире. URL: <http://pressmia.ru/pressclub/20191024/952518473.html> (дата обращения: 28.01.2021).
4. Дагаева К. Экзорцисты против COVID-19. Вредные советы по борьбе с коронавирусом от религиозных фанатиков. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/ekzortsisty-protiv-covid/> (дата обращения: 27.01.2020).
5. Ерофеева К.Л. Религиозное сознание эпохи глобализации: некоторые противоречия // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. № 1. С. 62—65.

6. За время пандемии выросла популярность криптобирж и сайтов о религии. URL: <https://www.comnews.ru/content/205578/2020-04-13/2020-w16/za-vremya-pandemii-vyroslo-populyarnost-kriptobirzh-i-saytov-o-religii> (дата обращения: 27.01.2021).
7. За время пандемии выросла популярность криптобирж и сайтов о религии. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/04/2020/5e90a9929a7947e709631e88 (дата обращения: 27.01.2021).
8. Излученко Т.В. Глобализация религиозного сознания: факторы и тенденции развития // Социодинамика. 2015. № 6. С. 69—79. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=15272 (дата обращения: 28.01.2021).
9. Косиченко А.Г. Глобализация и религия // Глобализация и религия. 2013. № 1. С. 47—58.
10. Куденко А. Эксперт: эпидемию COVID-19 в мире используют для притеснения верующих. URL: <https://ria.ru/20201023/koronavirus-1581108472.html> (дата обращения: 28.01.2021).
11. Лункин Р.Н. Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса. Аналитическая записка. Институт Европы РАН. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an193.pdf> (дата обращения: 26.01.2021).
12. Лункин Р.Н. Механизмы религиозной реакции на пандемию коронавируса // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 104—109.
13. Методические рекомендации МР 3.1.0178-20 «Определение комплекса мероприятий, а также показателей, являющихся основанием для поэтапного снятия ограничительных мероприятий в условиях эпидемического распространения COVID-19». URL: http://47.rosпотребнадзор.ru/sites/default/files/ctools/mr_roetapnoe_snyatie_ogranich._08.05.2020.pdf (дата обращения: 28.01.2021).
14. Минченко Т.П. К вопросу об определении религиозной идентичности в современном мире // Вестник Томского университета. 2009. № 324. С. 99—101.
15. О мерах по недопущению распространения COVID-19 при совершении религиозных обрядов в ходе поэтапного снятия ограничительных мероприятий. Инструкция Роспотребнадзора от 23.05.2020. URL: https://pl.spb.ru/readers/covid_19/Digest_covid/7/Doc_23.05.2020.pdf (дата обращения: 28.01.2021).
16. Около 4 тыс. клириков и монахов РПЦ в России переболели коронавирусом за время пандемии. Интерфакс-религия. 27.01.2021. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=76610> (дата обращения: 27.01.2021).
17. Патриарх Кирилл предостерег духовенство от ковид-диссидентства. Интерфакс-религия. 8.12.2020. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=76290> (дата обращения: 27.01.2021).
18. Патриарх сообщил о существенном сокращении числа прихожан в Москве на фоне пандемии. Интерфакс-религия. 24.12.2020. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=76411> (дата обращения: 27.01.2021).
19. Последствия коронавируса патриархия недооценила. URL: <https://meduza.io/feature/2020/05/10/posledstviya-koronavirusa-patriarhiya-nedootsenila> (дата обращения: 27.01.2020).
20. Практические соображения и рекомендации для религиозных лидеров и конфессиональных общин в контексте COVID-19. Всемирная организации

- здравоохранения. URL: file:///C:/Users/user/Desktop/Религия%20и%20ковид/WHO-2019-nCoV-Religious_Leaders-2020.1-rus.pdf (дата обращения: 26.01.2021).
21. Священники Русской православной церкви продолжат службы во время пандемии. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8108751> (дата обращения: 27.01.2021).
  22. Спасти и сохранить: как ограничивают верующих в пандемию. Как коронавирус влияет на верующих по всему миру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/18_a_13053073.shtml (дата обращения: 27.01.2021).
  23. Строгий режим изоляции против свободы религии и вероисповедания: COVID-19 — это упражнение по укреплению доверия. URL: <https://www.openglobalrights.org/lockdowns-vs-religious-freedom-covid-19-is-a-trust-building-exercise/?lang=Russian> (дата обращения: 28.01.2021).
  24. Суд оштрафовал православный приход в Башкирии за вспышку COVID-19. Интерфакс-религия. 1.08.2020. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=75563> (дата обращения: 27.01.2021).
  25. Шиманская О.К. Социальная деятельность Православной церкви Румынии на фоне борьбы с коронавирусом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 3. С. 101—107.
  26. Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. 2013. № 3. С. 149—162.
  27. Элбакян Е.С. Глобальное и этноконфессиональное в религиозной ситуации на постсоветском пространстве // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Ч. 2. № 3. С. 121—132.

УДК 947.088.8(571.645)“199/200”

Е. Н. ЧЕРНОЛУЦКАЯ*

ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА «КУРИЛЫ»: ЗАМЫСЛЫ И РЕШЕНИЯ (1990-е гг.)

В статье охарактеризованы три варианта проектов по созданию на Курилах особой экономической зоны: 1) зона совместного с Японией хозяйственного освоения; 2) часть свободной экономической зоны «Сахалин»; 3) самостоятельная особая экономическая зона «Курилы» с управлением в Москве. Показано, что все проекты остались нереализованными из-за комплекса внешне- и внутривосточных причин.

Ключевые слова: особая экономическая зона, рыночные реформы, Курилы.

---

* ЧЕРНОЛУЦКАЯ Елена Николаевна — д-р ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: chvalery@mail.ru.

E. N. CHERNOLUTSKAYA
**SPECIAL ECONOMIC ZONE “KURIL ISLANDS”:
IDEAS AND SOLUTIONS (1990s)**

The article reveals three variants of projects for the creation of a special economic zone in the Kuril Islands: 1) a zone of joint economic development with Japan, 2) a part of the free economic zone “Sakhalin”, 3) an independent SEZ “Kuril Islands” with management in Moscow. It is shown that all projects were not implemented due to a complex of external and internal political reasons.

Keywords: special economic zone, market reforms, Kuril Islands.

История особой экономической зоны (ОЭЗ) «Курилы» вплетена в общероссийский процесс формирования рыночных отношений с иностранными партнёрами в рамках радикальной экономической реформы. Вместе с тем судьба этой ОЭЗ отражает характер развития взаимоотношений региона и Центра в вопросе контроля над местными ресурсами, на чём и будет сделан акцент в этой статье.

С конца 1980-х гг. в СССР стала внедряться идея привлечения иностранных инвестиций путём создания свободных экономических зон (СЭЗ) с наделением их налоговыми и таможенными льготами и организации совместных предприятий. В условиях нарастающего кризиса регионы России дружно ухватились за эту возможность, рассчитывая решить свои экономические проблемы. К середине 1991 г. в РСФСР было объявлено о создании 13 СЭЗ [1]. Большую настойчивость в этом проявила и администрация Сахалинской области во главе с В. Фёдоровым: 27 мая 1991 г. Президиум ВС РСФСР принял постановление «О создании свободной экономической зоны „Сахалин“» [6]. Однако при масштабном «параде СЭЗ» у государства не было необходимых средств и правовой базы для их реального функционирования.

После краха СССР и создания Российской Федерации ситуация не изменилась к лучшему. Более того, правительство Е. Гайдара, а позже и В. Черномырдина, сопротивлялось стихийному росту числа СЭЗ. Были приостановлены их регистрация и финансирование, надолго затянулась подготовка федерального закона «Об особых экономических зонах в РФ» (принят в 2005 г.) [1].

В эти тиски попала и СЭЗ «Сахалин». Её администрацию создали только в феврале 1994 г. при губернаторе Е. Красноярове, но уже в 1995 г. областное руководство публично заявляло, что работа этой СЭЗ «заблокирована федеральными органами» [2, 1995, 16 марта, с. 2].

Понимая трудности реализации своего проекта сразу в масштабах всей области, сахалинские власти предприняли тактический манёвр — задались целью добиться поэтапного введения режима особых зон на локальных пространствах: сначала на Курилах, затем в Корсакове, Охе и т.д. [7, 1992, 18 дек., с. 1].

Курильские районы оказались в первом эшелоне этой программы не случайно. В 1990-е гг. они переживали острейший кризис, что составляло одну из самых больших проблем в области и заставляло сахалинцев поднимать её обсуждение на всех возможных уровнях — президента, Верховного Совета, Госдумы, правительства и т.д. Не менее серьёзной причиной особого внимания к субрегиону была его ресурсная и стратегическая значимость в сочетании с обострением геополитического фактора — усилившихся претензий Японии на право обладания Южными Курилами и неопределённой позиции российского руководства в вопросе об их будущей юрисдикции. Всё это поставило Курилы в особое положение и послужило «козырем» для «проталкивания» сахалинским руководством в Москве комплекса мер государственной поддержки [8, с. 163—164; 9, с. 105—106].

Идея создания в этом районе ОЭЗ имела разные вариации. В январе 1990 г. Б. Ельцин, будучи народным депутатом СССР, во время своего визита в Японию признал существование «курильской территориальной проблемы» и обнародовал пятиэтапный план её решения, который включал объявление «спорных территорий» свободными для японского предпринимательства, или «зоной наибольшего благоприятствования японской экономике» [5, с. 512—513].

Думается, что не без влияния этого плана свою идею в марте 1991 г. высказал В. Фёдоров: объявить свободной экономической зоной Южные Курилы и близлежащую японскую территорию (часть Хоккайдо), которые оставались бы в сфере действия своих государственных суверенитетов, но в экономической плоскости образовали единое целое [7, 1991, 6 марта, с. 2].

Более реалистичный вариант озвучил в июле 1991 г. депутат Сахалинского областного Совета, секретарь обкома КП РСФСР В. Белоносов после обсуждения кризисного положения на Курилах: «...Можно предложить крамольную на первый взгляд мысль: к примеру, создать в составе теперь утверждённой СЭЗ „Сахалин“ суперсвободную экономическую зону Курильских островов, в основе которой беспопытная торговля ... Пусть эти острова станут привлекательными для деловых людей...» [7, 1991, 18 июля, с. 1].

Между тем ситуация на Курилах становилась всё хуже и хуже. В феврале 1992 г. В. Фёдоров от имени администрации области обратился

с письмом к Б. Ельцину, в котором просил поддержки в решении неотложных проблем этих районов. Он сформулировал новый подход к их развитию, считая главным создание условий для привлечения инвестиций, а именно заявлял о необходимости «в порядке исключения уже в 1992 г. наделить Курильские острова большей степенью экономической самостоятельности... предоставить им некоторый льготный режим хозяйствования для широкого развития предпринимательства» [2, 1992, 22 февр., с. 1—2].

Эта концепция была детально проработана в сахалинской администрации и представлена в Москве в виде двух проектов: по созданию ОЭЗ «Курилы» и федеральной целевой программы. В течение 1992 г. их упорно «проталкивала» команда В. Фёдорова, в которой активную роль играл вице-губернатор В. Сиренко. 26 октября документы рассматривались на заседании Президиума ВС РФ, где после трудного обсуждения было принято решение поддержать оба проекта с условием доработки [2, 1992, 31 окт., с. 1].

Но и после этого отношение к ним в Москве оставалось неоднозначным. Например, зам. председателя правительства РФ А. Шохин высказался за скорейшее принятие документа по ОЭЗ, поскольку тот «основан на идее Ельцина о совместном освоении спорных островов» [7, 1992, 3 нояб., с. 1]. Министерства же и ведомства старались внести в проекты свои поправки, дабы не выпустить Курилы из-под контроля.

Окончательную точку поставил Указ Президента РФ от 8 декабря 1992 г. «О социально-экономическом развитии Курильских островов», в котором были реализованы предложения сахалинцев. Территория курильских районов объявлялась особой экономической зоной (субзоной) «Курилы», функционирующей в рамках СЭЗ «Сахалин». Зарегистрированным там предприятиям и организациям предоставлялся ряд привилегий и льгот [подробнее см.: 8, с. 165].

Однако сама СЭЗ «Сахалин» практически не работала. Не лучше оказалась и судьба ОЭЗ «Курилы». Её администрация вообще не была создана, так как на это не нашлось средств. Не получил законодательного определения и сам статус субзоны. В этих условиях центр тяжести в решении проблем курильских районов переместился на принятую 17 декабря 1993 г. федеральную целевую Курильскую программу (ФПК), которая хотя и плохо, но всё же финансировалась. А ОЭЗ «Курилы» (так же, как и СЭЗ «Сахалин») была тихо «похоронена». Её первые идеологи — В. Фёдоров (в 1993 г.) и В. Сиренко (в 1995 г.) — после снятия с должностей в сахалинском руководстве уехали в столицу [9].

Но сахалинцы не сдавались. В середине 1990-х гг. на шельфе острова начались работы по добыче углеводородов, привлёкшие крупных

иностранных инвесторов, и область была заинтересована в получении своей доли от этого «пирога». В борьбу вступил третий сахалинский губернатор И. Фархутдинов. В 1995 г. он озвучил новую идею на тему СЭЗ «Сахалин» — в виде создания в области «зоны свободного предпринимательства» [7, 1995, 4 окт., с. 1—2].

Этот вопрос сахалинская администрация 9 апреля 1997 г. вынесла на расширенное совещание с участием чиновников Министерства экономики, руководителей областных ведомств, директоров предприятий и др. На этот раз была предложена формулировка «особая экономическая зона» с ориентацией на сотрудничество со странами АТР. Акцент был сделан на том, чтобы добиться принятия закона, который бы и стал гарантом функционирования этой зоны. Если в 1990—1991 гг. проект СЭЗ на Сахалине воспринимался с энтузиазмом, то в 1997 г. доклад вице-губернатора И. Малахова на заседании встретили с большой долей скепсиса. Тем не менее было принято решение о подготовке законопроекта [7, 1997, 19 апр., с. 1—2].

Сахалинцы работали над ним в течение последующих двух лет, теперь особую активность проявил председатель Сахалинской Думы, член Совета Федерации Б. Третьяк. Понимая, что в условиях безденежья и центробежных тенденций Центр не согласится на предоставление особого статуса целой области, разработчики пошли на уловку и убрали из названия закона раздражающую многих аббревиатуру СЭЗ, в итоге он стал называться «Об особых условиях предпринимательской деятельности на территории Сахалинской области». Концепция строилась на зональном методе формирования особого инвестиционного режима: налоговые и таможенные льготы распространялись на отдельные виды хозяйствования при параллельном действии общих хозяйственно-правовых принципов функционирования. Местные органы власти получали право учреждать на территории области локальные СЭЗ. В данном контексте Курильская особая субзона получала шанс на реанимацию. В июле 1999 г. проект этого федерального закона Сахалинская Дума в порядке законодательной инициативы внесла в Госдуму. Однако он получил отрицательное заключение правительства РФ из-за «выпадающих доходов в федеральный бюджет». В Госдуме его отложили в долгий ящик, где, даже несмотря на одобрение новым президентом В. Путиным, он пролежал 10 (!) лет и в марте 2009 г. был снят с рассмотрения [3; 2, 2000, 11 февр., с. 2; 14 сент., с. 2].

Если отмеченные выше инициативы исходили «снизу» — от региона, — то в 1997 г. свой проект относительно Курил попытались внедрить заинтересованные структуры из Москвы. Толчком послужила активизация российско-японских отношений и вновь поднятая президентская

идея совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах. Её озвучил министр иностранных дел Е. Примаков во время своего визита в Японию в ноябре 1996 г., считая, что это придаст новый импульс переговорам по мирному договору, будет способствовать созданию благоприятной атмосферы для решения проблемы пограничного размежевания [4].

2—3 ноября 1997 г. в Красноярске прошла неформальная встреча лидеров России и Японии, а 18 ноября Госдума РФ заслушала вопрос «О государственной стратегии социально-экономического развития Курильских островов Сахалинской области». Основной доклад делал В. Сиренко (теперь уже московский чиновник), предложивший создать на Курилах «регион интенсивного экономического развития», где местные предприятия наделялись бы правом применять ускоренную амортизацию основных фондов, использовать частичные государственные гарантии инвестиционных проектов и т.д., и всё это закрепить принятием федерального закона, что и было поддержано Госдумой [7, 1997, 2 дек., с. 1].

12—13 ноября 1998 г. состоялся официальный визит японского премьер-министра Обути Кэйдзо в Россию. В ходе переговоров Б. Ельцин снова говорил о создании на «спорных территориях» особой безналоговой зоны под совместным управлением с полной свободой экономической деятельности японцев, но при сохранении суверенитета России [7, 1998, 28 нояб., с. 3].

К этому времени в Москве был подготовлен проект федерального закона «Об особой экономической зоне на территории Курильских островов Сахалинской области», и президент дал указание премьер-министру Е. Примакову срочно заняться его продвижением. Это поручение аналитики расценивали скорее как акт политический, чем экономический. Он был призван продемонстрировать, что Россия начала движение навстречу Японии в деле политического урегулирования.

Проект закона без предварительного согласования с сахалинскими властями был опубликован в «Российской газете» 23 декабря 1998 г., а 19 января 1999 г. — обсуждён на выездных парламентских слушаниях в Южно-Сахалинске, как раз накануне первого заседания российско-японских подкомиссий по территориальному размежеванию и совместной хозяйственной деятельности в районе Южных Курил. Разработанный в недрах министерств и ведомств с привлечением московских НИИ закон отражал интересы Центра и вызвал резкое неприятие со стороны сахалинцев. Они считали, что ОЭЗ на Курилах можно учредить только как этап создания СЭЗ «Сахалин» с соответствующей региональной системой управления. Согласно же рассмотренному

на слушаниях проекту, администрация ОЭЗ «Курилы» получала статус федерального органа с местоположением в Москве, то есть сахалинцы и курильчане отстранялись от рычагов влияния на жизнь своих районов. Не менее важным, по мнению сахалинцев, было и то, что закон фактически выводил Курилы из-под юрисдикции их области, сдавая острова «на милость московским чиновникам и иностранным компаниям, где главенствующая роль будет принадлежать Японии». Высказывалось мнение, что это является частью плана прояпонского лобби, настроенного на «ползучую передачу» Южных Курил Японии [7, 1998, 29 окт., с. 2; 1999, 26 янв., с. 1].

Как выразился журналист В. Курикалов, «московские приватизаторы планируют отнять у Сахалина, у России Курильские острова и создать там зону собственного благоденствия. Туда будут перекачиваться федеральные деньги. Но дойдут ли они до курильчан, не осядут ли в каком-нибудь „московско-курильском“ банке или просто в карманах руководителей администрации зоны, которые будут назначаться в Москве? А куда пойдут средства от эксплуатации и продажи богатейших морских биоресурсов Курил? Во всяком случае, сахалинцам, как явствует из проекта закона, не достанется ни копейки, ни цента...» [2, 1998, 11 нояб., с. 2].

Участовавшие в слушаниях депутаты Госдумы вняли аргументам сахалинцев и большинством голосов рекомендовали федеральным властям работать над законом по СЭЗ, которая охватывала бы Сахалинскую область в целом, что, как показано выше, не увенчалось успехом.

Лоббисты же закона по ОЭЗ «Курилы» в дальнейшем попытались «протолкнуть» его через правительство и президента [2, 2001, 6 июля, с. 2], но и этот проект надолго «завис» в комитетах Госдумы, так и оставшись непринятым.

ВЫВОДЫ

В попытках образования ОЭЗ на Курилах отчётливо просматриваются три группы интересов. Предложение по совместному с Японией хозяйственному освоению субрегиона выступало в виде декларации — как элемент внешнеполитической тактики РФ в решении «территориального вопроса». В двух других вариантах, принявших форму законопроектов, интересантами были внутренние российские акторы, но здесь стоял вопрос уровня управления и контроля — со стороны либо сахалинских властей, либо федеральных. На этом основывалась конкуренция между региональными и московскими лоббистами, но для тех

и других она закончилась ничем. Центральная власть оказалось не готова предоставить субрегиону особые условия предпринимательства, даже с подконтрольностью Москве. Между тем в борьбе между законопроектами на задний план ушла основная цель ОЭЗ — привлечение иностранного капитала для развития островных районов. В тот период при любом варианте ОЭЗ она практически не могла быть достигнута из-за мощного негативного давления на нероссийских предпринимателей со стороны японских властей, считавших Южные Курилы «своей территорией».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Архипов А.Ю., Павлов П.В., Татарова А.В. Институты особой экономической зоны и приграничной торговли как структуры эффективного развития международной инвестиционной деятельности. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011. 294 с.
2. Губернские ведомости. 1992—2001.
3. Досье на проект федерального закона № 99070897-2 «Об особых условиях предпринимательской деятельности на территории Сахалинской области». URL: <https://base.garant.ru/3126058/> (дата обращения: 15.03.2020).
4. Е.М. Примаков и Япония. URL: <https://tokyo.mid.ru/-/e-m-primakov-i-aponia> (дата обращения: 22.01.2021).
5. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времён до начала XXI столетия: уч. пособие / отв. ред. М.С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2008. 712 с.
6. Постановление Президиума ВС РСФСР от 27.05.1991 г. № 1343-1 «О создании свободной экономической зоны „Сахалин“». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9034177> (дата обращения: 23.11.2020).
7. Советский Сахалин. 1991—1999.
8. Чернолуцкая Е.Н. Курилы в 1990-е гг.: рыночные реформы и «пограничный вопрос» // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. № 27. С. 162—178.
9. Чернолуцкая Е.Н. Федеральная целевая Курильская программа: хроника, достижения и провалы первого этапа (1994—2005 гг.) // Реформы конца XX — начала XXI вв. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 103—119.

IV. АРХЕОЛОГИЯ

УДК 903'13(571.63)

И.Е. ПАНТЮХИНА, Ю.Е. ВОСТРЕЦОВ*

**АРХЕОЛОГИЯ МИКРООСТАТКОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ
РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КЛЕРК-5)**

Археология микроостатков возникла как исследовательская процедура в рамках функционального анализа каменных артефактов. За прошедшие годы сформировалось целое направление, которое включает в себя обширный круг источников, разнообразные методы и исследовательские процедуры. В работе рассматриваются единые для всех изучающих микроостатки методов проблемы верификации результатов. На примере исследования керамики ранних земледельцев с поселения Клерк-5 методом анализа древнего крахмала показано применение процедуры верификации к региональным данным. Кроме крахмала удалось обнаружить другие микроостатки, которые возможно идентифицировать.

Ключевые слова: палеоэкология, археология микроостатков, древний крахмал, Южное Приморье, ранние земледельцы, поселение Клерк-5.

I.E. PANTYUKHINA, Yu.E. VOSTRETSOV

**RESIDUE ARCHAEOLOGY:
PROBLEMS AND POSSIBILITIES (THE CASE OF STUDY
THE FIRST FARMERS CERAMIC FROM THE KLERK-5 SITE)**

Residue archeology emerged as a research procedure within the use-wear analysis of stone artifacts. Over the years, a whole direction has been formed,

---

* ПАНТЮХИНА Ирина Евгеньевна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: pantukhina2000@mail.ru
ВОСТРЕЦОВ Юрий Евгеньевич — д-р ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: vost54@mail.ru.

which includes a wide range of sources, various methods and research procedures. The paper deals with the verification problems that are common for all residues and methods. Using the case of studying the ceramics of early farmers from the Klerk 5 site by the method of ancient starch, we show the application of the verification procedure to regional data. In addition to starch, it was possible to find other residues that can be identified.

Keywords: paleoecology, residue archeology, ancient starch research, South Primorye, early farmers, Klerk-5 site.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к микроостаткам, прилипшим к поверхности артефактов, зародился в Северной Америке в 70-х гг. XX в. и впоследствии получил развитие в Австралии. Цель этих исследований сводилась к установлению функции орудия через идентификацию микроостатка. Изначально фокус внимания был направлен на объекты, видимые под микроскопом, такие как зёрна крахмала, фитоциты и клетки крови [10; 11]. Впоследствии к ним добавились объекты, которые стало возможно исследовать биохимическими, молекулярными и генетическими методами: молекулы различных веществ, изотопы химических элементов-маркеров, фрагменты ДНК [6].

Это очевидное разделение сохраняется и в настоящее время и выражено в двух группах методов. Здесь нет противопоставления или попытки установить предпочтительное, это лишь является отправной точкой при выборе инструмента. Первая объединяет методы микроскопии: оптическую (ОМ) и электронную сканирующую (СЭМ). Такой подход позволяет выявить различные микроостатки, описать их морфологию, структуру и, по возможности, идентифицировать по известным эталонным объектам. Вторая объединяет методы физико-химического анализа объектов и веществ: сканирующую электронную микроскопию с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (SEM-EDX), газовую хроматографию-масс-спектрометрию (GC-MS), жидкостную хроматографию-масс-спектрометрию (LC-MS), инфракрасную спектроскопию с преобразованием Фурье (FTIR) и рамановскую спектроскопию. Все эти техники позволяют получить представление об объектах, которые не пригодны для микроскопического анализа и идентификации: об остатках веществ в виде плёнок, растительных и животных клеток, фрагментов молекул, изотопов

химических элементов. Возможны различные комбинации методов из этих групп, что зачастую позволяет получить более широкий спектр данных и перепроверить их [4; 13].

В данной работе мы анализируем проблемы, связанные с верификацией результатов. В качестве примера проводится верификация результатов первого в отечественной археологии исследования керамики методом анализа древнего крахмала.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В АРХЕОЛОГИИ

Бурный рост технологий, разработка новейших приборов, повышение их точности и разрешения открывают для археологов широчайшие возможности. Основные методологические проблемы, которые связаны с анализом микроостатков, можно сгруппировать по следующим позициям:

- взаимосвязь микроостатков и функции орудий / деятельности человека;
- процессы разложения и сохранности микроостатков;
- загрязнение микроостатков.

Обозначенные далее критические замечания едины для всех методов так же, как и подходы для их преодоления*.

Проблема антропогенного происхождения микроостатков. При обнаружении любого микроостатка на артефакте существует соблазн сделать очевидный вывод о его связи с действиями человека, функцией инструмента. Обоснованность сомнения в таком автоматическом заключении подтверждена серией слепых тестов. Результаты показали, что обнаружение какого-либо микроостатка на артефакте *in situ* и его идентификация без учёта других источников** существенно повышают шансы на то, что в категорию орудий попадут артефакты, которые в действительности не использовались [12]. Частным случаем является неверная идентификация микроостатка [8].

В последние годы проходит апробация для задач археологии рамановской конфокальной микроскопии, которая объединяет в себе возможности ОМ высокого разрешения и качественный анализ вещества

---

* Из-за ограниченного объёма статьи даны ссылки на единичные примеры исследований.

** В описываемом тесте испытуемым было запрещено искать и анализировать следы использования.

на артефакте *in situ* [4]. Такая комбинация функций даёт возможность оценивать расположение и распространение микроостатков на орудии и сразу делать анализ их молекулярного состава, выявляя протеины, крахмал, целлюлозу, остатки костной ткани, липиды животного и растительного происхождения. Как правило, в подобных направлениях работают целые коллективы специалистов.

Проблема «антропогенности» не имеет универсального и автоматического решения. В каждом случае необходимо оценивать состояние, расположение и вид микроостатков. Традиционными стали приёмы отбора контрольных образцов из культурных и природных отложений, материалов, которые контактировали с артефактами после извлечения из слоя, при очистке и т.п. В то же время для «свежих» артефактов, отбираемых на анализ, рекомендовано не проводить камеральную обработку.

Проблема сохранности / возраста микроостатков. Вопрос сохранности имеет двойственное значение, так как соотносится с возрастом микроостатка. Сомнения в способности сохраняться больше всего касаются органики. Самый простой способ их разветвь — прямое датирование. Но попытка датировать крахмальное зерно или липидную плёнку, очевидно, несёт в себе большие сложности технического, методического и финансового плана. И проблема здесь вовсе не в том, как это сделать, а в том — нужно ли? В каждом конкретном случае применения любого метода нет обязательной процедуры для установления причин сохранности.

Для поиска ответов на вопрос, как это могло сохраниться, исследователи проводят многочисленные эксперименты и обращаются к совершенно неархеологическим областям знаний [1, с. 107—108]. Такие изыскания приводят к расширению перечня процессов, которые действуют на микроуровне: они могут носить как разрушающий, так и консервирующий характер [9; 1]. Специализированных исследований для нужд археологии в этом ключе не проводится. Для подтверждения археологического возраста микроостатка, т.е. его связи со временем функционирования артефакта, достаточно порой аналитической процедуры. Анализ в этом случае стараются подкреплять надёжным протоколом изъятия образца из культурного слоя, хранения и исследования с исключением возможности современного загрязнения, как это было сделано в случае обнаружения фрагмента шнура на левалуазском отщепе из слоя, датированного средним палеолитом [7].

Для молекулярных микроостатков остро стоит вопрос деградациии. Это актуально для жирных кислот, которым свойственно окисляться и преобразовываться в иные молекулярные структуры. Знание

подобных закономерностей помогает реконструировать изначальное вещество и процесс, вызвавший его распад. Например, есть разница в анализе липидов в керамике и на камнях. Для первой характерно воздействие высоких температур, что меняет липидный профиль продуктов. Тепло увеличивает текучесть липидов и повышает количество адсорбированных молекул в керамике. На камнях же, которые не использовались для кулинарии, подобные процессы не действуют, а липидные остатки имеют иной вид [5].

Проблема загрязнения. Смещение фокуса исследований на микроостатки выявило, что микроотходы нашей жизнедеятельности сопровождают нас повсеместно. Это касается потожировых следов, крахмала, способного перемещаться по воздуху или прилипнуть к каким-либо поверхностям, волокон, пуха, крови, ДНК, изотопов и проч. Поэтому необходимо учитывать проблему загрязнения образцов и искать её решение. Для каждого метода разработаны протоколы отбора артефактов, работы с ними, очистки, извлечения микроостатков, обработки данных и аналитические процедуры для верификации результатов.

Существует два пути загрязнения: из вмещающих отложений и в ходе работы с образцами. В первом случае происходит сбор вмещающих отложений, извлечение микроостатков и сравнение с данными по артефактам и контекстом, чтобы оценить и исключить загрязнённые объекты. Например, для жилища 5 ранних земледельцев на памятнике Кроуновка-1 были отобраны почвенные образцы с уровня пола, выше него, ниже и в современной почве. В двух образцах обнаружен крахмал проса: в яме, в которой находилась тёрочная плита, и на уровне пола жилища. На самой тёрочной плите обнаружен крахмал проса, луговых злаков, луковиц лилии и жёлудя [3]. С учётом контекста эти результаты согласуются между собой, а не свидетельствуют о загрязнении артефакта. Для микроостатков молекулярного уровня суть процедуры та же. Производится сбор, качественный и количественный анализ компонентов в культурном слое и на артефактах. Близкие количественные значения будут расцениваться как свидетельство переноса микроостатка из почвы на артефакт [4]. Во втором случае усилия направлены на предотвращение попадания современных микроостатков на объекты, выявление современных загрязнений и исключение их из исследований. Разрабатываются и проводятся эксперименты для лучшего понимания путей загрязнения.

Перечисленные пункты являются этапами исследовательской процедуры, главная задача которой сводится к установлению надёжной взаимосвязи любого типа микроостатка и деятельности древнего человека во всём её многообразии.

ИССЛЕДОВАНИЕ КЕРАМИКИ МЕТОДОМ АНАЛИЗА ДРЕВНЕГО КРАХМАЛА

Метод анализа древнего крахмала. Процедура применения метода анализа крахмала как средства для изучения системы жизнеобеспечения ранних земледельцев с поселения Клерк-5 ранее описывалась для каменных артефактов [2]. Подробная характеристика методики сбора и изготовления препаратов и количественные результаты являются предметом другой статьи. Здесь мы предлагаем в качестве примера свой способ верификации результатов.

Верификация результатов. Коллекция керамики из поселения Клерк-5 прошла камеральную и лабораторную обработку много лет назад, и мы не можем гарантировать отсутствие современных загрязнений. Почвенное загрязнение можно оценить исходя из количества и типа крахмала в культурных отложениях. Единичные зёрна скорее отражают хозяйственную деятельность человека, чем указывают на возможность осаждения крахмалов на артефакты из почвы [3]. Современное загрязнение мы попытались исключить, сделав предположение, что под почвенным осадком на поверхности черепка должен быть крахмал древнего происхождения. Поэтому предпочтительными для нас стали фрагменты керамики с сохранившейся почвой в оттисках орнамента, изломах и кавернах поверхности. Также отбирались фрагменты керамики с нагаром. Все фрагменты осматривались под биноклем для оценки количества и вида микроостатков. В большинстве случаев на чистой поверхности встречались пылевые, глинистые и почвенные частицы, остатки корешков. Клееные черепки имели следы клея и различные волокна современного происхождения, поэтому они были исключены*. Участки отбора обдувались медицинской грушей, чтобы удалить осевшие микроостатки. Для каждого фрагмента делались соскобы с внешней и внутренней поверхности и на изломе в качестве контрольного образца. Предполагалось, что присутствие крахмала на изломе будет свидетельствовать о загрязнении фрагмента.

Изначально мы отказались от практики верификации результатов, при которой крахмал с внутренней поверхности сосуда расценивается как более надёжный. Во-первых, с почвой контактируют обе поверхности черепка, значит вероятность почвенного заражения одинакова.

* Такие образцы имеют свою ценность. Сбор библиотеки эталонов современных загрязнителей может помочь в их выявлении и повышении надёжности результатов.

Во-вторых, мы предположили, что снаружи закономерно может оказаться намного больше крахмала по следующим причинам: в древности к сосуду прикасались немытыми руками, например, сразу после контакта с каким-либо крахмальным продуктом. Высокая температура не обязательно приводит к разрушению всего крахмала на поверхностях горшка.

Для проверки был организован эксперимент. Мы моделировали ситуацию, в которой последовательно измельчали / насыпали зерно, жёлудь, луковицу лилии и на открытом огне варили похлёбку в глиняном горшке. Во время всего эксперимента руки не очищали никакими средствами кроме отряхивания. Выяснилось, что на внешней поверхности горшка сохранились пригодные для идентификации гранулы крахмала всех растений независимо от того, измельчали их или нет. И их оказалось значительно больше, чем внутри. Такое соотношение было зафиксировано и на археологических образцах. Дополнительно нам удалось идентифицировать сгустки желатинизированного крахмала в археологических образцах. А такие объекты, без всяких сомнений, связаны с функцией сосудов и технологией обработки растений.

В качестве последнего аргумента надёжности полученных данных мы сопоставляем результаты, полученные для каменных артефактов и для керамики. Они совпадают, а кроме того на керамике найден крахмал жёлудя.

Другие микроостатки. В пробах с крахмалом присутствовали и другие микроостатки, которые обладают идентификационным потенциалом. Это различные волокна, принадлежность которых пока не представляется возможным установить. Вопрос их связи с тем, что обрабатывали в сосудах, или того, как они попали на их поверхности, для нас пока не имеет однозначного ответа. Но если мы доказываем, что обнаруженный крахмал связан с функцией артефакта, то и возраст волокон в подобных пробах должен оцениваться по аналогии. Очевидно, что их идентификация поможет получить дополнительную информацию.

Интересной оказалась находка двух фрагментов пуховых лучей птиц. Обнаружены они в пробах с фрагментов развала сосуда. Их удалось идентифицировать с серым гусем (*Anser anser*). Очень вероятно (до 80%), что это пух, которым самки уток и гусей выстилают гнёзда*. Район расположения памятника Клерк-5 находится на пути мигра-

---

* Определение выполнено по микроструктурным признакам (морфологический и морфометрический анализ) сотрудниками Лаборатории экологии и управления поведением птиц ИПЭЭ РАН канд. биол. наук Сергеем Анатольевичем Букреевым и д-ром биол. наук Ольгой Леонидовной Силаевой.

ций этих птиц, а существование палеолагуны способствовало концентрации такого ресурса в непосредственной близости. К сожалению, для времени, соотносимого с исследованной керамикой, не определены кости птиц этого вида, но в более поздних слоях они присутствуют. По столь единичным находкам, конечно, сложно делать однозначный вывод о том, что в этом сосуде сварили плохо ошипанного гуся, но липидный анализ данного черепка может проверить это выдвинутое предположение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достижения естественнонаучных методов в археологии показывают, что за открытиями, какого бы уровня они ни были, стоит кропотливый труд множества исследователей. Любой метод требует выполнения значительного объёма работы заранее, чтобы идентифицировать объекты и маркеры, которые специфичны для конкретных микроостатков, устойчивы к разрушению и присутствуют в достаточно больших количествах, чтобы быть пригодными для обнаружения.

Хотя археологи стали иметь больше возможностей пользоваться достижениями других наук, это по-прежнему сложно. Если оставить в стороне финансовую сторону вопроса, то первая проблема состоит в соблюдении такой процедуры исследования, чтобы доверие к результатам было максимальным. Вторая касается нацеленности археологов на будущие исследования и готовности прилагать усилия для сбора и сохранения различного рода объектов для возможных анализов. Третья заключается в интерпретации результатов. И тут никогда не будет единого рецепта. На наш взгляд, это больше связано с личностными качествами исследователя.

На настоящий момент ОМ остаётся ведущим инструментом в естественнонаучных методах, доступных археологам, в том числе и для личного освоения. В нашей региональной археологии мы ещё не достигли пределов его использования. И пример применения метода анализа крахмала на керамике это продемонстрировал. Иные микроостатки доступны для нашего исследования, но требуют времени и труда по формированию эталонных коллекций, отработке процедур сбора, верификации, а также нуждаются в заинтересованных исследователях.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Пантюхина И.Е. Метод анализа древнего крахмала в вопросах и ответах // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2020. № 1. С. 103—118.
2. Пантюхина И.Е. Отработка процедуры исследования древнего крахмала (по материалам поселения Клерк-5, Приморский край) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20: Археология. С. 75—84.
3. Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е. Новые перспективы изучения эволюции земледелия и собирательства в Восточной Азии в свете метода анализа древнего крахмала // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы междунар. конф. к 100-летию отечественной академической археологии. СПб., 2019. С. 123—125.
4. Bordes L., Prinsloo L.C., Fullagar R., Sutikna T., Hayes E., Jatmiko, Saptomo E.W., Tocheri M.W., Roberts R.G. Viability of Raman Microscopy to Identify Micro-residues Related to Tool-use and Modern Contaminants on Prehistoric Stone Artefacts // Journal of Raman Spectroscopy. 2017. Vol. 48. Iss. 9. P. 1212—1221.
5. Buonasera T. Investigating the Presence of Ancient Absorbed Organic Residues in Groundstone Using GCeMS and Other Analytical Techniques: a Residue Study of Several Prehistoric Milling Tools from Central California // Journal of Archaeological Science. 2007. No. 34. P. 1379—1390.
6. Fullagar R., Furby J., Hardy B. Residues on Stone Artefacts: State of a Scientific Art // Antiquity. 1996. No. 70. P. 740—745.
7. Hardy B.L., Moncel M.-H., Kerfant C., Lebon M., Bellot-Gurlet L., Mélard N. Direct Evidence of Neanderthal Fibre Technology and Its Cognitive and Behavioral Implications // Scientific Reports. 2020. No. 10.
8. Haslam M. Potential Misidentification of in situ Archaeological Tool-residues: Starch and Conidia // Journal of Archaeological Science. 2006. No. 33. P. 114—121.
9. Haslam M. The Decomposition of Starch Grains in Soils: Implications for Archaeological Residue Analyses // Journal of Archaeological Science. 2004. Vol. 31. P. 1715—1734.
10. Kealhofer L., Torrence R., Fullagar R. Integrating Phytoliths within Use-Wear/Residue Studies of Stone Tools // Journal of Archaeological Science 1999. Vol. 26. P. 527—546.
11. Loy T.H., Matthews S., Wickler S. Direct Evidence for Human Use of Plants 28,000 Years Ago: Starch Residues on Stone Artefacts from the Northern Solomon Islands // Antiquity. 1992. Vol. 66. P. 898—912.
12. Rots V., Hayes E., Cnats D., Lepers C., Fullagar R. Making Sense of Residues on Flaked Stone Artefacts: Learning from Blind Tests // PLoS ONE. 2017. Vol. 12 (5).
13. Wang J., Liu L., Ball T., Yu L., Li Y., Xing F. Revealing a 5,000-y-old Beer Recipe in China // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113. Iss. 23. P. 6444—6448.

УДК 902.3(571.63)

И.Ю. БУРАВЛЕВ*

**КОМПЛЕКС МЕРОПРИЯТИЙ ПО СОХРАНЕНИЮ
ЖЕЛЕЗНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ,
НАЙДЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОГО
ПРИМОРЬЯ**

В статье представлены сведения о физико-химических причинах разрушения материала железных археологических предметов, а также описан комплекс мероприятий, направленных на устранение причин разрушения материала с целью обеспечения его долговременной сохранности.

Ключевые слова: археологическое железо, консервация, стабилизация, дехлорирование.

I.Yu. BURAVLEV

**THE COMPLEX OF MEASURES OF ARCHAEOLOGICAL
IRON CONSERVATION EXCAVATED FROM SITES
IN PRIMORYE (RUSSIA)**

The paper provides information about the physical and chemical causes of material deterioration of iron archaeological objects and describes measures to eliminate the causes of material deterioration to ensure its long-term conservation.

Keywords: archaeological iron, conservation, stabilization, dechlorination.

Железные археологические предметы после длительного пребывания в грунте имеют метаморфизированную форму с объёмными изменениями и разрушениями, которые в общем случае обусловлены неоднородностью химического состава и структурных составляющих материала. Эта закономерность справедлива для большинства предметов, в том числе найденных в результате раскопок археологических памятников на территории Приморского края.

Находясь в грунтах, железоуглеродистые сплавы имеют постоянный контакт с почвенным раствором. Почвенный раствор является сильным водным электролитом, в присутствии которого возможно

---

* БУРАВЛЕВ Игорь Юрьевич — канд. хим. наук, Институт химии ДВО РАН.
E-mail: buravlev.i@gmail.com.

анодное окисление железа. Структурные составляющие сплавов системы Fe—Fe₃C отличаются по значению электродных потенциалов, поэтому короткозамкнутые коррозионные микроэлементы, образующиеся при контакте этих сплавов с растворами электролитов, работают очень интенсивно. Интенсивность процесса коррозии зависит от уровня растворённых в электролите примесей. Стремление системы понизить поверхностную энергию приводит к тому, что заряд потенциалопределяющих ионов железа, непосредственно связанных с поверхностью, компенсируется зарядом анионов, поступающих из окружающего электролита. Доминирующими анионами в почвенном растворе являются анионы Cl⁻, которые увеличивают проводимость электролита и обладают способностью активировать металл, вытесняя пассиваторы с поверхности, чем облегчают переход ионов металла в раствор [13; 14].

По мере протекания коррозии археологического железа (АЖ) анодная и катодная реакции локализуются. Поверхность железа пассивируется неравномерным рыхлым, хрупким и плохо соединённым с поверхностью металла продуктом коррозии, сцементированным с органическими включениями, песком и иными примесями. Скорость коррозии снижается, а кислотность в анодной области возрастает. Замедление коррозионного процесса может происходить из-за образования на поверхности фазовых или адсорбционных слоёв, тормозящих анодный процесс. Анодная деполяризация и утолщение пассивирующей плёнки слабо растворимых продуктов коррозии железа с течением времени затрудняют доступ электролита к поверхности металла, замедляя интенсивность диффузии реагентов к анодному участку. В конечном итоге АЖ может достигнуть некоторого относительно стабильного состояния естественной консервации. Псевдоравновесное состояние материала в таких условиях возникает в результате формирования на его поверхности слоя продуктов коррозии, который выступает в качестве защитного барьера. В непо потревоженном культурном слое затруднён доступ кислорода к предмету, нет резких перепадов температуры, влажность относительно постоянна, нет доступа света. В таком состоянии предметы могут находиться в грунте на протяжении многих веков, подвергаясь медленному разрушению.

Извлечение археологических предметов из привычных для них условий неминуемо приводит к ускорению разрушительных процессов в материале. На извлечённый объект влияет среда, более насыщенная кислородом, имеющая избыточную влажность и более высокую температуру с широким диапазоном её перепадов. В таких условиях, как правило, активизируется процесс биоразрушения сохранившихся

органических материалов, ускоряется коррозия многих металлов, возникает опасность высыхания. Для объектов, извлечённых из влажных (заболоченных) сред, потеря влаги, особенно резкая, приводит к стремительному разрушению.

Для археологических памятников Приморского края в летний период времени характерна высокая влажность и перепады температур. Извлечение предмета из грунта сопровождается для них резким изменением среды. Преобладающее значение на этапе извлечения железного предмета из грунта имеют электрохимические гетерогенные процессы, протекающие в тонких слоях влаги, конденсирующейся на поверхности металла. Гидратация накопленных в прианодных участках на границе металлического железа и в продукте коррозии гигроскопичных соединений солей хлорного железа приводит к образованию в слоях продукта коррозии желтовато-красного раствора с рН 1—3. Образующийся раствор в достаточной степени мобилен, чтобы заполнить собой весь объём минерализованного слоя. В отдельных случаях капли раствора проступают на поверхности материала. Это явление представляет собой первый видимый признак активной коррозии железа. Как правило, оно наблюдается через 20—30 мин. после извлечения предмета из грунта, что говорит о высокой скорости процесса. Чем интенсивнее на поверхности объекта формируется раствор хлорного железа, тем впоследствии более выражено разрушение объекта. Если железный объект извлечён из грунта, подвержен воздействию влажного воздуха и в дальнейшем подвержен сушке, то дегидратация соединения $\text{FeCl}_x \cdot n\text{H}_2\text{O}$ сопровождается его собирательной кристаллизацией. Это приводит к концентрации солей в порах материала и на отдельных участках. На границе раздела металлического железа и продукта коррозии концентрация кристаллов будет значительно выше, чем она была на момент изъятия предмета из грунта. За счёт увеличения своего объёма кристаллизующиеся соли создают давление в микрообъёмах материала. Перенасыщенное давление солевого раствора преодолевает механическую прочность материала, тем самым вызывая его разрушение — в предмете в микрообъёмах скапливаются напряжения, что приводит к появлению макроскопических дефектов.

Именно такой тип разрушения — скопление очагов собирательной кристаллизации на границе металлического железа и продукта коррозии — наиболее характерен для абсолютного большинства случаев разрушения АЖ. Согласно описанному выше механизму даже образцы, демонстрировавшие относительную стабильность на момент изъятия из грунта, уже спустя 4 месяца хранения в кабинетных условиях оказываются разрушенными. Остановка процесса атмосферной коррозии

в случае контакта железа в присутствии соединений $\text{FeCl}_2 \cdot 4\text{H}_2\text{O}$ и $\beta\text{-FeOOH}$ происходит при относительной влажности 12%, что на практике достичь затруднительно [15].

Комплекс мероприятий по сохранению, предложенный для обработки железных археологических предметов, собранных на территории Приморского края, можно разделить на несколько последовательных этапов, а именно, на предпринимаемые мероприятия в условиях археологической экспедиции (1), при обработке в лабораторных условиях (2) и долговременном хранении в законсервированном состоянии (3).

Сохранить железный предмет в исходном состоянии не удастся, но скорость разрушения может быть снижена упаковкой предметов в условиях контролируемого микроклимата (осушивание силикагелями, частичное вакуумированием и/или введение в контейнер адсорберов кислорода). Также в условиях экспедиции первичные мероприятия по сохранению могут включать в себя изъятие предмета вместе с грунтом или начало процесса обработки материала непосредственно в полевых условиях, например, путём сопряжения процесса хранения с началом обработки в слабощелочном растворе. В зависимости от условий эти методы могут повысить эффективность мер по сохранению АЖ [12]. В то же время такой подход предполагает наличие в экспедиции мобильной полевой лаборатории с набором необходимого оборудования, химических реактивов, инструментов, а также средств индивидуальной защиты. Один из возможных вариантов комфортного решения проблемы доступа к специальным лабораторным условиям — заблаговременная договорённость с местными школами об использовании лабораторий химических классов или с местными краеведческими музеями о предоставлении доступа в камеральные мастерские. В литературе имеется достаточно подробное описание подобной процедуры [10]. При осуществлении процедур по сохранению АЖ крайне важно соблюдать порядок их проведения. Процесс обработки, который начинают с промывки, должен быть без прерываний полностью доведён до конца. В противном случае несколько циклов смачивания и высушивания предмета негативно скажутся на целостности минерализованного слоя.

При отсутствии возможности начать работы в полевых условиях железные археологические находки упаковываются в герметичный контейнер [16]. В контейнере формируется специальный микроклимат: избыточная влажность снижается силикагелем, в контейнер помещается адсорбер кислорода, ограничивается доступ солнечного света. Временной промежуток между извлечением находки из грунта и началом комплекса мероприятий в лабораторных условиях сводится к минимуму.

В лабораторных условиях осуществляются следующие этапы комплекса консервационных мероприятий: анализ предмета, стабилизация материала, реставрационное вмешательство, нанесение защитных покрытий и контроль качества консервации.

Находка анализируется на предмет скрытых дефектов методом рентгенодефектоскопии. Неразрушающим методом рентгенофлуоресцентной спектрометрии проводится определение количественного элементного состава сплава и минерализованного слоя [4]. Проводится комплексный анализ находки на предмет обнаружения технологических и художественных особенностей. Далее предмет расчищается.

Непосредственно консервация археологических железных предметов представляет собой комплекс мер, центральное место в котором занимает процесс стабилизации. Он предполагает удаление влаги и растворённых в ней катализаторов коррозии с последующим нанесением защитного покрытия, изолирующего объект от контакта с окружающей средой [8]. В настоящее время в мировой практике широко распространён метод стабилизации АЖ водными щелочными растворами, эффективность которых обуславливается повышенной растворимостью различных веществ при высоких значениях pH [11; 12]. Существуют и прочие методы, в том числе усовершенствованные методы щелочной обработки. В частности, ранее нами был разработан способ обработки АЖ субкритическими растворами [2; 3; 5—7; 9]. Стабилизация предмета в субкритических щелочных растворах осуществляется в автоклаве или в гидротермальном реакторе в диапазоне температур от 105 до 250 °С, давлений от 1 до ~ 40 атм. и продолжительностью до 312 ч. Возможность применения такой обработки рассматривается индивидуально и только для предметов, плотность которых превышает 5,5 г/куб. см.

Обработанный в щелочных растворах предмет тщательно промывается от остатков реактива и сушится в вакуумном сушильном шкафу. После чего при необходимости проводится реставрационное вмешательство.

Нанесение консервационных покрытий осуществляется вакуумной пропиткой охлаждённым раствором акриловой смолы Paraloid B-72 при давлении — 0,08 МПа с выдержкой в 10 мин. и последующей сушкой. Для изолирования отдельных участков, которые в дальнейшем могут стать концентраторами коррозионных очагов, на неровные участки точечно наносится консервационный материал. Качество консервационного покрытия проверяется коррозионным испытанием в эксикаторе с влажным воздухом. При отсутствии признаков рецидивной

коррозии предмет передаётся на хранение в музей, где он находится в контролируемых условиях температурно-влажностного режима ($45 \pm 5\%$ при 25 ± 3 °С). В первые два месяца хранения предмета в музейных условиях мониторинг состояния осуществляется еженедельно. Консервация считается успешной в случае отсутствия признаков рецидивной коррозии по истечении 6 месяцев. В случае нарушения целостности и изменения цвета консервационного покрытия предмет возвращается в лабораторию на повторную консервацию.

В заключение следует отметить, что изложенные в настоящей статье подходы к сохранению железных археологических предметов, которые успешно применяются для обработки материалов, собранных на археологических памятниках Приморья, отличаются относительной технологической простотой и аппаратурным оформлением. Таким образом, в оптимизации работ особую значимость приобретает грамотная организация комплекса мероприятий как процесса сопряжения археологической практики с корпусом технико-технологических задач. В первую очередь должна быть минимизирована задержка между извлечением предмета из грунта и началом работ по его сохранению, поскольку именно этот этап может снижать эффективность принятых мер, затруднять и существенно увеличивать длительность процедуры стабилизации материала. Наилучший результат достигается, если работы по сохранению предмета начаты непосредственно в полевых условиях. В остальном при соблюдении указанного условия доступности необходимого лабораторного оборудования и наличия специалистов, профессионально обученных реставрации и консервации [1], предложенный в общем виде в статье подход гарантирует долговременную сохранность археологических материалов.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-18-00081 и государственного задания ИХ ДВО РАН (номер государственной регистрации темы 0205-2021-0001).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Буравлев И.Ю. Некоторые аспекты реставрационно-консервационной практики // Вестник ДВО РАН. 2012. № 5. С. 94—105.
2. Буравлев И.Ю., Цыбульская О.Н., Юдаков А.А., Никитин Ю.Г., Чириков А.А., Гельман Е.И., Ярусова С.Б. Консервация железных археологических предметов. М.: РИОР. ИНФРА-М, 2021. 168 с.
3. Пат. 2487194 Российская Федерация МПК С23F 17/00. Способ консервации археологических находок из железа и его сплавов. Цыбульская О.Н.,

- Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Чириков А.Ю., Никитин Ю.Г.; заявитель и патентообладатель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт химии Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИХ ДВО РАН). № 2012106994/02; заявл. 27.02.2012; опубл. 10.07.2013, Бюл. № 19. 7 с.
4. Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Никитин Ю.Г. Использование физико-химических методов анализа при изучении археологических объектов // Вестник ДВО РАН. 2010. № 5. С. 85—90.
  5. Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Чириков А.Ю., Никитин Ю.Г. Коррозионные разрушения археологического железа и методы его стабилизации // Вестник ДВО РАН. 2012. № 5. С. 23—32.
  6. Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Чириков А.Ю., Никитин Ю.Г. Фазовые превращения оксигидроксидов при стабилизации археологического железа субкритическими растворами // Химическая технология. 2013. № 14. С. 71—78.
  7. Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Гельман Е.И., Никитин Ю.Г. О влиянии гидротермальной обработки археологического металла на его металлографическую структуру // Вестник ДВО РАН. 2014. № 2. С. 62—67.
  8. Юдаков А.А., Никитин Ю.Г., Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю. Важнейшие принципы консервации и реставрации археологических объектов (с использованием опыта работы научной лаборатории консервации в Национальном музее Кореи) // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 94—101.
  9. Buravlev I.Yu., Tsybul'skaya O.N., Yudakov A.A., Nikitin Yu.G. The Method of Archaeological Iron Hydrothermal Stabilization in Subcritical Temperature Alkaline Solution // Proceeding of 20th Anniversary Festival of Korea Society of Conservation Science of Cultural Heritage and the 34th International Conferences of the Korean Society of Conservation Science of Cultural Heritage. Chunnam: The Korean Society of Conservation Science of Cultural Heritage, 2011. P. 63—66.
  10. McCawley J.C., Stone T.G. A Mobile Conservation Laboratory Service // Studies in Conservation. 1983. No. 28. P. 97—106.
  11. North N.A., Pearson C. Washing Method for Chloride Removal from Marine Iron Artifacts // Studies in Conservation. 1978. No. 23. P. 174—186.
  12. Selwyn L.S., Argyropoulos V. Removal of Chloride and Iron Ions from Archaeological Wrought Iron with Sodium Hydroxide and Ethylenediamine Solution // Studies in Conservation. 2003. No. 50. P. 83—100.
  13. Selwyn L.S., Sirois P.I., Argyropoulos V. The Corrosion of Excavated Archaeological Iron with Details on Weeping and Akaganéite // Studies in Conservation. 1999. No. 44. P. 217—232.
  14. Turgoose S. Structure, Composition and Deterioration of Unearthed Iron Objects // Current Problems in the Conservation of Metal Antiquities. Tokyo: Tokyo National Research Institute of Cultural Properties, 1993. No. 13. P. 35—52.
  15. Wang Q. Effect of Relative Humidity on the Corrosion of Iron: an Experiment View // The British Museum Technical Research Bulletin. 2007. Vol. 1. P. 65—73.
  16. Watkinson D., Neal V. First Aid for Finds. United Kindom: Lavenham Press Limited. 2001. 120 p.

УДК 903.4(571.65)“634”

С. Б. СЛОБОДИН*

МИКРОПЛАСТИНЧАТЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ УИ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА К НЕОЛИТУ НА КОЛЫМЕ

В статье дана характеристика уолбинской раннеголоценовой традиции, послужившей основой раннеолитической культуры Колымы.

Ключевые слова: археология Колымы, Якутии, Камчатки и Чукотки, ранний голоцен, уолбинская культура, мезолит, ранний неолит Северо-Востока Азии, традиция пластинчатых черешковых наконечников.

S. B. SLOBODIN

MICROBLADE COMPLEX OF THE UI SITE AND THE PROBLEM OF THE TRANSITION TO THE NEOLITHIC ON THE KOLYMA

The article discusses the early Holocene Uolba tradition served as the basis for the early Neolithic culture of Kolyma.

Keywords: archaeology of the Kolyma, Yakutia (Sakha), Kamchatka and Chukotka, Early Holocene, Uolba tradition, Mesolithic and Early Neolithic of Northeast Asia, blade stemmed points tradition.

С стоянка Уи была открыта автором в середине 80-х гг. XX в. в междуречье верховий рек Колымы и Индигирки, на небольшом озере Уи, сформировавшемся в послеледниковое время в районе хребта Оханджа на юге хребта Черского [21].

Она располагается на пологой 3—4-метровой террасе северного берега озера на площади около 1000 кв. м. На исследованной территории (около 100 кв. м) выявлено более 5 тыс. находок (каменные орудия и отходы их производства), залегающих в бурой супеси на глубине до 20 см.

Первичное расщепление выражено коническими и призматическими нуклеусами для получения макро-, мезо-пластин и микропластинок, из которых делали наконечники, угловые резцы, ножи, ретуширо-

---

* СЛОБОДИН Сергей Борисович — канд. ист. наук, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН, г. Магадан. E-mail: sslobodin@mail.ru.

ванные вкладыши пазовых орудий, проколки. Нуклеусы представлены сработанными экземплярами, сколами подправки отжимных площадок (core tablet) и ребристыми сколами. Сколотые с них крупные пластины указывают, что они достигали высоты 10—15 см (рис. 1: 1—3, 5, 11, 22).

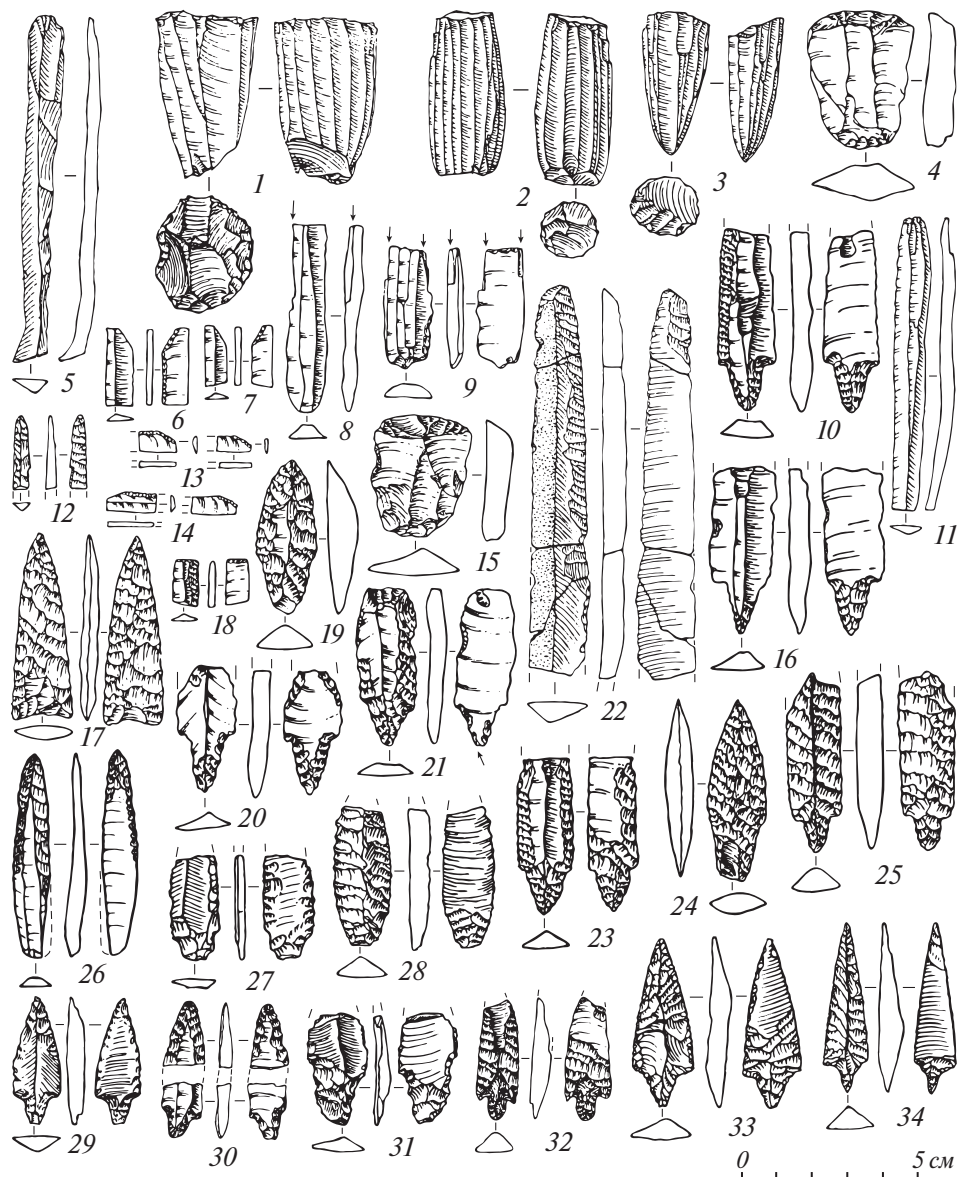

Рис. 1. Каменные орудия стоянок Уи (1—25), Придорожная (30, 32) и стоянок неолита Верхней Колымы: Усть-Нил (26, 28, 31, 33—34), Малкачан-4 (27), Хуренджа VIII (29)

Несмотря на отсутствие среди находок изделий из органики, кремневые микропластинки указывают на широкое использование пазовых орудий (наконечников и ножей) из кости и рога с лезвием из вставленных в пазы ретушированных по краю вкладышей. Специфической особенностью некоторых микровкладышей является наличие у торца скошенного ретушью края, создающего плавный переход между поверхностью костяной обоймы к лезвию из микропластинок (рис. 1: 6—7, 13—14, 18).

Концевые скребки сделаны на пластинчатых отщепах и крупных пластинах (рис. 1: 4, 15). Резцы углового типа, одинарные и двойные (рис. 1: 8—9). Топор представляет собой оббитое изделие овальной формы с односторонне-выпуклым сечением.

Выделяются два типа наконечников: черешковые на пластинах и бифасиально обработанные, треугольной и листовидной формы (рис. 1: 10, 16—17, 19—21, 23—25). Из пластин делали и характерные черешковые наконечники стрел уолбинского типа (по стоянке Уолба на Лене, см.: [14; 15]) с различной степенью обработки. У одних отжимной ретушью оформлены только остриё и черешок, другие дополнительно ретушированы по одному или обоим краям; кроме того, имеются и полностью ретушированные. Они, вместе с другими орудиями, являются определяющими при выделении традиции пластинчатых наконечников уолбинского типа, распространившейся в раннем голоцене в Якутии, на Колыме, Чукотке и Камчатке [20; 23].

Остатков фауны на стоянке не сохранилось. Планиграфия, а также многочисленность готовых и утилизированных орудий указывают, что это был долговременный жилой и хозяйственный комплекс. Заготовок орудий и первичных отходов обработки сырья на стоянке нет, преобладают пластинки, готовые изделия и мелкие отщепы — результат вторичной обработки и подправки орудий.

По углям, собраным в углистых пятнах (предположительно, очагах) со скоплениями находок, получены С-14 даты 8695 ± 100 ; 8810 ± 235 (GX-17066, 17067); 8370 ± 190 ; 8310 ± 240 (LE-3990, 4652).

Ко времени открытия стоянки Уи в археологии каменного века Северо-Востока Азии (в Якутии и на севере Дальнего Востока) сложилась относительно устойчивая культурно-хронологическая схема, включающая дюктайскую и ушковскую культуры палеолита возрастом древнее 10 тыс. лет, сумнагинскую и сибердииковскую культуры мезолита в раннем голоцене [5; 12], сылахскую и белькачинскую культуры среднего голоцена, ымыяхтахскую, северо-чукотскую и усть-бельскую культуры позднего голоцена [5; 13]. Но фактический материал, полученный со стоянки Уи, не укладывался в данную схему и вызвал необходимость выйти за её границы, дополнить её и расширить. Сделать

это всегда непросто (см., например, дискуссию о «мезолите»: [5; 22]), требуется тщательное согласование характеристик материала по многим параметрам. В первых публикациях, посвящённых стоянке Уи, она была предварительно отнесена к раннему неолиту, что аргументировалось наличием двусторонней обработки орудий, появляющейся в неолите Якутии после длительного периода доминирования унифасиальной технологии сумнагинской культуры; при этом делалась оговорка, что «вопрос о времени существования этих стоянок остаётся пока открытым...» [21]. Основанием для сомнений было отсутствие в комплексе стоянки Уи таких выразительных черт (маркеров) уже хорошо тогда изученного неолита Якутии, как керамика, шлифованные орудия, полиэдрические резцы, ступенчатые тёсла и др. [13].

Анализ материалов стоянки показал, что характеристики её микропластинчатого комплекса, где около 90% орудий сделаны на ножевидных пластинках, больше соответствуют раннеголоценовым комплексам стоянок Якутии [12], хотя по другим факторам (пластинчатые черешковые наконечники, бифасиальная обработка орудий и др.) Уи резко от них отличается. Возможно, определённую роль в формировании уолбинского комплекса сыграла среднеамурская раннеголоценовая новопетровская культура [4], однако присутствие в её материалах керамики осложняет эту аналогию.

Подобные Уи, но проблематично атрибутированные и недатированные по С-14 комплексы были отмечены ещё на нескольких стоянках Колымы (ИНГ-78, Конго-78, Агробаза, Придорожная (рис. 1: 30, 32)), Индигирки (Юбилейный), Лены (Уолба). На основе технико-типологического единства они были объединены в уолбинскую мезолитическую традицию пластинчатых наконечников, наряду с существовавшей здесь сумнагинской культурой [12; 18; 22; 23]. Уолбинские материалы представляют более поздний, чем сумнагинская культура, этап развития мезолита данного региона накануне формирования неолита.

Полученный С-14 возраст стоянки позволил определить время её существования в рамках 7—8 тыс. л.н. Нижняя граница раннего неолита Якутии — центра культурных инноваций для Колымы и Чукотки — ограничена датой 6200 ± 100 лет (рубеж V—IV тыс. до н.э.) [1; 5, с. 96; 8; 12, с. 253].

Формирование раннего и среднего неолита на Колыме происходило под влиянием уолбинской традиции, что выразилось в сохранении там пластинчатых форм черешковых наконечников [19; 23; 7].

В недавнем обзоре по неолиту крайнего Северо-Востока Азии, опубликованном в «Учёных записках Сахалинского государственного университета», было определено, что «неолит Колымы соотносят

с малтанскими (Диков, 1979) или сумнагинскими (Слободин, 2010а) традициями из-за сочетания односторонней и двусторонней обработки орудий», а возраст II слоя стоянки Малтан определён как «около 7,5 тыс. л.н.» [16, с. 113]. Оба этих тезиса не соответствуют фактам, принятым в современной парадигме изучения неолита Колымы. Первый из них основан на гипотезе Н.Н. Дикова конца 1970-х гг., когда мезолит и неолит Верхней Колымы (но не всей Колымы!) и Чукотки [6, с. 117] характеризовался на основе единственно тогда известных стоянок Малтан, Сибердик (I, II слой) и Конго [5]. Исследования последних 35 лет по всему бассейну Колымы и Приохотью данную гипотезу не подтвердили [3; 7; 10; 11; 19]. С.П. Кистенёв отмечал, что с тех пор «...якутские и магаданские археологи открыли более 180 разновременных памятников на всём протяжении Колымского бассейна» [11, с. 34—35]. При анализе раннеголоценовых индустрий Северо-Востока Азии «малтанский комплекс» давно выведен за рамки обсуждения из-за неопределённости облика его индустрии и возраста [3; 9; 21]. Контрольное датирование нижнего слоя стоянки Малтан показало её возраст в 4012 ± 102 л. (DRI-3286).

Второй тезис о том, что неолит Колымы «соотносят с ... сумнагинскими (Слободин, 2010а) традициями» [16], ошибочен, поскольку ни в публикации, указанной в цитате, ни в какой-либо другой работе С.Б. Слободина он не «соотносится» с материалами сумнагинской культуры, на стоянках которой нет керамики, шлифованных и бифасиальных орудий, характерных для неолита Колымы. Отмечалось, что развитие «...культур Колымы в неолите происходило отчасти под влиянием мезолитической уолбинской культуры» [23]. Но решающее значение в формировании неолитических культур на Колыме всё же имело появление новых технологий, которые «...вероятнее всего, следует связывать с продвижением (из Якутии, Дальнего Востока. — С.С.) на север кочевых охотничьих племён, начавшимся ещё в палеолите и закончившимся в историческое время. В неолите это продвижение (как писал ещё А.П. Окладников [14, с. 133]), „усилилось и приобрело чёткие формы“» [19, с. 171].

В.А. Кашин на основе своих исследований на Средней Колыме сделал вывод, что развитие ранненеолитической культуры этого района шло «при активных этнокультурных контактах с племенами приленской сыалахской культуры, а также с населением бассейна Верхней Колымы, которое уже в мезолите было вооружено черешковыми метательными наконечниками на пластинах „уолбинского“ типа (Слободин, 1999)» [7, с. 145]. На стоянках раннего неолита (Каменка I, II, Лабуя III, Помазкино II, III) исключительно широко представлена «сетчатая» керамика со сквозными отверстиями под бортиком, хорошо

развита техника получения микропластинок с призматических нуклеусов (76% орудий сделаны из пластин и микропластин); наряду с наконечниками треугольной и листовидной формы присутствуют и черешковые наконечники на пластинах [7].

На Верхней Колыме пластинчатые черешковые наконечники представлены в средненеолитических комплексах (стоянки Хуренжа VIII, Усть-Нил) (рис. 1: 24—27, 29, 31—32), хотя сложная стратиграфия этих стоянок и трудности датирования комплексов из компрессионных слоёв допускают возможность отнесения их и к раннему неолиту [19].

В настоящее время ареал выявленных комплексов уолбинской традиции расширяется [3; 9; 17].

Исследования показали, что «наиболее выразительным компонентом позднемезолитических стоянок Западной Чукотки являются наконечники стрел на ножевидных пластинках», в том числе черешковые [9, с. 84]. М.А. Кирьяк отмечает, что «все присутствующие в комплексах [Западной Чукотки. — С.С.] формы находят свои аналогии среди артефактов стоянки Уи (левобережное Приколымье)», и для их выделения «важным представляется серия радиоуглеродных дат, полученных для стоянки Уи (Слободин, 1999, с. 135)» [9, с. 84]. А в раннем неолите Чукотки (стоянка Большой Нутенеут II) наряду с керамикой присутствуют и не характерные для Якутии полностью ретушированные трёхгранные черешковые наконечники, аналогичные представленному в комплексе стоянки Уи [18, рис. 61: 5].

В.В. Питулько [17] расширяет ареал уолбинской традиции: помимо уже обозначенных территорий Чукотки, Камчатки, Верхней Колымы и Восточной Якутии, он включает в него и территорию п-ова Таймыр, где пластинчатые наконечники найдены на стоянке Тагенар VI и ряде других памятников неолита.

Анализ комплексов каменного века на Северо-Востоке Азии в последних публикациях по данной теме проводится уже с учётом материалов уолбинской традиции Верхней Колымы. Отмечается «синтетический характер» индустрии уолбинского комплекса в ряду других голоценовых культур Северо-Востока Азии [3], публикуются новые материалы, которые «уточняют ареал изделий класса черешковых пластинчатых наконечников... дают дополнительный материал к анализу их вариабельности и, возможно, более точному определению „уолбинского типа“» [2, с. 214].

Далеко не все проблемы, связанные с уолбинской традицией и формированием неолита Колымы, решены, поэтому поиск новых памятников этой традиции является актуальной задачей исследований мезолита — раннего неолита Северо-Востока Азии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 1996. 144 с.
2. Воробей И.Е. К вопросу о распространении черешковых пластинчатых наконечников стрел на Севере Дальнего Востока // Чтения памяти академика К.В. Симакова. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2015. С. 214—217.
3. Воробей И.Е. Раннеголоценовые индустрии крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 56—58.
4. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
5. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
6. Диков Н.Н., Кирьяк М.А. Открытие первых мезолитических и неолитических памятников на Западе Чукотки (на озере Тытыль в верховьях реки Малый Анюй) // Краеведческие записки Магаданского обл. краевед. музея. 1982. Вып. 12. С. 115—124.
7. Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
8. Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. М.: Наука, 1993. 224 с.
9. Кирьяк (Дикова) М.А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
10. Кистенёв С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1990. 22 с.
11. Кистенёв С.П. Результаты исследований в зоне затопления Усть-Среднеканской ГЭС (Верхняя Колыма) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999. С. 34—40.
12. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
13. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 254 с.
14. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.
15. Окладников А.П. Ленские древности. Якутск: Якутская гос. тип., 1946. Вып. 2. 186 с.
16. Орехов А.А. Формирование и развитие археологических культур крайнего Северо-Востока Азии в неолите // Учёные записки Сахалинского государственного университета. 2015. № 1. С. 109—116.
17. Питулько В.В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М., 2003. С. 99—145.
18. Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.
19. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.
20. Слободин С.Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // Российская археология. 2018. № 3. С. 58—74.

21. Слободин С.Б. Новые археологические памятники Верхней Колымы и континентального Приохотья // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1993. С. 26—33.
22. Слободин С.Б. Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы «мезолита» Северо-Востока Азии // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996. С. 204—212.
23. Слободин С.Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 2. С. 110—119.

УДК 902(571.56+571.65)

А.Ю. ЗЕЛЕНСКАЯ, С.Б. СЛОБОДИН*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХЕОЛОГИИ ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ

В статье представлены и проанализированы результаты исследований последних лет на Верхней Колыме, позволяющие осветить ряд актуальных проблем археологии северо-востока Азии.

Ключевые слова: археология Верхней Колымы, ранний голоцен, мезолит, неолит северо-востока Азии.

A.Yu. ZELENSKAYA, S.B. SLOBODIN

NEW DATA ON THE ARCHEOLOGY OF THE UPPER KOLYMA

The article presents and analyzes the results of recent studies in the Upper Kolyma, allowing to highlight a number of topical problems of archeology at northeast Asia.

Keywords: archaeology of the Upper Kolyma, Early Holocene, Mesolithic and Neolithic of the Northeast Asia.

Исследования последних лет, проводимые Верхнеколымским отрядом Северо-Восточного Комплексного НИИ ДВО РАН в континентальных районах Магаданской области, позволили расширить наши знания по археологии Верхней Колымы на основе изучения более 15 вновь открытых стоянок каменного века. Выявленные стоянки

---

* ЗЕЛЕНСКАЯ Алиса Юрьевна — Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, г. Магадан. E-mail: zelenskaya.mgd@yandex.ru.

СЛОБОДИН Сергей Борисович — канд. ист. н., Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН, г. Магадан. E-mail: sslobodin@mail.ru.

охватывают большой период истории Колымы — от раннего до позднего голоцена, представляя новые данные об эпохах мезолита, неолита и раннего металла этого региона.

Материалы мезолита выявлены на стоянках Бурхала, Запятая, Налимная.

Неолитические материалы выявлены на стоянках Иганджа и Басандра 7.

СТОЯНКА БУРХАЛА

Стоянка находится на Бурхалинском перевале в отрогах системы горы Морджот и хребта Мал Аначаг. Обследование перевала высотой 1020—1030 м над уровнем моря выявило на седловине между ручьём Зорким и р. Светлой стоянки каменного века. Перевал покрыт листовничным редколесьем. Не подвергшиеся антропогенному воздействию участки седловины покрыты ягелем. Обширные площади перевала раздернованы в результате деятельности человека (при прокладке дорог, установке опор ЛЭП). Стоянка повреждена слабо накатанной, ведущей в тупик грунтовой дорогой, на которой были собраны подъёмные материалы. На её обочине был заложен шурф 3,5 кв. м, выявлен культурный слой с каменными изделиями (отщепы, микропластинки, орудия). Находки концентрировались на глубине 10—20 см в пластах 2 и 3 на участках повышенной углистости; всего найдено 340 каменных артефактов. Характер материалов (находки, сырьё, патинизация) гомогенный, что указывает на единство комплекса, наличие одного культурного слоя и отсутствие инородных включений. Ниже залегает стерильный слой серой супеси со сланцевой щебёнкой (условный материк).

Находки включают отщепы, сколы, ножевидные пластинки и микропластинки (105 экз.), целый нуклеус и его фрагмент, теслецо, резцы на пластинках (2 экз.), пластину.

Теслецо (заготовка?) сделано из аргиллита, линзовидное в поперечном и продольном сечениях, подтрапециевидное в плане, размером 55×35×8 мм. Обработано бифасиально крупными сколами по широким поверхностям и мелкой ретушью по краям.

Резцы угловые на четырёхгранных ножевидных пластинках (52×11×2 мм и 35×11×2 мм). Лезвие резцов образовано на дистальном конце пластинки одним поперечным сколом и двумя продольными резцовыми сколами у одного и одним у другого. Ребро между гранями пластинки с дорсальной стороны уплощено (снято) несколькими продольными снятиями.

Нуклеус конический, слегка уплощённый (50×28×16,5 мм). Сделан на плитке кремневого туфа. Контрфронт образован плоскостью сечения плитки (кливажа). На выпуклом фронте нуклеуса фиксируются негативы от 8 снятий пластинок и нескольких снятий-заломов. Площадка овальная, ровная, оформлена серией сколов по периметру. Фрагмент нуклеуса представлен частью его основания и фронта с негативами 4 снятий. К нему подходит другой фрагмент с частью отжимной площадки и фронта нуклеуса.

Пять микропластинок (все — медиальные части, трёх- и четырёхгранные) ретушированы. У трёх из них одно продольное лезвие заострено мелкой краевой ретушью, второе затуплено мелкой вертикальной ретушью. Ещё у двух заостряющая краевая ретушь только на одном из лезвий.

Резцовый трансверсальный скол (22×4×1,5 мм) имеет трёхгранное поперечное сечение. С дорсальной стороны одна грань полностью обработана мелкой ретушью, прилегающая к ней грань — без обработки.

Проксимальный фрагмент пластины с дорсальной стороны имеет негативы снятия (поджигления) карниза отжимной площадки нуклеуса.

В основании отложений с культурными материалами залегает стерильный слой серой супеси со сланцевой щебёнкой (материк) мощностью более 10 см. В юго-восточном углу квадрата зафиксирована линза углистости, из которой по образцу древесного угля предварительно установлен радиоуглеродный возраст — более 7 тыс. лет.

Полученные со стоянки культурные материалы однородны по своему составу и составляют единый культурный комплекс. По C-14 возрасту и своим технико-типологическим характеристикам материалы могут быть отнесены к мезолиту Колымы, к группе стоянок сумнагинской традиции. Конические нуклеусы, микропластинки, угловые резцы и концевые скребки на пластинах являются наиболее распространёнными находками этого периода на Колыме [6; 7; 2], в Якутии [5], на Чукотке [3] и в целом на северо-востоке Азии. На Охотско-Колымском нагорье они найдены на стоянке Буюнда, а их возраст по C-14 составляет 7—8 тыс. лет [6].

СТОЯНКА ЗАПЯТАЯ

Стоянка находится на правом приустьевом мысу р. Запятая — правом притоке р. Колымы, в районе водохранилища Усть-Среднеканской ГЭС. Высота мыса около 10 м (в малую воду). В его основании залегают

скальные породы, покрытые чехлом рыхлых отложений (супесь, суглинок, глина), перекрытые сверху слоем супесей и дёрна. При удалении от оконечности мыса мощность рыхлых отложений увеличивается. Проведённые ранее на краю мыса раскопки выявили материалы неолита и эпохи раннего металла [7]. В 2018 г. на террасе, на удалении 25 м от раскопа, «у домика рыбаков» были проведены раскопки на площади 6 кв. м. В верхних слоях были обнаружены материалы неолита с керамикой.

Комплекс раннего голоцена (мезолита) залегал в основании рыхлых отложений — в переслаивающихся отложениях рыжего суглинка на глубине 30—50 см. Он представлен микропластинками, коническими нуклеусами уплощённого типа, концевыми скребками на пластинчатых сколах. Микропластинки с нуклеуса снимались по периметру, за исключением плоского необработанного участка на его контрфасе. Отмечается пространственное единство в расположении находок в отложениях. Полученный стратиграфический разрез, в стенке которого фиксируется несколько микропластинок, позволяет говорить о ненарушенном характере пачки переслаивающихся супесчаных отложений, надёжно консервирующих слои с микропластинками и нуклеусом. По своим технико-типологическим характеристикам комплекс характерен для сумнагинской культуры северо-востока Азии [5; 6].

Наиболее близкие аналогии материалам нижнего комплекса стоянки Запятая на Верхней Колыме получены со стоянок Буюнда III, Уртычук IV, Бурхала, где имеются однослойные, несмешанные комплексы, обеспеченные надёжными сериями дат по C-14 (7—8 тыс. лет) [6; 7]. Многослойное строение стоянки Запятая выделяет её среди других объектов Верхней Колымы, что определяет высокую значимость памятника для реконструкции древнейших периодов истории края.

СТОЯНКА НАЛИМНАЯ

Стоянка находится на северном берегу одноимённого озера в верхнем течении р. Талой (правобережье Верхней Колымы). В шурфах был выявлен углистый слой с каменными артефактами. Находки — около 100 предметов — представлены кремневыми отщепами, микропластинками и массивным концевым скребком на пластинчатом отщепе из серого кремня. Они залегали на глубине 3—12 см, преимущественно в светло-коричневой супеси под слоем вулканического пепла. Зафиксирована стратиграфия стоянки с углистой прослойкой. Взяты пробы

грунта, почвы, углистости, вулканического пепла для определения возраста и генезиса отложений. Техничко-типологические характеристики материалов позволяют определить их принадлежность к мезолиту Верхней Колымы [6].

Вновь выявленные мезолитические памятники по характеру орудийных наборов (а стоянка Бурхала — и по установленному С-14 возрасту) более всего соответствуют сумнагинской культуре Якутии. Значение новых находок состоит в том, что они являются первыми материалами этой культуры в долине Верхней Колымы (стоянка Запятая), на левобережье Верхней Колымы (стоянка Бурхала) и на территории севернее Охотско-Колымского нагорья, где ранее были выявлены стоянки Буюнда III и Уртычук IV со сходными орудийными комплексами [6].

Полученные данные вносят дополнения в дискуссию об ареалах распространения сибердиковской и сумнагинской культур. Ю.А. Мочанов предполагал, что сумнагинская традиция распространялась на Колыму и вплоть до Охотского моря [5]. Н.Н. Диков возражал этому, утверждая, что в раннем голоцене на Верхней Колыме развивалась сибердиковская и малтанская культуры, препятствовавшие распространению там сумнагинской [1, с. 97, 104]. Новые материалы фиксируют как один из путей прохождения носителей сумнагинской традиции в долину Колымы (стоянка Бурхала), так и её несомненное присутствие на берегах Колымы (стоянка Запятая), а также дальнейшее продвижение к Охотскому морю (стоянка Налимная).

СТОЯНКА ИГАНДЖА

Стоянка открыта на левом берегу одноимённой реки (правого притока р. Армань), на её первой надпойменной террасе, в 13 км от устья. У кромки террасы были найдены подъёмные материалы. Раскопками на глубине около 10—12 см и площади 1 кв. м был расчищен «клад» из 20 компактно залегающих заготовок каменных орудий. Находки располагались в серой гумусированной супеси мощностью до 5 см и подстилающих её светло-коричневых супесчаных отложениях мощностью до 5 см, вплоть до материкового аллювиального галечника.

В комплекс входят крупные изделия размером до 10 см. Это заготовки трёхгранных наконечников или резцов, заготовка с трапециевидным сечением, заготовка орудия на тонком отщепе, заготовка орудия на пластине. На большинстве изделий сохранились естественные грани плоскости кливажа сланцевых отдельностей и фрагменты корковой

поверхности каменной плитки, а также характерные сколы десквамации. Половину коллекции составляют заготовки наконечников стрел (дротиков, копий?). По морфометрическим особенностям эту категорию можно разделить на 3 группы: заготовки подтрапециевидной формы, листовидные и трёхгранные.

Определены следующие характеристики клада: все вещи располагались единым компактным слоем, что указывает на закрытость данного комплекса; не обнаружено отходов производства, что свойственно одномоментной закладке; в коллекции нет законченных экземпляров орудий. Специфика заготовок — «острия» для изготовления наконечников — свидетельствует об охотничьем назначении комплекса.

На северо-востоке Азии известно несколько находок скоплений каменных изделий, подобных найденным на стоянке Иганджа и обозначенных исследователями как клады. Наиболее близкие аналогии в типах инвентаря и характере обработки камня обнаруживаются у находок со стоянки Иганджа в кладах со стоянок Хетагчан II, Верхнетытыльская IV (клад № 2) и в кладе с оз. Эльгыгытгын, что с большой долей вероятности относит это скопление к заключительному этапу ымыяхтахской или северочукотской позднеолитических культур [4; 1; 7].

Дальнейшие раскопки в глубине террасы, в 2 м от места залегания клада на площади 8 кв. м позволили выявить культурный слой, насыщенный мелкими кремневыми отщепами, микропластинками и орудиями, по своим технико-типологическим характеристикам резко отличающимися от изделий описанного скопления. Анализ материалов подтвердил, что они относятся к единому культурному комплексу, одному хронологическому и пространственному эпизоду.

Всего найдено более 1,5 тыс. артефактов на глубине 8—14 см от дневной поверхности, где выявлена каменная кладка, являющаяся, видимо, очагом. В слое с ними отмечаются интенсивная углистость (насыщенная мелкими древесными угольками) и расколотые кости.

Находки представлены ядрищами, отщепами, микропластинками, резцовыми сколами, костями и орудиями. Отщепы выполнены из кремня разных цветов (красного, жёлтого, чёрного, оранжевого), аргиллита, туфа, халцедона, хрусталя. Многие из них (особенно халцедоновые) имеют следы термического воздействия. Микропластинки сделаны из кремня (красного, жёлтого), туфа, аргиллита, халцедона. Нуклеусов, с которых их скололи, не найдено, но они были, очевидно, призматической и/или конической формы. От них найдены ребристые сколы подготовки плоскости раскалывания. Ядрище сделано из халцедоновой гальки. Резцовые сколы (4 экз.) изготовлены из халцедона

и кремня. Резцов, с которых они сколоты, не найдено, но по форме последних ясно, что эти резцы относились к полиэдрическому типу.

Среди орудий обнаружены наконечники из кремня и угловой резец из халцедона. Наконечники представлены фрагментами небольших (шириной 1—1,5 см) бифасиально обработанных изделий треугольной формы с выемчатым основанием, слегка оттянутым одним жалом в основании и уплощённо-линзовидным поперечным сечением. Все они обработаны по поверхности тонкой струйчатой параллельной, местами диагональной, ретушью. Угловой резец изготовлен на трёхгранной ножевидной пластинке и имеет резцовый скол, нанесённый вдоль одной из латералей с плоскости слома в его центральной части.

В шурфе найдено несколько камней-водогреек для кипячения воды. Они имеют средний размер — 10—12 см в поперечнике. Воздействие на них воды после сильного нагревания приводило к растрескиванию. Некоторые водогрейки находятся в слое внешне целыми, но при их расчистке и извлечении распадаются по трещинам на несколько частей. Также представлено 4 экз. расколотых трубчатых костей без обработки.

Наиболее близкие аналогии в типах инвентаря и характере обработки камня (бифасиальные наконечники с выемчатым основанием, микропластинки, угловой резец) материал со стоянки Иганджа обнаруживает с артефактами стоянок поздненеолитического времени Верхней Колымы. Аналогии находкам на Игандже известны на стоянках Ольского археологического микрорайона в истоке р. Армань [7]. Сходны они и с материалами ымыяхтахской и северчукотской поздненеолитических культур Якутии и Чукотки [1; 7].

СТОЯНКА БАСАНДРА 7

Стоянка расположена в долине р. Басандры на Охотско-Колымском нагорье, на краю первой надпойменной террасы в ландшафтной зоне горно-таёжного редколесья. В шурфе, на месте нахождения подъёмных материалов, выявлено скопление заготовок (ножей, наконечников, скребков) из серого и бежевого кремня. Найдено 10 каменных «полуфабрикатов»: заготовка орудия подтреугольной формы в плане с изогнутым лезвием (8×6×1 см); 2 заготовки ножа с ассиметричным лезвием (1,2×5,4×0,9 см и 16,5×6×1,4 см); трёхгранная напильниковидная заготовка резца (наконечника?) (7,8×2,9×2,7 см); заготовка на отщепе (из 3 фрагментов) ассиметрично-подтреугольной формы в плане и линзовидной в поперечном сечении (5 x 8,1 x 0,7 см); 2 фрагмента

заготовок (второй склеен из 3 обломков); 2 крупных отщепа-заготовки и 1 отщеп от вторичной обработки орудия.

Технологической особенностью данных заготовок является формирование в процессе их оббивки плоских ортогональных краёв для последующих модификаций. Данная фаза обработки редко фиксируется на заготовках в археологических материалах стоянок на Севере Дальнего Востока России.

Выделяется трёхгранная заготовка, сделанная из серого полосчатого кремня — такого же материала, что и подпрямоугольное в поперечном сечении тесло и микропластинка со стоянки Басандра 1, расположенной в 60 м от данного скопления. Вполне возможно, эти два скопления связаны, чему не противоречит и сам характер каменного инвентаря — трёхгранные заготовки вместе с тёслами такого типа присутствуют в неолитических культурах Севера Дальнего Востока.

В целом материал, найденный на стоянке Басандра 7, можно охарактеризовать как целенаправленно сокрытый клад каменных заготовок: это обособленно сконцентрированное, единообразное по обработке скопление изделий на небольшой площади, без отходов каменного производства.

Ещё ряд стоянок — Басандра 2—6, Дедушкина лысина, Голубая — отличаются микропластинчатым расщеплением с призматическими и коническими нуклеусами, характерными для неолита и мезолита Верхней Колымы. Их точная культурная принадлежность и возраст могут быть установлены в ходе дальнейших раскопок.

СТОЯНКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА УСТЬ-СУСУМАН, РЕШАЮЩИЙ И СЕТЕСЬМИ

Стоянка Решающий расположена в долине р. Омчикчан, на правом приустьевом мысу ручья Решающего около пос. Омсукчан. Сразу под дёрном в слое гумусированной супеси были выявлены крупные скрёбла на первичных галечных отщепах, галечный отбойник и мелко колотые обгорелые косточки в углистой массе. Органические материалы, полученные на стоянке (древесный уголь, кость), могут быть проанализированы с целью установления возраста.

Стоянка Усть-Сусуман выявлена в приустьевой части одноимённой реки при впадении её в р. Берелех. Она расположена на высокой мысовидной оконечности отрога сопки. В шурфе, заложенном

у края отрога, обнаружены галечные отщепы, осколки водогрейки и крупное скребло на первичном галечном сколе.

Материалы стоянок Решающий и Усть-Сусуман по своим технико-типологическим характеристикам полностью соответствуют немногочисленным материалам Верхней Колымы и Чукотки, относимых к эпохе раннего металла [7; 3].

На стоянке Сетесьми, открытой в истоках реки Малтан у Яблоневского перевала, найдено на данный момент самое большое в континентальных районах Верхней Колымы скопление остеологического материала, представленного расколотыми костями (предположительно, оленьими) и немногочисленными кремневыми и халцедоновыми отщепами. Выявленная шурфовкой площадь распространения материалов охватывает более 100 кв. м.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, полученные в результате исследований последних лет на Верхней Колыме, позволяют внести ясность в проблему ареала распространения сумнагинской культуры, присутствие которой там зафиксировано стоянкой Запятая. Они уточняют наши знания о технологии обработки каменных орудий в неолите (стоянка Басандра 7) и расширяют территорию Ольского археологического микрорайона (Иганджа). Кроме того, открывается перспектива определения возраста слабо датированных, пока малочисленных комплексов эпохи ранних металлов и установления на основе остеологических материалов стоянки Сетесьми преобладающего объекта охоты того времени.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 352 с.
2. Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.
3. Кирьяк М.А. Археология западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.
4. Кирьяк [Дикова] М.А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005. 254 с.
5. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.
6. Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.
7. Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 202 с.

УДК: 903(520)“633/634”

В.А. СОКОЛОВСКИЙ, А.В. ТАБАРЕВ*

ЭПОХА ДЗЁМОН (ЯПОНСКИЙ АРХИПЕЛАГ) И ДИСКУССИЯ О РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЯХ

Авторами рассматривается возможность интерпретации комплекса археологических памятников среднего периода (5—4 тыс. л.н.) эпохи дзёмон в северо-восточной части острова Хонсю (район Тохоку, Японский архипелаг) в формате «ранненеолитической цивилизации». Интерес к дзёмону в отечественной археологии прослеживается с конца XIX в. (А.В. Григорьев, И.С. Поляков, Д.М. Позднеев), практически сразу после проведения первых научных раскопок Э. Морсом на памятнике Оомори в 1877 г. Наиболее важная отличительная черта современных исследований — переход от сюжетности (отдельные артефакты, коллекции, памятники) к систематическому изучению и описанию ключевых событий культурогенеза на островах Японского архипелага. Дискуссия о возможности определения комплексов среднего дзёмона на северо-востоке Хонсю термином «ранненеолитическая цивилизация», очевидно, выходит за рамки собственно «эпохи дзёмон» и территории Японского архипелага — речь идёт об особенностях культурогенеза в постпалеолитическое время. Это предполагает обращение к широкому кругу археологических данных и интерпретационных подходов, существенные сдвиги в оценке характера обществ охотников-собирателей-рыболовов в теоретическом плане и оценку совершенно новых данных по археологии ранних культур в разных регионах мира (Северная Америка, Южная Америка, Передняя Азия, островная часть Юго-Восточной Азии).

Ключевые слова: неолит, дзёмон, охотники-собиратели-рыболовы, цивилизация, критерии.

V.A. SOKOLOVSKY, A.V. TABAREV

JŌMON EPOCH (JAPANESE ARCHIPELAGO) AND DISCUSSION ON THE EARLY NEOLITHIC CIVILIZATIONS

The authors discuss the possibility of interpreting the complex of archaeological sites of the Middle period (5—4,000 BP) of Jōmon era in the north-eastern

---

* СОКОЛОВСКИЙ Василий Андреевич — Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск. E-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru.

ТАБАРЕВ Андрей Владимирович — д-р ист. наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: olmec@yandex.ru.

part of Honshu Island (Tohoku region, Japanese Archipelago) in format of “Early Neolithic civilization”. In Russian archaeology interest in Jōmon can be traced back to the end of the XIX century (A.V. Grigoriev, I.S. Polyakov, D.M. Pozdneev), almost immediately after the first scientific excavations by E. Morse at the Oomori shellmound in 1877. The most important distinguishing feature of modern researches is the transition from the episodically (individual artifacts, collections, single sites) to the systematic study and description of the key events of cultural genesis on the islands of Japanese archipelago. Discussion about possibility of determination of complexes of the Middle Jōmon of the North-East of Honshu with the term “Early Neolithic Civilization” obviously goes beyond the actual “Jōmon” and the territory of the Japanese archipelago — it is about the peculiarities of cultural genesis during the Post-Paleolithic time. This implies an appeal to a wide range of archaeological data and interpretive approaches, significant changes in the assessment of the nature of hunter-gatherer-fishing societies in theoretical terms, and the evaluation of completely new data on the archaeology of early cultures in different regions of the world (North America, South America, Near Asia, and Island Southeast Asia).

Keywords: Neolithic, Jōmon, hunter-gatherers-fishers, civilization, criteria.

Эпоха дзёмон (14—2,5 тыс. л.н.) — интереснейшее для исследований время в древней истории Японского архипелага — как с точки зрения обилия и разнообразия археологических материалов (более 80 тыс. памятников), так и возможностей их использования в рамках палеоэкономических и палеосоциальных реконструкций.

Интерес к дзёмону в российской археологии прослеживается с конца XIX в., сразу после проведения первых раскопок американцем Э. Морсом на памятнике Оомори (Хонсю) в сентябре — декабре 1877 г. В 1879 г. место раскопок посещает А.В. Григорьев, через год он выступает с лекцией в Русском географическом обществе, передаёт в дар музею коллекцию «первобытных орудий и орнаментированных глиняных сосудов из кьёккенмедингов Японии». В 1883 г. на Оомори побывал И.С. Поляков; в период своего пребывания в Японии в 1907—1910 гг. детально изучал материалы памятников на Хоккайдо и Хонсю Д.М. Позднеев [7; 9; 25].

На сегодняшний день в активе отечественных исследователей большое количество публикаций по разным аспектам эпохи дзёмон, три кандидатских диссертации, серия совместных проектов и годы плодотворного сотрудничества с коллегами из Японии. Наиболее важная отличительная черта современных исследований — переход от сюжетности

к систематическому изучению и описанию ключевых событий культу-рогенеза на островах Японского архипелага [25]. Речь идёт об изучении последовательности развития с учётом подразделения эпохи на периоды, особенностей каждого из периодов, возможностей внутреннего подразделения периодов на отдельные этапы на основе существенных изменений в технологиях и хозяйственной специализации, а также локальных различий в облике материальной культуры в каждом из периодов [6].

Это отправная точка дискуссии о дефиниции термина «дзёмон» — поиск критериев, позволяющих описать его в формате неолитической стадии как «серию археологических культур неолитического характера», или как «ранне-неолитическую цивилизацию», основанную на эффективном присваивающем типе хозяйства, или, наоборот, учитывая эффект существенной изолированности архипелага от событий в континентальной части Восточной Азии, как «затянувшийся неолит» и т.д. С другой стороны, очевидно, что данная дискуссия выходит за рамки собственно «эпохи дзёмон» и территории архипелага: речь идёт о разработке проблемы *особенностей культуругенеза в постпалеолитическое время*. В таком случае необходимо обращение к широкому кругу археологических данных в разных регионах мира и к новым интерпретационным подходам, подразумевающим существенные сдвиги в оценке комплексности обществ охотников-собирателей-рыболовов.

В современной российской литературе накоплен богатый опыт рассмотрения различных теоретических концепций об истоке политогенеза и становления цивилизаций. Это касается и рассуждений об опережающих темпах цивилизационного развития по сравнению с политогенезом, о различном (государственном и негосударственном) характере ранних цивилизаций, о многолинейности социальной эволюции, проявляющейся в появлении иерархических и неиерархических, среднемасштабных и комплексных обществ и т.д. [5].

Особо подчеркнём существенную переоценку и подход отечественных и зарубежных авторов к 10 классическим признакам стадии цивилизации, сформулированных ещё в середине XX в. Г. Чайлдом, — этот перечень «разобран на молекулы» и продолжает корректироваться по мере накопления новых археологических материалов. На смену модели Г. Чайлда пришла целая россыпь оригинальных разработок (Т. Йерл, И. Ходдер, Б. Триггер и другие) [27].

Среди признаков ранних цивилизаций, наиболее часто встречающихся в новых моделях, — *город, монументальная архитектура, развитые ремёсла и стратификация погребений*. Все они вполне корректны при обращении к материалам эпохи неолита.

В случае с эпохой дзёмон, начиная со среднего периода (от 5,4 тыс. л.н.), в распоряжении археологов есть достаточно фактического материала, иллюстрирующего особенности погребений с разнообразным инвентарём, сложных технологий гончарства, камне- и деревообработки, а также практики создания различных монументальных сооружений (каменных кругов, насыпей, дамб и т.д.) [4; 8; 10]. Спорным выглядит лишь наличие в эпоху дзёмон «городов», что, впрочем, зависит от выбора критериев, от роли «крупного поселения» в региональном контексте, а также от оценки особенностей экономической модели в рамках производящего или присваивающего хозяйства.

Именно это, традиционное разделение-противопоставление обществ ранних земледельцев-скотоводов и охотников-собирателей-рыболовов, имеет принципиальное значение. Сегодня всё больше специалистов критически оценивают технологически детерминированную парадигму социо-политической эволюции, в рамках которой приоритет принадлежит обществам с основой на производящем хозяйстве. Сторонники нового подхода выступают за мультивариантный сценарий генезиса и эволюции комплексных обществ. Ими предлагается модель «платформы социальной динамики» с максимально широким набором признаков, включающих способы управления и авторитета, социальную дифференциацию, регулярность и интенсивность участия в общественных событиях и мероприятиях, организацию ремёсел и промыслов, трудовые обязанности, экологию проживания, принципы владения и территориальности [12]. Это позволяет рассматривать более широкий круг древних культур, привлекать больший диапазон археологических материалов и исключить жёсткую привязку оседлости, крупных поселений и сложную социальную структуру к земледельческо-скотоводческой экономике [26].

Раскопки самого крупного (около 40 га) из известных археологам на сегодняшний день поселений эпохи дзёмон — Саннай-Маруяма (преф. Аомори) — позволили зафиксировать следы более 600 различных жилых, хозяйственных и ритуальных конструкций, а также погребений, датируемых временем конца раннего и средним периодом (5,5—4 тыс. л.н.) [17]. Анализ обширного археологического материала этого памятника, а также целой группы других археологических объектов на территории северо-востока о. Хонсю свидетельствует о высокой плотности населения, сложной структуре общества, наличии лидеров, о системе организации строительства и промыслов, о специализированных ремесленных группах для производства предметов престижа, о разнообразных погребальных практиках, об интенсивности торгово-обменных контактов с другими регионами архипелага

(раковины, янтарь, нефрит и др.). Рассматривая эти характеристики, японские и англоязычные авторы делают выводы об «особой исторической траектории» в северо-восточной части Хонсю (район Тохоку) в период среднего дзёмона [11; 18].

В качестве близкой аналогии можно привести данные по памятнику Китли Крик (Британская Колумбия, Канада), раскопки которого ведутся с 1986 г. по настоящее время. Это крупное поселение охотников-собирателей-рыболовов, возникшее на одном из притоков р. Фрейзер около 7 тыс. л.н. Своих максимальных размеров оно достигает в период 4—2,5 тыс. л.н. В центральной части поселения на площади около 4 га археологи исследовали более 120 котлованов жилищных и хозяйственных построек. Диаметр котлованов варьируется от 5 до 20 м, в наиболее крупных постройках могли проживать до 40—45 чел., общая численность населения Китли Крик, по самым скромным оценкам, достигала 1 тыс. человек [19; 20].

Тихоокеанское побережье Южной Америки начиная с середины 1950-х гг. регулярно фигурирует в дискуссиях о региональных особенностях культурогенеза. Так, например, в начале 1970-х гг. М. Мозли на археологических материалах центрального побережья Перу сформулировал альтернативную ирригационной модели гипотезу об особой роли приморской адаптации в зарождении ранних цивилизаций [21]. Отметим, что отечественные исследователи внесли в эту дискуссию важную лепту: Ю.Е. Берёзкин одновременно с М. Мозли отметил роль морского промысла в древних культурах «перуанской Косты» [2, с. 9—10], а В.А. Башилов продемонстрировал возможность адаптации термина «неолитическая революция» к Центральным Андам и датировал её ранние этапы III тыс. до н.э. [1].

В исследовательском фокусе последних десятилетий — северная часть перуанского побережья, в первую очередь, комплекс памятников в долине р. Супе («Норте-Чико»). Он датируется временем 5,7—3,8 тыс. л.н. и в археологической литературе определяется как «культура» или как «цивилизация» [16; 23].

Вариант с «цивилизацией» активно разрабатывают перуанские археологи во главе с Р. Шейди. По её мнению, наиболее крупный памятник (Караль) являлся столицей обширной территории, на которой зафиксировано не менее 20 крупных центров с признаками монументальной архитектуры (U-образные храмы), с экономикой, основанной на морском промысле и раннем земледелии, с развитой межрегиональной торговлей предметами престижа (например, раковины моллюска *Spondylus*), с признаками социального расслоения, с ремесленной специализацией, развитыми технологиями домо- и градостроительства,

с оригинальными художественными стилями, системой хранения и передачи информации в раннем варианте кипу [23; 24]. Примечательно, что все эти признаки соответствуют критериям цивилизации из классического «списка Чайлда» [15, р. 9—16].

Не менее интригующе развивается ситуация с изучением обществ докерамического неолита «А» на территории юга-востока Турции. Вслед за сенсационными датировками нижних горизонтов памятника Гёбекли-Тепе (ок. 11,5 тыс. л.н.) последовали новые находки комплексов с многочисленными Т-образными пилонами и барельефами (например, Карахан-Тепе) [14], а также некрополей с сотнями захоронений, с исключительно погребальным инвентарём (например, только на памятнике Кортик-Тепе их более 900) [13], что свидетельствует о сложном характере общества охотников-собирателей финала плейстоцена, представленного монументальными сооружениями, структурированными ритуалами и единым пантеоном мифологических персонажей [22]. Перечисленные признаки, по нашему мнению, позволяют вести аргументированную дискуссию о возможности их интерпретации в формате «раннеолитической цивилизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новые археологические данные и новые подходы к их интерпретации неизбежно будут приводить к переоценке критериев «ранних цивилизаций». Применительно к археологической практике и интерпретации археологического материала эпохи дзёмона речь идёт о среднем периоде на Хонсю (5—4 тыс. л.н.), где благодаря комфортному климату и биологическому разнообразию голоценового оптимума фиксируется существенный рост числа разнофункциональных памятников и населения в целом. На этом фоне вместе с общими чертами в развитии материальной культуры и технологий чётко прослеживается и территориальная специфика: это проявляется, например, в развитии множества локальных керамических стилей, отражающих как развитие местных гончарных центров, так и способы территориальной дифференциации соседних групп [3, с. 8—9].

Наибольшая плотность населения, а также развитие целой серии крупных поселений (Саннай-Маруяма и др.), которые включали жилые, хозяйственные и ритуальные зоны, сопровождавшиеся монументальными комплексами и некрополями, прослеживается по археологическим данным на северо-востоке Хонсю. Это, на наш взгляд,

свидетельства существования комплексного общества охотников-собирателей-рыболовов, соответствующего критериям «раннеэнеолитической цивилизации».

Данный тезис и сами критерии нуждаются в дальнейшей аргументации и обсуждении. Это обсуждение будет продуктивно только при более объективном подходе и оценке максимально полного спектра характеристик для культур с эффективными формами присваивающей экономики. Такой, например, традиционный признак «ранней цивилизации» как «город» в археологическом приближении имеет гибкие параметры — исходя из площади (40 га), среднедзёмонское поселение Саннай-Маруяма по переднеазиатским меркам гораздо больше древнейших «городов» Йерихона (25 га) и Чатал-Уюка (25 га). Ещё убедительнее в этом ряду южноамериканские центры Караль (60 га), Сечин Бахо (37 га) и другие, которые, как и Саннай-Маруяма, выполняли роль важных региональных центров.

БЛАГОДАРНОСТИ:

Авторы выражают искреннюю признательность своим японским коллегам Т. Уэки и Й. Каномата, а также Ф. Икава-Смит за ценные комментарии по сюжетам данной статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-18-00003 «Неолитические цивилизации Евразии: Дзёмон, Японский архипелаг — Происхождение, ранний этап, локальные особенности».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральных Андах: Две модели палеоэкономического процесса. М.: ТОО «Старый сад», 1999. 206 с.
2. Берёзкин Ю.Е. Начало земледелия на перуанском побережье // Советская археология. 1969. № 1. С. 3—12.
3. Иванова Д.А. Средний дзёмон острова Хонсю (5—4 тыс. л.н.): общие характеристики и локальные особенности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 35 с.
4. Иванова Д.А., Табарев А.В. Погребальная практика эпохи дзёмон, Японский архипелаг (по материалам комплекса Китамура) // Camera Praehistorica. 2018. № 1. С. 77—93.
5. Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллективная монография. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2019. 608 с.

6. Табарев А.В., Гаврилина Т.А., Литвинова К.А. Изначальный дзёмон, Японский архипелаг: хронология и некоторые особенности каменного инвентаря // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2. С. 148—158.
7. Табарев А.В., Иванова Д.А. Погребения, керамика, раковинные кучи: из истории изучения памятников эпохи дзёмон, Японский архипелаг // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 2. С. 36—42.
8. Табарев А.В., Иванова Д.А. Структура, символика и атрибутика ритуальных комплексов эпохи дзёмон на Японском архипелаге // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3. С. 155—168.
9. Табарев А.В., Иванова Д.А. Вначале было слово: из истории термина «дзёмон» в российской археологической литературе // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 2. С. 62—76.
10. Табарев А.В., Иванова Д.А., Нестеркина А.Л., Соловьёва Е.А. Дзёмонская традиция монументальных сооружений на Японском архипелаге: истоки, особенности, распространение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4. С. 45—55.
11. An Illustrated Companion to Japanese Archaeology. Oxford: Archaeopress and the Editors, 2015. 341 p.
12. Arnold J.E., Sunell S., Nigra B.T., Bishop K.J., Jones T., Bongers J. Entrenched Disbelief: Complex Hunter-Gatherers and the Case for Inclusive Cultural Evolutionary Thinking // Journal of Archaeological Method and Theory. 2016. Vol. 23. P. 448—499.
13. Benz M., Erdal Y.S., Şahin F., Özkaya V., Alt K.W. The Equality of Inequality — Social Differentiation among the Hunter-Fisher-Gatherer Community of Körtik Tepe, South-Eastern Turkey // Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. 2016. Band 14/1. B. 147—164.
14. Çelik B. Karahan Tepe: A New Cultural Center in the Urfa Area in Turkey // Documenta Praehistorica. 2011. Vol. XXXVIII. P. 241—253.
15. Childe V.G. The Urban Revolution // The Town Planning Review. 1950. Vol. 21. No. 1. P. 3—17.
16. Haas J., Creamer W. Crucible of Andean Civilization. The Peruvian Coast from 3000 to 1800 BC // Current Anthropology. 2006. Vol. 47. No. 5. P. 745—775.
17. Habu J. Growth and Decline in Complex Hunter-Gatherer Societies: A Case Study from the Jomon Period Sannai Maruyama Site Japan // Antiquity. 2008. Vol. 82. P. 571—584.
18. Habu J. Seafaring and the Development of Cultural Complexity in Northeast Asia: Evidence from the Japanese Archipelago // The Global Origins and Development of Seafaring. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2010. P. 159—170.
19. Hayden B. The Pithouses of Keatley Creek: Complex Hunter-Gatherers of the Northwest Plateau. Toronto: Thomson Publishing, 2002. 140 p.
20. Morin J. Ritual Architecture in Prehistoric Complex Hunter-Gatherer Communities: A Potential Example from Keatley Creek, on the Canadian Plateau // American Antiquity. 2017. Vol. 75. P. 599—625.
21. Moseley M.E. The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park, Calif.: Cummings Pub. Co, 1974. 131 p.

22. Özdoğan M. Earliest Use of Pottery in Anatolia // Early Farmers, Late Foragers, and Ceramic Traditions: On the Beginning of Pottery in the Near East and Europe. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 22—43.
23. Shady R.S. La civilización Caral: sistema social y manejo del territorio y sus recursos. Su trascendencia en el proceso cultural andino // Boletín de Arqueología PUCP. 2006. No. 10. P. 59—89.
24. Shady R.S., Quispe L.E., Machacuay M., Pedro N.B. Áspero, ciudad pesquera de la civilización Caral, 5000 años de ciencia y tecnología pesquera. Lima: Ministerio de Cultura, Zona Arqueológica Caral, 2015. 114 p.
25. Tabarev A.V., Zhushchikhovskaya I.S., Ivanova D.A. On the Term 'Jomon' and the Contribution of Russian Scholars to Jomon Studies // Documenta Praehistorica. 2020. Vol. XLVII. P. 560—571.
26. The Oxford Handbook of the Archaeology and Anthropology of Hunter-Gatherers. Oxford: Oxford University Press, 2014. 1330 p.
27. Trigger B.G. Understanding Early Civilizations: A Comparative Study. Cambridge University Press, 2003. 757 p.

УДК 903(571.63)“634”

И.В. БЕЛОВА, Н.А. КЛЮЕВ*

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ПОСЕЛЕНИЯ ВОДОПАДНОЕ-7 В ПРИМОРЬЕ**

В статье анализируется керамический комплекс позднего неолита с поселения Водопадное-7, насчитывающий более 50 сосудов. Приводится описание технологических, морфологических признаков посуды, а также её орнаментации. Авторами делается вывод о своеобразии керамического комплекса, наиболее близкого к материалам юго-восточного варианта зайсановской культуры, но имеющего схожие черты с керамикой памятников приханкайского и хасанского вариантов.

Ключевые слова: Приморье, поздний неолит, юго-восточная группа памятников зайсановской культуры, поселение Водопадное-7, керамический комплекс.

---

* БЕЛОВА Ирина Владимировна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: irceo@mail.ru.
КЛЮЕВ Николай Александрович — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: kluyev2006@yandex.ru.

** Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

I.V. BELOVA, N.A. KLYUEV

**CERAMIC COMPLEX OF THE LATE NEOLITHIC
ON SETTLEMENT VODOPADNOE-7
IN PRIMORYE REGION**

The article analyzes the ceramic complex of the Late Neolithic from the settlement Vodopadnoe-7, numbering more than 50 vessels. A description of the technological, morphological features of the pottery, as well as its ornamentation is given. The authors draw a conclusion about the originality of the ceramic complex, which is closest to the materials of the South-Eastern group, but also has similar features to the ceramics of the sites of the Prikhankaisky and Khasansky variations of the Zaisanovka culture.

Keywords: Primorye Region, Late Neolithic, South-Eastern group of Zaisanovka culture, Vodopadnoe-7 settlement, ceramic complex.

Поселение Водопадное-7 расположено в южном Приморье, в долине р. Водопадная. Памятник двухслойный, верхний горизонт отнесён к раннему палеометаллу, нижний — к позднему неолиту (юго-восточный вариант зайсановской культуры) [1]. Неолитическое поселение представлено остатками двух сооружений, которые были полностью исследованы в ходе раскопок в 2016—2017 гг. Археологический материал, обнаруженный в них, является однокультурным. Котлованы обоих сооружений, располагавшиеся в непосредственной близости друг от друга, интерпретируются как жилищная и бытовая постройки [3, с. 151].

Практически вся найденная керамика позднего неолита связана с заполнением котлованов. В сооружении № 1 (хозяйственная постройка), являющимся замкнутым комплексом, сохранность находок была наиболее высока. На полу этой постройки обнаружено 26 развалов сосудов, все их удалось полностью или частично реконструировать [1, с. 193—196]. Заполнение сооружения № 2 (жилищная постройка) было повреждено при строительстве котлована жилища палеометалла, в результате чего часть керамики оказалась переотложена или выброшена за его пределы. Тем не менее основная масса фрагментов была обнаружена внутри постройки в виде скоплений и развалов 17 сосудов. В ходе камеральной обработки коллекции удалось реконструировать крупные части ещё от 9 ёмкостей.

Керамический материал позднего неолита включает в себя 7030 фрагментов, из которых 3992 фрагмента относятся к развалам и крупным сохранившимся частям сосудов, что составляет 57% от общего количества обломков. Все сосуды лепились вручную кольцевым ленточным налепом из формовочных масс с примесью разнозернистого песка (размеры фракций 0,05—0,4 см). Конструирование ёмкостей осуществлялось по программе донного начина. Нижняя лента тулова крепилась непосредственно к краю донной лепёшки, стык оформлялся чётким углом снаружи и слегка скруглённым изнутри. Дно сосудов плоское, ровное, лишь в единичных случаях часть из них при формовке приобретала небольшую вогнутость. Ленты тулова крепились внахлёт изнутри, о чём свидетельствует большое количество фрагментов, распавшихся по саям. Ширина лент варьируется от 2 до 4—5 см. Толщина стенок зависит от размеров сосудов и составляет 0,3—0,5 см для небольших и от 0,5 до 0,7—1 см для крупных ёмкостей. Стенки сосудов заглаживались, встречается эпизодическое тусклое лощение. Полосы от заглаживающего инструмента фиксируются как на внешних (вертикальные в придонной части и горизонтальные в верхней), так и на внутренних поверхностях. На некоторых сосудах частично сохранился тонкий слой обмазки. Цвет керамики светло-коричневый, серо-коричневый, серый.

Полностью или частично реконструировано 52 сосуда. Они представлены крупными (высота — 29,5—39 см, диаметр венчика — 26—35,5 см), средними (высота — 14—24 см, диаметр венчика — 12—21,6 см) и небольшими (высота — 9—13 см, диаметр венчика — 9,4—13,4 см) по размерам ёмкостями трёх типов:

- 1) высокие широкогорлые сосуды с короткой изогнутой горловиной, венчиком, усложнённым валиком, высокими слабопрофилированными плечиками и широким дном;
- 2) приземистые широкогорлые сосуды с короткой изогнутой горловиной, венчиком, усложнённым валиком, высокими слабопрофилированными плечиками и широким дном;
- 3) приземистые широкогорлые сосуды с короткой прямой горловиной, простым венчиком, высокими плечиками, имеющими резкий перегиб при переходе в тулово.

Отмечено два типа венчиков у сосудов: 1) простые (прямые или отогнутые); 2) усложнённые налепным валиком, треугольным или округлым в сечении. Усложнённые венчики всегда отогнутые. Край венчиков имел приотстрённую или округлую форму.

Практически все сосуды орнаментированы. Декор наносился процерчиванием, насеканием, а также накалыванием. Расположение орна-

мента напрямую зависело от формы сосуда. У сосудов 1-го и 2-го типов декорировались венчик и тулово. В зоне венчика орнамент наносился по кромке налепного валика в виде вертикальных или косых насечек. Декор на тулове располагался в верхней части сосуда, занимая примерно $1/2$, но не более $2/3$ от его высоты (рис. 1: 1—7, 16—21). У сосудов 3-го типа орнамент располагался в зоне между кромкой венчика и линией перегиба, тулово при этом оставалось гладким (рис. 1: 8—15). В коллекции имеется небольшой неорнаментированный сосуд 3-го типа.

Прочерченный орнамент выполнялся острой палочкой и гребёнкой, накольчатый — округлой палочкой. Среди орнаментальных мотивов выделяются горизонтальные или вертикальные ряды наклонных насечек (бороздок, выполненных коротким резким прочерчиванием); орнамент по мотивам меандра; дугообразные прочёсы; ряды овальных оттисков лопаточки.

Горизонтальными рядами насечек, наклонённых в одну сторону, орнаментировано 17 сосудов, из них у 15 сосудов насечки наклонены вправо, а у двух — влево. Длина насечек варьируется от 0,5—0,7 до 3 см, их угол наклона — от 45 до 10—15 градусов. Таких рядов было не менее 5, но могло быть и больше, в зависимости от длины насечек и размеров сосуда. Данный орнамент зафиксирован на сосудах 1-го и 2-го типов (рис. 1: 1—5).

Декором, состоящим из чередующихся горизонтальных рядов наклонных вправо или влево насечек, орнаментировано 8 сосудов. Насечки также могли иметь разную длину и угол наклона. Мотив такого орнамента напоминает видоизменённый, разорванный зигзаг. Отмечается на сосудах 1-го и 2-го типов (рис. 1: 6—7).

На одном сосуде 1-го типа зафиксирован декор в виде разнонаправленных дугообразных и прямых прочёсов, расположенных хаотично. Орнамент был выполнен гребёнкой с 5 или 6 зубьями (рис. 1: 16).

Меандром украшены 20 сосудов, все они относятся к 3-му типу. Основной элемент орнамента — узкая лента (шириной 0,3—0,6 см), состоящая из сдвоенных прочерченных прямых линий, пространство между которыми заполнено косыми насечками. Орнаментальное поле располагалось на 0,2—0,5 см ниже кромки венчика до линии перегиба и ограничивалось двумя такими лентами. Меандр создавался также из лент, заполненных косыми насечками. Ширина орнаментального поля варьировалась от 2 до 3,5 см. Внутреннее его пространство заполнялось фигурами прямолинейного меандра, образованных из простых L-образных, Z-образных или T-образных модулей. Элементы

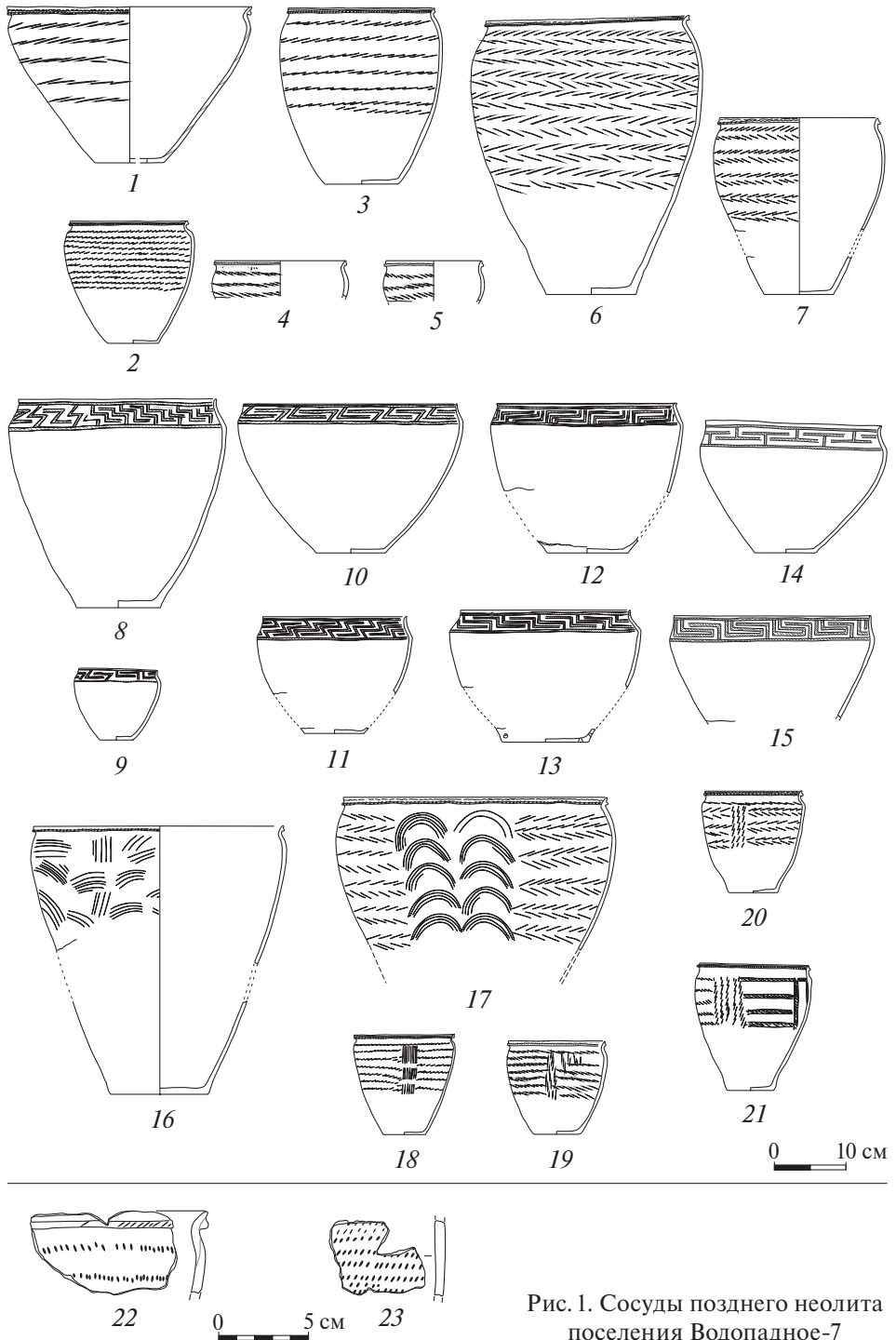

Рис. 1. Сосуды позднего неолита поселения Водопадное-7

меандра выполнялись в двух вариантах — по косой или прямоугольной сетке (рис. 1: 10—15). На двух сосудах отмечены оба способа нанесения (рис. 1: 8—9).

У пяти сосудов 1-го и 2-го типов зафиксирован декор с вертикальной зональностью в расположении орнаментальных мотивов. На четырёх из них выделяется шесть зон, состоящих из двух видов чередующегося орнамента. На двух сосудах отмечено чередование широкого поля из 7 горизонтальных рядов наклонных в одну сторону насечек и узкого поля из 3—6 горизонтальных рядов вертикальных прямых прочерченных линий (рис. 1: 18—19). У третьего сосуда по плечу расположен ряд наклонных влево насечек, под которым зафиксировано чередование широкого поля из 6 рядов наклонных вправо и влево насечек и узкого поля из трёх рядов вертикальных наклонных вправо насечек (рис. 1: 20). У четвёртого, достаточно крупного сосуда, широкие поля из чередующихся рядов наклонных вправо и влево насечек отделяются узким полем из двух вертикально расположенных рядов дугообразных прочёсов (рис. 1: 17). У пятого сосуда орнаментальное поле на тулове разделяется на 5 зон по вертикали: 1) широкое поле из 5 горизонтальных рядов наклонных влево насечек; 2) узкое поле из 5 вертикальных рядов наклонных вправо насечек; 3) широкое поле из 4 горизонтальных лент, заполненных косыми насечками; 4) узкое поле из четырёх вертикальных лент, заполненных наклонными влево насечками, ограниченное двумя лентами сверху и снизу; 5) широкое поле из пяти горизонтальных лент, заполненных наклонными влево насечками (рис. 1: 21).

Накольчатый орнамент в виде овальных оттисков палочки отмечен на фрагментах нескольких венчиков, принадлежащих, по всей вероятности, к одному сосуду 1-го или 2-го типа, а также на крупном фрагменте стенки другого сосуда (рис. 1: 22—23). Декор представляет собой горизонтальные ряды оттисков. В первом случае расстояние между рядами составляет от 1,5 до 2,5 см, во втором — около 0,5 см.

Описанный керамический комплекс позднего неолита наиболее близок к материалам памятников юго-восточного Приморья, таким как Сопка Большая, Евстафий-4, Перевал, Под Липами и др. [4, с. 150; 6, с. 197]. Сходство прослеживается в первую очередь в орнаментации посуды горизонтальными поясками наклонных бороздок (насечек), что является отличительной чертой данной группы памятников, а также в морфологии сосудов и способе оформления венчиков.

Некоторые аналогии материалов поселения Водопадное-7 имеются в комплексах приханкайского варианта, что выражается в ряде

признаков, таких как горшковидная форма сосудов с высоким расположением максимального диаметра тулова, орнаментация венчика на лепным рассечённым валиком, наличие сосудов, декорированных меандром [4, с. 148—149; 6, с. 198]. Различия в керамическом материале связаны с отсутствием в орнаментации сосудов мотива вертикального зигзага — одного из ведущих для приханкайского варианта. Также отсутствует и такой специфический признак, как использование талька в качестве отошителя. Отдельно следует остановиться и на характеристике сосудов с меандром. На приханкайских памятниках исследователи выделяют подобную посуду в отдельную категорию, называя её «парадной», «нарядной» или «изящной» и отмечая возможное ритуальное назначение. От остальной керамики её отличает, как правило, малочисленность, небольшие размеры, морфология, использование тонкотекстурных формовочных масс при изготовлении, тонкий черепок и качественная обработка поверхностей [2, с. 223; 4, с. 149; 5, с. 102—103; 6, с. 199]. В случае с памятником Водопадное-7 сосуды, орнаментированные меандром, сложно назвать парадными или ритуальными. Доля такой посуды здесь достаточно велика и составляет 38,5% от общего числа горшков, что в процентном соотношении значительно выше, чем в комплексах приханкайских памятников. Кроме этого, в коллекции присутствуют достаточно крупные ёмкости, изготовленные из такой же формовочной массы, как и остальные, — они могли использоваться в качестве тарных. Следует также отметить, что в постройках сосуды с меандром не располагались обособленно, а находились среди обычной посуды.

Интересен факт наличия в комплексе поселения Водопадное-7 сосудов с вертикальной зональностью в расположении орнаментальных мотивов. Подобный принцип декорирования посуды характерен для хасанского варианта зайсановской культуры. Помимо этого, в коллекции имеются фрагменты сосудов с накольчатым орнаментом, также широко распространённым в материалах хасанских памятников [4, с. 146—147].

Подводя итог, следует отметить особую значимость поселения Водопадное-7 для характеристики малоизученного на сегодняшний день юго-восточного варианта зайсановской культуры. Хорошая сохранность комплекса позволила получить наиболее полные сведения о наборе посуды, её морфологии и орнаментации. Определённое своеобразие керамической коллекции, проявляющееся в сочетании признаков, характерных для приханкайского и хасанского вариантов зайсановской культуры, вызывает особый интерес в контексте взаимосвязей

населения региона в позднем неолите. О.В. Яншина на основании значительного сходства в керамических комплексах выдвинула гипотезу о появлении на юго-востоке Приморья особой группы памятников в результате миграций приханкайского населения на данную территорию [6, с. 197]. Е.Б. Крутых, в свою очередь, обратил внимание на достаточно ранние датировки некоторых комплексов юго-восточного варианта (например, на поселении Под Липами — 3915 ± 50 л.н., 3635 ± 30 л.н.), совпадающих по времени с нижней границей дат приханкайских памятников (3800—3300 л.н.), и предположил, что они существовали одновременно [4, с. 151]. На поселении Водопадное-7 была получена серия радиоуглеродных дат: 4036 ± 65 л.н. (ИМКЭС-14С1864), 4105 ± 120 л.н. (ИМКЭС-14С1877), 4265 ± 130 л.н. (ИМКЭС-14С1880) [3, с. 152], — ещё более ранних, также хронологически сближающих его с хасанскими памятниками (4600—3800 л.н.). Исследователями ранее уже отмечалось, что в комплексах некоторых многослойных поселений, содержащих керамику юго-восточного варианта, присутствуют и материалы хасанского варианта [4, с. 150]. Тем не менее взаимосвязь их на сегодняшний день не определена. Для ответов на вопросы о происхождении юго-восточной группы памятников зайсановской культуры, времени их существования и ареале необходимы дальнейшие исследования в регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дорофеева Н.А., Гридасова И.В., Ключев Н.А., Слепцов И.Ю. Новые аспекты в изучении зайсановской культурной общности в Приморье (по итогам исследования памятника Водопадное-7) // Россия и АТР. 2017. № 3. С. 187—205.
2. Жушиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Дальнаука, 2004. 312 с.
3. Ключев Н.А. Поздний неолит Южного Приморья (по материалам поселения Водопадное-7) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Самара: СГСПУ, 2020. Т. I. С. 151—152.
4. Крутых Е.Б. Зайсановская археологическая культура: проблемы интерпретации // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 139—154.
5. Морева О.Л. Парадная посуда из поздненеолитических памятников южного Приморья // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 96—104.
6. Яншина О.В., Ключев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы и гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187—233.

УДК 903.43(571.63)“638”

*О.В. ДЬЯКОВА, И.В. САЯПИНА,
Е.В. СИДОРЕНКО, В.Э. ШАВКУНОВ**

УКРЕПЛЁННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛЁНОЕ-1**

В статье приведены результаты исследования укрепленного поселения Молёное-1, расположенного в Ольгинском районе Приморского края. В задачи работ 2020 г. входило установление стратиграфии памятника, времени возведения фортификаций и определение культурной принадлежности террас и западин.

Ключевые слова: археология, палеометалл, средневековье, янковская культура, лидовская культура, фортификации.

*O.V. DYAKOVA, I.V. SAYAPINA,
E.V. SIDORENKO, V.E. SHAVKUNOV*

STRENGTHENED POPULATION OF YANKOVSK CULTURE MOLENOE-1

The article presents the results of a study of the fortified settlement Molenoe-1, located in the Olginsky district of the Primorye. The tasks of the study in 2020 included the establishment of the stratigraphy of the site, the time of the construction of the fortifications and the determination of the cultural belonging of the terraces and depressions.

Keywords: archaeology, paleometal, Middle Ages, Yankovskaya culture, Lidovskaya culture, fortifications.

---

* ДЬЯКОВА Ольга Васильевна — д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: emelianova49@mail.ru.

САЯПИНА Ирина Владимировна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: irisan.bk@gmail.com.

СИДОРЕНКО Елена Валериевна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: sidoriha3@yandex.ru.

ШАВКУНОВ Владимир Эрнстович — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vshavkunov@yandex.ru.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, по гранту № 18-09-40021.

Древние укрепления Дальнего Востока — проблема, изучение которой находится в начальной стадии. Кто, где, когда, по каким причинам, от кого начал сооружать фортификации — это ещё предстоит установить исследователям. Известно, что самые древние фортификационные сооружения на Дальнем Востоке обнаружены в неолитических памятниках Китая. В Приамурье городища появляются достаточно поздно — в железном веке, в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. — на памятниках польцевской и михайловской культур [6, с. 85]. В Приморье укрепления начинают возводиться на несколько столетий раньше чем в Приамурье, в эпоху палеометалла, в I тыс. до н.э., носителями лидовской культуры [4, с. 245; 5, с. 625—639; 8, с. 165]. Установлено, что для городищ лидовской культуры характерен мысовый тип с валами дуговидной формы и простым входом в виде разрыва валов. Выявлено также, что городища лидовской культуры связывали морская магистраль протяжённостью более 600 км (от Татарского пролива до бухты Ольга) и сухопутные дороги, спускавшиеся с перевалов Сихотэ-Алиня к бухтам Японского моря. Вход в бухты и на горные перевалы контролировали специально возведённые крепости. Укрепления лидовцев посещали носители янковской культуры, или, как её первоначально называли, культуры раковинных куч. Жилища, заполненные раковинами морских моллюсков, свидетельствуют, что морепродукты входили в пищевой рацион янковцев. Знали они и морское судоходство. Это подтверждают находки артефактов с янковскими традициями на лидовских укреплениях Северо-Восточного Приморья. К тому же большинство памятников янковской культуры располагалось на морских мысах, служивших естественными укреплениями. Возникает вопрос: янковцы не владели фортификационными навыками, или в оборонительных сооружениях не было необходимости? Приоткрывать завесу по данной проблеме специалисты начали только в XXI в., при изучении памятника Молёное-1, расположенного в Ольгинском районе Приморского края.

МОЛЁНОЕ-1

В 1915 г. В.К. Арсеньев во время экспедиции по Сихотэ-Алиню обнаружил «террасообразное городище на р. Аввакумовке, с правой стороны немного выше деревни Молдованки, 40 вёрст от моря» [1, с. 99]. Затем о городище забыли почти на 90 лет, пока в 2003 г. его заново не открыл учитель С.В. Рожков. В 2004 г. памятник разведочно обследовал А.Н. Попов [9], а в 2006 г. стационарные работы провёл С.С. Малков,

вскрыв 24 кв. м [7]. В результате этих исследований была выявлена следующая характеристика памятника. Укрепление расположено по правому борту р. Аввакумовки, занимает вершину сопки и юго-восточный склон оконечности горного массива. Сопка вытянутой формы, северо-восточной и юго-восточной сторонами обращена к Аввакумовке, с юго-запада и северо-запада ограничена глубоким распадком и ручьём Молёный. Высота сопки — 190 м. Протяжённость памятника по линии северо-запад — юго-восток составляет 400 м, по линии северо-восток — юго-запад — 150 м. Фортификации представлены пятью валами, возведёнными в наименее защищённых местах юго-восточного пологого склона сопки, на которой расположены искусственные террасы с жилищными западинами. По составу валы каменно-почвенные, отсыпаны из скальных обломков, валунов и почвы.

Вал № 1: длина — 59 м, ширина — 1—1,5 м, высота — 0,9—1,4 м; защищает террасу № 1. *Вал № 2:* дугообразной в плане формы, ориентирован северо-запад — юго-восток, длина — 60 м, ширина — 1,2—1,6 м, высота — 1,2—1,5 м; соединяется в южной части с валом № 1 и защищает террасу № 1. *Вал № 3:* дугообразной в плане формы, ориентирован с севера на юг, длина — 65 м, ширина — 1,1—1,5 м, высота — 1,2—1,5 м; защищает террасы № 1 и 2. *Вал № 4:* ориентирован с севера на юг, длина — 70 м, ширина — 1,3—1,6 м, высота — 1,4—1,6 м; защищает террасы № 2, 3 и 4. *Вал № 5:* дугообразной в плане формы, ориентирован с запада на восток, длина — 55 м, ширина — 1,2—1,5 м, высота — 1,2—1,5 м; западной оконечностью соединяется с центральной частью вала № 4, защищает террасу № 2.

Стратиграфия раскопа: дёрн мощностью 3—10 см, коричневая щебнистая супесь — 2—30 см, жёлто-коричневый суглинок — 10—15 см. Материк — тёмно-коричневые базальтовые плиты и скальный цоколь. Очаги, столбовые ямы, каменные кладки и др. в раскопе не выявлены. Коллекция содержит артефакты трёх культур: основная часть материала отнесена к раннему железному веку — к янковской культуре, единичные находки — к польцевской культуре, железный двурогий срезень — к эпохе средневековья [7]. Следовательно, Молёное-1 — многокомпонентный памятник, и было неизвестно, носители какой культуры возвели фортификационные сооружения. Поэтому в 2020 г. Амуро-Приморская археологическая экспедиция с целью установления стратиграфии, времени возведения фортификаций и искусственных террас, а также определения их культурной принадлежности провела исследования на памятнике Молёное-1.

Для этого было заложено три раскопа: на уплощённой вершине возле северного вала (9 кв. м), на средней террасе (6 кв. м), на нижней

террасе (5 кв. м). На вершине сопки (терраса № 1) исследовался участок между раскопом 2006 г. и северным валом. Установлено, что материковая поверхность (растрескавшийся скальный цоколь) выравнивалась специально, на край складывался грубообломочный скальник, который укреплял крутой склон и образовывал таким образом вал. Культурный слой содержал материал янковской культуры. На средней террасе исследовалось пространство между двумя разноуровневыми западинами. Зафиксирован участок ровной поверхности с обрывающимся высоким (70—75 см) бортом, облицованным крупным плоским скальником. Находки представлены шлифованным рубящим изделием с забитым лезвием (рис. 1: 1), обломком жатвенного ножа (рис. 1: 6), фрагментами янковских сосудов. В верхней части культурного слоя залегал железный плоский наконечник дротика с выделенными жальцами (рис. 1: 2), имеющий широкий временной и культурный диапазон хождения (палеометалл — средневековье). На нижней террасе размером 6,5—7,0×7,0—7,5 м и высотой 2,4 м находки представлены дисковидным пряслицем прямоугольного сечения, фрагментами сосуда, орнаментированного горизонтальными и наклонными рядами прочерченных борозд.

Проведённые Амуро-Приморской археологической экспедицией исследования на памятнике Молёное-1 позволяют заключить, что стратиграфически на нём прослежен только слой янковской культуры эпохи раннего железного века. Археологическими маркерами служат шлифованные жатвенные ножи, сосуды с Г-образным венчиком, чаши с прямым венчиком, использование лощения при обработке поверхности сосудов, орнаментация верхней части сосудов рядами прочерченных параллельных борозд, близко расположенные подтреугольные валики (рис. 1: 7—13). Орнаментация стыка горловины и плечиков и верхней части сосудов валиками осуществлялась тремя техническими приёмами: налеп, инкрустация (вставка валика в прочерченный желобок), выглаживание из стенки сосуда. Некоторые элементы в керамике свидетельствуют о янковско-лидовских контактах. В коллекции присутствуют фрагменты сосудов с прямой горловиной, слабо отогнутым венчиком с округлой кромкой (амфоровидные сосуды), орнаментированные по стыку горловины и тулова налипным валиком с вдавлениями (рис. 1: 15). Орнаментация валика традиционна для лидовской культуры, но не характерна для янковской. Встречен фрагмент сосуда с «сетчатым» орнаментом — визитной карточкой ахобинской группы лидовской культуры (рис. 1: 14) [3, табл. 3]. На что обращал внимание В.И. Дьяков, отмечая присутствие в коллекции янковского комплекса поселения Валентин (Лазовский район Приморского края) реликтовых

Рис. 1. Артефакты поселения Молёное-1: 1 — шлифованное рубящее орудие с забитым лезвием (камень); 2 — наконечник дротика (железо); 3—5 пряслица (керамика); 6 — обломок шлифованного жатвенного ножа (камень); 7—15 — фрагменты сосудов (керамика)

черт лидовской культуры (шлифованные ножи со скошенным лезвием, вариации «сетчатого» орнамента) и объясняя это ассимиляцией янковцами лидовцев [2, с. 54—56]. Перечисленный набор материала позволяет отнести памятник к позднему этапу янковской культуры.

Таким образом, впервые стратиграфически подтверждено появление искусственных террас в раннем железном веке в янковской культуре. Террасы предназначались для возведения на крутом склоне жилищ, защищённых каменными валами, образовывавшими многоуровневую систему обороны. Во все времена данное место являлось важным, доминирующим над долиной Аввакумовки, стратегическим пунктом. Об этом свидетельствуют единичные находки польцевских и средневековых артефактов, выявленных вне стратиграфического контекста в 2006 г. на террасе № 1.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арсеньев В.К. Список памятников старины в Южно-Уссурийском и Зауссурийском крае, не осмотренных и не описанных Ф.Ф. Буссе, К.Н. Кропоткиным и подполковником Арсеньевым // Труды по археологии притихоокеанской России / отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 97—101.
2. Дьяков В.И. Железный век на западном побережье Японского моря // Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Приморье у рубежа эр. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. С. 49—71.
3. Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 239 с.
4. Дьякова О.В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2009. 245 с.
5. Дьякова О.В. Древние и средневековые городища Бикина // Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание / отв. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 625—639.
6. Краминцев В.А. Поселение и городище Васильевка-3 — новые памятники польцевского времени в Бикинском районе Хабаровского края // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С. 82—89.
7. Малков С.С., Рожков С.В. Молёное-1 — новый памятник раннего железного века // Столетие великого АПЭ. К юбилею академика Алексея Павловича Окладникова / отв. ред. Д.Л. Бродянский. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 188—198.
8. Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. 185 с.
9. Попов А.Н. Археологические исследования в Пограничном и Ольгинском районах Приморского края в 2004 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 24960. 331 л.

УДК 904(571.6)

А.Л. ИВЛИЕВ*

**МОНЕТЫ ИМПЕРИИ ЦЗИНЬ (1115—1234 гг.)
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

В статье освещается представленная в письменных источниках история выпуска первых и наиболее массовых монет империи Цзинь (1115—1234 гг.). Именно эти монеты сыграли важную роль в денежном обращении чжурчжэньской империи, о чём свидетельствуют их частые находки на археологических памятниках в Приморском крае. Из записей в «Трактате о продуктах и товарах» («Ши хо чжи») в «Истории династии Цзинь» («Цзинь ши») видно, что если выпуск монет Чжэн-лун юаньбао в 1158—1161 гг. осуществлялся в крупных административных центрах империи на базе изъятых у населения бронзовых изделий, то отливка монет Да-дин тунбао производилась на сырье, добытом при разработке месторождений медной руды, и была привязана к местам добычи меди.

Ключевые слова: чжурчжэньская империя Цзинь, монеты Чжэн-лун юаньбао и Да-дин тунбао, монетные дворы, нумизматика, археология.

A.L. IVLIEV

**COINS OF JIN EMPIRE (1115—1234)
ACCORDING TO THE DATA OF ARCHAEOLOGICAL SITES
OF SOUTH PART OF RUSSIAN FAR EAST**

The paper elucidates a history of minting of the first and most mass coins of Jin Empire (1115—1234) represented in historical records. Just these coins were of primary importance in the money circulation of Jurchen Empire, that is indicated by frequent findings of them in archaeological sites of Primorye Region. It is seen from the records of “Treatise on foods and goods” (“Shi huo zhi”) of the “History of Jin Dynasty” (“Jin shi”) that whereas Zheng-long yuanbao coins were minted in large administrative centers of the Empire basing on bronze items confiscated from the population, mint of Da-ding tongbao coins used raw materials extracted from copper ore deposits and located near places of copper mining.

Keywords: Jurchen Jin Empire, Zheng-long yuanbao and Da-ding tongbao coins, numismatics, archaeology.

---

* ИВЛИЕВ Александр Львович — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ivlieval2@gmail.com.

Поскольку в материалах раскопок памятников юга Дальнего Востока России (преимущественно Приморского края) известно только два типа монет, относящихся к чжурчжэньской империи Цзинь — Чжэн-лун юаньбао (正隆元寶) и Да-дин тунбао (大定通寶), именно эти монеты будут рассматриваться в данной работе. На территории Хабаровского края известны находки большой монеты Тай-хэ чжунбао (泰和重寶, 1204—1208 гг.), однако они никак не документированы, данные по ним отсутствуют.

Чжэн-лун юаньбао — круглая монета диаметром 24,8—25,5 мм с квадратным отверстием диагональю около 7 мм (рис. 1: 1). Толщина монеты 1,4—1,5 мм. Края отверстия и самой монеты обрамлены бордюрами, ширина наружного — 1—1,5 мм, внутреннего — менее 1 мм. Масса монеты 3—3,4 г. Реверс монеты не имеет надписей и знаков. На аверсе помещена читающаяся сверху по ходу часовой стрелки надпись из четырёх иероглифов: 正隆元寶 («основная ценность годов Чжэн-лун»).

Да-дин тунбао — по внешнему виду и размерам близка к Чжэн-лун юаньбао, но отличается более качественным исполнением (рис. 1: 6).

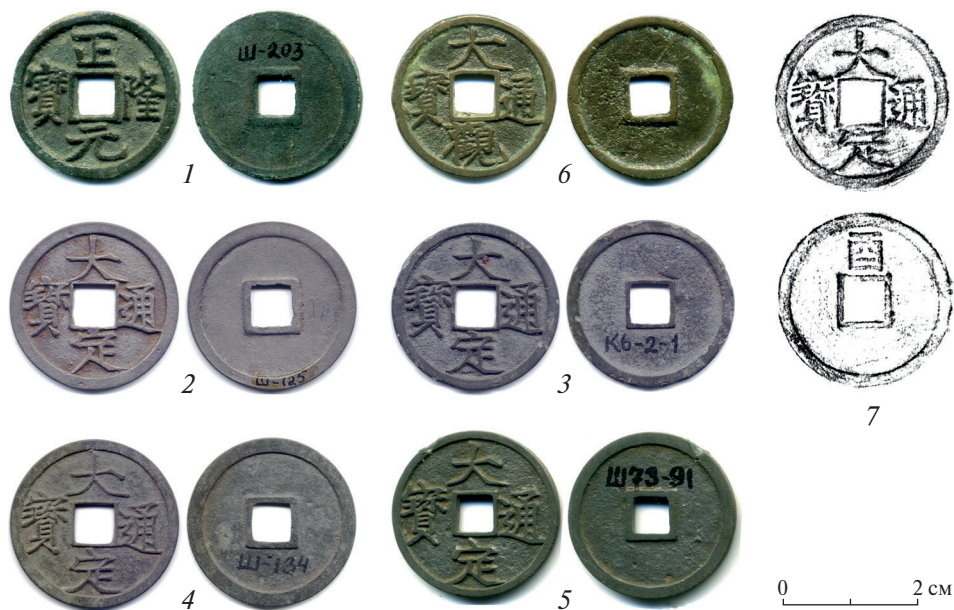

Рис. 1. Монеты из археологических памятников юга Дальнего Востока России: 1 — Чжэн-лун юаньбао; 2—5 — варианты монеты Да-дин тунбао; 6 — северосунская монета Да-гуань тунбао; 7 — Да-дин тунбао с циклическим знаком «ю» на реверсе (эстамп из полевого дневника автора). 1, 2, 4, 5, 7 — Шайгинское городище; 3 — Красноярское городище; 6 — клад монет из Хабаровского края

Диаметр монеты 25—25,4 мм. Надпись на аверсе читается крестообразно сверху вниз и затем справа налево: 大定通寶 («имеющая хождение ценность годов Да-дин»). Она довольно близка по форме и стилю письма *шоуцзиньти* к северосунской монете Да-гуань тунбао (大觀通寶, 1107—1110 гг.). Внимательное изучение значительной массы этих монет из разных памятников времени Цзинь и Восточного Ся в Приморье позволило выделить четыре чётко различимых варианта монет этого типа (рис. 1: 2—5).

В 1974 г. в жилище 104 на Шайгинском городище была найдена пока единственная в Приморье монета Да-дин тунбао с циклическим знаком «ю» (酉) над отверстием на реверсе (рис. 1: 7). По особенностям написания иероглифов на ней она не соотносится ни с одним из выделенных выше вариантов. Всего среди монет Да-дин тунбао известны два подтипа со знаками на реверсе: со знаком «ю» и со знаком «шэнь» (申). Оба знака являются циклическими и, как считается, служили обозначениями годов *ушэнь* (戊申 — 1188 г.) и *цзю* (己酉 — 1189 г.) [1, с. 102; 11, с. 269]. Поскольку каждая из этих монет отливалась в течение всего одного года, их количество относительно невелико. Известных по литературе монет Да-дин достоинством в два вэня в раскопках на территории Приморья не встречено вовсе.

Публикации по чжурчжэньским монетам в отечественной историографии довольно ограничены. Специально монетам Цзинь посвящена работа М.В. Воробьева [1], где исследователь опирался на ряд китайских каталогов, в первую очередь на «Энциклопедию древних монет» Дин Фубао, фундаментальный труд по истории денежного обращения в Китае Пэн Синьвэя [9] и данные из «Трактата о продуктах и товарах» («Ши хо чжи») в «Истории династии Цзинь» («Цзинь ши») [10, цз. 48, с. 1069—1090]. Автор осветил историю выпуска монет в империи Цзинь и дал описание целого ряда монет, включая и интересующие нас типы. Для сравнения привлекались материалы нумизматических находок в Приморье и опубликованные В.Я. Толмачевым сборы на городище Верхней столицы Цзинь в Северо-Восточном Китае. Однако сведения о монетных дворах, занимавшихся выпуском монет Чжэн-лун и Да-дин, а также некоторые факты, почерпнутые из «Цзинь ши», требуют уточнения. В частности, упоминаемый М.В. Воробьевым «монетный двор в Литухэ» не обнаружен ни в одном из доступных источников, а два разных монетных двора в Дайчжоу и в уезде Цюйян представлены как один «монетный двор в уезде Цюйян в Дайчжоу». Также следует отметить, что, согласно исследованиям китайских учёных, целый ряд монет, приведённых в работе М.В. Воробьева, взятых из каталога

Дин Фубао [8], являются поздними подделками* [7]. В сводном труде по нумизматике древнего и средневекового Китая Д. Хартилла [4] история выпуска монет в Цзинь представлена верно, но весьма кратко. Автор правильно указывает на то, что в последние 30 лет истории Цзинь существенных выпусков монет не было, хотя, следует отметить, что на этот период приходится около половины всех известных типов цзиньских монет. Очевидно, объёмы их отливки были столь незначительны, что они не могли оказать какого-либо влияния на поразившую экономику страны инфляцию, вызванную многолетней войной с монголами и безудержным выпуском бумажных денег. Фактически все монеты этого периода представляют собой большую редкость и не встречаются в материалах раскопок археологических памятников Цзинь и Восточного Ся.

Приводя изображения и описания цзиньских монет, авторы каталогов и прочих трудов обычно обращали внимание на самые заметные различия внутри типов монет: присутствие или отсутствие той или иной черты в иероглифе надписи, наличие каких-либо знаков на реверсе. Изучение же значительной массы однотипных монет из материалов раскопок позволило выделить разновидности (варианты), выпавшие из поля зрения наших предшественников. То, что эти варианты образуют насчитывающие многие экземпляры группы монет, позволяет говорить об объективности их выделения и требует объяснения их происхождения. Описанию этих разновидностей и связанным с ними вопросам будет посвящена другая статья. В данной же работе осветим исторические сведения о выпуске монет в империи Цзинь в 1158—1189 гг.

Как сообщается в третьей главе «Трактата о продуктах и товарах» («Ши хо чжи») в «Цзинь ши», в начале правления династии в употреблении были старые монеты Ляо и Сун, и даже монеты Фу-чан юаньбао и Фу-чан чжунбао, выпущенные в конце годов Тянь-хуй (1123—1137 гг.) правителем контролировавшегося чжурчжэнями марionеточного государства Ци Лю Юем. Следует отметить, что ляоские монеты по объёму их выпуска не шли ни в какое сравнение с монетами Северной Сун. В результате в самой киданьской империи их было чрезвычайно мало, о чём свидетельствуют нумизматические находки на киданьских городищах западной границы Ляо в долине р. Тола в Монголии [2, с. 149—150; 5, р. 100], где при значительном количестве монет Тан и Северной Сун не обнаружено ни одной ляоской монеты.

---

* Поддельными определены монеты, помещённые на рис. 10—13, 19, 23, 28 работы М.В. Воробьева.

Очевидно, и в Цзинь на раннем этапе в обращении были в основном монеты Северной Сун, среди которых встречались и ляоские. Завоевав обширные территории Северной Сун, Цзинь получила и обрабатывавшуюся на этих землях массу северосунских монет. Поначалу этого хватало, но с укреплением и ростом экономики страны возникла потребность в выпуске новых собственных денег. Сначала при императоре Хайлин-ване, после переноса столицы в Чжунду (Средняя столица в районе современного Пекина), был начат выпуск бумажных ассигнаций (*цзяочао*) в 1154 г., а в 1157 г. было решено отливать монеты [10, цз. 48, с. 1069]. Для этого были приняты меры по накоплению меди. В 10-м месяце второго года Чжэн-лун (1157 г.) был запрещён вывоз бронзы за границу, у народа реквизировали бронзовые и латунные вещи. Собранные в губерниях Шэньси и Южной столицы (современный г. Кайфэн) вещи свозились в Цзинчжао (современный г. Сиань), а из других губерний — в Среднюю столицу. Во 2-м месяце следующего года в Средней столице учредили два монетных двора: восточный назывался Баоюань («источник ценностей»), а западный — Баофэн («обилие ценностей»). Ещё один монетный двор учредили в Цзинчжао, он назывался Лиюн («благоприятные средства»). Все три двора отливали монету Чжэн-лун тунбао (正隆通寶)*. По весу они были такие же, как сунские монеты в 1 вэнь, а по качеству металла и исполнения надписи превосходили их. Новые монеты обращались наряду со старыми [10, цз. 48, с. 1069]. Выпуск этих монет продолжался три года, и после гибели Хайлин-вана в 1161 г. был прекращён [11, с. 269]. В правление Шицзуна (1161—1189 гг.) правительство сначала пыталось сохранить объём имеющейся в обращении монеты путём запрета частной отливки бронзовых изделий, для изготовления которых население переплавляло монеты. Также аккумулировалось сырьё для новых монетных эмиссий: у населения скупались бронзовые вещи и велась разведка месторождений меди. «Трактат о продуктах и товарах» в «Цзинь ши» сообщает об этом следующее: «Во 2-м месяце 11 года [правления Да-дин] (1171 г.) был объявлен запрет на частную отливку бронзовых зеркал, а все старые бронзовые вещи нужно было сдавать властям, которые платили за них полцены. Оставлять у себя можно было только статуи Будды, колокола, гонги, медные музыкальные тарелки, утюги, украшения поясов, ранговые рыбки. В 1-м месяце 12 года вследствие нехватки меди

---

* Здесь составители «Цзинь ши» допустили ошибку — должно быть: «Чжэн-лун юаньбао» (正隆元寶 — «основная ценность годов Чжэн-лун»). В действительности до наших дней сохранилось большое количество монет Чжэн-лун юаньбао, монет же Чжэн-лун тунбао до сих пор не встречено.

было приказано палате Шаншушэн направить чиновников во все губернии, чтобы наладить обеспечение бронзой; тех, кто сможет указать месторождения, где медь можно добывать и выплавлять, и действительно получит её, награждать» [10, цз. 48, с. 1070]. Также в 16 году Да-дин (1176 г.) в провинции были направлены эмиссары на поиски месторождений медной руды. Через два года после этого приступили к налаживанию отливки монет. В 1178 г. в Дайчжоу (современный уезд Дайсянь в провинции Шаньси, КНР) был учреждён двор (監 — «инспекция») для отливки монет. Но отлитые тогда монеты были пятнистыми либо чёрными с грубой шероховатой поверхностью. За это посланных туда управляющего и его помощника понизили на два ранга, освободили от должностей, а помощника ещё и наказали 80 ударами палкой. Вновь назначенное руководство смогло обеспечить выпуск монет [10, цз. 48, с. 1071]. Новые монеты Да-дин тунбао (大定通寶) по качеству и исполнению надписей были лучше монет Чжэн-лун. Говорили, будто в материале, из которого они отливались, было немного серебра [10, цз. 48, с. 1071]. Большинство монет Да-дин, находимых в наши дни, имеют серебристый цвет металла, что, возможно, и послужило основанием для такого утверждения. В 1180 г. монетный двор в Дайчжоу получил название «Футун» (阜通 — «изобилие [товаров] и поддержание [торговых] связей»). В 1179 г. первая партия отливки монет превысила количество в 16 000 связок (номинально одна связка — *гуань* — насчитывала 1000 монет). В следующем году императорским указом велено было сначала поднести императорскому двору 5000 связок, а затем было отдано распоряжение использовать новые монеты наравне со старыми [10, цз. 48, с. 1071].

В 1187 г. второй монетный двор, получивший название «Литун» (利通 — «умеющий добываться прибылей»), был учреждён в уезде Цюйян (современный уезд Цюйян городского округа Баодин провинции Хэбэй, КНР). После кончины императора Ши-цзуна выпуск этой монеты продолжался недолго. Вот как об этом сообщается в «Цзинь ши»: «В 12-м месяце 29-го года Да-дин (1189 г.) люди из уездов Яньмэнь и Утай на территории современной провинции Шаньси обратились с жалобой: „С того времени, как учредили дворы для отливки монет, в землях, где есть медная руда, её перевозки, хоть и называются казёнными, но плата нанимаемым на эти работы недостаточна, и тогда приказывают людям совместно доплачивать. Просим привести это в порядок вместе с администрацией нашего округа и уездов“. Тогда было приказано помощнику начальника Ведомства гончарных работ Дин Юнцзи отправиться туда и тщательно исследовать достоинства и недостатки этого дела. По возвращении он сообщил: „Перевозками медной руды люди занимаются

из-за нехватки средств для выплаты налога на имущество, не по своему желанию. Плата за эту работу низкая, также есть и жестокие злоупотребления. А занимающиеся поиском рудных жил мастера ложно указывают на окружённые стенами дома народа и на буддийские и даосские монастыри и храмы, утверждая, что здесь нужно вести добычу руды; делают так потому, что посредством этого получают взятки. Также, согласно мастерам-плавильщикам, в день они должны выплавлять 4 лян чистой меди*, многие не достигают этой нормы, тогда они переплавляют бронзовые вещи и старые монеты и сдают металл чиновникам, чтобы восполнить недостаток по норме. Ныне два монетных двора Футун и Литун в год отливают 140 тысяч с лишним связок монет, а ежегодные расходы на это достигают 800 с лишним тысяч связок. Это вредит народу и приводит к большим затратам. Ещё не видели выгоды и удобства от этого“. После этого доклада монетные дворы в Дайчжоу и Цюйяне были закрыты» [10, цз. 48, с. 1073]. Из этого доклада можно, в частности, судить о ежегодном объёме выпуска монет Да-дин тунбао.

Приведённые выше сведения показывают, что выпуск монет в Цзинь был не постоянным, а в виде двух кампаний. Одна из них была в 1158—1161 гг., монеты отливались на трёх дворах: двух в Средней столице и ещё одном в Цзинчжао. Следующая кампания была в 1178—1189 гг. На этот раз отливка монет производилась на двух дворах: Футун в Дайчжоу и Литун в Цюйяне. При этом второй из них работал только в 1187—1189 гг. Отметим также, что если монеты годов Чжэн-лун отливались из бронзы, полученной в виде вещей, изъятых у населения, то производство монет в годы Да-дин в основном базировалось на меди, получаемой при разработке месторождений. Не случайно, что если дворы для отливки Чжэн-лун юаньбао были в крупных административных центрах империи, то дворы, отливавшие Да-дин тунбао, находились в местах добычи меди.

Следует отметить, что в основном встречаются монеты Да-дин тунбао из серой бронзы серебристого цвета, однако немало их и из жёлтой бронзы. При этом разный металл наблюдается у монет всех вариантов. Возможно, что причина этого — в информации, которая содержится в упомянутом выше докладе Дин Юнцзи, инспектировавшего рудники и монетные дворы, императору Чжан-цзуну: ремесленники «переплавляли бронзовые вещи и старые монеты и полученный металл сдавали чиновникам, чтобы восполнить недостаток по норме» [10, цз. 48, с. 1073]. Таким образом, на отливку монет шёл металл, как добытый из месторождений, так и выплавленный из бронзового лома.

* Около 150 г. — *А.И.*

У нас нет письменных свидетельств об объёмах выпуска монет Чжэн-лун юаньбао. Годовой же объём отливки Да-дин тунбао составлял около 140 тысяч связок, или 140 миллионов монет. Если судить по доле цзиньских монет в общей массе находимых на чжурчжэньских городищах Приморья монет, то она невелика по сравнению с монетами Северной Сун и составила всего 5,16% в учтённых статистикой материалах, при этом доля Чжэн-лун юаньбао всего 0,22% [3]. Казалось бы, это должно свидетельствовать о значительно большем объёме эмиссии монет Да-дин по сравнению с Чжэн-лун. Однако в кладах цзиньского времени на территории Китая это соотношение совсем другое. Там доля монет Чжэн-лун юаньбао составила 0,74% от общей массы монет, а Да-дин тунбао — 0,03% [3, с. 159]. Миякэ Тосихико объясняет такое расхождение несколькими причинами, в конечном счёте связанными с особой ролью монеты Да-дин тунбао в жизни населения Цзинь и монгольских степей. Будучи искусно выполненной и содержащей благопожелательную надпись «да дин»*, эта монета играла не столько экономическую, сколько эстетическую и религиозно-идеологическую роль. Поэтому её не стремились помещать в клады, а использовали при разных ритуалах в священных местах. Именно об этом свидетельствуют исследования в Монголии, где преимущественно монеты Да-дин тунбао наблюдались во дворце в Каракоруме, и в ставке монгольских ханов в Аварге (соответственно 60 и 80% от всего количества монет), а также в погребениях знати возле юаньской столицы Шанду [6, р. 18—19]. В то же время, доля Да-дин в 6,2% в раскопе на перекрёстке жилого квартала Каракорума близка к показателю на памятниках Приморья и, возможно, в отличие от доли в составе кладов, она отражает реальное место этих монет в денежном обращении в этом регионе в XIII в. В таком случае, монет Чжэн-лун юаньбао всё же было выпущено гораздо меньше, чем монет Да-дин тунбао.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Воробьев М.В. Денежная система чжурчжэней (Династия Цзинь) // Страны и народы Востока. Вып. VIII. География, этнография, история. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 99—112.
2. Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л. Киданьский город Чинтолгой-балгас. М.: Восточная литература, 2011. 173 с.

* «Да дин» — «великое становление (спокойствие)» — пожелание мира всей Поднебесной.

3. Миякэ Т., Ивлиев А.Л. Денежное обращение в Северо-Восточной Азии в эпоху Цзинь // Средневековые древности Приморья. Владивосток: Дальнаука, 2016. Вып. 4. С. 141—171.
4. Hartill D. Cast Chinese Coins. Trafford, 2005. 473 p.
5. Kradin N.N., Ivliev A.L., Ochir A., Erdenebold L., Vasiutin S.A., Sarantseva S.E., Kovychev E.V. Khermen Denzh Town in Mongolia // The Silk Road. 2015. Vol. 13. P. 95—103.
6. Miyake T. Coins Collected from the Avraga Site // New Directions in Mongolian Archaeology. Tokyo: Doseisha, 2005. Vol. 1: Avraga 1. P. 17—28.
7. 戴保庭 遗著. «历代古钱图说» 校正 = Дай Баотин. Исправления к «Иллюстрированному каталогу древних монет разных эпох» // 中国钱币. 1983. № 1. С. 24—27.
8. 丁福保. 历代古钱图说 = Дин Фубао. Иллюстрированный каталог древних монет прошедших эпох. Литографическое переиздание издания 1940 г. Шанхай: 上海书店, 1988. 224 с.
9. 彭信威. 中国货币史. 上、下册 = Пэн Синьвэй. История китайских денег. Т. 1—2. Шанхай: 群联出版社, 1954. 636 с.
10. 金史 [全八册]. 元脱脱等撰 = Цзинь ши (История династии Цзинь). Т. 1—8 / сост. Тото и др. Пекин: 中華書局出版, 1975. 2906 с.
11. 昭明, 马利情. 古代货币 = Чжао Мин, Ма Лицин. Древние монеты. Пекин: 中国书店, 1999. 384 с.

УДК 903.02(571.6)“636/637”

Н.Е. КУШНАРЕВ*

ХРОНОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОНЧАРСТВА ПОКРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Работа посвящена некоторым результатам исследований станковой керамики покровской культуры. Дан обзор появления и изменений форм гончарной посуды. Описаны особенности климатических и экологических изменений, повлиявших на хозяйство носителей покровской культуры, включая изготовление керамики.

Ключевые слова: археология, средневековье, покровская культура, культура амурских чжурчжэней, климатические изменения, керамика, хозяйство.

---

* КУШНАРЕВ Никита Евгеньевич — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: nekitkushnarev@mail.ru.

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

N.E. KUSHNAREV

CHRONOLOGY AND ENVIRONMENTAL ASPECTS OF POTTERY DEVELOPMENT OF THE POKROVSKAYA CULTURE

The article is devoted to some results of studies of easel ceramics of the Pokrovskaya culture. An overview of the appearance and changes in the forms of pottery is given. The features of climatic and ecological changes that influenced the economy including pottery making of the carriers of the Pokrovskaya culture are described.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, Pokrovskaya culture, culture of the Amur Jurchens, climatic changes, pottery, economy.

Археологический материал свидетельствует о высоком уровне развития в покровской культуре (культуре «амурских чжурчжэней») ремесленного производства, основной формой которого, как утверждает В.Е. Медведев, ссылаясь на труды М.В. Воробьёва [3, с. 94], «следует считать домашнее недифференцированное ремесло» [7, с. 66], обеспечивающее потребности главным образом рядового населения определённого коллектива. Для домашнего производства более характерно создание лепной керамики, поскольку изготовление круговой посуды требует использования вращающихся и теплотехнических устройств, инструментов и профессиональных навыков, что предполагает существование специализированных мастерских. По всей видимости, уже к концу I тыс. н.э. наметилось выделение профессионального гончарного ремесла, постепенно распространявшегося повсеместно.

Появление первой круговой керамики в покровской культуре относится к VII в. [7, с. 67]. Что касается времени массового распространения гончарных сосудов в Восточном Приамурье, В.Е. Медведев, основываясь на анализе материалов ряда памятников, датированных монетами и радиоуглеродным методом, считает, что это произошло в середине или в конце VIII в. [7, с. 86]. Продолжительное время круговая керамика сосуществует с лепной продукцией, постепенно вытесняя её, и достигает своего максимального распространения к XII — началу XIII в.

Круговая керамика приобретает свой облик, сохраняя некоторые черты лепной керамики. Так, в ней сохраняются вазовидные, горшководные, кувшиновидные типы сосудов, а также чаши. Круговые сосуды бочонковидного и бутылевидного типа, вероятно, происходят от лепной керамики баночного и амфоровидного типов соответственно.

В то же время появляются новые формы сосудов, такие как тазовидные, шаровидно-сферические и котловидные.

Гончарные сосуды вазовидного типа происходят от аналогичных лепных изделий — слабопрофилированных ёмкостей, как правило, вытянутых форм, с наlepным или оттянутым валиком вдоль кромки венчика. Для средневекового населения Восточного Приамурья такие сосуды характерны в основном на раннем этапе существования покровской культуры (VII—IX вв.), они встречаются иногда в могилах X—XI вв. вместе с круговой керамикой. В.Е. Медведев соотносит присутствие подобной посуды с данными датировок в могильниках, имеющих надёжную периодизацию (Корсаковский, Надеждинский, Болоньский могильники) [6, с. 30; 7, с. 64—69].

Кувшиновидные и амфоровидные лепные сосуды имеют архаичный облик и создавались преимущественно на ранней стадии культуры, не позднее X в. Амфоровидные изделия встречаются в погребениях X в. вместе с круговой посудой. Некоторые черты амфоровидной лепной керамики, по мнению В.Е. Медведева, проявляются в круговой керамике кувшиновидного, шаровидно-сферического, бочонковидного и в некоторых случаях бутылевидного типа [7, с. 70—79]. В дальнейшем она вытесняется круговой посудой кувшиновидного типа. По материалам и периодизации Корсаковского могильника можно отследить линию развития от лепных кувшиновидных сосудов (конец VI—VII в.) к появлению и существованию лепных амфоровидных сосудов (VIII — начало X в.) и до возникновения станковых кувшиновидных сосудов, относимых к X—XI вв. [6, с. 30].

Отмечается, что орнаментация лепной посуды бедная и однообразная [7, с. 71]. Выпуклый валиковый декор, расположенный на плечиках и тулове, можно считать самым ранним типом. Небольшой процент лепной керамики (баночного и вазовидного типов, а также чаш-пиал) частично или полностью украшался мелкочаеистым шахматно-шашечным штампом (который может являться следами выбивки), горшковидные лепные изделия декорировались косыми насечками. На амфоровидных лепных сосудах раньше всего появился характерный «покровский» декор — горизонтальные прочерченные линии, косая сетка, вертикальная «ёлочка», а также волнистые линии. Последний вид декора хотя и продолжал существовать позднее уже на круговых сосудах, но всё же был довольно редким явлением.

Керамика с вдавленными вертикальными желобками (дольчатые сосуды) находит отражение и в лепной, и в станковой посуде. Изделия, изготовленные вручную, относятся к VIII—IX вв. и, возможно, к концу VII в. [7, с. 88]. Примечательным является усложнение декора дольчатых

сосудов (которые в круговой керамике представлены горшковидными и кувшиновидными сосудами), прослеживающееся на всех этапах существования культуры и достигшее своего пика к XII — началу XIII в.

Вазовидные круговые сосуды делятся на два подтипа. Первый подтип существует на протяжении X—XIII вв., второй подтип имеет определённые территориальные рамки и соотносится со второй половиной IX — началом X в. [6, с. 30].

Котловидные сосуды сравнительно крупных размеров хоть и относятся к числу редких круговых изделий, но заслуживают отдельного внимания. В.Е. Медведев указывает, что подобные сосуды следует связывать в Приамурье с комплексами X—XIII вв., и отмечает, что они имитируют чугунные литые котлы, встреченные на Джаринском городище [7, с. 79]. Ю.М. Васильев считает появление металлической посуды — походных трёхпетлевых котелков и чугунных котлов — более поздним явлением, относимым к XI в. [2, с. 112]. На наш взгляд, факт керамической имитации чугунных сосудов требует дальнейшего уточнения в вопросах датировки. Существуют предположения о том, что типы металлической посуды могли быть скопированы с котловидной керамики. Однако необходимо обратить внимание на то, что в этом случае частота встречаемости котловидных сосудов должна быть выше, чем металлических, а не наоборот. В противовес этому можно предположить, что изготовление котловидной керамики началось с подражания привозным образцам, которые могли не находиться в широком обиходе и, следовательно, не обнаружены в погребениях.

По наблюдениям В.Е. Медведева, круговая посуда в последние века I тыс. (VIII—IX вв.) в общем производстве керамики составляла около 30—40%, в X—XI вв. её количество превысило долю лепной керамики, и в XII — начале XIII в. изготовление изделий на гончарном круге стало практически единственным способом керамического производства [7, с. 74].

Изменения в керамическом производстве покровской культуры в большой степени соответствуют динамике климатических изменений средневекового периода, которые оказали влияние на хозяйственную деятельность населения Восточного Приамурья.

Появление круговой посуды и её дальнейшее широкое распространение приходится на начало потепления VIII—IX вв. н.э. [1, с. 412—413; 12, р. 81—84], пик которого наблюдается в следующей фазе — IX—X вв. н.э. [8, с. 332—333]. Данный период является крайне благоприятным для земледелия, что должно было отразиться в увеличении стабильности и объёмов получаемого урожая, а следовательно — в росте количества населения, поселений или их размеров, расширении спектра и количества

пищевых ресурсов и в увеличении спроса на керамическую продукцию. Климатические условия этого периода позволяют предполагать возможность применения двухэтапного засева злаковых с большой разницей в верхнем и нижнем порогах вегетационного периода. Например, существуют различные виды злаковых с вегетационным периодом от 60 до 120 дней, что позволяет использовать их как пожнивные, поукосные и подсевные культуры. Пока фактически единственными данными о земледелии носителей покровской культуры являются наблюдения В.Е. Медведева о сохранившихся зёрнах итальянского проса (*Setaria italica*) на дне погребений Корсаковского и Дубовского могильников [7, с. 45]. Несомненно, проблемы изучения земледелия носителей покровской культуры требуют дальнейшего исследования. Стоит также отметить, что на данном этапе потепления наблюдается широкое распространение посуды, пригодной для хранения больших объёмов продуктов, в том числе сыпучих, — лепной амфоро- и кувшиновидной посуды, разных типов круговой посуды.

Последующие периоды похолодания X—XII вв. [1, с. 414; 10, р. 1—31] неблагоприятно сказались на развитии земледелия. В этот период исчезает амфоровидная и кувшиновидная лепная керамика, заменяется иными типами круговой керамики. Стрессовая ситуация вела к росту социально-экономических изменений в обществе, в том числе и в технологиях. Происходит замена части керамической посуды для приготовления пищи на металлическую для походного и стационарного использования. Гончары начали производить больше тарной и столовой посуды. Предположительно, в этот период увеличивается роль добываемых ресурсов охоты, рыболовства и собирательства. В это время появилась тазовидная посуда — сосуды, наиболее пригодные для длительного вываривания продуктов питания, а также для сбора, очистки и вымачивания собираемых продуктов питания (например, моллюски, орехи, жёлуди). Так, отмечаются случаи наличия круговых тазовидных сосудов, имеющих в стенке «овальное отверстие размером по длинной оси около 6,5 см и сделанное при формовке сосуда» [13, с. 10].

Роль климатических изменений неизбежно оказала влияние на сохранение присваивающего хозяйства у средневекового населения Приамурья в период X—XIII вв. Характер охотничьей деятельности продолжает сохраняться по мере продвижения носителей культуры на юг [5, с. 191—194], хотя предшествующее население этих территорий в ходе своей хозяйственной деятельности использовало иную экологическую нишу [4, с. 183—185].

Таким образом, в период потепления VIII—X вв. н.э., создавшего максимально благоприятные условия для земледелия, происходило

быстрое и, что немаловажно, качественное развитие гончарных технологий. Именно с этого момента начинается широкое распространение круговой керамики, спрос на которую определялся нуждами населения. Этому способствовало богатство ресурсно-сырьевого потенциала, не только обеспечивавшего минимум, необходимый для керамического производства, но и соответствовавшего требованиям развития гончарных технологий. Возможно, этот период был одним из этапов изменений индивидуального производства керамики [11, р. 13], когда намечилось выделение профессионального специализированного ремесла с сезонным производством. Это происходило в процессе нелинейного развития гончарства на фоне изменения социально-экономического состояния общества [9, р. 168—170].

Последующие периоды климатических колебаний X—XIII вв. н.э. повлияли на соотношение разных типов хозяйственной деятельности у носителей покровской культуры, в частности на сохранение высокой роли присваивающего хозяйства. Это также совпало с новациями в гончарстве, о чём свидетельствует постепенный отказ от домашнего производства лепной керамики и увеличение количества круговой керамики новых форм.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Базарова В.Б., Мохова Л.М., Лящевская М.С., Гребенникова Т.А. Реакция природной среды бассейна Амура на палеоклиматические события конца позднего голоцена // Пути эволюционной географии: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти профессора А.А. Величко. М.: Изд-во Ин-та географии РАН, 2016. С. 412—416.
2. Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX—XIII вв.). Владивосток: Дальнаука, 2006. 372 с.
3. Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). Исторический очерк / отв. ред. С.А. Школяр. М.: Наука, 1975. 367 с.
4. Гельман Е.И. К вопросу о культурной принадлежности Новогордеевского селища // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 167—187.
5. Дерюгин В.А., Алексеева Э.В. Остеологические материалы с поселения Покровка-1 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 191—194.
6. Медведев В.Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск: Наука, 1991. 175 с.
7. Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. 205 с.

8. Разжигаева Н.Г., Ганзей Л.А., Гребенникова Т.А., Мохова Л.М., Беянина Н.И., Арсланов Х.А. Реакция ландшафтов на климатические изменения в малый оптимум голоцена на юге Дальнего Востока // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований: материалы V международной конференции по исторической географии / отв. ред. К.В. Чистяков. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 329—334.
9. Rice P.M. Pottery Analysis: a Sourcebook. Chicago: The University of Chicago, 2015. 592 p.
10. Sakaguchi Y. Warm and Cold Stages in the Past 7600 Years in Japan and Their Global Correlation // Bulletin of the Department of Geography, University of Tokyo. 1983. Vol. 15. P. 1—31.
11. Underhill A.P. Pottery Production in Chiefdoms: The Longshan Period in Northern China // World Archaeology. Vol. 23. No. 1. P. 12—27.
12. Yu Shao-Hua, Zheng Zhuo, Kershaw P., Skrypnikova M., Huang Kang-You. A Late Holocene Record of Vegetation and Fire from the Amur Basin, Far-Eastern Russia // Quaternary International. Vol. 432. Part A. P. 79—92.
13. Деревянко Е.И., Нестеров С.П. Отчёт о полевых исследованиях на горе Шапке в 1981 г. Рукопись // Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области.

УДК 903.08(571.6)

А.А. БОРУРУЕВА*

ОРНАМЕНТ КЕРАМИКИ НИКОЛАЕВСКОЙ (СМОЛЬНИНСКОЙ) КУЛЬТУРЫ**

Гончарная традиция в археологии является одним из важнейших маркеров археологических культур. На фоне многочисленных дискуссий об этнической и культурной принадлежности населения николаевской (смольнинской) культуры, происхождении и датировке этой культуры исследователи сходятся в одном: керамика является средневековой, что подтверждается её высоким качеством и контекстуальными данными, при этом гончарные традиции указанной культуры отличаются от традиций бохайской и чжурчжэньской культур.

---

* БОРУРУЕВА Анна Александровна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

E-mail: master.anna888@gmail.com.

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России».

Керамика николаевской (смольнинской) культуры, найденная при раскопках в разных районах Приморья, имеет очень близкие морфологические, орнаментальные, технологические признаки. В статье проведён анализ орнаментации керамики памятников данной культуры и неопубликованных подъёмных материалов. Автор выделяет характерные черты культуры в коллекциях различных памятников и их уникальные особенности. **Ключевые слова:** археология, керамика, средневековье, николаевская (смольнинская) культура, вафельная выбивка, Приморский край.

A.A. BORURUEVA

ORNAMENT OF CERAMICS OF THE NIKOLAEVSKAYA-SMOLNINSKAYA CULTURE

Pottery tradition in archeology is a part of the major archaeological cultures markers. Against the background of numerous discussions about the ethnic and cultural belonging of the population of the nikolaevskaya (smolninskaya) culture, the origin and dating of this culture, the researchers agree on one: ceramics is medieval, which is confirmed by high quality of this ceramics and contextual data. In addition, the pottery traditions of the nikolaevskaya (smolninskaya) culture differ from the traditions of the Bohai and Jurchen cultures. The ceramics of the nikolaevskaya (smolninskaya) culture, which was obtained from the sites of different regions of Primorye, has very similar morphological, ornamental, and technological features. In the article, the author analyzes the ornamentation of ceramics of the sites of the nikolaevskaya (smolninskaya) culture and unpublished field materials. The author highlights the characteristic features of culture in the collections of various sites and their unique attributes. **Keywords:** archaeology, ceramic, Middle Ages, nikolaevskaya (smolninskaya) culture, waffle ornament, Primorsky Krai.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из основных культурных признаков, дающим основание выделять николаевскую (смольнинскую) культуру, является керамика с «вафельной» выбивкой. Выбивка — это технологический приём, который производился лопаткой или колотушкой с целью формовки и уплотнения стенок сосуда. Узорные отпечатки образуются вследствие выбивки подсушенного сосуда колотушкой с резьбой или другим рисунком. Такая обработка поверхности может нести как практическую функцию,

например, облегчение захвата сосуда и улучшение передачи тепла при готовке, так и декоративную [14, р. 138]. Подобная выбивка встречается во многих предшествующих культурах Приморья и смежных территориях: в польцевской гончарной традиции (VII в. до н.э. — IV в. н.э.) [5], в мохэской керамике (VI—X вв.) [4] и в бохайской гончарной традиции (698—926 гг.). «Вафельная» выбивка была широко распространена в Китае ханьского периода (206 до н.э. — 220 н.э.) и на Корейском полуострове в государстве Пэкче в периоды хансон (18 г. до н.э. — 475 г. н.э.) и саби (538—660 гг.) [15]. В связи с тем, что традиция «вафельной» выбивки длительный период существовала в культурах региона, она не может являться единственным характерным признаком археологической культуры. В данной статье рассматривается орнамент сосудов, встречающийся в керамике памятников николаевской (смольнинской) культуры.

Для проведения исследования использовались опубликованные и неопубликованные источники из 9 памятников и одного местонахождения. Неопубликованные материалы происходят из раскопок городищ Николаевское и Шайга-Редут Партизанского района, Смольнинское Анучинского района Приморского края. Также изучался подъёмный материал из городища Малаза и окрестностей с. Южная Сергеевка (Партизанский район)*, переданный заведующей музеем школы с. Сергеевка О.Н. Пузыревской. Опубликованные коллекции получены в процессе исследований памятников Приморского края: городищ Николаевское (Партизанского района), Смольнинское (Анучинского района), Чугуевское, Павловка-2, Извилинка (Чугуевского района), Стеглянуха-1 (Шкотовского района), поселения Анучино-27 (Анучинский район) [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

ХАРАКТЕРИСТИКА ОРНАМЕНТИРОВАННОЙ КЕРАМИКИ

При работе автора данной статьи с коллекциями из раскопок Николаевского городища 2003—2004 гг. выяснилось, что всего было найдено 116 фрагментов керамики, относящейся к николаевской (смольнинской) культуре. На 63 из них присутствуют вафельные оттиски, на 9 фрагментах нанесён прочерченный орнамент и на отдельных экземплярах встречается горизонтально-полосчатое лощение как

* Приносим нашу искреннюю благодарность заведующей музея школы с. Сергеевка О.Н. Пузыревской за возможность работать с коллекциями, которые были переданы в сектор раннесредневековой археологии, а также В.Э. Шавкунову — за коллекций Смольнинского городища и городища Шайга-Редут.

на внешней стороне, так и на внутренней [1; 2]. Коллекцию подѐмного материала и находок из разведочного шурфа Николаевского городища составляют 123 фрагмента. В данной коллекции 87 фрагментов имеют «вафельные» отпечатки. Вместе с тем, на некоторых фрагментах встречаются следы выбивки, сделанные инструментом с другой резбой — с горизонтальными полосами и композициями, имитирующими переплетение. В небольшом количестве представлены горизонтально-прочерченный орнамент и горизонтальные лощёные полосы. Ручки, найденные на Николаевском городище, покрыты «вафельной» выбивкой и украшены врезным орнаментом в виде трёх глубоких надрезов на горизонтальной плоскости ручки-«пенька» [3, с. 103].

При раскопках Смольнинского городища в 2004 и 2008 гг. найдено 2386 фрагментов керамики, подавляющее большинство которых покрыто «вафельным» орнаментом. Самый частый тип орнамента, встречающийся в керамике памятника, — горизонтально-прочерченный. Линии нанесены на 5% фрагментов от всей керамики. Также некоторые фрагменты имеют лощение, нанесённое как на внутренней поверхности стенок сосудов, так и снаружи. Часто встречаются фрагменты керамики, где отпечатки выбивки представляют «ёлочный» рисунок в виде частых косых линий, а также имитации переплетения. Один из венчиков был украшен почти у самого устья прерывающимся крупным врезным орнаментом. Самый редкий орнамент, использовавшийся смольнинскими гончарами, — выпуклый с вертикальными вдавлениями по выступу [7; 8]. В ранее публиковавшейся коллекции Смольнинского городища, состоящей из 87 фрагментов с «вафельной» выбивкой, орнамент также представляет собой горизонтально-прочерченные полосы, нанесённые с различной частотой, шириной и расстоянием друг от друга [3, с. 98—99]. В обеих рассмотренных коллекциях разных лет встречаются ручки, украшенные тремя глубокими вдавлениями. На Смольнинском городище найдена единственная ручка со срезанными краями, что придаёт ей «огранённый» вид.

На городище Шайга-редут за всё время стационарных раскопок в 2009, 2011—2013 гг. было найдено 4509 фрагментов керамики, относящейся к николаевской (смольнинской культуре). Как и на других памятниках, описанных выше, большинство фрагментов сосудов покрыто «вафельной» выбивкой и гораздо реже горизонтально-прочерченным орнаментом (около 6% фрагментов). Частым явлением в коллекциях является выбивка с горизонтальными полосами в виде переплетения. Реже встречаются прочерченный орнамент в виде зигзагов [9, 10, 11, 12].

Коллекция из поселения Малаза-1 представлена 54 фрагментами, 6 из которых покрытых «вафельными» отпечатками, на 13 встречается

горизонтально-прочерченный орнамент и 1 фрагмент украшен прочерченным в несколько линий зигзагообразным орнаментом.

В окрестностях с. Южная Сергеевка в Партизанском районе известно местонахождение керамики николаевского (смольнинского) типа, располагающееся недалеко от недействующего военного аэродрома. В собранной коллекции присутствуют 156 фрагментов сосудов. Из них 121 фрагмент покрыт «вафельной» выбивкой. Горизонтально-прочерченный орнамент, как и во всех предыдущих коллекциях, мог наноситься как поверх выбивки, так и на гладкий черепок. Также в коллекции имеются фрагменты с «переплетением» линий, один фрагмент с прочерченными линиями в виде сетки, один фрагмент с изображением ряда неаккуратных вдавлений, окружённых прочерченными линиями, и фрагмент со штампованным орнаментом в виде рядов ромбов и треугольников.

В коллекции городища Стеглянуха-1 из сборов 2001 г., представленной 21 фрагментом керамики [3, с. 101], встречается только горизонтально-прочерченный орнамент, в котором присутствует от трёх до пяти параллельных линий. Отметим, что в нескольких случаях линии находятся на равномерном расстоянии друг от друга, но иногда на большом расстоянии от них прочерчена ещё одна отдельная линия. На основании этого представляется возможным предположить использование гребневого инструмента для нанесения орнамента. На керамике присутствует и лощёный фрагмент, но даже под ним при тщательном осмотре заметны следы выбивки. Также в подъёмных материалах городища Стеглянуха-1 присутствует горизонтально-ленточная ручка со срезанными краями. Однако она по своим характеристикам выбивается из комплекса николаевской (смольнинской) культуры.

Прочерченный орнамент на «вафельной» керамике также встречается в материалах городища Извилинка в Чугуевском районе [5, с. 37].

На городище Павловка-2 в Чугуевском районе найдено 110 фрагментов керамики, из которых следы выбивки имели 33 фрагмента [3, с. 101]. В коллекции присутствуют фрагменты, на которых поверх выбивки нанесены несколько параллельных прочерченных линий.

На Чугуевском городище собрано 50 фрагментов керамики, среди которых встречались малочисленные фрагменты стенок сосудов с выбивкой [3, с. 101]. Горизонтальные прочерченные линии наносились поверх выбивки.

На поселении Анучино-27, расположенном на правом берегу р. Арсеньевки, также были обнаружены немногочисленные фрагменты керамики с выбивкой. Несколько глубоких прочерченных линий на них сочетаются с заглаженными вафельными оттисками [3, с. 101].

ВЫВОДЫ

Следы обычной «вафельной» выбивки, покрывавшей всю поверхность сосудов, включая ручки, от самого венчика до стыка дна и тулова (реже и само дно), можно рассматривать не только как технический, но и как декоративный приём, что объясняется разнообразием нанесённых оттисков [3, с. 102]. На некоторых крупных фрагментах сосудов заметно, что выбивка производилась так, чтобы отпечатки образовывали ровную сетку. На большинстве же фрагментов отпечатки хаотично накладываются друг на друга. Размеры отпечатков различны и могут колебаться от 0,7 до 6 мм. В керамической коллекции из раскопок Смольнинского городища в 2004 г. «вафельная» выбивка обнаружена на 52% фрагментов. Преобладает этот приём и в коллекциях других памятников. Встречается также другой тип выбивки, образующий сплошной орнамент с пересекающимися и перекрывающимися друг друга линиями. Он имитирует переплетение, или «ёлочный» орнамент, и выполнен с помощью выбивки нарезной колотушкой, о чём говорит аккуратность краёв оттисков.

Другие виды орнамента в основном располагаются на горловине и плечиках сосудов, гораздо реже — на тулове. По сравнению с выбивкой они малочисленны. Ведущим типом орнамента являются горизонтально-прочерченные линии, которые могут быть различной ширины и прорисованы параллельно от двух до восьми подряд, на различном расстоянии друг от друга, поверх следов выбивки и на ровной поверхности.

В единичных случаях в коллекциях встречается горизонтально-полосчатое лощение на внутренней и на внешней стороне сосуда. Лощение может образовывать композицию, разделяя ровными полосами поверхность с «вафельными» отпечатками.

Также в коллекциях присутствуют зигзагообразный прочерченный орнамент, орнамент в виде сетки или треугольников, нарезной орнамент на горловине и фигурный штамп. Ручки сосудов украшались тремя горизонтальными вдавлениями, одна ручка имеет срезанные края.

Несмотря на то, что большинство фрагментов найденной керамики николаевской (смольнинской) культуры покрыты «вафельной выбивкой», в дальнейшем необходимо обратить особое внимание на изучение других менее представительных типов орнамента, чтобы разработать более подробную их классификацию, необходимую для полного описания керамического комплекса этой культуры.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Артемьева Н.Г. Отчёт об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2003 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 549.
2. Артемьева Н.Г. Отчёт об археологических исследованиях Николаевского городища в Партизанском районе Приморского края в 2004 году // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 560.
3. Гельман Е.И. Керамика чжурчжэней Приморья // Россия и АТР. 2006. № 1. С. 93—104.
4. Пискарёва Я.Е. Мохэская керамика городища Горбатка // Россия и АТР. 2002. № 2. С. 38—47.
5. Хон Хён У. Керамические традиции населения раннего железного века Востока Азии (V век до н.э. — IV век н.э.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2007. Т. 6. № 3. С. 148—160.
6. Шавкунов В.Э. Памятник возле с. Извилинка // Россия и АТР. 2002. № 4. С. 36—38.
7. Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах на Смольнинском городище в Анучинском районе Приморского края в 2004 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 565.
8. Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах на Смольнинском городище в Приморском крае в 2008 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 625.
9. Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2009 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 668.
10. Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2011 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 678.
11. Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2012 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 694.
12. Шавкунов В.Э. Отчёт об археологических работах на городище Шайга-Редут в Партизанском районе Приморского края в 2013 г. // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 733.
13. Шавкунов В.Э. Памятники смольнинской культуры Приморья (по материалам раскопок городищ Смольнинское и Шайга-Редут). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. 164 с.
14. Rice P.M. Pottery Analysis: a Sourcebook. Chicago: The University of Chicago Press, 2015. 559 p.
15. 이명엽 = Ли Мён Ёп. 백제토기 신기종의 출현과 중국 도자기의 영향 = Появление новой гончарной традиции Пэкче и эффект китайской керамики // 고문화 = Комунхва. 2006. № 6. С. 39—69.

УДК 902/904:639.3

*Р.А. АРТЁМКИН****РОЛЬ РЫБОЛОВСТВА В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА**

В данной статье рассматриваются динамика развития рыболовства и его значение в хозяйстве древнего человека. Во вводной части кратко перечислены преимущества рыбы как пищевого ресурса с точки зрения питательности и доступности для использования. Дается беглый обзор развития рыболовных орудий. Подробно рассматривается зависимость характера рыболовства от изменения условий окружающей среды.

Ключевые слова: археология, рыболовство, палеоэкология, питание, каменный век.

*R.A. ARTYOMKIN***THE ROLE OF FISHING IN HUMAN EVOLUTION**

This article examines the dynamics of the development of fishing and its importance in the economy of ancient man. The introduction briefly describes the nutritional benefits of fish in terms of nutritional value and availability for use. The development of fishing tools is briefly described. Particular attention is paid to the dependence of the nature of fishing on changes in environmental conditions.

Keywords: archaeology, fishing, paleoecology, nutrition, Stone Age.

Ловля рыбы является одним из наиболее древних способов добычи пищи, наравне с охотой и собирательством. Многочисленные остатки рыб находят на различных археологических памятниках, предшествующих виду *Homo sapiens* гоминид. Среди отраслей присваивающей экономики рыболовство считается одним из самых эффективных.

Рыба как пищевой ресурс имеет ряд особенностей. По наличию питательных веществ её мясо является отличным источником белков и липидов, а по энергетической ценности оно почти не уступает мясу наземных млекопитающих. Несмотря на относительную белковую бедность, в сравнении с мясом млекопитающих, преимущество

---

* АРТЁМКИН Роман Александрович — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: artemkinra@mail.ru.

рыбных продуктов заключается в более эффективной усвояемости [2]. В первую очередь это связано с тем, что белки в мышечных волокнах рыбы подвергаются денатурации с меньшим расходом энергии. Также при термической обработке мясо рыбы становится более рыхлым, из-за чего оно лучше пропитывается пищеварительными соками и, как следствие, подвергается более эффективному перевариванию, что также позволяет сократить энергетические расходы.

Ещё одна важная черта, влияющая на эффективность усвояемости, — это липидный состав. В большинстве случаев жиры животного происхождения являются сложными для переваривания веществами. Причиной этого служит специфический липидный состав, представленный в основном насыщенными жирными кислотами, имеющими высокую температуру плавления. Из-за этого на их расщепление и перерабатывание требуется большое количество энергии. В отличие от животного рыбий жир представлен преимущественно (86% от общего липидного состава) ненасыщенными жирными кислотами. Данные жирные кислоты характеризуются более низкими температурами плавления, что делает их более выгодными для усвоения с точки зрения расхода энергии [3]. Подобная эффективность усвоения нутриентов приводит к появлению избытка энергии, которая может быть использована для усложнения различных структур тела, в первую очередь мозга, что в свою очередь обуславливает усложнение адаптивного поведения.

Биологическая ценность рыбы связана также с наличием веществ, необходимых для нормального функционирования организма, которые он не способен синтезировать. К ним относится ряд незаменимых аминокислот, таких как валин, изолейцин, лейцин, лизин, метионин и др.; а также ряд полиненасыщенных жирных кислот, таких как арахидоновая, линоленовая и линолевая, играющих важную роль в метаболизме человека.

Костные рыбы являются доминирующим классом животных, обитающих в водной среде. Они распространены в различных водных средах. Некоторые виды обитают исключительно в морских условиях, в то время как другие могут существовать только в пресноводных водоёмах. Некоторые развиваются в лагунах или же в открытом море. Существует также группа так называемых анадромных рыб, характерная черта которых — сезонный заход на нерест из моря в реки. Примером могут служить представители семейства лососёвых и осетровых. В противоположность анадромной существует группа катодромных рыб, для них характерен нагул в реках и пресноводных водоёмах, а размножение — в морских условиях. В качестве примера могут служить угри.

Рыбы классифицируются и по глубине обитания. Так, например, обитающие в толще воды вблизи поверхности называются пелагическими, а у морского дна — бентосными. Опыт современного мирового рыболовства показывает, что большое количество рыбы обитает на шельфах умеренных и субтропических зон. Там и осуществляется до 80% всего современного мирового улова [9]. Подобное обилие может объясняться относительно малой глубиной прибрежных вод и большой концентрацией питательных веществ, необходимых для роста фито- и зоопланктона, а также бентосных организмов. Вышеперечисленные организмы играют роль пищи для рыбы, тем самым увеличивая её биомассу. Подобные благоприятные условия также создаются и в реках.

Ещё одним важным преимуществом рыболовства является относительная доступность для человека рыбы как ресурса. В отличие от охоты её добыча — менее затратный вид деятельности, так как у рыб нет столь развитого поведения, как у наземных теплокровных животных, а значит не требуется дополнительных сил на выслеживание. Также рыба может быть добыта в относительно больших количествах, в особенности во время нереста, когда она идёт сплошной массой и есть возможность её ловли без дополнительных приспособлений, голыми руками. Подобная практика наблюдалась у всех народов мира, в том числе, например, среди этносов, обитавших на Амуре [8].

Учитывая все вышеперечисленные сведения, а также тот факт, что большинство человеческих сообществ на протяжении всей истории проживали либо на побережьях, либо вдоль крупных рек, можно с высокой вероятностью утверждать, что люди не могли не заниматься рыбной ловлей. На данный момент невозможно определить точное время её начала. Возможно, добывать рыбу научились уже ранние гоминиды, опираясь на пример других животных. Считается, что предки вида *Homo sapiens sapiens* могли использовать рыбные ресурсы. К настоящему времени у антропологов нет единого мнения о характере питания гоминид, предшествующих современному человеку. Вероятно, изначально они постепенно эволюционировали от травоядности к всеядности. Наблюдается чёткий переход от потребления преимущественно растительной пищи (побеги, корни, корневища) к увеличению доли мясной. Его относят ко времени существования вида *Homo erectus*, что соответствует промежутку в 1,8—1,5 млн лет назад. Тогда наблюдалось резкое увеличение объёма мозга: более чем до 900 куб. см [5]. Возможность к увеличению была обусловлена увеличением притока энергии, связанного с возросшим потреблением легко усвояемой белковой пищи. Предполагается, что именно в это время предки человека уже начали использовать в питании рыбу.

Также имеются данные об использовании морских продуктов неандертальцами. Достоверно известно о трёх памятниках, ассоциируемых с неандертальским населением, которые содержат в себе следы использования морепродуктов. Грот ди Масцерни (Италия), Девилс Тауэр и Ваньгьярд (Гибралтар). Однако изотопный анализ углерода и азота в остатках неандертальцев показывает, что доля рыбной пищи в их рационе была незначительной, а основным источником мяса служили травоядные млекопитающие [4].

Подобная тенденция сохраняется и у современного человека в эпоху позднего плейстоцена, когда доминировала мамонтовая фауна, которая и была основным объектом охоты. Множество костей рыб начинает встречаться на поселениях с эпохи палеолита. Одним из наиболее ранних свидетельств эксплуатации морских ресурсов является раковинная куча в пещере Бломбос, находящаяся в Южной Африке. Датировка нижних слоёв данного памятника соответствует интервалу 100—80 тыс. лет назад, что относится к среднему палеолиту. На площади всего памятника обнаружены многочисленные костные остатки рыб нескольких видов, таких как Беломорский сом (*Galeichthys feliceps*), Южноафриканская кефаль (*Liza richardsonii*), Чёрный лещ (*Coracinus capensis*), особенно широко встречались кости вида Чёрная мидия (*Cymatoceps nasutus*) [10].

Современные данные показывают, что уже около 40 тыс. лет назад люди активно использовали рыбные ресурсы. На это указывают находки, сделанные на памятниках в Восточном Тиморе. Здесь были обнаружены многочисленные остатки пелагических рыб. Также данные о заселении в это время Австралии могут свидетельствовать, что местное население было способно на относительно длительные морские путешествия. В совокупности эти факты могут подтверждать, что рыболовство в то время являлось достаточно развитым и играло важную роль в питании человека [12]. Ещё одно доказательство раннего рыболовства — анализ костных остатков древнего человека, обнаруженных в пещере Тяньюань. Данный памятник также имеет датировку около 40 тыс. лет назад. Результат анализа на основе изучения коллагена костей свидетельствует, что в рационе человека того времени помимо наземных млекопитающих была относительно большая доля рыбы [11].

Изначально считалось, что ландшафтно-климатическая ситуация изменилась около 10 тыс. лет назад в связи с глобальным изменением климата, что привело к вытеснению мамонтовой фауны современной. Вымерли почти все крупные животные, являющиеся основным источником пищи древнего человека. На их место пришли современные виды мелких млекопитающих, охота на которых требует больших

энергетических затрат и других технологий, так как поимка мелких зверей и птиц является более трудоёмкой деятельностью. Целый ряд памятников, датированных этим временем, содержит в себе множество остатков рыб. Они встречаются на многих стоянках по всей территории Западной Сибири, Забайкалья, бассейнов р. Енисей и Лена, Камчатки, северо-западной Японии и др. [9]. Наиболее ранним свидетельством использования рыбы на территории Японии можно считать находки на поселении Майда Кочи, вблизи современного Токио. Датировка данного памятника — около 12 тыс. лет назад, что соответствует изначальному дзёмону [1]. В раковинных кучах на побережье Калифорнии также обнаружены многочисленные остатки рыб, датируемые от 10,5 тыс. до 9 тыс. лет назад [13]. Эти факты могут свидетельствовать о глобальном повышении доли рыболовства в хозяйстве древних людей.

Скорее всего, изначально рыбу ловили голыми руками, когда она шла на нерест, либо застревала в камнях на берегу во время отлива. Позже стали оформляться и использоваться первые специализированные орудия лова. Вероятно, в качестве первых из них использовались те, которые применялись для охоты на сухопутных животных. Одними из таких орудий являлись заострённые палки. С их помощью можно колоть рыбу непосредственно с берега либо стоя в воде на небольшой глубине. Также предполагается, что одними из первых специализированных орудий лова были примитивные рыболовные крючки, представляющие из себя обоюдоострые палочки. Ранее считалось, что оформление рыболовства началось на рубеже плейстоцена и голоцена, в тот момент, когда исчезли крупные животные мамонтовой фауны, а благоприятные условия потепления после сартанского оледенения дали возможность широкого использования рыбных ресурсов. Однако результаты, полученные при изучении памятников в Восточном Тиморе, указывают на применение первых цельновырезных рыболовных крючков примерно 23—16 тыс. лет назад. На данный момент эти находки — наиболее раннее доказательство применения рыболовных крючков [12].

Также одним из самых простых способов является рыболовство при помощи силков. Подобные несложные орудия были достаточно широко распространены в разных уголках мира. Такой лов рыбы известен как среди народов Сибири, так и Венгрии, Померании и Южной Австралии, а также в бассейнах р. Енисей и Ангара. Помимо вышеуказанных, развивались такие орудия лова, как гарпуны, сложные остроги и различные цельновырезанные и составные крючки.

Однако подобное рыболовство оставалось в основном индивидуальным. Радикальные перемены случились в начале голоцена, когда происходило постепенное потепление климата и глобальное изменение

ландшафта, которое проявлялось в образовании многочисленных лагун и озёр. В этот момент уже использовались все виды орудий рыболовства, но особенно большое распространение получили составные рыболовные крючки. Они являются частой находкой на многих памятниках, датированных начиная с 7—5 тыс. лет назад. Одним из таких примеров может служить резкий рост количества составных крючков на памятниках Прибайкалья, соответствующих финальному мезолиту [6]. Также именно в отложениях этого времени начали встречаться каменные грузила для рыболовных сетей, выполненные из речной гальки. Подобные находки есть повсеместно на памятниках в Сибири, Индонезии, а также на побережье Калифорнии [6; 12; 13]. В это же время древний человек уже активно использовал плавсредства и научился сооружать различные заграждения для ловли рыбы, применяя тёсла и топоры [8].

Настоящий пик использования рыбных ресурсов фиксируется в атлантический период голоцена (7,5—5 тыс. лет назад). На это время приходится климатический оптимум, когда атлантическая трансгрессия достигает своего максимума. Это вызвало повышение уровня моря на 3 м выше современного, из-за чего береговая линия оказалась максимально изрезанной, образовав множество ингрессионных заливов и лагун. Подобные лагуны характеризуются богатой и разнообразной фауной и являются одними из самых продуктивных природных экосистем [5]. Также из-за небольшой глубины, прогрева и относительно спокойствия вод лагуны являлись весьма удобным местом для ведения рыбной ловли [7]. В это время в бассейне Японского моря и многих районах мира наблюдается образование лагунных адаптаций бойсманского типа.

В дальнейшем, около 5—2 тыс. лет назад, происходит выравнивание берега из-за похолодания, вызвавшего понижение уровня моря и упрощение структуры морских ландшафтов. Это привело к тому, что большинство лагун исчезло, побережья выровнялись, упростилась и ландшафтная структура, а люди были вынуждены всё больше ориентироваться на морские ресурсы.

Также важно отметить, что ловля рыбы создавала возможности для оседлости. Это связано с тем, что подобная деятельность требует большей кооперации людей, что вместе с увеличением и совершенствованием производства орудий приводит к усложнению социальной структуры населения.

Подводя итог, можно отметить, что рыболовство было одним из неотъемлемых источников пищи людей и важной отраслью присваивающей экономики на протяжении всей их истории. Рыба — пищевой

ресурс как современного человека, так и предшествующих ему видов. Своё максимальное развитие рыбная ловля получила в начале атлантического периода голоцена, когда было характерно преимущественно лагунное рыболовство. В дальнейшем, по мере выравнивания береговой линии, постепенно стал преобладать морской промысел. Также справедливо утверждать, что рыболовство было одним из факторов развития социального уклада человеческих сообществ и приводило к постепенной оседлости.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беседнов Л.Н., Вострецов Ю.Е. Морской промысел рыб и млекопитающих в раннем и среднем голоцене в бассейне Японского моря // Лев Николаевич Беседнов — исследователь древнего рыболовства. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 60—74.
2. Бубырь И.В., Бабийчук Т.В., Ильковец Н.В., Колесникович Е.С. Использование рыбного сырья как основы для продукции функционального назначения // Матрица научного познания: научн. электр. журн. 2019. № 3. С. 27—35.
3. Гладышев М.И. Незаменимые полиненасыщенные жирные кислоты и их пищевые источники для человека // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Биология. 2012. № 4. С. 352—384.
4. Добровольская М.В. Эволюция питания Homo // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2009. № 4. С. 57—63.
5. Ласер П. Прибрежные лагуны // Nature and Resources. 1979. № 4. С. 24—43.
6. Новиков А.Г., Горюнова О.И. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита — бронзового века) // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 125—134.
7. Первые рыболовы в заливе Петра Великого и древний человек в бухте Бойсмана / отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 390 с.
8. Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 142 с.
9. Яржомбек А.А. Образ жизни и поведение промысловых рыб. М.: ВНИРО, 2016. 200 с.
10. Henshilwood C.S. Blombos Cave, Southern Cape, South Africa: Preliminary Report on the 1992—1999 Excavations of the Middle Stone Age Levels // Journal of Archaeological Science. 2001. No. 28. P. 421—448.
11. Hua Y., Shang H., Tong H., Nehlich O., Liu W., Zhao C., Yu J. Wang C., Trinkaus E., Richards M.P. Stable isotope dietary analysis of the Tianyuan 1 early modern human // PNAS. 2009. Vol. 106. No. 27. P. 10971—10974.
12. O'Connor S., Ono R., Clarkson C. Pelagic Fishing at 42,000 Years Before the Present and the Maritime Skills of Modern Humans // Science. 2011. Vol. 334. P. 1117—1120.
13. Rick T.C., Erlandson J.M. Early Holocene Fishing Strategies on the California Coast: Evidence from CA-SBA-2057 // Journal of Archaeological Science. 2000. No. 27. P. 621—633.

У. ЭТНОЛОГИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 947.05 (571.6)

Г.А. АНДРИЕЦ*

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКИХ, ЯПОНСКИХ И КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ КУЛЬТУРУ ВЛАДИВОСТОКА (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

В статье рассматриваются основные аспекты национальных контактов в повседневной культуре Владивостока дореволюционного периода, характеризуется культурный досуг горожан разных национальностей (китайцев, корейцев, японцев) в рамках единого пространства культуры. Определяется национальный состав постоянно растущего населения города. Отмечается, что в процессе активного межкультурного взаимодействия с русскими осуществлялась многолетняя адаптация переселенцев в инокультурной среде, включавшая процессы овладения русским языком, приобщения к различным сферам русской культуры и искусства. С открытием в 1899 г. во Владивостоке Восточного института изучение восточных языков выходит на новый уровень и становится обязательным для русских студентов. В работе подчёркивается, что адаптационные проблемы переселенцев в большей мере решались с помощью досуга, различных азартных игр восточного и российского происхождения. Совершенствование досуговой сферы на уровне повседневной культуры способствовало более эффективной организации жизни общества, помогало сохранить его единство и целостность, как на групповом уровне, так и во взаимодействии с другими сообществами. В праздничной культуре Владивостока большой популярностью пользовался Новый год по лунному календарю, отмечавшийся несколько дней весельем, гуляниями. Доказано, что иностранные контакты свидетельствовали о культуре как фундаментальной основе процесса развития, сохранения, укрепления суверенитета и самобытности народа.

Ключевые слова: повседневная культура, Владивосток, национальные контакты, досуг.

---

* АНДРИЕЦ Галина Алексеевна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: andriets2005@list.ru.

G.A. ANDRIETS

**INFLUENCE OF CHINESE, JAPANESE
AND KOREAN IMMIGRANTS ON EVERYDAY CULTURE
OF VLADIVOSTOK (THE LATE 19th — THE EARLY 20th CENTURIES)**

The article examines the main aspects of national contacts in the daily culture of Vladivostok of the pre-revolutionary period, characterizes the cultural leisure of the townspeople of different nationalities (Chinese, Koreans, Japanese) within a single cultural space. The national composition of the constantly growing population of the city is determined. It is noted that in the process of active intercultural interaction with Russians, many years of adaptation of immigrants in a foreign cultural environment took place, which included the processes of mastering the Russian language, familiarizing with various spheres of Russian culture and art. With the opening of the Oriental Institute in Vladivostok in 1899, the study of oriental languages reaches a new level and becomes compulsory for Russian students. It is emphasized that the adaptation problems of migrants were largely solved with the help of leisure, various gambling games of eastern and Russian origin. Improvement of the leisure sphere at the level of everyday culture contributed to a more effective organization of the life of society, helped to preserve its unity and integrity, both at the group level and in interaction with other communities. In the festive culture of Vladivostok, the New Year according to the lunar calendar was very popular, which was celebrated for several days with fun and festivities. It is proved that foreign contacts testified to culture as the fundamental basis of the process of development, preservation, strengthening of the sovereignty and identity of the people.

Keywords: everyday culture, Vladivostok, national contacts, leisure.

В последнее время в российской исторической науке возрастает интерес к изучению разнообразных аспектов повседневной культуры, включая национальные культурные контакты в городах, что объясняется осознанием значимости самой сферы культуры. В связи с этим немаловажное значение приобретает изучение истории дореволюционной культуры Владивостока, особенно её досуговой сферы, являвшейся существенной составляющей повседневной жизни. Традиционно город понимается как одна из важнейших форм существования человека, сложное по структуре и специфичное явление человеческой цивилизации, формирующее мировоззрение населения и отражающееся на его повседневной жизни. В условиях непрекращающихся миграционных процессов особое значение приобретают вопросы стабилизации

общества, в частности проблема интеграции переселенцев в новые условия проживания. Культура любого сообщества людей одновременно представляет собой результат и процесс: хранение, освоение, создание и распространение духовных ценностей формирует определённое культурное пространство, характеризующее именно данное сообщество. Новые сведения о взаимодействии культур, факты мирного сосуществования разных народов позволяют обосновать механизмы культурной адаптации переселенцев через культурный диалог.

В статье рассматриваются основные аспекты культурного взаимодействия переселенцев (китайцев, корейцев, японцев), их влияние на русскую повседневную культуру Владивостока, характеризуется культурный досуг горожан разных национальностей в рамках единого пространства культуры.

В результате присоединения в 1860 г. к России Приамурья и Приморья и основания военного поста Владивосток, в 1880 г. получившего статус города [2, с. 42—43], постепенно начал формироваться национальный состав городского населения. Следует отметить, что из всех дальневосточных городов Владивосток традиционно выделялся наибольшей численностью и удельным весом иностранцев азиатского и европейского происхождения [18, с. 28]. Так, в 1891 г. из 8418 жителей Владивостока только 3353 чел. были русскими. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. из 28 896 чел. общего числа жителей города русские составляли 16 265 чел. [1, с. 2], иностранные подданные — 12 577 чел. (китайцы — 9878 чел., японцы — 1249 чел., корейцы — 1283 чел., подданные из европейских стран и США — 167 чел.) [18, с. 31—33, 36]. К началу 1909 г. во Владивостоке насчитывалось 85 004 чел., а на 1 января 1913 г. население города без войск составило 94 935 чел. Кроме подданных из азиатских стран здесь проживали русские, украинцы, немцы, датчане, американцы и др. Только среди русскоподданных горожан было зафиксировано 37 национальностей (данные по языку) [12, с. 2—3; 13, с. 2; 18, с. 22—50]. А по данным переписи 1916 г. во Владивостоке проживало 39 187 китайцев [18, с. 31]. Надо иметь в виду, что если политическое и экономическое развитие г. Владивостока на протяжении всей его истории происходило под непосредственным влиянием и контролем государственной власти, то культурные процессы были более автономными, зависящими в значительной степени от личных инициатив.

Местные власти стремились построить наиболее продуктивную модель взаимоотношений русских и иностранцев, которая включала бы в себя знакомство с языковой и культурной спецификой восточных соседей. Например, решено было открыть специальный класс

китайского языка при Владивостокской прогимназии. Имеются сведения, что чиновники, общавшиеся с китайскими рабочими, старались изучить их язык. По распоряжению военного министра для офицеров и нижних чинов при войсковых частях открывались курсы японского и китайского языков. В коммерческом училище был введён факультативный курс китайского языка [19, с. 52]. Для приказчиков японских магазинов и конторских служащих Владивостока были открыты «краткосрочные курсы русского языка, которые вёл на первых порах бесплатно в вечернее время учитель японской начальной школы Санами, позже был приглашён русский учитель» [10, с. 96].

В процессе активного межкультурного взаимодействия с русскими осуществлялась многолетняя адаптация переселенцев в инокультурной среде, включавшая процессы овладения русским языком, общения к различным сферам русской культуры и искусства. Так, для детей местного корейского населения создавались школы. Например, 5 февраля 1898 г. Корейское общество Владивостока приняло решение об открытии русско-корейской школы [8, с. 261]. По мере развития среди корейского населения начального образования в школах стали появляться библиотеки, которые, впрочем, были чрезвычайно бедны книгами, но постепенно пополнялись новыми изданиями [17, с. 246]. В 1898 г. по инициативе журналиста «Нихон симбун» г-на Иноуэ была учреждена частная японская библиотека, насчитывавшая «в своём фонде более 1000 книг». Комплектовалась она «благодаря подаркам заинтересованных лиц и книжных магазинов со всей Японии» [10, с. 97].

Фундаментальные основы востоковедения были заложены с открытием в 1899 г. во Владивостоке Восточного института — основного просветительского центра. Изучение восточных языков вышло на новый уровень и стало обязательным для русских студентов. Практические занятия базировались на пособиях, созданных профессорами института. Например, для изучения корейского языка основой служили составленные В.Г. Подставиним «Собрание разговорных и лёгких рассказов на корейском языке», «Начальное пособие к практическому изучению корейского языка для студентов Восточного института (корейский текст и подстрочный словарь)», а также сборник лучших образцов новейших официальных документов Кореи «Собрание образцов корейских официальных бумаг и деловых документов» [3, с. 16]. Все учебные пособия по методике преподавания приближались к новейшим руководствам для изучения языков, что соответствовало уровню требований XX в. [3, с. 24—25].

В овладении восточными языками, в изучении быта дальневосточных стран большую помощь оказывала библиотека института,

корейский отдел которой был представлен полной коллекцией ксилографических и печатных книг, в том числе знаменитая энциклопедия «Мунъханъ биго», собранных Г.В. Подставиным (456 названий из 911). Большинство изданий отдела содержало литературу для изучения разговорного корейского языка, а также полное собрание изданий русской духовной миссии в Сеуле, материалы по реформам в Корее. Японский отдел библиотеки Восточного института содержал большое количество ксилографических и печатных книг по истории и географии. Библиотека обладала полным собранием законов сёгунского и мейдзинского периодов. Обширное собрание художественных произведений охватывало все периоды японской литературы и насчитывало 1994 названия. Кроме того, библиотека выписывала 91 периодическое издание, в том числе 64 — на русском, 14 — на европейских и 13 — на японском языках [3, с. 30—31].

Любые национальные культуры, наряду со спецификой, имеют общечеловеческое содержание, что обеспечивает возможность диалога. Взаимодействие культур — особый вид отношений, обогащающий и отдельную личность, и сообщество в целом. Так, Общество народных чтений во Владивостоке предполагало открыть воскресную школу для корейских и китайских детей. В 1915 г. в Обществе была прочитана лекция «Китайский театр и музыка». Существуют документальные свидетельства, что китайцы ходили в русские библиотеки, театры и музеи, а также на концерты, посещали курсы русского языка или нанимали себе репетиторов [15, с. 755].

Корейские выпускники учительских и духовных семинарий очень хорошо владели как корейским, так и русским языком. В «Хрониках епархиальной жизни» Владивостокской епархии приводится пример празднования Рождества Христова. Корейские ученики церковных школ начинали празднование пением тропаря «Праздник Рождества Христова» на корейском языке, затем «дети прекрасно декламировали стихотворения и басни и с большим воодушевлением исполняли песнопения на родном языке, что вызвало у многих корейцев слёзы радости». В конце празднования дети «пели молитву за царя и отечество». Приобщение корейских детей к православной традиции можно расценивать как способ интеграции корейского народа в культурное пространство города, а также одну из форм активного русско-корейского межкультурного взаимодействия и культурной адаптации корейцев [7, с. 128].

Совершенствование досуговой сферы на уровне повседневной культуры способствовало более эффективной организации жизни общества, помогало сохранить его единство и целостность как на групповом уровне, так и во взаимодействии с другими сообществами.

В связи с этим необходимо отметить особенности повседневной жизни китайских общин, доминировавших в системе «жёлтого труда» города. Китайские кварталы представляли собой особый мир, где располагались опиекурильни, дома терпимости, комнаты для азартных игр. Тем не менее со временем происходила интеграция иммигрантов в городское культурное пространство.

Известно много примеров, подтверждавших, что китайцы были очень азартными игроками. В ходе игр возникало множество споров и драк, в результате чего участились полицейские рейды. Так, 16 апреля 1908 г. помощник владивостокского полицмейстера зафиксировал результаты осмотра Китайского общественного национального собрания с целью обнаружения азартных игр: «Все девять комнат Китайского клуба, отведённые для игры, были переполнены китайцами, преимущественно бедняками (много без рубах), игравшими в „банковку“ и „пейхо“... Никакой отчётности и кассовой книги в собрании не ведётся, и куда поступают вырученные деньги, не мог дать ответа даже председатель собрания. По словам служащих, собранием выручается ежедневно до 2000 рублей» [15, с. 692—693].

Адаптационные проблемы «городских» корейцев в большей мере решались с помощью досуга, о котором известно совсем немного — это были различные азартные игры восточного и российского происхождения. Наибольшей популярностью у мужчин пользовалась «банковка». Очень азартной называли игру «яхой», или «яхве»: играющие делали 36 ставок на разные суммы денег.

Многие корейские мужчины любили играть в традиционные шахматы «чжанги», которые, по-видимому, схожи с китайскими шахматами «сянци». Молодые девушки развлекались катанием на качелях «нольтвиги», представлявших собой крепкую длинную доску, перекинутую через бревно. Дети увлекались традиционными играми в камешки — «конгинори» и «чегичхаги» [17, с. 242].

В повседневной жизни «представители разных народов и культур» вынуждены были «общаться между собой и, что самое главное, — понимать друг друга». В результате, с одной стороны, наблюдается тенденция «к интеграции, к полному взаимопониманию и принятию разностей культур», их обогащению, с другой — имеет место стремление к сохранению собственных традиций, поскольку, «чем чище национальная культура, тем она сильнее, а значит, тем сильнее народ». [15, с. 752].

В праздничной культуре Владивостока большой популярностью пользовался Новый год по лунному календарю, который отмечался несколько дней весельем, гуляниями. «„Народ“ ходил на представления

проезжающих акробатов и фокусников, смотрел на китайские представления, которые совершались в то время прямо на площадях, на открытых подмостках, любовался китайскими праздниками, когда сыны Небесной империи по городу своего Дракона носили или проходили процессиями на ходулях» [8, с. 179—180].

В воспоминаниях Г.Т. Мурова встречается следующее описание празднования китайского нового года во Владивостоке: «Каждый молящийся входил в алтарь, поднимал над своей головой приношение и клал его перед чашей; затем с зажжённым пучком свеч становился на колени и, непрерывно кланяясь идолу, бормотал молитву, в заключение клал несколько монет в чашу и уходил». После молебна и «обычных поклонов младших старшим» все присутствующие садились «за роскошный китайский завтрак со всеми деликатесами китайской кухни. Пировали они долго и основательно...» [11, с. 54]. Вечером зажигались фонари, трещали ракеты, хлопушки, играла музыка. Внимание прохожих привлекали ряженые в масках «страшных чудовищ» [4, с. 76].

Жившие на чужбине японцы каждый вечер «собирались за популярной тогда игрой в „го“. Домохозяйки дарили друг другу каштаны и грибы, побегии бамбука и батат». Один из самых любимых праздников — Новый год — японцы, «как жители многонационального города отмечали три раза — собственно японский Новый год по солнечному календарю, русский по юлианскому и китайский Новый год по лунному календарю». Но отдыхали только в японский Новый год один день, «когда собирались в большом зале Генерального консульства. Празднично одетые мужчины в европейских костюмах и женщины в кимоно сначала слушали гимн Японии в исполнении школьников, затем под командой Генерального консула все трижды кричали „бандзай“ в честь императора и императрицы Японии. После торжественной церемонии детей угощали яблоками и мандаринами. Взрослые пили сакэ и лакомились традиционными праздничными японскими блюдами... Нередко на праздничном столе присутствовали и русские блюда. Японцам нравились пасхальные сладости, водка, всевозможные закуски. После банкета в консульстве японцы ходили друг к другу в гости» [10, с. 145—146]. Также широко отмечались праздники, связанные с императорской фамилией. Например, каждый год 11 февраля «в помещении Генерального консульства Японии особо отмечался День основания японского государства... Важные лица из числа японцев приглашались в зал приёмов, украшенный портретами императора и императрицы, после трёхкратного „бандзай“ следовал банкет» [10, с. 147].

Местом общения, развлечений и укрепления дружеских связей японских горожан был Владивостокский клуб (Урадзиосутуку нихонд-

зин курабу). В 1902 г. его членами являлись 40 человек, они платили взносы дважды в месяц. Культурное учреждение могли посещать лишь наиболее зажиточные японцы. Правление состояло из 4 человек, среди которых упоминались известный японский предприниматель Хориэ Наодзо и глава торгового представительства Тэрами Киити. «В 1910 г. появилось заведение для 70 поселенцев среднего достатка. Здесь можно было провести время за игрой в бильярд, „го“, японские шахматы, за стрельбой из лука, почитать японские газеты и журналы. Были предусмотрены еда и напитки. В кинотеатре „Платина“ давались представления театра „Но“, правда, не очень высокого мастерства актёров» [10, с. 97, 149—150].

Новые условия проживания корейцев в городской среде — корейских слободках — способствовали постепенному приближению к образу жизни русских горожан. Результатом межкультурного взаимодействия стало рождение неизвестных российским корейцам ранее форм художественной деятельности в рамках досуга: вечеров отдыха с концертами и представлениями, являвшимися прежде неотъемлемым элементом развлекательной культуры российского общества [6, с. 216], на которых артистами были в основном представители корейской национальности, а зрителями как корейцы, так и русские, а также иммигранты из других стран. Так, «6 января 1911 г. в школьном здании Корейской слободки состоялся вокально-драматический и танцевальный вечер, на котором номера исполнялись как на корейском, так и на русском языках. В первом отделении вечера разыгрывались различные сценки, во втором — исполнялись песни, стихи, танцы и т.д. Всё это свидетельствовало об огромной тяге российских корейцев к культуре и культурным мероприятиям, которые всегда были неотъемлемой частью жизни российского общества» [16, с. 258—260].

Огромную роль в жизни корейцев играли танцы и пение. Исполняемые в национальных костюмах, они служили основным средством выражения специфики корейского национального характера. Поэтому народное танцевальное и песенное искусство бережно передавалось корейским народом из поколения в поколение. Отличительной особенностью можно считать тот факт, что в русских танцах исполнители выражали свои чувства мимикой, а в корейской культуре это было не принято. Более того, чтобы зрители не видели выражения лица танцующего, часто использовались маски [16, с. 263—264]. Отметим, что история использования масок в театральных представлениях берёт своё начало из античного театра, где маска заменяла мимическую игру, передавала различные душевные настроения. В корейской этнической культуре, как и в традиционном японском театре «Но»,

маски не столько показывали, сколько скрывали прямое проявление эмоций актёров, лишь поднимая завесу над движениями человеческой души [5, с. 23]. Характерная национальная закрытость корейцев в то же время отступала с распространением среди молодёжи вальса, особенно у девушек, что можно считать началом процесса активного раскрепощения кореянок [6, с. 218].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. во Владивостоке сохранялись народные традиции, что способствовало формированию многонационального пространства городской культуры. Наблюдалась заметная демократизация культурного процесса. Иностранцы свидетельствовали о культуре как фундаментальной основе процесса развития, сохранения, укрепления суверенитета и самобытности народа. В процессе культурной деятельности определённое значение приобретал человеческий потенциал и жизненные возможности многонационального общества. В целом мультикультурализм как объективная реальность может считаться характерной особенностью повседневной жизни дальневосточного города.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Всеподданнейший отчёт Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта С.М. Духовского за 1896—1897 годы. СПб., 1898. 95 с.
2. Города Российской империи: справочник. СПб.: Блиц, 1996. 88 с.
3. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899—1999 / гл. ред. В.И. Курилов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
4. История культуры Дальнего Востока России (XIX в. — 1917 г.) / отв. ред. Л.И. Галлямова, Л.Е. Фетисова. Владивосток: Дальнаука, 2011. 300 с.
5. Карabanова С.Ф., Мельникова Л.А. От маски к имиджу: монография. Владивосток: Дальнаука, 2009. 164 с.
6. Королёва В.А. Музыка и театр корейцев на Дальнем Востоке России (1860—1937 гг.): диалог истории и искусства: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 328 с.
7. Королёва В.А. Художественная культура корейцев на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX — первая треть XX вв.) // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). Культурология. С. 126—132.
8. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока / ред. А.В. Колесов. Владивосток: Усури, 1990. 302 с.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 547 с.; Т. 2. 566 с.

10. Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860—1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). Владивосток: Приморский гос. музей им. В.К. Арсеньева, 2014. 310 с.
11. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска. Путевой дневник. Томск: Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1901. 161 с.
12. Обзор Приморской области за 1908 год. Владивосток, 1910. 44 с.: прил.
13. Обзор Приморской области за 1912 год. Владивосток, 1914. 146 с.: прил.
14. Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 384 с.
15. Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 годы. СПб.: Береста, 2003. 960 с.
16. Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897—1917 гг. Владивосток: ДВО РАН, 2001. 400 с.
17. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60—90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
18. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
19. Фетисова Л.Е. Чтобы лучше узнать друг друга... Культурно-бытовые контакты русского и китайского населения на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 45—53.

УДК 314.74: 281.93 (571.63)

Ю.В. АРГУДЯЕВА*

МИГРАЦИЯ, ЭМИГРАЦИЯ И РЕЭМИГРАЦИЯ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПРИМОРЬЕ

Рассматривается краткая история переселения русских старообрядцев на юг Дальнего Востока России во второй половине XIX — начале XX вв., их эмиграция и жизнь в Маньчжурии, а также на американском континенте в XX в. и реэмиграция в Приморье в начале XXI в. Уделено внимание роли российских правительственных структур в адаптации зарубежных старообрядцев к условиям жизни в России.

Ключевые слова: русские старообрядцы, Приморье, Маньчжурия, американский континент, миграция, эмиграция, реэмиграция.

---

* АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна — д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: argudiaeva@mail.ru.

J.V. ARGUDYAEVA

**MIGRATION, EMIGRATION
AND RE-IMMIGRATION
OF RUSSIAN OLD BELIEVERS IN PRIMORYE**

A brief history of the resettlement of Russian Old Believers to the south of the Russian Far East in the second half of the 10th and early 20th centuries, their emigration and life in Manchuria and the American continent in the 20th century is considered. and re-immigration in Primorye in the early 20th century. Attention is paid to the role of Russian government structures in adapting foreign Old Believers to living conditions in Russia.

Keywords: Russian Old Believers, Primorye, Manchuria, the American continent, migration, emigration, re-immigration.

Появление русских старообрядцев на юге российского Дальнего Востока, а затем в Маньчжурии и на американском континенте (территории Южной и Северной Америки), а оттуда переселение в Приморье (Приморский край) — свидетельство интенсивной миграционной подвижности этой части русского народа.

Повседневная жизнь этой самобытной, устойчивой к изменениям, хорошо сохранившей народные и православные традиции общности русских, существование которой на современной этапе жизни в той форме, в которой она смогла сохраниться в мировом сообществе, можно считать явлением уникальным. Именно поэтому она вызывает интерес у исследователей ряда стран и регионов, в том числе учёных Дальнего Востока России, исследовавших переселение старообрядцев в южную часть региона, в частности в Приморье (в прошлом — Южно-Уссурийский край Приморской области) во второй половине XIX — начале XX в. из европейской части России, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья, Приамурья, в 1920—1930-е гг. — из Приморья в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), откуда — в 1950—1960-е гг. — в Австралию, Южную Америку и затем в Северную Америку [1, с. 49—50, 244—251], а также реэмиграцию их потомков из Боливии, Уругвая в Приморский край (Приморье). В начале XXI в. русские старообрядцы начали возвращаться на родину своих предков.

Первые компактные группы русских старообрядцев попали в Южно-Уссурийский край ещё в 1869—1870-е гг. Это были так называемые старообрядцы-семейские, насильственно переселённые русской императрицей Екатериной II в 1764—1765 гг. из Ветки (Могилёвщина) и Стародубья (Черниговщина), принадлежавших в те годы Польше, в Забайкалье. С середины XIX в. до 1867 г. по призыву генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва часть семейских поехала из Забайкалья обслуживать Аянский тракт, соединявший г. Якутск с расположенным на побережье Охотского моря портом Аян. После 1867 г. с прекращением деятельности Российско-Американской компании и открытием южных портов на юге Дальнего Востока России почтовый тракт между Аяном и Якутском утратил своё значение и был закрыт. Аянские старообрядцы приняли предложение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва переехать в малонаселённый Южно-Уссурийский край, и в 1869 г. большинство из них покинуло Аянский тракт и переселилось на берега оз. Ханка (деревни Ильинка, Петропавловка Ханкайской волости) и на юг Южно-Уссурийского края, образовав там, на реках Суйфун и Монгугай, несколько новых деревень (Алмазовку, Богословку, Красный Яр).

В последующие годы старообрядческие общины Южно-Уссурийского края пополнились другими группами старообрядцев: поповцами и беспоповцами из центральной части России, Урала, Алтая, Сибири, Забайкалья и Амурской области. В процессе их взаимодействия с аборигенными и другими пришлыми как восточнославянскими (украинцами и белорусами), так и восточноазиатскими (корейцами и китайцами) народами выработались определённые элементы регионального, русского по языку и традициям, комплекса культуры. Основная часть старообрядцев Приморья по своим религиозным воззрениям относилась к часовенному согласию, вышедшему из среды беглопоповщины, в котором иереи были заменены настоятелями или уставщиками.

В последней трети XIX — начале XX в., по мере роста в Южно-Уссурийском крае православного — крестьянского и казачьего — населения, приморские старообрядцы уходили из Приханкайской низменности в самые глухие таёжные районы горного массива Сихотэ-Алинь (бассейны рек Бикин, Даубихе (Арсеньевка), Улахе (Уссури), Иман (Большая Уссурка) и др.). Так началась внутренняя, в пределах Южно-Уссурийского края, миграция старообрядцев, в результате которой они и на новом месте довольно быстро обустроивались. Эту успешную приспособляемость быстро оценили чиновники местного переселенческого

управления и в недавно обустроенные деревни старообрядцев они тотчас отправляли новых переселенцев — православных украинцев. Старообрядцы вновь бросали разработанные пашни и построенные жилища и уходили ещё дальше — в бассейны рек, впадающих в Японское море (Амгу, Единка, Кема, Пея, Судзухе (Киевка) и др.). Здесь алтайскими, уральскими, сибирскими, забайкальскими и другими региональными группами старообрядцев и их потомками — уже местными уроженцами — было основано несколько новых деревень и хуторов по региональному и религиозному (по согласиям и толкам) признакам.

В 1920-е гг., в период Гражданской войны в России, часть приморских старообрядцев стала перебираться в так называемое Трёхречье (долины рек Ган, Дербул, Хаул на западе Маньчжурии) [2; 5], но наиболее мощный поток сформировался в начале 1930-х гг., когда часть старообрядческих семей Приморья, спасаясь от коллективизации, атеизации и репрессий, тайно эмигрировала в Маньчжурию и недалеко от Харбина основала селения Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны, Романовку и др. [4], в которых они продолжали сохранять русские культурные традиции в хозяйственной деятельности, семейном и общественном быту. Впоследствии эта группа старообрядцев получила название «харбинцы».

Основные занятия старообрядцев в Маньчжурии — земледелие, животноводство, рыболовство, таёжные промыслы (охота на копытного и пушного зверя, в том числе добыча тигров и ловля живых тигрят, доход от продажи которых в зоопарки приносил хороший доход). С приходом в Маньчжурию в 1945 г. Красной Армии многих русских деревень здесь практически не стало. Часть мужчин-старообрядцев была обвинена в незаконном переходе границы и увезена в СССР, где подверглась репрессиям. Хозяйства их семей, оставшихся в Маньчжурии без основных работников, начали хиреть. Советские консулы стали агитировать оставшихся русских принять советское гражданство, получить советские паспорта и выехать в СССР для освоения целинных земель. И некоторые, в основном семьи репрессированных старообрядцев, на этот призыв откликнулись. Оставшимся в Китае старообрядцам, пожелавшим отправиться в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки, советские консулы и китайские власти продолжительное время чинили различные препятствия для выезда в капиталистические страны. И лишь после победы в Китае коммунистов в 1949 г. ситуация несколько изменилась: новые власти стали недвусмысленно «выдавливаться» из страны старообрядцев как

нежелательный элемент. Им приходилось заполнять многочисленные анкеты и в течение нескольких месяцев, а то и лет ожидать разрешения властей на новую эмиграцию. Из Маньчжурии они добирались разными путями в Тяньцзинь или Шанхай, оттуда на теплоходах в Гонконг, где жили от 8 месяцев до полутора лет. Русским старообрядцам, переселявшимся в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки, оказывали существенную поддержку различные благотворительные организации. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогли Международный Красный Крест и Всемирный совет церквей (ВСЦ World Council of Churches). Из Гонконга старообрядцы смогли разъехаться по разным странам в 1950-е гг. В это время их принимали Австралия, Новая Зеландия, некоторые страны Южной Америки.

Основная часть «харбинцев» попала в Бразилию. Там им были выделены 6 тыс. акров земли, продукты, сельхозтехника. Однако настоящего удовлетворения от переезда в эту страну переселенцы не получили. Почва оказалось малопригодной для земледелия, некоторые старообрядческие семьи совершенно не устраивали природные условия этой страны: сильная жара, неурожаи, низкие цены на зерно, обилие насекомых, невозможность получить урожай при отсутствии удобрений и др. В итоге многие из них при помощи спонсоров перебрались в 1960—1970-е гг. в Северную Америку: в США (штаты Нью-Джерси, Орегон, Аляска и др.), а уже оттуда — в Канаду.

Часть южноамериканских старообрядцев, прожив несколько лет в Бразилии, перебралась в соседние страны: Аргентину, Боливию, Парагвай, Уругвай, Чили. Причин перемещения было несколько. В частности, стимулами для переезда в Боливию в 1980-е гг. стали не только радушный приём со стороны правительства страны, но и то обстоятельство, что в переезде старообрядцев были заинтересованы местные заводы по производству растительного масла: туда можно было сдать за определённый процент выращенную сою. Государство ни кредитов, ни льгот не давало, но зато выделило старообрядцам земли. Важным было и то обстоятельство, что урожай можно было вырастить без применения удобрений. С тех пор старообрядческая община в Боливии стала одной из самых крепких во всей Латинской Америке. Примерно такая же община сложилась и в Уругвае. Основное занятие старообрядцев в этих странах — скотоводство и земледелие (выращивали рис, кукурузу, пшеницу, бананы, ананасы, подсолнечник, сою). В повседневной жизни старообрядцы хорошо сохранили традиционную русскую культуру и свои религиозные воззрения [3].

С приходом к власти в Боливии президента Эво Моралеса, стремившегося изгнать из создаваемого им чисто индейского государства все «чужеродные элементы», включая белых боливийцев, к числу которых относились и русские старообрядцы, у староверов этой страны возникли серьёзные проблемы, прежде всего в пользовании землёй. Именно после этого активизировался процесс обратного переселения старообрядцев в Россию, сначала из Боливии, а потом, по их примеру, и из других латиноамериканских государств. Помимо этого, по словам самих старообрядцев, их потянуло на родину предков, о которой они знали от своих отцов и дедов. Некоторые из них своей родиной считают Россию. Желание вернуться обратно у многих южноамериканских старообрядцев возникло давно. Особенно оно усилилось в последние годы благодаря не только развитию межгосударственных отношений между южноамериканскими странами и Россией, но и принятию в 2006 г. государственной Программы «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», которая была распространена в ряде российских, в том числе дальневосточных, регионах и о которой стало известно и старообрядцам Южной Америки.

Эта программа начала действовать в Приморском крае с 2007 г. Основная её цель — стабилизация демографической ситуации в крае, которая к тому времени характеризовалась снижением общей численности населения за счёт естественной убыли и миграционного оттока. Первоначально для реализации этой программы в Приморье были определены шесть территорий вселения, но в дальнейшем была разработана новая редакция, где предусматривалось увеличение территорий вселения до 16, были скорректированы численность участников и объём финансирования, предусмотрена возможность компактного переселения религиозных общин для ведения сельскохозяйственной деятельности.

В январе 2009 г. в Приморский край прибыли из Уругвая первые представители старообрядческой общины: семьи Фёдора Килина и его сына Алексея и семья Петра Фефелова. Они не являлись участниками госпрограммы по переселению соотечественников и приехали для определения территории, где смогла бы жить их община в случае переезда в край. Они выбрали старообрядческое с. Дерсу (в прошлом с. Лаулю) Дальнекутского сельского поселения Красноармейского района Приморского края.

В 2010—2012 гг. госпрограммой воспользовалось несколько старообрядческих семей (в основном семьи нескольких братьев Мурачевых) из Боливии и Уругвая (практически все — потомки приморских старообрядцев). Прибывшие в тот период в Приморье старообрядцы, которым были возмещены транспортные расходы и выплачены подъёмные, поселились вначале в с. Корфовка под Уссурийском. Здесь у них возник ряд проблемных ситуаций, связанных с земельным и жилищным обустройством, сбытом сельхозпродукции, кредитованием, школьным образованием, воинской обязанностью молодёжи призывного возраста и др. В итоге все семьи старообрядцев-переселенцев, за исключением одной, уехавшей в Калужскую область, в 2012 г. переехали подальше от «мирских» — в старинное, некогда старообрядческое, но к началу XXI в. заброшенное таёжное с. Дерсу Красноармейского района Приморского края, к своим южноамериканским единоверцам. В 2014—2015 гг. из Боливии в Приморье приехало ещё несколько старообрядческих семей, поселившихся в соседнем Дальнереченском районе Приморского края (с. Любитовка, хутор Русский флаг). Часть тех, кто обосновался в с. Дерсу, в 2015 г. переехала в Амурскую область и поселилась около г. Свободный.

Адаптация южноамериканских старообрядцев к природной среде Приморья проходила успешно. Они научились охотиться в тайге, рыбачить в местных реках, стали привыкать к зиме. Иное дело — хозяйственная и социальная ситуации. В этих сферах до 2017 г. были некоторые сложности. В 2017 г. начались определённые позитивные подвижки в жизнедеятельности южноамериканских переселенцев-старообрядцев. Немалую роль в этом сыграли инициативы конкретных людей. В частности, 16 марта 2017 г. произошла историческая встреча президента России В.В. Путина с предстоятелем Русской православной старообрядческой церкви митрополитом Московским и всея Руси Корнилием. На встрече была затронута ситуация, в которой оказались старообрядцы, приехавшие на Дальний Восток по государственной программе по переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Обсуждались различные варианты помощи верующим, желающим вернуться в Россию из Южной Америки. Президент обещал обратить внимание на этот вопрос. Это событие стало своеобразной переломной вехой в долгом и очень не простом пути русских старообрядцев, пожелавших возвратиться на родину своих предков. В апреле и декабре 2017 г. между Владивостоком, Благовещенском, районный центр

Красноармейского района Приморского края — с. Рошино — и Москвой прошли в формате видеоконференций совещания «Возвращение староверов на Дальний Восток», которые провёл в тот период министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка. На этих, по сути, исторических совещаниях были заслушаны выступления учёных, руководителей некоторых отделов Приморской краевой и Амурской областной администраций, глав старообрядческих семей, которые рассказали о текущей жизненной ситуации старообрядцев, перебравшихся по госпрограмме в Амурскую область и Приморский край. Были затронуты все «острые» проблемы переселенцев, о необходимости решения которых и учёные, и общественные деятели неоднократно писали ранее в различные инстанции.

По итогам этих видеоконференций был предпринят ряд шагов, позволивших кардинально изменить ситуацию в отношении южноамериканских старообрядцев — реэмигрантов. К решению обозначенных проблем было привлечено одно из структурных подразделений Министерства по развитию Дальнего Востока Российской Федерации — Автономная некоммерческая организация «Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке» (АНО «АРЧК ДВ»). Сотрудниками агентства, в том числе и автором, летом 2017 г. были осуществлены в Приморском крае и Амурской области этносоциологические обследования жизнедеятельности прибывших в Россию зарубежных старообрядцев, разработаны дорожные карты федерального и регионального уровней, проведён телефонный опрос среди некоторых старообрядцев, живущих в Австралии и странах Южной Америки (Бразилия, Боливия, Уругвай) для определения их планов переселения в Россию, проделана и другая работа. В частности, старообрядческие семьи получили значительные земельные наделы (по 300 и более гектаров), сельхозтехнику, был решён ряд социальных проблем: обустроены дороги, запущен дополнительный дизель-генератор для обеспечения бесперебойного электроснабжения, построено несколько новых домов; сооружена новая паромная переправа повышенной грузоподъёмности через р. Большая Уссурка для проезда в с. Дерсу и др. В соответствии с действующим федеральным и Приморским краевым законодательством были осуществлены меры социальной поддержки: предоставлена ежемесячная денежная выплата по случаю рождения третьего ребёнка или последующих детей до достижения ими возраста трёх лет; вручены сертификаты на материнский капитал; улучшено

медицинское обслуживание; заключены договоры купли-продажи лесных насаждений для собственных нужд граждан с общим объёмом 300 куб. м.; оказана всесторонняя консультационная помощь по мерам государственной поддержки в области сельского хозяйства (регистрация крестьянских фермерских хозяйств (КФЛ); подготовка документов на безвозмездное и арендное пользование земельными участками; помощь в подготовке пакета документов по программе «Начинающий фермер» по направлению «молочное животноводство», предусматривающей выдачу гранта в размере 3 млн руб. и др.

Важное значение для этого процесса имело подписание 20 июня 2017 г. Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым распоряжения об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. В ней было уделено внимание и русским старообрядцам, прибывшим на юг Дальнего Востока России из Южной Америки. В частности, в программе было отмечено, что для содействия переселению соотечественников-старообрядцев, находящихся за рубежом, на постоянное место жительства на российский Дальний Восток необходимо обеспечить создание дополнительных условий и стимулов для их адаптации, интеграции и формировании конструктивного взаимодействия с принимающим российским обществом.

В настоящее время число старообрядцев-реэмигрантов в Приморье (с. Дерсу, Любитовка, хутор Русский Флаг) составляет около 100 чел. Постепенно южноамериканские старообрядцы стали укореняться и их численность стала расти за счёт браков с местными старообрядцами-часовенными. Девушки вышли замуж за старообрядцев Приморья, Приамурья и Сибири, юноши взяли в жёны старообрядок из Приморского и Хабаровского краёв. В Южной Америке остались близкие родственники старообрядцев-реэмигрантов — женатые сыновья, братья и сёстры со своими семьями. Они приезжают в гости, оценивают обстановку, рассуждают о возможности переезда в Россию.

Какой будет дальнейшая судьба этой группы старообрядцев, хорошо сохранивших традиционную русскую культуру в хозяйстве, семейном быту, языке, религии и, отчасти, в материальной культуре, покажет время. Тем не менее можно говорить о том, что процесс их адаптации проходит нормально. Есть надежда, что и большинство родственников приморских переселенцев, ещё остающихся в Южной Америке, рано или поздно вернуться на свою историческую Родину.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А. Из России через Азию в Америку: русские старообрядцы. Владивосток: Дальнаука, 2013. 428 с.
2. Игауэ Н. Представления о маньчжурских старообрядцах в японских письменных и визуальных материалах // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая — 1 июня 2007, г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2007. С. 134—139.
3. Карякин А. Старообрядцы в Латинской Америке. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/172715-starobryadcy-v-latinskoj-amerike.html> (дата обращения: 19.05.2013)
4. Накамура Ёсикадзе. Романовка — посёлок старообрядцев в Маньчжурии (1936—1945 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америке. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 247—252.
5. Сакамото Хидеаки. Старообрядческая деревня Усть-Ширфовая в Трёхречье // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая — 1 июня 2007, г. Улан-Удэ. Улан-Удэ: Изд-во Бурят гос. ун-та, 2007. С. 107—112.

УДК 930.85

А.А. ГАРИН*

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ОКЕАНИИ В РАБОТАХ
РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ
XVIII—XIX вв.**

В статье представлены образы народов Океании в работах европейских и российских художников XVIII—XIX вв. В первой части автор рассматривает европейское видение культуры и быта народов Океании, опираясь на труды австралийского искусствоведа и стипендиата Института Варбурга Бернарда Смита. Во второй части приводится краткий обзор биографий и работ российских художников — М.Т. Тиханова, Л.А. Хориса и П.Н. Михайлова.

Ключевые слова: народы Океании, российские художники, европейские художники, кругосветные экспедиции, путешественники, южная часть Тихого океана.

---

* ГАРИН Артём Алексеевич — Институт востоковедения РАН, г. Москва. E-mail: garinartyomalexeevich@gmail.com.

A.A. GARIN

THE INDIGENOUS PEOPLES OF OCEANIA IN THE RUSSIAN AND EUROPEAN ARTISTS' WORKS IN THE 18th AND 19th CENTURIES

The article presents the images of the indigenous peoples of Oceania in the works of European and Russian artists in the 18th—19th centuries. In the first part of the article, the author examines the European vision of the culture and lifestyle of the indigenous peoples of Oceania, based on the works of the Australian art historian and Warburg Institute fellow Bernard Smith. The second part provides a brief overview of the biography and pictures of Russian artists, including Mikhail Tikhanov, Login Choris and Pavel Mikhailov.

Keywords: indigenous peoples of Oceania, Russian artist, European artists, circumnavigations, mariners, South Pacific.

ВВЕДЕНИЕ

Океания стала полем для научных изысканий ведущих мировых держав в XVIII—XIX вв., однако изучение её островного мира не теряет своей научной актуальности и по сей день, в том числе благодаря художественному наследию кругосветных экспедиций России и Европы.

Большой вклад в изучение российского присутствия в Океании и исследование жизненного пути каждого из рассматриваемых в статье отечественных художников внесли Д.Д. Тумаркин [5], А.Я. Массов [13], Г. Барратт [11], С.Е. Пале [7], Л.А. Шур [10], Р.А. Пирс [14], Ю.С. Рутенко [8] и др. Отдельно хотелось бы отметить первый в истории российской историографии перевод статьи «The European Vision and South Pacific» (1950 г.) Б. Смита в труде профессора факультета истории искусств Европейского университета Н.Н. Мазур «Мир образов, образы мира: антология исследований визуальной культуры» [6]. Во избежание повтора автором предлагаются только краткие комментарии к проблеме формирования образа Океании в европейском искусстве и обществе.

НАРОДЫ ОКЕАНИИ В РАБОТАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

История привлечения художников в кругосветные плавания началась в 1760-х гг. Первопроходцем стал выдающийся английский учёный сэра Джозеф Бэнкс (1743—1820 гг.), сопровождавший Джеймса Кука

(1728—1779 гг.) в плавании на судне «Индевор» (1768—1771 гг.). Специально для готовившегося путешествия сэр Джозеф нанял художника Сиднея Паркинсона (1745—1771 гг.) «для зарисовки ботанических образцов и курьёзов естественной истории» [6, с. 305] и художника-топографа Александра Бьючена (?—1769 гг.). С течением времени художественные работы, отображавшие островной мир Океании, стали появляться с большей регулярностью, а южно-тихоокеанские острова снискали широкую известность: Океанию воспринимали как «рай на Земле», культуру и быт океанийцев — как недостижимую для европейцев гармонию человека и природы, а свидетельства моряков подхватили философы того времени, в том числе Ж.-Ж. Руссо (1712—1778 гг.), создавший образ «noble savage» (фр. «благородного дикаря»).

В начале XIX в. представления о культуре и образе жизни коренных народов Океании в европейском искусстве стали постепенно видоизменяться по причине активизации деятельности миссионеров в южной части Тихого океана. Если французский капитан Луи Антуан Бугенвиль (1729—1811 гг.) считал океанийцев настоящими обитателями природного рая, то миссионеры, напротив, — язычниками и идолопоклонниками «в состоянии совершившегося и неискупленного греха» [6, с. 322]. С приходом проповедников на земли Океании изображения использовались для демонстрации тех аспектов жизни туземцев, которые способствовали поощрению миссионерской деятельности: идолопоклонничество, принятие туземцами христианства, нападения на миссионеров, жестокие сцены жертвоприношений [6, с. 324].

НАРОДЫ ОКЕАНИИ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Восприятие культуры и быта коренных жителей Океании российскими учёными и мореплавателями кардинально отличалось от видения европейцев. Например, российский капитан Ф.Ф. Беллинсгаузен (1778—1852 гг.), повествуя о новозеландских маори, применяет сочетание «благородные дикари», а капитан В.М. Головнин (1776—1831 гг.) высказывает прогрессивную по тем временам мысль о равенстве островитян и европейцев: «Обширный ум и необыкновенные дарования достаются в удел всем смертным, где бы они ни родились <...> Между ними (островитянами. — *А.Г.*) есть даже мудрецы, твёрдостью характера не уступающие древним философам, которых имена сохранила история» [3, с. 450].

«Рай», который миссионеры принесли с собой на земли Океании, скорее беспокоил мореплавателей, чем воодушевлял. О.Е. Коцебу (1787—1846 гг.) стал одним из главных критиков миссионерской деятельности на островах Океании, а также с большим скепсисом отнёсся к попыткам «спасти душу» океанийцев путём насаждения религиозных норм и введения запретов на пение, танцы, развлечения и спортивные состязания [4, с. 457].

Каждый из перечисленных выше мореплавателей привлекал к участию в экспедиции художников, чтобы точно и подробно запечатлеть природу Тихоокеанского региона, равно как жизнь и быт населяющих его народов. Речь о некоторых из них пойдёт далее.

Михаил Тихонович Тиханов (ок. 1789—1862 гг.)

Судьба М.Т. Тиханова заслуживает особого внимания и остаётся одной из наименее изученных. Тиханов был родом из крепостных крестьян князя Н.А. Голицына (1751—1809 гг.), который высоко оценил талант молодого художника. В 1806 г. в возрасте 17 лет М.Т. Тиханов был принят в Императорскую Академию художеств (ИАХ), которую успешно окончил в 1815 г. Спустя два года по рекомендации президента академии А.Н. Оленина (1763—1843 гг.) художник отправился в свою первую и единственную кругосветную экспедицию на шлюпе «Камчатка» под командованием В.М. Головнина. За время кругосветной экспедиции 1817—1819 гг. Михаил Тихонович создал не менее 43 акварелей, девять из которых представляют собой сюжеты Океании.

После пребывания в Маниле, где М.Т. Тиханов нарисовал свой единственный автопортрет, у художника проявились признаки психического расстройства, которое оборвало дальнейшее развитие его карьеры. Акварели М.Т. Тиханова выделяются необычными пропорциями человеческих фигур и лиц, но даже в нездоровом состоянии он продолжал следовать академическим традициям в изображении океанийцев. Например, на рисунке «Жители с острова Гуахана» (современный о. Гуам), мужчина, женщина и ребёнок изображены в соответствии с иконографией «Святого семейства». Уставший мужчина стоит, опершись на трость, рядом с ним — женщина (мать), которая оmyвает ребёнка. Так, постановка фигур согласуется с христианской традицией изображения «Святого семейства» в живописи XV—XIX вв.*

---

* Подробнее см.: Гарин А.А. Изображения к статье «Коренные народы Океании в работах российских и европейских художников XVIII—XIX вв.» // Крушановские чтения. URL: <https://drive.google.com/drive/folders/137H7rOPg3JJTiHEZfsBjFh2UgkIewUWx?usp=sharing>.

Логин Андреевич Хорис (1795—1828 гг.)

Талант к рисованию Л.А. Хориса был отмечен ботаником Ф.К. Биберштейном (1768—1826 гг.), который пригласил 18-летнего художника в ботаническую экспедицию по Кавказу в 1813 г. Уже на следующий год Л.А. Хорис поступил в ИАХ, а его работы получили высокую оценку среди учёных и художников. В 1815 г. граф Николай Петрович Румянцев утвердил назначение Хориса в кругосветную экспедицию под руководством О.Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1815—1818 гг.). За время путешествия Л.А. Хорис нарисовал свыше 100 акварелей, на более чем 35 из которых изображены представители коренных народов Океании, а также предметы их культуры и быта.

Следуя академическим традициям, Л.А. Хорис изображает женщин со скрещенными на поясе руками, а мужчин — с использованием характерного приёма «контрапост», например в позе «Давида» Микеланджело*. В характерных стилистических приёмах ориентализма изображены сын гавайского короля Камеамеа I, лежащий на циновке, а также бытовые сцены на островной цепи Радак (Маршалловы острова) [12].

Павел Николаевич Михайлов (1786—1840 гг.)

Пожалуй, одним из наиболее известных российских экспедиционных художников времён расцвета отечественных кругосветных плаваний является П.Н. Михайлов. С 1795 г. он успешно учился в ИАХ, где был удостоен двух серебряных и золотой медалей. В 1806 г. в возрасте 20 лет П.Н. Михайлов закончил академию и был награждён аттестатом со шпагой «за хорошие успехи и за особливо признанное добронравие, честное и похвальное поведение» [9, с. 113]. Уже в 1815 г. художник был удостоен звания академика ИАХ за исполнение портрета графа Ф.П. Толстого [1, с. 106]. Заслуги П.Н. Михайлова высоко оценил руководитель ИАХ А.Н. Оленин и порекомендовал его в кругосветное плавание Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный».

Инструкция предписывала художнику запечатлеть «виды всех мест примечательных, где случится быть, также портреты народов, их одеяний и игры» [2, с. 70]. По результатам кругосветного плавания П.Н. Михайлов представил свыше 50 акварелей, более чем на 30 из которых были запечатлены пейзажи и коренные жители южной части Тихого океана, предметы их культуры и быта (рис. 1).

Как справедливо отметила в своей работе А.А. Безгубова, будучи в кругосветной экспедиции «русский художник-путешественник предстаёт то натуралистом, протокольно следующим указаниям посланного

---

* Там же.

Рис. 1. П.Н. Михайлов. Вид кораллового острова Моллера. 1820-е гг.
(Копия рисунка, фрагмент)

его государственного ведомства, то учеником Академии художеств, преклоняющимся перед искусством античности» [1, с. 106]. В частности, изображая жителей полинезийского о. Нихиру, П.Н. Михайлов довольно точно с этнографической точки зрения показывает внешние черты двух сидящих на заднем плане островитян, в то время как в центр композиции ставит полинезийского юношу, поза которого напоминает «Геракла» Поликлета, а черты лица приближены к европейским, чтобы показать красоту, благородство и, главное, равенство коренного населения Океании с европейцами* [5].

Особое внимание привлекает случай агрессивной реакции океанийцев с полинезийского атолла Моллера (современный Аману) на появление российских моряков. Несмотря на поведение островитян, они изображены не как кровожадные язычники, а в соответствии с образом «благородного дикаря»**. Вместе с тем композиция и постановка акварели П.Н. Михайлова практически идентична рисунку Уильяма Ходжеса «Высадка на Танне»: оба капитана (Беллинсгаузен и Кук. — А.Г.) на изображениях держат ветвь как символ мира, а на берегу в позах античных богов собрались толпы островитян. Например, в акварели П.Н. Михайлова в постановке фигур некоторых океанийцев прослеживается сходство с позами Геракла с дубинкой и Ареса.

* Гарин А.А. URL: <https://drive.google.com/drive/folders/137H7rOPg3JTiHEZfsBjfH2UgkIewUWx?usp=sharing>.

** Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период XVIII—XIX вв. представления о культуре и образе жизни коренных народов Океании в европейском изобразительном искусстве претерпели значительные изменения. Об этом свидетельствует отход от концепции «благородного дикаря», обитателя рая на земле, в пользу изображения океанийцев для демонстрации сцен жертвоприношений, идолопоклонничества и других аспектов жизни островитян, которые способствовали поощрению миссионерской деятельности [6]. Безусловно, трансформация представлений о коренных народах Океании в европейской живописи XVIII—XIX вв. была связана с геополитическими интересами европейских держав в Южно-Тихоокеанском регионе.

В свою очередь, работы российских художников, выполненные в ходе кругосветных плаваний первой трети XIX в., отражают гуманистическое мировоззрение российских моряков, которое ушло на второй план для европейцев, увлечённых миссионерской деятельностью в Океании.

Акварели М.Т. Тиханова, Л.А. Хориса и П.Н. Михайлова были лишены идеологических и политических предпосылок, что позволило сохранить высокую степень научности, этнографическую и художественную ценность рисунков. Россия питала к Океании преимущественно научный интерес, в том числе из-за отсутствия геополитических амбиций в южной части Тихого океана.

Так, несмотря на большое количество сведений, собранных в ходе отечественных кругосветных путешествий начала XIX в., в сознании образованной российской публики южно-тихоокеанские острова по-прежнему прочно ассоциировались с идеями французских просветителей, в том числе Ж.-Ж. Руссо, о «благородных дикарях», ведущих «райскую жизнь» на лоне природы [7, с. 13]. Неудивительно, что после прочтения трудов И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина, О.Е. Коцебу или Ф.Ф. Беллингаузена, сопровождаемых красочными и детализированными изображениями российских художников, далёкие острова рассматривались интеллигентами как место для создания утопического поселения людей, свободных от всяческих ограничений, налагаемых обществом [7, с. 13]. Более того, работы М.Т. Тиханова, Л.А. Хориса и П.Н. Михайлова внесли важный вклад в изучение этнографии, зоологии, ботаники и геологии островного мира Океании и по сей день представляют собой высокую художественную и научную ценность.

Автор выражает искреннюю благодарность заведующему кафедрой истории СПбГМТУ, профессору СПбГУ, д-ру ист. наук А.Я. Массову, научному сотруднику ИВ РАН, канд. ист. наук С.Е. Пале, учёному секретарю Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств М.Г. Бондаревой, сотруднику галереи современного искусства «МУТН» Д.В. Добровольской за комментарии и помощь в подготовке частей статьи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Безгубова А.А. Вокруг света с мольбертом // Academia (Российская академия художеств). 2009. № 6. С. 106—109.
2. Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света. М.: Дрофа, 2008. 990 с.
3. Головин В.М. Путешествия вокруг света. М.: Дрофа, 2007. 684 с.
4. Коцебу О.Е. Путешествия вокруг света. М.: Дрофа, 2011. 958 с.
5. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. Д.Д. Тумаркина и др. М., 1990—1999.
6. Мир образов, образы мира: антология исследований визуальной культуры: учеб. пособие / сост., ред. пер., авт. вступ. ст., биогр. очерков и примеч. Н.Н. Мазур. СПб.; М., 2018. 544 с.
7. Пале С.Е., Кочетков Д.С. Океания: история, культура и связи с Россией / отв. ред. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 364 с.
8. Рутенко Ю.С. М.Т. Тиханов (1789(?)—1862) — первый русский живописец, побывавший на Филиппинах // Pilipinas muna! Филиппины прежде всего!: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова (Маклаевский сборник. Вып. 4). СПб., 2011. С. 530—548.
9. Торжественные публичные собрания и отчёты Императорской Академии художеств (1765, 1767—1770, 1772—1774, 1776, 1779, 1794, 1802—1815) / сост., авт. вступ. и примеч. Н.С. Беляев. СПб.: БАН, 2016. 256 с.
10. Шур Л.А. Художник-путешественник Михаил Тиханов // Латинская Америка. 1974. № 5. С. 163—180.
11. Barratt G. Russia and the South Pacific, 1696—1840: The Tuamotu Islands and Tahiti. Vol. 4. Vancouver: UBC Press, 1992. 298 p.
12. Cuvier G., Chamisso A., Choris L. Voyage Pittoresque Autour du Monde, avec des Portraits de Sauvages d'Amérique, d'Asie, d'Afrique, et des Îles du Grand Ocean. Paris, 1822. 392 p.
13. Massov A., McNair W.J.M., Poole T. Encounters under the Southern Cross: Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807—2007. Adelaide: Crawford House Publishing, 2007. 434 p.
14. Shur L.A., Pierce R.A. Artists in Russian America: Mikhail Tikhonov (1818) // AJ. 1976. Vol. 6. No. 1. P. 40—49.

УДК 94(5)

Е. В. ДРОБОТУШЕНКО*

**«ВЕСТНИК НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА РУССКОГО
ЭМИГРАНТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В ШАНХАЕ»
КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ
В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.**

Статья посвящена характеристике издания Русского Эмигрантского Объединения** в Шанхае в середине 1930-х гг. как источника сведений об истории российской эмиграции в Китае. Отмечается, что, несмотря на наличие определённого количества исследований по различным аспектам российской эмигрантской истории Шанхая, серьёзного внимания названному изданию со стороны исследователей до настоящего времени не было уделено.

Ключевые слова: российская эмиграция, эмигрантское сообщество, православное братство, Китая, Шанхай.

E.V. DROBOTUSHENKO

**“BULLETIN OF THE NATIONAL COMMITTEE OF THE RUSSIAN
EMIGRANT ASSOCIATION IN SHANGHAI”
AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA
IN THE MIDDLE OF THE FOURTH DECADE OF THE XX CENTURY**

The article is devoted to the characteristics of the publication of the Russian Emigrant Association in Shanghai in the mid-1930s as a source on the history of Russian emigration in the city. It is noted that, despite the presence of a certain amount of research on various aspects of the Russian emigrant history of Shanghai, serious attention is not paid to this publication by researchers today.

Keywords: Russian emigration, emigrant community, Orthodox brotherhood, China, Shanghai.

---

* ДРОБОТУШЕНКО Евгений Викторович — канд. ист. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита. E-mail: DRZZ@yandex.ru.

** Здесь приводится оригинальное написание названия. Далее в тексте используется вариант, соответствующий правилам современной орфографии, — Русское эмигрантское объединение.

История российской эмиграции в Шанхае, несмотря на наличие определённого количества публикаций научного и научно-популярного характера, изучена, на наш взгляд, неравномерно по периодам и по аспектам. Существуют противоречия в датах и названиях.

Одной из слабо изученных страниц, по нашему мнению, является история «Русского эмигрантского объединения Шанхая» и его периодического издания, просуществовавшего недолго.

Русской эмигрантское объединение Шанхая стало на время центром консолидации существовавших в городе организаций эмигрантов с территории бывшей Российской империи. В статье для удобства мы будем использовать аббревиатуру РЭОШ. Во избежание критики со стороны специалистов отметим, что такого сокращения в истории не существовало и современными исследователями оно не используется.

«Вестник национального комитета Русского эмигрантского объединения» издавался в виде небольшой брошюры в самом Шанхае. Следует сказать, что данное издание — библиографическая редкость. Достаточно долгий поиск показал, что о вестнике исследователи истории российской эмиграции в целом и истории её издательской деятельности, в частности, даже не упоминают. В одной из работ А.А. Хисамудинова читаем о «Вестнике Российского эмигрантского комитета». С огромной осторожностью предположим, что речь, возможно, идёт о «Вестнике национального комитета русского эмигрантского объединения», поскольку данных о таком издании, как «Вестник Российского эмигрантского комитета» в иных публикациях нами не встречено [11, с. 73].

На сайте «Эмигрантика» встречаем упоминание о «Вестнике национального комитета Русского эмигрантского объединения» за 1936—1937 гг. Сам текст, к сожалению, не доступен. Отметим также, что электронная страница последний раз обновлялась в 2014 г. [1].

Выпуска за 1936—1937 гг., как и иных упоминаний о нём, нам найти не удалось.

Таким образом, считаем необходимым рассмотреть, как минимум, три вопроса. Первый. *Почему исследователи истории российской эмиграции не говорят о данном издании?* Второй. *Действительно ли существует выпуск вестника за 1936—1937 гг.?* И третий. *Сколько всего выпусков было?*

Однозначно можно говорить о том, что такое издание существовало и один выпуск точно был опубликован — за 1935—1936 гг. Его мы обнаружили в первой описи «Дела постоянного хранения»

фонда 10017 — «Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждений и организаций. 1904—2005». Вестник составляет собой целое дело № 148 [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148].

О том, что выпуск «Вестника национального комитета Русского эмигрантского объединения» от 1935—1936 гг. был первым, говорит обращение на начальных страницах епископа Шанхайского Иоанна (Максимовича) к российской колонии Шанхая, в котором отмечается важность как самого Объединения, так и его издания. Отмечается, что создано Русское эмигрантское объединение Шанхая 8 апреля 1935 г. решением Общего собрания представителей русских обществ. Говорится, что его цель — сохранение и укрепление национального единства русских [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 2].

При чтении самого начала Вестника сразу возникает вопрос. Речь идёт то о «Русском эмигрантском объединении», то о «Национальном комитете русских эмигрантов», причём подразумевается одна институализированная структура [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 2]. Отметим, что Комитета с таким названием в публикациях не найти. Известен «Русский эмигрантский комитет» (РЭК — общепринятое сокращение). В названии же вестника, напомним, «Национальный комитет русского эмигрантского объединения» [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 1, 3; 2].

Приведённое разночтение вносит ещё большую путаницу в отдельные аспекты истории российской эмиграции Китая и в историю самого «Вестника».

С другой стороны, говоря о комитете, авторы заметки сообщают ценнейшие сведения по истории его организации и деятельности. Так, приводится список общественных организаций Шанхая, которые участвовали в создании объединённой структуры российской эмигрантской колонии города:

- Русский эмиграционный комитет;
- Русская национальная община;
- Русское православное братство верноподданных Его Императорского Высочества Кирилла Владимировича;
- Комитет помощи дому для престарелых и одиноких женщин и госпиталю братства;
- Общество помощи туберкулёзным «Белый цветок»;
- Дамский комитет помощи бегущим из советской России;
- Дальневосточный отдел Общевоинского союза;
- Союз служивших в российской армии и флоте;
- Казачий союз;

- Союз военных инвалидов;
- Союз служивших в уральском полку;
- Союз бывших кадет Хабаровска;
- Союз маньчжуров;
- Общество русских моряков торгового флота;
- Лига русских женщин;
- Общество русских врачей;
- Общество русских инспекторов автобусной компании;
- Общество взаимного кредита;
- Общество приамурских эмигрантов;
- Общество взаимопомощи русских печатников;
- Дальневосточный отдел Союза нового поколения;
- Союз малороссов;
- Национальное объединение зарубежных сценических деятелей;
- Общество друзей русской школы;
- Русское общество «Помощь»
[ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 3].

Автор данных строк позволит себе заметить, что аналогичные списки общественных организаций российской эмиграции в Шанхае встретить в публикациях сложно.

Согласно приведённым в вестнике данным за 1935—1936 гг. ни одна организация не вышла из состава объединения и ни один член его не покинул.

Почётным председателем был епископ Шанхайский Преосвященный Иоанн (Максимович). «Он центр, вокруг которого большая часть просветительской и благотворительной работы» [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 2].

В Вестнике читаем: «Эмиграция в Шанхае с 1923 г. Колония выросла после резни в Трёхречье, наводнения в Харбине» [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 3]. Отметим, что в публикациях увеличение российской эмигрантской колонии практически всегда связывают с приходом эскадры Г.К. Старка в декабре 1922 г. и прибытием кораблей под командованием генерала Ф.Л. Глебова во второй половине 1923 г. (вторая часть эскадры Г.К. Старка, задержавшаяся в Корее) [8, с. 45].

Предпосылкой для создания новой структуры российской эмигрантской колонии Шанхая стала неорганизованность эмигрантов [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 3].

При создании РЭОШ было решено, что председателем всей русской эмигрантской колонии города станет К.Э. Мецлер [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 4].

В отдельных публикациях читаем, что К.Э. Мецлер, бывший вице-консул Российского генерального консульства в Шанхае, стал председателем Эмигрантского комитета в 1931 г. после смерти его главы — бывшего консула В.Ф Гроссе [10].

В знаменитом альбоме В. Жиганова встречаем К.Э. Мецлера как главу «Русского национального комитета» [3, с. 51]. Здесь отметим, что, по словам Л. Гудошникова и П. Трощинского, председатель РЭК и его заместитель назначались мэром Большого Шанхая [2].

В Вестнике сообщается, что решение о персоналиях руководства российской колонией Шанхая было принято на собрании представительей её общественных организаций, которое создало «Российское эмигрантское объединение» [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 4].

Согласно Вестнику Центральным органом российской эмигрантской колонии стал «Национальный комитет русской эмиграции» [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 4].

В 1935 г. в Эмигрантском комитете было зарегистрировано 1042 взрослых и 190 детей [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 11].

Сложно оценить, много это или мало. Точной, непротиворечивой информации о количестве российских эмигрантов в Шанхае нет ни за один период истории их проживания в городе. В публицистической литературе можно встретить замечание о том, что к середине четвёртого десятилетия XX в. в Шанхае находилось до 30 000 эмигрантов. Е.Н. Наземцева говорит о 20 000 русских в городе в это время, а к началу 1940-х гг. уже о 40 000 чел. В. Жиганов, современник описываемого периода, говорит о 20 000 русских эмигрантов в Шанхае на начало 1940-х гг. М.В. Кротова, ссылаясь на данные японской регистрации иностранцев, говорит о 16 980 русских в Шанхае в 1942 г. [4, с. 70; 5; 6, с. 17; 7, с. 94].

Из-за невозможности точно определить количество российских эмигрантов в Шанхае возникают сложности с выяснением числа состоявших в Русском эмигрантском комитете. Если отталкиваться от 20 000 чел. как усреднённого показателя, то в 1935 г. было зарегистрировано чуть более 5% от всех членов российской колонии.

Следует сказать, что общественный фонд российской колонии Шанхая в середине пятого десятилетия XX в. составлял всего 1200 участников. При этом в «Вестнике» отмечалось, что это только одна восьмая потенциально возможных членов [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 11]. Таким образом, общее число взрослых российских эмигрантов составляло приблизительно 9600 чел. Если добавим детей из условного расчёта около 20% от числа взрослых, то получим общую численность

российской колонии Шанхая в пределах 11 500 чел., что несколько противоречит указанным выше цифрам. Очевидно, что подсчитанное нами количество условно. Мы привели его как пример сведений, которые даёт нам «Вестник» РЭОШ, являясь источником по истории российской эмиграции Шанхая.

Денежные средства на нужды объединения предполагалось собирать через общественный фонд. Отчёт проводился через сверку поступлений и трат по актам. Такой акт встречаем в вестнике. Речь идёт о поступивших в распоряжение владыки Иоанна (Максимовича) средствах для поддержки бедных к празднику св. Пасхи [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 7].

Иное предполагаемые направления деятельности новой эмигрантской структуры — помощь «отраслям», где в силу различных обстоятельств сложилась тяжёлая ситуация. Речь шла об увеличении числа бесплатных обедов в приюте для детей имени Святого Тихона Задонского, о помощи в оплате квартир представителей российской эмигрантской колонии, о выплате стипендий [ГА РФ. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 7].

Особое внимание в первом вестнике было уделано Русскому православному братству Шанхая. Вполне вероятно, это связано с тем, что активную роль в работе Российского эмигрантского объединения города играл епископ Шанхайский Иоанн (Максимович), который значительное внимание уделял также деятельности православного братства.

Таким образом, можно сделать два основных вывода. Во-первых, «Вестник национального комитета Русского эмигрантского объединения», несмотря на короткую историю своего существования (издания), является богатым и ценным источником по истории российской эмиграции Шанхая. Он содержит фактические данные, которые помогут заполнить чистые страницы названной истории или дополнить уже имеющиеся сведения.

Во-вторых, современные исследователи не знакомы или мало знакомы с названным источником. Причин этому мы видим две: 1. вестник является библиографической редкостью; 2. слабая работа с архивными документами.

Если с первой причиной сделать ничего нельзя, то на вторую необходимо обратить пристальное внимание. К сожалению, авторы публикаций по истории российской эмиграции в Китае в целом и по истории таковой в Шанхае опираются на архивные документы очень слабо. Это можно увидеть практически в любом издании по данной проблематике.

Сказанное подводит к итоговому замечанию. Необходима серьезная, большая работа с архивными источниками, в том числе по введению в научный оборот малоизвестных и неизвестных изданий российской эмиграции второй четверти XX в.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Вестник национального комитета русского эмигрантского объединения // Эмигрантика. Периодика русского зарубежья. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/vestnik-natsionalnogo-komiteta-russkogo-emigrantskogo-obedineniia-shankhai-19361937> (дата обращения: 16.12.2020).
2. Гудошников Л., Трощинский П. Шанхайская ветвь русской эмиграции // Россия в красках. URL: <http://ricolor.org/rz/kitai/rossia/11/> (дата обращения: 22.11.2020).
3. Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. Шанхай: [б.и.], 1936. 330 с.; СПб.: Б-ка РАН Альфарет, 2008. 300 с.
4. Жиганов В. Почему я называю Австралию раем // Картины прошлого. Сборник исторических фактов. 1971. № 9. С. 61—117.
5. Каргопольцев И. Михаил Дроздов: история русских в Шанхае не закончилась // ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/4083933> (дата обращения: 22.07.2020).
6. Кротова М.В. Особенности репатриации и реэмиграции русской колонии в Китае после Второй мировой войны // Тезисы и доклады 8-й научной межинститутской конференции «Российская диаспора в странах Востока» / отв. ред. и сост. Д.С. Панарина. М.: ИВ РАН, 2017. С. 16—41.
7. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в китайско-советских отношениях 1920—1949 годов: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03. М.: ФБГУ Н «Институт Востоковедения Российской академии наук», 2017. 477 с.
8. Панченко А. Русская пресса в Китае // Сборник памяти 1-го Харбинского реального училища. 1985. № 2. С. 45—47.
9. Русские в Шанхае // LIVEJOURNAL. URL: <https://beloedelo-spb.livejournal.com/788829.html> (дата обращения: 22.12.2020).
10. Хисамутдинов А.А. Русские литераторы-эмигранты в Китае. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2017. 127 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/86639158.pdf> (дата обращения: 06.04.2021).
11. Чжао Юнхуа. Русская эмигрантская пресса в Китае в первой половине XX в. // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 145—149.
12. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).

УДК 39:821.161.1

К.А. ЗЕМЛЯНСКАЯ*

**ТРАДИЦИОННАЯ ЖИЗНЬ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В 1930-е гг. В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ
В. МАРТА И П.Н. ВАСИЛЬЕВА****

Статья посвящена исследованию традиционной жизни коренных народов Дальнего Востока (манегров, эвенков, якутов и гольдов) в конце 1920-х — начале 1930-х гг., представленной на страницах автобиографических очерков П.Н. Васильева «В золотой разведке» и «Люди в тайге», а также в рассказе «Дэрэ — водяная свадьба» бывшего дальневосточника Венедикта Марта. Писатели фиксируют изменения в традиционной жизни коренных народов Дальнего Востока под влиянием официальной политики советского государства, а также русского населения.

Ключевые слова: художественная этнография, В. Март, П.Н. Васильев, эвенки, манегры, гольды, якуты.

K.A. ZEMLYANSKAYA

**TRADITIONAL LIFE OF THE INDIGENOUS PEOPLES
OF THE FAR EAST IN THE 1930s IN ARTISTIC ETHNOGRAPHY
V. MART AND P.N. VASILIEV**

The article is devoted to the study of the traditional life of the indigenous peoples of the Far East — manegrs, Evenks, Yakuts and Golds — in the late 1920s — early 1930s, presented on the pages of the autobiographical sketches of P.N. Vasilyeva “In gold exploration” and “People in the taiga”, as well as in the story “Dere — a water wedding” by the former Far East resident Venedikt Mart. Writers record changes in the traditional life of the indigenous peoples of the Far East under the influence of the official policy of the Soviet state, as well as the Russian population.

Keywords: artistic ethnography, V. Mart, P.N. Vasiliev, Evenks, Manegras, Golds, Yakuts.

---

* ЗЕМЛЯНСКАЯ Ксения Александровна — Амурский государственный университет, г. Благовещенск. E-mail: phlox@mail.ru.

** Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20—40-х гг. XX в.)».

В начале 1930-х гг. в Москве выходят три книги, отражающие взгляд советских писателей на традиционную жизнь коренных народов Дальнего Востока: это очерки П.Н. Васильева «В золотой разведке» [1], «Люди в тайге» [2] и книга Венедикта Марта «Дэрэ — водяная свадьба» [13]. Данные тексты мы относим к художественной этнографии — то есть к таким произведениям, что возникли в результате «художественного освоения автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определённого этноса, населяющих определённые географические пространства. Художественное освоение предполагает “олитературивание” фактического материала вымыслом, художественной условностью, поэтическим слогом, авантюрной сюжетикой» [5, с. 244].

К художественной этнографии оба писателя, как мы считаем, обращаются не случайно. Их детские годы прошли в многонациональной среде: для Марта ею стал «китайский» и «японский» мир владивостокских улиц 1910-х гг., восточноориентированная атмосфера домашней жизни поэта. Его отец — Николай Петрович Матвеев был известным дальневосточным журналистом, краеведом, знатоком китайской и японской культуры. Васильев детство провёл в Прииртышье, где причудливым образом сплелись русская, казахская, киргизская, украинская и немецкая культуры. Оба писателя в политически сложное время 1920—1930-х гг. находились на учёте у надзорных органов: из-за невзначай сказанного слова в отношении расовой политики Март на два года оказался в саратовской ссылке, а Васильев был привлечён по делу «Сибирской бригады», обвинявшейся в создании «нелегальной контрреволюционной группы, ставящей своей задачей широкую антисоветскую агитацию» [15, с. 90]. Оба писателя были расстреляны по ложному обвинению в 1937 г. Март — по обвинению в шпионаже в пользу Японии, а Васильев — в антиправительственном заговоре.

В августе 1928 г. П.Н. Васильев совместно с поэтом Н. Титовым по заданию редакции газеты «Советская Сибирь» был отправлен в командировку на золотые прииски Приамурья. Назначение командировки до сих пор вызывает у исследователей ряд вопросов, т.к. писатель в своей творческой деятельности нередко прибегал к мистификации и вводил читателя в заблуждение [15, с. 86—87]. В одном из очерков сам Васильев указывает на просветительский род своей деятельности среди старателей: *Вот вы и приехали. Вижу, что из вас кое-кто и по культуре будет. Культурку к нам привезли* [2, с. 4]. Автобиографический рассказчик двух этнографических очерков наблюдает за жизнью золотодобытчиков, делает

зарисовки их характеров, а также обращает внимание на жизнь малочисленных народов Приамурья, с которыми те находятся в тесном контакте.

В качестве второстепенных и эпизодических героев в очерках изображаются представители коренных народов Дальнего Востока — манегры и, как указывает П.Н. Васильев, якуты. Хотя А.В. Урманов подчёркивает, что под названием якутов в очерках предстают эвенки [15, с. 88]. Мы считаем, что у Васильева героями повествования могли выступать либо объядученные эвенки, либо этнические якуты, либо представители смешанных эвенкийско-якутских браков. Именно в районе Селемджи и на Олёкме, на юго-востоке и северо-востоке Приамурья было очень сильно влияние якутов, они свободно мигрировали, доходили по рекам вплоть до Буреи, причём не только в связи с хозяйственной деятельностью, но и с торговыми целями, а потом там оседали на постоянное место жительства [7, с. 189].

В очерке «В золотой разведке» манегры и якуты показаны вовлечёнными в социальные отношения старателей одного из золотых приисков Приамурья. Они продолжают заниматься традиционными промыслами: разведением оленей, добычей пушного зверя. В качестве транспортного средства используют собачьи упряжки. Отношения с русскими в очерке предстают как взаимовыгодные: эвенки торгуют с ними пушным зверем, а русские пытаются приобщить их к работе на приисках. Так, на организованном собрании старателей одним из вопросов повестки встает вопрос о налаживании связи с «туземным населением». По итогам собрания было вынесено решение: *Наладить нормальные отношения с туземным населением и привлечь его к разведывательным работам* [1, с. 13], потому что *якуты тайгу, брат, как свои пять пальцев знают* [1, с. 14].

Писатель приоткрывает нелицеприятные стороны жизни старателей и коренного населения Приамурья в суровых условиях: на золотых приисках процветает безграмотность, безкультурье, пьянство, контрабанда и опиоварение: *Товарищи, у нас не было до сих пор никакой культурной работы. Клуб у нас не налажен, нет школы, нет связи с туземным населением. Процветают контрабанда и опиоварение* [1, с. 12]. Писатель фиксирует пьянство и среди аборигенного населения, но представляет его не как результат тлетворного влияния цивилизации, а скорее как норму жизни коренных жителей [10].

В продолжении очерка мы узнаём о том, что рассказчик отправляется с группой старателей на разведку в глубь тайги и встречается с коренным населением Приамурья, не испытавшим воздействия внешней культуры. Васильев отмечает бедность быта коренных народов: *Если якуты, кочующие по реке Селемдже, живут бедно и грязно, то условия жизни*

норских якутов совершенно невыносимы. Голод — естественное явление здесь. Нет хлеба. Одежда сшита исключительно из звериных шкур. Норские якуты наиболее отдалены от культурных центров [1, с. 28]; его дистанцированность от жизни русских людей. Местные жители с испугом и удивлением, доходящим до восхищения, встречают русских старателей в своём стойбище. Писатель не обходит стороной и описание социальных отношений между якутами. Так, в одном из стойбищ ему встречается якутская девочка, которая уже является невестой старого якута. Брачный возраст у аборигенов существенно снижен по сравнению с русскими.

Отдельную главу очерка писатель посвящает описанию Большого Охотника — архетипического образа старца, неперменного персонажа мифологического сознания архаических культур: *Мы с недоумением смотрели на приземистую, рахитичную фигуру вошедшего, на его дряблое лицо с трахомными глазами, похожими на две капли ртути. Неужели? Но перед нами действительно стоял Большой Охотник. Об этом говорили кончики тигровых и соболевых хвостов, нашитые на его дошке* [1, с. 38]. Несмотря на непрезентабельную внешность, это героическая личность, перед которой трепещут даже русские старатели. Его мудрые решения спасают стойбище от гибели. Уникальность персонажа писатель подчёркивает и на языковом уровне; на вопрос, где он был летом, в ответ Большой Охотник начал петь «протяжно и пустынно» песню, которая наполнена природными образами и выражает близость аборигенного героя с силами природы: *...Вверх по Норе комариным месяцем июнем повёл Большой Охотник своё племя. В жаркие хвойные дни гулко прела тайга. Ночью над Норой, над тайгой, над красными беспокойными кострами, покачиваясь, выплывала луна. Старики пели, слушали юношу. К Яблонову шли якуты. Где не извёлся ещё ширококоргий сохатый, где на самых белках лёг остророжный тигринный след* [1, с. 39].

При художественно-этнографическом описании «туземных» народов писатели часто приводят примеры их взаимоотношений с культурными животными — тиграми, медведями. Введённый в канву произведения рассказ Большого Охотника об успешной охоте на тигров позволяет автору подчеркнуть уникальность героя, способного с двумя пулями в ружье победить трёх тигров, а также акцентировать внимание читателя на опасности, подстерегающей коренного жителя Приамурья на каждом пути. Эта мысль акцентируется автором в финальной фразе Большого Охотника: — *Да... опасная жись!..* [1, с. 41]. Одновременно в одной фразе даётся и лингвокультурный портрет «туземного» лидера: немногословного, но при этом говорящего на русском просторечии.

В очерке «Люди в тайге» П. Васильев приводит «якутские» мифологические нарративы о ветре: *В представлении якутов* [Эвенков

и якутов. — К.З.] *норд вот что такое: на северном конце земли лежит на золоте огромней лупоглазый бог с китайскими усиками и, стараясь потушить солнце, дует что есть сил, и его седое дыхание сеет холод, голод, мрак, опустошение. Не касаясь якутской мифологии, норд — это обледенелый кнут, который хлещет по человеческим лицам беспощадно и свирепо до тех пор, пока человек не закричит от боли и испуга и, повернувшись, не подставит ему спину. Тогда он будет гнаться за ним, леденить ему затылок, сдирать со спины кожу и сверлить, сверлить в ушах сумасшедшим свистом...* [2, с. 26]. Анализ мифологических представлений эвенков [3; 6], а также якутов [14; 16] показал вымышленный характер данного рода сказаний. Возможно, данный художественный приём стал продолжением собственно литературной мистификации молодого двадцатилетнего автора, увлечёвшегося мифологизмом ситуации.

Венедикт Март к моменту публикации рассказа «Дэрэ — водяная свадьба» (1932) уже был состоявшимся писателем и журналистом. В его литературном багаже к тому времени насчитывалось множество рассказов на китайские и японские темы [4]. В конце 1920-х гг. китайская и японская темы в советской литературе были непопулярны и даже опасны, потому Март обращает своё внимание на культуру и быт гольдов — коренного населения Дальнего Востока. К тому времени СССР реализует политику правового равноправия в отношении малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. Именно эта тенденция зафиксирована писателем в его рассказе «Дэрэ — водяная свадьба». В предисловии ко второму изданию рассказа можно прочитать: «Дикие, вымирающие племена туземцев Дальнего Востока — гольды, гиляки, ороконы, удехейцы и другие до революции были обречены на самую жесточайшую эксплуатацию. Царская „цивилизация“ несла в таёжную глушь спирт и венерические болезни. Только в советское время туземцы Дальнего Востока получили все права и настоящую культуру. Теперь не редкость школа, колхоз, клуб даже и в амурских дебрях. Гольд, гиляк, орокон, наряду с русским или украинским переселенцем, сознательно участвуют в социалистическом строительстве на нашей дальней окраине. Рассказ Венедикта Марта показывает читателю кусок жизни рыбаков-охотников гольдов как раз в тот период, когда только-только пробивалась новая жизнь в самых отдалённых уголках тайги» [12].

В центре многостраничного рассказа перед читателем предстают гольдские обряды перехода — свадебные и похоронные. Повествователь обращает внимание на мельчайшие детали экзотических обрядов и бытовых практик гольдов.

В зачине рассказа читатель узнаёт, что в родное поселение вернулся бывший бедняк — гольд Амба, который из-за любви к раскосой, скуластой, синеволосой гольдячке Джябже-Змее совершил многолетний поход по Амуру, Сахалину и Камчатке, принёсший ему богатство: *меха, редкостные вещи в мешках из оленьей кожи, блестящие безделушки, спирт, два чугунных котла, китайский шёлк...* [13, с. 4], — которое он в качестве *тори* (выкупа) должен отдать жадному отцу любимой девушки, чтобы сыграть с ней свадьбу. За время отсутствия Амбы его невесту уже продали старому безносому шаману Фолдо-Дыре, и уже скоро все будут праздновать финальный этап свадебной церемонии — *дэрэ*.

Писатель заостряет внимание на близости «туземного» народа к дикой природе, растворённости жизни «туземного» человека в стихии и связанных с нею ритуалах. Это выражается в своеобразном «ответе» природы на ту или иную мысль или действие героя. Так, мечты о скорой встрече и свадьбе с любимой девушкой придают жизни героя смысл и внутреннюю наполненность, что, в свою очередь, отражается в реакции природы: *Тайга вздохнула, ожила. Её обитатели потянулись из тёмных нор, горных гнёзд к речным берегам* [13, с. 6]. Близкое соседство с дикой природой героя рассказа, а шире — и всего гольдского народа, где рядом с человеком медведь «мирно» [13, с. 6] рыбачит, подчёркивается способностью героя замечать все невидимые обычному человеку действия зверья дальневосточной тайги, а также близким сосуществованием речного народа с дикой природой не только в промысловый период, но и в повседневной жизни: *над жилищами гольдов <...> перепрыгивали <...> бурундуки; по корявым отводам однообразно постукивали и расхаживали вверх-вниз цепколапые дятлы; в пёстрой зелени <...> ныряли сойки...* [13, с. 7].

В дальнейшем это единение аборигенного человека с природой будет нарушено присутствием новых веяний советской эпохи в бытовой жизни гольдов, например, элементов советской пропаганды, которые речной народ пока использует в сугубо утилитарных целях: *Серую юрту окаймлял поперечный красный плакат, испещрённый белыми буквами лозунга* [13, с. 8], или коммунистическими пропагандистскими речами молодого гольдского поколения о перспективах работы в Ивановском охотничье-рыбачком колхозе: *...колхозу нужны такие, как ты, крепкие люди* [13, с. 15]. Цивилизация проникает в быт гольдов и в использовании лодочного мотора, который в итоге и спасает любовь Амбы и Джябжи.

В основу повествования положен финальный этап свадебного ритуала — *дэрэ* (*умыкание*) — *мнимое похищение гямакты* (невесты) [13, с. 18]. Март почти дословно цитирует исследование И.А. Лопатина [10], посвящённое данному обряду: *дэрэ — самая весёлая, самая забавная и шумная*

часть гольдской свадьбы. Родители и родственники невесты и жениха назначают особый день для проводов невесты, шуточного „похищения“ её и переезда из дома родителей в дом жениха [13, с. 27]. Описание свадебного обряда явилось тем фоном, который позволил писателю показать новый тип героя в среде малочисленных народов Дальнего Востока, который уже не живёт в условиях соблюдения вековых устоев, а утрачивает или видоизменяет собственные традиции в силу возникновения новых исторических обстоятельств [9].

Март не ограничивается описанием свадебного обряда — в одном из эпизодов рассказа внимание повествователя обращено к обряду погребальному. Писателем чётко зафиксирована гольдская традиция захоронения в землю, использование кедровых гробов, почитание особой подушки *фанья*, где находится душа покойника, обнаруженная шаманом, обычай кормления этой подушки, обычай спать ночь жене с мёртвым мужем, обычай убивать собаку покойного над его могилой. Экзотические, с точки зрения советского читателя, гольдские элементы похоронного ритуала Март соединяет с привычными русскому сознанию элементами православного похоронного обряда. Очевидно, Март намеренно совместил похоронные традиции разных народов в единое художественное целое. Таким образом он стремился показать, что в обычаях гольдов и русских много схожего, что аборигенный народ такой же самобытный, как и русский, и другие, однако у него есть свои традиции, которые отличаются от привычных советскому читателю [8].

С этнографической точностью Март фиксирует особенности жилищ гольдов, их зависимость от водной артерии: *Стойбище «Лисья прореха» расположилось на издавна облюбованном гольдами глухом живописном месте, возле самой реки. В гуще деревьев, то тут, то там выступали коврыги хаморанов с заплатанными цветной древесной корой стенами. Тут же возле хаморанов, над ними, возвышались на сваях, точно на ходулях, маленькие покатые амбары* [13, с. 7]. Включение в художественную ткань рассказа многочисленных гольдских наименований бытовых предметов с их авторским комментарием настраивает читателя на этнографическое постижение бытовой культуры аборигенного народа.

Помимо бытовой и обрядовой стороны жизни гольдов, писатель обращает внимание на этико-моральные особенности взаимоотношения представителей гольдского населения. Этот аспект наиболее ярко представлен в эпизоде встречи Амбы со стариком Еодом-Шумящим. Как отмечал И.А. Лопатин, старейшие члены рода пользуются всеобщим уважением [11, с. 185], и при встрече молодой гольд должен поприветствовать старого, встав на колени и отдав ему земной поклон, а первый,

в свою очередь, должен наклониться и поцеловать второго в лоб или щёку [11, с. 182]. Традиционные действия гольдского приветствия в рассказе существенно сокращены: из уст Амбы мы слышим только *бачкафу* (гольдское приветствие, соответствующее русскому «здравствуйте»); от традиционного ритуала остались лишь речевые формулы, к которым обе стороны относятся лишь как к дани традиции: — *Падем дэрэди гру! (счастливо сидеть!), — не своим голосом, глухо, точно поперхнувшись комом твёрдой пищи, с трудом прохрипел Амба. — Падем энэхэна... (счастливого пути), — донёлся безразличный голос Шумящего* [13, с. 12].

Опираясь на многочисленные этнографические источники, Март скрупулёзно описывает внешнюю бытовую сторону гольдской жизни, зависящей от речной артерии, близость мировоззрения гольда природной стихии. Писатель насыщает язык рассказа гольдскими терминами, что настраивает читателя на этнографически ориентированный сюжет художественного повествования. В то же самое время писатель фиксирует изменения в традиционных обрядовых практиках и ежедневном общении гольдов, что является следствием проникновения цивилизации в традиционную жизнь аборигенного народа.

В двух очерках, посвящённых приамурским золотоносным приискам, молодому литератору П.Н. Васильеву удалось зафиксировать явления традиционной жизни коренных народов Приамурья — манегров и якутов. Писатель с определённой долей мистификации отразил мифологические, социальные, мировоззренческие и бытовые элементы традиционной жизни аборигенов. При описании представителя коренного населения Приамурья П.Н. Васильев использовал традиционные элементы изображения аборигенного героя: его взаимосвязь с природой, с культовыми животными. Писатель фиксирует влияние и возможное развитие отношений коренного народа с цивилизацией, представителем которой в очерке выступают русские старатели.

В рассмотренных художественно-этнографических повествованиях оба писателя показывают зависимость аборигенного народа от природной стихии, взаимоотношение человека и культового зверя, насыщают вещный мир произведения этнографическими деталями. В то же самое время и Март, и Васильев фиксируют влияние цивилизации на жизнь аборигенного народа. В произведении Марта это влияние носит положительный характер, писатель стремится подчеркнуть возможность для представителей тунгусо-маньчжурского народа встроиться в социальные отношения советского общества, расширить границы своего мира, послужить на благо коллектива; в очерках П.Н. Васильева влияние цивилизации несёт лишь негативные последствия.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Васильев П.Н. В золотой разведке: Очерки. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1930. 47 с.
2. Васильев П.Н. Люди в тайге: Очерки. М.; Л.: Физкультура и туризм, 1931. 40 с.
3. Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири: колл. моногр. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
4. Забияко А.А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) // Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 283—307.
5. Забияко А.А. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков // Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. С. 242—283.
6. Забияко А.П., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А., Кобызов Р.А. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2012. 384 с.
7. Забияко А.П., Беляков А.О., Воронина А.С., Завадская Е.А., Зиненко Я.В., Конталева Е.А., Матющенко В.С., Пелевина О.В., Родионова К.И., Чирков Н.В. Народы и религии Приамурья / Под ред. А.П. Забияко. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. 424 с.
8. Землянская К.А. Изучение религиозных обычаев и традиций нанайцев в отечественной науке (дореволюционный контекст) и опыт их систематизации в художественной этнографии Венедикта Марта // Религиоведение. 2020. № 4. С. 137—147.
9. Землянская К.А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ — водяная свадьба») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. С. 304—313.
10. Кайгородов А.М. Свадьба в тайге // Советская этнография. 1970. № 3. С. 153—161.
11. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Зап. ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Владивосток: Тип. Управления внутр. дел, 1922. Т. 17. 366 с.
12. Март В. Дэрэ — водяная свадьба // Вокруг света. 1934. № 4.
13. Март В. Дэрэ — водяная свадьба: рассказ. Киев: Коммуна писателей, 1932. 39 с.
14. Романова Е.Н. Мифология и ритуал в якутской традиции: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 388 с.
15. Урманов А.В. Васильев Павел Николаевич // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX—XXI веков. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 85—90.
16. Якутские мифы / Сост. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. 460 с.

УДК 398.8

Т.В. КРАЮШКИНА*

**ЗЕМЛЯ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И НОВЫЕ ЦЕННОСТИ**

В статье на материале песен периода Гражданской войны Сибири и Дальнего Востока рассматриваются образ и мотив земли, выявляются особенности их функционирования в жанре позднетрадиционного фольклора. Делаются выводы о выборочном использовании традиционных представлений о земле и введении новых ценностей, связанных с землёй, в мотивный фонд песенного фольклора.

Ключевые слова: земля, традиционные представления, новые ценности, песни периода Гражданской войны, русский фольклор, Сибирь, Дальний Восток.

T.V. KRAYUSHKINA

**LAND IN RUSSIAN FOLK SONGS OF THE PERIOD
OF THE CIVIL WAR OF SIBERIA AND THE FAR EAST:
TRADITIONAL CONCEPTS AND NEW VALUES**

The article examines the image and motive of the earth based on songs from the period of the Civil War of Siberia and the Far East, reveals the features of its functioning in the genre of late traditional folklore. Conclusions are made about the selective use of traditional ideas about the land and the introduction of new values associated with the land into the motivational fund of song folklore.

Keywords: land, traditional ideas, new values, songs of the Civil War period, Russian folklore, Siberia, the Far East.

Устное народное творчество — уникальная система, сохранявшая на протяжении веков традиционные представления о человеке и окружающем его мире. Именно фольклор в доступной форме передавал

---

* КРАЮШКИНА Татьяна Владимировна — д-р филол. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: kvtpb@yandex.ru.

знания о моделях взаимодействия со своими и чужими, о нормах поведения в обществе и их нарушении, комплекс представлений о ценностях этноса. Следует отметить, что комплекс ценностей, опираясь на опыт предшествующих поколений, постепенно трансформировался под влиянием значимых в исторических масштабах событий: изменений в экономической системе, смены власти, войн.

К числу подобных событий, безусловно, относится и Гражданская война. Складывавшийся столетиями мотивно-образный фонд русского устного творчества, привычно воспринимаемый народом как заслуживающий доверия способ передачи знания, активно использовался большевиками в пропагандистских целях. В группу популярных фольклорных жанров входит такой жанр, как песня периода Гражданской войны. Его фонд пополняли новые варианты известных ранее народных песен, как правило, имевших отношение к войнам и военным конфликтам, как давно минувшим, так и недавним (например, к Русско-японской войне 1904—1905 гг.), песни тюрьмы, каторги и ссылки, переделки стихотворений широко- или малоизвестных поэтов XIX в. (например, стихотворение М.Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» стало основой для песни «Плётка властелина»), песнями становились политические стихотворения, созданные в начале XX в., публиковавшиеся в газетах или листовках. Исполняемые на популярные мотивы песни периода Гражданской войны быстро запоминались и распространялись среди населения России. Вместе с ними становились достоянием народа и новые ценности, умело выдаваемые за традиционные или «завёрнутые» в них.

Если открыть тексты песен периода Гражданской войны, то в числе стабильно используемых элементов мотивно-образного фонда (*боевых действий, борьбы, боя, победы, врага, белых, красных, власти*) можно увидеть и группу мотивов, имеющих отношение к традиционным представлениям/ценностям: это *счастье и доля, любовь и радость, сердце и душа, чудо и молитва, кровь и слёзы, солярная символика*. Не последнее по популярности место в песнях анализируемого периода занимает мотив *земли*.

Материалом для данного исследования послужил песенный фольклор периода Гражданской войны, зафиксированный в восьми регионах Сибири и Дальнего Востока России (в Бурятской ССР, Алтайском крае, Амурской области, Иркутской области, Красноярском крае, Приморском крае, Хабаровском крае, Читинской области) в период с 1918 по 1971 г., всего — 345 текстов [1; 4; 5; 6]. Из них мотив *земля* встречается в 30 песнях (8,7% от общего числа), что свидетельствует о его значительной распространённости. В двух текстах земля упоминается дважды.

Т.е. всего было выявлено 32 использования мотива *земля*. Хотя, конечно, он менее популярен, чем мотивы *борьба, бой, победа*.

Цель данной статьи — выявить особенности функционирования мотива *земля* в песнях периода Гражданской войны, соотношение традиционного и нового, повлиявшего на формирование представлений о земле в обозначенном жанре как безусловной ценности русского народа.

Если обратиться к научной литературе, то становится очевиден стабильный интерес фольклористов, специалистов в области древнерусской литературы и традиционной культуры к этой теме, начиная со времён Ф.И. Буслаева и заканчивая современными учёными. Так, М.С. Киселева отмечает: «Образ своей земли в народном сознании исследовали Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, Г.П. Федотов, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, Ю.М. Антонян. Существование у народа представлений о вариативности границы родного (своего) пространства показано в исследованиях Н.В. Дранниковой и Т.М. Ананичевой. С.Д. Домников рассматривал позицию *своя — чужая земля* как частный случай противопоставления хаоса и космоса» [2, с. 4]. При этом земля как ценность в песнях периода Гражданской войны ещё не становилась предметом специального изучения.

М.С. Хроменко, обращаясь к фольклорному наследию восточных славян, зафиксированному в Приморском крае в XX в. (а именно к волшебным сказкам и заговорам), утверждает: «...материалы... свидетельствуют о сохранности народных представлений о Вселенной, состоящей из „нашего“ и „иного“ миров. При этом „наш“ мир освящался божественным присутствием (влияние христианства), тогда как „иной“, видимо, оставался в ведении хаотических персонажей, истоки образов которых следует искать в древних языческих верованиях» [7, с. 322—323]. Если раннетрадиционное (к нему относятся заговоры) и классическое устное народное творчество (сюда включаются волшебные сказки) сохраняют чёткое деление Вселенной, земли, мира на *наши* и *иной*, то рассматриваемые нами песни периода Гражданской войны (а это уже позднетрадиционный фольклор) модель *нашей* и *иной* земли уже не транслируют, отходят от неё. Итак, какой же предстаёт земля в песнях периода Гражданской войны, какие функции она выполняет? И каким образом через эти функции проявляется специфика земли как ценности, как в них реализуются традиционные и новые представления?

Одно из древних представлений о земле связано с верованием в то, что она породила всё сущее, является матерью всего мира, из неё возник первый человек. Но в песнях периода Гражданской войны образ Матери-земли лишается этих мифологических основ, она остаётся матерью, ей приписываются чувства, которые испытывает мать к своим детям:

*Страданья наши в тюрьмах, эшелонах
Поймет лишь мать — Российская земля.
Она одна в своих напевах, стонах
Цветами скрасит сопки и поля [1, с. 123].*

Популярным в солдатских песнях был сюжет о герое, умирающем от тяжёлого ранения в чужом краю. Песни на этот сюжет были восприняты и фольклорным фондом Гражданской войны. В них реализуется традиционное представление о смерти как свадьбе, о смерти как о вхождении в другую семью и обретении других близких родственников. Происходит это против воли героя:

*Спожила меня
Пуля быстрая,
Обвенчала меня —
Сабля вострая [1, с. 129].*

Идея Матери-земли в этом контексте обретает иное наполнение: она не порождает, но забирает в себя, смерть роднит героя с Матерью сырой землёй. Раненый солдат просит своего коня передать весточку домой. В ней иносказательно описывается его гибель:

*Жена у меня —
Гробовая доска,
А мать у меня —
Мать сырая земля [1, с. 129].*

Впрочем, идея свадьбы как смерти в свадебном обрядовом фольклоре и смерти как свадьбы в песенном фольклоре со временем разрушается, но мотив вхождения в другую семью остаётся актуальным для сюжета песен периода Гражданской войны. Разрушается и представление о земле как матери — так, земля именуется в одном из текстов отцом:

*За отца у меня
Мать сыра земля,
А за мать у меня
Кровь горяча, тепла [1, с. 215].*

Олицетворение, утратив связь с традиционными представлениями, становится художественным приёмом (литературным тропом). Анализ

песен периода Гражданской войны показывает реализацию подобных образов, связь которых с традиционными представлениями уже не очевидна. М.С. Киселева утверждает: «Отголоски древнего отождествления земли и человека сохраняются в таких тропах, как метонимия и олицетворение» [3, с. 27]. Земля, залитая кровью, долго стонет (*долго стонала земля* [1, с. 144]), она нуждается в восстановлении сил, потому что изранена, как человек (*Отдохнет земля родимая, / Вся изранена в крови* [1, с. 210]), она именуется *кормилицей-землей* [1, с. 227], её *земная утроба дрогнет* [1, с. 188]. Мотив вбирания пролитой крови не только отражает реалии существовавшей действительности, но и имеет отношение к народным верованиям. «В русском фольклоре отголоски... древних представлений [о творении природных объектов из тела чудовища] обнаруживаются в сказках на былинный сюжет и в духовных стихах в эпизоде, когда после битвы воина с врагом/врагами земля оказывается полностью покрытой нечистой кровью. <...> Поглощение землею крови может быть истолковано как окончательное формирование материка, т.е. тела земли, после того, как с него схлынула вода/кровь» [3, с. 17]. В песне же периода Гражданской войны кровь соседствует со слезами:

*Кровью народной земля упивалась,
Слезы лились беспредельной рекой* [1, с. 233].

Но иногда крови столько, что земля не в состоянии поглотить её:

*По земле сочится кровь,
В ней, как в озере, купаются
Палачи со всех концов* [1, с. 228].

В ряде песен земля связана с эмоциональным или физическим состоянием героя, причём с тяжёлым состоянием. Так, Миша Попов, адъютант Лазо, идёт в разведку и попадает в засаду. У героя, пленённого японцами, *под ногами качалась земля* [5, с. 173]. Тяжело раненный солдат падает *с камня на землю* [1, с. 198], пуля *свалила на землю, как сноп* [1, с. 191], другой раненый герой *упал на землю тяжело* [1, с. 239]. Иносказательно — через описание клонящейся *до земли былиночки осенней* — изображено страдание девушки, потерявшей близких [1, с. 209].

Описывается в песнях и реальное поведение представителей животного мира, например коня, бьющего копытом землю. Только этот рефлекс ещё и поэтизируется. Конь пытается выкопать из земли своего хозяина. Но умерший хозяин отрицает возможность этого:

*Не стой, конь, передо мною,
Не бей землю копытою:
До сырого не добьешься
И меня ты не дождешься* [1, с. 215].

Особенность орла падать на землю реализуется в мотив защиты тела павшего героя от воронья: *Взмахнул своими он крылами, / На землю мигом он упал* [1, с. 158].

Ещё одна функция земли — территория, которую нужно очистить от врагов. Так реализуется представление о *своей земле*. В этом случае она именуется *родной* и *русской*, герои освобождают её от врагов, в числе которых интервенты:

*Крестьяне, братья мирные,
Терпеть не можем мы,
Стереть врага решили мы
С лица родной земли* [1, с. 115].

Но и представители белого движения уже находятся в другой категории — они перестали быть *своими* и стали *чужими*, что даёт право (в традиционных представлениях) очистить *родную землю* от них:

*Играть не намерены в прятки,
Свободу пришли защищать.
Предателей — белых остатки
С русской земли посметать* [1, с. 127].

Родная земля в огнях пожарищ становится тем фоном, куда вписываются красные солдаты, причиной войны:

*Гремел Амур раскатами,
В огне родной земли,
На бой идем солдатами,
Мы Ленину верны* [1, с. 184].

Сочетание *родная земля* в анализируемых песнях обозначает не только территорию, но и живущих на ней людей: *Да здравствует юность / Своей родной земли* [1, с. 66].

Песни периода Гражданской войны активно транслировали новые представления, новые ценности современного мира. Земля наравне со свободой становится лозунгом рабоче-крестьянского движения, в бой

идут уже не за царя и Отечество, а за другие ценности, фокус с общего и далёкого смещается на частное и близкое, понятное каждому крестьянину и рабочему. Уже не родная земля, олицетворение Родины, а земля как воплощение материального блага становится большей ценностью. В песнях стабильно повторяется идея получения земли единственно возможным способом — борьбой:

*Ушли рабочие на бой,
На смертный бой ушли, —
Добыть хотят своей борьбой
Свободы и земли [1, с. 214].*

Обращает на себя внимание идея альтруизма: красные солдаты идут добывать землю не для себя, а для других. При этом инициатива добывания земли приписывается партии, солдаты лишь выполняют её волю. В одной из песен Сергей Лазо произносит такие слова:

*—Товарищи, время в поход,
Нас партия в битву ведет,
За землю, за волю, за лучшую долю,
Которую ждет наш народ [1, с. 178].*

Но воля народа, его потребность в свободе и земле в песнях не изображается. Возникает любопытный психологический момент: народ пассивен, он не просит солдат добыть для него земли, красные солдаты сами решают, что необходимо народу. И такой ценностью оказывается земля:

*За землю, за свободу
Вперед, стрелки, вперед!
Пусть наша рать народу
Свободу принесет [1, с. 70].*

Показательно, что обозначенные выше лозунги встречаются даже в песнях, посвящённых памяти павших красных командиров. Так, мотив земли выполняет функцию высокой оценки деятельности погибшего Ф.А. Погодаева, его жертвенности:

*За лучшую долю, за землю и волю
Ты с радостью в сердце страдал
[1, с. 177].*

В «Песне коммунаров» повествуется об отряде, приговорённом к мучительной казни, незадолго до этого представители отряда сами выкапывают себе могилу. Белый генерал высмеивает лозунг красного движения о земле и воле. Он даёт красным землю, но не для возделывания, а как место их захоронения:

—*Спасибо за вашу работу,
Вы землю просили, я землю вам дал,
А волю на небе найдете* [1, с. 97].

Захоронение лидеров красного движения, например, *вождя-полководца лихого Журавлева*, Федота Аввакумовича Погодаева, прозванного забайкальским Чапаем, Ф.Н. Мухина, изображается торжественно: *Товарищи прах твой земле предадут* [1, с. 175—176]. Иногда земля описывается иносказательно, становится покрывалом: *В могиле холодной землю прикрыт* [1, с. 174]. В песнях периода Гражданской войны реализуется традиционное представление о смерти как сне, в данном случае — в особом месте: *Спи же, борец, под землею* [1, с. 185]. Места захоронений героев уже становятся (*И мы могилу с любовью святою / Горячей слезой пришли окропить* [1, с. 174]) или непременно станут после победы местами поклонений их последователей (*И свежую, им дорогую могилу / Живыми цветами они уберут, / И свежую, им дорогую могилу / Живыми цветами кругом обкладут* [1, с. 175—176]).

Менее торжественно описывается захоронение неизвестных широкому кругу героев. Например, песня на смерть братьев П. и С. Спицыных содержит традиционное пожелание лёгкости могильной земли:

*Спите, други, спите, братья,
Спите, славные друзья,
Мы убийцам шлем проклятье.
Будет пухом вам земля* [1, с. 186].

Мотив растения на могиле героя, известный ещё по волшебным сказкам, балладным песням, встречается, но уже в несколько изменённом, осовремененном, т.е. неявном виде и в исследуемом жанре. Над местом захоронения давно павших бойцов растёт ковыль:

*У придорожий ковыли
От ветерка шумят
И гнутся, гнутся до земли,
О чем-то говорят* [1, с. 160].

Лишь изредка упоминается в песнях о захоронении павших представителей белого движения и интервентов. Очевидно, что оно имеет другую эмоциональную наполненность: их хоронят, чтобы очистить от их тел родную землю, причём описываются похороны очень обыденно:

*Санитарам тут не в силу,
Нужно помощи давать,
Там японцев битых много,
Нужно в землю зарывать* [1, с. 143].

Итак, в песнях периода Гражданской войны реализуется целый ряд функций, связанных с образом и мотивом земли. Это и Мать-земля, порождающая человека и забирающая его тело после смерти, отчасти сохранившая или же полностью утратившая связи с традиционными представлениями, в некоторых текстах отражающая лишь черты олицетворения. Мотив земли обозначает состояние героя, воплощая традиционные представления о физиологии. Земля — не только своя территория, но и люди, проживающие на ней, это и место захоронения. Так используются этнографические реалии в текстах. Песни анализируемого периода отбирают, сохраняют и транслируют те представления о земле и связанные с ней ценности, которые и формируют специфику исследованного жанра.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
2. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
3. Киселева М.С. Языческие и христианские представления о земле в фольклоре и древнерусской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВФУ, 2012. 217 с.
4. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 255 с.
5. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.
6. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО РАН, 1969. 364 с.
7. Хроменко М.С. Народные представления о модели мироздания // Вестник ЧГПУ. 2010. № 4. С. 321—330.

УДК 39(=941.112)

В.В. ПОДМАСКИН*

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА:
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
СПЕЦИФИКА**

В статье рассматривается региональная специфика хозяйственной деятельности коренного населения Сахалина, которая зависела от целого ряда факторов (природопользования, особенности расселения, кочевания, миграционной волны и т.д.). В настоящее время требуется разработка комплексной программы исследования в данной области в сочетании с междисциплинарным подходом.

Ключевые слова: нивхи, айны, ороки, хозяйство, природопользование, Сахалин.

V.V. PODMASKIN

**REGIONAL NATURE MANAGEMENT MODELS INDIGENOUS
PEOPLES OF SAKHALIN: ECOLOGICAL
AND ETHNO-CULTURAL SPECIFICS**

The article examines the regional specificity of the economic activity of the indigenous population of Sakhalin, which depended on a number of factors (nature management, the specifics of settlement, nomadism, migration wave, etc.). The development of a comprehensive research program in this area, combined with an interdisciplinary approach, is currently required.

Keywords: Nivkhs, Ainu, Oroks, economy, nature management, Sakhalin.

До середины XIX в. островные аборигены были представлены тремя народами (айны, нивхи, ороки), а с 1860-х гг. к ним прибавились, укореняясь, эвенки и группы оленных якутов и негидальцев [1, с. 5; 4, с. 88; 7, с. 68]. Этнокультурные связи осуществлялись на основе общего природопользования [2, с. 91—93].

---

* ПОДМАСКИН Владимир Викторович — д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

На территории Амуро-Сахалинской историко-этнографической области в рамках общего хозяйственно-культурного типа (ХКТ) «скрестились культура древних рыболовов, собирателей и морских зверобоев с культурой оленеводов и охотников» [10, с. 187]. На Сахалине главным компонентом жизнеобеспечения являлось рыболовство, которое всегда было важнее оленеводства, морского зверобойного промысла, собирательства и даже охоты.

На острове были представлены четыре ХКТ: 1) рыболовов бассейнов больших рек и морского побережья холодной зоны умеренного пояса (нивхи, северные айны); 2) береговых собирателей и рыболовов умеренно-тёплого пояса (айны на юге Сахалина — по типу о-ва Хоккайдо); 3) арктических морских зверобоев (нивхи); 4) таёжных охотников-олeneводо-в (ороки, эвенки, группы оленных якутов и негидальцев). В этнокультурных группах острова все ХКТ представлены комплексно при разных сочетаниях: 1) рыболовство (все группы); 2) охота (все группы); 3) морской зверобойный промысел (нивхи, ороки, айны); 4) таёжное собирательство (все группы); 5) приморское собирательство (нивхи, айны, отчасти ороки); 6) оленеводство, связанное с охотой (ороки, эвенки, оленные якуты и негидальцы); 7) собаководство (все группы); 8) звероводство: содержание в клетках медведей и других животных (айны, нивхи, ороки).

Ороки (орочены) жили территориально «встроенными» в ареалы айнов и нивхов, эксплуатируя общие с ними экологические ниши (угодья рыболовства, охоты, промысла ластоногих, собирательства) и отдельную (кормовые угодья, прежде всего, ягеля — главного корма для оленей). Но земли выпаса оленей и кочевий были промысловыми угодьями и самих ороков, и соседних с ними нивхов и айнов. При выходе со стадами к берегу моря ороки оказывались в совместных с теми же народами зонах рыболовства и промысла ластоногих. Этнические ареалы соседствовали и взаимопроникали в районе зал. Терпения, на р. Поронай, на западном и восточном побережье, в долине р. Тымь. Здесь образовались нивхско-айнские роды, айнско-орокский род, роды нивхско-орокские. Как отмечала А.В. Смоляк, «на Нижнем Амуре и Сахалине отсутствовали не только “чистые” народы, но и “чистые” роды» [8, с. 8]. Системе межэтнических родов соответствовали полиэтнические селения, и среди их членов были ещё и адаптированные (по обычаю побратимства) иноплеменники: тунгусы (эвенки), якуты, амурские нивхи, ульчи и др. [11, с. 225, 227, 236—238, 243, 253, 264, 270].

Эвенки, в конце XIX в. вклинившись в сложившуюся систему жизнеобеспечения на Сахалине, внося некоторые поправки в местные модели природопользования, усилили миграционные процессы, и к началу XX в. межэтническая картина на острове соответствовала

ситуации в Приамурье, где в каждом этносе были роды, смешанные с другими этносами или произошедшие от них [8, с. 96]. В «переписных листах для инородческого бродячего населения» первой всероссийской переписи населения 1897 г. на севере острова зафиксированы селения «тунгусские», «айнские» и «ороченские», «ороченско-тунгусские» и «ороченско-гилякские»; фигурируют «ороченские и гилякские юрты Соцегар» [3, с. 7] — орокско-нивхское селение Социгаре недалеко от устья Пороная на о-ве Южный.

Четыре островных народа, даже с учётом специфики оленеводства, присущей орокам и эвенкам, эксплуатировали одну и ту же территорию, одни и те же экологические ресурсы. И, как отмечала А.В. Смоляк, у народов Нижнего Амура и Сахалина «бытование тех или иных орудий промысла определялось не этническими особенностями той или иной группы, а экологическими условиями» [8, с. 59]. Общее природопользование на острове скреплялось также перекрёстным обменом продуктами промыслов.

При четырёх ХКТ существовало два вида бытования: относительная оседлость (нивхи и айны) и относительное кочевание (ороки и эвенки). У ороков встречались оседлые селения у моря: с капитальными жилищами, культовыми местами, местами для содержания животных [5, с. 57—58]. В начале XX в. на материалах Дальнего Востока российский правовед В.В. Солярский, отметив наличие промысловой территории, распределённой между родами, общинами и семьями, признавал, что «фактически бродячих инородцев не существует» [9, с. 3].

Эвенки, достигнув к рубежу XX в. «последней черты» кочевания, на западном берегу переходили к образу жизни, близкому к орокскому. У них обозначились постоянные места обитания, группы и стойбища [6, с. 133].

Жизнеобеспечение тесно связано с кочеванием, оседлостью, расселением. Наличие рыбы и мест её лова определяло географию и характер расселения, учитывались также возможности остальных занятий и наличие соответствующих ресурсов. Селения, независимо от этнической принадлежности жителей, были как правило, мелкими, по 2—3, редко более 10 жилищ, в окружении набора угодий, удалёнными на некоторое расстояние друг от друга. Это объясняется этнокультурной адаптацией к среде, не терпящей перенаселения и интенсивных хозяйственных нагрузок в стратегии жизнеобеспечения, в природопользовании, сбалансированном с ресурсным потенциалом. То, что извне казалось безлюдным пространством, требующим массового заселения и освоения, было экохозяйственным полем, оптимально «нагруженным» антропогенным воздействием.

При малочисленности территориальных общин задачи традиционного хозяйства и вся стратегия жизнеобеспечения решались через сезонное чередование промысловых занятий, использование стационарных и сменных ловчих устройств, позволявших дистанционно контролировать территорию, через периодическую смену угодий, временно оставляемых для «отдыха», и половозрастное разделение труда. Широко применялась социальная кооперация — межсемейная внутри селения, межобщинная и межэтническая.

Таким образом, традиционное хозяйство коренных народов Сахалина было комплексным: оно основывалось на сезонной ловле рыбы и охоте на морского и таёжного зверя. Однако в зависимости от экологии у одних групп рыболовство преобладало над охотничьим промыслом, у других, наоборот, охота играла ведущую роль по отношению к рыболовству. Введение морских ресурсов в систему жизнеобеспечения придало экономике оленеводов ороков устойчивость и надёжность, обеспечило условия оседлого проживания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный отчёт по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. № 1. С. 3—22.
2. Косарев В.Д. Тропами предков меж сопок и морем: экологический опыт и традиционное природопользование коренных народов Сахалина. Южно-Сахалинск: Институт наследия Бронислава Пилсудского, Сахалинское кн. изд-во, 2007. 216 с., 2 прил.
3. Миссонова Л.И. Вековой путь идентификации уйльта // Культурное наследие Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. С. 5—16.
4. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1912. Т. 3. Вып. 4—9. С. 772—906.
5. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Препринт. Южно-Сахалинск: Ин-т морской геологии и географии ДВО АН СССР, 1989. 76 с.
6. Роон Т.П. Культурные традиции сахалинских оленеводов в начале XXI века // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. С. 132—142.
7. Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 43—77.
8. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. 248 с.
9. Солярский В.В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916. 176 с.

10. Таксами Ч.М. Охотники, рыболовы и собиратели Амурского бассейна и Сахалина // Охотники, собиратели, рыболовы: Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 187—198.
11. Штернберг Л.Я. Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2001. № 5. С. 216—283.

УДК 316.56:36(571.63)

А. В. ПОПОВКИН, М. Е. БУЛАНЕНКО*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В АСПЕКТЕ ИХ ВЛИЯНИЯ НА УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РЕГИОНЕ

В статье приводятся предварительные обоснования гипотезы о связи поведенческих стратегий городского населения с уровнем социального благополучия. Дается краткий обзор современного состояния исследований поведенческих стратегий и их теоретических оснований. Обосновывается теоретическая и практическая значимость выявления и описания доминирующих в обществе поведенческих стратегий и построения теоретических моделей их формирования и влияния на социальное благополучие. **Ключевые слова:** поведенческие стратегии, социальное благополучие, теория поступка, этика.

A.V. POPOVKIN, M.E. BULANENKO

BEHAVIOURAL STRATEGIES OF THE URBAN POPULATION OF THE PRIMORSKY REGION AND THEIR IMPACT ON THE SOCIAL WELL-BEING: PROSPECTS FOR FUTURE RESEARCH

The article provides preliminary justification for the link between behavioural strategies of the urban population and the social well-being. After a brief overview of the current state of research, some important future tasks are outlined,

---

* ПОПОВКИН Андрей Владимирович — к. филос. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: andrey.popovkin@gmail.com.

БУЛАНЕНКО Максим Евгеньевич — к. филос. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: bulanenko@list.ru.

such as identifying prevalent behavioural strategies of the urban population of the Primorsky Region and constructing theoretical models of their formation and impact on social well-being.

Keywords: behavioural strategies, social well-being, theory of action, ethics.

Социальная сфера имеет исключительное значение, так как к ней относится всё то, что делает жизнь человека полноценной: культура и искусство, образование и наука, здравоохранение и социальное обслуживание, общение и досуг. Соответственно, качество социальной сферы во многом определяет качество жизни общества. Состояние социальной сферы и социальное благополучие в значительной степени зависят от деятельности государственных институтов, но важный вклад в него вносят и преобладающие стратегии социального поведения самих граждан. На обыденном уровне факт различия моделей социального поведения у жителей разных стран и регионов подмечен давно. Это выражается в отношениях граждан и друг с другом, например, в дорожном движении или быту, и с властью и другими социальными институтами. Формирование стратегий социального поведения, т.е. устойчивых способов достижения людьми своих целей в обществе, связано с социально-экономическими условиями, господствующими в обществе ценностями и рядом других факторов. В свою очередь, сами поведенческие стратегии, особенно если они получают статус обычая или социальной нормы, обладают высокой инерционностью и могут выступать одним из определяющих факторов социального развития региона как в позитивном, так и в негативном ключе.

Можно уверенно утверждать, что поведенческие стратегии городского населения Приморского края оказывают огромное влияние как на повседневную жизнь региона, так и на результаты государственных программ развития Дальнего Востока. Однако, несмотря на распространённую уверенность в наличии особого «дальневосточного характера» и т.п., а также накопленный учёными большой массив данных, описывающих жизнь российского населения Дальнего Востока, в отечественной науке пока не представлено даже предварительного комплексного теоретического описания поведенческих стратегий. Отсутствие подобной теории существенно затрудняет использование научного аппарата для решения таких вопросов, как прогнозирование реакций населения на различные управленческие решения, управление динамикой миграционных процессов и т.п.

Научное изучение стратегий социального поведения началось всего несколько десятилетий назад под влиянием теории рационального выбора и теории игр. основополагающей работой здесь является книга «Теория игр и экономическое поведение», соавтором которой стал один из создателей кибернетики Дж. фон Нейман [15]. С тех пор исследование поведенческих стратегий обогатилось методами других дисциплин, таких как социальная психология, этика, теория ценностей, поведенческая экономика, нейрофизиология, сравнительная и эволюционная психология*. В России и, в частности, в Приморском крае учёные достаточно давно занимаются эмпирическими исследованиями отдельных поведенческих стратегий**, но обобщённого теоретического описания ключевых социальных стратегий населения Приморского края не существует даже в предварительном виде. Нет пока и общих объяснительных моделей, позволяющих понять выбор стратегий и оценить их влияние на уровень социального благополучия.

Несмотря на то, что понимание важности подобных исследований в отечественной социогуманитарной науке уже достигнуто***, существует

---

* Например, см. такие работы отечественных и зарубежных авторов, как: Крутов Н.Н. Мораль в действии [14]; Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: ещё раз об основах социальных наук [19]. Вааль Ф., де. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов [4]; Канеман Д. Думай медленно... решай быстро [8]; Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан [2]; Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки [17]; Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр: искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни [5]; Baron J. Thinking and deciding. [20]; Oddie G. Value, reality, and desire [24]; Kutschera F., von. Wert und Wirklichkeit [23]; Bloom P. Just babies: the origins of good and evil [21]; Greene J. Moral tribes. Emotion, reason, and the gap between us and them [22]; Roemer J. How we cooperate: a theory of Kantian optimization [25].

** Здесь можно привести такие работы, как: Климентьева Е.Н. Одиночество как стратегия поведения в условиях социальной неопределённости [11]; Ковалевская Ю.Н. Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения [12]; Каримова Л.Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе [9]; Злоказов К.В. Влияние идентичности на предпочтение стратегии социального поведения [7]; Кленова М.А. Теоретико-эмпирический анализ проблемы влияния социально-психологических факторов на формирование стратегий рискованного социального поведения [10]; Коваленко С.Г., Поповкин А.В. Трансформация источников социальной власти в России в период распада СССР (конец 1980-х — начало 1990-х гг.): приоритет идеологического аспекта [13].

*** Например, см.: Тишков В.А. Об антропологии жизненных смыслов [18].

ряд сложностей, на которых нам хотелось бы остановиться. Прежде всего, в изучении поведенческих стратегий можно выделить два крайних подхода, способных обесценить исследование: это априоризм и крайний эмпиризм*. Первый состоит в некритическом набрасывании схем и штампов, как, например, «сибирское здоровье» или «дальневосточный характер», под которые начинает подвёрстываться эмпирический материал. При втором подходе упор делается на сборе фактов без осознанного выбора теоретической основы. И в том и в другом случае собственно стратегии поведения будут упущены исследователем. Всё дело в том, что реальное исследование поведенческих стратегий, особенно нацеленное на выстраивание их теоретической модели, требует учитывать, что они теснейшим образом связаны с господствующим в изучаемой социальной группе мировоззрением. Оно, в свою очередь, находится в диалектической связи с социальными условиями, то есть, будучи зависимо от них, само их в свою очередь формирует или воспроизводит**.

Таким образом, полноценное исследование поведенческих стратегий требует сочетания методов полевой этнографии, доставляющей материал для анализа и обобщений, с такими методами, как теория рационального выбора, включая теорию игр и её приложения, понятийный аппарат социальной онтологии, современные теории норм и ценностей, разрабатываемые в социальной философии, данные поведенческой экономики, социальной психологии, сравнительной психологии и антропологии.

Попробуем кратко высказать несколько общих соображений, которые, на наш взгляд, стоит учесть при исследовании поведенческих стратегий городского населения. Одним из базовых понятий для выстраивания теоретических моделей поведенческих стратегий является понятие поступка. Поступок определяется своей целью, вернее, желанием или намерением осуществить некую ценность, а также убеждением, что некоторое средство подходит для достижения этой цели. Соответственно, понять поступок значит прежде всего понять цель человека, который совершает этот поступок. Но цели и намерения есть не только у того, кто совершает поступок, но и у окружающих его людей. Поэтому человек обычно совершает свои поступки в расчёте на то,

---

* Подробный разбор см. в нашей статье, посвящённой эмпиризму и априоризму в регионоведческих исследованиях [3].

** Этот процесс прекрасно описан в работе Бергера и Лукмана «Конструирование социальной реальности» [1].

какие поступки могут совершить другие. Необходимость координации поступков порождает стратегические размышления и различные поведенческие и, шире, жизненные стратегии.

Так как мы живём в обществе, наши стратегии сочетаются со стратегиями других людей и всегда являются частью более широких стратегий. Поэтому, хотя человек может и не осознавать, его жизнь почти всецело зависит от общества, в частности, от производственной и социальной сферы. При этом мы явно сами определяем свою жизнь, совершая поступки. Возможно, по этой причине не так уж редко может складываться впечатление, что общество действует как бы само по себе, независимо от поступков тех или иных отдельных людей. Тем не менее связь между этими двумя областями очевидна, по крайней мере, в политической сфере: поступки тех, кто управляет государством, в значительной степени определяют устройство нашего общества и, соответственно, жизнь каждого из нас.

Так, например, по данным из открытых источников в Приморском крае на 2019 г., заработную плату выше 100 тыс. руб. в месяц получало 6,5% населения, а ниже 15 тыс. руб. в месяц — 3,7%, медианная заработная плата была 36,8 тыс. руб. [16]. Можно оценить для себя вероятность того, что устроишься на работу, которая обеспечит достаток. Если же эта работа должна приносить удовлетворение и оставлять время для досуга, то вероятность оказывается ещё ниже. Такое положение дел сложилось не под действием законов природы, а вследствие поступков людей, управляющих государством, составляющих её правящий слой.

С другой стороны, поведенческие стратегии рядовых граждан, их ценностные установки и представления о справедливости тоже могут оказывать весьма заметное влияние, в том числе на внутреннюю политику и экономическую обстановку. Ярким примером стал известный случай с мэром г. Агидель, излившим в соцсетях своё возмущение тем, что горожане «не хотят работать». Правда, как выяснилось из комментариев, горожане не хотят работать за плату, которую они считают несправедливой [6].

Этот пример показывает, что помимо стратегических интересов поступки определяются ещё и нормативными основаниями, без которых зачастую невозможно понять ни поступок, ни человека, который его совершает. Вообще существует довольно распространённое заблуждение, что можно совершать поступки или даже принимать политические решения, исходя из сугубо прагматических соображений, не руководствуясь никакими моральными принципами. Однако это не так: само решение рассматривать других людей и обстоятельства их жизни,

к примеру, как средство для достижения своих целей — моральная установка. Например, руководство государства ради достижения целей экономического развития может рассматривать своих граждан как средство получения прибыли — «человеческий капитал», а может — как цель экономического развития. Тогда речь будет идти о развитии «человеческого потенциала». Равным образом сами граждане могут рассматривать друг друга лишь как средство для достижения собственных целей. В этом случае нередко возникают ситуации «отрицательного равновесия», когда все члены социума оценивают создавшееся положение дел как плохое, но не рискуют улучшить его, так как опасаются, что остальные в этом участвовать не будут и все усилия окажутся напрасны. Однако граждане могут избрать и путь социальной солидарности и взаимопомощи. Подобные поведенческие стратегии способны значительно повысить социальное благополучие. Как правило, такие стратегии характерны для экономически достаточно развитых обществ, т.е. способных произвести необходимое количество благ, с вполне справедливой системой их социального распределения. Иными словами, мы обычно видим взаимовлияние стратегий государства, общества и его граждан.

В заключение отметим, что стратегии, о которых идёт речь, не являются ценностно нейтральными. Они могут способствовать раскрытию лучших черт нашей человеческой природы, а могут обезчеловечивать, дегуманизировать. Это придаёт особую практическую значимость выявлению и описанию доминирующих в обществе поведенческих стратегий и построению теоретических моделей их формирования и влияния на социальное благополучие.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
2. Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 336 с.
3. Буланенко М.Е., Поповкин А.В. Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионаловедческих исследованиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 32—43.
4. Вааль Ф., де. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 442 с.
5. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр: искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни. М.: МИФ, 2020. 464 с.

6. Задорожный М. Мэр башкирского города недоумевает, почему местные жители не хотят работать // Портал ВФМ.ru. 12 декабря 2020. URL: <https://www.bfm.ru/news/460335> (дата обращения: 25.01.2020).
7. Злоказов К.В. Влияние идентичности на предпочтение стратегии социального поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4. С. 206—212.
8. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2013. 656 с.
9. Каримова Л.Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1. С. 133—140.
10. Кленова М.А. Теоретико-эмпирический анализ проблемы влияния социально-психологических факторов на формирование стратегий рискованного социального поведения // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. С. 148—152.
11. Климентьева Е.Н. Одиночество как стратегия поведения в условиях социальной неопределённости // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-2. С. 134—136.
12. Ковалевская Ю.Н. Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения // Ойкумена. 2011. № 4. С. 64—70.
13. Коваленко С.Г., Поповкин А.В. Трансформация источников социальной власти в России в период распада СССР (конец 1980-х — начало 1990-х гг.): приоритет идеологического аспекта // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Владивосток, 2019. Вып. 22. С. 30—43.
14. Крутов Н.Н. Мораль в действии. (О закономерностях влияния морали на поведение личности). М.: Политиздат, 1977. 255 с.
15. Нейман Дж., фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 983 с.
16. Рейтинг российских регионов по уровню зарплат — 2019 // Сайт «РИА Новости». 23 ноября 2020 г. URL: <https://ria.ru/20191202/1561756977.html> (дата обращения: 09.03.2021).
17. Сапольски Р. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 766 с.
18. Тишков В.А. Об антропологии жизненных смыслов // Новые российские гуманитарные исследования. 2017. № 12. С. 9. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2011/> (дата обращения: 25.01.2020).
19. Эльстер Ю. Объяснение социального поведения: ещё раз об основах социальных наук. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. 472 с.
20. Baron J. Thinking and Deciding. New York: Cambridge University Press, 2008. 584 p.
21. Bloom P. Just Babies: the Origins of Good and Evil. New York: Crown, 2013. 288 p.
22. Greene J. Moral Tribes. Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them. New York: Penguin Press, 2013. 422 p.
23. Oddie G. Value, Reality, and Desire. New York: Oxford University Press, 2009. 268 p.
24. Roemer J. How We Cooperate: a Theory of Kantian Optimization. New Haven; London: Yale University Press, 2019. 284 p.
25. Kutschera F., von. Wert und Wirklichkeit. Paderborn: Mentis Verlag, 2010. 174 p.

УДК 94(931) "1907"

Е. В. РУДНИКОВА*

ВИЗИТ РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ А.А. КОРСИНИ В НОВУЮ ЗЕЛАНДИЮ (1907)

В статье восстанавливаются маршрут, детали и результаты одного из немногих реальных путешествий из России в Новую Зеландию в дореволюционный период. Описывается содержание и уникальность фотонаследия А.А. Корсини; подчёркивается необходимость его дальнейшего поиска.

Ключевые слова: Новая Зеландия, русские путешественники, А.А. Корсини.

E.V. RUDNIKOVA

VISIT OF THE RUSSIAN TRAVELLER A.A. CORSINI TO NEW ZEALAND (1907)

The article restores the route, details and results of one of the few real trips from Russia to New Zealand in the pre-revolutionary period. The content and uniqueness of the photographic heritage of Corsini is described; the need for its further search is emphasized.

Keywords: New Zealand, Russian travelers, A.A. Corsini.

Современен все большую ценность приобретают свидетельства современников и очевидцев прошлого. Точность описаний зависела от уровня их образования и целей. В этой группе особо выделяются те, кого ещё в начале XX в. называли «путешественниками». Они были «глазами» своих соотечественников в самых труднодоступных местах планеты, одним из которых является Новая Зеландия. В статусе путешественника очень немногие россияне побывали в этой стране в колониальный период её истории. Потому столь важны в настоящее время все детали их поездок. Возвращаясь обратно в Россию, эти люди сыграли большую роль в просвещении и способствовали формированию собственного, российского представления о Новой Зеландии, очень удалённой от остального мира.

---

* РУДНИКОВА Елена Викторовна — канд. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: elena.rudnikova@mail.ru.

24 мая 1907 г.* в новозеландской газете «Окленд Стар» сообщалось о прибытии в столицу — г. Веллингтон — трёх подданных Российской империи. Это были «жители Москвы» «Mons. A. Efimoff, Madame A. Corsini and Miss N. Rondakoff», совершающие путешествие по миру. Не считая упоминания о них в списках пассажиров двух судов (прибытие и выезд), эта краткая газетная заметка является единственным свидетельством их новозеландского путешествия. Сюда они прибыли через Тасманию из Австралии. В Сидней русские прибыли 22 апреля на пароходе «Guthrie», следовавшем туда из Сингапура через яванские порты [13]. Проведя не менее трёх недель в Австралии, А.А. Корсини со спутниками выехала в Новую Зеландию.

Путешествие началось в порту г. Блаффа, откуда они выехали на осмотр новозеландских фьордов, а потом посетили города Данидин и Крайстчерч. Через неделю русские пересекли пролив Кука между Южным и Северным островами и прибыли в г. Веллингтон. Оттуда они выехали на осмотр золотых рудников, увидели лес с огромными соснами каури, побывали на кипящих озёрах в Роторуа, а затем по р. Вангануи добрались до местности Вакареварева, знаменитой своими террасами вулканического происхождения. На осмотр Северного острова у россиян ушло чуть более двух недель. Далее А.А. Корсини намеревалась отправиться в Канаду (в г. Ванкувер) через Гавайские острова и о. Фиджи, а потом вернуться обратно в Европу [12; 14]. 12 июня 1907 г. она и её спутники выехали из Новой Зеландии [14]. Таким образом, пребывание русских этой стране продлилось менее месяца, за который они объехали значительную часть территории британского доминиона.

Организатором и инициатором этого путешествия была Александра Александровна Корсини (1864 — после 1928). Сохранились сведения только о том, что она была учителем географии и вела уроки в московских гимназиях. О сопровождающих её лицах известно ещё меньше. В этой и во многих других поездках по миру А.А. Корсини сопровождал её личный фотограф Алекс Ефимов. После путешествий она читала в России платные публичные лекции, сопровождающиеся показом диапозитивов, делал которые, скорее всего, именно А. Ефимов, хотя ни в одном из анонсов своих лекций А.А. Корсини не упоминает его имя. Третьим участником группы была Наталья Рудакова (или Рондакова) — уроженка Москвы из старинной купеческой семьи. В некоторых источниках говорится об их близком знакомстве и даже дружбе.

---

* Дореволюционные даты даны по старому стилю.

Сообщается, что до революции они совместно владели домом в Крыму, имеющим название «Омега». Н. Рудакова в источниках описывается как «московская домовладелица» [9].

В конце октября 1907 г. А.А. Корсини уже была в Москве [РГАЛИ. Ф. 2324. Оп. 1. Ед. хр. 75. 1 л. — Письмо [Корсини А.А.] Левшиной А.А. от 20 октября 1907 г.]. Вероятно, в 1908—1909 гг. она побывала и в Южной Америке. В 1909 г. путешественница уже стала московской знаменитостью и начала читать по всей стране лекции о своих путешествиях. Например, в ноябре 1910 г. в одной из аудиторий московского Исторического музея А.А. Корсини прочитала три лекции. Одна из них состоялась 30 ноября и была посвящена новым британским владениям в южных морях. В анонсе лекции «Современная Новая Зеландия» кратко характеризовалось её содержание: «Начало колонизации Новой Зеландии и первые европейские селтльменты. Жестокость первых европейских культуртрегеров. Официальное присоединение Н. Зеландии к Англии в 1840 году. Первые вооружённые столкновения с маори и кровавое восстание последних. Маорийский вождь Гонги и его поездка в Англию. Первый новозеландский губернатор и его влияние на маори. Конституция и парламент. Организация провинциальных советов. Замечательная общественная деятельница Мария Мюллер и борьба за женское равноправие в Н. Зеландии. Установление избирательного права женщин. Рост колонизации в Н. Зеландии и развитие мелкого фермерства. Н. Зеландское правительство и его функции. Тип современного новозеландского колониста.

Переезд из Тасмании в Н. Зеландию по бурной части океана. Приезд в г. Блафф, первые впечатления и первые встречи. На холодных озёрах Южного острова и среди новозеландских альп. Среди новозеландских фьордов. Новозеландские реки и ловля форели. Город Данидин, в гостях у новозеландцев. Город Крайстчерч и его музей скелетов ископаемой птицы моа. В столице Новой Зеландии — г. Веллингтон. Поездка в г. Вангануи и знакомство с новозеландским обществом во время скачек. Плавание по живописной реке Вангануи. Роторуа и легенда об озере того же имени. В Вакаревареве — области новозеландских гейзеров. Белла и Магги — маорийские женщины-проводницы. Маорийская легенда о Луне. Маорийская легенда о могуществе лесных духов. Вайраки — область цветных фигурных гейзеров. Леса каури. Посещение золотых рудников Ваи. На страусовой ферме. Заключение» [РГАЛИ. Ф. 1968 (Шурыгин А.А.). Оп. 1. Ед. хр. 29 (Афиша и краткий проспект о лекциях Корсини А.А. «Мексика», «Среди латинских американцев», «Современная Новая Зеландия». 17 ноября 1910 г. — 30 ноября 1910 г. 3 л.]

На всех лекциях А.А. Корсини использовала фотослайды, сделанные в точках её пребывания. Отмечали, что почти на всех фотографиях присутствовала она сама. Чёрно-белые оригиналы раскрашивались вручную и в таком виде с помощью «волшебного фонаря» демонстрировались в качестве «цветных» иллюстраций. Их ещё называли «туманными картинками», вероятно, по причине отсутствия большой резкости изображения. Необходимо особо подчеркнуть ценность фотоархива А.А. Корсини. Известно, что до её визита в Новую Зеландию любительские фотографии там делали только два россиянина: прибывший сюда на корвете «Рында» в 1888 г. цесаревич Александр Михайлович Романов и секретарь российского посольства в Берлине А.Г. Пагенкомф в 1899 г., посетивший страну как турист в период своего отпуска. В отличие от них, А.А. Корсини и её спутники увидели в Новой Зеландии не только гораздо больше городов и достопримечательностей (цесаревич и российский дипломат побывали лишь на Северном острове страны), но и сделали очень много фотографий. Например, только на одной из лекций в 1910 г. путешественница показала 150 (!) «цветных световых картин» — так тогда называли раскрашенные чёрно-белые фотографии.

Весь фотоархив А.А. Корсини может быть весьма обширен. Например, более 200 снимков она показала на одной из своих многочисленных лекций об Индии (г. Саратов, 1914 г.) [6]; столько же диапозитивов на лекции по теме «Канада и русские духоборы» она прокомментировала в Киеве в 1914 г. [5]; около 200 «цветных световых картин» она демонстрировала на лекции, посвящённой Аляске (г. Москва, 1916 г.) [2] и т.д. [1; 7; 8; 11]. К сожалению, судьба как всего архива А.А. Корсини, так и его «новозеландской» части до сих пор остаётся не ясной. Последняя информация о её публичных выступлениях в России (с 1922 г. — СССР) появлялась в 1928 г. В апреле этого года она прочитала лекцию в Минске, площадкой для выступления стал Клуб рабочих и трудящихся им. Карла Маркса. Рассказ, как и прежде, сопровождался демонстрацией цветных диапозитивов. Темой лекции были Египет, Греция, Индия. В заметке упоминается возраст А.А. Корсини на момент выступления — ей было тогда 64 года [4]. Затем следы русской путешественницы теряются.

В своих поездках А.А. Корсини приобретала предметы культуры различных стран. В поездке по Новой Зеландии она проявляла большой интерес к маори; некоторые её новозеландские приобретения хранятся в настоящее время в запасниках Музея антропологии МГУ. Однако даритель или источник поступлений этих предметов не известен [3]. Научный уровень лекций путешественницы с позиции современности оценить трудно. Они предназначались для самого широкого

круга слушателей, хотя их с удовольствием посещали и некоторые учёные мужи. О большом интересе к её лекциям говорят факты предоставления А.А. Корсини больших аудиторий в московских Историческом и Политехническом музеях.

Перед показом «световых картин» она всегда делала экскурс в географию, экономику, историю и культуру посещённых ею стран. Лекции имели большое просветительское значение для российского общества, возбуждая у её современников интерес к другим странам. «Чтения А.А. Корсини — не сухие компиляции, составленные по «источникам» и «печатным материалам», всегда более или менее устаревшим, — основой этих чтений являются личное изучение данной страны и личные непосредственные и живые впечатления самой путешественницы, — писал один из них в 1910 г. — ...Нам так необходимы новые горизонты и новые дали, созерцание которых доставляло бы нам возможность хоть ненадолго уйти от сумерек нашей жизни и перенестись в другие страны, чтобы видеть другое солнце — более яркое, чтобы видеть другое небо — более ясное, другую природу — более пышную и богатую красками, другие формы общественной жизни» [7, с. 193—194].

Особым успехом пользовались рассказы А.А. Корсини об Индии. Например, после её выступления в Саратове 8 января 1914 г. в прессе появился следующий отклик: «8 января. В коммерческом клубе путешественницей А.А. Корсини была прочитана лекция для детей на тему «Индия, страна чудес», собравшая полный зал учащейся молодёжи. Лекция представляла собой описание собственного путешествия рассказчицы по «стране чудес» с её экзотической природой, роскошной растительностью, палящим солнцем и дикими зверьями. Корсини показала, как своеобразно природные условия нашли отражение в физических и духовных свойствах обитателей страны, в их нравах и обычаях, рассказала о “разных факирах, заклинателях змей и других странных людях”...» [6]. Именно лекции об Индии привели к знакомству А.А. Корсини с Л.Н. Толстым в конце февраля 1909 г. Позднее путешественница состояла в краткой переписке с ним. Великий писатель, прослушав две её лекции (28 февраля и 2 марта) в Ясной Поляне, сказал: «Очень интересный, в высокой степени интересный народ. Как бы эта лекция была хороша, если бы только её привести в порядок: подобрать этот материал как следует и приложить к нему текст». Уехав, в письме от 22 марта 1909 г. А.А. Корсини сообщала из Москвы Л.Н. Толстому, что решила издать свои лекции с иллюстрациями и просила его сделать отзыв о её «чтении и картинах». «Любезная Александра Александровна, — отвечал ей Л.Н. Толстой 28 марта 1909 г., — очень рад высказать моё мнение о вашей деятельности.

Очень благодарен был вам за то, что вы приехали к нам и потрудились показать и прочесть кое-что из того большого материала, который есть у вас. Вы знаете моё мнение о важности и пользе для рабочего народа, не имеющего возможности узнавать это из книг, узнавать про жизнь, нравы и в особенности религиозные верования других народов. Когда же эти сведения передаются в таких прекрасных образах волшебного фонаря, как вы это делаете, и с теми интересными объяснениями, которыми вы их сопровождаете, то сведения эти легко усваиваются и хорошо запоминаются, и потому вполне сочувствую вашей деятельности и желаю ей наибольшего распространения и доступности среди народа» [10].

Для российского общества того времени А.А. Корсини являлась довольно редким типом женщины, в зрелом возрасте посвятившей себя путешествиям по миру и популяризации историко-географических знаний у себя на родине. В Новую Зеландию, например, она въехала в возрасте 43 лет. Её фамилия свидетельствует о принадлежности к древнему знатному роду флорентийского происхождения. Но в случае с российской путешественницей — исходя из сохранившихся автобиографий известных членов этого рода, проживавших в Российской империи, — это не подтверждается. После революции 1917 г. она в эмиграцию не выезжала. Судя по тому, что она продолжала читать лекции уже для советских рабочих в 1920-х гг., новая власть относилась к ней вполне лояльно.

Учитывая высокий уровень образования А.А. Корсини и весьма затратную географию её путешествий, следует признать, что она была довольно обеспеченной дамой. «Говоря с детства на 5 языках, знание которых возросло впоследствии до 8, г-жа Корсини прежде всего исколесила вдоль и поперёк и изучила всю Европу, особенно же обстоятельно — Италию и Грецию. В последующие годы своей жизни неутомимая путешественница пообъездила Турцию, Сирию, Палестину, Галилею, Египет, Нубию, Марокко, Индию, Бирму, Цейлон, Сиам, Яву, Малайский полуостров, Китай, Японию, Австралию, Новую Гвинею, Тасманию, некоторые острова Полинезии и Меланезии, Сандвичевы острова, Маньчжурию, Закаспийский край, Канаду, Калифорнию, Аризону, Йеллостоунский парк, Колорадо, страну мормонов, Сев. и Южн. Каролину (страна дяди Тома), Мексику, Кубу, Антильские острова и т.д.», — писали о ней в 1910 году. — ...Тем не менее, неутомимая путешественница не думает прекращать своих путешествий и в непродолжительном времени собирается посетить Ю. Америку, ознакомиться с р. Амазонкой, совершить перевал через цепь

Анд, осмотреть остатки древней культуры инков и изучить быт и нравы туземных племён Уругвая, Патагонии и Огненной земли» [7, с. 193].

Иногда в литературе упоминается о том, что А.А. Корсини по совету Л.Н. Толстого издала в дореволюционный период книгу о своих впечатлениях от путешествий по миру, снабдив её иллюстрациями. Однако к настоящему времени ни это издание, ни другие напечатанные где-либо её сочинения обнаружить не удалось. Скорее всего, эту свою идею она так и не смогла осуществить. Что этому помешало — социальные потрясения в России или неспособность путешественницы к систематизации собственного материала — пока неизвестно...

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Анонс лекции А.А. Корсини // Речь. 1914. 26 янв. № 25. С. 1.
2. Анонс лекции А.А. Корсини в Москве на 14 февраля 1916 г. // Русские ведомости. 1916. 14 фев. (перепечатка). URL: <http://poisknews2.runnet.ru/news/locomotive/17803/> (дата обращения: 01.11.2019).
3. Говор Е.В., Новикова Н.И. Этнографические коллекции из Австралии и Океании в фондах НИИ и Музея антропологии МГУ // Вопросы антропологии. 1983. Вып. 83. С. 104—114.
4. Зеленков В. Пешком вокруг света. URL: <https://news.tut.by/society/634580.html> (дата обращения: 22.04.2019).
5. Отчёт о лекции А.А. Корсини в Киеве // Вегетарианское обозрение. 1914. 20 фев. (перепечатка). URL: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/veg-viewing1914/content.htm> (дата обращения: 01.11.2019).
6. Отчёт о лекции А.А. Корсини в Саратове, состоявшейся 8 января 1914 г. URL: <https://fn-volga.ru/newspaperArticle/view/id/1769> (дата обращения: 01.11.2019).
7. Попов В.А. Русская путешественница А.А. Корсини // Вокруг света. Москва, 1910. № 11. С. 193—194.
8. Псковитинов Е. Шопен на Майорке // Против течения, 1912. 27 окт. № 2. С. 6.
9. Рашковский А. Загадки судьбы узника дома Булычевых. К биографии учёного и анархиста Евгения Карловича Тегера. URL: <http://blogs.7iskusstv.com/?p=55019> (дата обращения: 01.11.2019).
10. Толстой Л.Н. — Корсини А.А. Письмо от 28 марта 1909 г. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1909-yanvar-iyun/letter-142.htm> (дата обращения: 10.09.2018).
11. Утро (полит., обществ., литер. и экономич. газета). Харьков, 1912. 21 нояб. С. 2.
12. The Auckland Star newspaper. Auckland, New Zealand, 1907. May 24. P. 2.
13. Shipping. Passengers by the Guthrie // Evening News. Sydney, N.S.W.: 1896—1931. 1907. April 12. P. 6.
14. Shipping. Passengers by the Moana // The Sydney Morning Herald newspaper. Sydney, N.S.W.: 1842—1954. 1907. June 10. P. 8.
15. РГАЛИ (Рос. гос. арх. литературы и искусства).

УДК 394

А. П. САМАР*

ДЕРЕВООБРАБАТЫВАЮЩИЕ ИНСТРУМЕНТЫ УЙЛЬТА САХАЛИНА ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДОЛБЛЁНЫХ ЛОДОК

В статье рассматриваются деревообрабатывающие инструменты уйльта Сахалина: тесло и нож эвенкийского типа в контексте их использования в строительстве долблёной лодки. Технологические и конструктивные особенности, развившиеся в процессе эволюции инструментов, складывались непосредственно в процессе судостроения. Инструменты имеют древнее происхождение и были созданы исключительно для изготовления долблённых лодок.

Ключевые слова: уйльта, тесло, коленчатый топор, эвенкийский нож, эволюция, происхождение, долблёная лодка, миграции.

A. P. SAMAR

WOODWORKING TOOLS OF SAKHALIN UILTA FOR THE PRODUCTION OF DUNGOUT BOATS

In the article woodworking tools of the uilta of Sakhalin are considered: teslo and a knife of the Evenki type in the context of their use in construction of the Dungout boat. The technological and design features which developed in the course of evolution of tools occurred directly in the course of shipbuilding. Tools have ancient origin and were created only for production the Dungout of boats.

Keywords: uilta, dough, knee axe, evenki knife, evolution, origin, dungout boat, migrations.

Обширные бассейны рек в амуро-сахалинском регионе способствовали развитию специфических региональных особенностей строительства речных лодок. Сезонные миграции к местам промыслов, необходимость транспортирования грузов и перевозки людей придали мощный импульс развитию водных средств передвижения. У уйльта таким видом транспорта являлись долблёнки *угда* остроконечного

---

* САМАР Андрей Петрович — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: samar_a2004@mail.ru.

типа, позволявшие максимально безопасно перемещаться по руслу рек и пересекать озёра. Конструктивно такие лодки были достаточно сложными, поэтому для их изготовления требовались специальные инструменты [1, с. 115, 117].

С древнейших времён уйльта используют древесину для хозяйственных и промысловых нужд. Для продуктивной работы многими поколениями создавался целый комплекс орудий труда, максимально приспособленных к условиям и технологическим свойствам древесины. Важнейшей задачей являлось изготовление транспортных средств и домашней утвари, поэтому появилась необходимость в специализированных деревообрабатывающих инструментах.

Для изготовления долблёнки *угда* (уйльта), *утунгу* (нан.) [1, с. 113; 7, с. 147] использовались специализированные деревообрабатывающие инструменты, мы рассмотрим самые основные: коленчатый топор (тесло) *упа* (*упага*, *упаха*) [7, с. 280] и промысловый нож эвенкийского типа *кути*, *кучэ(н)* [6, с. 441]. В качестве примеров были взяты образцы этих инструментов из коллекции МАЭ.

Коленчатый топор (тесло). Тесло уйльта из коллекции МАЭ (инв. № МАЭ 138-39 57) представляет собой кованый металлический брусок в виде плоской стамески с массивной утяжелённой частью у режущей кромки. Коленчатая рукоять из толстого древесного сучка с небольшим фрагментом ствола служила основанием для посадочного места тесла, где металлическая часть крепилась сыромятным ремнём (рис. 1). Тяжёлое кованое «тело» топора предназначено для лёгкого вхождения в древесину, вогнутые технологические линии фаски максимально приспособлены для обработки древесины, что позволяло достигать высокой производительности в изготовлении лодок (рис. 2).

Рис. 1. Коленчатый топор (тесло) *упа*, уйльта (МАЭ, инв. № 138-39 57)

Рис. 2. Коленчатый топор (тесло) *упа*, уйльта, фрагмент (МАЭ, инв. № 138-39 57)

Такой вид специального инструмента, предположительно, возник ещё в далёком прошлом. Существует несколько версий его происхождения. Первая связывает коленчатый топор с первым орудием труда в истории — «палкой-копалкой». В основе её конструкции лежит ствол дерева с сучком. В результате дальнейшего развития такая «креативная геометрия» стала основополагающей для развития и применения в разных сферах и вариантах: палка-копалка — мотыга — коленчатый топор (тесло) и др.

Впрочем, не исключается и вариант возникновения этой разновидности инструмента в результате имитации анатомии птиц. Возможно, коленчатую конструкцию топора предки современных тунгусоязычных народов изобрели, наблюдая за работой дятла, долбящего дупло. Анатомические особенности клюва и долотообразный контур птицы, вполне могли стать прототипом рассматриваемого инструмента [8, с. 337]. Косвенным свидетельством такого происхождения коленчатого топора могут являться лингвистические данные: у эвенков, монголов и якутов название долблёной лодки *онггочо* этимологически связано с термином «долбить» [5, с. 130].

Следует отметить, что именно с изобретением тесла человек смог расширить географию миграций, так как этот инструмент позволил

изготавливать безопасные лодки, на которых люди отправлялись в достаточно далёкие путешествия.

Промысловый нож эвенкийского типа. Орокский промысловый нож эвенкийского типа из коллекции МАЭ (инв. № МАЭ_1156-36 а_б) снабжён узким глубоким долом, со стороны дола поверхность клинка плоская, обратная часть имеет слегка выступающую линзу. Обух клинка у основания толстый, к кончику ножа сходит на нет. Геометрия ножа больше напоминает клин, заточенный с одной стороны. Все эти качества вместе придают этому инструменту максимальную функциональность (рис. 3).

Как уже было указано, характерной особенностью конструкции эвенкийского ножа является наличие дола, который служит ребром жёсткости. Такая конструкция была необходима для работы в сложных условиях промысла, когда низкие температуры и механические нагрузки на клинок могли привести к его поломке или утрате. Присутствие дола позволяло избегать таких проблем, способствовало долговечности инструмента и лучшему его функциональному использованию. Обычно на эвенкийском ноже дол выглядит как глубокая канавка по всей длине клинка, с обратной стороны лезвия имеется вогнутая линзообразная поверхность, однако в других культурах дол может иметь и более плоскую поверхность. Технологические характеристики такого ножа максимально приспособлены для обработки материалов животного и растительного происхождения, в частности древесины: им удобно её строгать, сверлить, колоть и рубить. Это позволяло эффективно использовать эвенкийский нож при строительстве лодок — детализовке частей её конструкции, углублений и отверстий.

Рис. 3. Нож *кути* эвенкийского типа, уйльта (МАЭ, инв. № 1156-36 а_б)

Предметы из коллекции деревообрабатывающих орудий труда уйльта МАЭ рассматриваются нами в контексте использования их в строительстве долблёных лодок. Долблёнка амурского типа распространена в Амуро-Сахалинской историко-этнографической области (ИЭО). Технологии и способы её строительства имеют одни принципы у всех народов региона. У удэгейцев за такую работу принимались опытные мастера. Нужную полость выдалбливали с помощью втульчатого топора с коленчатой рукоятью *хэмэнку* и специального тесла с вогнутым остриём *досинку* [8, с. 38]. Особенности геометрии рукояти позволяли под нужным углом выбирать материал из лодки.

Нож *кути* эвенкийского типа из уйльтинской коллекции представляет собой образец технологических достижений того времени. Многовековое функционирование в суровых климатических условиях оттачивало его универсальные функции, вместе с тем позволило собрать весь комплекс технологических достижений того времени. Все последующие трансформации формы и геометрии клинка имеют один исходный прототип — эвенкийский.

Эволюция коленчатого топора происходила вместе с развивающимся водным транспортом. С процессом совершенствования конструкции инструмента улучшалась и качество обрабатываемых поверхностей, и вместе с ним — судоходные качества лодок. Улучшение режущих свойств инструмента происходило во время работы с реальным материалом, поэтому изменения в геометрии тесла могли происходить за одно поколение. С другой стороны, коленчатая рукоять как главная конструктивная особенность тесла оставалась без принципиальных изменений с эпохи неолита, со временем менялись лишь очертания формы тесла и сырьё для его изготовления. Вначале использовался древний каменный топор, затем ему на смену пришли изделия из железа. Появление металла внесло новые способы фиксации тесла в рукояти, появился выбор по втульчатому и накладному принципу крепления.

Таким образом, эволюция долблёной лодки и развитие инструментов, сопутствующих её строительству, происходили в тесном взаимодействии на протяжении всей истории. Так, технологические изменения в форме и весе тесла происходили непосредственно в процессе изготовления лодки, менялись насадки и материал топора, но при этом конструкция коленчатой рукояти топора оставалась без изменений. Конструктивные характеристики ножа эвенкийского типа позволяли использовать инструмент в самых различных вариантах: выстругивать им распорки в лодке, прорезать отверстия под них, изготавливать вёсла и шесты и т.д.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антропова В.В. Лодки // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 107—130.
2. Мыльникова-Форштейн К.М. История развития тунгусо-маньчжурской лодки по данным языка // Памяти В.Г. Богораза (1865—1936): сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 325—348.
3. Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура. Владивосток. Магаданская областная типография. 1973. 312 с.
4. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 14. Владивосток: Дальнаука, 2011. 154 с.
5. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. 246 с.
6. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.
7. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
8. Samar A.P. Utungie, Dugout Canoe of Udehe // The Proceeding of the 32nd International Abashiri Simposium. Abashiri, 2018. P. 33—40.

УДК 94(470)

О.Н. СЕНЮТКИНА, В.С. ХРИСТОФОРОВ*

**ДОКУМЕНТЫ ГПУ-ОГПУ О ВНЕШНЕМ ВОЗДЕЙСТВИИ
ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ НА ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В 1920-е гг.**

В статье выявляются те элементы информации о текущем состоянии дел на Дальнем Востоке, которые были заложены в аналитику сотрудников ГПУ-ОГПУ в 1920-е гг. Упор делается на позицию ведущих западных держав по выработке стратегии в отношении Дальневосточного региона. Для материалов ГПУ-ОГПУ была характерна компаративистика указанных западных позиций и японских стратегических планов.

---

* СЕНЮТКИНА Ольга Николаевна — д-р ист. наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород. E-mail: senutkina@mail.ru.

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович — чл.-корр. РАН, д-р юрид. наук, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва. E-mail: xvсарhiv@rambler.ru.

Сотрудники советских спецслужб пришли к выводу о разных методах претворения в жизнь интересов, присущих элитам империалистического Запада и Востока (в лице Японии).

Ключевые слова: Дальний Восток, давление на Дальневосточный регион, ГПУ, ОГПУ, Великобритания, США, Франция, Япония.

O.N. SENYUTKINA, V.S. KHRISTOFOROV

DOCUMENTS OF THE GPU-OGPU ON THE EXTERNAL IMPACT OF FOREIGN STATES ON THE INTERNAL AFFAIRS OF THE FAR EAST REGION IN THE 1920s

The article identifies those elements of information about the current state of affairs in the Far East, which were laid into the analysis of the GPU-OGPU employees in the 1920s. The emphasis is made on the position of the leading Western powers in developing a strategy for the Far East region. The materials of the GPU-OGPU were characterized by comparative studies of the indicated Western positions and Japanese strategic plans. Employees of the Soviet special services came to the conclusion about different methods of realizing the interests inherent in the elites of the imperialist West, as well as of East represented by Japan.

Keywords: Far East, pressure on the Far East region, GPU, OGPU, Great Britain, USA, France, Japan.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ К НАЧАЛУ 1920-х гг.

На российском Дальнем Востоке советская власть была провозглашена в декабре 1917 г. благодаря победе большевистской фракции на III Дальневосточном краевом съезде Советов. Начали действовать декреты рабоче-крестьянского правительства. Съезд объявил местные советы правомочными органами центральной власти и избрал Дальневосточный краевой комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений. Председателем краевого комитета стал А.М. Краснощёков. В мае 1918 г. орган был переименован в Дальневосточный совет народных комиссаров (Дальсовнарком) [2, с. 50].

В начавшейся в августе 1918 г. интервенции объединённых сил главную роль играли Япония и США. В феврале 1920 г. порт Владивосток покинула первая партия войск Чехословацкого корпуса, защита которого формально являлась основной целью интервенции шести государств (Японии, США, Великобритании, Франции, Италии и Китая).

1 апреля 1920 г. город покинули американские войска как закончившие миссию по оказанию помощи Чехословацкому корпусу. К августу за ними последовали войска всех остальных стран, за исключением Японии [7, с. 321].

Советские спецслужбы, входившие в состав Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР, с ноября 1923 г. — Объединённого государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР, тщательно отслеживали ситуацию на Дальнем Востоке, выявляя намерения ведущих держав мира после ухода западных оккупантов из региона. Основные потоки информации сосредотачивались в Восточном (контрразведывательная работа на восточных окраинах РСФСР-СССР), Иностранном (разведка) и Информационном* отделах ГПУ-ОГПУ.

ПЛАНЫ ЯПОНИИ И ФРАНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Особое внимание сотрудников советских спецслужб привлекали документы, связанные с планами совместных действий Франции и Японии. Начальник Восточного отдела ГПУ Я.Х. Петерс** писал в своей аналитической записке от 12 июля 1922 г. следующее: «На основании документов, посланных нами, установлено, что между Францией и Японией состоялось соглашение, на основании которого принят предварительный проект реформ, подлежащих введению на территории Дальневосточной Республики. Содержание этого проекта сводится к тому, что области Забайкальская, Амурская, Приморская с Охотским краем и Камчаткой сливаются в одну область и должны быть управляемы генерал-губернатором, в распоряжении которого имеются военные силы и жандармерия, формируемые из местных частей и из частей, эвакуированных из Европы. Эти военные силы имеют двойное

* В ежемесячных обзорах и спецполитсводках, готовившихся в Информационном отделе ГПУ-ОГПУ, сведения по Дальнему Востоку, как правило, выделялись в отдельный раздел.

** Петерс Яков (Якоб) Христофорович (1886—1938) — уроженец Бринкенской волости Курляндской губернии. Участвовал в революции 1905—1907 гг., затем эмигрировал в Англию. В 1917 г. — член Временного революционного комитета Петроградского совета. Член Коллегии ВЧК (1917—1929). Секретарь ВЧК (с декабря 1917 по июнь 1918), член Президиума ВЧК (с декабря 1920). И.о. председателя ВЧК (с 9 июля по 22 августа 1918). Начальник Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (1922—1929). Арестован 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осуждён 25 апреля 1938 г. к ВМН. Расстрелян. Определением ВК ВС СССР от 3 марта 1956 г. реабилитирован.

подчинение, с одной стороны — губернатору, а с другой — японскому военному командованию. При генерал-губернаторе имеется совет совещательного характера. Совет состоит из начальников отдельных административных частей и духовенства. Главная роль представляется так называемым техническим советникам, назначенным императорским японским правительством. При каждом губернаторе должен находиться в течение пяти лет японский советник с широкими полномочиями». По сведениям Восточного отдела ГПУ, этот проект был детально разработан «министром иностранных дел Японии виконтом Уцида* и французским генералом Жоффром**». Я.Х. Петерс также подчёркивал: «боясь вмешательства Америки, которая уже давно имеет виды на Дальний Восток, японское министерство иностранных дел отправило в Вашингтон заверения, что этот проект вызван исключительно целями, предусматривающими умиротворение Русского Дальнего Востока» [ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 66].

Интерес правящих кругов Франции к советскому Дальнему Востоку можно, помимо прочего, объяснить тем, что Франция поддерживала Чехословацкий корпус и хотела возместить в дальнейшем понесённые ею расходы. Т. Масарик***, по словам генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, одного из лидеров Белого движения, называл Чехословацкий корпус «автономной армией, но в то же время и составной частью французской армии», поскольку они «зависели в денежном отношении от Франции и от Антанты» [3, с. 137].

На эти планы Франции и Японии обращает внимание отечественная историография. Е. Фролова пишет: «Делегация ДВР, прибыв в США, провела бурную печатную кампанию, опубликовав ряд секретных материалов. Группа документов содержала секретную переписку между японскими и французскими министерствами иностранных дел относительно соглашения о совместной политике обеих держав в Азии, о поддержке Францией японских оккупационных планов в Сибири, о совместных действиях по вытеснению влияния США в Азии и согласованном выступлении японской и французской делегаций на Вашингтонской конференции. Более месяца американская общественность на страницах газет Вашингтона, Нью-Йорка и других городов США бурно

* Утида Ясуя — министр иностранных дел Японии (1918—1923).

** Жозеф Жак Сезер Жоффр (1852—1931) — французский генерал, маршал Франции, главнокомандующий французской армией во время Первой мировой войны. После её окончания выступал за военную интервенцию против Советской России.

*** Томаш Масарик (1850—1937) — будущий первый президент независимой Чехословакии, социолог и философ.

обсуждала документы о франко-японском сближении и планах Японии на Дальнем Востоке, причём подлинность документов не подвергалась сомнению в американской печати» [7, с. 124].

Понятно, что у японцев имелись чёткие планы оккупировать советский Дальний Восток при благоприятных обстоятельствах. Позднее, в 1941 г., как следует из материалов развединформации Харбинской резидентуры НКГБ СССР, станет известно об антисоветских планах вторжения Квантунской армии на бывшие территории Дальневосточной республики (ДВР) и создания в их рамках буферного государства по образу Маньчжоу-Го во главе с атаманом Г.М. Семёновым [5, с. 42].

Что касается позиции Китая в отношении советского государства, то она в начале 1920-х гг. была явно осторожной, и только в 1924 г. состоялось подписание первого советско-китайского договора («Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой»). Причина этого крылась в непризнании суверенитета буферного государства ДВР. МИД Китая в ответ на запрос миссии, во главе которой стоял будущий министр иностранных дел ДВР И.Л. Юрин, в июне 1920 г. сообщал, что признанию ДВР мешает влияние и вмешательство иностранных держав [1, с. 336—345].

В документах советских спецслужб давалась оценка отношений США и Японии: «Резкая агрессивность Японии на азиатском материке сдерживается Америкой, политика которой приобретает совершенно противоположные мягкие, но уверенные формы, располагающие к себе местные группировки. Будучи ещё в более скрытой потенциальной форме, политика Америки выражается главным образом в мероприятиях, так или иначе направленных против Японии. Эта линия находит своё выражение в Китае усилением американского влияния через фактического покровителя Центрального Китая — генерала У-Пей-Фу*, что уже значительно парализует Японию. Увеличение американского флота, его демонстративное крейсерование в Тихом океане, переговоры о концессиях с Советской Россией и, наконец, деятельность так называемого междусоюзного технического Комитета в полосе КВЖД, созданного по инициативе и под руководством Америки, — всё это мешало и препятствовало широкому размаху японцев. Американские представители Комитета во главе с инженером Стивенсом** являются противниками японцев, и последние с чрезвычайной осторожностью

* У Пэйфу (1878—1939) — военный правитель Центрального Китая, глава так называемой чжилейской клики северных милитаристов. Во внешней политике ориентировался на Великобританию.

** Джон Фрэнк Стивенс (1853—1943) — американский инженер, председатель Межсоюзнического комитета по управлению Сибирскими дорогами и КВЖД.

относятся к каждому американцу на Дальнем Востоке. Японское военное министерство давало предписание штабу Экспедиционных войск в Приморье усилить наблюдение за всеми американскими правительственными и торговыми представительствами и отдельными лицами» [ЦА ФСБ России. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 154—160].

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ОПОРА ВЕДУЩИХ ДЕРЖАВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЛИЯНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Дальневосточный регион, несмотря на то, что тысячи белоэмигрантов после Гражданской войны отбыли в Маньчжурию*, оставался местом нахождения не принявших советскую власть людей России. На это делали ставку враждебно настроенные к РСФСР-СССР государства. Поэтому вполне закономерной была деятельность ГПУ-ОГПУ по добыванию информации о поддержке контрреволюционных движений, продолжавших существовать в Дальневосточном регионе.

По данным, поступавшим в Информационный отдел ГПУ-ОГПУ, Япония и Америка поставляли оружие и боеприпасы повстанческим отрядам на территории Дальнего Востока и Сибири, ведущим борьбу против советской власти [4, с. 186].

Спецслужбы справедливо отмечали, что «ДВР как буферное образование даёт возможность концентрированию там антисоветских элементов, которые питаются интервенцией и тем самым имеют поддержку иностранных государств, главным образом Японии и Франции, создают контрреволюционные организации и группировки. Так, во Владивостоке создан Демократический Союз Дальнего Востока, в состав которого вошли торгово-промышленные круги, кадеты, эсеры, меньшевики, с этим Советом связана крупная Дальневосточная белогвардейская организация „Защита Родины“, комитет которой находится в Харбине. В Харбине же существует другая организация „Возрождение России“» [ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 62].

И ещё: «В ДВР существует более широкая, чем в Советской России, возможность создания обширных и глубоких сетей японского шпионажа, руководимого из Владивостока японским военным командованием

---

* Маньчжурия постоянно находилась в фокусе внимания Иностранного (разведывательного) отдела ГПУ-ОГПУ, так как из числа беженцев, находившихся на её территории, формировались отряды и регулярно направлялись на советский Дальний Восток для ведения вооружённой борьбы.

и консульским корпусом, который осуществляет свои задания через представительство Миссии и торгово-промышленную палату, а также частью и через учреждения ДВР, имея в последних своих агентах бывших офицеров семёновско-каппелевских банд» [ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 59].

По данным ГПУ-ОГПУ, международная контрразведка имела своих агентов во всех слоях общества. Они укрывались среди китайских служащих на КВЖД, среди служащих иностранных посольств, журналистов и коммерсантов. В поле внимания спецслужб находились, согласно имеющимся в архиве специальным обзорам информации, меньшевики, эсеры, национальные сибирские организации, белогвардейцы и др. [ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 60—62].

Великобритания покровительствовала, по данным ГПУ, Вербовочному комитету, задачей «которого была переброска офицеров на Дальний Восток с контрреволюционными целями». «Есть основания полагать, — сообщали в Центр аналитики, — что этот комитет пользуется покровительством английского консула» [ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 66].

Для того чтобы утвердить долгосрочную перспективу влияния на Дальний Восток, США, Германия и Китай через агентов предлагали молодым людям пройти курсы обучения в своих образовательных учреждениях, расположенных на их территориях. Сотрудники ОГПУ отмечали: «На Дальнем Востоке (заметно. — *О.С., В.Х.*) стремление привлечь молодёжь учиться вне пределов СССР (Америка, Китай, Германия), которая затем вернётся и будет информировать эти страны о положении дел в Советских республиках» [ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 689. Л. 75]. (Этот приём впоследствии используют в переломные 1990-е гг. мусульмане — сотрудники спецслужб зарубежных государств, активно предлагавшие российским единоверцам обучаться в Саудовской Аравии, Египте, Турции, чтобы по возвращении на родину те стали проводниками интересов этих стран, а не России).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на окончание боевых действий в ходе Гражданской войны и интервенции, в 1920-х гг. не прекращались попытки ведущих держав Запада и Востока (в лице Японии) оказывать давление на советский Дальний Восток. Аналитики ГПУ-ОГПУ держали эти попытки под постоянным контролем, создавая основу для принятия решений руководящим структурам РСФСР-СССР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Мировицкая Р.А. Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. С. 336—345.
2. Попенко А. Борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России в первые годы советской власти и в период ДВР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С. 50—59.
3. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири: чешское предательство. Берлин: тип. Глобус, 1930. 142 с.
4. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). М.: ИРИ РАН, 2001. Т. 1. Ч. 1. 490 с.
5. Суходолов А.П., Лебедева А.В. ДВР и Маньчжоу-Го: исторические параллели // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 40—53.
6. Фролова Е. Деятельность русских представителей в период работы Вашингтонской конференции (1921—1922 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 123—131.
7. Фудзимото Вакио. Начало японо-советских переговоров в первой половине 1920-х годов // Личность, общество и власть в истории России: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию д-ра ист. наук, проф. В.И. Шишкина. Новосибирск: СО РАН, 2018. С. 321—342.
8. ЦА ФСБ России (Центр. арх. ФСБ России).

УДК 39(571.61./62+571.63)

А.Ф. СТАРЦЕВ*

ЭКОЛОГИЯ И ОХОТОПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ

В статье рассматривается проблема экологии в Приамурье и Приморье, где проживают и занимаются охотопромысловой деятельностью нанайцы, негидальцы, нивхи, орочи, ульчи, удэгейцы и другие этносы южной части Дальнего Востока России. Экологические проблемы в этом регионе, возникшие ещё в ранние годы советской власти, наблюдаются вплоть до наших дней. Причиной их возникновения на территории обитания коренных малочисленных народов Дальнего Востока,

---

* СТАРЦЕВ Анатолий Фёдорович — д-р ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: starcev.42@mail.ru.

в первую очередь в Приамурье и Приморье, являются промышленные заготовки древесины. Особенно в больших объёмах они осуществлялись в 1980-е гг. не только отечественными леспромпхозами, но и зарубежными хозяйствами, которым органы советской власти отдавали в аренду лесные угодья Хабаровского и Приморского краёв. В Хабаровском крае, в районах обитания хорских удэгейцев, с 1987 г. начались заготовки леса Республикой Куба, в Приморье в это же время шли значительные выруб-ки лесов южно-корейской компанией «Хёндэ» (Hyundai), которая вместе с приморскими леспромпхозами организовала лесозаготовительное предприятие «Светлая», а с распадом СССР, в начале 1990-х гг., правительство Хабаровского края отдало в аренду меланезийской компании «Римбунан Хиджау» территорию обитания хорских удэгейцев в бассейне р. Сукпай сроком на 49 лет с правом ежегодных вырубок леса в объёме 400 тыс. куб. м в год. Российское законодательство, в частности «Лесной кодекс», принятый Думой РФ в 2006 г., практически работало в угоду за-граничных компаний. Всё это вместе взятое привело к ухудшению эко-логии в районах обитания аборигенов региона и снижению их жизнен-ного уровня.

Ключевые слова: аборигены, территория, экология, лесопромышленни-ки, вырубка лесов, местная власть, законодательство, учёные, противо-стояние.

A. F. STARTSEV

ECOLOGY AND HUNTING ACTIVITIES OF THE PEOPLES OF PRIAMURYA AND PRIMORYE

The article examines the problem of ecology in the Amur and Primorye regions, where the Nanais, Negidal, Nivkhs, Orochi, Ulchi, Udege and other ethnic groups of the southern part of the Russian Far East live and are engaged in hunting. Environmental problems in this region, which arose at the early stage of Soviet rule, are observed up to the present day. The reason for the violation of the ecological balance in the habitat of the indigenous small ethnic groups of the Far East, especially in the Amur and Primorye regions, is the industrial harvesting of timber in the regions of the Khabarovsk and Primorsky territories. Especially in the 1980s, large volumes of commercial timber harvesting were carried out not only by domestic timber industry enterprises, but also by foreign farms, to which the Soviet authorities leased forest lands of the Khabarovsk and Primorsky territories. In the Khabarovsk Territory, in the areas inhabited by the Khor Udege, logging began in 1987 in favor of the Republic of Cuba, in Primorye at the same time, significant deforestation began by the South

Korean company Hyundai, which, together with the Primorye timber industry enterprises, organized a logging enterprise “Svetlaya”, and with the collapse of the USSR in the early 1990s, the Government of the Khabarovsk Territory gave of the Melanesian company Rimbunan Hijau, the territory of the Khor Udege people — the Sukpay River pool for a period of 49 years, with the right annual deforestation of forests in the amount of 400 thousand cubic meters per year. Russian legislation, in particular the “Forest Code”, adopted by the Duma of the Russian Federation in 2006, practically worked to please foreign companies. All this taken together has led to a deterioration in the environment in the areas of the aborigines of the region and a decrease in their living standards.

Keywords: aborigines, territory, ecology, timber merchants, deforestation, local authorities, legislation, scientists, confrontation.

У аборигенов Приамурья и Приморья — нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, эвенков, низовских негидальцев, нивхов и др. — основной хозяйственной деятельностью были рыболовство и таёжный охотничий промысел пушных и копытных животных.

Особенностью охотопромысловой деятельности данных коренных этносов являлось то, что добыча животных в тайге производилась с таким расчётом, чтобы природные запасы зверя регулярно восполнялись его естественным воспроизводством. Процесс охотничьего промысла у аборигенов региона регулировался различными обрядами и обычаями, которые имели воспитательный характер. Они приучали бережно относиться к окружающей природе, заботиться о размножении добываемых зверей, категорически запрещалось бесцельное их убиение. По верованиям аборигенов, нельзя убивать животных больше, чем в ближайшее время люди могут употребить в пищу.

У коренных этносов Приамурья и Приморья щадящее отношение наблюдалось и к деревьям. Без нужды не ломали даже ветки, а если возникала необходимость срубить дерево для постройки лодки, то человек просил у хозяев местности разрешения, пояснял невидимым духам, для чего это нужно. И только после соответствующего обряда обращения к хозяину тайги абориген, оставив духу угощение, приступал к рубке, а затем «в пень втыкал веточку того же дерева. Веточка символизирует душу дерева (соогини). Это делается для того, чтобы дерево не умирало. Если не воткнуть веточку в пень, считают удэгейцы, то дерево погибнет, поэтому лодка, сделанная из такого дерева, обязательно перевернётся и погубит своего хозяина» [8, с. 128].

Законами обычного права аборигены Приамурья, Приморья и других регионов Дальнего Востока обязывались выполнять заповеди духов, хозяев местности и животного мира, в противном случае, как считали охотники, за недостойное поведение и недоверие, проявленное к сверхъестественным силам, человек наказывался: он мог заболеть, лишиться удачи в промысле и даже умереть [2, с. 83—86].

Таким образом, этнические представления о природе, все промысловые обряды и обычаи, касающиеся повседневной жизни аборигенов, предостерегали людей от необдуманных поступков и способствовали охране экологической среды. «Эти обряды отражают суть обычного права, включающего в свой состав многочисленные предупреждения, требования, права и обязанности каждого члена рода того или иного народа» [10, с. 102].

В годы советской власти к основным причинам дестабилизации экологической ситуации следует отнести антропогенный и промышленный факторы. Антропогенный чаще всего обуславливался бездумной или неосторожной деятельностью человека, находящегося на отдыхе или работе. Однако наибольший ущерб природе наносился в процессе промышленного развития регионов, когда в плановом порядке осуществлялись выбросы отходов производства в атмосферу, реки, моря и т.д. При этом следует особо подчеркнуть: чем богаче территория природными ресурсами, имеющими промышленное значение, тем больше опасности, что при их использовании природе, а значит и жизнедеятельности обитателей края, прежде всего его аборигенов, будет наноситься ощутимый вред.

Экологическая ситуация в районах расселения коренных этносов стала особенно обостряться в годы массовых заготовок древесины в лесах Приморского и Хабаровского краёв. Эти действия входили в противоречие с традиционными представлениями о сохранности лесных ресурсов. Ещё в конце 1920-х гг. в одном из документов Комитета Севера отмечалось, что «усиленная вырубка лесных площадей, идущие за ней лесные пожары, в корне подрывают пушной промысел у туземцев Хабаровского округа» [РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 121. Л. 44].

С годами потребности в деловой древесине СССР и зарубежных демократических или социалистических стран только увеличивались. Заготовка леса велась во всех районах Приамурья и Приморья, где имеются значительные лесосырьевые ресурсы. В 1970—80-е гг. масштабные рубки стали осуществляться в непосредственной близости от удэгейцев, орочей, тазов, нанайцев и других аборигенов Ольгинского, Пожарского, Красноармейского, Солнечного, Нанайского, Комсомольского и многих других районов Приморского и Хабаровского краёв. В конце

80-х гг. XX столетия в районах расселения аборигенов начался процесс создания крупных леспромхозов, ориентированных преимущественно только на заготовки деловой древесины. В 1980-е гг. большие рубки леса велись на территориях традиционного природопользования (ТТП) бикинских и иманских удэгейцев: полностью были вырублены охотничьи угодья в бассейне р. Тахоло и Алдана (правые притоки Бикина), Арму (левый приток Имана). Интенсивные заготовки леса шли в районе П. Осипенко, Нанайском, Ванинском, Комсомольском, Солнечном и других районах Хабаровского края. Всё это негативно отражалось на результатах охотопромысловой деятельности аборигенов Приамурья и Приморья.

Особенно ярко высветилась проблема вырубки лесов в районах проживания хорских удэгейцев в 1987 г., когда СССР заключил с Республикой Куба соглашение «О сотрудничестве в заготовке и комплексной переработке древесины на территории Советского Союза для нужд народного хозяйства Республики Куба». Согласно этому документу, в районе им. Лазо Хабаровского края намечалось ежегодно заготавливать до 1,75 млн куб. м древесины [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Материалы А.Ф. Старцева. Ф. 1. Оп. 2. Д. 353. Л. 77, 84].

Против вырубки леса в районах обитания аборигенов Приморского и Хабаровского краёв выступили учёные, руководители лесхозов, охотопромысловых хозяйств и коренные жители. Однако Хабаровский крайисполком и крайком КПСС, ссылаясь на межправительственное соглашение с Кубой, ничего не предприняли, чтобы сохранить жизненно важную территорию обитания хорских удэгейцев и других аборигенов края. По этой причине за короткий срок сплошными рубками леса были опустошены бассейны Сукпая и Кафэна. В Приморском крае, в районах обитания самаргинских удэгейцев, приступила к заготовкам леса южнокорейская фирма «Хёндэ».

В материалах межведомственной комиссии Хабаровского края, в состав которой входили учёные, руководители «Хабаровскпромохоты» и представители других организаций, отмечалось, что «в результате промышленных рубок значительно уменьшается кормовая ёмкость охотничьих угодий, в целом ухудшается среда обитания промысловых видов животных (белка, соболь, норка, кабан, изюбр, медведь и т.д.). Особенно сказывается на численности популяций промысловых видов вырубка кедра и кедрово-широколиственных насаждений. За последние 40 лет заготовка белки снизилась с 300—400 тыс. шкур до 30—90 тысяч. Численность кабана стала катастрофически низкой, и, начиная с 1985—86 годов, охота на него полностью прекращена» [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Материалы А.Ф. Старцева. Ф. 1. Оп. 2. Д. 353. Л. 78].

Распад СССР предотвратил массовые заготовки леса в Хабаровском крае со стороны Республики Куба. Однако тут же вместо кубинцев появились другие претенденты на освоение ТТП, закреплённых за коренными малочисленными народами Дальнего Востока. В числе первых опять-таки оказались зарубежные заготовители в лице меланезийской компании ООО «Римбунан Хиджау Интернешнл». Она заключила с Правительством Хабаровского края договор на аренду ТТП хорских удэгейцев в пределах Верхне-Сукпайского лесничества Сукпайского лесхоза сроком на 49 лет с правом заготовок делового леса в объёме 400 тыс. куб. м в год [Вед. арх. пос. Гвасюги (р-н им. Лазо, Хабаровский край). Протокол Общественных слушаний (консультаций) по вопросу: «План рубок главного пользования» сроком на 5 лет, с 2007 по 2011 г.].

Ответственные чиновники Хабаровского края подписали на 49 лет соглашение и с корейскими фирмами, которые с 2005 г. производят массовые заготовки леса на севере Амурской области, на территории традиционного природопользования эвенков. Корейский опыт беспощадного отношения к природной среде известен по многолетним лесозаготовкам на Бурее и в других районах Приамурья и Приморья. «Какими мотивами руководствовались подписанты, не внемля гласу аборигенов этой территории, не учитывая исключительную ранимость горных лесов, восстановление которых практически не состоится сотни лет? — с горечью спрашивает исследователь В.И. Готванский. — Учёные неоднократно поднимали вопрос о создании природного национального парка Токийского. Здесь были бы сохранены уникальные горные природные комплексы со снежными баранами, северными оленями, с охотничьими угодьями эвенков. А сами эвенки могли бы обслуживать туризм международного уровня. Горные маршруты на оленях для туристов различной степени подготовленности. Одно это уже привлекло бы людей в этот первозданный край. Такой парк необходим и в связи с тем, что близится начало освоения Эльгинского угольного месторождения и продолжение строительства железной дороги от БАМа, что обеспечит сильный прессинг на природную среду» [4, с. 531].

Охотопромысловое население прекрасно понимает, что вырубки лесов неминуемо оборачиваются для него катастрофой. Так, «в результате промышленного освоения северных районов за годы советской власти численность территориальных групп удэгейцев сократилась вдвое. Из восьми групп осталось четыре: анойская, хорская, самаргинская и бикинская. Полностью прекратили своё существование курурмийская, хунгарийская и приморская группы, на стадии исчезновения находятся и иманские удэгейцы» [9, с. 143].

В прошлом определённым барьером при лесозаготовках служили районные лесхозы и их лесничества. Они не только следили за деятельностью леспромхозов, но и часто привлекали их руководителей к материальной ответственности. Однако в конце 1980-х гг. в Министерстве лесной промышленности СССР ситуация резко изменилась: произошла замена руководства с одновременным выходом приказа № 127 от 5 апреля 1989 г. «О реорганизации всех лесхозов и их лесничеств в комплексные леспромхозы». Объединение лесхозов с леспромхозами означало, что лесодобывающие предприятия практически лишались контроля за рубками леса, потому что бывшие лесхозы сами стали заниматься заготовкой леса в наиболее доступных угодьях, находящихся в районах охотничьего промысла аборигенов.

Согласно проведённой реорганизации, все «полномочия по исполнению государственного лесного контроля были переданы Росприроднадзору. Почти три года лес оставался беспризорным. 83 тысячи лесников были заменены 680 инспекторами (на всю страну!). В Хабаровском крае имелось всего 45 инспекторов, которые обладали правом контроля на лесозаготовках. И это на территорию, в полтора раза больше площади Франции! А лесников лишили прав проверять и задерживать лесных нарушителей. За лесниками законодательно ещё не закреплены их полномочия, право составления протоколов, ношение формы, удостоверения и оружия. Лесобилет по новому кодексу заменили на декларацию, в которой не прописано, где, на каких землях, и сколько можно рубить» [4, с. 530].

Не дал положительных результатов и «Лесной кодекс» РФ, принятый Государственной Думой 22 января 1997 г. Многие его положения, «по мнению экологов России, угрожают будущему российских лесов. Среди них — ликвидация системы разрешительных документов на лесопользование, неопределённость с режимом использования и охраны лесов первой группы — наиболее ценных защитных лесов, введение частной собственности на лес, возможность строительства объектов в пригородных лесах... Кроме того, согласно проекту кодекса, федеральный центр практически полностью снимает с себя ответственность за охрану лесов, перекладывая её на субъекты Федерации, и, в то же время, забирая себе практически все полномочия по управлению лесными ресурсами» [1].

Несовершенство кодекса вызвало волну протеста не только у работников лесного хозяйства, но и у ряда общественных организаций Дальневосточного региона. Так, например, 13 марта 2005 г. в Благовещенске была проведена акция, направленная против принятия проекта нового «Лесного кодекса». В ней приняли участие такие общественные

организации, как «Барс», Амурское отделение Российского социально-экологического союза и Амурский экологический клуб «Улуakitкан», студенты учебных заведений города. Акция прошла в виде театрализованного представления и пикета со сбором подписей в самом людном месте Благовещенска — на площади между центральным универмагом и Амурской ярмаркой. Было собрано около 300 подписей местных жителей против принятия кодекса [7].

В новой редакции «Лесной кодекс» был утверждён 4 декабря 2006 г. под номером 200-ФЗ, а с 1 января 2007 г. он стал использоваться в практической деятельности [6]. Однако «из Лесного кодекса исчезло понятие незаконных рубок. При этом за 2006—2007 гг. ущерб, нанесённый стране незаконными рубками, составил около 25 млрд рублей... Сегодня лесной контроль и надзор переданы субъектам РФ. Численность инспекторов стала увеличиваться. Но осталось недоработанным нормативно-правовое поле» [4, с. 530—531].

Лесопромышленное освоение аборигенных территорий — одно из широкомасштабных воздействий на природные экосистемы. «Применяемые до сего времени в регионах нового освоения широкополосные сплошные и условно-сплошные рубки леса привели и приводят к коренным перестройкам структуры растительного покрова и животного населения, поскольку при этом уничтожается от 30 до 90% видового состава лесных растительных сообществ, до 70—80% видового состава и 85—90% особей в населении птиц и т.д. В условиях пирогенной уязвимости, леса на таких вырубках могут не восстанавливаться десятки и сотни лет», — утверждает директор Института водных и экологических проблем ДВО РАН чл.-корр. РАН Б.А. Воронов [3, с. 65].

Ещё во второй половине 1970-х гг. один из активных защитников дальневосточной природы — Г.И. Сухомиров — писал: «Бесхозяйственные рубки и лесные пожары ведут к уменьшению участия в насаждениях ценных хвойных и лиственных пород, истощению лесов, расстройству и ухудшению их защитных и других полезных функций. Это приводит к большим народнохозяйственным потерям и сокращению лесистости территорий, так как работы по восстановлению лесов проводятся на территории в несколько раз меньшей, чем даже одни вырубки. Думая о лесах, мы должны отвлечься от узкого понимания о них лишь как об источнике древесины. Нет, лес, поглощая углекислый газ и выделяя кислород, прежде всего, является величайшим оздоровителем воздушного океана, лес — это хранитель пресных вод, регулятор климата, источник многих незаменимых ценностей, которые используются и в охотничьем хозяйстве. Кроме того, огромная часть территории, занятой лесами, непригодна для сельского хозяйства. Только под

лесом она сохраняет свою ценность, а лишённая его — превращается в унылую пустыню. Лес — органический элемент ландшафта, живое украшение земли» [11, с. 222—223].

Многочисленные запреты и приметы, связанные с хозяйственной деятельностью и бытовой культурой, своим происхождением уходят в глубину веков и, наглядно отражая анимистические воззрения, показывают неразрывную связь людей с природой, из которой человек не выделялся в особый вид, а вместе с растительным и животным миром составлял единое целое.

В годы советской власти религиозные и иные воззрения аборигенов Дальнего Востока значительно изменились: большинство стали скептически относиться не только к своей хозяйственной деятельности, но и к своим традиционным верованиям. По этим и другим причинам у коренных этносов региона начало изменяться отношение к природе и её обитателям. В частности, аборигены Нижнего Амура и Приморья стали нарушать традиционные заповеди и т.д. Всё это со временем негативно отразилось на сохранении традиционной культуры и среды обитания коренных народов.

Вместе с исчезновением у аборигенов Приморья и Приамурья многих традиций стала возникать и проблема ухудшения экологической ситуации, которая с активизацией промышленного освоения региона в годы советской власти приобрела особую остроту, сохранившуюся и в постсоветский период.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 13 марта в Благовещенске была проведена акция «Мы за разумный Лесной кодекс». URL: <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-8483.html> (дата обращения: 23.12.2020).
2. Арсеньев В.К. В селении орочей // Встречи в тайге. Рассказы. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1981. 123 с.
3. Воронов Б.А. Особенности трансформации природно-ресурсного потенциала и подходы к решению природоохранных и природопользовательских проблем в регионах нового освоения // Регионы нового освоения: состояние, потенциал, перспективы в начале третьего тысячелетия: материалы междунар. науч. конф. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2002. Т. 1. С. 64—67.
4. Готванский В.И. Роль субъективных факторов в обострении экологической напряжённости (на примере Приамурских регионов России) // Регионы нового освоения: экологические проблемы, пути решения: материалы межрегион. науч.-практич. конф., Хабаровск, 10—12 окт. 2008 г.: в 2 кн. Хабаровск: ДВО РАН, 2008. Кн. 2. С. 529—533.

5. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 470 с.
6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
7. Мы — за разумный Лесной Кодекс. URL: <http://www.wwf.ru/resources/news/article/1635> (дата обращения: 23.12.2020).
8. Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX—XX в.). Владивосток: ДВО РАН, 1996. 160 с.
9. Старцев А.Ф. Современные проблемы сохранения и закрепления территории традиционного природопользования за аборигенами Приморского края (хроника одной кампании) // Этнос и природная среда. Владивосток, 1997. С. 143—150.
10. Старцев А.Ф. Традиционные промысловые запреты и приметы охотников Приамурья, Приморья и Сахалина // Россия — Восток — Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: прогр. и тез. 4-й междунар. науч. конф., посвящ. Году русского языка в Китае и 110-летию образования ДВГУ. Владивосток, 2—4 апр. 2009 г. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. С. 101—102.
11. Сухомиров Г.И. Охотничье хозяйство Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1976. 256 с.
12. Арх. ИИАЭ ДВО РАН (Арх. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
13. Вед. арх. пос. Гвасюги (р-н им. Лазо, Хабаровский край).
14. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

УДК 391.2

И.В. СТРЕЛЬЦОВА*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА БЕЛОРУСОВ В ПРИМОРЬЕ

В статье исследуются компоненты традиционных комплексов белорусского костюма. Выявляется региональная и локальная специфика одежды переселенцев в Приморье. Анализируются данные статистических и архивных материалов, этнографических коллекций, на основании которых делается вывод о бытовании значительного белорусского пласта в традиционной культуре переселенцев из районов русско-украинско-белорусского пограничья.

Ключевые слова: белорусы, переселенцы, Приморье, традиционный костюм.

---

* СТРЕЛЬЦОВА Ирина Владимировна — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: i-strel@mail.ru.

I. V. STRELTSOVA

**THE REGIONAL AND LOCAL FEATURES
OF TRADITIONAL COSTUME OF BYELORUSSIAN MIGRANTS
IN PRIMORYE REGION**

The article examines the elements of traditional Byelorussian costume complexes as well as the regional and local features of clothing of migrants in Primorye region. The author analyses the data of statistic and archive materials as well as ethnographic collections to make conclusion of existence of significant Byelorussian layer in traditional culture of migrants from the Russian-Ukrainian-Byelorussian borderlands.

Keywords: Byelorussians, migrants, Primorye region, traditional costume.

По данным дореволюционной статистики, численность белорусов в Приморье составляла 10 761 человек. Наиболее активное переселение из белорусских губерний в Приморье наблюдалось после 1900 г. Всего за период с 1858 по 1914 г. из прибывших в Приморье переселенцев белорусы составили 6,8%. При этом основное их число было представлено выходцами из Могилёвской губернии (3%), в меньшей степени — из Минской, Гродненской, Гомельской и прочих [1, с. 35].

Большой неучтённый процент белорусов дали северные и северо-западные уезды Черниговской губернии: Суражский, Новозыбковский, Мглинский, Стародубский, Городнянский и Новгород-Северский. В период с 1883 по 1892 г. наибольшее число переселенцев прибыло из Суражского уезда, примечательного своим неоднородным этническим составом с явным преобладанием белорусского сегмента. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Суражском уезде Черниговской губернии численность этнических белорусов, указавших белорусский язык в качестве родного, составила 69,41% [5, с. XII]. При этом отмечалось следующее: «Чистый тип белоруса встречается в уездах Суражском и Мглинском, также в Новозыбковском и Городнянском, хотя в двух последних число белорусов весьма не велико» [там же, с. XIII]. Расположенный в зоне русско-белорусско-украинского пограничья Суражский уезд представлял собой регион, для которого была характерна нечёткость в национальной самоидентификации населения. Помимо Суражского уезда, похожая ситуация отмечалась также в Мглинском, Новозыбковском, Стародубском и Новгород-Северском уездах. К тому же в вопросе самоидентификации

белорусов преобладал региональный, а не этнический фактор: они зачастую называли себя не белорусами, а «черниговцами», «могилёвцами», «рассейскими». Кроме того, на территории этноконтрастных зон русско-украинско-белорусского пограничья, к которым относились северные уезды входившей в состав Малороссии Черниговской губернии, сложилась «тенденция к перемене сознания в пользу доминирующего этноса» [7, с. 25]. Таким образом, фактическое число этнических белорусов в Приморье значительно превышало статистические данные.

В Приморье носители белорусских традиций проживали в с. Суражевке, Лобановке, Соколовке, Харитоновке, Васильевке, Кирилловке, а также в Майхе, Царёвке, Владимиро-Александровском, Унаши, Екатериновке, Новолитовском, расположенных в долине р. Сучана. Компактные поселения этой группы белорусов были зафиксированы в с. Васиановке и Абражеевке, Калиновке, Евсеевке, Ново-Владимировке, Николаевке, Вознесенке, Ястребовке, Фроловке, Гордеевке и др. Формирование локальных групп населения белорусов обусловило распространение специфической этнической культуры в регионе. Важным фактором её аккумуляции являлась компактность проживания переселенцев. В условиях новой местности они стремились максимально сохранить свой традиционный уклад, материальную и духовную культуру.

Белорусы, расселившиеся в Приморье, придерживались традиционного комплекса в одежде. Свидетельства этому факту можно найти как в письменных источниках (статистических документах, очерках по краеведению и т.п.), так и в собраниях музейных коллекций. Костюм переселенцев представлял собой комплекс, распространённый главным образом на Могилёвщине и в северных уездах Черниговской губернии, который состоял из вышитой рубахи (*сорочки*), юбки (*спадницы*) или юбки с лифом (*саяна с кабатом*) и фартука. Ансамбль дополнялся поясом, головными уборами и обувью. Помимо этого, среди белорусских переселенцев из северо-западных уездов Черниговской губернии, проживавших, в частности, в с. Суражевка Шкотовского района Приморского края, был отмечен редкий комплекс одежды, бытовавший на территории Гомельско-Брянско-Черниговского пограничья (ГБЧ). Это женский костюм, распространённый в Ветковском районе Гомельской области Беларуси (Неглюбский строй), а также в Новозыбковском районе Брянской области, в состав которого входила вышитая рубашка, несшитая поясная одежда — понёва (панёва) — и фартук. Интересен и своеобразный головной убор, представляющий собой домотканый платок полотняного типа. Примечательно, что данный комплекс является единственным на всей территории Беларуси, сохранившим архаичную понёву распашного типа.

Основу женского костюма белорусов на рубеже XIX—XX вв. составляла рубаха (*сорочка*). Белорусские сорочки, распространённые в Приморье, шились как из домотканого льняного или конопляного полотна, так и из фабричной хлопчатобумажной ткани. Что касается кроя, в основном здесь носили рубахи с прямыми поликами — прямоугольными вставками, пришитыми по утку, которые соединяли стан и рукав, создавая дополнительный, необходимый для свободы движения объём. Ворот и манжеты таких сорочек собирались в густые мелкие сборки, что придавало изделию пышность и нарядность. По типу кроя женские сорочки подразделялись также на цельнокроеные и составные, т.е. сшитые из двух горизонтально расположенных частей — стана и подставы. Верхняя часть обычно выкраивалась из тонкого отбелённого полотна, тогда как подстава шилась из более грубого холста. Из цельного полотна изготавливались свадебные сорочки невесты.

В оформлении женских сорочек широко применялись такие декоративные швы, как крест, разнообразные виды глади, набор, мережка. Помимо счётных швов, использовались различные декоративные приёмы: строчка, стебельчатый шов, поддёвочные, бархатные швы, а также краевые и соединительные швы, которые служили дополнительным элементом основного орнаментального ряда. Вышивкой обычно украшались полики, рукава, манжеты, ворот и подол. Типичным декором белорусских сорочек была выраженная линия конструктивно-декоративных швов, располагавшаяся в верхней части рукава в виде широкого смерживания с ромбическим орнаментом.

Декоративное оформление одежды отличалось региональным и локальным своеобразием. Для белорусов Могилёвского и Гомельского Поднепровья в исследуемый период были более характерны использование геометрического орнамента, монохромная вышивка красными нитками по белому фону полотна, применение разнообразных декоративно-конструктивных швов для оформления ажурных прошив в местах соединения полика и верха рукава сорочек. Локальным своеобразием отличались обрядовые женские рубашки с характерной вышивкой белыми льняными нитками. Такие сорочки были распространены в районах Гомельского Поднепровья, северной Черниговщины и Брянщины. Встречались они и в Приморье, где могли по традиции использоваться в качестве подвенечной одежды, а также праздничной одежды пожилых женщин. Примером может служить рубашка, представленная в экспозиции Историко-краеведческого музея в г. Артёме (1622/э-5). Судя по характеру вышивки и мотивам орнамента, её с большой долей вероятности можно отнести к территории ГБЧ, в частности к Ветковскому району Гомельской области. Именно для этой локальной

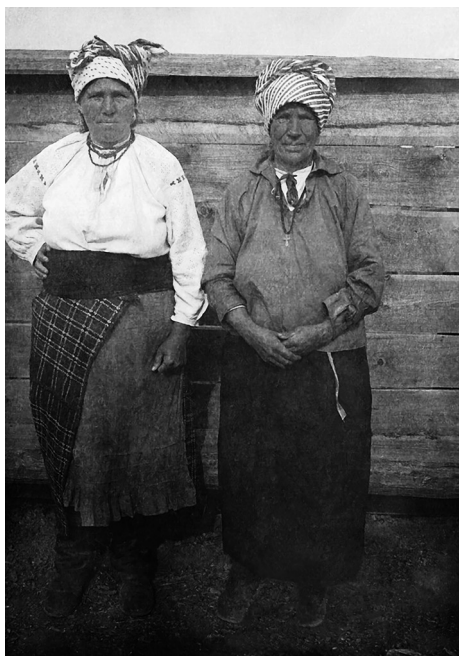

Рис. 1. Женщины-белоруски. 1930 г., с. Суражевка Шкотовского района Приморского края. Музей истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева (МПК 929-33 Ф 10302)

традиции были характерны женские сорочки, вышитые белыми нитками в технике «строчка-вырезы» в сочетании со счётной гладью, узкими мережками и поддёвочными швами [3, с. 109].

Этнографические источники, в частности данные фотоматериалов из фондов Музея истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, указывают на то, что в Приморье среди белорусов — переселенцев из Суражского уезда — ещё в 30-е гг. XX в. бытовала понёва-плахта в составе комплекса одежды, характерной для выходцев из районов ГБЧ (рис. 1). Так, этот комплекс был распространён на территории с. Неглюбка Ветковского района Гомельской области (до 1926 г. входило в Суражский уезд Черниговской губернии), а также в сёлах Новозыбковского района Брянской области (до 1919 г. находились в со-

ставе Черниговской губернии). А.К. Супинский подробно описывает понёву-плахту, которая в прошлом, по его словам, была распространена по всей южной Могилёвщине [6, с. 133]. Примечательно, что при описании данного типа понёвы автор ссылается на иллюстрацию, на которой изображена переселенка-белоруска из с. Суражевка Приморского края (уроженка Суражского уезда Черниговской губернии) в традиционной одежде. Указывается, что такая понёва изготавливалась из двух полотнищ клетчатой шерстяной ткани (длиной около 170 и шириной около 47 см), сшитых по длине примерно наполовину, и носилась по типу украинской плахты, в перегнутом виде, оставляя открытым подол рубахи, который прикрывали фартуком. Укреплялась понёва при помощи широкого пояса длиной 260 см и шириной 7,5 см [там же].

Другим обязательным компонентом женского костюма белорусов была юбка — полотняная *спадница* или шерстяной *андарак/саян*. В Приморье белорусы вплоть до 20-х гг. XX в. носили юбки из домотканого полотна или сукна домашнего производства, которые выкрашивали

в синий, зелёный или красный цвета. В Приморье был также распространён предмет женской белорусской одежды, который трансформировался из обычной юбки в юбку с пришитым лифом. Такая одежда называлась «саян», «саян с кабатом» или «юбка з нагрудникам» и широко бытовала у белорусов как в местах выхода, так и в Приморье; вероятно, изначально она была заимствована у прибалтийских народов.

Неотъемлемой составной частью белорусского костюма был фартук (*хвартух*). Белорусские переселенцы в Приморье, как правило, носили фартуки из домотканого полотна или фабричной ткани. В верхней части они присборивались в мелкие складки и притачивались к пояску. Праздничные фартуки из домотканой или покупной ткани белого цвета украшали застроченными складками, вышивкой, кружевом.

Обязательным атрибутом костюмного комплекса переселенцев являлся пояс. Белорусские пояса в Приморье изготавливались из домотканой шерсти, обычно выкрашенной в красный цвет. Их плели, вязали на спицах, ткали. Особенно красочно оформлялись свадебные пояса, которые зачастую являлись подарком невесты жениху. Пояс из с. Владимировка Городнянского уезда Черниговской губернии (МПК* 11885-1 Т 2616) является типичным элементом одежды, характерным для уроженцев ГБЧ. Отличительной особенностью изделий данного типа является монохромность цветовой гаммы (красный цвет) и особая техника изготовления: «плетение по стене» или «спрэнг».

Головные уборы белорусских переселенцев различались в зависимости от пола, возраста и социальной принадлежности их обладателей. Девушки и женщины носили различные платки: домотканые или ситцевые (*хустки*) и шерстяные (*шаля*). Замужние женщины под платки надевали чепцы — головной убор в виде мягкой шапочки, закрывающей волосы. Локальные различия в одежде переселенцев можно проследить на примере женских головных уборов. Так, жители с. Харитоновка Шкотовского района в конце XIX — начале XX в. носили домотканые платки, которые обшивали по краям (берегам) красной полосой или ткали сразу таким образом, чтобы основная часть изделия была белой, а края — красными, иногда с узором [8, л. 47]. Такие платки были частью комплекса одежды, характерного для выходцев из районов ГБЧ. Домотканые платки данного региона относились к головным уборам полотняного типа. На территории Приморья встречались и другие разновидности подобных платков. Фотоматериалы (МПК 929-33 Ф 10302) демонстрируют, что в с. Суражевка среди переселенцев-белорусов были распространены домотканые платки, которые (в отличие от описанных выше) имели

---

* Музей Приморский краеведческий.

орнамент в виде красных полос или мелких парных квадратов по всему полю, а по краям украшались плетёной бахромой из красных ниток. Свообразием отличались и способы ношения платков. Платки указанного типа складывались по диагонали, при надевании концы заводились сзади, перекрещивались на затылке и завязывались спереди над лбом так, что махры («рожки») торчали в разные стороны [4, с. 89].

Основной обувью служили плетённые из древесной коры лапти. В Приморье они пользовались спросом среди переселенцев — особенно «под покос», когда их раскупали возами. Для белорусских лаптей был характерен прямой тип плетения подошвы, низкие бока и слабо выраженный носок из удлинённых петель, в которые продевалась верёвочка или лыко, стягивающие ступню [2, с. 268]. Что касается сырья, переселенцы в Приморье использовали те растения, которые были распространены в местах их расселения, — липу, иву, а также кору маньчжурского ореха, в изобилии произрастающего в лесах Уссурийской тайги. Носили также обувь, сшитую из сыромятной кожи.

В заключение отметим, что благодаря белорусским переселенцам в Приморье сформировался и функционировал массив народно-бытовой культуры, характерной для могилёвцев и черниговцев, т.е. белорусов этноконтактной зоны. Долгое время в отдельных деревнях вплоть до 50-х гг. XX в. традиционную вышитую одежду белорусы надевали на праздники, свадьбы, поскольку она была ярким маркером этнической идентичности, показателем принадлежности к определённой половозрастной или социальной группе. Исследование показало высокую степень сохранности базовых форм одежды, в том числе архаичной. Важным фактором аккумуляции этнического костюма являлась компактность проживания переселенцев. Региональные и локальные особенности традиционного костюма были отмечены в крое, композиции и характере орнамента сорочек, видах поясов и головных уборов, а также в способах их повязывания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. — начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1997. 314 с.
2. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
3. Лобачевская О.А., Зимина З.И. Белорусский народный костюм. Минск: Беларус. навука, 2009. 279 с.
4. Маленка Л.І. Беларускі народны касцюм. Мінск: Ураджай, 2001. 160 с.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. [Спб.], 1897—1905. Т. XLVIII. Черниговская губерния. Спб., 1905. С. XII, 112—115.

6. Супинский А.К. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде. К вопросу об их культовом происхождении // Советская этнография. 1932. № 2. С. 102—136.
7. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток, 2002. 239 с.
8. Архив ДВО РАН. Ф. 13. О. 1. Д. 2. На 181 л.

УДК 392.3 (571.62 + 571.642)

Е.В. ФАДЕЕВА*

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА И САХАЛИНА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Одним из центральных вопросов изучения эволюции типов и форм семьи и семейных отношений является вопрос об изменениях в семейном статусе женщин, о чём и пойдёт речь в представленной статье. Выявление традиционного и нового в этой области позволяет определить пути решения проблем, связанных с рациональным и гармоничным сочетанием семейных обязанностей женщин и их активностью в обществе, достижением фактического равенства. Помимо историко-политических и социально-экономических факторов, на семейный статус женщины всегда оказывали воздействие нормы обычного права, традиции повседневного поведения и общения.

Ключевые слова: статус, семья, общество, отцовский род, гендерное распределение ролей, социально-демографические процессы.

E.V. FADEEVA

WOMAN'S STATUS IN THE FAMILY AND SOCIETY OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE LOWER AMUR AND SAKHALIN: TRADITIONS AND MODERNITY

One of the central issues in studying the evolution of types and forms of family and family relations is the question of changes in the marital status of women,

---

* ФАДЕЕВА Елена Викторовна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ev_fadeeva@mail.ru.

which will be discussed in this article. Revealing the traditional and the new in this area allows us to determine the ways of solving the problems associated with the rational and harmonious combination of family responsibilities of women and their activity in society, the achievement of de facto equality. In addition to historical, political and socio-economic factors, the marital status of women has always been influenced by the norms of customary law, traditions of everyday behavior and communication.

Keywords: status, family, society, paternal gender, gender distribution of roles, socio-demographic processes.

Семья коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина (нанайцы, ульчи, удэгейцы, тазы, орочи, нивхи, негидальцы, эвенки, ороки (уйльта)), в силу ряда причин (природно-географического и исторического характера) отличалась усложнённым составом, длительным сохранением и устойчивостью традиций семейного быта. В традиционной семье указанных этносов место каждого её члена определялось не столько его личными качествами, сколько сложившейся в соответствии с обычаями иерархией взаимоотношений. На этой основе складывались права и обязанности членов семьи, как по возрасту, так и по полу.

Положение женщины в традиционной семье коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина регламентировалось вековыми обычаями и зависело от её семейного статуса — дочери, жены, матери.

Всю свою жизнь женщина в традиционной семье зависела от мужчин: сначала от отца и братьев, затем от мужа и свёкра. Девочку с детства приучали к тому, что она принадлежит женской половине рода и должна выполнять только соответствующую её полу работу; что её подлинное жилище там, где растёт её будущий муж и где она будет хозяйкой; что она «чужеродка» и после замужества уйдёт в другой род, так как браки внутри своего строго воспрещались по обычаю экзогамии. Это накладывало свой отпечаток на взаимоотношения внутри семьи: статус мальчика в семье всегда был выше, чем девочек. Таким образом, мужчины в роде образовывали неизменную его половину, а женщины — текучую.

Дочери исключались из права наследования и попадали в зависимое положение от старшего брата и отца, которые выделяли ей приданое. В целом же положение дочери в семье отца было относительно свободным и намного легче, чем молодой замужней женщины. Так, П.П. Шимкевич и С.М. Широкогоров писали, что у нанайцев девушка до замужества не обязана была ходить за водой или дровами, поскольку

это делали её мать или невестка. Она принимала участие в хозяйстве по своей воле. Зато, когда девушка выходила замуж, на неё ложилась основная работа по домашнему хозяйству [12, с. 10; Арх. МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 216. Л. 234]. Сёстры работали поочерёдно: сегодня одна идёт по воду и за дровами, а завтра — другая [11, с. 67, 88, 128]. В нанайской семье существовал обычай, в силу которого старшая сестра работала больше младшей по дому [Арх. МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 1]. С появлением на Амуре в середине XIX в. торгового капитала родители нередко отдавали малолетних дочерей в чужие дома в работницы [11, с. 109], что отдаляло родителей от дочерей.

Положение невестки в семье мужа зависело от того, кто стоял во главе хозяйства: если свёкор, то она, как и её муж, должна была исполнять его волю. Положение женщины менялось, когда муж вступал в наследование имуществом, и она становилась хозяйкой дома. Старшей женой становилась женщина, на которой мужчина женился раньше (у улчей, удэгейцев), либо старшая по возрасту (нивхи, орочи) [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 28. Л. 87—88; ПМА за 2002 г.]. Нередко хозяйкой в доме становилась любимица хозяина — самая молодая из жён [3, с. 151]. Кроме этого, большое значение имело имущественное положение каждой жены, величина её материального вклада в семью.

Молодой невесткой зачастую помыкала свекровь или старшие невестки, которые стремились переложить большую часть работ на её плечи. Младшие жёны были бесправны, они и их дети плохо питались. Все замечания они должны были выслушивать молча, не прекословя говорящим [Арх. МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 2]. Сноха должна была вставать раньше всех в доме и позже остальных ложиться. Заработанные ею средства (от продажи изделий домашних промыслов, ягод, грибов и т.п.) поступали в распоряжение свёкра или свекрови, которая могла выгнать её из дома, не считаясь с мнением своего сына — мужа женщины. У удэгейцев иногда невестку, чем-то не угодившую свекрови, брали за ноги, ударяли головой о дерево и бросали в реку, либо, бросив в реку, били шестами. Если она после этого выживала, то возвращалась в свой род [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 434. Л. 23]. У орочей и нанайцев самая младшая из замужних женщин варила обед и готовила обувь для мужа, детей и гостей [Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 96].

Очень тяжёлым было положение бездетных женщин и тех, у которых рождались одни девочки: мужья брали себе других жён, которые быстро занимали ведущее место в семье. Плохо обращались мужья и с жёнами, приобретёнными по обычаю *коктоу* (девушку отдавали замуж в качестве платы за убийство), которые нередко подвергались издевательствам и избиениям самыми извращёнными способами

[ПМА за 2002 г.; 1, с. 570—571; 7, с. 124; Арх. МАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 80. Л. 1; Арх. ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 92].

Положение снохи несколько улучшалось с рождением ребёнка. Женщина уделяла ему много сил, и с неё снимали часть работ. Только с этого времени молодой отец начинал отдавать своей жене деньги, получаемые им от охотничьего промысла.

В случае смерти мужа невестка теряла все свои права и вновь попадала в зависимость от его родственников, стремившихся женить на ней младшего сына (по обычаю левирата). В противном случае у неё отбирали детей. Когда вдова переходила в семью своего шурина со всем своим имуществом и детьми, то, как правило, она становилась «старшей» женщиной в семье, если не было матери мужа.

Прекращение женских физиологических функций позволяло уравнять женщин в правах с мужчинами, поэтому положение старших (пожилых, старых) женщин, благодаря их социальному и биологическому возрасту, в семье было иным. В прошлом у народов региона существовала система традиционно сложившихся нормативных предписаний, выражающих почтительное отношение к пожилой женщине. Только старуха, мать семейства, имевшая взрослых дочерей и других женщин под своим руководством, могла сидеть, разговаривать, есть вместе с мужчинами [Арх. МАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 54, 60—61, 64]. Младший мужчина кланялся старшим женщинам, становясь при этом на колени, а те его целовали в щёки. Сами они друг другу и старшим мужчинам не кланялись [13, с. 508]. У нивхов хозяйка дома не целовала гостей, а только обнимала и гладила по спине. Пожилые женщины *ычикху* (нивх.) могли выступать хранительницами родовых традиций, и, хотя в роде мужа они являлись «чужеродками», их советы принимались всеми членами к исполнению. После смерти мужа жена иногда оставалась полной хозяйкой [4, с. 217].

Старшая женщина, являясь одной из центральных фигур родственного коллектива, выполняла организаторские функции, распределяла обязанности по дому между другими, оказывала значительное влияние на внутрисемейные отношения [10, с. 117]. У ульчей мужчина распоряжался общесемейной кассой вместе со старшей женой *даи эня*. Старшая женщина регулировала отношения между остальными жёнами в полигамной семье или невестками в больших семьях. Она являлась хозяйкой амбара с продовольственными запасами [6, с. 181]. Высоким авторитетом старшей женщины предопределялась её исключительная роль в воспитании подрастающего поколения. Особенно это проявлялось в больших семьях. С раннего возраста бабушка приучала детей к трудовым навыкам: самообслуживанию, присмотру за младшими братьями

и сёстрами, кормлению домашних животных, использованию рациональных действий, направленных на охрану здоровья.

Многие из старших женщин пользовались авторитетом не только в своей семье, но и среди всей родни, принимали участие в семейном совете, выступали посредницами при решении конфликтов в других семьях. В архивных материалах 1897 г. упоминались нанайские и ульчские вдовы, возглавлявшие семьи. Однако, несмотря на высокий авторитет, старшие женщины оказывались лишёнными имущественных привилегий: их собственностью были только личные вещи, в случае развода они не получали доли общесемейного имущества.

В начале XX в. наблюдается постепенная трансформация статуса и роли женщины, которая, с одной стороны, была связана с увеличением числа малых нуклеарных семей на фоне уменьшения количества больших и неразделённых семей. В результате этого главами женской части дома становились ещё достаточно молодые женщины, которые могли заниматься хозяйственными делами без оглядки на старших невесток и свекровей. С другой стороны, знакомство с законами Российской империи дало женщинам большую правовую защищённость на государственном уровне.

Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура конца XIX — начала XX вв. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) увеличило экономическую независимость женщины, подняло её вес в глазах семьи и общества. Женщины стали играть основную роль в новых отраслях хозяйства — земледелии и огородничестве, выступая тем самым проводниками инноваций в традиционном обществе.

Изменения, произошедшие за годы Советской власти, затронули все стороны жизнедеятельности коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: их родовую организацию, традиционные социальные отношения.

Новые советские законы о семье обеспечивали право вступления в брак без принуждения, запрещали браки несовершеннолетних, многожёнство, подтверждали равноправие мужчин и женщин, провозглашённое уже в первых декретах Советской власти и утверждённое в Конституции РСФСР 1918 г. Внедрение этих принципов в жизнь было сложной задачей. Созданные на местах органы советской власти призывали к перестройке семейных отношений, проведению в жизнь новых законов о браке и семье, к активному участию женщин в общественной жизни и труде. С теми, кто в детстве был выдан замуж или отдан за долги «на воспитание» в другую семью, члены Советов, активисты проводили беседы. В случае необходимости главу семьи,

в которой они жили, обязывали выделить им часть имущества из своего хозяйства. Велась борьба и с многожёнством: туземные суды предлагали мужчинам оставить себе одну жену, а с остальными развестись.

Женщины стали привлекаться к работе Красных юрт, кооперативных организаций. Они наравне с мужчинами стали заниматься в пунктах по ликвидации неграмотности, их избирали в женсоветы, а позднее — и членами сельских советов. В 1920-х гг. среди, например, нанайской молодёжи, отправлявшейся на учёбу в города, девушек было не меньше, чем юношей.

Однако, несмотря на проводимую культурно-просветительскую работу, старые традиции, связанные с семьёй и брачными отношениями, преодолевались с большими трудностями [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 6. Л. 1, 3].

Культурная революция 1920—1930-х гг., проводившаяся на Севере с укрупнением селений, созданием колхозов, преобразованием хозяйства и быта, привела к тому, что дисперсное расселение малых народов, особенно оленеводов, уступило место концентрации их в новых хозяйственных и культурных центрах. В тот период значительная часть неразделённых семей начала дробиться на малые, появилось много межэтнических семей, что ещё больше способствовало изменению статуса женщин из среды коренных этносов.

С 1930-х гг. началась эпоха коллективизации, приведшая к дальнейшим изменениям традиционного уклада. Женщины стали выполнять мужскую работу: корчевать лес, ловить рыбу, вязать сети. С детских лет дети были оторваны от семьи. В результате в их сознании закрепились не традиционная модель поведения, а стандарты, привнесённые новым укладом общества. Все изменения они принимали как необходимость. Именно на 1930-е гг. приходится слом механизма передачи традиционного общества через семейные ценности [2, с. 7].

Великая Отечественная война ещё более осложнила демографическую ситуацию. На фронт ушли молодые и здоровые мужчины, что не могло не нарушить систему естественного воспроизводства населения. Много семей осталось без отцов, старших братьев и сыновей, в результате чего воспитание мальчиков легло на плечи женщин, и преемственность традиционного опыта по мужской линии была утрачена.

Изменения, происходящие в структуре семьи, — важные факторы обновления внутрисемейных отношений, в том числе статуса женщины в современной семье. В подавляющем числе полных семей до середины 1980-х гг. главами являлись мужья. Теперь нередко, как можно судить по похозяйственным книгам, этот статус имеют женщины. Отметим, что главой семьи, кроме семей вдов, разведённых и матерей-одиночек,

женщина является, как правило, в тех случаях, когда она либо принимает в дом нового мужа, либо имеет более высокий образовательный уровень и социальный статус, а в трети случаев супруга ещё и старше мужа. Так, у негидальцев в начале 2010-х гг. в 4,5% случаев главой семьи выступали женщины, а в 22,7% семей жены были старше мужей (возможно, это отголоски прежде существовавшего у них обычая левирата), особенно это касается браков женщин-негидалок с представителями других коренных этносов (44,4%), в 22% случаев женщины оставляли за собой свою девичью фамилию [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 175—208]. У тазов в однонациональных семьях в 18,8% случаев женщина является главой семьи (в 1990-е гг. этого явления не наблюдалось). В смешанных браках женщин-тазок с представителями других коренных этносов в 60% подобных семей она выступает главой, тогда как ранее, несмотря ни на что, главой семьи всегда оставался мужчина [9, с. 57—58; Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 777. Л. 94—105]. Современная тенденция такова, что высшее и среднее специальное образование чаще получают девушки. Например, у негидальцев доля мужчин и женщин со средне-специальным и высшим образованием составляет 7,7% и 10% соответственно [Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 175—208]. Вернувшись после учёбы из города, девушки зачастую выходят замуж за своих сверстников, имеющих только среднее образование. Отчасти это связано с тем, что мужчины всегда были более ориентированы на традиционные отрасли хозяйства, тогда как женщины стремились получить какую-либо специальность, чтобы в дальнейшем занять более высокое социальное положение. Подобные цифры свидетельствуют о достаточной независимости и самостоятельности женщин, о перераспределении ролей в современной семье.

Впрочем, официальный статус главы в семье в большинстве случаев является формальным. Даже при главенстве мужа в наше время, как правило, семейной кассой заведуют женщины. На них лежат обязанности по воспитанию детей, они ведут дом, притом работают на производстве и нередко получают более высокую заработную плату, чем мужа. Все важные вопросы муж с женой решают совместно. Семейный бюджет формируется из общих заработков, причём в последние годы в условиях хронической безработицы, затронувшей в большей степени мужчин, женщины зачастую являются единственными кормильцами семьи. Отчасти изменились и выполняемые в семье функции мужчин. Они выполняют виды работ, в прошлом считавшиеся чисто женскими, в частности заготавливают воду, топливо [6, с. 328—329].

Социальный статус женщин выше, чем у мужчин, и далеко не каждая, например, эвенкийка соглашается связать свою жизнь с человеком,

социально-культурные характеристики которого не соответствуют её ожиданиям [8, с. 259]. Подобные противоречия зачастую приводят к бракоразводным процессам. В настоящее время расторжение брака не является редкостью; чаще всего его инициатором выступает женщина, что в традиционной семье было практически невозможно. Тенденция роста разводов во всех типах семей фиксируется исследователями у всех народов и во всех регионах страны. Отношение общества к этому явлению повсеместно стало более либеральным. Сегодня уже никто не осуждает ни саму процедуру расторжения брака, ни разведённых женщин. Основной мотив расторжения брака — злоупотребление мужа спиртными напитками или его тюремное заключение. Подобные явления и распространение такого не известного ранее явления, как семьи матерей-одиночек, тоже свидетельствуют об изменении социального статуса женщины у коренных этносов указанного региона, увеличении её независимости.

Таким образом, в ходе исследования выяснилось, что статус женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина зависел от того, какое место она занимала в данный момент в системе семейно-родственных связей — дочери, жены, матери, в рамках какого социума она осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины она контактировала. Самым главным фактором, определявшим статус женщины, являлась степень её участия в экономической жизни семьи, в воспроизводстве, в обеспечении благополучия всех её членов, её контроль над собственностью и продуктами своего труда, зависящими, в свою очередь, от существующей в обществе системы власти. Отсюда становится понятен более высокий общественный и семейный статус старших женщин, нежели молодых женщин и девочек.

Женщины в традиционных культурах не являлись пассивными членами общества, а активно участвовали в производственной, социальной, нравственной жизни. Ограничения на участие в родовых мероприятиях («кормлении» воды, тайги, на медвежьем празднике) нельзя смешивать с общим правовым положением женщины в традиционном обществе. И если в одних жизненных обстоятельствах её положение было вторичным и подчинённым, то в других она играла весьма значительную социальную роль как в своём доме, так и в рамках всего общества. Проблема взаимоотношений между мужчиной и женщиной лишь разводила их по противоположным, но равновеликим сторонам, что само по себе исключало неравенство и подчинённость, и, скорее, предполагало постоянный процесс взаимопритяжения. У женщин была своя, ничем не заменимая специфическая роль в культуре.

Начиная с конца XIX в., с момента знакомства коренных этносов с русскими переселенцами, статус женщины-инородки стал постепенно меняться в сторону увеличения её экономической самостоятельности, которая в силу ряда объективных причин (советские законы о семье и браке, культурная революция, ВОВ и др.) достигла наибольшего пика в середине XX столетия. В настоящее время статус женщины из среды коренных народов Нижнего Амура и Сахалина, её положение в семье приближено к статусу и положению среднестатистической россиянки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белиловский К.А. Женщина инородцев Сибири (медико-этнографический очерк) // Оттиск из: Сборник работ по акушерским и женским болезням, посвящённый проф. К.Ф. Славянскому в 25-летие его врачебно-учёной деятельности. Спб., 1894. С. 527—629.
2. Ким А.С., Кныш А.В., Лях П.П., Менделён Н.Г., Прасолова М.П., Смирнов Б.В. Малочисленные этносы Приамурья: Монография / Отв. ред. Б.В. Смирнов. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та, 1993. 71 с.
3. Мейер Е.Е. Письма с Амура. К С.В.М. // Вестник Сахалинского музея. Ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. 2000. № 7. С. 119—156.
4. Пухта М.Н. О нивхском этикете // Известия Института наследия Бр. Пилсудского. Институт наследия Бр. Пилсудского при Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск: Сахал. обл. краевед. музей, 1999. С. 217—223.
5. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
6. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
7. Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток: Дальнаука, 2008. 278 с.
8. Фадеева Е.В. Демографические характеристики современной семьи тазов Приморья // Историческая демография. Научный журнал. Москва — Сыктывкар, 2017. № 2 (20). С. 57—60.
9. Ходжер Г.Г. Конец большого дома. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 368 с.
10. Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Зап. Приамур. отд. РГО. Хабаровск, 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 1—131.
11. Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Кн. 34. С. 1—20.
12. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Кн. изд-во, 1933. 740 с.
13. Арх. ИИАЭ ДВО РАН (Арх. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН).
14. Арх. МАЭ РАН (Арх. Музея антропологии и этнографии РАН).
15. Арх. ОИАК (Арх. Общества изучения Амурского края).
16. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока).
17. ПМА (Полевые материалы автора).

УДК 398.22 (571)

Л.Е. ФЕТИСОВА*

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА КАК ОБЪЕКТ ФОЛЬКЛОРНОГО ОСВЕЩЕНИЯ (НАРОДНАЯ НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА)

Статья посвящена отражению истории российского Дальнего Востока в устном народном творчестве. Автором использованы как опубликованные источники, так и собственные экспедиционные материалы. Отмечено, что ранние исторические сюжеты нашли отражение в казачьем фольклоре и были связаны с закреплением первопроходцев на восточных рубежах в XVII в. В основу таких преданий положены реальные события, которые находят подтверждение в архивных документах. Наряду с этим дальневосточные нарративы содержат реминисценции из ранних преданий, что включает их в общее пространство русского воинского фольклора. Со второй половины XIX в. началась земледельческая колонизация региона. Устное творчество крестьян-переселенцев содержит сюжеты о трудностях освоения жизненного пространства в новых условиях. Для сознания первопоселенцев была характерна идеализация исторической родины и гиперболизация достоинств своих предков. Реалии новой действительности получили отражение в рассказах тюремно-каторжной тематики. Определённое место в устном творчестве дальневосточников заняли сюжеты о взаимоотношениях с представителями пограничных государств, прежде всего с китайцами. На возникновение новой тематики повлияли также события Гражданской войны и иностранной интервенции. Анализ героико-эпических и семейных преданий показал, что они играют важную роль в создании устной истории, которая формирует коллективную память, объединяя прошлое с настоящим и будущим.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, казачий фольклор, крестьянская нескладочная проза, реальные события, устная история.

L. E. FETISOVA

HISTORY OF THE RUSSIAN FAR EAST AS AN OBJECT OF FOLKLORE PERCEPTION (FOLK NON-FAIRYTALE PROSE)

The article is devoted to the reflection of the history of the Russian Far East in oral folk art. The author uses both published sources and her own expedition

---

* ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна — канд. филол. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: fetisova.lidie@yandex.ru.

materials. It is noted that the early historical events were reflected in the Cossack folklore that was devoted to the Russian consolidation on the Far Eastern borders in the 17th century. These legends are based on real facts, which are confirmed in archival documents. Along with this, the Far Eastern narratives contain reminiscences from early legends, which include them in the general fund of Russian military folklore. From the second part of the 19th century, the stage of agrarian colonization of the region began. The oral peasant stories contain a lot of motives about the difficulties of mastering the living space in the new conditions. The memory of the settlers was characterized by the idealization of their historical homeland and their ancestors. The facts of the new reality were reflected in the stories of prison-convict subjects. The stories about relations with representatives of neighboring countries, especially with the Chinese, had a certain place in the Far Eastern folklore too. The events of the Civil War and foreign intervention had a significant impact on the emergence of the new topic. The analysis of heroic legends and family narratives showed that they were involved in the creation of oral history, which formed a collective memory, combining the past with the present and the future.

Keywords: the Russian Far East, Cossack folklore, Peasant non-fairytale prose, real events, oral history.

Движение к востоку является одной из констант российского мышления и менталитета. По мнению Ю.М. Лотмана, «„Восток“ и „Запад“ в культурной географии России неизменно выступают как насыщенные символы, опирающиеся на географическую реальность, но фактически императивно над ней властвующие» [5, с. 746]. История дальневосточного региона, став объектом фольклорного осмысления, превратилась в один из важнейших культуuroобразующих факторов не только для дальневосточников, но в целом для россиян.

Ранние историко-героические сюжеты о новых землях представлены рассказами первопроходцев, зафиксированными в их «отписках» и «скасках». Наиболее значимые из них нашли отражение не только в устной прозе, но и в эпических песнях: таков, в частности, сюжет об осаде Кумарского (Комарского) острога маньчжуро-китайцами. Информация об этом событии имеется и в исторических документах: в марте 1655 г. были убиты 20 казаков, вышедших за укрепленные пределы, после чего крепость подверглась осаде. Однако осажденные, располагавшие достаточно мощным огнестрельным оружием, сумели отбиться [6, с. 343].

В своё время рассказы первопроходцев были использованы Н.Г. Спафарием, главой русского посольства в Пекине (1675—1678), при написании «Сказания о великой реке Амуре» — последней главы его знаменитого труда «Описание первой части Вселенной, именуемой Азией...». Исследователи справедливо полагают, что автор опирался на сведения, полученные от участников разных походов на Амур, поскольку сам Н.Г. Спафарий там не бывал. Наиболее широко представлены сообщения В.Д. Пояркова и его спутников — участников первого русского похода по Амуру (1643—1645). По-видимому, со слов очевидцев был записан рассказ о «водяном бое» в устье р. Сунгари, в результате которого погибла основная часть отряда Онуфрия Степанова (1658). В «Сказании...» имеются также сведения о разрушении и восстановлении Албазинского острога [7, с. 274—278].

С 1682 по 1689 г. Албазин являлся не только самым значительным укреплением Албазинского воеводства, но также его экономическим и культурным центром. Именно там был создан замечательный памятник русской словесности «Повесть о чудеси святых благоверных князей Всеволода и Довмонта, во святом крещении наречённых Гавриила и Тимофея псковских чудотворцев». При написании текста авторы использовали устные рассказы, в которых нашли отражение как реальная оборона Албазина от маньчжуро-китайцев, так и фольклорные константы, встречающиеся во многих воинских сюжетах. В «Повести о чудеси...» к числу таких постоянных мотивов относится, в частности, встреча албазинцев с псковскими чудотворцами, которые предсказали осаду острога в 1685 и 1686—1687 гг. [2, с. 6—7].

Ещё один эпизод, связанный с обращением к фольклорному фонду, включён в описание так называемого «албазинского сидения» — повторной блокады Албазина. В первый раз защитники крепости вынуждены были капитулировать, поскольку не могли противостоять маньчжуро-китайцам, вооружённым пушками, отлитыми для них голландскими иезуитами. После ухода противника острог был восстановлен. Вторая осада носила затяжной характер. Согласно преданию, защитники крепости отказались от помощи, предложенной маньчжурами. Более того, возглавлявший оборону казачий голова Афанасий Бейтон в качестве пасхального подарка послал врагам пшеничный пирог весом в один пуд, чтобы показать, будто осаждённые ни в чём не нуждаются. Блокада была снята в августе 1687 г. Противник оставил под стенами крепости половину своих солдат — 2,5 из 5 тыс., но и албазинцев почти не осталось [2, с. 8]. Ряд исследователей считают эпизод с пасхальным пирогом действительно историческим фактом,

но более вероятным представляется использование авторами повести готовой художественной конструкции, встречающейся в разных текстах русского воинского фольклора.

Согласно Нерчинскому договору 1689 г. Россия лишилась крепости Албазин и прилегающей части Приамурья. Лишь со второй половины XIX в. в освоении Приамурья и Приморья начался новый этап, связанный с именем генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва. По его инициативе и при его непосредственном участии в 1854—1858 гг. вниз по Амуру был осуществлён сплав войск, боеприпасов и продовольствия, что позволило закрепить военное и политическое присутствие России на Дальнем Востоке. Заключение Айгунского (1858), а затем Пекинского (1860) договоров привело к окончательному оформлению российско-китайской границы в дальневосточном регионе [8, с. 24—34].

Граф Муравьёв-Амурский стал культовой фигурой для участников сплавов. В семье потомственных казаков Захаровых помнили, что их дед Ануфрий Захаров прибыл на Амур в числе первых. *«Привезли деда с семьёй со товарищами на берег Амура, высадили и сказали: „Вот здесь жить будете. Ни вправо шаг, ни влево сажени делать не надо. Тут ваше место“»*. Однако на второй год пребывания на Амуре случился жестокий голод: все посевы погубила засуха. *«... В ту годину выжил дед, он живучий был, из четырёх его сыновей осталось два: отец мой да самый малый брат его, сестёр три было, все умерли. Вот так-то оно получилось: от большой казачьей семьи пищик остался. Но так уж ведётся: в одной запазухе у человека беда прячется, в другой он счастье носит»* [9, с. 356—357]. Запись передаёт колорит народной речи, объективно отражает жёсткие принципы распределения земли под станицы и показывает трудности, с которыми столкнулись первопроходцы. Таким образом, устное творчество оказывается достаточно надёжным носителем исторической памяти, которая является способом «сохранения и трансляции прошлого в современность» [4, с. 90].

Как видим, до начала массового крестьянского переселения на Дальний Восток основным источником материала для народной истории региона служили воспоминания казаков-первопроходцев. Со второй половины XIX в. этот источник стал пополняться рассказами представителей крестьянского сословия. Семейные предания по настоящее время сохраняются в памяти местных старожилов, потомков первопоселенцев.

В устной народной прозе заметное место занимают сюжеты о ранних переселениях через Сибирь. Безусловно, эта информация содержится и в официальных документах, которые являются базой научных

исследований, но безыскусные повествования самих крестьян придают историческим фактам эмоциональную содержательность. Таков, например, рассказ Евдокии Архиповны Тюменевой (с. Тамбовка Амурской обл.). Её дед по материнской линии, уроженец Киевской губернии, был ходяком. На переселение в Амурскую область решился из-за безземелья. *«Шли три года. Зимой подрабатывали у богатых, затем или дальше. Одна семья не ехала — „спрягались“»*. Для проживания им была определена д. Успеновка в 5 км от ст. Средне-Белой. *«Сами тогда корчевали берёзы [по словам Евдокии Архиповны, несколько деревьев оставляли возле хаты. — Л.Ф.]. Брали земли, сколько могли. [Всего хозяйства] одна свинья, одна корова, одна лошадь. У тёти, вдовы, тоже лошадь. Впрягали пару в „козультку“, вспахивали четыре десятины»* [Личн. арх. автора. Зап. в с. Тамбовка Тамбовского р-на Амурской обл. в 1992 г. от Е.А. Тюменевой, 1911 г.р.].

Народные нарративы разной степени художественности выполняют общую функцию: отражают процесс формирования жизненного пространства, в котором важное значение имели не только природные условия, но также социальная среда и культурный ландшафт. На новом месте приходилось заново устанавливать связь человека со средой его обитания. Не удивительно, что переселенцы стремились воссоздать образ жизни, оставшийся в прошлом, но символизирующий для них стабильность бытия. Идеализация исторической родины и своих предков была характерна для традиционного мышления и в полной мере заявила о себе при освоении новых территорий на востоке страны. Эта особенность крестьянского мировосприятия получила отражение в устных рассказах-меморатах, которые имели узко локальное распространение, но были жизненно важны для определённого круга лиц, связанных родством или общинными интересами.

При общей установке на достоверность семейные предания могли содержать явные художественные преувеличения. Так, один из старожилов амурского села Бибиково рассказывал, что его дед был необычайно метким стрелком: *«муху на лету пулей снимал, комару в глаз попадал»*, что неоднократно демонстрировал своим землякам и даже однажды — самому генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьёву [9, с. 357].

Однако чаще рассказы-мемораты излагались обычным разговорным языком, не имели развёрнутого сюжета, ограничиваясь констатацией конкретных фактов. В числе достоинств, которыми обладали предки, нередко называлось умение петь: *«Как запоют, аж вулиця трещить»*. Е.Г. Волошина из с. Речица Шкотовского р-на рассказывала: *«Отец хорошо пел. Гости приходят: „Гриша, пали лампу“». Отец зажигает лампу (керосиновую). Отец здорово в гору тянул. Как затаяет, так лампа тухнет»* [Арх. ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 44]. Жительница

приморского села Майхэ (совр. Штыково) А.Г. Дорошенко вспоминала: *«Моя matka пела... Мать была такая, каких теперь нет и не будет. Всё уме-ла: и ткать, и прядь, и вязать, и лечить, за ветеринара и за фельдшера»* [Арх. ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 19].

Для сохранения активности материнские традиции должны были находить поддержку не только в сознании переселенцев, но и в реалиях новой действительности. Не случайно в восточных районах, являвшихся местом каторги и ссылки, большой популярностью пользовались рассказы о несправедливо осуждённых. Наряду с этим постоянный интерес вызывали судьбы удачливых преступников, долгое время уходивших от наказания. В сахалинском фольклоре рубежа XIX—XX вв. встречались такие персонажи, как «Иван Пройди-свет» и знаменитый московский убийца Блоха, получившие прозвища за свою неуловимость [3, с. 239—240]. Упорно ходил слух, что отбывающая срок Софья Блювштейн вовсе не «Золотая Ручка»: это «сменщица», подставное лицо, а «настоящая» Сонька продолжает свою деятельность в России [3, с. 351].

Среди сюжетов, специфических именно для южной части региона, следует назвать описание взаимоотношений с представителями жёлтой расы. Достаточно известны рассказы о зверствах китайских разбойников-хунхузов, но нельзя не отметить и ситуации, характеризующие наших сограждан не лучшим образом. В частности, в некоторых населённых пунктах в качестве доходного промысла существовала так называемая охота на фазанов — нападение на китайских и корейских отходников, когда те возвращались с заработком на родину. Такие истории нам доводилось слышать во время экспедиционных работ. В начале XX в. об этом писал Н.П. Матвеев-Амурский: *«Некоторые охотники находят очень выгодную охоту на возвращающихся домой корейцев. Они нападают где-нибудь в глухом месте на несчастного „кауля“ и заставляют его выкладывать все деньги, какие у него имеются, и затем, давши ему несколько пинков, отпускают»* [1, с. 44]. Бывали случаи, когда жертву не отпускали живой. Одно из таких дел стало предметом судебного разбирательства и было описано Н.П. Матвеевым-Амурским в очерке «Лебеди (из жизни Южно-Уссурийского края)».

Заметный след в памяти приморцев оставили события Гражданской войны и иностранной интервенции. Рассказы об этом периоде записывались историками и фольклористами, краеведами и журналистами. Материалы хранятся в государственных и личных архивах и в большинстве своём отражают идеологию советской эпохи. Один из наших информантов, В.С. Ларченко, лесник из с. Новонежино (Шкотовский р-н Приморского края), 1883 г.р., вспоминал: *«Когда я приехал на Дальний*

Восток [из Донбасса в 1906 г. — Л.Ф.], я уже был напитан революционным духом». В годы Гражданской войны он помогал партизанам, снабжая их продуктами, в том числе дичью. В.С. Ларченко рассказывал, как ему удалось получить разрешение на оружие. «Как-то приехали мы в Петровку на подводах, а там полковник Орлов. И приказ на площади — сдать оружие, а то накажем. Я смелый был. Я захожу, там сидит полковник Орлов. Я завожу знакомство с Орловым: „Я еду за кирпичом для школы. Я охотник, ношу дробовое ружьё, а ходить с ним боюсь: вдруг задержат, скажут, партизан. Напишите разрешение носить дробовое ружьё“. Он охотно написал. Ещё спросил: „Можно приехать на охоту?“ „Можно, — говорю, — у нас спокойно, партизан нет“. Эта справка мне так помогла... [Я] много дичи бил, партизан кормил» [Арх. ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 148—149]. Многократное повторение придавало народным мемуарам определённую художественность.

Как видим, на территории позднего заселения общий фольклорный репертуар формировался на основе традиций, находивших поддержку в новой среде обитания. Отличительной особенностью народной несказочной прозы является её субъективно-оценочный характер, что соответствует понятию «устной истории», которая имеет дело не столько с объективными фактами, сколько с их интерпретацией. Фольклоризация истории (в том числе истории повседневности) и в наши дни нередко сопровождает «искусство памяти». Именно художественное осмысление прошлого, даже основанное на вымысле, позволяет воссоздать колорит конкретной эпохи, понять, какие эмоции испытывали свидетели и участники тех или иных исторических событий.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антология литературы Дальнего Востока в 12 т. Приморский край. Проза / сост., вступит. статья и биограф. сведения об авторах А. Лобычева; идея, составл. А. Колесова. Владивосток: Тихоокеанское изд-во «Рубеж»; изд-во «Валентин», 2016. 879 с.
2. Артемьев А.Р. Два сюжета из истории культуры русского населения Приамурья во второй половине XVII в. // Векторы культуры Тихоокеанской России: история и современность: сб. науч. тр. Владивосток: Дальнаука, 2006. Вып. 1. С. 5—18.
3. Дорошевич В. «ГУЛАГ» царской России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 507 с.
4. Каминская Е.А. Контексты исторической памяти и традиционный фольклор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 90—97.

5. Лотман Ю.М. Современность между Востоком и Западом // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 744—751.
6. Народные исторические песни / вступит. статья, подготовка текста и примеч. Б.Н. Путилова. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. 405 с.
7. Полевой Б.П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 271—279.
8. Сергеев О.И. Включение Приамурья и Приморья в состав Российской империи // Приморье в составе России: к 150-летию заключения Пекинского договора. Сб. науч. ст. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 21—46.
9. Элиасов Л.Е. Амурский фольклор // Приамурье моё. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1970. С. 354—365.
10. Арх. ДВО РАН (Арх. Дальневост. отделения Российской академии наук).
11. Личн. арх. автора.

VI. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 32(571.6+5)

В.Л. ЛАРИН*

ТИХООКЕАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: МЕЖДУ ДВУМЯ КРИЗИСАМИ

Статья посвящена основным тенденциям тихоокеанской политики РФ во втором десятилетии XXI в. Автор анализирует содержание и результаты «внутренней» и «внешней» составляющих «поворота России на Восток», выделяет два подхода Кремля к развитию Дальнего Востока и к отношениям с пограничными с регионом государствами (кооперационный и охранительный) и делает вывод, что на данном историческом этапе нового рывка в продвижении РФ на Восток не произошло.

Ключевые слова: тихоокеанская политика России, «поворот России на Восток», внутренняя политика, внешняя политика, международные отношения.

V.L. LARIN

RUSSIA'S PACIFIC POLICY: BETWEEN TWO CRISES

The paper is devoted to the main trends in Russia's Pacific policy in the second decade of the twenty-first century. The author analyses the content and outcomes of "internal" and "external" components of "Russia's turn to the East", distinguishes the Kremlin's two approaches to the development of the Far East and its relations with neighbouring countries (cooperative and protective) and concludes that Russia's new eastward march has not occurred at this point in history.

Keywords: Russia's Pacific policy, "Russia's turn to the East", domestic policy, foreign policy, international relations.

---

* ЛАРИН Виктор Лаврентьевич — акад. РАН, д-р ист. наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: victorlar@mail.ru.

Второе десятилетие XXI в. начиналось для России в условиях эйфории ВСМИ, части научного сообщества и особенно придворных политиков по поводу «поворота России на Восток», её «интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион» и — как ключевого фактора «поворота» и «интеграции» — «ускоренного развития» Дальнего Востока [см.: 7, с. 16—19]. Заканчивалось строительство нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан, Владивосток интенсивно готовили к проведению форума АТЭС, били рекорды объёмы торговли РФ и ДВФО с Китаем, Японией и Южной Кореей, В. Путин провозгласил идею создания «единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» [24], и даже последствия мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. не смогли сбить праздничного настроения и радужных ожиданий.

Однако реалии современности оказались куда прозаичней. Пандемия 2020 г. не только привела мир в состояние очередного экономического застоя, но и заставила более трезво посмотреть на процессы, происходящие на планете в целом и её тихоокеанском сегменте в частности, оценить позицию, усилия и вклад каждого актора. Политика РФ на тихоокеанском направлении второго десятилетия нового века как раз и является одним из объектов, требующих такого анализа.

Начнём с попытки дефиниции самого понятия «тихоокеанская политика России». Прежде всего, приходится констатировать, что ни в политическом, ни в правовом дискурсе оно, несмотря на длительность процесса продвижения российского государства на побережье Тихого океана, до сих пор никак не оформлено. В академическом сообществе это понятие толкуется достаточно произвольно и преимущественно сводится к изучению двусторонних отношений РФ с государствами Тихоокеанской Азии. Однако, с моей точки зрения, ограничивать тихоокеанскую политику России (ТПР) только узким сегментом внешних связей неправомерно. Восточные районы страны играют в этом процессе очень важную, если не ключевую, экономическую и политическую роль, именно через них преломляются, в частности, интересы Японии и Южной Кореи в отношении России, а поэтому ТПР надо рассматривать как много более сложное явление и в современном, и в историческом контекстах. В данной статье под ТПР понимается комплекс экономических, социальных, политических, гуманитарных и иных действий российского государства, нацеленных на удержание, развитие и обеспечение безопасности притихоокеанских территорий России (Тихоокеанской России), а также выстраивание отношений со странами Тихоокеанского бассейна.

Во всех аспектах ТПР — политическом, экономическом, военном, гуманитарном — присутствуют «внешняя» и «внутренняя» составляющие.

Первая из них — это часть глобальной политики Кремля. Соответственно, она нацелена на обеспечение глобальных интересов России посредством поддержания и развития отношений со странами тихоокеанского бассейна, а также формирования периметра безопасности вдоль восточных границ. Целью «внутренней» составляющей является удержание и развитие восточных территорий страны — Тихоокеанской России. Ключевые препятствия, которые мешают достижению этих целей, связаны с двойным периферийным статусом данного региона (периферия РФ и периферия Восточной Азии) и его пограничным положением, поскольку угроза потери всей или части территории, её малая населённость и слабая связанность с Центральной Россией являются перманентными вызовами для Кремля.

При этом приходится констатировать, что кодифицированной, юридически или политически оформленной политики РФ на Тихом океане не существует. Имеются:

- Большое количество решений и официальных документов, определяющих алгоритм действий российского правительства по развитию Тихоокеанской России.
- Внешнеполитические доктрины, многосторонние и двусторонние международные документы, которыми Кремль руководствуется при развитии отношений со странами региона.
- Набор конкретных шагов российского правительства, предпринимаемых в целях решения определённых задач внутри страны и на международной арене.

Безусловно, у РФ есть чётко сформулированные и зафиксированные в различных документах интересы на Тихом океане [см.: 4; 5; 6]. Предпринимаются какие-то действия, чтобы их отстаивать и продвигать. Но вот политики как таковой, т.е. комплекса осознанных и скоординированных действий государства, нацеленных на удовлетворение интересов правящей в нём элиты, не существует.

И в стране, и за её пределами новое оживление ТПП нередко отождествляют с так называемым восточным поворотом Кремля, ставшим ответом на американский «поворот к АТР», который на рубеже первого-второго десятилетий XXI в. анонсировала Госсекретарь США Х. Клинтон [23]. На самом деле, первый толчок возрождению двусоставной ТПП дал М. Горбачёв, когда в 1986 г. во Владивостоке заявил о необходимости «использовать „внешние ресурсы“ Азии для развития Сибири и советского Дальнего Востока, чтобы сделать их мостом для экономической интеграции СССР в Азиатско-Тихоокеанский регион» [14]. Принципиально иное понимания сути этой политики, связанное с проблемой обеспечения национальной безопасности, озвучил

В. Путин в самом начале пребывания на посту президента РФ. 21 июля 2000 г. в Благовещенске он заявил: «Вопрос о перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья стоит для страны очень остро, я бы сказал, даже драматично. По сути, речь идёт о существовании региона как неотрывной части России» [12].

Фактически в приведённых выше цитатах представлены два подхода Кремля к развитию Дальнего Востока и отношениям с пограничными с ним государствами: кооперационный («мост», «коридор», «плацдарм» для интеграции) и охранительный (существование региона как «неотрывной части России»). В последующем В. Путин неоднократно высказывался в пользу строительства такого «моста»*, функция региона как «транзитной» или «контактной» зоны закреплена в стратегических документах и программах действия правительства РФ [см.: 16; 22]. Однако именно охранительный подход, чётче всего обозначенный в декабре 2006 г. на заседании Совета безопасности Российской Федерации [13], подспудно становится доминирующим при принятии политических решений о модели развития Тихоокеанской России.

Существует несколько базовых ассоциаций, которые формируют у политической, деловой и большей части академической элит современной РФ отношение к Дальневосточному региону. В их представлениях Тихоокеанская Россия — это, прежде всего:

- Контактная зона, необходимая для осуществления «поворота на Восток» и создания «большой Евразии».
- Источник доходов для бюджета и прибылей для госкорпораций и крупного частного бизнеса, ориентированных на энергетику, транспорт, добычу сырья.
- Перманентная головная боль, которую обеспечивают экономическая и социальная слабость региона и потенциальный сепаратизм его населения.
- Источник потенциальных угроз извне (территориальные претензии Япония и — отложенные — Китая).
- Тяжёлое управленческое бремя (финансовая нагрузка, трудности, связанные с расстоянием, часовыми поясами, а также разницей экономических интересов Москвы и региона).

Приоритеты представители разных элит расставляют по-разному, но общее представление о Тихоокеанской России совпадает, определяя и коллективное отношение к ней, и формирование ТПР. Немаловажно, что дальневосточник в данной парадигме выглядит, прежде всего, как

* Например, в сентябре 2018 г. на ВЭФ он утверждал, что «Дальний Восток может и должен стать мощным экономическим и индустриальным центром с большим экспортным потенциалом» [11].

«трудовой ресурс», который постоянно недоволен и чего-то требует, вынуждая власть изыскивать какие-то средства, чтобы закрепить этот ресурс в регионе. При этом нелюбовь взаимна: в представлении большинства дальневосточников именно неадекватная политика Москвы является одной из главных угроз безопасности и развитию Тихоокеанской России [8, с. 33].

Имея столь неуравновешенную конструкцию, трудно представить, чтобы обременённый большим количеством слабостей и уязвимостей регион мог бы реально сделаться платформой для эффективной и плодотворной деятельности РФ в Восточной Азии и АТР. Именно поэтому саммитом АТЭС во Владивостоке «поворот» практически завершается. Угроза потери региона отступила, перед страной возникли более актуальные вызовы (Крым, Украина, Сирия, обострение противоречий с США и ЕС), требующие огромных финансовых средств и политических усилий, и тихоокеанское направление политики очень быстро ушло на третий план. Правда, были ещё какие-то рефлексивные попытки правительства сохранить хотя бы инерцию движения посредством создания стимулов для привлечения российского и зарубежного бизнеса в дальневосточную экономику, но особым успехом они не увенчались.

По этим причинам идея превращения Дальневосточного региона в «плацдарм российской интеграции в АТР», столь популярная в начале десятилетия, потихоньку уходит в никуда. И это понимание декларативности роли Тихоокеанской России как интеграционной платформы в АТР наконец-то проникло в документы последних лет. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. говорится лишь о заинтересованности страны «в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока» [5].

Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 г. «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока» острожно нацеливает на «ускорение экономического роста, в том числе за счёт развития экспортно-ориентированных отраслей экономики» [20]. Наконец, последняя федеральная программа развития Дальнего Востока ограничивается тем, что к ключевым конкурентным преимуществам региона относит его «экономико-географическое положение в непосредственной близости к самому большому в мире и быстро растущему рынку Азиатско-Тихоокеанского региона» и «расположение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой» [10].

Таким образом, значение «внутренней» составляющей в ТПП во втором десятилетии XXI в. постепенно снижается, роль Тихоокеанской

России низводится до транспортного коридора, призванного обеспечить взаимодействие РФ со странами бассейна Тихого океана. В майском декрете (2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 г.» перед Тихоокеанской Россией поставлены всего две задачи: «увеличить грузооборот портов тихоокеанского бассейна» и «развивать Северный морской путь, увеличить грузооборот по нему до 80 млн т» [19].

В отличие от «внутренней» компоненты, которая, при всех её противоречиях и зигзагах, имеет понятную логику и определённую последовательность, «внешняя» составляющая ТПР достаточно аморфна. Одним из её приоритетов является скорее пропагандистская, чем доступная для реализации идея создания в регионе «всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества» [5]. Это понятно в условиях серьёзности угроз и вызовов для России на Тихом океане, среди которых не только десятилетиями тлеющие территориальные споры, взрывоопасная обстановка на Корейском полуострове, но и раскручивающийся конфликт между США и КНР, растущий государственный национализм в странах региона. Но вот конкретной и инициативной повесткой решения этих проблем Москва так и не обзавелась.

Нагляднее всего о качественном наполнении «восточного поворота» Кремля свидетельствует сухая статистика. Экономические результаты взаимодействия России с её главными партнёрами на Тихом океане, за исключением Китая, можно смело оценивать со знаком «минус». Объём торговли РФ с Японией, Южной Кореей и США в конце второго десятилетия (2019) был ниже, чем в его начале (2011), а пандемийный 2020 г. вообще опустил их на уровень 2006—2007 гг. (рис. 1).

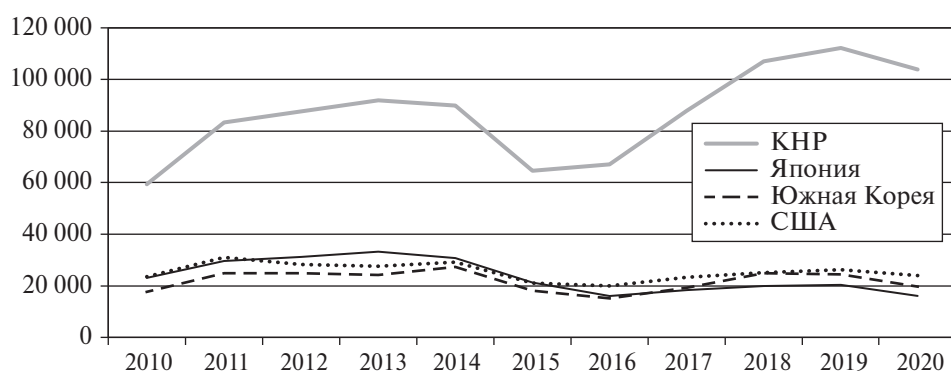

Рис. 1. Торговля России с главными экономическими партнёрами в Тихоокеанском бассейне (млрд долл.). Сост. по данным таможенной статистики РФ: [21]

За последние 10 лет экономическое присутствие ведущих государств Тихоокеанского бассейна в России не только не выросло, но и сократилось. По данным Центрального банка РФ, совокупный объём накопленных инвестиций из КНР, США, Японии и Южной Кореи на 1 июля 2020 г. составил лишь 2,7% от общего объёма ПИИ в РФ (12 млрд долл.). Это в два раза меньше, чем было на начало 2014 г. [15].

Более того, это десятилетие ТПП ознаменовалось снижением масштабов экономического взаимодействия восточных районов РФ — мифического «интеграционного плацдарма» — с их азиатскими соседями (рис. 2). Да и доля ДФО в совокупном объёме торговли страны с её главными партнёрами в Тихоокеанской Азии (Китай, Япония, Южная Корея) сократилась с 20,4% в 2011 г. до 17,3% в 2020 г. То же наблюдается в реализации вроде бы достигнутых договорённостей о привлечении китайских и корейских инвестиций к развитию Дальнего Востока: много слов, радужных картин и мизерные результаты [см.: 9, с. 15—17; 17, с. 344—349]. «Плацдарм» экономического присутствия России на Тихом океане не укреплялся, а сжимался.

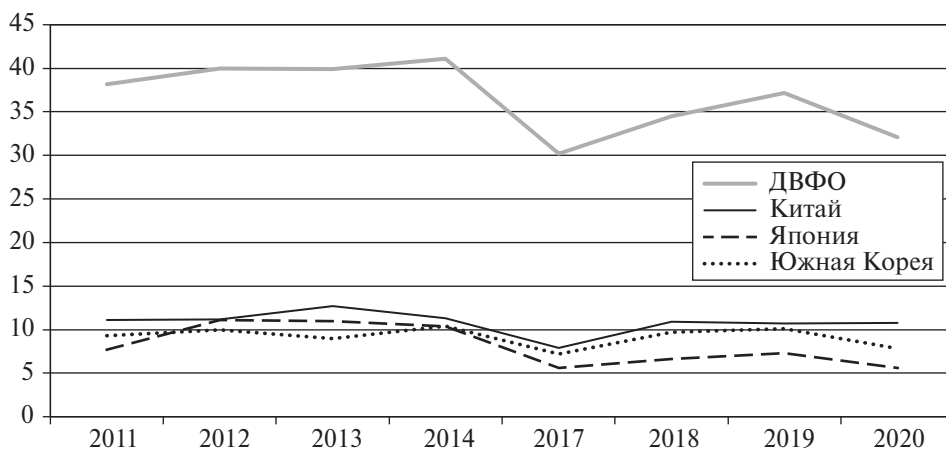

Рис. 2. Торговля ДФО (в границах 2020 г.) с основными внешнеэкономическими партнёрами (млрд долл.). Сост. по данным Дальневосточного таможенного управления: [2]

Не удивительно, что при отсутствии реальных результатов в развитии экономических отношений в политическом диалоге РФ с государствами Тихоокеанской Азии преобладает словесная эквилибристика. Да и сама «Тихоокеанская политика России» являла собой скорее демонстрацию дипломатического политеса и декларацию «добрых намерений» Москвы в отношении отдельно взятых стран региона, чем внятный и последовательный набор действий, нацеленных

на решение каких-то конкретных задач. В качестве иллюстрации такого подхода можно взять формулировки приоритетов России в отношениях с государствами Тихоокеанской Азии, обозначенные Президентом РФ В. Путиным на полях Восточного экономического форума 2018 г.: «Нам необходимо сотрудничать с Китаем, Японией, Южной Кореей и Монголией... Мы готовы обсуждать трёхсторонние проекты сотрудничества с РК и КНДР в сфере инфраструктуры, энергетики и других областях» [11]; «Япония — это важный и надёжный партнёр для России» [3]; «Республика Корея — наш важный и перспективный партнёр в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы удовлетворены развитием наших двусторонних отношений: они развиваются поступательно по всем направлениям» [1].

На четырёх из пяти «этажей» китайской политики РФ (глобальном, национальном, региональном и индивидуальном) наблюдался очевидный застой. Энергичные попытки обеих сторон проторить евразийскую колею в отношениях — соединить китайскую инициативу «Пояса и пути» с российским концептом «Большой Евразии» — не вышли за пределы теоретических обсуждений. Под традиционным углом зрения — «непотопляемый авианосец США», потребитель российских энергоресурсов, потенциально выгодный партнёр для подъёма экономики Тихоокеанской России и, конечно, претендент на российскую территорию — смотрели из Москвы на Японию. Москва так и не осознала и не сформулировала свои интересы на Корейском полуострове, не смогла воспользоваться неприкрытыми намёками южнокорейских лидеров о создании экономического треугольника РФ — РК — КНДР как одной из основ будущего межкорейского урегулирования. Не произошло заметных подвижек и в отношениях России с другими странами Тихоокеанского бассейна. Возможно, на фоне быстро разгоравшегося конфликта с США и ЕС, обострения ситуации на южных границах РФ такая стабильность может считаться позитивным фактором, но это в лучшем случае стагнация, а никак не развитие отношений.

Выполнение или провал в исполнении сформулированной Кремлём в конце первого десятилетия XXI в. задачи интегрировать Россию в экономическое пространство АТР зависели от двух взаимосвязанных факторов:

Способности Москвы сформировать адекватные реалиям стратегию закрепления России в восточноазиатском цивилизационном и экономическом пространстве, принципы политики РФ в отношении ведущих государств региона, а также модель развития её территорий Тихоокеанской Азии.

Заинтересованности основных игроков в этом регионе содействовать интеграции России в АТР, развивать с ней всесторонние связи, способствовать экономическому развитию восточных районов РФ.

Ни один из этих факторов не сработал. «Восточный поворот» России как в его внутренней («развитие Дальнего Востока»), так и во внешней (отношения со странами Тихоокеанской Азии) проекции оказался больше имитацией, чем реальностью. И следующее десятилетие вряд ли принесёт какие-то серьёзные изменения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Встреча с Премьер-министром Республики Корея Ли Нак Ёном. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/58536> (дата обращения: 11.03.2021).
2. Дальневосточное таможенное управление: офиц. сайт. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).
3. Заявления для прессы по итогам российско-японских переговоров. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/58511> (дата обращения: 11.03.2021).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения: 11.03.2021).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 11.03.2021).
6. Концепция участия России в форуме «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) // Россия в АТЭС и в АТР. М.: ИДВ РАН, 2001. С. 5—8.
7. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в контексте внешней политики и международных отношений в АТР в начале XXI в.: избр. ст. и докл. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2011. 216 с.
8. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срез последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 15—45.
9. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1 (90). С. 5—23.
10. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. С. 2. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).

11. Пленарное заседание Восточного экономического форума. 12 сент. 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58537> (дата обращения: 11.03.2021).
12. Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». 21 июля 2000 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494> (дата обращения: 11.03.2021).
13. Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 дек. 2006 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23965> (дата обращения: 11.03.2021).
14. Речь Михаила Горбачёва во Владивостоке, 28 июля 1986 г. М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1986. 45 с.
15. Статистика внешнего сектора. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 11.03.2021).
16. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/L1VhVy1Iw0VrQo9s5vhGPaaiWKBip8B8.pdf> (дата обращения: 11.03.2021).
17. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под. ред. чл.-корр. РАН, проф. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
18. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269> (дата обращения: 11.03.2021).
19. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 11.03.2021).
20. Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 г. № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45628> (дата обращения: 11.03.2021).
21. Федеральная таможенная служба: офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 11.03.2021).
22. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года». URL: <http://government.ru/docs/11959/> (дата обращения: 11.03.2021).
23. Clinton H.R. Remarks on Regional Architecture in Asia: Principles and Priorities. Speech at the East-West Center. Honolulu, Hawaii, January 12, 2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135090.htm> (дата обращения: 11.03.2021).
24. Putin W. Plädoyer für Wirtschafts gemeinschaft — Von Lissabon bis Wladiwos // Süddeutsche Zeitung. 2010. November, 25.

УДК 93

*Д.Д. ПРОКОПЧУК****ПРОТЕСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В МИРЕ
В ПОСЛЕДНЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.**

Протестное движение анализируется как общемировой тренд, как следствие возрастающей активности и расширения информации. В 2019 г. произошёл всплеск протестной активности сразу на трёх разных континентах: Эквадор, Венесуэла, Боливия, Каталония, Ливан, Грузия, Ирак, Иран, Индия, Гонконг, Франция, Албания и др. В исследовании проводится качественный и количественный анализ протестных акций в мире с 2012 по 2019 г., выполненный на базе свыше 3 тыс. новостных заметок крупных СМИ, рассматриваются аспекты возникновения протеста в России.

Ключевые слова: протестные движения, социальный протест, политический протест, СМИ.

*D.D. PROKOPCHUK***PROTEST MOVEMENTS IN THE WORLD IN THE LAST DECADE
OF THE XXITH CENTURY**

The protest movement is analyzed as a global trend, as a consequence of increasing activity and expansion of information. In 2019, there was a surge of protest activity on three different continents at once: Ecuador, Venezuela, Bolivia, Catalonia, Lebanon, Georgia, Iraq, Iran, India, Hong Kong, France, Albania and many others. The study provides a qualitative and quantitative analysis of protest actions in the world from 2012 to 2019, based on more than 3 thousand news items from major media outlets, examines aspects of the emergence of protests in Russia.

Keywords: protest movements, social protest, political protest, mass media.

В традиционном понимании протест представляет собой проявление коллективного несогласия или недовольства сложившейся ситуацией, основанной на противоборстве интересов различных групп. Обострение этих противоречий и недовольств порождает социальное

---

* ПРОКОПЧУК Дмитрий Дмитриевич — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: politologist@mail.ru.

напряжение, которое нередко перерастает в конфликт и увеличивает уровень протестного потенциала и протестной активности. Увеличение количественной составляющей протестов в мире напрямую говорит о том, что он находится на пороге «глобального пробуждения», утверждал З. Бжезинский [17].

Цель данной статьи — доказать, что всплеск протестной активности является закономерным следствием продолжающегося общемирового тренда протестных движений; определить специфику протеста в России.

На основе анализа около 3000 новостных записей в СМИ было выявлено, что в мире за последние 8 лет произошло как минимум 1702 крупных протеста.

Таблица 1

Динамика мирового протестного движения в 2012—2019 гг.

Год	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Количество протестов	182	156	164	196	254	261	195	294

Источник. Новостные ресурсы CNN [12], BBS News [10], Euronews [13], RT [15] и Reuters [14].

Протесты развиваются количественно и качественно, чему активно способствуют несколько факторов. Во-первых, развитие средств массовой коммуникации (далее — СМК) и технологический прогресс. В первом десятилетии всё больше людей стало иметь доступ в интернет и аккаунты в социальных сетях, которые являются «виртуальным миром», где можно узнавать новости, обсуждать различные темы с людьми со всей планеты, просматривать разнообразный контент и т.д.

Одним из примеров того, как СМК и социальные сети позволяют развиваться протестам, является движение «Ролезиньос». Это протестное движение зародилось в начале 2013 г. в Бразилии и представляет собой массовые сходки представителей бедной чернокожей молодёжи, которые устраивают вечеринки (танцуют, делают барбекю) как рядом с крупными торговыми центрами, так внутри них, где совершают покупки богатые белые потребители. Оно началось в социальных сетях, и все сборы на такие мероприятия (около 6—10 тыс. чел.) проходили именно там. Данные протесты отражают социальную действительность страны, в которой несколько миллионов бразильцев находится за чертой бедности и живёт в фавелах (городских трущобах). По этой причине «Ролезиньос» очень быстро нашло отклик среди населения Бразилии, а подобные акции стали проводиться чаще и в разных частях страны [11].

Движение «жёлтых жилетов», которое стало одним из самых масштабных и крупных протестных движений в XXI в., тоже зародилось в социальных сетях на фоне повышения цен на бензин, что вызвало бурное недовольство у населения страны. Своё отношение оно активно выражало через социальные сети с октября 2018 г. Главным инструментом распространения информации стал Facebook, где было опубликовано обращение ко всем жителям страны с призывом провести акцию протеста; в дальнейшем на него откликнулось много людей. В этом движении отсутствуют ярко выраженные лидеры, которые бы мобилизовали силы для достижения политических целей, а сами акции проводятся путём обсуждения и координации действий в интернете, тем самым формируется действительно общественное протестное движение [1].

Подобных примеров, где социальные сети служат инструментом для организации и направления протестных движений, достаточно много. Так, в Гонконге сложилась ситуация, когда несколько месяцев группы недовольных выступали против введения закона об экстрадиции на материковый Китай. Протестующие договаривались через социальные сети об условиях проведения акций: сидячие забастовки в аэропорту и в торговых центрах, ношение чёрных футболок и др. В России антикоррупционные митинги 2017 г, связанные с выходом фильма Фонда по борьбе с коррупцией известного оппозиционера А.А. Навального, были подготовлены полностью через социальные сети, где распространялись сам ролик и основные символы протестного движения [4].

Важно отметить, что интернет также является и средством контроля во многих странах. Согласно отчёту американской неправительственной организации Freedom House за 2019 г., увеличение контроля за социальными сетями и интернетом стало глобальным трендом. Главным инструментом интернет-цензуры в государствах становится блокировка нежелательных сайтов или приложений [16]. Например, Китай — один из лидеров в этой сфере — имеет систему «Золотой щит», которая управляет всеми интернет-процессами: идентифицирует пользователей, контролирует контент, занимается информационным мониторингом и отслеживает правонарушения в сети. Многие страны также прибегают к подобным мерам, например, Саудовская Аравия и Иран блокируют YouTube, Facebook, Twitter, Google и Telegram в целях защиты национальной безопасности. В Турции блокировки различных ресурсов случаются пока только в кризисные периоды: во время акций протестов, терактов и выборов. По этим причинам социальные сети сейчас являются двусторонним инструментом, служащим как для развития протестных настроений в стране, так и для их подавления, мониторинга и манипулирования [6].

Второй важный фактор — «заразительность» протестов и их существование в едином информационном и политическом пространстве. Они могут выходить за рамки одного государства и ввиду глобализации и развития СМК распространяться на другие страны в регионе и мире.

Так, движение «жёлтых жилетов» зародилось во Франции, но очень быстро его поддержали другие страны не только Европы, но и остального мира. Во Франции первые манифестации начались в ноябре 2018 г., а уже в декабре в Германии, воодушевлённые действиями и относительными успехами своих европейских коллег, вышли на улицу протестующие в жёлтых жилетах. В Италии 15 декабря того же года несколько тысяч человек в жёлтых жилетах прошли маршем по Риму, выражая мнение против нового антимиграционного закона. Далее в Финляндии 17 декабря митингующие против приезжих мигрантов надели жёлтые жилеты. То же самое происходило уже во многих странах мира. В России 23 декабря демонстранты в парке Сокольники надели в знак протеста жёлтые жилеты из-за повышения платы за парковку в Москве, а позднее в Архангельской области противники строительства мусорного полигона на Шиесе сделали жилеты своим символом. В Израиле в торговом центре «Azrieli Centre» «жёлтые жилеты» провели антикоррупционный митинг. В целом данное движение затронуло многие страны: Польшу, Пакистан, Австралию, Египет, Хорватию, Канаду и др. [7].

Событием 2012 г., которое буквально «подожгло» весь мусульманский мир, стал выход фильма «Невинность мусульман» в США. В нём в оскорбительной форме рассказывается о жизни пророка Мухаммеда, где он изображён гомосексуалистом и крайне глупым человеком, что в корне не устроило всех приверженцев ислама. После того как данный фильм попал на телевидение и в интернет, Египет, Ливия и Тунис разразились массовыми беспорядками у дипломатических представительств США. Протестующие требовали извинений от американских властей, прекращения антиисламской деятельности и религиозной дискриминации. Схожие события произошли и в Йемене, где демонстранты атаковали посольство США. На следующий день в столице Судана 5 тыс. протестующих попытались взять штурмом посольства Германии и Великобритании [8].

Протесты коснулись практически всех стран Ближнего Востока, постепенно затрагивая и другие государства, где проживали мусульмане. В России главным очагом протестного движения против данного фильма стала Чеченская Республика, которую населяет большое количество исповедующих ислам [3].

Заразительность протестов проявляется также и в сфере защиты окружающей среды и борьбы с глобальным потеплением. Подъём протестных движений на этом фоне начинается с 2017 г., в 2019 г. количество таких акций увеличилось в 2 раза, а по сравнению с 2014 г. — в 10 раз. Это связано с двумя важными факторами.

Во-первых, экологические движения становятся всё более популярны среди молодёжи. Создаются и развиваются различные организации, которые ставят своей целью защиту природы. Например, существует совсем молодое движение «Extinction Rebellion» («Восстание против вымирания»), которое пользуется методами ненасильственной борьбы против климатических изменений, потери биоразнообразия и риска социально-экологического коллапса. Оно возникло в Великобритании в мае 2018 г. и имело лишь сотню сторонников, но буквально за год их количество возросло до нескольких десятков тысяч по всему миру [2].

Во-вторых, сегодня действует огромное количество небольших экологических организаций, и они различаются между собой не только методами работы, но и выдвигаемыми требованиями. Однако в 2019 г. у мирового сообщества по защите окружающей среды появилось своё «лицо» и негласный лидер — Грета Тунберг — шведская школьница и популярная экологическая активистка. Её действия нашли отклик по всему миру, породив массовые мероприятия, известные как «школьные забастовки за климат» или «пятницы ради будущего». Её призывы и медийная активность очень быстро вызвали как положительную, так и отрицательную реакцию людей, но нужный эффект был получен: экология стала одной из главных тем 2019 г., и всё больше людей становится частью глобального движения по её защите [9].

Перечисленные и многие другие примеры свидетельствуют о том, что протесты существуют в едином информационном и политическом пространстве, в котором люди узнают новости, общаются между собой через социальные сети, формируют представление о своём социально-политическом статусе, соотнося его с действительностью, в которой им приходится находиться. Появляется всё больше студенческих протестов: «Восстание против вымирания» (практически полностью молодёжное экологическое движение); первыми протестующими в Чили, деятельность которых привела к введению ЧП и отставке многих членов правительства, были студенты, выступавшие против повышения цен на общественный транспорт; в Гонконге в основном молодое население являлось двигателем манифестаций; в России школьники и студенты — главные участники протестов, активно использующие уже известные за рубежом методы и формирующие на их базе новые [5].

Анализ эмпирического материала показал, что протестные движения могут выходить за рамки одного государства, становясь общемировыми или находя отклик и поддержку в других странах. Результаты исследования демонстрируют, что Россия является одной из стран-лидеров по протестным движениям. С 2011 по 2019 г. произошло около 96 крупных протестных акций (во Франции — 121, в США — 119), большинство из которых посвящены борьбе с коррупцией и требованиям отставки представителей действующей власти. Специфика российского протеста заключается в двух взаимосвязанных факторах. Во-первых, это следствие «взрывных» протестных трендов (в частности, в странах СНГ), которые своей заразительностью могут распространяться на ближайшие (а с развитием СМИ и СМК на любые) страны, побуждая население активнее участвовать в акциях протеста как в знак солидарности, с целью подражать или брать пример. Во-вторых, появление подобных протестных очагов и успехи зарубежных стран воодушевляют и служат примерами для молодой части населения, активно распространяясь с развитием СМК и СМИ. Третий фактор — это нарастание протестного потенциала в стране на фоне борьбы с коррупцией, старения правящей элиты, защиты окружающей среды и т.д. Всё это говорит о том, что протестные движения в России формируются не только вокруг оппозиционных лидеров и движений, но также и под воздействием последствий общемирового тренда протестных движений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бурмо Д. Движение «жёлтых жилетов»: взгляд из России и Франции / Д. Бурмо, Н.Ю. Лапина // Россия и современный мир. 2019. № 3. С. 38—40.
2. «Восстание вымирающих». Как активисты Extinction Rebellion пытаются парализовать жизнь в Лондоне // BBC News. 10 марта 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49992357> (дата обращения: 13.12.2020).
3. В России запрещён фильм «Невинность мусульман» // BBC News. 28 сентября 2012. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120928_islam_film_russia (дата обращения: 25.02.2021).
4. В чём особенности новой волны протестов в России // Московский центр Карнеги. 06 апреля 2017. URL: <https://carnegie.ru/commentary/68576> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Гнев молодых и конец мечте: студенты-иностранцы о протестах в России // Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире. 28 марта 2017. URL: <https://www.dw.com/ru/гнев-молодых-и-конец-мечте-студенты-иностранцы-о-протестах-в-россии/a-38168733> (дата обращения: 25.02.2021).

6. Диктатура в сети: как разные государства контролируют интернет // МБХ медиа. 07 мая 2019. URL: <https://mbk.today/suzhet/diktatura-v-seti/> (дата обращения: 20.12.2020).
7. Протестное движение «жёлтых жилетов» во Франции // РИА Новости. 17 ноября 2019. URL: <https://ria.ru/20191117/1560974030.html> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Реакция на фильм «Невинность мусульман» // Российская газета. 2013. 16 нояб. URL: <https://rg.ru/sujet/4738/> (дата обращения: 12.12.2020).
9. «Самый влиятельный подросток». Как Грета Тунберг стала «мессией» экодвижения // BBC News. 23 августа 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49411485> (дата обращения: 13.12.2020).
10. BBS News. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 25.02.2021).
11. Brazilian flashmob forces upmarket shopping mall to close // The Guardian. January 20, 2014. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/jan/20/brazilian-flashmob-shopping-mall-closes-rolezinho> (дата обращения: 12.11.2020).
12. CNN. URL: <https://edition.cnn.com/> (дата обращения: 25.02.2021).
13. Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/> (дата обращения: 25.02.2021).
14. Reuters. URL: <https://ru.reuters.com/> (дата обращения: 25.02.2021).
15. RT. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 25.02.2021).
16. The Crisis of Social Media // Freedom House. October 22, 2019. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2019/crisis-social-media> (дата обращения: 20.12.2020).
17. Watson P. Brzezinski's Feared "Global Awakening" Has Arrived // Prison Planet. January 28, 2011. URL: <https://www.prisonplanet.com/brzezinskis-feared-global-awakening-has-arrived.html> (дата обращения: 25.02.2021).

УДК 327

Е.А. ГОРЯЧЕВА*

ПРЕЖНИЕ И НОВЫЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье на основании анализа официальных документов Министерства обороны, определяющих внешнюю политику Японии («Белые книги обороны»), опросов общественного мнения, а также общественно-политического дискурса японского социума исследуются основные угрозы национальной безопасности Японии в области её отношений с соседними странами, которые позиционируются как враждебные (Россия, КНР, КНДР) и как

---

* ГОРЯЧЕВА Елена Александровна — к. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: solo888@yandex.ru.

союзники (США). В плане ранжирования стран — потенциальных угроз безопасности Японии по степени опасности в последние десять лет наблюдается ротация одних и тех же государств — соседей Японии по АТР. Также анализируется новый подход Японии к интерпретации союзнических отношений с США — усиления своей роли как младшего союзника. Дискуссии на эту тему активизировались в японском обществе в 2020 г., когда отмечалась 60-летняя годовщина подписания Японо-американского договора безопасности. Помимо этого, в статье обзревается новации в кадровой политике страны по привлечению населения на службу в Силах самообороны Японии, особенности рекрутинга японской молодёжи, рост числа женщин в этой сфере, что идёт в русле общемировых тенденций. На основании анализа представленных факторов делается вывод о росте напряжённости в японском обществе во втором десятилетии XXI в., связанной с распространением представлений об окружающей Японию «враждебной среде», а также о том, что правительство страны стремится справиться с вызовами безопасности, укрепляя союзнические отношения с США, последовательно увеличивая военный бюджет, а также привлекая широкие массы населения к вступлению в Силы самообороны Японии.

Ключевые слова: национальная безопасность Японии, военный бюджет, Силы самообороны Японии, Японо-американский договор безопасности, российско-японские отношения.

E.A. GORIACHEVA

PAST AND NEW THREATS TO JAPAN'S NATIONAL SECURITY AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Based on the analysis of official documents of the Ministry of Defense that determine Japan's foreign policy (Annual White Papers on Defense of Japan), public opinion polls, as well as the socio-political discourse of Japanese society, the main threats to Japan's national security in the field of its relations with neighboring countries (Russia, China, North Korea), which are positioned as hostile, as well as the relations with Japan's traditional ally — the United States. In terms of ranking countries as potential threats to Japan's security by the degree of these threats over the past ten years, there has been a rotation of the same countries, which are Japan's neighbors in the Asia-Pacific region. The article also provides an overview of Japan's new approach to the interpretation of its allied relations with the United States, particularly strengthening of Japan's role as a junior ally. Public debate on this topic intensified in Japanese society in 2020, when the 60th anniversary of the signing of the Japan-US Security Treaty

was celebrated. In addition, the article provides an overview of the innovations of Japan's personnel policy in attracting people to serve in the Japan Self-Defense Forces, especially the recruiting of Japanese youth, an increase in the number of women recruited into the Japanese Self-Defense Forces, which is in line with global trends. Based on the analysis of the factors presented, it is concluded that tensions in Japanese society have grown in the second decade of the 21st century, associated with the spread of perceptions about the "hostile environment" surrounding Japan, and that the Japanese government is seeking to cope with security challenges by strengthening allied relations with the United States, also consistently increasing the military budget, as well as attracting the more citizens to join the Japanese Self-Defense Forces.

Keywords: Japanese national security, military budget, Japan Self-Defense Forces, Japan-US security treaty, Russian-Japanese relations.

В Японии существует меткое выражение для определения отношений с Россией: «близкая, но далёкая страна». В глазах японцев географически наши государства — соседние, но в плане взаимопонимания и сотрудничества мы находимся крайне далеко друг от друга. Стоит заметить, что и Япония для России во многом находится на похожей позиции. Да, японская культура популярна в нашей стране, для дальневосточников в последние годы с облегчением визового режима и увеличением количества прямых авиарейсов путешествия в Японию стали доступнее, чем поездки по России. Но стала ли Япония нам ближе и понятнее? Даже в XXI в. с его всепроникающим интернетом Страна восходящего солнца за пределами исхоженных туристических маршрутов и ряда устоявшихся в представлении сограждан стереотипов «оригами-кабуки-ханами-суши-гейша-харакири» остаётся закрытым государством с собственным информационным пространством. О результатах той или иной общественной дискуссии в Японии в России, как правило, становится известно уже значительно позже, на гребне информационной волны, и часто не из первых рук — из японских источников, — а из адаптированной, переведённой, дозированной для западного мира информации. Представляется интересным взгляд изнутри, из японского медиапространства и с арены общественных дебатов на себя (Японию) в начале XXI в., какие угрозы для своей безопасности она находит во внешнем мире.

В Японии на протяжении последних лет ведутся активные дискуссии не столько о территориальном споре с Россией в вопросе «возвращения Северных территорий» (оспариваемых Японией четырёх

Рис. 1. Современный флаг Морских Сил самообороны Японии, в годы Второй мировой войны бывший боевым знаменем японской армии *кёкудзицу-ки* — Флагом Восходящего солнца

островов Южно-Курильской гряды), сколько о глобальном переосмыслении её роли в мире. Прежде всего, это касается отношений Японии с США. Эта проблема вызвала новый общественный резонанс в период президентства Д. Трампа в США в 2017—2021 гг.

ЯПОНИЯ ДЛЯ США — ОБУЗА ИЛИ РАВНЫЙ СОЮЗНИК?

Во время предвыборной кампании в 2016 г. и на протяжении срока своего президентства Д. Трамп всколыхнул японское общество рядом громких заявлений. Они касались военного и экономического сотрудничества с Японией. Касательно ключевого для обеспечения её безопасности Японо-американского альянса главой США было высказано несколько основных претензий. Во-первых, до каких пор США будет нести финансовый груз по обеспечению безопасности Японии, который почти не укладывается в военный бюджет. Во-вторых, честно ли, что США должны защищать Японию от врагов, в то время как Япония, в случае атаки США третьей страной, согласно своей пацифистской конституции, не будет вмешиваться? [7]

Эти высказывания произвели в японском обществе эффект разорвавшейся бомбы. Японо-американский альянс — один из краеугольных камней фундамента обеспечения безопасности Японии. Любое его переформатирование не может не восприниматься как системная угроза существующему миропорядку. Подобная риторика Д. Трампа активизировала в Японии сразу несколько витков общественных дискуссий: сможет ли Япония самостоятельно защитить себя в случае пересмотра США обязательств по защите страны? Справедливы ли рассуждения Д. Трампа на тему «Где же ваш самурайский дух, японцы?» (как он заявил в ходе визита в Японию в 2017 г. в связи с реакцией Японии на запуски ракет КНДР) [6], ведь США в ходе оккупации 1946—1952 гг. сделала всё возможное для вытравливания этого самурайского духа из общественного сознания. Для Японии тогда была разработана новая конституция, прочие сферы деятельности общества, в том числе и СМИ, также реформировали в духе демократических принципов. В Японии запустили специальную пропагандистскую программу «War Guilt Information Program», которая средствами печатных СМИ, радио, кинематографа доносила до широких слоёв населения суть японских военных преступлений и причину ограничений в её конституции, культивируя чувство вины за агрессию во Второй мировой войне [1, с. 98].

Девятая статья Конституции Японии, старейшей действующей в мире, гласит: «...японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооружённой силы как средства разрешения международных споров. Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признаётся» [12].

Последние несколько лет в Японии ведётся тихая борьба за пересмотр или дополнение содержания Девятой статьи. В обществе наблюдается раскол: одни японцы хотят жить по-старому, под опекой США, другие, опасаясь изменения курса США по поддержке Японии, заявляют о необходимости полагаться на собственные силы.

Прежде чем делать прогнозы, следует акцентировать внимание на том, что открыто Япония не декларирует не то чтобы разрыв, но даже наличие малейшего расхождения с США по вопросу японо-американского военного сотрудничества. Наоборот, активно форсируется пропаганда единодушия союзников. В преддверии 60-летней годовщины альянса, в день подписания Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, который в Японии

торжественно отметили 19 января 2020 г., министр обороны Японии Т. Коно заявил, что японо-американский союз силён как никогда. С. Абэ также в тот день утвердил, что «Японо-американский договор безопасности — это нерушимая основа. Основа, которая защищает мир и гарантирует процветание во всём мире» [15].

Однако те процессы, что сейчас идут в японском обществе, свидетельствуют о следующем. Во-первых, Япония стремится к пересмотру своей роли в альянсе с США, желая превратиться из опекаемого союзника в равноправного партнёра. Сейчас ведутся дебаты о пересмотре Девятой статьи Конституции Японии в контексте пересмотра статуса страны и наделения её большими, чем ранее, полномочиями. Уже сейчас можно утверждать, что полномочия Сил самообороны Японии (ССЯ) будут расширены, но при помощи какой законодательной формы, зависит от того, кто придёт к власти после выборов главы ЛДПЯ в сентябре 2021 г.: будут ли это, как ранее, подзаконные акты, расширяющие полномочия, или же пересмотренная Девятая статья Конституции.

Во-вторых, Япония в последние два года значительно расширила географию военного сотрудничества с государствами помимо США. Это делается в рамках и духе концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В числе потенциальных союзников Японии рассматриваются даже страны Европы: в октябре 2018 г. прошли первые совместные военные учения Японии и Великобритании [4].

КИТАЙ, КНДР И РОССИЯ ДЛЯ ЯПОНИИ: НОВЫЙ СТАРЫЙ ВРАГ, ПЕРМАНЕНТНАЯ УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ И ВЕЧНАЯ «УГРОЗА С СЕВЕРА»?

В свете проблемы возможного реформатирования системы обороны Японии не может не возникнуть вопрос: от кого же страна намерена обороняться? Программные документы Министерства обороны и Министерства иностранных дел Японии проливают свет на этот вопрос. На протяжении последних нескольких лет в качестве соседних стран, представляющих угрозу безопасности государства, Белые книги Министерства обороны Японии указывают КНР, КНДР и Россию. Меняется лишь их позиция в порядке перечисления — в зависимости от представляемой угрозы безопасности [8].

Так, ранее в этом списке на первом месте стабильно находилась КНДР, в настоящее время — Китай, затем Северная Корея и потом Россия. Среди причин, вызывающих подобные опасения у японской стороны, перечислены следующие: для Китая — увеличение расходов

на военную промышленность, активизация потенциальной подготовки военных действий в Восточно-Китайском море (в районе спорных с Японией о-вов Сэнкаку (Дяюйдао)); для КНДР — улучшение технических характеристик её баллистических ракет, увеличение радиуса их потенциального поражения. Относительно России Японию беспокоит рост инвестиций в укрепление оборонительных сооружений на Южных Курилах и на всём Дальнем Востоке, ввод в эксплуатацию новейших разработок вооружения, демонстрация поражающего потенциала российского вооружения и комплексной технической оснащённости в зоне боевых действий (например, в Сирии).

Сама Япония также постепенно увеличивает свой военный бюджет. За последние 8 лет, когда у власти постоянно находился премьер-министр Синдзо Абэ, наблюдался последовательный рост расходов на военную сферу: в 2012 г., когда он только что пришёл к власти, они составляли 4,64 трлн иен, а до этого, с 2005 г., последовательно снижались, но в 2019 г. достигли 5,007 трлн иен с перспективой в 2021 г. выйти на показатель 5,34 трлн иен (эквивалентно 51,7 млрд долл. США) [5].

Особенностью новой военной стратегии Японии является поддержка новых сфер безопасности страны: космической безопасности (военные спутники связи), безопасности в киберпространстве, безопасности систем и средств связи (совершенствование систем радиоэлектронной борьбы). Не останутся без внимания и традиционные сферы: береговая и воздушная оборона, система AEGIS, высокоточные крылатые ракеты класса «воздух — поверхность» JASSM для обороны, транспортная авиация.

КТО ВСТАНЕТ ПОД РУЖЬЁ?

Однако планы Японии по выходу на «самообеспечение» обороны своей страны могут столкнуться не только с финансовыми трудностями из-за стагнации экономики, и не только с политическими проблемами отхода от пацифизма в Конституции. Уже в 2016 г. было законодательно оформлено право Японии на «коллективную самооборону», означающее, что в случае нападения потенциального противника на дружественные страны Японии допустимо оказывать своему союзнику не одну лишь материально-техническую поддержку, как это было ранее, но и участвовать в боевых действиях за рубежом, командирова туда Силы самообороны [11].

Трудности, с которыми столкнулась Япония сейчас, — это проблема кадрового наполнения вооружённых сил. В связи с системным

Рис. 2. Рекламный плакат Сил самообороны Японии, призывающий вступить в её ряды. Слоган: «Те, кто служат, защищая страну»

демографическим кризисом население страны продолжает снижаться. В связи с этим правительство начало проводить кампанию по популяризации службы в рядах ССЯ.

Одной из возможностей увеличить число вступивших в ВС Японии является снижение возрастного ценза. Ранее в ряды ССЯ можно было попасть с 18 до 27 лет, в настоящее время, как демонстрирует плакат, возрастные рамки изменились на диапазон с 18 до 33 лет. К тому же, согласно официальной стратегии, отражённой в Белой книге Министерства обороны Японии за 2019 г. [3], в следующие несколько лет планируется последовательно увеличивать возраст выхода военнослужащих в отставку. Помимо этого, японскими СМИ активно пиарится вопрос привлечения женщин в ССЯ, причём не только в войска связи, но и на передовые позиции. Так, широко известны истории первой женщины, получившей квалификацию пилота самолёта-истребителя в 2018 г., 26-летней Миса Мацусима, и первой женщины — капитана эсминца, оснащённого многофункциональной боевой системой «Иджис», 48-летней Михо Отани [10].

В марте 2018 г. женщины составляли 6,5% военнослужащих в ССЯ (около 15 000 чел.). В 2008 г. этот показатель был равен 4,9% [10]. Для сравнения: в российской армии число женщин-контрактниц в 2015 г. примерно равнялось 5% [2].

Интересен подход к привлечению молодёжи в ВС Японии. В новой серии рекрутинговых видео Министерства обороны Японии «У нас

в Силах самообороны всё совсем не так!» развенчиваются популярные стереотипы о военной службе в японском обществе [9]. Низкая зарплата японского военнослужащего даже не входит в первую десятку стереотипов, но тем не менее обещание «Вы будете хорошо зарабатывать и сможете себе много позволить» тоже звучит. В числе привлекательных сторон службы одной из первых заявлено отсутствие сверхурочной работы. Необходимость работать каждый день допоздна — печальная действительность обычного японского офисного работника и одна из причин смертности населения. Согласно официальной статистике Министерства здравоохранения, труда и благосостояния Японии, в 2017 г. по причине высоких переработок (80—100 сверхурочных часов в месяц) умерли от болезней, вызванных переутомлением, или покончили с собой 190 японцев [16].

Другой большой плюс службы в ВС, как заявлено в видео, — это возможность брать за один раз длинный отпуск и проводить его хоть за границей — в дружественных США, на Гавайях. Казалось бы, в чём вопрос? Дело в том, что стандартный оплачиваемый отпуск в Японии — 14 дней (в зависимости от трудового стажа варьируется от 10 до 20 дней), и редко кто отваживается взять его полностью: коллеги не поймут, да и босс предпочтёт дробить его на несколько отрезков по 2—3 дня. Поэтому услышав об обычном оплачиваемом отпуске дальневосточника — 36 дней, которые можно отгулять «от звонка до звонка», — японцы обычно лишь грустно вздыхают. С апреля 2019 г. правительство Японии приняло новый закон о труде, по которому японцы обязаны брать отпуск за счёт работодателя каждый год минимум пять дней [14], но это всё равно несравнимо с отпуском военнослужащих — 24 дня плюс 6 дней летних и новогодних каникул.

Отдельно обрадует японского новобранца отсутствие необходимости начальной военной подготовки и мускульной массы («Мы научим всему, к тому же родов войск множество, и не везде нужны накачанные спортсмены») [13] и заявленное отсутствие японского аналога «дедовщины» — отношений «сэмпай-кохай», подразумевающих угнетение младших по возрасту и статусу.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к выводам, что Япония во втором десятилетии XXI в. столкнулась с необходимостью пересмотра своей роли в традиционном альянсе с США. Судя по официальным источникам, а также озвучиваемым правительством Японии приоритетам внешнеполитического курса, в настоящее время государство стремится играть более активную роль в этом альянсе. К тому же, после проведения анализа материалов печатных

и вещательных японских СМИ, становится очевидной тенденция роста напряжённости в японском обществе. Характерной чертой данного общественно-политического дискурса является трансляция нарратива о наличии рядом с Японией серьёзных угроз её безопасности и суверенитету в виде потенциальных противников: Китая, России, КНДР. Наличие подобной внешней угрозы стимулирует возникновение новой кадровой политики по привлечению населения на службу в Силах самообороны Японии, что позволяет предположить, что Япония будет уделять всё больше внимания наращиванию своей обороноспособности в ответ на вызовы национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Горячева Е.А. Исторические предпосылки формирования современной системы СМИ Японии // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 95—103.
2. Солдаты Джейн: девушки, решившие служить в российской армии. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/3657996> (дата обращения: 28.01.2021).
3. Defence of Japan-2019. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2019/pdf/DOJ2019_Full.pdf (дата обращения: 28.01.2021).
4. Japan and the UK Are Teaming Up for the First Time to Gain an Edge on China. URL: <https://www.businessinsider.com/japan-and-uk-joint-exercises-for-first-time-to-gain-an-edge-on-china-2018-10> (дата обращения: 28.01.2021).
5. Japan Sets Record \$52 Billion Military Budget with Stealth Jets, Long-Range Missiles. URL: <https://www.reuters.com/article/japan-defence-budget-idUSKBN28V03X> (дата обращения: 25.01.2021).
6. Trump Said ‘Samurai’ Japan Should Have Shot Down Overflying North Korean Missiles. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/11/05/national/politics-diplomacy/trump-said-japan-shot-overflying-north-korea-missiles/> (дата обращения: 28.01.2021).
7. Trump Says ‘Unfair’ Defense Treaty with Japan Needs to Be Changed. URL: <https://www.reuters.com/article/us-g20-japan-trump/trump-says-unfair-defense-treaty-with-japan-needs-to-be-changed-idUSKCN1TU0AJ> (дата обращения: 28.01.2021).
8. 防衛白書 = Белые книги Министерства обороны Японии. URL: <https://www.mod.go.jp/j/publication/wp/index.html> (дата обращения: 25.01.2021).
9. 動画ギャラリー = Видео галерея ССЯ. URL: <https://www.mod.go.jp/gsdf/jieikanbosyu/about/movie.html> (дата обращения: 28.01.2021).
10. 女性自衛官の活動 = Деятельность женщин в Силах самообороны Японии. URL: <https://www.mod.go.jp/gsdf/jieikanbosyu/about/woman-success.html> (дата обращения: 28.01.2021).

11. 安保法が施行 集団的自衛権容認、専守防衛を大きく転換 = Закон об обеспечении безопасности вступил в силу. Принятие права на коллективную самооборону, серьёзный переворот в обороне. URL: https://www.asahi.com/articles/ASJ3X5VM0J3XUTFK00P.html?iref=comtop_6_01 (дата обращения: 28.01.2021).
12. 日本憲法 = Конституция Японии. URL: http://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_annai.nsf/html/statics/shiryo/dl-constitution.htm (дата обращения: 28.01.2021).
13. 自衛官募集 = Набор в Силы самообороны Японии. URL: <https://www.mod.go.jp/gsd/f/jieikanbosyu/> (дата обращения: 27.01.2021).
14. 年5日の年次有給休暇の確実な取得 = О дополнительных 5 днях ежегодно оплачиваемого отпуска. URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/000463186.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).
15. 日米安全保障条約60周年記念レセプション(安倍総理挨拶) = Приветственная речь С. Абэ на приёме, посвящённом 60-летию японо-американского договора безопасности. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/na/st/page6_000482.html (дата обращения: 28.01.2021).
16. 過労死・過労自殺、昨年度190人 横ばい状態続く = Продолжается опасная тенденция: за прошлый год умерло или покончило с собой от переработок 190 человек. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL755RQ2L75ULFA02P.html> (дата обращения: 27.01.2021).

УДК 327.8 (470: 520)

Л.Л. ЛАРИНА*

ЯПОНСКИЕ СЮЖЕТЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В статье на основании изучения результатов опросов общественного мнения на российском Дальнем Востоке обозначены типичные представления дальневосточников о Японии и японцах. Автор считает, что эти представления за последнее десятилетие мало изменились. Япония по-прежнему является одной из самых привлекательных для туризма и экономического взаимодействия стран мира, японцы — располагающими для установления отношений людьми, но вот в оценке состояния

---

* ЛАРИНА Лилия Львовна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: lilylar25@mail.ru

и перспектив развития российско-японских отношений со всей очевидностью проявляется нарастающее чувство пессимизма жителей региона.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, Япония, общественное мнение.

L.L. LARINA

**JAPANESE PLOTS IN SOCIOLOGICAL RESEARCH
OF THE INSTITUTE OF HISTORY
OF RECENT YEARS**

Based on the study of the results of public opinion polls in the Russian Far East, the article outlines the typical perceptions of the Far East residents about Japan and the Japanese. The author believes that these views have changed little over the past decade. Japan is still one of the most attractive countries for tourism and economic interaction in the world, and the Japanese are favorable people to establish relations. However, the author discovers the growing sense of people's pessimism related to the present state and prospects of Russian-Japanese relations.

Keywords: Russian Far East, Japan, public opinion.

Социологические исследования в России, нацеленные на изучение отношения россиян к странам и народам мира, сфокусированы преимущественно на США и Европе. В последние десятилетия всё больше внимания уделяется Китаю. Что же касается Японии — одного из ближайших соседей России на Востоке, но от европейской России очень далёкой, — то на неё, как правило, особого внимания не обращают.

Вместе с тем ещё с середины 1990-х гг. представления дальневосточников о Японии внимательно отслеживаются и анализируются в Лаборатории изучения общественного мнения ИИАЭ. Результаты мониторинга таких мнений на рубеже XX—XXI вв. представлены в коллективной монографии в 2011 г., в главе, которая носит символическое название «Симпатичная Япония» [4, с. 181—216], определяющее суть восприятия этой страны основной массой населения Тихоокеанской России.

В последнее десятилетие особых изменений ни в межгосударственных, ни в межрегиональных отношениях между Россией и Японией, которые могли бы серьёзно повлиять на отношение россиян к этой стране, не произошло. Неторопливо продолжается переговорный процесс вокруг Курильской проблемы. Япония остаётся в десятке основных торговых партнёров России и в первой тройке — наряду с Китаем и Южной Кореей — партнёров Дальнего Востока*, хотя объёмы экономических связей за последнее десятилетие даже несколько сократились. Китай уже вытеснил Японию с рынка бытовой техники, и только японский автопром пользуется непререкаемым авторитетом у дальневосточников. В то же время, благодаря облегчению визового режима, расширился туристический обмен**, активную гуманитарную деятельность вели Генеральные консульства Японии во Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске, создавая и поддерживая положительный имидж Страны восходящего солнца на востоке России. Именно на этом фоне выстраивалось отношение дальневосточников к Японии и её жителям, которое мы замерили в ходе опросов 2017 и 2019 гг.***

Анализируя результаты исследований 1990-х — 2000-х гг., мы констатировали, что в те десятилетия Япония стабильно являлась для жителей Тихоокеанской России одной из самых симпатичных, привлекательных с точки зрения туризма и временной работы стран мира. Опросы конца нынешнего десятилетия показывают, что изменения в этих настроениях минимальны. Для последнего периода характерен некоторый рост интереса дальневосточников к туристическим поездкам в Японию (с 37 до 44%), падение заинтересованности в трудовой миграции в эту страну (с 20—25 до 13—14%) и стабильно высокий уровень общих симпатий к ней (в пределах 35—40% респондентов) (рис. 1).

В шкале приоритетов дальневосточников, которую мы регулярно выводим на основе суммирования баллов по четырём параметрам

---

* По данным таможенной статистики, в 2019 г. Япония находилась на 9 месте среди экономических партнёров России и на её долю приходилось 3% внешнеторгового оборота РФ. В товарообороте Дальневосточного федерального округа на её доля составляла 25,4% (см.: <http://www.customs.ru>; <http://dvtu.customs.ru>).

** Если в 2008 г. в Приморский край посетили 4,8 тыс. туристов из Японии и 10 тыс. приморцев — Страну восходящего солнца [2], то в 2019 г. в край приехало почти 35 тыс. подданных Японии [1].

*** Обобщённые результаты этих опросов см.: [3]. Материалы опросов хранятся в текущем архиве Лаборатории изучения общественного мнения ИИАЭ ДВО РАН.

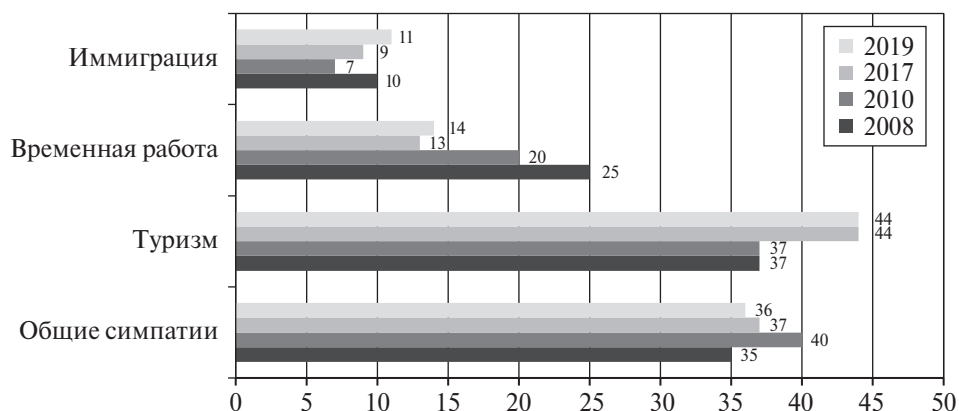

Рис. 1. Уровень интереса жителей Тихоокеанской России к Японии (2008—2019 гг., в процентах от числа опрошенных)

(общие симпатии, туризм, временная работа, иммиграция) позиции Японии за десятилетие практически не изменились: она набирала 107 и 104 балла в 2008 и 2010 гг., разделяя первое-второе место с Австралией, и 103 и 105 баллов в 2017 и 2019 гг. Сегодня эти баллы позволяют Японии занимать позицию единоличного лидера в зарубежных страновых приоритетах дальневосточников, тогда как позиции Австралии заметно пошатнулись.

Главными факторами, которые поддерживают симпатии и интерес к Японии, остаются уровень её экономического развития и культурные традиции (так заявили 39 и 36% опрошенных в 2017 и 2019 гг.). Данная тенденция подтверждается и тем, что 17—18% респондентов проявили интерес к изучению японского языка (желание выучить китайский отмечали 21—26%, а корейского — только 9% опрошенных).

Именно высокий уровень японской экономики является фактором, который склоняет многих дальневосточников в пользу идеи первоочередного развития с ней экономических связей. При этом уровень оптимизма жителей ДФО в последнее десятилетие несколько снизился: в 2008 и 2010 гг. за приоритетное развитие экономических связей с Японией высказывались 46 и 52% опрошенных, а в 2017 и 2019 гг. — уже только 44 и 35%. В последнем случае хорошо проявляется географический фактор (место проживания респондентов): в 2017 г. опрашивались жители притихоокеанских территорий (от Владивостока до Магадана и Петропавловска-Камчатского; а двумя годами позднее — приграничных с Китаем городов, опять же от Владивостока до Читы и Улан-Удэ).

При этом позиции главных конкурентов Японии в этом рейтинге экономических приоритетов — Китая, а также Сибирских и дальневосточных территорий России — изменились мало. За приоритетное развитие отношений с КНР выступали 50—53% респондентов в 2008 и 2010 гг. и 48—50% в 2017 и 2019 гг., тогда как на соседние российские территории были ориентированы 41—45% в 2008 и 2010 гг. и 47—49% — в конце десятилетия.

Будучи в меру прояпонски настроенными и оптимистично относясь к развитию экономических связей с Японией, дальневосточники за последнее десятилетие стали более пессимистично оценивать двусторонние отношения. Диаграммы на рис. 2 очень наглядно демонстрируют эту тенденцию. Если в 2008 г. как «хорошие» оценивали российско-японские отношения 33% респондентов, то через 10 лет только 14%. Аналогичным образом почти вдвое — с 50 до 27% — упало число тех, кто надеется на хорошие отношения в будущем. Обнадёживает лишь то, что откровенных пессимистов не более 10%.

Очевидно, что проблема Курильских островов продолжает омрачать двусторонние отношения не только с японской, но и с российской стороны границы. По-прежнему около четверти жителей региона (21 и 24% в 2008 и 2010 гг. и 17 и 28% по результатам двух последних опросов) рассматривают территориальный спор с Японией как одну из главных угроз безопасности России и её владениям на Тихом океане. И хотя эта тема находится в нижней части списка угроз

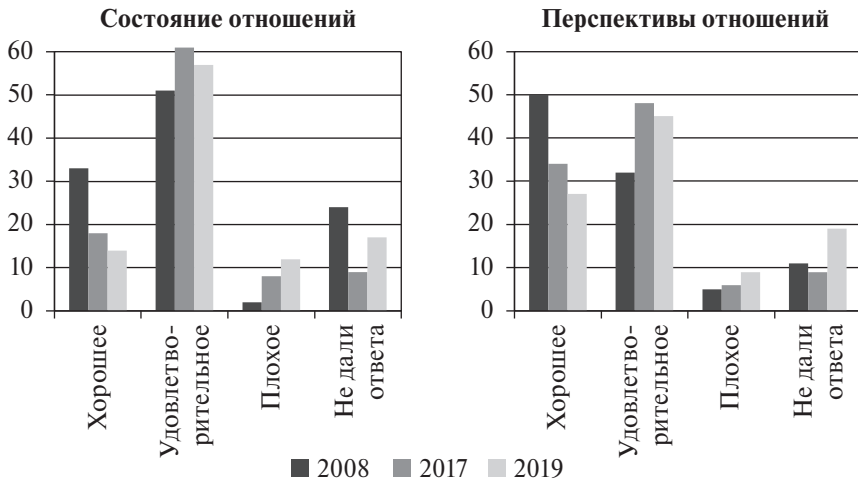

Рис. 2. Оценка состояния и перспектив российско-японских отношений (в процентах от числа опрошенных)

безопасности РФ, вызывающих беспокойство у дальневосточников, она не может не влиять на восприятие Японии в целом.

Последний аспект, который хотелось бы рассмотреть в рамках данного небольшого сообщения, — отношение дальневосточников к японцам. Это помогает сделать, помимо сведений из уже упомянутых опросов 2017 и 2019 гг., специальное социологическое исследование, проведённое в 2018 г. во Владивостоке, Хабаровске и Южно-Сахалинске и посвящённое отношению дальневосточников к народам Восточной Азии, в том числе японцам.

Его результаты показывают, что та же четверть жителей этих городов, которые видят угрозу со стороны Японии, опасается последствий увеличения численности японцев на российской территории, а ещё больше — две трети опрошенных — выступают против того, чтобы предоставлять им российское гражданство [5, с. 116—117]. В ходе опросов 2017 и 2019 гг. 21—22% респондентов также признались, что негативно отнеслись бы к браку своих родственников с японцами. То, что они аналогичным образом, а иногда и жёстче подходят к потенциальному представлению российского гражданства китайцам, корейцам и вьетнамцам и к установлению с ними семейных отношений, не делает проблему менее острой. При этом от 5 до 7% опрошенных в Хабаровске, Южно-Сахалинске и Владивостоке откровенно признались, что испытывают в отношении японцев чувства превосходства и отторжения [3, с. 38—41]. 10 лет назад эти цифры составляла, соответственно, 9 и 6%, а к бракам с японцами отрицательно относились 29% опрошенных, так что ситуация несколько улучшилась.

Практически не изменились представления жителей Тихоокеанской России о человеческих качествах «типичного японца». В верху списка стабильно находятся вежливость, трудолюбие и ответственность, и разве что предприимчивость японцев сегодня оценивается несколько ниже, чем в первом десятилетии этого века.

Подводя краткие итоги, можно смело говорить о стабильности представлений и преимущественно позитивном настрое жителей Тихоокеанской России в отношении Японии и японцев, что создаёт благоприятную платформу для развития двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Годовой отчёт о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае» на 2013—2021 годы» за 2019 год. URL: <https://www.primorsky.ru/authorities/>

- executive-agencies/departments/departament-gosprogramm/godovye-otchety-ob-ispolnenii-gosudarstvennykh-programm-primorskogo-kraya/ (дата обращения: 16.02.2021).
2. Государственная программа Приморского края «Развитие туризма в Приморском крае на 2013—2017 годы. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/tourism/the-state-program-of-primorsky-krai-tourism-development-in-the-primorsky-territory-on-the-2013-2017> (дата обращения: 16.02.2021).
3. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4. С. 15—45.
4. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
5. Ларин В.Л., Ларина Л.Л., Томашук С.М. «Малая Восточная Азия в Тихоокеанской России»: отношение жителей Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска к мигрантам из Восточной Азии // Труды ИИАЭ ДВО РАН. Т. 18. Востоковедение. Международные отношения. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. С. 111—121.

УДК 327(540+571.6+5)

С.Д. АНДРЕЕВ*

КОНЦЕПЦИЯ «СМОТРЕТЬ НА ВОСТОК» И ЕЁ ЭВОЛЮЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ ИНДИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Статья посвящена рассмотрению реализации политической концепции «Смотреть на Восток» Индии, начиная с момента прихода к власти Нарасимха Рао в 1991 г. Проанализирована выработанная концепция, изучена её эволюция, а также дана оценка осуществления данного курса в принятии внешнеполитических решений, обозначена палитра интересов Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе с 1991 г. по настоящее время.

Ключевые слова: Индия, курс «Смотреть на Восток», АТР, ЮВА, АСЕАН.

---

* АНДРЕЕВ Семён Денисович — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: andersam@mail.ru.

S.D. ANDREEV

**“LOOK EAST POLICY” AND ITS EVOLUTION AS A TOOL
FOR THE INTEGRATION OF INDIA IN THE ASIA-PACIFIC REGION**

The article is devoted to the consideration of the implementation of the political concept «Look to the East» in India since the coming to power of Narasimha Rao in 1991. The paper analyzes the developed policy, considers its evolution, as well as evaluates the implementation of this course in foreign policy decision-making, outlines the India's regional interests in the Asia-Pacific region from 1991 to the present.

Keywords: India, “Look East Policy”, Asia-Pacific Region, South-East Asia, ASEAN.

Интерес Индии к восточным соседям и её «взгляд» на Восток сформировались не просто так. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) превратился в «Средиземноморье XXI века» — наиболее динамично развивающийся регион планеты, поэтому интересы многих сверхдержав направлены именно сюда. Политика Индии «Смотреть на Восток» включает в себя развитие тесных связей с азиатской частью региона, при этом не включая американских партнёров по региону, которые также географически находятся к Востоку от страны. Участие в интеграционных процессах в АТР наиболее полно отвечает интересам и задачам внутренней экономической перестройки Индии.

Понимая невозможность быстрого включения в регион, Нарасимха Рао начал наращивать связи с государствами Юго-Восточной Азии (ЮВА), которые в последующем, безусловно, стали «окном» для Индии в АТР. ЮВА, расположенная на стыке двух океанов, обладает важными экономическими, разнообразными природными и людскими ресурсами, что и сейчас, как и в 90-е гг., представляет огромный интерес для амбициозной Индии.

Когда курс «Смотреть на Восток» формировался, в Дели понимали его главную цель — нежелание остаться в стороне от интеграционных процессов в бурно развивающемся АТР. Политическая концепция была обусловлена и другими факторами: отсутствием активного развития во внутреннем регионе, на площадке Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC); давними культурно-цивилизационными связями со странами ЮВА и желанием взаимодействовать с крупными внешними игроками (США, Австралией и Китаем).

Реализация концепции «Смотреть на Восток» претерпела уже несколько этапов модернизации и продолжает развиваться под руководством действующего премьер-министра Нарендры Моди, хотя и под другим лозунгом: «Действуй на Востоке» (Act East Policy) [6].

Первая фаза длилась с момента провозглашения данного курса Н. Рао (в 1991 г.) до рубежа XX—XXI вв. Основной акцент тогда был сделан на плотном экономическом сотрудничестве и углублении связей со странами ЮВА, прежде всего — с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Это всецело отвечало интересам Индии, способствовало либерализации её экономики и помогало государству занять своё место в мировой экономике в эпоху глобализации.

К успехам начального этапа следует отнести: увеличение объёмов торговли с АСЕАН (в 4 раза за первое десятилетие); расширение сотрудничества в области торговли, инвестиций и туризма; вступление в Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) в 1996 г. и получение статуса полноправного партнёра АСЕАН по диалогу [5]. В 1997 г. была запущена Инициатива для развития всестороннего технического и экономического сотрудничества стран Бенгальского залива — БИМСТЭК (Bay of Bengal Initiative for MultiSectoral Technical and Economic Cooperation, BIMSTEC), тогда же был реализован проект «четырёхугольник роста» в составе Индии, Бангладеш, Бутана и Непала, а уже в 2000 г. реализовался формат «Меконг-Ганг» с участием Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Таиланда и Индии. Что касается внутренних изменений, то за обозначенный период в Индии были созданы институты для формирования многосторонних интеграционных структур, принята программа развития отстающих северных штатов, особое внимание стало уделяться развитию коммуникационных проектов и т.д. Вышеперечисленные достижения позитивно повлияли на углубление демократизации страны [3].

Вместе с тем многие эксперты выявили и некоторые проблемы, возникшие при реализации первого этапа курса «Смотреть на Восток»: недостаточно быстрое увеличение роста объёмов торговли с АСЕАН, узкий перечень предлагаемых Индией товаров на экспорт. Также отмечались слабый прогресс сотрудничества в культурной и образовательной сферах, в области здравоохранения, коррупция в государственных структурах, бюрократизация. Например, взаимодействие в сфере туризма расширялось, но вопрос облегчения визового режима не решался, что затрудняло развитие этой отрасли и народной дипломатии [4]. Многочисленной была и критика низкой активности Дели в поисках новых ниш взаимодействия (исследователи считали, что БИМСТЭКа и формата «Меконг-Ганг» недостаточно) [2].

Опираясь на мнение экспертов и своё видение ситуации, индийские лидеры скорректировали курс «Смотреть на Восток» на втором этапе его реализации, чтобы придать больший динамизм и эффективность, а также прекратить критику проводимой политики как внутри страны, так и за её пределами. Особо острым являлся вопрос сотрудничества с Мьянмой, в частности углубления отношений с военной хунтой и продажи ей индийского оружия в крупных размерах [8]. Он был снят после подключения военной хунты к совместной борьбе с повстанцами в приграничных районах и подписания в 2010 г. соглашения между Индией и Мьянмой о взаимопомощи в борьбе против террористов и повстанцев [8].

Изменение баланса сил в мире, усиление угроз безопасности в АТР и Южно-Азиатском макрорегионе, пиратство, терроризм и другие возникшие в 2000-е гг. вызовы позволили индийскому руководству переосмыслить концепцию «Смотреть на Восток». Позиционирование страны как лидера внутреннего региона и желание Дели расширить сферы своего политико-стратегического влияния определили вектор дальнейшего развития. Индия стала уделять огромное внимание проблеме свободного судоходства в западной части Тихого океана, так как более 50% её товаров доставляется в Северо-Восточную Азию через эти воды [1]. Индийские компании начали участвовать в разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений за пределами своего региона (например, в Южно-Китайском море, на шельфе Сахалина).

Активность в этом направлении проявлялась, с одной стороны, из-за желания получить статус мировой державы, с другой — из-за необходимости сдерживания мощи и амбиций Китая. Бурный экономический и военный рост КНР и её доминирующая роль в регионе вынудили Индию принять доктрину «расширенного соседства» вне Южной Азии и подтолкнули страну к развитию вооружённых сил (в первую очередь военно-морских, способных противостоять влиянию КНР как минимум в ЮВА).

Отношения с АСЕАН стали развиваться ещё интенсивнее. Заложив определённую базу политико-стратегических отношений в 90-е гг., на первом этапе курса «Смотреть на Восток», Индия продолжила их углублять. В 2003 г. между Дели и АСЕАН были подписаны «Договор о дружбе и сотрудничестве» и «Соглашение по борьбе с терроризмом». Сфера действий этих документов прямо касается стратегических вопросов. Также был сделан акцент на укреплении сотрудничества с ведущими региональными государствами — Южной Кореей и Японией.

Усиление военно-морского фактора во внешней политике страны начало проследиваться ещё в 1998 г., после прихода к власти

премьер-министра Атал Бихари Ваджпаи. Именно он выдвинул концепцию «контроля над шестью проливами». Обновлённый вариант национальной морской стратегии 2007 г. расширил сферы внимания Дели, и теперь она включает в себя защиту государственных интересов во всём Мировом океане. Амбициозная цель данной стратегии — превратить Индию в великую морскую державу к 2022—2025 гг. [7].

На сегодняшний день Индия стремится держать под контролем 12 проливов и хочет стать морской державой в АТР, если и не на всём пространстве, то, по крайней мере, в ряде субрегионов.

Концентрация на решении обозначенных политико-стратегических задач не помешала стране добиться значительных успехов и в экономической сфере. В 2002 г. был проведён первый саммит АСЕАН-Индия, а уже в 2009 г. АСЕАН и Индия подписали соглашение о создании зоны свободной торговли. К 2012 г. объём торговли превышал 70 млрд долл. в год [2].

Нельзя не признать, что большинство государств АТР позитивно реагировали на активность Индии в регионе и проведение курса «Смотреть на Восток», многие страны стали генерировать встречные инициативы (Таиланд — «Смотреть на Запад», Австралия — «Смотреть на Запад», США и Япония — «Арки демократии и процветания от Восточной до Южной Азии» и т.д.), что только продолжает углублять и развивать сотрудничество между Индией и АТР [2].

Несмотря на успех концепции «Смотреть на Восток» во внешних делах, Индия всё ещё обладает большим количеством внутренних проблем, которые руководство страны должно решить для получения государством и признания за ним статуса мировой державы.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ильичева Ю.А. Особенности сотрудничества Индии со странами АСЕАН в области безопасности в регионе Юго-Восточной Азии // Национальная безопасность / nota bene. 2019. № 3. С. 38—46.
2. Лебедева Н.Б. Продвижение Индии в АТР: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 3. С. 144—171.
3. Лунев С.И. Демократия в Индии // Россия и мир: анатомия современных процессов. М.: Международные отношения, 2014. С. 365—387.
4. Dhruva J. India rising: Soft power and the world's largest democracy // The soft power report. A global ranking of Soft Powers 2018. No. 1. P. 60—91.

5. Gordon A. India's Look East Policy: As a Member of Asia's Concert of Powers // Foreign Press Center. 2011. No. 8. P. 42—47.
6. Kesavan K.V. India's 'Act East' policy and regional cooperation // India and South Korea: Exploring new avenues, outlining goals. 2020. P. 7—16.
7. Ladwig III W.C. Delhi's Pacific Ambitions: Naval Power, "Look East Policy" and India's Emerging Influence in the Asia-Pacific // Asian Security. 2009. Vol. 5. No. 2. P. 87—113.
8. Panda R. North-Korea — Myanmar Nuclear Links: India's Concerns // Indian Foreign Affairs Journal. July — September 2009. Vol. 4. No. 3. P. 30—37.

УДК 327

Н.В. ФЕДОРОВ*

РАСШИРЕНИЕ ИНДИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Статья посвящена оценке влияния индийско-вьетнамского сотрудничества на позиции России во Вьетнаме. Автор рассматривает особенности взаимодействия Вьетнама с Россией и Индией. Вьетнам является ключевым партнёром России в Юго-Восточной Азии. В то же время Индия в последние годы расширяет сотрудничество с Вьетнамом. Автор делает вывод, что в контексте эскалации конфликта в Южно-Китайском море Вьетнам стремится к укреплению отношений с Индией, и это может в перспективе негативно сказаться на российских интересах во Вьетнаме (включая сферы военного и энергетического сотрудничества с Ханоем).

Ключевые слова: Вьетнам, Китай, Индия, Южно-Китайском море, российско-вьетнамские отношения, индийско-вьетнамские отношения.

N.V. FEDOROV

EXPANSION OF INDIA-VIETNAM INTERACTION AND RUSSIA'S INTERESTS IN VIETNAM

The article dedicated to an assessment of influence of India-Vietnam cooperation on Russia's positions in Vietnam. The author considers details of interaction of Vietnam with Russia and India. Vietnam is a key partner of Russia in Southeast

---

* ФЕДОРОВ Николай Викторович — к. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. E-mail: nfedorov@yandex.ru.

Asia. At the same time India has been expanding cooperation with Vietnam for the last years. The author makes a conclusion that under escalation of the South China Sea conflict Vietnam is trying to strengthen its relations with India and it might in future undermine Russian interests in Vietnam (including spheres of military and energy cooperation with Hanoi).

Keywords: Vietnam, China, India, South China Sea, Russia-Vietnam relations, India-Vietnam relations.

Социалистическая Республика Вьетнам занимает особое место среди партнёров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основа двусторонних отношений была заложена ещё в период холодной войны. После распада СССР Москва и Ханой перестали быть военно-политическими союзниками, а уровень их сотрудничества заметно снизился. В то же время стороны сохранили взаимодействие в ряде сфер (в том числе в областях энергетического и оборонного сотрудничества), а их отношения стали носить прагматичный характер. С начала 1990-х гг. Вьетнам взял курс на многовекторную внешнюю политику, и поддержание диалога с Россией стало частью этой стратегии. Расширение сотрудничества Москвы и Ханоя происходило с начала 2000-х гг. В 2001 г. была принята декларация о стратегическом партнёрстве между Россией и Вьетнамом, а в 2012 г. — совместное заявление о повышении уровня двусторонних отношений до всеобъемлющего стратегического партнёрства. Вьетнам является единственной страной Юго-Восточной Азии, обладающей подобным статусом в отношениях с Россией. Активизация политического диалога сопровождалась расширением взаимодействия в ряде сфер, традиционно играющих важную роль для отношений Москвы и Ханоя. Военно-техническое сотрудничество с начала 1990-х гг. стало проводиться на коммерческой основе, а его масштабы снизились по сравнению с периодом холодной войны. Тем не менее Вьетнам был заинтересован в приобретении российских вооружений и объёмы закупок выросли в 2000-е гг. во многом ввиду обострения споров с Китаем в Южно-Китайском море. Ханой сделал упор на приобретении вооружений для ВВС и ВМС и стал одним из крупнейших покупателей российского оружия [5]. Новый виток получило сотрудничество в сфере энергетики. Ещё в 1981 г. было создано совместное советско-вьетнамское предприятие «Вьётсовпетро» (учредителями которого стали «Зарубежнефть» и «Петровьетнам»), занимавшееся добычей нефти на континентальном шельфе. Несмотря

на распад СССР, «Вьетсовпетро» продолжило свою деятельность и сохранило позиции одного из ведущих игроков в сфере нефтедобычи во Вьетнаме. После 2000-х гг. к разработкам на шельфе стали подключаться и другие компании из России, и в настоящее время во Вьетнаме помимо «Зарубежнефти» добычей нефти и газа занимаются также «Газпром» и «Роснефть». В свою очередь вьетнамская сторона получила доступ в рамках совместных предприятий к участию в нефтегазовых разработках на территории РФ. Другой стороной взаимодействия является участие России в строительстве различных объектов энергетической инфраструктуры во Вьетнаме. В то же время общий уровень экономического сотрудничества России и Вьетнама является достаточно низким, несмотря на рост торгового оборота после 2000 г., и уступает объёмам торговли СРВ с её ведущими партнёрами примерно в 10—20 раз [1, с. 25]. Расширению экономического взаимодействия должно было способствовать соглашение о свободной торговле, подписанное между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом в мае 2015 г. Это было первое соглашение подобного рода, заключённое ЕАЭС. Подписание этого документа стало возможным во многом благодаря доверительным политическим отношениям между Россией и Вьетнамом [2, с. 72]. И всё же современные российско-вьетнамские отношения объективно не являются аналогом партнёрства СССР и Вьетнама времён холодной войны. Интересы России во Вьетнаме, прежде всего, экономические, а её позиции в СРВ далеко не ведущие. Ханой, как уже отмечалось выше, проводит многостороннюю внешнюю политику и стремится развивать отношения с широким кругом акторов, включая и Индию. Взаимодействие Вьетнама и Индии набирает обороты за последние годы. В этой связи представляется актуальным определить влияние укрепления индийско-вьетнамских отношений на интересы России во Вьетнаме.

В отличие от СССР Индия не была военно-политическим союзником Ханоя в годы холодной войны, но старалась поддерживать с ним дружественные отношения. В последнее время интерес Индии к сотрудничеству с Вьетнамом заметно возрос. Это можно объяснить общей активизацией отношений Индии с Азиатско-Тихоокеанским регионом, предпринятой премьер-министром Н. Модии, при которой стратегия «Смотри на Восток» была преобразована в доктрину «Действуй на Востоке» [6, р. 120]. Кроме того, Индия заинтересована в развитии своей морской торговли и, соответственно, в обеспечении безопасности морских коммуникаций. Конфликт в Южно-Китайском море является вызовом для Индии вследствие как угрозы стратегически важным

судоходным маршрутам, так и усиления позиций её соперника — Китая. Это делает Вьетнам «идеальным союзником Индии для сдерживания Китая» [4, с. 155]. В этой связи Индия демонстрирует Вьетнаму свою поддержку в конфликте в Южно-Китайском море. Также стали определяться контуры взаимодействия Вьетнама, Индии и Японии в вопросах обеспечения безопасности морских коммуникаций [6, р. 133]. Формирование подобного партнёрства развивается в контексте политики США по укреплению сотрудничества с Индией и Вьетнамом в области безопасности. Таким образом, можно говорить о постепенном образовании коалиции (неоформленной пока институционально), направленной на сдерживание КНР в Южно-Китайском море.

В 2007 г. Индия и Вьетнам объявили о своём стратегическом партнёрстве. В 2016 г. было подписано соглашение уже о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве. Таким образом, статус индийско-вьетнамских отношений стал соответствовать уровню взаимодействия Москвы и Ханоя. Торговля Индии и Вьетнама (5,5 млрд долл. в 2016 г.) примерно сопоставима с объёмами российско-вьетнамского торгового оборота, но развивается более высокими темпами [6, р. 128—129]. Индия расширяет сотрудничество с Вьетнамом и в тех сферах, которые традиционно считались приоритетными для российско-вьетнамских связей. Индийские компании *ONGC Videsh Limited* и *Essar Oil* ведут разведку и добычу углеводородов на континентальном шельфе Вьетнама с конца 1980-х гг. и получают новые участки для своих разработок. Индийская компания *Tata* стала принимать участие в строительстве энергетических объектов во Вьетнаме (победив в одном из тендеров в том числе и Россию) [8]. Индия также расширяет оборонное сотрудничество с Вьетнамом. Пока его объёмы заметно меньше масштабов военно-технического взаимодействия Москвы и Ханоя. Индия и Вьетнам сотрудничают в сфере кибербезопасности, информационных технологий и подготовки личного состава (включая тренировку моряков-подводников). Обсуждается возможность приобретения Вьетнамом патрульных катеров, ракетных систем и даже боевых самолётов [6, р. 129—130]. Индия сама обладает богатым опытом эксплуатации и производства вооружений российского образца. Таким образом, при расширении военного сотрудничества с Индией Вьетнам будет избавлен от необходимости резкого перехода на новые стандарты вооружений. В контексте стремления Ханоя к диверсификации своего оборонного сотрудничества это делает Индию в перспективе достаточно серьёзным конкурентом для России на вьетнамском рынке вооружений.

В рамках своего военно-технического сотрудничества с Вьетнамом Россия объективно укрепляет стратегические позиции Ханоя в Южно-Китайском море. В то же время РФ активно взаимодействует в данной области и с Китаем. Москва заявляет о своём нейтралитете в конфликте в Южно-Китайском море, но при этом недвусмысленно высказывается против вмешательства Вашингтона в данный спор. В условиях кризиса в отношениях с Западом Россия стремится взаимодействовать с Китаем в вопросах сдерживания их общего оппонента — Соединённых Штатов [7]. В рамках конфликта в Южно-Китайском море Россия играет «на две стороны» — исходя из глобального и регионального измерений своей внешней политики. Вьетнам, в свою очередь, заинтересован в поддержке со стороны США в конфликте Южно-Китайском море (и, в принципе, в сохранении стабильных отношений с Америкой) и не намерен выступать против Вашингтона на стороне России. В то же время Ханой не желает прямого втягивания в американо-китайскую конфронтацию [3, с. 17]. В данной ситуации Индия оказывается для Вьетнама достаточно перспективным и удобным партнёром. Нью-Дели разделяет с Ханоем общие интересы и, одновременно, стремится проводить самостоятельную политику, что позволяет Вьетнаму меньше зависеть от позиции Соединённых Штатов. России чрезвычайно важно в рамках споров в Южно-Китайском море поддерживать баланс в отношениях между КНР и Вьетнамом. При этом, однако, осторожная позиция РФ может привести к тому, что в условиях обострения противостояния Москва может оказаться «на обочине» региональной политики. В этом случае возможно дальнейшее укрепление отношений СРВ с Индией (как реальной «третьей силой» в конфликте), включая расширение сотрудничества в тех сферах, в которых Россия ещё сохраняет относительно сильные позиции во Вьетнаме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вьетнам является ключевым партнёром России среди стран Юго-Восточной Азии. В то же время Индия старается активизировать свою политику в отношении Вьетнама. Индия может стать потенциальным конкурентом России во Вьетнаме, и одним из факторов, способствующих этому, является региональный баланс сил. СРВ и Индия обладают общими интересами в сдерживании КНР, а Россия, в свою очередь, видит в Китае естественного партнёра по созданию противовеса Соединённым Штатам.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Кобелев Е.В. Вьетнам и политика поворота России на Восток // Российско-вьетнамские интересы сегодня: сферы совпадения интересов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 17—28.
2. Мазырин В. Вьетнам: зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 3. С. 72—82.
3. Россия и Вьетнам в новой Азии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Февраль 2019 г. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-vietnam-v-novoy-azii/> (дата обращения: 28.01.2021).
4. Соколовский А.Я. Вьетнам — Индия: традиции и современность // Россия — Индия. 1947—2017. Семьдесят лет вместе: материалы круглого стола, посвящённого 70-летию установления дипломатических отношений между СССР / Россией и Индией. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. С. 151—164.
5. Шпунт А. Продай оружие. 28.03.2016. URL: <https://actualcomment.ru/gynokrost-1603281201.html> (дата обращения: 27.01.2021).
6. Chaturvedy R.R. The Reinvigoration of India — Vietnam Partnership under Prime Minister Modi // Vietnam's Foreign Policy under *Doi Moi*. Singapore: ISEAS Publishing, 2018. P. 117—140.
7. Korolev A. The Two Levels of Russia's South China Sea Policies. March 28, 2017. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/the-two-levels-russias-south-china-sea-policies> (дата обращения: 28.01.2021).
8. Roche E. Tata Power Wins \$ 1.8 bn Thermal Power Plant Project in Vietnam. June 07, 2013. URL: <https://www.livemint.com/Industry/pNXdpoFzuC7ITeltdHp9AI/Tata-Power-wins-18-bn-thermal-power-plant-project-in-Vietn.html> (дата обращения: 27.01.2021).

УДК 621.039.009.2 (5-012)

К.А. КОРНЕЕВ*

**ПЕРСПЕКТИВЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ
В РЕГИОНЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Статья посвящена рассмотрению основных проблем развития атомной энергетики в странах Восточной Азии (Японии, Китае, Республике Корея) с учётом нового видения этого процесса, связанного с произошедшей в марте 2011 г. на АЭС «Фукусима» аварией. Переосмысление

---

* КОРНЕЕВ Константин Анатольевич — канд. ист. н., Центр японских исследований Института Дальнего Востока РАН, г. Владивосток. E-mail: k_korneev@mail.ru.

подходов к роли и месту АЭС в системе энергопроизводства подразумевает не только ужесточение правил их эксплуатационной безопасности, но и поиск альтернатив атомной генерации. Возобновляемая и водородная энергетика являются наиболее перспективными направлениями, однако их широкому распространению препятствует ряд технологических, инфраструктурных и естественно-природных ограничений, поэтому о полноценной замене АЭС мощностями с сопоставимым уровнем бесперебойности и автономности энергоснабжения говорить пока не приходится. В статье также уделяется внимание анализу стратегий развития атомной энергетики в указанных странах Восточной Азии как части комплексной государственной политики. Кроме того, рассматриваются проблемы экспорта технологий атомной энергетики, формулируются выводы о влиянии фактора межгосударственной конкуренции на политико-экономическое измерение исследуемой темы.

Ключевые слова: Восточная Азия, атомная энергетика, возобновляемая энергетика, государственные стратегии и планы, экспорт технологий.

K.A. KORNEEV

**PROSPECTS FOR NUCLEAR ENERGY SECTOR
IN THE EAST ASIAN COUNTRIES:
POLITICAL AND ECONOMIC DIMENSION**

The article is devoted to the main problems of nuclear power development in the countries of East Asia (Japan, China, and the Republic of Korea), taking into account the new vision of this process, related to the Fukushima nuclear disaster in March 2011. The revision of approaches to the role and place of nuclear power plants in the energy production system implies not only the tightening of their operational safety rules, but also the search for alternatives to nuclear generation. Renewable and hydrogen energy are the most promising areas, but their wide distribution is hindered by a number of technological, infrastructural and natural barriers, so it is not yet necessary to talk about the full replacement of nuclear power plants with capacities which are able to demonstrate a comparable level of uninterrupted and autonomous power supply. The article also focuses on the analysis of nuclear energy development strategies in the specified countries as a part of comprehensive state policy. In addition, the problems of nuclear energy technologies export are considered and also the ideas about the influence of the interstate competition in given direction on the political and economic dimension of the research topic are formulated.

Keywords: East Asia, nuclear power, renewable energy, government strategies and plans, technology exports.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В ЯПОНИИ

Энергетической безопасности в Японии традиционно уделяется пристальное внимание. Высокая вероятность природных катастроф (землетрясений и цунами), периодически приводящих к серьёзным техногенным авариям, обязывает власти и энергетические компании крайне скрупулёзно относиться к обеспечению надёжности энергосистемы. Несомненно, такой подход полностью оправдал себя в 2011—2012 гг.: в течение года после фукусимской катастрофы были остановлены все атомные электростанции (54 реактора суммарной мощностью 46 ГВт), которые вырабатывали до 30% всей потребляемой в стране электроэнергии. Однако это не стало причиной серьёзного энергетического кризиса, поскольку были задействованы имеющиеся резервные мощности ТЭС [8].

Отказ от эксплуатации АЭС и дальнейшего стратегического развития этой отрасли — болезненное решение для японского правительства, хотя авария имела действительно тяжёлые последствия. До 2011 г. предполагалось, что с помощью постепенного увеличения доли АЭС и ВИЭ (возобновляемых источников энергии) в структуре генерации электроэнергии к 2030 г. удастся на 70% снизить уровень выбросов CO₂ в атмосферу и на 50% выполнить план по обеспечению энергетической независимости страны. Другими словами, лишь 50% необходимой электроэнергии вырабатывалось бы за счёт импортируемых первичных энергоресурсов. После 2015 г. 9 реакторов возобновили работу (на АЭС «Ои», «Такахама», «Гэнкай» и др.), но их доля в производстве электроэнергии составила не более 1,5%. Таким образом, в текущих условиях низкого вклада АЭС в электрогенерацию и медленного развития отрасли ВИЭ уровень энергетической безопасности страны оценивается в 10—15% [2].

Японское правительство, исходя из периодически появляющихся заявлений официальных лиц на эту тему, не собирается окончательно выводить АЭС из эксплуатации в перспективе ближайших 10 лет. Несколько энергоблоков находится в стадии строительства, однако сроки его завершения постоянно переносятся по причине дополнительных проверок соответствия новым, гораздо более жёстким стандартам безопасности. Очередная редакция Основного энергетического плана Японии, одобренная летом 2018 г., предполагает, что к 2035 г. безуглеродная энергетика (АЭС, ГЭС, ВИЭ и водород) будет обеспечивать до 25% генерации электроэнергии в стране, а доля АЭС составит около 8% [13].

Так, наиболее вероятен сценарий, при котором существующие и строящиеся мощности АЭС всё же будут частично задействованы,

но в ограниченных масштабах и с учётом постоянно ужесточающихся требований. Однако практику продления срока их эксплуатации, скорее всего, прекратят. Приоритет будет отдан возобновляемым источникам энергии с низкими рисками аварийности (солнце, ветер, биотопливо) и водороду — как только в достаточной мере удастся решить проблемы с транспортировкой, хранением и достижением коммерческой эффективности энергосистем на основе этого газа.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В КИТАЕ

В Китае с середины 2000-х гг. на государственном уровне декларируется постепенный переход к экологически ориентированной энергетике со снижением доли сжигаемого угля и активным строительством газовых ТЭС, АЭС, ветряных и солнечных электростанций. Это закономерно, поскольку в настоящее время энергетическая независимость страны достигается именно за счёт использования угля (60% в структуре энергопотребления) — единственного ресурса, которым КНР может обеспечить себя самостоятельно. Зависимость от импорта нефти составляет более 50%, хотя объёмы внутренней добычи этого ресурса в 2019 г. были достаточно велики — 200 млн т. Также добывается около 140 млрд м³ природного газа ежегодно, что покрывает до 70% потребности страны в нём, однако этого мало: приходится импортировать порядка 80 млрд м³ в год. На территории Китая практически нет неосвоенных месторождений нефти и природного газа, следовательно, импорт будет только расти [6].

С учётом ситуации правительство КНР сделало акцент на развитии атомной и возобновляемой энергетики. Наибольшие успехи пока достигнуты в сфере ВИЭ: по состоянию на декабрь 2019 г. в стране функционировали солнечные и ветряные электростанции суммарной установленной мощностью 420 ГВт. Если добавить к этим показателям мощности ГЭС (360 ГВт), получится почти 800 ГВт возобновляемой энергетики, что обеспечивает Китаю безусловное первое место в мире. Однако работа электростанций на основе ВИЭ нестабильна и зависит от погодных условий — они не могут полноценно работать в базовом режиме энергосистемы [10].

В начале 2010-х гг. в Китае была принята масштабная программа развития атомной энергетики, в рамках которой привлекаются технологии европейских, американских и российских компаний. АЭС в Китае строятся с конца 1980-х гг., но до недавнего времени сказывалось существенное технологическое отставание КНР в этой сфере, поскольку

использовались ещё советские технологии 50-х — 60-х гг. Впрочем, сейчас проблема решена, достигнут стандартный мировой уровень долговечности (40—60 лет) и эксплуатационной безопасности АЭС [5].

По состоянию на декабрь 2019 г. в Китае действуют 48 ядерных реакторов на 17 АЭС суммарной установленной мощностью 45,6 ГВт. В том же году доля АЭС в общей выработке электроэнергии составила 5%, а к 2035 г. планируется увеличение данного показателя вдвое. Это вызывает необходимость строительства новых станций, которые смогут обеспечить ввод в эксплуатацию ещё не менее 40 ГВт мощностей. В настоящий момент все действующие в Китае АЭС используют энергоблоки второго поколения, построенные в кооперации с «Росатомом» и французскими корпорациями.

В государственной энергетической стратегии Китая — Белой книге «Развитие энергетики Китая в новую эпоху» (редакция 2018 г.) — приводятся целевые ориентиры для атомной энергетики на будущее. Среди них:

- 1) увеличение вклада китайских профильных НИИ и корпораций в проектирование и материально-техническое обеспечение АЭС;
- 2) достижение ценового паритета вырабатываемой электроэнергии с угольными ТЭС (за 1 кВт·ч);
- 3) получение ведущих позиций на мировом рынке технологий атомной энергетики, расширение возможностей международного сотрудничества [7].

Авария на «Фукусиме» заставила власти КНР пересмотреть правила эксплуатации своих АЭС, однако отказываться от планов по развитию атомной энергетики страна не намерена.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Уровень обеспеченности первичными энергоресурсами в Республике Корея (РК) в целом соответствует показателям Японии. Страна более чем на 80% зависима от внешних поставок нефти, пригодного газа и угля, поскольку собственные запасы практически отсутствуют. Неудивительно, что Южная Корея занимает 3-е место в мире по импорту сжиженного природного газа (СПГ) и 6-е место по импорту сырой нефти. В 2018 г. страна закупила за рубежом 58 млрд м³ природного газа, в 2019 г. чуть меньше — 53 млрд м³. В структуре энергопотребления ископаемое топливо занимает доминирующие позиции — примерно 85%, в то время как на атомную и возобновляемую энергетику приходится 10% и 3% соответственно [12].

Корейское правительство в середине 2010-х гг. одобрило очередную программу развития возобновляемой и водородной энергетики, однако, как и в случае Японии, возможности движения в этом направлении весьма ограничены природно-климатическими и технологическими факторами. В настоящее время суммарная установленная мощность солнечных и ветряных электростанций в РК составляет порядка 15 ГВт и обеспечивает 6% общей выработки электроэнергии в стране. Согласно прогнозам корейского правительства, к 2035 г. мощности возобновляемой энергетики должны возрасти до 50 ГВт, однако эксперты весьма скептически оценивают эти планы [3].

Первая АЭС в РК была запущена в 1978 г., и с тех пор строительство новых станций не останавливалось; технологическая база была предоставлена американскими и японскими корпорациями. К 2011 г. суммарная установленная мощность атомных электростанций в стране составила 18 ГВт, а к 2019 г. увеличилась до 23 ГВт (25 энергоблоков). В стадии строительства находится ещё несколько энергоблоков мощностью примерно 5 ГВт. Доля АЭС в структуре выработки электроэнергии составляет 25% — немногим меньше, чем в Японии до аварии на «Фукусиме». В 2010 г. правительство планировало увеличение доли АЭС в ежегодной выработке электроэнергии до 40% к 2030 г., но впоследствии эти цифры были скорректированы — теперь предполагается сохранить имеющийся потенциал с некоторым его ростом в будущем (до 30% и 34 энергоблоков) [9].

События в Японии также привели к тому, что корейские контролирующие организации провели серьёзные проверки в области безопасности работы атомных станций и значительно ужесточили требования к их эксплуатации.

ПРОБЛЕМЫ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Общая оценка проблем развития атомной энергетики в странах Восточной Азии производится в контексте экологических, экономических и общественно-политических факторов. Поскольку Япония, Китай и Республика Корея относятся к числу государств с высокоразвитой промышленностью, для них достаточно острым является вопрос поиска баланса между конкурентоспособностью и технологичностью выпускаемой продукции. Это означает, что электроэнергию для промышленных потребителей лучше вырабатывать максимально «чистой», но при этом стоимость конечного продукта не должна превышать

среднемировые показатели с учётом региональной компоненты. Причинами являются принятые обязательства по снижению эмиссии парниковых газов в рамках Парижского соглашения по климату 2015 г. и значительная производственная нагрузка на окружающую среду. Всё это негативно отражается на качестве жизни населения, особенно в таких крупных мегаполисах, как Пекин, Шанхай, Большой Токио, Сеул и т.д.

В структуре ВВП Японии и Республики Корея более 60% приходится на сферу услуг; в Китае же этот показатель пока составляет менее 50%. Очевидно, что для КНР развитие атомной энергетики как экологически чистого и экономически обоснованного вида электрогенерации в условиях продолжающегося экстенсивного промышленного роста имеет более принципиальное значение, чем для Японии и Южной Кореи. Кроме того, при сохранении в Китае темпов роста ВВП на уровне 6% потребуется ежегодно увеличивать импорт сырой нефти и природного газа примерно на 2%, и только активное строительство АЭС и электростанций на основе ВИЭ способно сдержать эту тенденцию. Особой дискуссии в правительственных кругах КНР по поводу будущего атомной энергетики сейчас нет, поскольку текущая экономическая ситуация обязывает руководство развивать все возможные направления «чистой» энергетики [11].

Другой важный вопрос касается сферы атомных энергетических технологий, которые относятся к числу инновационных и оказывают несомненное положительное влияние одновременно на несколько отраслей промышленности, не считая перспективных НИОКР в этом направлении. Например, утрата Японией статуса надёжного поставщика технологий для строительства АЭС привела к некоторому снижению её научно-производственного потенциала, а также стала серьёзной репутационной потерей для японских энергетических корпораций на мировом рынке. После 2011 г. Япония прекратила реализацию большинства своих зарубежных проектов в области атомной энергетики (в Турции, Великобритании, Вьетнаме). Разумеется, освободившуюся нишу стали занимать корпорации из других стран — США, Франции, России, Южной Кореи и Китая; последнему пока сложно конкурировать на этом рынке, но определённых успехов страна уже достигла [4].

Рассматривая общественно-политический аспект проблемы эксплуатации АЭС, следует разделять популистскую риторику отдельных лидеров и системную государственную политику по отношению к атомной энергетике. Отметим, что в Японии периода второго премьерства Абэ Синдзо (2012—2020 гг.) наблюдался достаточно негативный общественный фон при решении вопросов возобновления работы АЭС, и это вынуждало японского лидера крайне осторожно высказывать-

ся на данную тему. В Китае же после прихода к власти Си Цзиньпина в 2013 г. продвигается партийный курс на ускоренное строительство АЭС, что не подразумевает заметного спектра альтернативных мнений.

В Республике Корея вокруг вопроса атомной энергетики во второй половине 2010-х гг. развернулось настоящее противостояние. В рамках предвыборной экологической повестки Мун Чжэ Ин (занимает пост президента с 2017 г.) объявил войну АЭС, заявляя о необходимости их полноценной замены на различные ВИЭ. Корейский лидер в 2018 г. остановил строительство новых энергоблоков, но потом вынужден был отменить своё решение под давлением энергетиков, которые подсчитали экономический ущерб от такого шага. Президент пытался вводить популистские меры — компенсации затрат населению и бизнесу за отказ от покупки электроэнергии, вырабатываемой на АЭС. Однако эти действия не принесли ощутимого результата, и со временем Мун Чжэ Ин несколько отошёл от данной темы, а деятельность компаний по развитию атомной энергетики продолжилась [1].

Таким образом, ни в одной из рассматриваемых стран Восточной Азии (включая и Японию) в настоящий момент нет экономических и экологических оснований для полного прекращения эксплуатации АЭС, наоборот, атомная энергетика вносит большой вклад в достижение ими максимально возможной независимости от импорта первичных энергоресурсов. Проблемы могут возникнуть в политической плоскости, но ситуация в Южной Корее демонстрирует, что даже недуманные решения лидера вряд ли способны привести к масштабному кризису отрасли.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Асмолов К., Воротников Ю. Как Южная Корея убивает свой мирный атом и в чём здесь выгода для России? // Эксперт. 02.08.2019. URL: <https://expert.ru/2019/08/2/koreya/> (дата обращения: 28.01.2021).
2. Пипия Л.К., Дорогокупец В.С. Энергетическая политика Японии // Наука за рубежом. 2017. № 60. С. 1—38.
3. Попов С.П., Корнеев К.А., Максакова Д.В. Состояние и предпосылки развития ветроэнергетики стран Восточной Азии // Региональные аспекты ветроэнергетики / под ред. В.А. Стенникова, В.Г. Курбацкого. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. С. 35—57.
4. Япония сталкивается с трудностями в экспорте своих ядерных технологий // Атомная энергия. 09.01.2019. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2019/01/09/91660> (дата обращения: 27.01.2021).
5. Banks D. The Rise of China's Civil Nuclear Program and Its Impact on U.S. National Interests // ACFE Centre for Policy Research Publications. January 2017. P. 1—12.

6. China Energy Information // Enerdata: Intelligence and Consulting. URL: <https://www.enerdata.net/estore/energy-market/china/> (дата обращения: 18.01.2021).
7. Nuclear Power in China // World Nuclear Association. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/china-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 22.01.2021).
8. Nuclear Power in Japan // World Nuclear Association. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/japan-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 14.01.2021).
9. Nuclear Power in South Korea // World Nuclear Association. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/south-korea.aspx> (дата обращения: 25.01.2021).
10. Renewable Energy in China: Statistics and Facts // Statista: Business Data. URL: <https://www.statista.com/topics/5100/renewable-energy-china/> (дата обращения: 19.01.2021).
11. Shibata N. Why China is eager to promote atomic energy? // The Japan Times. December 6, 2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/12/06/commentary/world-commentary/china-nuclear-energy/> (дата обращения: 26.01.2021).
12. South Korea National Accounts // CEIC: Financial Data & Economic Indicators. URL: <https://www.ceicdata.com/en/country/korea> (дата обращения: 23.01.2021).
13. Strategic Energy Plan // Ministry of Economy, Trade and Industry (Japan). URL: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/5th/pdf/strategic_energy_plan.pdf (дата обращения 15.01.2021).

УДК 94, 329.61

Н.Н. ГОРЯЧЕВ*

МАОИЗМ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ОТ КОММУНЫ ДО ВОЙНЫ

В статье анализируются попытки применения маоистской идеологии левыми силами в Латинской Америке — А. Гусманом в Перу и Ф. Медрано в Мексике. В первой части дан обзор общих причин обращения левых сил Латинской Америки к маоизму и их фракционного деления в ходе этого процесса. Во второй проанализированы подходы к построению маоистских движений А. Гусмана и Ф. Медрано. Сделан вывод, что, несмотря на разницу их подходов, оба лидера не смогли эффективно использовать новую идеологию для достижения своих целей.

Ключевые слова: маоизм, левое движение, А. Гусман, Ф. Медрано, «Сендеро Луминосо».

---

* ГОРЯЧЕВ Николай Николаевич — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: goryachev@ihaefe.ru.

N.N. GORYACHEV

MAOISM IN LATIN AMERICA: FROM COMMUNE TO WAR

The article is devoted to the analysis of the most diverse attempts to apply Maoist ideology by left forces in Latin America — the activities of A. Guzman in Peru and F. Medrano in Mexico. The first part provides an overview of the general reasons for the conversion of the leftist forces in Latin America to Maoism, and their division in the process. The second analyzes the approach to the construction of the Maoist movement by A. Guzman and F. Medrano. Concluded that despite the difference in approaches, both leaders could not effectively use the new ideology to achieve their goals.

Keywords: Maoism, leftist movement, A. Guzman, F. Medrano, “Sendero Luminoso”.

В конце 1950-х гг. произошло два события, которые в определённой степени повлияли на радикализацию левых движений в мировом масштабе. С одной стороны, начал обретать форму советско-китайский раскол, спровоцировавший идейные разногласия в коммунистических и социалистических партиях по всему миру. Левые силы стали рассматривать социализм с разных точек зрения, пытаясь решить, чья доктрина — советский марксизм-ленинизм или китайский маоизм — является для них наиболее приемлемой. Некоторые представители латиноамериканских левых сил после XX съезда КПСС в 1956 г. не приняли доктрину «мирного сосуществования» и стали искать новые пути своего развития в коммунистическом поле, отвергнув курс, предлагаемый СССР. И в этих поисках они обращались к идее заимствования маоизма и китайского опыта вооружённой борьбы и революции. С другой стороны, Кубинская революция, которая завершилась падением правительства Ф. Батисты (фактически благодаря действиям небольшого партизанского отряда), показала, что революционная борьба может увенчаться успехом и в Латинской Америке.

Проникновение в латиноамериканские политические круги маоизма привело к тому, что идея революционного террора против правительства стала пользоваться большой популярностью у левых движений, и это постоянно порождало очаги внутренней нестабильности и связанные с этим угрозы. Используя стратегию «case study» и типологию Дж. Герринга и Л. Кожокару [4; 5], можно выделить два наиболее различных случая использования маоизма как главенствующей идеологии

в левых движениях в Латинской Америке. Первый из них — широко известная своей террористической направленностью перуанская организация «Сендеро Луминосо» во главе с Абимаэлем Гусманом. Второй — деятельность Флоренсио Медрано из Революционной партии пролетариата (РПП) в Мексике.

Сам по себе интерес китайского правительства (и лично Мао) к революционным процессам в Латинской Америке окончательно утвердился лишь после окончания революции на Кубе. В ноябре 1960 г. Мао Цзэдун лично встретился с делегацией под руководством Эрнесто Че Гевары. При этом речь шла не только о реформаторской деятельности нового кубинского правительства: в ходе беседы председатель КПК уделил значительное внимание и происходящему в других странах Латинской Америки, полагая, что членам делегации лучше известна внутренняя обстановка. В первую очередь Мао интересовала возможность возникновения там антиимпериалистических движений и новых революций, в том числе на основе вооружённого противостояния с властями. В связи с этим обсуждались идеологические вопросы: значение вооружённой борьбы как одной из форм революционного движения и взаимосвязь между революционным процессом в городах и в сельских районах. И Мао, и Гевара подчёркивали, что вооружённая борьба изначально не была первоочередной задачей революционеров ни на Кубе, ни в Китае, и к ней пришлось прибегнуть вынужденно, в ответ на силовое подавление со стороны властей. Мао также согласился с тремя тезисами Гевары о сущности революционного процесса в Латинской Америке: народ может победить реакционеров; не нужно ждать, пока все условия созреют, чтобы начать революцию; в Латинской Америке главная сила революции — в сельских районах. Для двух лидеров было очевидно, что китайская и кубинская революции несут в себе достаточно много общих черт, являются феноменами одного порядка и, таким образом, очень близки идеологически — т.е. китайский опыт может быть применён в Латинской Америке [9].

Однако вопрос поляризации левых на просоветские и прокитайские партии всё ещё оставался актуальным. На протяжении 1960-х гг. практически все организации левых в Латинской Америке постепенно разделялись на два лагеря. На данный процесс значительное влияние оказывали долгосрочные стажировки в Китае, организованные КПК, в ходе которых представители латиноамериканских левых сил изучали теоретические основы маоизма, получали боевую подготовку, а также знакомились с достижениями Китая в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях. В результате посетившие КНР в ходе таких стажировок также разделялись — на сторонников копирования

китайского опыта исключительно в плане вооружённой борьбы и на тех, кто считал экономические основы маоизма более важными.

К числу первых относился Абимаэль Гусман. Считается, что он вступил в 1958 г. в Перуанскую коммунистическую партию (ПКП) под влиянием Карлоса Де ла Ривы — убеждённого сталиниста и жёсткого противника хрущёвского курса СССР. Сам Де ла Рива был одним из первых перуанских коммунистов, посетивших Китай. Об этом он даже написал книгу, в которой не только описал свои впечатления от Китая, но также изложил конкретные проблемы применения китайского опыта (в вопросах партизанской войны, а также автономии партии) [3]. После разделения в 1964 г. ПКП на две отдельные партии, ПКП «Унидад» (просоветская) и ПКП «Бандера Роха» (маоистская), перуанские маоисты всё равно находились под влиянием противоречий по поводу выбора курса, которому необходимо следовать. К тому же всё более важное значение для повышения авторитета внутри партии стал играть факт прохождения стажировки в Китае. Именно за счёт этого одним из лидеров маоистов стал Гусман. Он посещал кадровые школы в КНР дважды — в 1965 и 1967 гг. Одной из целей его второй поездки было выяснение того, будет ли Китай оказывать «Бандера Роха» экономическую помощь. Данный запрос перуанских маоистов удовлетворён не был [1, р. 26]. При этом Гусман воочию наблюдал процесс Культурной революции в КНР и видел, что идеологические разногласия не чужды и китайским коммунистам, а сами дебаты строятся вокруг того, кто правильнее интерпретирует идеи Мао [2, р. 16]. Гусман стал регулярно и публично критиковать руководство «Бандера Роха» за нежелание начинать вооружённую борьбу, так как полагал, что все условия для этого уже созданы и необходимая поддержка народа будет обретена уже в ходе противостояния с властями. За подобную критику он и несколько его сторонников были исключены из партии. Однако к этому моменту у него уже был серьёзный фундамент для продвижения в провинции Аякучо, где он преподавал в университете Сан-Кристоваль в г. Уаманга, что позволило ему создать свою организацию — «Сендеро Луминосо». На первом собрании её ЦК присутствовало всего 12 чел., а по всей стране число сторонников новой организации не превышало 50 чел. [2, р. 27]. В 1970-х гг. Гусман и его сторонники разворачивают широкую деятельность по привлечению в свои ряды университетской молодёжи в Аякучо и усиленно адаптируют интеллектуальное наследие основателя ПКП Хосе Мариатеги для использования в качестве идеологии «Сендеро Луминосо». Сам Гусман в своих выступлениях неоднократно проводил параллели между идеями Мариатеги и Мао, говоря

о роли армии и вооружённой борьбы революционеров [6; 7]. Другой идеолог «Сендеро Луминосо», Антонио Диас Мартинес, также был в определённом смысле близок к воззрениям Мариатеги. Он был уверен в том, что крестьянское общество может измениться, только если изменится всё перуанское общество, для чего необходимо следовать по пути революции, во главе которой должны стоять маоистские ячейки рабочих и крестьян. По его мнению, революционные процессы в Гватемале, Мексике и Боливии потерпели неудачу, так как их возглавили представители буржуазии, которым были чужды чаяния крестьян. После посещения КНР в 1974—1976 гг. Диас Мартинес издал книгу «Китай. Аграрная революция», в которой по-своему интерпретировал историю этого государства с 1911 г. и заложил основу понятийного аппарата, используемого сендеристами в дальнейшем. Он также полагал, что после смерти Мао именно в Перу должны будут принять на себя мировое лидерство в следовании маоистским принципам под руководством «Председателя Гонсало» (т.е. Гусмана) [8, р. 70]. Идеология «Сендеро Луминосо» к моменту начала народной войны в 1980 г. стала обозначаться как марксизм-ленинизм-маоизм, или «Мысль Гонсало», — сформировался своего рода культ личности. С одной стороны, складывалось впечатление, что Гусман и его сторонники обрели поддержку крестьян — т.е. опирались не только на китайский опыт вооружённой борьбы, но и имели поддержку населения, были с ним едины. Однако сама специфика дальнейших действий «Сендеро Луминосо» — политика террора не только против властей, но и против мирного крестьянского населения (в связи с чем последние были вынуждены создавать собственные нелегальные вооружённые формирования для защиты своих общин) — показала, что это был всего лишь способ вербовки сторонников для партизанских отрядов. Такая деятельность перуанских маоистов привела к тому, что в итоге правительство, легализовав крестьянские отряды и дав широкие полномочия армии, подавило основную часть сендеристов. В 1992 г. был арестован и сам Гусман. Однако, несмотря на его арест, «Сендеро Луминосо» существует до сих пор, и «Мысль Гонсало» имеет хождение в народе, хотя и очень ограниченно.

Сторонником иного подхода к маоизму был Флоренсио Медрано. Он родился в бедной семье крестьян; прежде чем стать маоистом, был активистом коммунистической партии. В 1964—1966 гг. активно сотрудничал с Хавьером Фуэнтесом, лидером РПП. Фуэнтес пригласил его присоединиться к поездке в КНР, и летом 1969 г. он вместе с другими членами партии прошёл полугодовое обучение, аналогичное тому, что проходил А. Гусман.

По возвращении в Мексику Медрано начал бороться с Фуэнтесом за пост руководителя партии. Медрано считал, что так как партия состоит в основном из крестьян, то и руководить ей должен крестьянин. После ареста Фуэнтеса и большинства руководителей партии в 1970 г., Медрано создал Национальную ассоциацию рабочих, крестьян и студентов. В основе её были тридцать приверженцев маоизма, которые немного знали китайский язык. Организация отказалась от немедленного начала вооружённой борьбы, а первой её крупной акцией стало скваттерство — занятие пустующей земли и основание так называемой колонии Рубен Харамильо в 1973 г. (через несколько месяцев число её жителей достигало уже около 10 тыс. чел.). Коллективный труд был обязательным, а сам Медрано говорил, что стремится сделать Харамильо первым истинно народным поселением Мексики. В коммуне работали также студенты из Куэрнаваки и Мехико, тем самым Медрано стремился привлечь образованную молодёжь к коллективному труду. Участие студентов вызвало осложнения. Их присутствие расширило спектр политических идей, некоторые из них были приверженцами просоветского коммунизма, другие были членами иных воинствующих организаций. Одни сотрудники коммуны жаловались, что студенты больше хотят говорить о марксизме и революции, чем заниматься полезным трудом. Другие считали, что привлечение людей извне облегчит полицейским осведомителям проникновение в колонию. Однако Медрано полагал, что опасения безосновательны, привлечение людей извне расширяет базу поддержки для инициирования вооружённой борьбы [11, р. 200—202].

По мере роста коммуны появлялись всё новые трудности. Некоторые поселенцы пришли с идеей попробовать продать или сдать свои участки, уже сделав подобное в других сообществах скваттеров. Через несколько месяцев после основания колонии Медрано стал больше сосредотачиваться на подготовке к вооружённой борьбе, уделяя меньше внимания поддержанию порядка. В его отсутствие возникали проблемы: жители пренебрегали коллективным трудом, преступные сообщества начали использовать поселение как базу для своих операций, колонию наводнили криминальные элементы. Медрано и его партизаны стали открыто ходить с оружием, однако это пугало и вызывало недовольство у крестьянского населения, так как поддержанием порядка при этом они не занимались, а полиция в коммуне отсутствовала [11, р. 256—258, 264—265].

В конце 1973 г. мексиканская армия вошла в поселение и Медрано со своими вооружёнными сторонниками был вынужден бежать.

На протяжении последующих пяти лет, вплоть до своей гибели, он пытался организовать подобную базу в пограничье между штатами Оахака и Веракрус. При этом он критиковал мексиканских партизан-геваристов за их оторванность от народа: «Небольшой отряд партизан в стиле Че Гевары не сможет организовать революцию в Мексике, потому что партизаны не могут оторвать себя от народа. Вот почему наша идея — привязать себя к людям, чтобы мы могли их научить идеалам борьбы. Они должны знать свои права и знать, как защищать себя от угнетателей и эксплуататоров и их слуг» [10, р. 49].

При этом самому Медрано так и не удалось сформировать какой-либо относительно стабильный базовый район, а его партия, переименованная в Объединённую пролетарскую партию Америки, не смогла эволюционировать из маленького партизанского отряда и укорениться среди народа, обретя широкую сеть последователей. Он всегда имел под рукой работы Мао Цзэдуна и поощрял их изучение своими товарищами, но был им привержен несколько механистически. Под влиянием событий Культурной революции, а также убеждения, что труды Мао содержали в себе ответ на решение любого возникающего вопроса [10, р. 65, 106], он пренебрёг более широким исследованием потребностей мексиканского крестьянства и общества 1970-х гг. Так как Медрано не оставил после себя теоретического наследия, можно лишь предположить, что он питал весьма идеалистические надежды на то, что крестьяне сами будут стремиться к изучению новой для себя идеологии и построению нового общества, отринув при этом эгоистические настроения.

И А. Гусмана, и Ф. Медрано объединяет тот факт, что они оба активно пытались привить идеи маоизма в местных условиях, однако избрали для этого совершенно разные пути, не давшие тех результатов, на которые они надеялись. Гусман оказался более успешен в вопросе создания идеологического фундамента (за счёт своей образованности и авторитета среди интеллектуалов), а также масштабного партизанского фронта, фактически развязав гражданскую войну. Однако отсутствие у него политической программы, заменой которой служили популистские высказывания и насилие, не позволило ему стать политической фигурой и улучшить положение крестьян. Медрано, в свою очередь, старался наладить жизнь крестьянских общин путём создания нового общества, но не имел для этого идеологического базиса и поддержки интеллектуалов. Он не пытался управлять колонией и вникать в потребности населения, практически сразу же сосредоточившись на подготовке к революционной борьбе, считая свою основную задачу выполненной.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Comisión de la Verdad y la Reconciliación: Entrevista Abimael Guzman R. and Elena Iparraguirre R. Callao. 28.05.2002. Lima, 2002 // Личн. арх. Н.Н. Горячева.
2. Comisión de la Verdad y la Reconciliación: Entrevista Abimael Guzman R. and Elena Iparraguirre R. Callao. 30.04.2002. Lima, 2002 // Личн. арх. Н.Н. Горячева.
3. De la Riva C. Donde Nace la Aurora. Arequipa: Ediciones Nueva Era, 1961. 137 p.
4. Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // American Political Science Review. 2004. Vol. 98. No. 2. P. 341—354.
5. Gerring J., Cojocarú L. Selecting Cases for Intensive Analysis // Sociological Methods & Research. 2016. Vol. 45. Iss. 3. P. 392—423.
6. Guzmán Reinoso A. Para Entender Mariátegui. 1968 // Guerra Popular en el Perú: El Pensamiento Gonzalo / ed. by Luis Arce Borja. Brussels: Luis Arce Borja, 1989. P. 43—58.
7. Guzmán Reinoso A. Retomemos a Mariátegui y Reconstituuyamos su Partido. 1975 // Guerra Popular en el Perú: El Pensamiento Gonzalo / ed. by Luis Arce Borja. Brussels: Luis Arce Borja, 1989. P. 59—92.
8. Harding C. Antonio Díaz Martínez and the Ideology of Sendero Luminoso // Bulletin of Latin American Research. 1988. Vol. 7. No. 1. P. 65—73.
9. Memorandum of Conversation between Mao Zedong and Ernesto ‘Che’ Guevara. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115155> (дата обращения: 15.08.2020).
10. Pérez, R. Diary of a Guerrilla. Houston: Arte Público Press, 1999. 164 p.
11. Poniatowska E. Fuerte es el Silencio. Mexico City: Ediciones Era, 1980. 278 p.

УДК 94(100) «1922/39».

Р.В. КУЛЕПАНОВ*

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ
СССР И ЯПОНИИ В 1920—1930-х гг.**

В статье с использованием различных источников проанализированы основные направления модернизации вооружённых сил Японии и СССР. Выявлено, что Советский Союз смог создать танковые и моторизованные подразделения, которые внесли решающий вклад в победу в локальном конфликте на р. Халхин-Гол и стали основной силой Красной Армии. Процесс создания подобных подразделений в Императорской

* КУЛЕПАНОВ Руслан Владимирович — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: csword@mail.ru.

армии Японии не завершился. Господствующая идеологическая доктрина обусловила пренебрежение к внедрению современных средств вооружения. В итоге несоответствие внешнеполитических амбиций японского руководства и состояния вооружённых сил предопределило поражение Японии во Второй мировой войне.

Ключевые слова: конфликт на р. Халхин-Гол, японская Императорская армия, РККА, моторизация и механизация, танковые войска.

R.V. KULEPANOV

MODERNIZATION OF MILITARY FORCES OF JAPAN AND USSR IN 1920—1930s

The article analyzes the main directions of modernization of the military forces of Japan and the USSR. It was revealed that the Soviet Union was able to create tank and motorized units which became the basis of the Red Army and made a decisive contribution to the victory in the Nomonhan conflict. The process of creating such units in the Imperial Japanese Army was not completed. The dominant ideological doctrine has led to a disregard for the introduction of modern weapons. As a result, the discrepancy between the foreign policy ambitions of the Japanese leadership and the state of the military forces predetermined Japan's defeat in World War II.

Keywords: Nomonhan Incident, Imperial Japanese Army, Red Army, motorization and mechanization, tank troops.

Развитие науки и технологии в период Первой мировой войны привело к созданию и использованию принципиально новых средств ведения войны — танков, авиации, оружия массового поражения. В условиях быстрого развития автотранспорта и коммуникационных сообщений большее значение приобретала моторизация вооружённых сил. Япония и СССР были вынуждены проводить модернизацию сухопутных войск на основе зарубежного опыта [4, с. 448].

В апреле 1919 г. в Японии были созданы армейский технологический штаб, армейский технологический совет и армейская научно-исследовательская лаборатория. Предполагалось оснастить пехоту лёгкими пулемётами, зенитной артиллерией, провести механизацию подразделений тяжёлой артиллерии. В целом на модернизацию армии планировалось выделить более 96 млн иен за период 1923—1925 гг. Для сравнения, годовой военный бюджет страны в 1923 г. составлял 203,5 млн иен [9, с. 128—134].

По оценкам советского военного теоретика А.А. Свечина, к 1923 г. Японии удалось компенсировать отставание в оружии поддержки пехоты — пулемётах и лёгкой артиллерии. Вместе с тем проявилось отсутствие корпусной артиллерии и общий недостаток орудий дивизионной артиллерии на большую, чем у европейских армий, штатную численность пехотной дивизии. Кроме того, японское военное руководство, имея в 10 раз меньше автомобилей, чем Германия, и в 20 раз меньше, чем Франция, ограничивало процесс моторизации и механизации армии, вопрос о моторизации пехотных дивизий не рассматривался. Командование Императорской армии целенаправленно экономило на моторизации и механизации сухопутных войск с целью приоритетного развития авиации, куда отпускалось до 25% военного бюджета, выделенного на модернизацию сухопутной армии [4, с. 449—450].

В 1924 г. были проведены исследования и сформулирована «Новая строительная политика», включавшая в себя следующие программы: «Создание и развитие авиационного корпуса»; «Новая организация танкового корпуса»; «Новая организация корпуса зенитной артиллерии»; «Реорганизация технологической системы, артиллерийского обеспечения и создание лаборатории химического оружия». В 1925 г. военная миссия во главе с руководителем Армейской научно-исследовательской лаборатории Кацуити Огата посетила США, Францию и Великобританию и пришла к выводу — отсталость японской армии сохраняется. По итогам работы миссии было запущено шесть программ, направленных на развитие современных видов вооружения. Для их выполнения предполагалось потратить 17,55 млн иен из основных фондов и 36,34 млн иен из средств на экстренные расходы [9, с. 138—142].

В 1925—1927 гг. японская военная промышленность начала производство опытных образцов новых видов вооружения — танков, броневых автомобилей и самолётов. Это позволило начать создание новых родов войск и значительно повысить боеспособность японской армии. Были сформированы один танковый и два авиационных полка, два полка зенитной артиллерии, несколько технических школ для корпуса связи [5, с. 313].

Однако реформирование армии завершено не было. Технологическое отставание от вооружённых сил США, Великобритании, Франции, составлявшее более 7 лет, не удалось преодолеть. Серьёзным ударом по экономике стало землетрясение Канто в 1923 г. Обесценивание займов, выпущенных для покрытия убытков от землетрясения, спровоцировало новый виток экономического кризиса в 1927 г. Окончательную точку в реформировании армии поставил мировой экономический кризис 1929 г. Так, если в 1929 г. затраты японского бюджета на оборону

составляли 621 млн иен, то в 1930 г. — 561 млн иен. Однако причиной отставания были не только нехватка финансовых средств и слабость военной промышленности. Большое значение имел идеологический диктат и косность мышления высшего командного состава. Японское командование укрепилось во мнении о важности, в первую очередь, высокого уровня боевого духа и мотивации личного состава [3, с. 93; 7, с. 18].

СССР смог добиться больших результатов в процессе модернизации вооружённых сил. Командование РККА с середины 1920-х гг. последовательно проводило курс на создание современной армии. Так, в письме Автотреста от 16 июня 1925 г. отмечалось, что РККА требуется мобилизационный запас автотранспорта, исчисляемый десятками тысяч единиц [РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 201. Л. 48, 48 об.]. В справке сектора обороны Госплана СССР о потребности армии в механическом транспорте и танках в военное время от 2 апреля 1928 г. отмечалась исключительная важность механизации и моторизации вооружённых сил, предлагалось «...немедленно приступить к проектировке новых заводов по производству грузовых машин, легковых полевого типа и мотоциклов; проектная мощность новых заводов должна быть рассчитана на годовой выпуск машин в одну смену не менее 20 тыс. грузовых, 5 тыс. легковых и 3 тыс. мотоциклов» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 449. Л. 123—125]. 15 июля 1929 г. была утверждена пятилетняя программа механизации и моторизации РККА, согласно которой к 1933 г. необходимо было иметь 3,5 тыс. танков в частях и 2 тыс. в мобрезерве, а также 180 тыс. автомобилей [РГВА. Ф. 31811. Оп. 1. Д. 245. Л. 204]. К 1933 г. по итогам выполнения планов первой пятилетки в составе РККА находилось 5729 танков различных типов. Это позволяло перейти к созданию крупных механизированных соединений (мехкорпусов), способных не только поддерживать пехоту, но и решать военно-стратегические задачи [ГАРФ. Ф. Р-8418. Оп. 8. Д. 44. Л. 20—21].

Необъявленная война между СССР и Японской империей в июле-августе 1939 г. на границе Монгольской Народной Республики и государства Маньчжоу-Го являлось проверкой боеспособности вооружённых сил, а сражение за высоту Баин-Цаган 2—5 июля можно рассматривать как определённый итог процесса модернизации. Согласно плану операции под названием «Второй период номонханского инцидента» командующий японскими силами генерал-лейтенант Комацубара предполагал нанести удар двумя группировками, окружить и уничтожить советские войска, сосредоточенные на восточном берегу р. Халхин-Гол. Главные силы в составе 71-го и 72-го пехотных полков, 13-го полка полевой артиллерии, 23-го инженерного полка и резервного 26-го пехотного полка форсировали р. Халхин-Гол ночью

со 2 на 3 июля 1939 г. и захватили ряд господствующих высот на западном берегу, в том числе важную высоту Баин-Цаган. Для ликвидации прорыва советское командование использовало резервы. Основная тяжесть боёв легла на 11-ю танковую бригаду РККА. Подразделения бригады вводились в бой по частям, танки действовали без прикрытия пехоты. Несмотря на это, танковая бригада смогла выполнить поставленную задачу. Японское командование не было готово к активным действиям советских танковых подразделений и отдало приказ об отводе войск на восточный берег р. Халхин-Гол [6, с. 32].

В ходе боёв в районе высоты Баин-Цаган обе стороны понесли значительные потери. Японское командование недооценило способность советских войск быстро перебрасывать механизированные соединения на важный участок фронта. Потери японских войск, по официальным данным, составили порядка 800 чел. личного состава. В свою очередь, отсутствие взаимодействия между танками и пехотой привели к высоким потерям советских войск. В ходе боёв в районе Баин-Цагана 11-я танковая бригада потеряла 77 танков из 133 задействованных [2, с. 43—44].

В результате столкновения РККА было продемонстрировано превосходство над японской армией в сражении на р. Халхин-Гол. Японские войска показали недостаточный уровень механизации и моторизации подразделений, что является ярким примером непонимания особенностей новой стратегии боевых действий японским командованием. РККА использовало танковые соединения как основную ударную силу, в виде отдельных танковых бригад, подчинённых армейскому командованию и способных действовать не только во взаимодействии с пехотой, но и самостоятельно. Японские танки использовались ограниченно, только для сопровождения пехоты. Г.К. Жуков однозначно характеризовал материальную часть японских танковых войск — отсталая [1, с. 176].

Необъявленная война на р. Халхин-Гол подвела итог длительному процессу реформирования вооружённых сил Японии. В ходе конфликта проявились значительные недостатки в штатной организации, тактике и вооружении подразделений японской Императорской армии. Отсутствие самостоятельных танковых подразделений ограничивало наступательные возможности японских войск. Низкий уровень моторизации пехотных подразделений снижал их манёвренность и жёстко ограничивал возможности обеспечения войск боеприпасами, медикаментами, топливом и горюче-смазочными материалами.

Признавая низкую степень механизации и обеспеченности артиллерией, японское командование продолжало превозносить боевой дух

войск. Как отмечает исследователь Э. Дреа, несмотря на многочисленные программы, материальный базис японской Императорской армии не соответствовал требованиям современной войны. Танков и артиллерийских частей было мало, чтобы решительно повлиять на исход сражения. Это оставляло японских пехотинцев, вооружённых бутылками с бензином, один на один с контратаками советских танков и пехоты, поддерживаемых артиллерией. Однако, признавая техническое отставание, японское командование продолжало считать традиционную духовную мощь основанием современной войны [6, с. 87, 90].

В дальнейшем тенденция к отставанию японских вооружённых сил от РККА сохранялась. Японское командование последовательно проводило подготовку к нападению на СССР, однако внешнеполитические амбиции не соответствовали реальному состоянию войск. Штатный состав стандартных пехотных дивизий Императорской армии 1941—1945 гг. вообще не предусматривал наличие автотранспорта. Японские пехотные подразделения не могли вести успешные наступательные операции, поскольку недостаток автотранспорта снижал подвижность как дивизии в целом, так и отдельных подразделений в её составе. Кроме того, возможность своевременного обеспечения дивизий боеприпасами, снаряжением и продовольствием снижалась.

Создание крупных самостоятельных танковых подразделений встречало сопротивление со стороны некоторых представителей высшего японского командования, считавших, что танки должны действовать исключительно в составе пехотных подразделений. Только в 1942 г. завершается создание механизированной армии под командованием генерал-лейтенанта Ёсида Макото, ставшей частью Квантунской группировки войск. В состав армии вошли 1-я танковая дивизия со штабом в Муданьцзяне и 2-я танковая дивизия со штабом в Боли [8, с. 5—6]. При этом процесс создания самостоятельных танковых войск Императорской армии завершён не был. Если танковые дивизии механизированной армии, несмотря на некоторые недостатки в организации, в целом соответствовали требованиям времени, то отсутствие в составе армии подвижных пехотных соединений резко ограничивало её возможности.

Для сравнения, в РККА функции подвижных соединений в составе танковой армии выполняли механизированные корпуса. Имея по штату 2059 единиц автотранспорта, они обладали подвижностью, достаточной для сопровождения танковых корпусов. Для примера, 7-й механизированный корпус 6-й гвардейской танковой армии в ходе развёртывания для подготовки к Маньчжурской операции совершил марш по маршруту протяжённостью 300—340 км, который танки корпуса

преодолели за 27 часов, а автотранспорт — за 16 часов. При этом корпус, имея некомплект автотранспорта в 633 единицы, обеспечил переброску дополнительного боекомплекта для танков, САУ, противотанковой артиллерии и стрелкового вооружения [ЦАМО. Ф. 3436. Оп. 0000001. Д. 0029. Л. 117—122].

Опыт действий РККА в ходе Маньчжурской операции показал, что сильно пересечённая местность не является препятствием для использования автотранспорта. По состоянию на 8 августа 1945 г. в составе 39-й армии, участвовавшей в Хингано-Мукденской наступательной операции, находилось 6732 автомашин всех типов, в том числе 599 в 5-м гвардейском стрелковом корпусе, 582 в 94-м стрелковом корпусе, 606 в 113-м стрелковом корпусе [ЦАМО. Ф. 394. Оп. 9072. Д. 379. Л. 90]. Опыт перехода через хребет Большого Хингана показал, что автотранспорт позволяет перебрасывать артиллерию на 120—150 км в сутки, тогда как дальность переброски тракторами составляет 40—50 км, а гужевым транспортом только 30—40 км [ЦАМО. Ф. 394. Оп. 9072. Д. 378. Л. 7].

Таким образом, Япония и СССР в 1920—1930-х гг. проводили модернизацию вооружённых сил, ключевым элементом которой являлась моторизация и механизация сухопутных войск. Несмотря на различный стартовый уровень, вызванный состоянием советской промышленности после Гражданской войны, высшее военное руководство СССР смогло создать танковые и моторизованные подразделения, внёсшие решающий вклад в победу в локальном конфликте на р. Халхин-Гол и ставшие основой РККА в ходе Великой Отечественной войны. В свою очередь, попытки создания подобных подразделений в Императорской армии Японии в полной мере не завершились. Отставание Японии обусловлено не только проблемами с финансированием, которые были связаны с приоритетным развитием флота и авиации. Господствующая идеологическая доктрина обусловила пренебрежение к внедрению современных средств вооружения. В итоге несоответствие внешнеполитических амбиций японского руководства и состояния вооружённых сил предопределило поражение Японии во Второй мировой войне.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во агентства печати «Новости». 1969. 734 с.
2. Коломиец М.В. Бои у реки Халхин-Гол. Май — сентябрь 1939 г. // Фронтовая иллюстрация. 2002. № 2. 80 с.

3. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б., История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. 528 с.
4. Свечин А.А. Основы современной японской стратегии и тактики // Постигение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 447—471.
5. Crowley B.J. Japanese Army Factionalism in the Early 1930s // The Journal of Asian Studies. 1962. Vol. 21, no. 3. P. 309—326.
6. Drea J.E. Nomonhan: Japanese-Soviet Tactical Combat, 1939. Fort Leavenworth: Combat Studies Institute. U.S. Army Command and General Staff College, 1981. 115 p.
7. O'Neil W.D. Interwar U.S. and Japanese National Product and Defense Expenditure. Alexandria: Center for Naval Analyses (CNA), 2003. 57 p.
8. Rottman G.L., Takizawa A. World War II Japanese tank tactics. Oxford: Osprey publishing, 2008. 64 p.
9. Yokoyama Hisayuki. Military Technological Strategy and Armaments Concepts of Imperial Japanese Army — Around the Post-WW I Period // National Institute of Defense Studies Security Reports. 2001. No. 2. P. 116—159.
10. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
11. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).
12. РГВА (Рос. гос. воен. архив).
13. ЦАМО (Центр. арх. Министерства обороны Российской Федерации).

УДК 339.5(510)

Г.Н. РОМАНОВА*

РЕФОРМА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КИТАЯ (1980-е гг. — НАЧАЛО XXI в.)

Статья посвящена анализу реформы внешней торговли Китая, заключавшейся в постепенной демонополизации и децентрализации данной сферы. Констатируется увеличение объёмов внешней торговли, что стало следствием проведения политики «открытости». Подчёркивается факт интеграции Китая в мировую экономику и превращения страны в крупную торговую державу.

Ключевые слова: Китай, реформа, внешняя торговля, рыночная экономика, политика «открытости», модернизация.

---

* РОМАНОВА Галина Николаевна — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: galnikrom@yandex.ru.

G. N. ROMANOVA

THE REFORM OF CHINA'S FOREIGN TRADE (THE 1980s — BEGINNING OF 21st CENTURY)

The article analyzes the reform of China's foreign trade, which consisted in the gradual de-monopolization and decentralization of this sphere. The growth of foreign trade, which occurred as a result of the policy of "openness", is stated. It emphasizes the integration of China into the world economy, the transformation of the country into a major trading power.

Keywords: China, reform, foreign trade, market economy, "openness" policy, modernization.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

С принятием в 1978 г. программы ускоренной модернизации экономики страны руководство Китая провозгласило политику «открытости». Основными её направлениями стали: проведение реформы управления внешнеэкономическими связями и создание долгосрочной договорно-правовой базы экономического сотрудничества, основанной на общепризнанных нормах международного права; форсированное развитие экспорта, совершенствование его структуры и производственной базы; реализация импортной программы, нацеленной на широко-масштабное привлечение современной техники и технологий из-за рубежа; использование иностранных займов, вступление в МВФ и МБРР (Международный банк реконструкции и развития), соответствующая перестройка банковской системы страны в рамках государственной валютной монополии; привлечение иностранных предпринимательских инвестиций и формирование благоприятного инвестиционного климата; реализация стратегии ускоренного развития приморского пояса путём образования различных по форме открытых экономических районов и их постепенной интеграции в систему мирохозяйственных связей; диверсификация форм внешнеэкономических отношений [8, с. 319; 1, с. 340—341]. Существенной особенностью политики «открытости» стала её ориентация на сотрудничество прежде всего со странами с развитой рыночной экономикой. Модернизация системы регулирования внешней торговли проходила параллельно процессу внутренних экономических реформ, эволюции всей системы хозяйствования.

ЭТАПЫ РЕФОРМЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

В 80-е гг. объём внешней торговли Китая постоянно возрастал: в 1980 г. он составил 38,1 млрд долл., в 1982 — 41,6 млрд долл., в 1984 — 53,6 млрд долл., в 1986 — 73,9 млрд долл., в 1988 — 102,8 млрд долл., в 1989 — 111,7 млрд долл. [6, с. 126; 3, с. 188; 14, с. V-39; 12, р. 622].

Среди стран-экспортёров Китай в начале 80-х гг. вышел на 16-е место. При этом наблюдалось снижение в экспорте удельного веса сельскохозяйственных продуктов и полуфабрикатов (с 54% в 1981 г. до 40% к концу 80-х гг.), тогда как доля экспорта готовой продукции за этот период возросла с 46 до 60% [11, с. 125; 12, р. 622]. Увеличивался ввоз техники и оборудования. В конце 1984 г. были установлены экономические связи с более чем 190 странами и территориями мира, с 92 подписаны межправительственные соглашения и протоколы [10, с. 405; 13, с. IV-26].

Начальным этапом реформирования внешней торговли стала её децентрализация, осуществлявшаяся в двух направлениях — по горизонтали и по вертикали. В первом случае происходила ликвидация монопольного права Министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли (МВЭСИВТ) по ведению экспортно-импортных операций. Было создано 1 тыс. местных и отраслевых внешнеторговых компаний, значительно расширены права местных органов власти и отдельных предприятий во внешнеэкономической сфере. Децентрализация по вертикали сопровождалась резким сокращением номенклатуры экспортной продукции, подлежащей директивному планированию. Большое значение придавалось созданию экономического механизма, стимулирующего активность экспортных предприятий и возлагающего на них ответственность за результаты их деятельности [1, с. 341—342; 9, с. 27]. Главные направления перестройки механизма регулирования внешней торговли — последовательная демонополизация и децентрализация данной сферы, постепенный переход государства от прямого административно-директивного управления к преимущественно экономическому контролю над внешними связями.

На XIII съезде КПК (ноябрь 1987 г.) была выдвинута цель построить модель «социалистического планового товарного хозяйства», что послужило толчком к дальнейшей эволюции китайской концепции открытости и осуществлению практических мероприятий по реформе системы внешнеэкономических связей [3, с. 186].

Китайские учёные выделяют четыре этапа реформ в системе внешней торговли КНР, которые связаны с определёнными трансформациями субъектов внешнеэкономической деятельности: 1) передача данным предприятиям ограниченных прав на хозяйственное самоуправление (1979—1987); 2) переход занимающихся внешней торговлей предприятий на систему производственной ответственности (1987—1993); 3) утверждение принципов работы, соответствующих требованиям рыночной экономики и международным правилам торговли (1994—2001); 4) ориентация на требования Всемирной торговой организации (ВТО) после вступления Китая в эту организацию (2001 г. — настоящее время).

На первом этапе продолжали осуществляться мероприятия в сфере управления внешней торговлей, нацеленные на передачу прав местным или отраслевым внешнеторговым компаниям. Эксперименты начались в 1985 г. в южных провинциях Гуандун и Фуцзянь, в которых уже действовали созданные в начале 1979 г. четыре особые экономические зоны (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь) и которые активнее других провинций были вовлечены во внешнеэкономическую деятельность. Филиалы многих генеральных компаний получили право ведения экспортно-импортных операций по некоторым группам товаров. Во всех провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах, в особых экономических зонах были созданы собственные внешнеторговые структуры. Во многих отраслях промышленности (металлургической, цветных металлов, угольной, электронной, судостроительной, нефтехимической) были учреждены специализированные экспортно-импортные компании. Управление на основе директивных планов сменила система сочетания директивных и индикативных планов с рыночным регулированием, плановая номенклатура товаров сократилась с 3000 до 100 наименований, были отменены плановые закупки и распределение товаров. В 2,5 раза увеличились объёмы внешней торговли — с 35,5 до 69,6 млрд долл., доля объёма внешней торговли в ВВП составила 22,9%. Данный рост происходил главным образом за счёт импорта. Основу китайского экспорта составляла более дешёвая (по сравнению с обрабатывающими отраслями) продукция сельского хозяйства, текстильной и лёгкой промышленности.

На втором этапе реформы в 1987 г. МВЭСиВТ в экспериментальном порядке перевело специализированные внешнеторговые компании на систему подряда, которая с февраля 1988 г. получила более активное распространение, а в 1991—1993 гг. начался этап её официального

внедрения. Основной целью данной системы стало утверждение сферы ответственности за прибыли и убытки на предприятиях внешней торговли. С 1987 по 1994 г. в 2,9 раза вырос объём внешней торговли — с 82,7 до 236,6 млрд долл., что привело к значительному росту её доли в валютном внутреннем продукте с 25,6 до 38,7%.

С 1994 г. начался третий этап реформы внешней торговли, направленный на сближение китайского и международного законодательства в данной сфере. В рамках нового этапа, провозглашённого на 3-м пленуме ЦК КПК 14-го созыва (октябрь 1994 г.), в сфере внешнеторговой деятельности стали проводиться следующие мероприятия: 1) отменены два вида денег — «переводной» юань (*вайхуэйби*) для внешнего рынка и «народный» юань (*жэньминьби*) для внутреннего — и осуществлён переход к единой валюте («народный» юань в масштабах всей страны); 2) снижен общий уровень импортных таможенных пошлин; 3) усовершенствована система возврата налога на добавленную стоимость (НДС) для предприятий, производивших экспортную продукцию; 4) введена новая система банковского кредитования экспортёров; 5) был принят закон КНР о внешнеэкономической деятельности; 6) постепенно сокращалась сфера квотирования и лицензирования импорта. Предприятия становились главным субъектом в системе управления внешнеэкономическими связями и рыночной конкуренции. В целом с 1978 по 2001 г. объём внешней торговли вырос более чем в 25 раз — с 20,64 до 509,7 млрд долл.

На четвёртом этапе реформ, начавшемся после вступления КНР в ВТО в 2001 г., происходила трансформация экономической деятельности предприятий с учётом требований данной организации. Китайское руководство пришло к выводу, что для интегрирования экономики страны в систему мирохозяйственных связей и расширения экспорта необходимо привести сферу внешней торговли в соответствие с международными нормами и правилами [6, с. 123—127; 5, с. 310—316].

РОСТ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ — ИТОГ ПОЛИТИКИ «ОТКРЫТОСТИ»

1994—1997-е гг. характеризовались значительным ростом объёмов внешней торговли с преобладанием экспорта над импортом при сохранении положительного сальдо. Достижению рекордного уровня экспорта во многом способствовала фактическая девальвация юаня в начале 1994 г., а также ряд реформенных мероприятий в сфере валютного

регулирования. Государство, не отменив свою монополию на внешнюю торговлю, существенно расширило число субъектов внешнеторговой деятельности, что привело к становлению системы квотирования экспорта.

Наряду с повышением роли внешней торговли в национальной экономике, укреплялись позиции КНР в мировой торговой системе. Китай уже к концу XX в. превратился в крупную мировую торговую державу, переместившись по показателям внешнеторгового оборота и экспорта с 32-го места в 1978 г. на 6-е в 2003 г. [3, с. 189, 192; 4, с. 288—289].

Политика внешнеэкономической открытости позволила Китаю нарастить объём внешней торговли до 851 млрд долл. в 2003 г. и выйти по этому показателю на 4-е место в мире вслед за США и Германией, лишь немного уступив при этом Японии. В 2004 г. внешнеторговый оборот КНР составил 1154,79 млрд долл. Страна передвинулась на позицию третьей торговой державы мира. Особенно динамично экспорт и импорт Китая росли после его вступления в ВТО. Доля КНР в мировом экспорте товаров достигла порядка 5,9%, в мировом импорте — 5,3%. Доля России соответственно составляла 1,8 и 0,8%.

За время реформ изменилась товарная структура экспорта Китая. Доля вывоза готовой промышленной продукции повысилась с 50% его общего объёма в начале 80-х гг. до 90% к 2001 г. В китайском экспорте, наряду с традиционно преобладающей текстильной, сельскохозяйственной, пищевой и художественно-прикладной продукцией, одеждой, обувью, игрушками, лекарствами, росла доля продукции машиностроения и электронной промышленности (телевизоры, магнитофоны, фотоаппараты и т.п.). Значительная часть экспорта производилась в рамках поручительской переработки и сборки, создавалась совместными предприятиями (СП) [5, с. 290]. Для 1990-х гг. характерным было ослабление участия в экспорте государственных предприятий и повышение роли в нём СП, на долю которых приходилось свыше 30% товарооборота [8, с. 326].

В 80—90-е гг. изменения претерпела и товарная структура импорта КНР. Основной формой импортных операций также стала поручительская переработка и сборка, СП стали активно ввозить оборудование и материалы в качестве пая иностранного инвестора. Усилилась роль внешнеэкономического фактора в национальной экономике. Среднегодовые темпы прироста внешней торговли (19,5% в первой половине 90-х гг. и 10,4% — за 1996—2001 гг.) значительно опередили среднегодовой прирост ВВП, который составил соответственно 12,0 и 8,1% [4, с. 282, 290].

Азиатские страны и территории занимали ведущие позиции во внешней торговле Китая. В 2004 г. на них пришлось 57,6% внешне-торгового оборота, 52,5% экспорта и 65,8% импорта. Главные торговые партнёры КНР — Япония (14,5%), Республика Корея (7,8%), страны АСЕАН (9,2%), Тайвань (6,8%), Гонконг (9,8%). Объём торговли Китая с ЕС в 2004 г. достиг 177,3 млрд долл. (15,3% внешнеторгового оборота КНР) [7, с. 150—151].

Основным результатом вступления страны в ВТО и провозглашения на сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в 2000 г. курса «выхода вовне» в сфере внешнеэкономических связей стал резкий рост объёма внешней торговли — с 510 млрд долл. в 2001 г. до 1760 млрд в 2006 г., или в 85 раз по сравнению с 20,6 млрд долл. в 1978 г. По этому показателю Китай занял 2-е место в мире, уступая лишь США. Резко возрос экспорт: с 266,1 млрд долл. в 2001 г. до 761,9 млрд в 2005 г., в том числе объём экспорта продукции машиностроения и транспорта — с 94,9 до 352,2 млрд долл. соответственно. В 2006 г. наивысших показателей достиг товарооборот со странами ЕС — 272,3 млрд долл., США — 262,7 млрд, Японией — 207,3 млрд [6, с. 127—129].

Успешно сочетая модель импортозамещения и экспортной ориентации, проводя стратегию диверсификации внешнеторговых рынков, расширяя номенклатуру экспорта в направлении готовой промышленной продукции и постепенно переходя от трудоёмких к капиталоемким изделиям, Китай смог максимально задействовать резервы для поддержания роста торговли и инвестиций. Этому способствовали ёмкий внутренний рынок и относительно дешёвая рабочая сила [3, с. 186—187].

Китай с самого начала выбрал экспортно ориентированный путь развития (как это сделали «азиатские тигры» первой и второй волны, а до этого — Япония). Кроме того, страна использовала такие факторы, как хорошая организация экспортного производства и сбыта, поддержка государства, широкий приток иностранного капитала, помощь китайской диаспоры в реализации товаров за границей, выбор целесообразной экспортной ориентации. Основой экспорта КНР сразу стали готовые изделия, в 2003 г. их доля приблизилась к 80% (в России — 25%). Положительное сальдо внешнеторгового баланса составляло порядка 40—50 млрд долл. [2, с. 86—91; 9, с. 78—79]. Китай постепенно переходит от преимущественно экстенсивного к менее энерго- и ресурсозатратному интенсивному типу экономического роста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, реформа внешней торговли Китая способствовала его интеграции в мировое сообщество. При этом КНР ориентировалась в основном на страны с развитой рыночной экономикой. Китай существенно увеличил объём внешнеторгового оборота, перешёл от экспорта товаров первичной переработки к преимущественному экспорту продукции машиностроения, новых и высоких технологий. Расширились права предприятий в сфере внешнеэкономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. 40 лет КНР. М.: Наука, 1989. 565 с.
2. Бельчук А. Вновь об оценке реформ в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 86—93.
3. Жигулева В.В. Внешняя торговля Китая // Основные отрасли и сферы экономики современного Китая / отв. ред. А.В. Островский. В 2 кн. М.: ИДВ РАН, 2012. Кн. 2. С. 185—214.
4. КНР 55 лет: Политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2004. 495 с.
5. Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: ИДВ РАН; ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.
6. Островский А.В. Китайская модель перехода к рыночной экономике. М.: ИДВ РАН, 2007. 208 с.
7. Портяков В.Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. Очерки. М.: ИДВ РАН, 2006. 246 с.
8. Потапов М.А. Внешнеэкономический курс // Китай на пути модернизации и реформ. 1949—1999. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 319—341.
9. Романова Г.Н. Реформирование внешнеэкономических связей Китая: торговля, инвестиции (80-е гг. — начало XXI в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (79). С. 25—38.
10. Романова Г.Н. Торговля Северо-Восточного Китая с зарубежными странами в первой половине 80-х годов XX в. // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2014. Т. 44. Ч. 1. С. 404—413.
11. Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.: Справочник. Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. 320 с.
12. Almanac of China's Economy: With Economic Statistics for 1949—1980. N.Y.; Hongkong, 1982. 1144 p.
13. 中国经济年鉴. 1984 = Экономический ежегодник Китая. 1984 г. Пекин: 经济管理出版社, 1984. 553 с.
14. 中国经济年鉴. 1986 = Экономический ежегодник Китая. 1986 г. Пекин: 经济管理出版社, 1986. 672 с.

УДК 323.11(510)

И.В. СТАВРОВ*

ПОЗИЦИЯ КПК ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ (1920-е — 1940-е гг.)

В работе рассматривается вопрос о позиции КПК по национальному вопросу в первой половине XX в. Ввиду отсутствия опыта практической деятельности, а также вследствие влияния со стороны Коминтерна и ВКП(б) в программу партии в сфере этнополитики была внесена идея о праве наций на самоопределение, включая сецессию, и о будущем федеративном устройстве Китая. Однако к моменту образования КНР (1949 г.) КПК постепенно отошла от провозглашённых ранее принципов разрешения национального вопроса.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Китая, Китай, национальный вопрос, этнополитика, идеология, самоопределение, федерация, национальные меньшинства.

I.V. STAVROV

CCP POSITION ON THE NATIONAL QUESTION (1920s — 1940s)

This paper examines the position of the CPC on the national question in the first half of the 20th century. Due to the lack of practical experience, and also due to the influence of the Comintern and the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the idea of the right of nations to self-determination, including secession, and the future federal structure of China was introduced into the party's program in the field of ethnopolitics. However, by the time the PRC was formed (1949), the CPC had gradually moved away from the previously proclaimed principles of resolving the national question.

Keywords: Communist Party of China, China, national question, ethnopolitics, ideology, self-determination, federation, ethnic minorities.

Китай в начале XX в. вступил в эпоху больших перемен. Синьхайская революция привела к краху монархии, а последовавшая после этого борьба милитаристских клик за контроль над правительством

---

* СТАВРОВ Иван Валерьевич — канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: stavivan@yandex.ru.

и усилившееся давление иностранных держав, главным образом Японии, ввергли страну в хаос. Революционные события имели и другие последствия: в частности, отпадение национальных окраин. От китайской империи отделилась Внешняя Монголия, фактически независимым стал Тибет, а Синьцзян находился под номинальным контролем Пекинского правительства. Попытку сепарации (неудачную) предприняла Внутренняя Монголия. В этой ситуации для оформляющихся новых политических акторов — Гоминьдана и КПК — «национальный вопрос» стал немаловажной частью идеологии.

КПК возникла на основе объединения разбросанных по стране политических кружков левого толка. В её создании непосредственное участие приняли сотрудники Коминтерна. Так, в апреле 1920 г. в Шанхай прибыла группа коммунистов во главе с Г.Н. Войтинским, которая к лету того же года образовала революционное бюро. Уже в 1921 г. (23 июля — 5 августа) в Шанхае прошёл учредительный съезд КПК [9, с. 44]. При создании Коммунистической партии Китая существенной была роль Коминтерна и Советской России, поэтому КПК копировала советскую модель (*сулянь моши*), в частности организационную структуру РКП(б) / ВКП(б) и многие элементы идеологии.

16—23 июля 1922 г. состоялся II съезд компартии. На этом форуме был принят устав КПК, разработаны программа-минимум и программа-максимум. Именно в решениях II съезда впервые была принята резолюция по национальному вопросу: «Монголия, Тибет и „Мусульманский край“ (Хуэйцзян*) осуществят самоуправление и станут демократическими самоуправляющимися единицами; используя систему свободной федерации, объединить собственно Китай, Монголию, Тибет и Хуэйцзян и образовать Китайскую Федеративную Республику» [цит. по: 1, с. 146—147]. Таким образом, позиция КПК в национальном вопросе состояла в создании федерации, в которую вольются ставшие независимыми Тибет, Синьцзян (Хуэйцзян) и Монголия.

Другие территории компактного проживания неханьских национальностей не упоминались в документах. Во многом это связано с тем, что в Китае той поры не было чёткого понимания того, какие национальности проживали в стране и сколько их было. Особенно ярко это проявлялось в Южном и Юго-Западном регионах, где лишь по переписи 1953 г. было зарегистрировано около двухсот национальностей [11; 5, с. 8—15].

---

* Хуэйцзян (回疆) — дословно «Мусульманская граница», или «Мусульманский край», другое наименование Синьцзяна (ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район).

Начало 1920-х гг. характеризовалось сотрудничеством КПК и Гоминьдана в рамках так называемого первого антиимпериалистического Единого фронта. Большую роль в его формировании сыграл Коминтерн. В этот период идеология КПК постепенно включалась в программу Гоминьдана, в частности, в сфере национального вопроса. В «Резолюции президиума ИККИ по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и партии Гоминьдан» (28 ноября 1923 г.) говорилось, что в соответствии со сформулированным Сунь Ятсеном принципом национализма национальное движение Китая должно сотрудничать с «революционным движением угнетённых китайским империализмом народностей... Партия Гоминьдан должна открыто выставить принцип самоопределения народностей... что после победы революции в Китае ... может воплотиться в образовании свободной федеративной республики Китая» [2, с. 309—310].

Этот призыв нашёл отражение в решениях I конгресса Гоминьдана (январь 1924 г.): «принцип национализма у Гоминьдана имеет двоякое значение: во-первых, освобождение самой китайской нации, во-вторых, равноправие всех национальностей, населяющих Китай»; «Гоминьдан торжественно заявляет, что за всеми национальностями, населяющими Китай, признаётся право на самоопределение, после победы революции над империалистами и милитаристами будет создана свободная, единая (образованная на основе добровольного союза всех национальностей) Китайская республика» [цит. по: 1, с. 147]. Однако, несмотря на партийное сотрудничество, Гоминьдан сохранил независимость от Коминтерна и КПК и не принял идеи федерации.

После событий 1927 г. Единый фронт распался, и КПК пришлось перейти на подпольное положение. В связи с этим VI съезд компартии Китая проводился в СССР, в с. Никольском Московской губернии (18 июня — 11 июля 1928 г.). На съезде вновь поднимались проблемы этнических меньшинств. Однако в текущих условиях всесторонне осветить существо национального вопроса не представлялось возможным, поэтому в своей резолюции по национальному вопросу съезд постановил: «...вопрос о национальных меньшинствах в пределах Китая ... имеет весьма важное значение в революции. VI съезд поручает Центральному комитету партии подготовить к VII съезду материал по национальным меньшинствам Китая, чтобы вопрос этот был введён в повестку дня VII съезда и вошёл в партийную программу» [10, с. 2].

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. в ходе борьбы с правительственными войсками коммунистические отряды укрылись в труднодоступных районах Китая, сформировав в них советские районы. На базе этих районов была провозглашена Китайская Советская Республика (1931—1934 гг.).

На состоявшемся 7 ноября 1931 г. в Жуйцзине (пров. Цзянси) I Всекитайском съезде Советов была принята отдельная резолюция по национальному вопросу. В ней признавалось «право всех наций на самоопределение», под которым понималось право национальностей самим определять, «желают ли они выйти из состава Китайской Советской Республики и создать своё независимое государство, или же они желают войти в союз советских республик или образовать автономную область в Китайской Советской Республике» [8, с. 440].

Резолюция I съезда была реализована в статьях «Основной конституционной программы Китайской Советской Республики», принятой на II Всекитайском съезде Советов в январе 1934 г. В статье 14 провозглашалось: «Советская власть в Китае признаёт право национального самоопределения национальных меньшинств на территории Китая, вплоть до признания права всех народов на отделение от Китая и создания своего самостоятельного государства. Монголы, хуэйцзу, тибетцы, мяо, ли, корейцы и т.д. — все живущие на территории Китая имеют полное право на самоопределение: войти в Китайскую Советскую Федерацию или отделиться от неё и организовать свой автономный район» [7, с. 31].

Таким образом, в годы становления КПК последовательно выступала за реализацию советского курса на самоопределение национальностей и создание федеративного государства. Следует отметить, что регионы Китайской Советской Республики занимали внутренние районы страны с незначительной долей неханьцев, поэтому резолюции съездов и включение в конституцию разделов о праве на сепарацию скорее выполняли пропагандистскую задачу.

Во второй половине 1930-х гг. резко изменяется международное положение Китая: в 1937 г. начинается полномасштабная японо-китайская война*. Япония использовала лозунг о самоопределении в целях создания марионеточных государств на территории Китая. Помимо Маньчжоу-го такие государственные образования были появились во Внутренней Монголии (Мэнцзян), аналогичным им был режим и др. Находясь в состоянии войны, Гоминьдан и КПК вынуждены были пойти на примирение и восстановить Единый фронт. В рамках межпартийного сотрудничества КПК согласилась с руководством Гоминьдана в необходимости снять лозунг национального самоопределения. На VI расширенном пленуме ЦК КПК осенью 1938 г. Мао Цзэдун провозгласил три основных принципа национальной политики КПК:

---

* В КНР принято считать началом японо-китайской войны 1931 г., когда Япония оккупировала Маньчжурию.

«равноправие [национальностей]», «самоуправление», «объединение» [6, с. 16]. Таким образом, акцент делался на объединении всех народов для отпора врагу.

К концу японо-китайской войны отношения между союзниками по Единому фронту стали накаляться. Всё острее вставал вопрос о будущем государственном устройстве страны. В этих условиях с 23 апреля по 11 июня 1945 г. в Яньане (пров. Шэньси) состоялся VII съезд КПК. В знаменитом докладе «О коалиционном правительстве» (24 апреля 1945 г.) Мао Цзэдун сказал, что программа партии «требует улучшить обхождение с национальными меньшинствами в стране, позволить всем национальным меньшинствам воспользоваться правом на самоопределение, а также правом образования совместно с ханьской нацией, основываясь на принципе добровольности, федеративного государства» [цит. по: 6, с. 17]*.

Возвращение идеи самоопределения и федерации в идеологический арсенал КПК являлось важной частью борьбы за поддержку населения национальных окраин (это более 60% территории современной КНР). Во второй половине 1940-х гг., по справедливому замечанию А.А. Москалёва, позиция партии в национальном вопросе «была тогда довольно противоречивой» [6, с. 17]. Вероятно, руководство КПК уже в это время в качестве территориальной основы разрешения национального вопроса выбрало систему районной национальной автономии и отказ от федерации. И на I сессии Народного политического консультативного совета Китая (21—30 сентября 1949 г.) была принята унитарная форма государственного устройства.

Итак, 1920-е — 1940-е гг. стали эпохой становления коммунистической партии в Китае. Ввиду отсутствия опыта практической деятельности, а также вследствие влияния со стороны Коминтерна и ВКП(б) в программу партии по национальному вопросу была внесена идея о праве наций на самоопределение, включая сецессию, и о будущем федеративном устройстве Китая. Однако к моменту образования КНР (1949 г.) КПК постепенно начала отходить от провозглашённых ранее принципов разрешения национального вопроса. Это произошло как из-за внешней агрессии, так и отчасти из-за страха потенциальной потери значительных национальных окраин бывшей китайской империи.

---

* В издаваемых с 1950-х гг. трудах Мао Цзэдуна фразы о самоопределении и федерации были убраны или заменены на «национальную автономию» [ср.: 4, с. 305; 6, с. 174, прим. 25]. Это нередкая практика в КНР, когда при переизданиях в тексты документов вносятся «редакции» [см. подробнее: 3].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Богословский В.А., Москалёв А.А. Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М.: Наука, 1984. 263 с.
2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920—1925 гг. М.: Буклет, 1994. 792 с.
3. Иванов С.А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 29. С. 51—70.
4. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1969. Т. III. 377 с.
5. Махмудходжаев М.Х. Национальная политика Гоминьдана (1927—1937). М.: Наука, 1986. 128 с.
6. Москалёв А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.
7. Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931—1934. М.: Наука, 1977. 142 с.
8. Советы в Китае. Сб. материалов и документов. М.: Партийное изд-во, 1934. 524 с.
9. Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна. М.: Наука — Вост. лит., 2015. 407 с.
10. Стенографический отчёт VI съезда коммунистической партии Китая. Кн. VI. Резолюции. М.: б.и., 1930. 123 с.
11. Mullaney T.S. Seeing for the State: the Role of Social Scientists in China's Ethnic Classification Project // Asian Ethnicity. 2010. Vol. 11. No. 3. P. 325—342.

УДК 329.17

В.А. ГАЙКИН*

**КОРЕЙСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ В МАНЬЧЖУРИИ
(20-е гг. XX в.)**

В статье рассматривается деятельность в Маньчжурии корейских националистических группировок, боровшихся за освобождение Кореи от японского колониального господства.

Ключевые слова: Маньчжурия, корейские иммигранты, Корея, японская колония, националисты.

---

* ГАЙКИН Виктор Алексеевич — канд. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: Unara49@mail.ru.

V.A. GAIKIN

KOREAN NATIONALISTS IN MANCHURIA
(20s OF THE XX CENTURY)

The article examines the activities of Korean nationalist groups in Manchuria aimed at fighting for the liberation of Korea from Japanese colonial rule.

Keywords: Manchuria, Korean immigrants, Korea, a Japanese colony, the nationalists.

Более 300 лет назад первые группы обнищавших корейских крестьян перешли границу с Маньчжурией и поселились на пустующих плодородных землях в долинах р. Тумыньцзян и Ялуцзян. В результате этих миграций постепенно увеличивалась численность корейцев, проживающих на территории Северо-Восточного Китая: в 1907 г. она составляла около 100 тыс. чел. [4, т. 1, с. 326], а к 1945 г. — уже 1,5 млн.

После аннексии Кореи в 1910 г. большинство противников нового режима в ходе боёв были выдвинены японскими военными и полицейскими частями на территорию Маньчжурии.

Концентрация на территории Цзяньдао (регион Маньчжурии с преобладанием корейского населения) активных участников национально-освободительной борьбы и деятелей просветительского движения привела к формированию в этом районе нескольких антияпонских обществ. Националисты осознавали необходимость объединения усилий в борьбе против японского колониального гнёта.

Особенно консолидационные тенденции усилились после создания в Китае в 1923—1924 гг. единого национального антиимпериалистического фронта. В середине октября 1924 г. состоялась конференция, целью которой стало объединение отдельных антияпонских обществ. На мероприятии главным образом были представлены группы, действующие в Южной Маньчжурии: «Кунчонсо» (Военно-политическое управление), «Тхоньйбу» (Правительство справедливого правления) «Ыйчонтан» (Общество справедливой политики), «Кванчонтан» (Общество честной политики), «Хакухве» (Общество однокашников) и др. Из десяти участников два — Армия независимости великой Кореи и Общество однокашников — отказались объединяться; остальные восемь 25 ноября 1924 г. создали единую организацию под названием «Чоньйбу» (Правительство справедливости). Была разработана программа деятельности нового объединения, куда вошли такие задачи: вооружённая

борьба против японских оккупантов, содействие экономическому развитию корейских поселений в Маньчжурии, создание школ для корейских детей. Отношение «Чоньйбу» к Шанхайскому «Временному правительству», которое к тому времени стало оплотом проамериканских буржуазно-националистических сил, было резко отрицательным. Сферой влияния Правительства справедливости считалась Южная Маньчжурия, в уезде Люхэ находилась его штаб-квартира [4, т. 8, с. 116—119].

14 марта 1925 г. в пров. Цзилинь прошло совещание представителей антияпонских обществ этой провинции и Северной Маньчжурии: участниками стали Общество красного знамени, «Токнипкун» (Армия независимости), «Токниптан» (Общество независимости) и др. Уже 15 марта в результате переговоров было принято решение о создании единой организации, получившей название «Синминбу» (Правительство нового народа), в которую не вошло только Общество красного знамени. Правительство нового народа планировало вести активную вооружённую борьбу с японским империализмом, управлять корейскими деревнями в Маньчжурии, развивать экономику, заниматься просветительской деятельностью. Штаб-квартира организации находилась на севере пров. Цзилинь. Лидерами «Синминбу» были Ким Чвачин и Ли Бомюн [5, с. 232—233].

Цзяньдао не входил в зону влияния националистических «правительств». Видимо, после карательных операций, реализованных японской армией на территории этого региона в 1920 г., националисты так и не смогли вернуть утраченные позиции. Постоянное присутствие в Цзяньдао большого количества японских жандармов делало невозможным легальное существование антияпонских организаций.

Правительства «Чоньйбу» и «Синминбу» собирали налоги и осуществляли некоторое подобие административного управления на территории, которую они неофициально контролировали и на которой проживало около 100 тыс. корейцев: 70 тыс. чел. находились в «юрисдикции» «Чоньйбу» и 30 тыс. — в зоне влияния «Синминбу» [1, р. 132—133]. Японские полицейские аналитики в 1925 г. отмечали, что «...“Чоньйбу” и “Синминбу” выступали за распространение образования, развитие экономики, поощрение культуры. У них есть небольшие разногласия, которые преодолеваются, усиливается тенденция к объединению, оставив пустые утопии, они планируют достижение реальных целей» [4, т. 8, с. 116].

В реальности разногласия были настолько значительными, что процесс объединения удалось завершить лишь через четыре года. В Южной Маньчжурии, где корейская Компартия была слабее, в рядах

националистических обществ оставалось много радикально настроенных патриотов, которые вносили демократическую струю в националистическое движение этого района. Об этом свидетельствует и вхождение Общества коммунистов Чанпая в «Чоньйбу». В Северной Маньчжурии (зоне влияния «Синминбу») обособление националистов и коммунистов произошло раньше, так как активность компартии в пров. Цзилинь, Северной Маньчжурии и в Цзяньдао там была выше, чем в Южной, борьба за влияние острее.

Симптоматично, что Общество красного знамени, ориентировавшееся на корейских коммунистов в СССР, отказалось от вступления в «Синминбу», хотя одним из лидеров последнего был Ким Чвачин, имеющий в прошлом радикальные взгляды [4, т. 8, с. 120]. Этот факт является косвенным свидетельством первых признаков поправления националистов Северной Маньчжурии, отхода от курса на объединение задач национального освобождения и поисков решения социальных проблем. В определённой степени этому способствовала социально-политическая обстановка в Маньчжурии первой половины 20-х гг. Так, корейское крестьянство Цзяньдао ещё не было готово к социальной борьбе. Наличие свободных земель уменьшало остроту классовых противоречий, «своя» (корейская) прослойка эксплуататоров находилась в стадии формирования. Увеличивалась доля крестьян-собственников в деревне, уменьшался процент арендаторов (соотношение арендаторов и собственников менялось в пользу последних — крестьян). Ещё ничего не предвещало экономического кризиса 1929—1933 гг. Идеи социальной революции, имевшие приверженцев среди националистов, не питались классовой ненавистью низов.

В националистическом движении участвовали многие прогрессивно настроенные корейские патриоты. Были и отряды, лидеры которых с симпатией относились к Советской России. Однако в условиях Маньчжурии середины 20-х гг., бывшей оплотом реакционных сил Китая, уже сама легальная форма существования националистических организаций со штаб-квартирами, офицерскими училищами и сетью корейских школ в значительной мере определяла содержание их программ, тенденции их политического развития. Правящая в Маньчжурии антикоммунистическая клика Чжан Цзолиня терпела антияпонские организации корейцев только до тех пор, пока их не подозревали в коммунистической деятельности — в этом случае от либерального отношения военщины не оставалось и следа.

В 1927 г. «Синминбу» и «Чоньйбу» начали консультации с целью создания единой организации корейских националистов Маньчжурии.

При этом военная фракция «Синминбу» (лидер — Ким Чвачин) была против слияния с «Чоныйбу», и в 1928 г. объединилась с отколовшимся от неё националистами. Они создали общество «Какусин гикай» (Конгресс реформ), противопоставив себя «Чоныйбу». Началась подготовка к организации на базе этой группировки структуры «Партия независимости».

Тем не менее «Синминбу» и «Чоныйбу» продолжали поиск путей к объединению. В марте 1929 г. собравшиеся в Цзилине представители этих группировок объявили о создании единой организации «Кукминбу» (Национальное правительство) во главе с Хён Ик Чхолом и со штаб-квартирой в уезде Нинань [3, с. 251—253].

Ким Чвачин принял решение объединиться с анархистским обществом, в результате чего в июле 1929 г. появилась организация «Объединённое корейское общество», ставшее на путь конфронтации с «Кукминбу» [3, с. 256].

В сентябре того же года состоялась конференция «Кукминбу», на которой было решено разделить сферы деятельности в националистическом движении. На «Кукминбу» возлагались функции высшего корейского административного органа Маньчжурии (разумеется, неофициального). Борьбу за независимость Кореи должны были вести специально созданные при нём Корейская революционная партия и Революционная армия. Простое разделение функций внутри одной организации ускорило идейно-политическую дифференциацию, выявило глубокие противоречия между складывающимися группировками (бюрократами и боевиками) по вопросам тактики и стратегии борьбы за независимость.

В августе 1930 г. начал работу Центральный исполнительный комитет Корейской революционной партии. Против поддержки «Кукминбу» в нём выступили националистическая фракция и коммунистическая фракция, членами которой, по-видимому, являлись мелкобуржуазные радикалы и лица, состоявшие ранее в Компартии Кореи. Члены коммунистической фракции заявили, что «Кукминбу» оторвался от народа, стал реакционным, что необходимо присоединиться к компартии, организовать крестьянские общества.

От слов лидеры оппозиционных фракций стали переходить к делу, развернув среди крестьян агитацию за свержение «Кукминбу». Крестьянские отряды в конце августа атаковали его штаб-квартиру в Мугоу и филиалы. Лидеры «Кукминбу», пытаясь найти защиту у китайских властей, поспешили сообщить последним о том, что из Цзилиня якобы прибудет много корейских коммунистов, намеревающихся

конфисковать у помещиков землю и имущество, поэтому необходимо вызвать войска и арестовать представителей коммунистической фракции в Корейской революционной партии и их сторонников в Революционной армии. Одновременно они убеждали членов Революционной армии, сохранивших верность «Кукминбу», применить военные меры против оппозиции.

В сентябре — октябре вооружённые столкновения между враждующими фракциями привели к жертвам, в числе которых было несколько националистических лидеров. Сторону «Кукминбу» в конфликте приняли китайские помещики, на стороне оппозиции находились крестьяне и корейские коммунисты [3, с. 253—254].

Националистические общества второй половины 20-х гг., образно выражаясь, являлись деревьями без корней. Их отношения с корейскими крестьянами ограничивались сбором налогов, идущих на содержание управленческого аппарата, и привлечением рекрутов в вооружённые отряды. В условиях ухудшения положения народных масс, безземельности крестьян отсутствие у националистов социальной программы постепенно отдаляло их от простых людей. Опора на тонкую прослойку корейских землевладельцев, использовавших добуржуазные методы эксплуатации и связанных с японским капиталом, была невозможна. Националистические группировки поддерживались богатыми крестьянами, частью малочисленной корейской интеллигенции, мелкими торговцами. Лозунги в поддержку возрождения Кореи привлекали под знамёна националистов патриотически настроенную молодёжь. Своей целью они провозгласили освобождение Кореи от японского колониального ига, однако на практике мало что делалось для её достижения.

Идеи объединения сил в борьбе против общего врага и даже пример сотрудничества КПК и Гоминдана в рамках единого фронта в 1924—1925 гг. не вдохновили корейских националистов и коммунистов на заключение союза. Развитие капиталистических отношений в Корею расслаивало националистов. Под влиянием Октябрьской революции, после образования в Маньчжурии корейских коммунистических организаций, революционные элементы националистических обществ стали вступать в Компартию Кореи, что в определённой степени усиливало её непролетарский характер и, как следствие, ослабляло структуру. Националистические группировки постепенно утрачивали способность к активной борьбе, принимая черты административно-бюрократических организаций. Коммунистические группировки, работающие в подполье и подвергающиеся репрессиям со

стороны китайских властей, с неприязнью относились к националистам. Работа корейских коммунистов в массах лишала националистов социальной базы, отрезала их от корейского населения Маньчжурии. Взаимное недоверие росло, переходило во враждебность, вело к конфронтации. Этот антагонизм носил классовый характер. Ряд членов Объединённого корейского общества (его лидер — радикал Ким Чвачин — был убит в январе 1930 г. членами противоборствующей группировки) активно участвовали весной 1930 г. в операциях китайской армии и полиции по ликвидации корейских коммунистических организаций в Восточной Маньчжурии [3, с. 257].

Стремясь расширить социальную опору движения, часть националистов, не удовлетворённых политикой «Кукминбу», пыталась организовать партию. В декабре 1929 г. в горных районах пров. Аньдун начала свою деятельность Корейская революционная партия [4, т. 10, с. 703]. 25 июля 1930 г. фракции, ранее отколовшиеся от «Синминбу» и «Чоньйбу», создали в пров. Цзилинь Маньчжурскую партию независимости Кореи (её центр располагался в уезде Ачэн), в состав которой входила также военная структура — Армия независимости [4, т. 10, с. 701]. В январе 1931 г. лидеры Шанхайского «Временного правительства» основали Партию независимости Кореи. Программа этой партии, наряду с призывом к консолидации сил для осуществления национального освобождения, содержала и «социализацию земли и крупных предприятий» [4, т. 10, с. 697—698]. Включение такого «революционного» пункта объяснялось, во-первых, желанием привлечь на свою сторону народные массы, во-вторых, неоднородностью состава шанхайской эмиграции, а в-третьих, тем, что 80% земли и крупная промышленность в Корее принадлежали корейским и японским помещикам, японским монополиям. По этой причине данное положение не выходило за пределы антифеодальной и антиимпериалистической программы. Допущение частного хозяйства на общей земле не мешает развитию капиталистических отношений в деревне, к тому же смысл «социализации» не был разъяснён: не было указано, кто и на каких условиях получит землю.

Одной из причин, по которой китайские власти не препятствовали деятельности националистических обществ, являлась боязнь возможного усиления коммунистического влияния в случае устранения националистов с политической арены. В то же время существование в районе с многочисленным корейским населением организации, называющей себя «Национальное правительство» («Кукминбу»), несло потенциальную угрозу появления сепаратистских тенденций. Кроме

того, легальное существование антияпонских организаций на территории Маньчжурии могло дать японским экспансионистам повод для агрессии. Все эти факторы привели к тому, что в 1931 г. (незадолго до японского вторжения) организация «Кукминбу» под давлением Японии была вынуждена объявить о самороспуске [2, с. 234]. В конце 1931 г. в Мукдене японская полиция арестовала председателя «Кукминбу» Хён Икгхола [1, р. 167], что окончательно поставило точку в деятельности этой организации.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Nim Wales and Kim San. Song of Ariran, A Korean communist in the Chinese revolution. San Francisco, 1972. 203 p.
2. Паньши дзиммин какумэйгун = Народно-революционная армия Паньши. Б.м., 1936. 189 с.
3. Сайкин ни окэру тэсэн тиан дзёкё 1934 нэн = Общественный порядок в Корее в настоящее время. 1934 г. Токио, 1966. 307 с. (репринт).
4. Тэсэн тодзи сирё = Материалы по истории управления Кореей: в 10 т. Токио, 1970—1971. Т. 1. 874 с.; т. 8. 1012 с.; т. 10. 905 с.
5. Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу = Сводный доклад о работе по умиротворению северной части Дунбяньдао. Б.м., 1937. 250 с.

УДК 930.2

С.В. ШАРГАНОВ*

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ МОНОГОРОДОВ В ИСТОРИОГРАФИИ КНР

Статья посвящена изучению проблемы дефиниции и типологизации моногородов в китайской историографии. В результате проведённого анализа китайской литературы автор установил основные определения китайского моногорода, которые используются китайскими специалистами в ходе разработки тем, связанных с ними.

Ключевые слова: КНР, историография, моногород, ресурсоориентированный город, город ресурсного типа.

---

* ШАРГАНОВ Савва Вячеславович — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: savvasharganov@mail.ru.

S.V. SHARGANOV

OVERVIEW OF THE CONCEPTS AND TYPOLOGIZATION OF THE CHINESE MONOCITIES

The article is devoted to the study of the problem of the definition and typology of monotowns in Chinese historiography. As a result of the analysis of Chinese literature, the author has established the basic definitions of a Chinese monotown, which are used by Chinese specialists in the development of topics related to them.

Keywords: China, single-industry town, typology of single-industry towns, resource-oriented city, resource-type city.

В отечественной историографии вопросы развития моногородов КНР практически не поднимались учёными-историками и экономистами. Тем не менее упоминания о проблемах моногородов встречаются в работах по региональной политике [1; 3—5; 7]. Непосредственно исследованию моногородов посвящены работы И.В. Ставрова, в которых кратко представлены основные направления политики возрождения моногородов ресурсного типа [8; 9; 10]. И.Ю. Зуенко использовал пример северо-восточного города Фусиня в контексте участия региональных властей в возрождении индустриальной базы региона [6, с. 132—134]. Целью настоящей работы является изучение дефиниции «моногород» и её типологизации в китайской историографии.

В отечественной научной литературе под моногородом чаще всего понимают муниципальное образование, имеющее одно градообразующее предприятие. Также приводят определение: это муниципальное образование, 25% жителей которого заняты на градообразующем предприятии [2, с. 12].

С.Н. Ростовцева и И.В. Манаева указывают, что применение данного термина ко всем монопоселениям является не совсем точным, так как он учитывает населённые пункты, имеющие статус города. Авторы приводят своё определение: «монопрофильный населённый пункт» — это населённый пункт, возникший на базе градообразующего предприятия, от финансового состояния которого зависит уровень социального развития населённого пункта и качество жизни населения [7, с. 14—15].

Изучая моногорода КНР следует обратить внимание на то, что в китайской научной литературе отсутствует устойчивое определение понятия «моногород». Характеристики и типологии моногородов у китайских специалистов не имеют чёткой структуры и носят фрагментарный

характер. В работах большинства специалистов присутствуют такие определения, как «моноструктурный» (даньши цзегоу чэнши, 单一结构城市), «монопромышленный» (даньши гунъе чэнши, 单一工业城市), ещё чаще в работах встречаются термины «ресурсоориентированный» (цзыюань чжуаньсин чэнши, 资源转型城市, или цзыюаньсин чэнши, 资源型城市), «моноотраслевой город» (даньши чанье чэнши, 单一产业城市) и «город старой промышленной базы» (лаогун чэнши, 老工城市). В правительственных документах и законодательных актах также не приводится чёткой дефиниции моногорода.

К примеру, понятие «моногород» на китайском языке можно записать как: 单一城镇 (даньши чэнчжэнь), 单一城市 (даньши чэнши), также 单一产业城市 (даньши чанье чэнши), что в дословном переводе означает «моногород», «монопрофильное предприятие» или «монопоселение». Особенностью китайских исследований является то, что при работе с понятием «моногород», китайцы используют термин «ресурсоориентированный город» (цзыюань чжуаньсин чэнши, 资源转型城市), что означает «город, богатый природными ресурсами». Высокая частота встречаемости «ресурсоориентированных городов» в китайской литературе связана с тем, что на данный момент они являются одними из самых распространённых типов моногородов, при этом имея наибольшее количество нерешённых проблем.

Определение «моногород» (даньши чэнши, 单一城市) не применяется в работах и официальных документах, а в интернете присутствует только на неспециализированных электронных ресурсах. Соответственно, можно предположить, что данный термин является смысловым заимствованием из других языков, однако подтверждения этому не обнаружено.

Более интересными для нас являются те понятия, которые используют в своих работах китайские специалисты. К примеру, Чжао Синью и Чжэн Гоцян приводят определение понятия «моноструктурный город» (даньши цзегоу чэнши, 单一结构城市), даже подкрепляя его английским переводом «single-structure city» и указывая, что это тип города, представленного на региональном рынке одним видом товара [12, с. 2]. Данную дефиницию они относят к работе Гарольда Инниса «Торговля мехом в Канаде: введение в экономическую историю Канады» [11]. Также авторы пишут, что чаще всего моноструктурные города представлены в виде ресурсоориентированных городов и городов старой промышленной базы. В качестве аргументов они приводят статистику по Северо-Восточному Китаю, где указывается, что на окружном уровне число ресурсоориентированных городов составляет 61,8% в соответствии с данными из «Плана устойчивого развития городов ресурсного

типа КНР (2013—2020)» [13]. Специалисты объяснили это историческими и социальными причинами, которые повлияли на масштабное образование таких городов.

В работе Чжао Синью и Чжэн Гоцяна также указано, что моноструктурные города, помимо ресурсоориентированных городов и городов старой промышленной базы, могут быть представлены транспортными (цзяотунсин чэнши, 交通型城市), коммерческими, или торговыми (шанмаосин чэнши, 商贸型城市), и комбинированными городами (цзунхэсин чэнши, 综合型城市) [12, с. 1]. Однако более подробного их описания авторы не дают. Также они привели критерии для определения упомянутых ранее двух видов моногородов [12, с. 2—3]:

1. Ресурсоориентированность — города, в основном занимающиеся добычей и первичной переработкой ресурсов. Они, как правило, стоят в самом начале производственной цепочки.
2. Капиталоёмкость — города, требующие больших объёмов инвестирования.
3. Техническая отсталость.
4. Безработица.
5. Тесные отраслевые связи, образование эффекта «замыкания» (lock-in).

Сун Дунлинь и Фань Синь в своей работе утверждают, что моноструктурный город относится к типу города, который растёт и развивается на основе собственных природных ресурсов и потребностей страны, причём основным профильным направлением города является эксплуатация, разработка и переработка природных ресурсов в регионе. Авторы также выделяют среди моноструктурных городов ресурсоориентированные и города со старой промышленной базой. Ресурсоориентированный город в основном функционирует на основе собственных богатых природных ресурсов, а его продукция зависит от сырья и его грубой переработки, в то время как причиной основания городов со старой промышленной базой чаще всего были национальные стратегии развития и потребности промышленного планирования. Города, как правило, полагались на ресурсы для переработки и производства [14, с. 55—56].

Вань Юань в газете «Жэньминь жибао» писал, что под моноотраслевым городом обычно подразумеваются районы и города, где более 40% рабочей силы участвует прямым или косвенным образом в разработке, производстве и эксплуатации одних и тех же видов ресурсов и продуктов [20]. В основном данный тип моногородов представлен ресурсоориентированными городами. Также Вань Юань приводит несколько особенностей моноотраслевых городов:

- функции администрации города и предприятия очень однородны и смешанны, что мешает развитию малого и среднего бизнеса;
- монопрофильность (город в основном работает для одного предприятия);
- постепенное истощение ресурсов, снижение доходов от их добычи или спад на товарном рынке.

Ван Юйпу указал, что в моноструктурных городах основой экономики являются добыча ресурсов и традиционные отрасли промышленности, фактически он подразделил города на ресурсоориентированные и города с традиционными отраслями промышленности (чуаньтун чанье чэнши, 传统产业城市) [19].

В вышеприведённых описаниях моноструктурных и моноотраслевых городов прослеживаются явные схожие признаки, это даёт основание предположить, что данные понятия в китайской академической среде выступают тождественными друг другу.

Стоит более подробно остановиться на ресурсоориентированных городах, в связи с относительно высокой частотой использования этого понятия в статьях китайских специалистов. Для этого обратимся к работе Ци Цзяньчжэня «Трансформация ресурсоориентированных городов». Он описал их историю формирования и становление к началу XXI в., проблемы с которыми сталкиваются такие города, способы их решения и т.д. Ци Цзяньчжэнь утверждал, что ресурсоориентированный город относится к промышленным городам, которые занимаются добычей или переработкой невозобновляемых природных ресурсов, также указывая на то, что иногда такой город называют шахтёрским (куанье чэнши, 矿业城市) [15, с. 23]. Это связано с тем, что горнодобывающая и перерабатывающая промышленность занимает основополагающее или доминирующее положение в промышленной структуре города. Производство первичных продуктов переработки и промышленности на основе ресурсов оказывает решающее влияние на развитие и упадок города [15, с. 23].

Ци Цзяньчжэнь выделяет следующие критерии для определения ресурсоориентированных моногородов [15, с. 24]:

- степень зависимости стоимости продукции (отражает зависимость городской экономики от определённой отрасли);
- степень зависимости трудоустройства (отражает зависимость городской занятости от определённой отрасли);
- степень зависимости бюджетных поступлений (в основном измеряется соотношением финансовых доходов, обеспечиваемых отраслевыми ресурсами, к финансовым доходам города);

- коэффициент централизации производства города (коэффициент концентрации городской промышленности относится к степени концентрации определённой отрасли в городе, выраженной в виде отношения масштаба отрасли к среднему по стране).

Дополним вышеперечисленные критерии принципами определения ресурсоориентированных моногородов из доклада Комиссии по государственному планированию Института макроэкономических исследований «Исследование трансформации экономической структуры китайских ресурсоориентированных городов» [16]:

1. Принцип генезиса, т.е. развитие города от начала эксплуатации ресурсов, или же, наоборот, развитие города предопределяет его приверженность к какой-либо сфере деятельности. В Китае эти модели называются «сначала ресурсы, потом город» (сянь чэн хоу куан ши, 先城后矿式) и «сначала город, потом ресурсы» (сянь куан хоу чэн ши, 先矿后城式).
2. Динамический принцип, т.е. рассмотрение этапов развития города, и подразделение его истории развития на этапы.
3. Несколько принципов количественного и качественного разделения городов:
  - 1) ВВП добывающей промышленности должен составлять более 10% от общей стоимости промышленной продукции;
  - 2) размер ВВП должен превышать 100 млн юаней для городов на уровне округов и 200 млн юаней для городов на уровне префектур;
  - 3) на работников добывающей промышленности приходится более 5% всего трудоустроенного населения города;
  - 4) число работников в добывающей промышленности должно превышать 10 тыс. для городов на уровне округов и 20 тыс. для городов на уровне префектур.

Рассмотрим критерии типологизации китайских моногородов (см. рис. 1). Прежде всего следует выделить критерий отраслевого признака. Подобный метод типологизации у Фань Синя и Сун Дунлиня называется «метод классификации по типу ведущей отрасли» [17, с. 130]. В работе Фань Синя и Сун Дунлиня присутствует метод типологизации моногородов, называемый «комплексные категории». Данный метод включает:

- индексную систему устойчивого развития ведущих отраслей;
- индексную систему возможностей устойчивого развития альтернативных отраслей;
- разделение моногородов по циклам их развития (по этапам роста, зрелости, упадка и восстановления) на основе двух вышеуказанных индексных систем [17, с. 130—131].

Рис. 1. Типология китайских моногородов

Разделение на этапы развития моногорода встречается и у других специалистов, однако единственное отличие заключается в количестве этапов.

В работе Цао Цзы «Исследование трансформации и устойчивого развития угольного города» указан расширенный цикл жизни ресурсоориентированного моногорода, включающий девять этапов: период роста, расширение ресурсной индустрии, развитие характерных отраслей, зрелость, второе расширение ресурсной индустрии, поддержка потенциальных отраслей, внедрение высокотехнологичных отраслей, упадок, внедрение новых производств [18, с. 69].

Ци Цзяньчжэнь также приводит несколько методов типологизации ресурсоориентированных моногородов:

1. По типу ресурса или отрасли города можно разделить на основанные на металлических ресурсах (железо, олово), основанные на неметаллических ресурсах (песчаник, сера, слюда), города на основе энергетических ресурсов (уголь, нефть, газ), города лесной промышленности и т.д.
2. По методу производства города можно разделить на имеющие поддержку и без неё. Это связано с принципом генезиса: если город был основан после начала добычи ресурсов, то он считается городом без поддержки, если же изначально существовал город, в котором всё с большими темпами начинает развиваться ресурсная промышленность, то эта сфера экономики постепенно своим развитием подтягивает остальные так или иначе связанные с ней сферы экономической деятельности.
3. По количеству жителей. В соответствии с действующими в Китае стандартами деления городов, выделяют мегаполисы (население более 1 млн), крупные города (от 500 тыс. до 1 млн), средние города (от 200 тыс. до 500 тыс.), небольшие города (от 100 тыс. до 10 тыс. чел.). Согласно этому делению ресурсоориентированный город также можно разделить на мегаполисы, крупные, средние, небольшие города и посёлки.
4. По стадии развития. Ограниченная извлекаемыми запасами невозобновляемых природных ресурсов отрасль проходит следующий жизненный цикл: развитие — процветание — зрелость — рецессия — ликвидация.
5. По типу разработки ресурсов. Можно выделить моноресурсные и комплексноресурсные города — в зависимости от количества типов освоения природных ресурсов. Первый — это город, в котором основное внимание уделяется эксплуатации и переработке

одного вида природных ресурсов, для второго типа характерны эксплуатация и переработка множества природных ресурсов.

6. По структуре промышленности. В соответствии с долей выходной стоимости добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности происходит деление на добывающие города, добывающие и перерабатывающие и перерабатывающие города.

Подводя итог проведённого обзора, можно заключить, что под моногородом в Китае подразумевается муниципальное образование с преобладающей промышленной составляющей (добыча ресурсов, их первичная переработка и производство товаров традиционной отрасли промышленности). Моногорода могут быть представлены различными типами, в зависимости от уровня развития профильного предприятия и альтернативных отраслей, от отраслевых признаков, этапов жизненного цикла, методов производства и численности населения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Александрова М.В. Политика возрождения старопромышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 86—94.
2. Анимиаца Е.Г., Бочко В.С., Пешина Э.В., Анимиаца П.Е. Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Фёдорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ, 2010. 81 с.
3. Зуенко И.Ю. Реализация политики центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2016. № 2. С. 4—12.
4. Иванов С.А. Северо-Восток в региональной политике центрального правительства Китая в 2000—2010-е гг. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 47—68.
5. Иванов С.А. Северо-восточные провинции в региональной политике правительства Китая // У карты Тихого океана. 2013. № 30 (228). С. 4—7.
6. История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / отв. ред.: И.В. Ставров, С.А. Иванов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
7. Ростовцева С.Н., Манаева И.В. Социально-экономическое развитие моногородов Центрально-Чернозёмного района России: проблемы и пути решения. М.: Экон-информ, 2013. 140 с.
8. Ставров И.В. «Возрождение Северо-Восточного Китая» в программных документах Пекина в начале XXI в. // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 69—87.
9. Ставров И.В. Города ресурсного типа в политике возрождения старопромышленных баз КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXII междунар. науч. конф. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 58—59.

10. Ставров И.В. К проблеме устойчивого развития моногородов КНР (на примере северо-восточного региона) // Межкультурная коммуникация в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история и современность: XIV всерос. науч. конф. молодых учёных / отв. ред.: Ю.В. Латушко, И.В. Ставров. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 15—18.
11. Innis H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Toronto: University of Toronto Press, 1930. 631 p.
12. 赵新宇, 郑国强. 东北地区单一结构城市产业转型的障碍与对策 = Чжао С., Чжэн Г. Барьеры и контрмеры для промышленной трансформации моноструктурных городов в северо-восточном регионе // 哈尔滨:学习与探索杂志. 2017. № 2. С. 1—5.
13. «全国资源型城市可持续发展规划 (2013—2020年)» = План устойчивого развития городов ресурсного типа КНР (2013—2020) // 中国政府官网. URL: http://www.gov.cn/zwggk/2013-12/03/content_2540070.htm (дата обращения: 09.03.2021).
14. 宋冬林, 范欣. «东北再振兴: 单一结构城市转型之道» = Фань С., Сун Д. Оживление Северо-Востока Китая: путь преобразования моноструктурных городов // 求是学刊. 2016. № 2. С. 54—60.
15. 齐建珍. «资源型城市转型学» = Ци Ц. Трансформация ресурсоориентированных городов. Пекин: 人民出版社, 2004. 318 с.
16. 国家计委宏观经济研究院研究报告. «我国资源型城市经济结构转型研究», 2002年7月. = Доклад Комиссии по государственному планированию Института макроэкономических исследований. «Исследование трансформации экономической структуры китайских ресурсо-ориентированных городов». Пекин, 2002. 137 с.
17. 范欣, 宋冬林. «单一结构城市的认定及其经济增长效应研究 —来自于东北地区的经验证据» = Фань С., Сун Д. Исследования по определению моноструктурного города и его влияния на экономический рост (на примере северо-восточного региона) // 学习与探索杂志. 2018. № 6. С. 127—134.
18. 曹孜. «煤炭城市转趣与可持续发展研究» = Цао Ц. Исследование трансформации и устойчивого развития угольного города: дис. ... канд. экон. наук. Далянь, 2013. 197 с.
19. 王芋朴. «东北地区单一结构城市可持续发展研究» = Ван Ю. Исследование устойчивого развития моноструктурных городов на Северо-Востоке Китая: дис. ... канд. экон. наук. Далянь, 2018. 112 с.
20. 王元. «重视单一产业性城市的可持续发展» = Обращая внимание на устойчивое развитие моноотраслевых городов // 人民网. URL: http://www.people.com.cn/rmrb/200001/11/newfiles/col_20000111001096_1lgd.html (дата обращения: 09.03.2021).

Научное издание

Итоги и перспективы развития исторической науки
на Дальнем Востоке России

Десятые Крушановские чтения, 2021 г.

Редакторы: *Д.С. Гусарова, М.С. Киселева, О.П. Кормазина,
О.Н. Мальцева, А.А. Осипова, Е.В. Откидыч, О.В. Ратуша*
Редактор электронной вёрстки *А.С. Иванов*

Выход в свет 01.06.2021 г.
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 41,60. Уч.-изд. л. 30,96.
Тираж 300 экз. Заказ 2035.
Цена свободная.

Издательство ООО «Дальнаука».
690106, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10-27.

Отпечатано в АО «ИПК «Дальпресс».
690106, г. Владивосток, пр-т Красного Знамени, 10.